

ГЕОРГИЙ
ВАЧНАДЗЕ

ПОКУШЕНИЕ

ГЕОРГИЙ ВАЧНАДЗЕ

ПОКУШЕНИЕ

**Политический детектив
о происках западных разведок вокруг
ими же сфабрикованного «дела» болгарина
Сергея Антонова, которого итальянский суд
обвинил в организации покушения на папу
римского и затем оправдал за отсутствием улик.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГАНАТЛЕБА».
ТБИЛИСИ — 1987

Книга доктора исторических наук Г. Н. Вачнадзе посвящена разоблачению одной из крупнейших провокаций против братских стран социализма.

Автор — лауреат литературной премии имени Н. Островского. Известен советскому и зарубежному читателю по книгам «Политическая пресса Франции», «Антенны направлены на Восток», «Международный обмен информацией», «Заговор против Польши?», «Чужие голоса в эфире», «Выстрелы на площади Святого Петра», «За кулисами одной диверсии» и др.

Р е ц е н з е н т: Доктор исторических наук, профессор
Я. Н. ЗАСУРСКИЙ

ПРОЛОГ

По средам папа римский дает публичную аудиенцию. Желающих попасть на нее много. Каждый четвертый верующий на земле — католик, признающий в качестве высшего духовного авторитета первосвященника римско-католической церкви. Папа стоит во главе государства Ватикан, одного из наиболее влиятельных и богатых, хотя и занимающего карликовую территорию — 44 гектара в самом сердце Рима. Вот уже более девятнадцати веков Ватикан функционирует наподобие гигантского транснационального концерна или международного объединения. Чтобы управлять национальными католическими церквами во всем мире, папы создали отлаженный управленческий аппарат, курию. Две с половиной тысячи сотрудников разных национальностей, разделенных на шестнадцать конгрегации, секретариатов и комиссий — нечто вроде министерств центрального правительства всемирной католической церкви, — занимаются проблемами церковных доктрин, церковных назначений и другими кадровыми вопросами, проблемами подготовки священнослужителей и церковного обучения, орденов и миссионерства, не католических вероисповеданий, отношений с другими христианскими церквами, с нехристианами и с неверующими, семьи и законодательства, поддержания мира. С сотрудниками ватиканской курии поддерживают регулярную связь «генералы церкви», высшие чины из числа 1,2 млн. католических священнослужителей всех континентов. Но сама курия существует для того, чтобы проводить в жизнь политику папы, избираемого пожизненно руководителем всей вышеописанной иерархической пирамиды, полновластного монарха римско-католической церкви.

Во времена понтификата Пия XII сотни верующих и туристов, желающих послушать речь папы и увидеть его воочию, заполняли просторный ватиканский собор Св. Петра. При более популярном Павле VI внутри Ватикана построили зал на восемь тысяч мест. Но и это помещение оказалось недостаточно вместительным. Начиная с октября 1978 г., с приходом «польского папы» Иоанна Павла II, архиепископа Краковского, кардинала Кароля Войтылы наплыв публики увеличился и церемонию стали проводить на открытом воздухе, у стен собора Святого Петра; на одноименной римской площади, где собирается в иные, церковные праздники до четверти миллиона людей. Обычно приходит 30-50 тыс. человек. Центр Рима оказывается по средам парализованным вереницами автобусов с иностранными туристами и верующими со всех концов Италии. В организованном порядке приводят школьников, студентов, солдат, инвали-

дов. У подходов к площади перед собором полицейские подвергают прибывших тщательному досмотру, аналогичному тому, что производится в аэропортах. Длительностью процедуры пользуются бродячие торговцы, превращающие весь район в одну сплошную ярмарку сувениров. В 17 часов, все взоры обращаются, к бронзовым воротам Ватикана. В сопровождении небольшой свиты появляется Иоанн Павел II. Подняв широко раскинутые в приветствии руки, он улыбается собравшимся, поднимается на помост и приступает к проповеди. Некоторые ее части, призывы к верующим, он зачитывает на многих языках (на 44 — во время пасхального послания папы 3 апреля 1983 г.). Собравшиеся терпеливо ждут, когда папа начнет традиционный получасовой объезд огромной эспланады. В белом облачении, стоя в белом открытом «джипе», он медленно продвигается вдоль белых деревянных барьеров, сдерживающих волнующуюся, доброжелательно настроенную толпу. .

... Папа не заблуждается относительно причин оваций. Интерес к религии повсеместно угасает во всех без исключения странах мира. Кажется; уже ничто не сможет вдохнуть жизнь в отмирающий институт, к тому же запятнавший себя во многие периоды истории причастностью к силам мракобесия и реакции, отождествлением себя с властью имущими. На воскресные мессы, церковные праздники и обряды приходит, все меньше людей в большинстве развитых государств Европы и Северной Америки. Последние десятилетия прошли для католичества в поисках обновления. Папы-реформаторы Иоанн XXIII и Павел VI направили в 60-70-х гг. римскую церковь на путь диалога с коммунистами, поддержали мирные инициативы и курс на разрядку напряженности р. международных отношениях, осудили гонку вооружений, колониализм и расизм.

Нынешний папа знает, что влияние Ватикана в мире определяют не столько весомые взносы церковью ведущих стран — членов НАТО, сколько способность сделать церковь если не глашатаем, то хотя бы посредником в деле достижения прочного мира на земле, приблизить церковь к народным массам, пойти навстречу их, чаяниям. Предыдущие папы жили замкнуто и покидали пределы Ватикана крайне редко. Всего несколько лет, назад предшественники Иоанна Павла II появлялись перед верующими, восседая на троне, который несли на плечах служки. Кароль Войтыла покончил со многими архаичными атрибутами папского протокола, проявил необычайную активность в делах пастырских и политических. За, первое пятилетие своего понтификата он объездил тридцать стран, пролетел сотни тысяч километров, немало проехал во главе автомобильных кортежей и прошел пешком. Любой буржуазный политический деятель, любая кинозвезда или рекордсмен в западном мире, позавидуют

известности папы Войтылы. Суть этого феномена в том, что католичество рассматривается массами рядовых католиков всех континентов — часто вопреки желанию самой римской курии — как сила, противоборствующая наиболее оголтелым устремлениям империализма, в первую очередь американского. Как сила, выступающая с позиций политического реализма, против угрозы ядерной войны.

...«Джип» то и дело останавливается, чтобы позволить папе перекинуться парой фраз с колоритной группой латиноамериканцев в национальной одежде, благословить тяжелобольного, приласкать ребенка, пожать протянутые руки. Именно благодаря одному из этих жестов папа спас себе жизнь 13 мая 1981 г., в 17 часов 19 минут, в среду, на этой же площади Святого Петра.

Человек в белом одеянии, стоящий в кузове застывшего на минуту открытого легкового автомобиля, конечно же это довольно, хорошая мишень. Но только в, случае, если убийца сумеет прицелиться. Но турок Агджа, стрелявший 13 мая 1981 г. в папу римского Иоанна Павла II из задних рядов, толпы на площади Святого Петра в Ватикане, не смог улучшить удобного момента — он стрелял навскидку. Перегнувшись через поручни кузова, Иоанн Павел II склонился, чтобы вернуть родителям трехлетнюю белокурую курчавую итальянку Сару Бартоли, которую он только что поднял высоко над толпой. Отдав ребенка, он погладил по головкам еще двух малышек, перед тем как выпрямиться. Папский «джип» уже трогался с места, когда прозвучали выстрелы. Папа стал медленно оседать, его подхватили на руки находившиеся в машине личный секретарь Станислав Дзивиш и камердинер Андрей Гугель.

Толпа паломников и зевак взревела от ужаса и страха. Голуби на колоннадах, обрамляющих площадь Св. Петра, взмыли в небо. Обвешанный телохранителями «джип» с не потерявшим еще сознание папой за несколько мгновений преодолел несколько десятков метров до въезда в Ватиканский дворец и остановился у медицинского пункта Мальтийского ордена. Иоанна Павла II перенесли в стоявшую наготове реанимационную машину «скорой помощи», которая с эскортом полицейских мотоциклистов помчалась в госпиталь Джемелли при католическом университете Рима.

Папа был ранен с расстояния одиннадцати метров двумя пулями из армейского пистолета девятимиллиметрового калибра огромной убойной силы. Первая пуля, выпущенная Мехмедом Али Агджой, поранив папе правую руку и раздробив две фаланги пальцев левой руки, пролетела дальше и поразила в легкая американскую туристку. Вторая пуля, так же как и первая, должна была попасть в грудь главы католической церкви, но в момент выстрела террористу что-то помешало. Рядом с Агджой

в толпе оказалась итальянская монахиня сестра Летиция, которая успела толкнуть его. Вторая пуля, изменив траекторию, прошла ниже цели, через брюшную полость и крестец папы, и затем рикошетом легко ранила еще одну туристку. Третья пуля ушла в воздух — монахиня и карабинер в штатском уже почти повисли на Агдже. На четвертом выстреле пистолет террориста заклинило; через минуту турок лежал на земле, окруженный группой агентов папской охраны, помешавшей толпе верующих тут же растерзать убийцу на части.

По дороге в госпиталь итальянские врачи стали готовить папу к операции, дали раненому кислород, сделали переливание крови, ввели аналептические препараты, восстанавливающие жизнедеятельность организма. На первом этапе главным было не допустить травматического шока с его тяжелыми поражениями сердечно-сосудистой системы. В госпитале Джемелли высокопоставленного пациента уже ждали хирурги Франческо Кручитти, Альфредо Марэн и Джиованни Салгарелло. Ведущий хирург госпиталя Ф. Кручитти узнал о ранении папы из сообщения радий, переданного через пять минут после события. Кручитти находился в больнице, расположенной в четырех километрах от госпиталя Джемелли. Он без промедления сел за руль и попытался, выбирая кратчайший путь, нарушая все правила движения, добраться до госпиталя. На ближайшем перекрестке, плотно забитом в этот час пик, его догнал на мотоцикле инспектор полиции. Увидев небольшой знак Красного Креста на ветровом стекле малолитражки, полицейский не стал требовать прав у владельца, а только перекинулся с ним на ходу парой фраз и добавил: «Следуйте за мной, я проложу вам путь». Кручитти успел вовремя, еще до приезда реанимационной машины. Бригада хирургов, ассистируемая тремя анестезиологами, личным врачом папы и другими специалистами, приступила к операции 36 минут спустя после покушения и успешно закончила ее через пять часов. Вскрытую брюшную полость осушили, откачав три с половиной литра крови, удалили тридцать сантиметров кишечника, обработали разрывы брюшины. Папа очнулся через несколько часов после операции. Состояние его было тяжелым, но не безнадежным. Он узнал подошедшего к его изголовью президента Итальянской Республики 85-летнего социалиста Сандро Пертини, не покидавшего всю ночь госпиталь Джемелли. У Иоанна Павла II хватило сил прошептать врачам: «Поблагодарите президента».

Крепкий тренированный организм 62-летнего Кароля Войтылы выдержал испытание. Положительную роль сыграли регулярные (на протяжении последних десятилетий) занятия спортом, в частности ежедневные сеансы плавания, помогавшие справиться с застарелым артрозом. Хотя Иоанн Павел II и пере-

нес немало физических страданий, но уже через три дня он смог обратиться к верующим с кратким посланием, записанным на магнитофонную пленку и переданным в эфир в воскресенье 17 мая. В Ватикане, на площади перед собором Св. Петра, во всех католических церквях мира, где продолжались нескончаемые моления за здоровье папы, раздались вздохи облегчения. Иоанн Павел II восстанавливал силы быстрее, чем это бывает обычно в подобных случаях. Собравшиеся 19 мая на консилиум пять экспертов — медиков из США, ФРГ, Франции и Испании признали успех итальянской медицины.

К сожалению, итальянские спецслужбы и юстиция работали не столь успешно. По Латеранскому конкордату 1929 г. между Италией и Ватиканом итальянская полиция обязана охранять жизнь и безопасность главы католической церкви. Но за прошедшие с той поры несколько десятилетий два папы кончили свою жизнь при таинственных и невыясненных до сих пор обстоятельствах. В 1939 г. отдал богу душу папа Пий XI, как раз накануне того, как он решился, наконец, осудить во всеуслышание развязываемую Гитлером вторую мировую войну. В 1978 г. неожиданная смерть настигла папу Иоанна Павла I, имевшего немало врагов в самой ватиканской курии. Правда, официально считается, что последним убитым папой был Григорий V, погибший от руки убийцы в 999 г. Это, конечно, не означает, что у последующих пап была спокойная жизнь. Перечисление случаев покушений на их жизнь заняло бы многие страницы. Иоанн Павел II знал о превратностях папской карьеры не хуже других, однако не хотел носить пуленепробиваемый жилет и скрываться за широкими спинами телохранителей во время массовых публичных церемоний. За неделю до покушения на него Агджи, 6 мая 1981 г., папа, обращаясь к сотрудникам «армии и полиции» Ватикана, призвал их «молиться о том, чтобы господь бог удержал насилие и фанатизм вне стен Ватикана». Эта молитва, как видно, не дошла до адресата.

Что же касается расследования трагических событий на площади перед собором Св. Петра, то ватиканская курия на протяжении всех последних лет никак не противилась тому, чтобы подлинные мотивы преступления Агджи не разглашались, истинные вдохновители и организаторы покушения на Иоанна Павла II остались в тени, а империалистические заправилы от политики, спецслужб и пропаганды разыграли вокруг этого события многолетний недостойный фарс, огульно и несправедливо обвинив социалистические страны, в первую очередь Болгарию и Советский Союз, в организации покушения на папу римского. Далее нами будут подробно описаны сценарии и действующие лица этой, к сожалению, уже не первой, а очередной «провокации века».

РАЗОБЛАЧЕНИЕ КЛЕВЕТНИКОВ

Наглая политическая провокация Запада против социалистической Болгарии связала в жесткий узел два, казалось бы, несопоставимых факта: успешный ход строительства в Болгарии общества развитого социализма и выстрелы турецкого убийцы в папу римского. Корреспондент американского информационного агентства Ассошиэйтед Пресс Ларий Гарбер принимал активное участие в кампаниях оголтелых нападок империалистической пропаганды на «цитадель международного терроризма Софию, вдохновляемую Москвой». Но после многочисленных безуспешных поисков доказательств в поддержку фальсификаций на тему о «болгарском заговоре» против папы Л. Гарбер казалось изменил свое мнение. Он заявил в комментарии АП (24.3.1983), что болгары мол возможно и не так уж повинны в том, в чем, их, обвиняют. Нынешнее процветание Болгарии, одного из самых стабильных и преуспевающих союзников СССР, писал американский журналист, послужило причиной для развязанной Западом и давними врагами болгар турками антиболгарской кампании.

Действительно, каждую весну в середине марта болгарский народ отмечает годовщину своего освобождения (1877 г.) от турецкого ига, отдавая дань благодарности помогшим им русским воинам. Сейчас Болгария, которая в недавнем прошлом была одной из самых отсталых стран Европы, действительно является высокоразвитым государством с мощным для своих масштабов экономическим потенциалом. Отсутствие за последние десятилетия кризисных политических и социально-экономических явлений в НРБ очень беспокоит Запад, что также является правдой. Но пытаться свалить с больной вашингтонской головы на здоровую, искать корни напраслины, возводимой против болгар Мехмедом Али Агджой и буржуазными борзописцами, в былых болгаро-турецких распрях, т. е. пытаться сегодня поссорить турок и болгар, недопустимо. Пример с комментарием Л. Гарбера отражает в миниатюре принципы ведения западными спецслужбами подрывной деятельности против социалистических государств.

Каковы конечные цели тех, кто изобрел и много лет эксплуатирует клеветническую версию о «болгарской причастности к покушению на папу Иоанна Павла II 13 мая 1981 г. в Риме»? Налицо стремление провокаторов разжечь своими действиями политические конфликты и недоверие на всех возможных уров-

нях. В Болгарии империалистические недруги пытаются вызвать разногласия между православными и мусульманами. В рамках социалистического содружества инициаторы покушения на папу-поляка хотели поссорить польских католиков с православием, поляков с болгарами и советскими людьми, внести раскол в болгаро-советскую дружбу. В масштабах международного сообщества вдохновители сфабрикованного западными спецслужбами «дела Антонова» вынашивали идею окончательно похоронить процесс разрядки между Востоком и Западом, покончить с движением левых сил в Италии и Турции.

Через глобальную систему средств массовой пропаганды империализм навязывает миру дезинформацию, приготовленную из толики правды, большого количества полуправды и откровенной лжи. Против этой адской смеси есть лишь одно грозное оружие — истина. Предлагаем читателю ознакомиться с ходом атак и конечным поражением западных спецслужб на основных театрах психологической войны вокруг «дела Антонова»¹.

ХОР ПЛАТНЫХ ПРОПАГАНДИСТОВ...

Первое «сообщение» о том, что за трагическими событиями у стен Ватикана на площади Св. Петра стоят социалистические страны, было опубликовано в мае 1981 г., сразу вслед за покушением на папу, в миланском буржуазном еженедельнике «Джорнале нуово». Новость была получена из анонимного «ватиканского источника», который в свою очередь ссылался на какие-то «дипломатические источники». Статья в миланской газете была подписана Майклом Лединым. Описание портрета этого американского журналиста, известного своим тесным сотрудничеством с ЦРУ, можно было бы начать с воспоминаний о том, как он . прибыл в Рим накануне смерти папы Иоанна Павла I (в сентябре 1978 г.) с целью усиленно проталкивать идею «советского заговора с целью убийства папы римского». Этот «специалист по итальянской политической жизни» был также известен как исследователь, открывший «мудрость» Бенито Муссолини, как человек, считавший, что «фашизм может быть развлечением».

Версия Ледина привлекла всеобщее внимание, когда английская телевизионная станция «Бритиш Теймз телевижн» посвятила летом 1981 г. этой теме специальную передачу, сославшись в качестве источника на «Джорнале нуово».

Британский телефильм, снятый по сценарию английского

¹ Часть материалов этой главы была любезно предоставлена автору И. А. Калабуховым.

журналиста Юлиана Маньона, начинался со сцены в одном из самых фешенебельных лондонских ресторанов. Совершенно одинокая в жизни и на экране, выбитая из колеи маленькая молодая женщина без возраста говорит несколько слов на польском языке: «Я очень боюсь, как бы это покушение на папу не было результатом советского заговора с целью раздавить движение польских трудящихся». Анна Валентынович, с увольнения которой началась забастовка на главных судоверфях Гданьска в августе 1980 г., к моменту своего пребывания в Лондоне уже была исключена из руководства польского профобъединения «Солидарность» за крайне экстремистские взгляды и неуравновешенность в политических высказываниях.

Ю. Маньона очень удовлетворило это безответственное, клеветническое заявление, на «доказательстве» которого он и построил весь телефильм. Тем более что недостатка в подобного рода провокационных заявлениях не было. В фильме шло странное телеинтервью с депутатом итальянского парламента от партии христианских демократов Франческо Машциолой, всего за две недели до этого лишившимся портфеля министра безопасности из-за скандальных связей с масонской ложей «П-2». Этот недавний политический руководитель национальных органов безопасности и разведки, находясь на отдыхе на острове Сардиния, пригласил к себе британскую съемочную группу и заявил перед телекамерами: «Итальянские власти не ошибаются, считая турецкого террориста и нефашиста Агджу исполнителем совместной воли секретных служб СССР и НРБ. Политические мотивы попыток устранения папы заставляют думать, что движущей силой покушения на папу может быть только социалистическое государство. Ведь папа уделял такое пристальное внимание и оказывал такую огромную поддержку польской «Солидарности». Британский телефильм лета 1981 г. под «ненавязчивым» и «объективным» названием «КГБ заставил стрелять в папу» подробно разработал этот мифический сюжет.

В этой связи интерес представляет свидетельство греческого публициста Маноса Хариса, собиравшего в Риме материалы для своей книги «Терроризм — любимое детище ЦРУ», изданной в 1984 г. в Афинах. Он пишет, что римские следственные органы располагают одним интересным документом. Речь идет о записке полицейского управления, в которой говорится:

«18 мая 1981 г. (т. е. через пять дней после покушения на папу. — Ред.) гражданин Даниэль Поуэкс, работающий корреспондентом американской телекомпании Эй-Би-Си, сделал в канцелярии полицейского управления следующее заявление:

«Имею поручение от моего коллеги по той же компании П. Сэлибнера передать пакет, в котором находятся фотографии,

сделанные в день покушения на площади Святого Петра, спустя несколько секунд после преступления». Он передал также письмо Сэлибнера, написанное по-английски, с пояснениями этих кадров.

Канцелярия сообщает, что на пакете, переданном Поуэксом, кроме адреса, имени и фамилии были также написанные явно другим почерком слова: «Для господина Симоне». В пакет были вложены две фотографии и отпечатанное на машинке письмо, датированное 18 мая 1981 г. В нем говорилось:

«ЦРУ располагает сведениями о том, что Советы предлагали Народному фронту освобождения Палестины взять на себя подготовку турецких террористов. Западногерманская организация «роте армие фракцией» располагает также сведениями о том, что еще три года назад обсуждался план убийства папы, который в последний момент был отменен Вади Хаддадом (лидером одной из фракций Народного фронта освобождения Палестины. — Ред.). Известно, что большая часть этого фронта контролируется Советским Союзом и что в нем состоят и турецкие террористы. Эти сведения должны натолкнуть итальянские властрг на мысль о том, что покушение на папу было осуществлено под руководством СССР».

На приложенных к письму снимках был сфотографирован молодой человек, которого американский тележурналист будто бы видел бегущим по площади сразу после выстрелов в папу с пистолетом в правой руке. К сожалению, этот юноша сфотографирован со спины, и был ли у него в руке пистолет или нет, убедиться невозможно.

«Свидетельства» Сэлибнера тем не менее свое дело сделали. Следствию были предложены одновременно три новые версии: покушение на папу было осуществлено или палестинской группировкой, или Советским Союзом, или ими обоими.

Таким образом, в первые дни после выстрелов на площади Святого Петра ЦРУ попыталось выдвинуть, в том числе через западную печать, различные версии о наличии «подстрекателей Агджи из Москвы». Но ввиду отсутствия доказательств очень скоро эта линия была изменена, и в прессе появились сообщения уже о связях Агджи с правоэкстремистскими арабскими силами. Наряду с этим ЦРУ продолжало изыскивать новые «доказательства» «причастности Москвы» к этому покушению, стремясь раздуть еще одну антисоветскую и антисоциалистическую пропагандистскую кампанию. Показательно в этом плане то, что сразу же после покушения по инициативе Вашингтона состоялся «обмен мнениями» между представителями американского и итальянского правительств. Римская полиция получила затем инструкцию направить ход следствия до делу Агджи в сторону его «связей» с социалистическими странами. Вскоре, как

поведала газета «Нью-Йорк таймс», итальянский министр внутренних дел В. Роньони сообщил резидентуре ЦРУ в Риме, что «итальянцы известили Агджу об их нежелании содержать его долго в одиночной камере. Это означало для Агджи перевод в общую камеру, где его наверняка бы прикончили».

В дальнейшем события разворачивались следующим образом.

В сентябре 1981 г., используя в качестве предлога свое участие в ежегодном празднике зрителей тюрем, монсеньор Морганте, высшее духовное лицо из города Асколи, попросил разрешения поговорить с террористом, совершившим покушение на папу Иоанна Павла II. Эта беседа продолжалась около двух часов, и о содержании ее никому ничего не известно. Впоследствии его контакты с Агджой стали систематическими и осуществлялись через тюремного священника Сантини.

29 декабря 1981 г. операция, задуманная ЦРУ и итальянскими спецслужбами, вступила в новую фазу. Турецкого террориста посетили майор Петручелли из службы военной контрразведки министерства обороны и доктор Боннагура из министерства внутренних дел Италии. В первый же свой визит они довольно долго находились в камере Агджн. Что им нужно было от него и что они предложили ему взамен? Первые в известной мере правильные выводы можно было сделать уже месяц спустя.

2 Февраля 1982 г. адвокат Пьетропаоло из города Асколи, который был в свое время защитником Агджи, приглашает своего бывшего клиента сотрудничать с чиновниками, ведущими следствие. Адвокат делает это по поручению все того же Роньони, сообщив Агдже, что на основании готовившегося в то время в Италии закона (принят 20 мая 1982 г.) наказание раскаявшимся террористам может быть смягчено, если они окажут помощь следственным органам. Агдже пообещали, очевидно, что срок заключения для него будет уменьшен до 10 лет, если он начнет «говорить». Агджа воспользовался случаем и начал говорить «правду», продиктованную ему сотрудниками ЦРУ и их итальянскими коллегами.

Согласно новому «признанию» Агджи, сделанному им в ноябре, указание убить папу Иоанна Павла II, а также деньги и оружие он получил от «болгарских агентов». Он назвал также имена своих сообщников — пяти турецких и трех болгарских граждан. В их числе был служащий болгарской авиакомпании «Балкан» в Риме Сергей Антонов, который на основании этого доноса был 25 ноября 1982 г. арестован итальянскими властями,

В течение февраля-марта 1982 г. агенты итальянских спецслужб снабдили Агджу «разоблачающими материалами», которые якобы доказывали причастность Антонова и его болгарских коллег к покушению на папу Иоанна Павла II. «Серый волк» получил тогда подробные данные относительно внешнего вида

автомобилей, принадлежащих представительству болгарской авиакомпании в Риме, а также внутреннего расположения и мебелировки квартиры С. Антонова и сотрудника посольства Болгарии в Риме Т. Айвазова. Это было нетрудно сделать, потому что начиная с осени 1981 г. квартиры Антонова и Айвазова в Риме трижды были взломаны, о чем болгарское посольство своевременно известило итальянские власти. Однако о результатах соответствующих расследований ничего не известно, и «воры», конечно, до сего времени не пойманы.

Хотя алиби Антонова и его болгарских коллег было неопровержимо доказано свидетелями, никак не связанными друг с другом, являющимися гражданами Италии и других стран, сам он пробыл довольно долго в тюрьме и только в конце декабря 1983 г. был на непродолжительное время освобожден, оставаясь под домашним арестом, затем снова переведен в тюрьму и только значительно позже вновь отпущен по состоянию здоровья под домашний арест.

Это может показаться странным, но факт остается фактом задолго до, того, как Агджа заговорил о «причастности Болгарии» к организации покушения на Иоанна Павла II, эта версия получила довольно широкое хождение по страницам западной печати. Однако, как говорится, все станет на свои места, если приглядеться к тем, кто запустил эту пропагандистскую «утку». Первым взялся интерпретировать покушение на папу на «болгарской лад» бывший резидент ЦРУ в Турции американец Пол Хенци. Еще в декабре 1981 г. он сочинил для журнала «Атлантик коммьюнити» сенсационный опус, в котором утверждал, будто Агджа вовсе не турецкий неонацист, а замаскированный под «серого волка» секретный агент неких «левых экстремистов» и вдобавок «Советов», Какие же тому доказательства вдруг появились у ЦРУ? В статье Хенци пет ни единого. Не считая • предложения, содержащего провокационный намек: «Насколько известно, Агджа провел в 1980 г. некоторое время в Болгарии». Именно эта инсинуация ЦРУ оказалась тем камешком, который впоследствии на Западе превратился в лавину всевозможных антисоветских домыслов о ватиканском покушении.

Вскоре к Хенци подключилась американская журналистка Клэр Стерлинг. Весной 1982 г. она опубликовала в американском журнале «Ридерс дайджест» статью, в которой отмечалось, что покровителей Агджи якобы надо искать в Болгарии и Советском Союзе. Впоследствии к Стерлинг присоединились еще два американских журналиста — Майкл Ледин и Роберт Мосс.

Несколько слов о Стерлинг и ее коллегах. Сама она была завербована ЦРУ в Риме еще в 50-х гг. Дж. Энглтоном, который позже был назначен начальником департамента контрразведки ЦРУ и ушел в отставку в 1975 г. Стерлинг, в свою очередь, яви-

лась посредником при найме на работу в ЦРУ антисоветчика Ледина, который по указанию Лэнгли сотрудничал в итальянской газете «Джорнале нуово». Недавно Ледин был назначен помощником посла по особым вопросам Вернона Уолтерса, кадрового разведчика в прошлом заместителя директора ЦРУ. Известен также своими связями с ЦРУ и Моссом.

Что же касается Хенци, то, запустив пробный шар в «Атлантик коммьюнити», он начинает выуживать новые «улики» о «болгарской причастности» к покушению на папу римского, ради чего собирает разные кривотолки в Вашингтоне и Риме, Стамбуле и Анкаре. Под видом «частного лица» он несколько раз приезжает в Турцию, где не только «собирает» дополнительные данные о заговоре против Иоанна Павла II, но и участвует в разного рода «семинарах» и даже устраивает в январе 1983 г. в американском культурном центре в Анкаре пресс-конференцию на тему «Терроризм и дело Агджи». Все эти мероприятия широко комментируются местной и зарубежной печатью, а вот о том, что есть все основания подозревать Хенци в причастности к убийству турецкого журналиста Ипекчи, «почему-то» ничего не сообщается. Между тем из дневника Ипекчи, который был найден после его убийства, становится ясно, что он встретился с Хенци 13 января 1979 г. — за месяц до своей гибели. Имеются также данные, которые доказывают, что они встречались и раньше.

Но вернемся к антисоциалистической пропагандистской кампании, инспирированной ЦРУ по поводу «дела Антонова». В сентябрьском номере журнала «Ридерс дайджест» за 1982 г. была опубликована очередная клеветническая статья Стерлинг. Вслед за этим телекомпания Эн-Би-Си показала специально сфабрикованный документальный фильм о событиях, происшедших на площади Святого Петра, где в качестве «заслуживающих доверия консультантов» были представлены Стерлинг и Мосс. Как сообщалось, в создании этой ленты активно участвовало ЦРУ. Затем последовали провокационные слушания на тему о судебном процессе над Агджой, которые были организованы в подкомиссии сената США по безопасности и терроризму. Туда в качестве свидетелей были приглашены все те же Стерлинг, Ледин и Мосс.

Анализируя нараставшую лавину антисоциалистических выступлений средств информации Запада, американский журнал «Каверт экшн» писал: «Нас хотят заставить поверить в то, что вся эта клевета, всячески рекламируемая и распространяемая Стерлинг, Лединым и Моссом, вдруг обратилась в «правду». Все аргументы относительно «болгаро-советского заговора» с целью убийства папы опираются либо на ложные измышления Стерлинг, либо на информацию Стерлинг, на которую ссылаются

Мосс и Ледин. А Стерлинг, в свою очередь, цитирует Мосса и Ледина. Во всем этом грязном деле ясно видны клеветнические усилия, исходящие из Лэнгли».

«Открытия» Стерлинг о «болгарском следе» подхватили и стали повторять бесконечно в самых нелепых вариациях очень многие западные органы печати, особенно итальянские и французские. Статью Стерлинг, еще до выхода из печати номера «Ридерс дайджест», тысячекратно повторили, упомянули, прокомментировали в передачах на языках народов социалистических стран подрывные империалистические радиостанции. И доли сомнений не сквозило в их чудовищных обвинениях в адрес социалистической страны. Вот образчик передачи такой клеветы радиостанцией «Немецкая волна» (18.8.1982) на русском языке:

«По сообщениям американского журнала «Ридерс дайджест», Мехмеда Али Агджу, обвиняемого в покушении на папу Иоанна Павла II, ошибочно называют приверженцем правозащитных групп. На самом деле, стреляя в папу, Мехмед Али Агджа исполнял давно задуманный коммунистами план. Журналистка Клэр Стерлинг пишет, что оружие, из которого Агджа стрелял в папу, и фальшивые документы он получил в Болгарии. В этот заговор Агджу втянули и познакомили со всеми деталями дела друзья находившегося в Софии профессионального убийцы.

Совершая покушение на папу, коммунисты преследовали и другую цель, пишет Клэр Стерлинг. Они хотели показать всему христианскому миру, что Турция якобы является иностранной, враждебной страной и ей нет места в НАТО. Именно поэтому выполнение задуманного плана было поручено, турку, несмотря на то, что он был известен как фашист и убийца. Одна из наиболее уважаемых в Европе (это по словам «Немецкой волны». — Ред.) журналисток Клэр Стерлинг опубликовала в американском журнале «Ридерс дайджест» обширную статью, посвященную в основном описанию болгарского участия в деле покушения на папу. Тот факт, считает она, что Агджа около 50 дней находился в Болгарии, сам по себе достаточен для того, чтобы вызвать подозрения по поводу его будущих действий».

Корифей желтой прессы, провокатор на содержании ЦРУ, Стерлинг находилась в зените сомнительной скандальной славы, чувствуя себя звездой хорошо разыгранного спектакля, в котором убийце Агдже тоже была предоставлена одна из ведущих ролей. Согласно широко распространяемым сообщениям телеграфных агентств, Агджа из своей камеры в тюрьме в Асколи-Пичено, где он должен был содержаться в строгой изоляции, не получать газет, не слушать радио и не иметь доступа к иным ис-

точникам информации, начал подтверждать обвинения, выдвинутые Стерлинг. И все это становилось достоянием прессы при посредничестве итальянской тайной полиции в нарушение всей международной практики. Некоторые члены итальянского правительства почему-то решили поверить осужденному убийце. Что же это такое? Сила печати? Нет, это сила тех, кто стоит за спиной Клэр Стерлинг! Она придерживается той точки зрения — и видимо правильно — что Агджа не мог действовать самостоятельно. И тем более очевидно, что и сама Клэр действовала не самостоятельно.

Осенью 1982 г., вслед за статьей в «Ридерс дайджест» за подписью Стерлинг под эгидой ЦРУ была осуществлена очередная акция в антиболгарской пропагандистской кампании. 21 сентября в 10 часов вечера по нью-йоркскому времени десятки миллионов телезрителей североамериканского континента увидели загодя широко разрекламированный полнометражный фильм — расследование о мотивах покушения Агджи на папу римского. В первых кадрах на фоне огромных, на весь телеэкран, черных глаз перед зрителем медленно совмещалась прорезь прицела и мушка, явственно проступали очертания фигуры в белом, которая мгновение спустя после выстрела начала медленно оседать. Неточное, стилизованное воспроизведение сцены покушения на площади Св. Петра было, несомненно, и самым правдивым местом в фильме «Человек, который стрелял в папу. Исследование террора», который был представлен как результат девяти месяцев трудов двух ведущих продюсеров и репортеров американской телевизионной компании Эн-Би-Си Билла Маклафлина и Марвина Калба. Съёмочные группы Эн-Би-Си работали в 15 странах Западной Европы и Средиземноморья. Этот телефильм еще до его окончания (случай уникальный) был закуплен многими капиталистическими странами и стал антисоветской сенсацией.

Самыми «убедительными» в нем были... клеветнические газетно-журнальные заголовки, которыми буржуазная пресса щедро анонсировала его выход. В самом фильме никаких доказательств участия СССР и НРБ в покушении на папу не было, и это обстоятельство признавал Марвин Калб в последних кадрах теле-фальшивки Эн-Би-Си: «Неоспоримых свидетельств нет, есть на- г. меки, мнения, совпадения — убеждения, наконец». Для отрав-ления массового сознания в духе стереотипов, законов самой злобной и беспардонной антисоветской пропаганды сделано было вполне достаточно. Комплексное, тотальное использование всех каналов массовой буржуазной пропаганды давало возможности для большой дезинформации и... шантажа. Комментаторы фильма и многие буржуазные журналисты, например «Фигаро-магазин» (25.9.1982), были единодушны в том,

что «дни Агджи, этой заброшенной всеми марионетки, безусловно, сочтены». Для турецкого террориста перед его публичным дебютом с клеветой на Антонова эти слова должны были стать серьезным предупреждением, угрозой и в то же время убедить его в том, что при поддержке западной прессы и спецслужб он сумеет заставить поверить суд и общественное мнение в лую, даже самую фантастическую клевету.

В распоряжение съемочной группы были предоставлены, в обход итальянского законодательства, все показания Агджи с клеветой на болгар. Использовались и другие источники информации. В частности, огромное количество фото- и киноматериалов о покушении, из которых режиссеры Эн-Би-Си выбрали и вмонтировали в свой фильм кадры, послужившие потом судье И. Мартелле основанием для ареста С. Антонова. Из огромного количества фотографий многотысячной толпы на площади у ватиканского собора в день покушения специалисты по фотомонтажу выбрали одну, на которой можно увидеть человека, лицом якобы похожего на С. Антонова. Размноженная в миллионах экземпляров эта фотография с обведенным в кружок лицом усатого брюнета в больших очках в темной оправе обошла мировую прессу. Марвин Калб впервые использовал в своем фильме эту фальшивку, благодаря ему она просуществовала довольно долго. Впоследствии он путанно объяснял, что один, мол, американский сенатор «получил эту фотографию в Ватикане и передал ее ЦРУ, которое в свою очередь вручило ее судье И. Мартелле 6 октября 1982 г. во время его посещения Вашингтона. Фактически присутствие человека в многотысячной толпе верующих и просто любопытных абсолютно не доказывает, что непременно он является участником преступления. Но ко всему прочему и кружок на фотографии оказался подделкой. Судебные эксперты в Риме без труда определили, что человек на фотографии весьма отличается от Антонова, и даже потом сумели установить фамилию этого попавшего в историю «холодной войны» американского туриста. Марвину Калбу пришлось оправдываться. Но о Калбе — фальсификаторе, написавшем в свое время книгу о Г. Киссинджере и ухитрившемся даже не упомянуть при этом ни о его роли в операциях против Чили и Альенде, ни о его связях с ЦРУ, речь еще впереди.

Упомянувшийся выше греческий журналист Манон Харис в своем исследовании о «деле Антонова» весьма подробно остановился на анализе стиля изложения и подачи материала в телефильме Эн-Би-Си «Человек, который стрелял в папу». «Вот характерные, на мой взгляд, — пишет М. Харис, — черты этого стиля: информация подается без малейшей попытки оценить ее достоверность и степень ее отношения к делу; лишь некоторые

из обобщений основаны на реальных фактах, другие же представляют собой чистейший вымысел; совпадение событий по времени принимается за доказательство существования между ними причинно-следственной связи. При этом считается, что история приводится в движение лишь волей кучки отпетых негодяев, наделенных большой долей сообразительности. Эти люди дергают за ниточки, как в кукольном театре, а обманутые миллионы действуют по их приказу».

Агджа в этой телепрограмме Эн-Би-Си от 21 сентября 1982 г. подавался как «жертва заговора Болгарии и СССР». Этот фильм показывался массовой аудитории в сентябре 1982 г., а затем в значительно переделанном виде повторно демонстрировался в самом начале 1983 г. Эти телепрограммы не только оказали определенное влияние на население западных стран, но и задали тон большей части капиталистических средств массовой информации в их освещении «дела Антонова».

По подсчетам М. Хариса, интересующий нас фильм Эн-Би-Си включал в себя в первой версии следующие наиболее вопиющие нарушения норм журналистского расследования:

Явные домыслы и намеки	— 10
Исключительно личные мнения и оценки	— 13
Выводы, основанные на не ставших достоянием гласности фактах	— 11
Заявления, основанные на сокрытии фактов	— 19
Факты, которые Эн-Би-Си игнорирует при формулировании своих выводов	— 16
Явно ошибочные сообщения о фактах, которых в действительности не было	— 6

Изначальный «технический» прием Эн-Би-Си, а также Стерлинг и ее коллег состоит в создании определенной атмосферы путем нагромождения подробностей (часто не имеющих отношения к делу), намеков, связей, гипотез и вероятностей, а также в бесконечных ссылках на анонимные источники. Например, Эн-Би-Си замечает: «Левые организации также имели сильную опору в Малатье. Одним из их руководителей был Теслим Тор. Это имя полезно запомнить». В дальнейшем Тор вновь упоминается в программе Эн-Би-Си, когда Агджа в одном из своих признаний вытаскивает на свет имя своего земляка из «левых». Можно вспомнить также, что по рекомендации своих вдохновителей Агджа называл себя «прокоммунистом и пропалестинцем» и в письме в турецкую газету «Миллиет», в котором сообщает о намерении убить папу римского. Может ли Агджа, человек крайне правых убеждений, которого мировая печать характеризует не иначе как «одиозного лгуна», быть достойным доверия свидетелем в этом вопросе? А может

быть, заметив, что такое-то имя «полезно запомнить», Эн-Би-Си искусственно создает впечатление, что кто-то из «левых» является важной фигурой, одновременно не давая зрителю возможности оценить степень достоверности источника?

Тот же эффект достигается путем опроса отобранных свидетелей — итальянцев и жителей Ватикана — с целью выяснения их мнения относительно «болгарской причастности» к покушению на папу Иоанна Павла II. Большинство из них лишь слышали о существовании некоего международного заговора, но при этом ничего не знают ни о каком «болгарском следе» в деле Агджи. Однако Эн-Би-Си умело использует весь этот словесный туман в качестве фона для выгодного ей сценария.

Одним из главных инструментов подобных журналистских «исследований» является использование «фактов», полученных от западных секретных служб. Между тем давно установлено, что последние фабрикуют и подбрасывают фальшивки в неограниченном количестве в надежде на то, что хотя бы одна из них позволит им получить желаемый эффект.

Бывший кадровый сотрудник ЦРУ Ральф Макгихи писал в свое время, что ЦРУ «беспреданно лжет», что «дезинформация составляет важную часть секретного круга его деятельности, а американскому народу отводится роль главной аудитории, для которой эта ложь предназначена». Другой бывший агент ЦРУ Говард Хант, замешанный в «уотергейтском деле», с ведома ЦРУ даже подготовил документ с целью обвинить бывшего президента США Джона Ф. Кеннеди в причастности к убийству южно-вьетнамского диктатора Нго Динь Дьема. И если уж ЦРУ лжет, пытаясь опорочить президента Соединенных Штатов, то можете себе представить, на что оно способно по отношению к своим противникам за рубежом.

В Соединенных Штатах и в Западной Европе Клэр Стерлинг считается экспертом в вопросах терроризма, и Эн-Би-Си привлекла ее в качестве консультанта при подготовке своего фильма. Неудивительно, что подобное сотрудничество привело к нагромождению лжи и дезинформации о наличии «болгаро-советского заговора» против папы римского. Так, в упоминавшейся уже статье, опубликованной в «Ридерс дайджест» в сентябре 1982 г., Стерлинг утверждает, что Советский Союз стремится дестабилизировать положение в Турции, используя террористов как правого, так и левого толка и тратит на это свыше 1 млрд. долларов. Тот же самый набор ложных утверждений фигурирует и в телефильме Эн-Би-Си. Там, к тому же со ссылкой на турецкие секретные службы, выдвигается версия о том, что Агджа прошел подготовку в лагере ООП. Неплохо бы спросить авторов

фильма, на чем основано их доверие к «информации турецких, итальянских и американских спецслужб.

Разве эти службы никогда не лгут? Чем доказать правдивость их утверждений?

Разве нельзя допустить, что журналистов использовали в качестве разносчиков дезинформации?

Для Эн-Би-Си, кстати, как и для итальянских следственных органов, ключевым свидетелем является сам Агджа. При этом тот факт, что он смог узнать на предъявленных ему фотографиях работающих в Риме болгарских граждан и описать интерьер их квартир, служит «подтверждением» версии о «болгарском заговоре».

Попытаемся здесь умозрительно представить, что бы случилось, если бы Агджа был арестован не в Риме, а в Москве и после шестимесячного содержания в тюрьме заговорил бы о «причастности» сотрудников американского посольства к покушению на жизнь какого-нибудь видного деятеля, «подтвердив» свое признание тем, что «узнал» кого-то на фотографии. Отнесли бы на Западе всерьез к такому признанию? Разумеется, нет. Другое дело, когда речь идет о «причастности Москвы и Софии». Ведь там не разделяют западной системы ценностей и, следовательно, угрожая, могут заставить опознать заговорщиков, в отличие, скажем от итальянских следователей, которые, руководствуясь «истинными» понятиями о добре и зле, никогда на подобное не пойдут.

В действительности Агджа сделал множество противоречащих одно другому признаний. Но это не смутило Эн-Би-Си, которое объяснило его первоначальные показания попыткой прикрыть своих соучастников. В дальнейшем же Эн-Би-Си ловко использует различные признания Агджи, сообразуясь с требованиями момента, и при этом «забывает» отметить следующие обстоятельства:

1) Агджа постоянно отрицал какую бы то ни было причастность к неонацистской партии национального действия (ПНД), с которой он был связан многие годы.

2) Болгарские граждане начали фигурировать в показаниях Агджи лишь после визита в его камеру представителей итальянских спецслужб. Кроме того, уже упоминавшийся закон «о раскаявшихся» террористах позволял Агдже надеяться на сокращение срока заключения после того, как он начал оказывать следствию (но только ли следствию) помощь.

3) Версия о «причастности болгарских граждан» целиком построена на показаниях самого Агджи, и нет оснований быть уверенным, что они не были отрететированы заранее;

4) Не только ЦРУ, но и итальянские правые, прежде всего в полиции, судебных и законодательных органах, были весьма за-

интересованы как с идеологической, так и с практической точек зрения в том, чтобы пристегнуть к делу о покушении на папу «красных».

Ни одно из перечисленных выше обстоятельств не объясняется в фильме Эн-Би-Си и многих других материалах средств массовой информации Запада. В лучшем случае они просто кое-где упоминаются, но кратко и мельком. Все сходится на том, что Агджа, «озлобленный предполагаемым предательством своих болгарских сообщников», решился в конце концов рассказать «правду».

Незадолго до покушения итальянская полиция подслушала телефонный разговор, в котором Агджа подтверждал, что получал деньги от Мусы Сердара Челеби. В своей версии Эн-Би-Си упоминает о контактах между ними, но ничего не говорит о том, что Челеби был одним из главарей турецкой ПНД. Эн-Би-Си часто упоминает о денежных суммах, которые легко оказывались в руках Агджи, как того и требовало чье-то таинственное присутствие (например, Москвы). В то же время фильм умалчивает о денежных фондах «серых волков» и не рассматривает вероятность того, что Агджа, готовивший, как сейчас стало известно, покушения еще на двух лиц во время своего пребывания в Западной Европе, был замешан в контрабандной торговле, являющейся одним из основных источников доходов ПНД. Ведь это как раз и может служить объяснением его материальной обеспеченности.

Эн-Би-Си утверждает, что побег Агджи из тюрьмы «Картал Малтепе» в 1979 г. является «загадкой». Но один из свидетелей, фигурирующих в фильме Эн-Би-Си, входивший в свое время в организацию «серые волки», заявил следующее: «Эта история мне доподлинно известна. Именно «серые волки» организовали побег Мехмеда Али Агджи из тюрьмы в Турции, а затем и его беспрепятственный переезд в Европу». Следовательно, вопрос заключается лишь в том, кто помог «серым волкам» организовать столь дерзкую акцию. Судя по некоторым сообщениям мировой печати, к этому приложило руку ЦРУ, а возможно, и турецкая служба безопасности — МИТ.

Эн-Би-Си, разумеется, в курсе того, что по меньшей мере трое сообщников Агджи сидят в настоящее время в турецкой тюрьме за пособничество в организации его побега, а на первых порах подозреваемых было еще больше. Эн-Би-Си знает, что на самом деле в побеге Агджи из тюрьмы нет ничего загадочного, но сознательно уходит от объяснения этой «загадки». Ранее в одной из статей Стерлинг в «Ридерс дайджест» побег Агджи рассматривался в связи с неким «радикально настроенным» министром внутренних дел Турции. Вероятно, потому, что выяснилось, что данный министр лишился своего портфеля за много

недель до побега, Эн-Би-Си не решилась включить в свою версию это «открытие» Стерлинг.

Далее Эн-Би-Си утверждает, что единственной альтернативной причиной, по которой Агджа мог быть заинтересован в убийстве папы, помимо основной версии, в соответствии с которой он действовал в качестве платного «агента Кремля», могла быть его фанатичная приверженность исламу. «Доказав» тут же, что Агджа не был фанатиком, Эн-Би-Си обращается к якобы единственной оставшейся альтернативе — «болгаро-советской причастности».

В действительности же Эн-Би-Си известно, что Агджа грозился убить папу еще в 1979 г., вскоре после своего побега из тюрьмы. Он писал тогда в письме в газету «Миллиет»: «Опасаясь создания на Ближнем Востоке новой политической и военной силы в лице Турции и братских арабских государств, западный империализм направил в Турцию своего переодетого религиозным лидером эмиссара — крестоносца Иоанна Павла». Несмотря на то, что точно неизвестно, какими мотивами руководствовался Агджа, когда послал свою первую угрозу и позднее, когда стрелял в папу, в его письме отчетливо просматривается влияние философских взглядов партии национального действия. Вспомним, что Агджа был тесно связан с этой турецкой неофашистской партией еще с юных лет. И есть все основания полагать, что турецкие неофашисты были того же мнения об акции Агджи, что и его брат, слова которого приводит Эн-Би-Си: «Я не считаю брата террористом, он — боец». Это ясное указание на симпатию, питаемую по отношению к определенной политической акции, но Эн-Би-Си никак не комментирует высказывание брата Агджи. Это обстоятельство не вяжется и с легендой той же американской телекомпания, по которой Агджа был лишен как политических, так и религиозных убеждений и поэтому легко мог быть завербован в качестве наемного убийцы.

Как отмечают многие объективные наблюдатели, заключение Антонова в тюрьму объясняется исключительно тем, что Агджа опознал его на предъявленных ему фотографиях, знал номера телефонов предполагаемых «заговорщиков» из болгарского посольства и смог описать интерьер квартир Антонова и его болгарских коллег, а также ряд встреч, в том числе ту, на которой присутствовали жена и дочь Антонова.

Однако адвокат Антонова представил доказательства, из которых явствовало, что жена и дочь Антонова находились за пределами страны в тот день, когда, по утверждению Агджи, произошла эта встреча. Среди этих вещественных доказательств были паспорт со штемпелями виз и запись о пребывании в одном из moteley Югославии, удостоверенная югослав-

ским правительством. Не представляется заслуживающим доверия и утверждение Агджи о том, что заговор с целью убийства папы Иоанна Павла II разрабатывался в римской квартире болгарского гражданина Айвазова, к которому он якобы зашел за оружием и бомбой перед тем, как направиться на площадь Святого Петра. Дело в том, что квартира Айвазова находилась в здании, которое является собственностью болгарского посольства и охраняется итальянской полицией, поэтому посторонние без соответствующего разрешения туда проникнуть не могли.

Кроме того, Агджа допустил ошибку при описании внешности Антонова, сказав, что у того были борода (а это лишь сейчас соответствует действительности) и усы. Адвокат Антонова представил свидетельские показания и фотографии, из которых явствует, что в мае 1981 г. у Антонова не было ни бороды, ни усов.

И наконец, что можно сказать о поразительной памяти Агджи, который после полутора лет содержания в одиночной камере лог повторить с полдюжины телефонных номеров?

Не желая делать правильного вывода о том, что версия гипотетическом «болгаро-советском заговоре» оказалась в конечном счете негодной, Эн-Би-Си точно так же не считает нужным рассмотреть другие возможные варианты мотивов покушения. Между тем альтернативная версия, объективно соответствующая еальному ходу событий, могла бы сформироваться при непредвзятом рассмотрении вопроса о том, кому была выгодна смерть папы Иоанна Павла II. В этот круг можно было бы включить ЦРУ, и правые политические силы Италии, и некоторые другие экстремистские группировки и организации на Западе. Убийство апы римского, особенно приписанное Кремлю, явилось бы для их манной небесной. Вот вам серьезный мотив с явной возмож-остью получения реальной выгоды. А в том, готово ли ЦРУприбегнуть к убийству в политических целях, сомневаться не приходится.

Весьма показательно, что в октябре 1982 г. государственный секретарь США Дж. Шульц поведал на одной из пресс-конференций об имеющихся «положительных сдвигах в проведении специальных операций» ЦРУ против социалистических стран и в качестве примеров привел совершенствование «нелегальной борьбы», акций саботажа и методов психологических диверсий. Западногерманская печать писала в то время, что Шульц имел виду прежде всего операцию «Ватикан» (так некоторые журналисты окрестили заговор ЦРУ против папы римского), с помощью которой Вашингтон рассчитывал скопрометировать социалистические государства перед общественностью стран — членов НАТО и нанести удар по разрядке в Европе. Осуществ-

ляя эту акцию, американская администрация взяла на прицел и мадридскую встречу, где ее попытки воспользоваться событиями в Польше для оказания давления на социалистические страны приносили желаемых результатов, а главное, старалась любой ценой заполучить «доказательства» причастности Москвы к «международному терроризму».

Но Эн-Би-Си, впрочем, как и другие рупоры империалистической пропаганды, не желает стать на путь объективного анализа причин и последствий покушения на папу римского, упорно придерживаясь построенной на инсинуациях версии о «болгарской причастности». Причем в своих потугах приписать это покушение социалистическим странам организаторы антисоветской пропагандистской кампании доходят иной раз до абсурда. Солидная, казалось бы, «Нью-Йорк тайме» всерьез разглагольствует: «Москва, озабоченная тем, что папа-поляк Иоанн Павел II может поддержать в Польше профобъединение «Солидарность», попросила болгарскую секретную службу в 1979 г. подыскать кого-нибудь, кто в дальнейшем сможет убить папу». Да, но ведь столь дорогая джентльменам из «Нью-Йорк тайме» польская «Солидарность» возникла на исходе лета 1980 г.! Какой же демонический пророк мог предугадать в 1979 г., как отнесется папа к несуществующей субстанции? К тому же, как писала турецкая газета «Джумхуриет», «убийство папы не реши-И бы польских проблем, а, наоборот, осложнило бы их».

Кстати, попытка использовать «польские мотивы» для подтверждения обвинений против болгарских граждан была принята и самим Агджой. Продолжая свою тактику наговоров, он пытался обвинить Антонова в организации покушения на польского профсоюзного лидера Леха Валенсу во время пребывания последнего в Риме. Эта ложь, однако, ударила бумерангом по самому Агдже: следствие предъявило ему обвинение клевете.

Но вернемся к казуистическому «исследованию» Эн-Би-Си. Выстраивая доводы в пользу своей версии покушения на папу, Эн-Би-Си заявляет, правда, что какая-то часть ее выводов основывается на «косвенных доказательствах». В действительности, единственным достоверным фактом, на который опираются ее рассуждения, является то, что в течение полуторагодового периода между своим побегом из турецкой тюрьмы и покушением а папу Агджа провел какое-то время в болгарской столице. Используя это обстоятельство, Эн-Би-Си и пытается доказать, что Агджа являлся «агентом Москвы».

По мнению Эн-Би-Си, Агджа якобы был «завербован» еще в Турции до его ареста по обвинению в убийстве Ипекчи и задолго до его появления в Софии. Однако ни одного факта, ко-

торый бы указывал на наличие каких-либо контактов Агджи с болгарскими или советскими «агентами» в этот период, она не приводит. Версия Эн-Би-Си основывается, таким образом, исклю-льно на домыслах (неизвестного происхождения крупные суммы денег, какой-то сложный тест, которому был подвергнут Агджа; версия, что «Советы могли завербовать его тайно» и т.п.).

Эн-Би-Си указывает также на письмо направленное папой советскому руководству в связи с событиями в Польше, которое, как утверждают авторы «исследования», привело к материализации «кремлевского заговора». Но ведь Агджа грозился убить папу еще в 1979 г., то есть до того, как папа написал это письмо. Не правда ли, какая поразительная «проницательность» Агджи: будучи уже тайно «завербован Советами» для возможного использования в будущем, он смог интерпретировать неведомую волю своих хозяев еще до того, как их мысль окончательно сформировалась!

Но в мире западной пропаганды «ничто не остается необъясненным». Поэтому, говоря об этой столь «преждевременной» угрозе папу, Эн-Би-Си заявляет, что Агджа сделал это не по приказу своих хозяев, а исходя из своих «религиозно-фанатичных» убеждений. В итоге поистине невероятное совпадение: Агджа, сам пожелавший убить папу в 1979 г., оказывается, был уже завербован (тайно и, возможно, вопреки своей воле) кем-то другим, кому позднее понадобилось убить того же папу!..

Как уже говорилось, единственным установленным фактом, связывающим» Агджу с социалистическими странами, является пребывание в Софии. (Авторы версии о «болгарской причастности» при этом не берут в расчет, что во время своего «европейского турне» «серый волк» находился проездом еще в одиннадцати странах). На основании этого Эн-Би-Си заключает: «Можно, не боясь ошибиться, сделать вывод о том, что Агджа попался в сети болгар, а следовательно, и Москвы».

Прежде всего отметим, что Эн-Би-Си забывает о том, что, согласно ее же первоначальной версии, Агджа был завербован еще в Турции, так что не было никакой надобности вновь вербовать его в Софии.

Кроме того, до сих пор не предъявлено ни одного доказательства в пользу того, что болгарские органы безопасности могли знать о пребывании «серого волка» в НРБ. Ведь он приехал в Софию с фальшивым паспортом, который был подписан в Турции офицером полиции, состоявшим в организации «серые волки» (он впоследствии был арестован), и который передали Агдже все те же «серые волки», а не «турецкие контрабандисты оружием» как уверяла Эн-Би-Си. В то же время авторы фильма

никак не комментируют тот факт, что западногерманские, швейцарские и итальянские полицейские власти прекрасно знали о пребывании Агджи у них в странах, организовывали прослушивание его телефонных переговоров и тем не менее не арестовали этого разыскиваемого Интерполом преступника.

В запасе у Эн-Би-Си есть, правда, еще одно «доказательство» того, что Агджа являлся «агентом Софии и Москвы». Оно заключается - в том, что те, кто вербовал «серого волка», являлись «профессионалами высокого класса» и действовали так, что «никаких улик не оставили». Словом, за доказательство Эн-Би-Си принимает отсутствие доказательств.

Но и в этом тезисе есть ряд противоречий, которые Эн-Би-Си и «свободная пресса» умышленно не замечают.

Во-первых, приезд Агджи в Софию и его пребывание там без должных мер конспирации создали ситуацию, которая не возникла бы при профессиональном отношении к делу.

Во-вторых, непрофессиональным было и само покушение. Агджа стрелял, находясь в окружении сотен людей. Избежать ареста в этой ситуации было фактически невозможно. К тому же он даже не пытался скрыться. Наконец, его не ликвидировали, как того требует каждая действительно «профессионально» подготовленная операция подобного рода.

В-третьих, «вербовка» Агджи сама по себе была делом рискованным и сомнительным, если учесть его неустойчивый характер и зачастую противоречащие один другому поступки. Ведь в случае ареста именно такого «агента» легко склонить к даче показаний.

В-четвертых, то обстоятельство, что большое число болгар «имело доступ» к Агдже в Риме, также никак не свидетельствует о «профессионализме». Ведь накануне «операции», если верить Агдже, официальный представитель болгарской авиакомпании С. Антонов даже рискнул встретиться с «серым волком» в своей собственной квартире, да еще в присутствии жены. Это можно сказать, граничит уже с полным «непрофессионализмом».

Но Эн-Би-Си игнорирует все эти обстоятельства, как того и следовало ожидать от подготовленной с помощью ЦРУ телепрограммы, в которой все подается, извращается и перекраивается в соответствии с классическими канонами западной псевдожурналистики. Если сопоставить высказывания Эн-Би-Си о «профессионализме» с топорной работой тех, кто «вербовал» Агджу, то версия Эн-Би-Си выходит уже за пределы разумного, вторгаясь в сферу абсурда.

Еще одна характерная черта «исследований» американских средств массовой информации вопроса о «причастности Москвы и Софии» к покушению на папу — полнейшее замалчивание

противоположных мнений. Например, во всех материалах на эту тему, опубликованных в «Нью-Йорк тайме» в период с 1 ноября 1982 г. по 31 января 1984 г., не прозвучал ни один серьезный «оппозиционный» голос. Газета пересказывала читателям исключительно взгляды ЦРУ, других западных спецслужб, З. Бжезинского, итальянских политиков, «экспертов по терроризму» и т. п. Непосредственно после покушения на папу «Нью-Йорк таймс», правда, опубликовала статьи М. Хоу и Г. Эппла, где обстоятельно и подробно излагались связи Агджи с турецкими неонацистами. Но когда был дан ход версии о «болгаро-советском заговоре», турецкое прошлое Агджи, где и кроется подоплека всей этой истории, было попросту предано забвению.

Кто же стоял за кулисами съемок фильма Эн-Би-Си, консультировал деятелей этой поистине сатанинской журналистики? Вряд ли можно будет когда-либо получить исчерпывающий ответ на столь сложный вопрос. Правда, уже достаточно известно о тех борзописцах, которые даже с западной, буржуазной точки зрения позорят журналистскую профессию — Брайан Крозьер, Роберт Мосс, Клэр Стерлинг, Майкл Ледин, Марвин Калб. Финская буржуазная газета «Хельсингин Саномат» (5.2., 1983) в статье своей известной журналистки Юкки Рислани раскрывала некоторые закулисные моменты грандиозной антиболгарской и антисоциалистической кампании:

«Особый интерес представляют Крозьер и Мосс. Согласно справочникам, они исследователи и журналисты. Оба родом из Австралии. Были руководителями таинственного информационного бюро, которое не раз удивляло мир своей осведомленностью. Его сообщения использовались везде, даже в Финляндии до 1975 г., до тех пор, пока английская пресса не обнаружила, что они поставляются ЦРУ. На деньги ЦРУ таинственная парочка Крозьер — Мосс организовала известный институт исследований международных конфликтов (ИСУ). В это же время Мосс писал речи для М. Тэтчер.

Мосс начал кампанию «Советский Союз и терроризм» в начале 1981 г. в журнале «Пари-матч», известном у нас в стране своими резкими выпадами против Финляндии. В 1977 г. Мосс участвует в создании фонда «Херитидж», который был влиятельной силой, не без помощи которого на выборах победило правительство Рейгана. «Херитидж» разрабатывает материалы, на которых базируется политика Рейгана, и дает советы насчет будущих шагов его правительства. В 1982 г. фонд «Херитидж» начал кампанию против ООН. Его представители объяснили это тем, что ООН «помогает терроризму и шпионажу» и что за ней, естественно, стоит Москва.

Затем появился журналист Марвин Калб. Он подготовил

для телевизионной компании Эн-Би-Си программу на основе материалов Стерлинг. Представители итальянских тайных служб выехали в США, чтобы побеседовать с Калбом и Стерлинг. Калб прибыл в Рим и организовал там пресс-конференцию.

Все было разложено по полочкам. Стерлинг рассказала в своей книге о том, как используют турецких террористов и что последние получают оружие в Болгарии. Эн-Би-Си взяла у Мосса интервью, в котором он объединил покушение на папу с другими заговорами — с «шайкой убийц из Ливии», существование которой так и не было доказано.

Мосс заявил, что один из членов этой шайки убийц, судя по фотографии, находился на площади Св. Петра, когда стреляли в папу. Откуда он это узнал? Но полиция уже сделала фотографию этого ливийца и объявила его розыск.

Однако теперь Калб заметил, что один из мужчин, находившихся на площади, похож на сотрудника болгарского авиационного бюро в Риме... И этого человека арестовали.

Я цитирую тебя, ты цитируешь меня. Все очень просто. Все цитируют друг друга и подтверждают свои «сведения», ссылаясь на статьи своих друзей».

«Дело Антонова» было вне всякого сомнения удобным предлогом антикоммунистической пропаганды для буржуазных информационных средств страны, в которой было совершено покушение — Италии. Фотография Сергея Антонова, арестованного полицией при выходе из бюро болгарской авиакомпании, была помещена на первых страницах итальянских вечерних газет уже в тот же день, 25 ноября 1982 г., а утренних — на следующий день. В последующие дни слухи вокруг следствия против Антонова, расписанные с самыми большими подробностями, не сходили с первых страниц.

Итальянские средства массовой информации, ведущие между собой острую конкурентную борьбу за читателей, за слушателей, распространяли информацию, получаемую из вторых рук, всякие небылицы, гипотезы, спекулятивные заявления, не брезгуя даже явной ложью. Римская газета «Мессаджеро», имеющая самый большой тираж, рассказывала своим читателям, что Антонов возглавлял большой международный заговор, соучастниками которого были самые разные лица. Редакции многих итальянских газет, руководствуясь знаменитым «шерше ля фам», без каких-либо доказательств приписали ключевую роль жене Антонова — Росице.

Газета Итальянской социалистической партии «Аванти!» утверждала, что «по традиции все террористические акции направляются с Востока». Ее примеру последовали и другие газеты, и таким образом вышло, что политический терроризм, де-

сятки лет терзающий Италию, совсем неитальянского происхождения! Над сотнями убитых при взрыве на вокзале в Болонье в августе 1979 г., организованном правыми террористами, или над сотнями других жертв, убитых или похищенных террористами из «красных бригад», неожиданно нависла «тень зловещих элементов с Востока», и итальянское общество как по мановению волшебной палочки было освобождено от какой-либо ответственности.

Итальянская печать измарала груды бумаги выдумками о «болгарском следе». В декабре 1982 г. газета «Республика» ежедневно отводила целые страницы этому вопросу под рубрикой «Болгарский шпионаж», помещая при этом и портрет Антонова. С первого взгляда читателю навязывалась недоказанная вина болгарского гражданина. Разве это не вопиющее манипулирование общественным мнением, разве это не противозаконное давление на беспристрастность суда? Вот некоторые заголовки статей упомянутой газеты: «Итало-болгарская холодная война», «ЛагОрио обвиняет: «Это акт войны» — на второй странице газеты от 21 декабря, целиком посвященной дебатам в парламенте о «болгарском следе». «Али Агджа обвиняет двух болгар», — утверждает аршинными буквами газета от 8 декабря. В этом большом материале «Республика» позволяет себе словами убийцы и террориста чернить болгарских граждан и их родину.

А сколько ажиотажа было в усилиях «широко информировать» читателя!

подавляющее большинство итальянских газет пренебрегает объективностью и истиной. Сама собой напрашивается мысль, что в данном конкретном случае игра велась на гораздо более высоком уровне, что ставка делалась на то, чтобы заставить читателя не верить социалистическим странам, возненавидеть Их, и это вместо того, чтобы давать правдивую информацию!

В своем номере от 15 декабря газета «Паэзе сера» опубликовала на третьей странице материал под броским заголовком «Вот он, болгарский след»! Чертежи, стрелки, а в центре всего, как обычно, Антонов. Читатели, которые любят разгадывать построенные на логике полицейские проблемы, естественно, были очарованы и привлечены в лагерь сторонников проталкиваемой газетой версии!

Подобные методы дезинформирования читательского мнения характерны, как известно, не только для итальянских средств массовой информации. Журнал «Пари-матч» не отказался от своей версии «болгарского следа», и в номере от 14 января 1983 г. опубликовал фантастический репортаж, который можно сравнить разве что с антисоветскими историями о

Джеймс Бонде. Репортаж уводит читателя в Болгарию, в софийский отель «Витоша Нью Отани». Колоритно живописуются «атрибуты международного преступного мира, который царит в этом отеле, интерьеры которого оформлены на японский манер, где множество красивых женщин, готовых выполнить любое желание богатых гостей с Запада, где в казино торговцы оружием и наркотиками обдeldывают свои темные делишки». И конечно, как это подчеркивается в репортаже, все это делается «на глазах у болгарской тайной полиции». Аналогичная статья, только несколько более умеренная, появилась 31 января 1983 г. в издающейся в Париже американской газете «Интернэшнл геральд трибюн» за подписью Генри Камма.

Если взгляд читателя остановился на вызывающем заголовке в правой французской газете «Фигаро» от 23 декабря 1982 г. — «Болгарское досье, представленное в НАТО», он наверняка мог подумать, что мир катится к серьезному международному кризису по вине Болгарии.

Можно сослаться и на статью от 3 января 1983 г. в американском журнале «Тайм» — журнале, который, более чем кто-либо иной, гордится своей объективностью, тем, что сумел привлечь внимание читательской элиты на Западе. Статья, занимающая две страницы, далека от объективности. В ней лишь вкратце излагается точка зрения противной стороны — болгарских властей, СССР, цитируются, правда, мнения, призывающие к осторожности и сдержанности. Вместе с тем, используя множество уточненных средств, журнал достигает своей цели — направить читателя в нужную сторону. Этому служит уже сам заголовок — «По болгарскому следу», подкрепляемый различными свидетельскими показаниями... о роли болгарских тайных служб в мире с непониманием, что «в международных операциях болгары действуют по прямым указаниям Москвы». Статья завершается словами: «Участие болгар и русских еще не доказано, но итальянские власти убеждены в солидности своей аргументации». «Объективный» журнал «Тайм» внушал своим читателям, как мыслить.

Девять месяцев спустя вновь заговорили о «случае Антонова», или, если хотите, о «случае Агджи». Было установлено, что главный свидетель Агджа, несомненно, дал фальшивые показания. Алиби Антонова, как впрочем и другого болгарина — Айвазова, обвиненного заочно, подтвердилось, и, как отметила газета «Монд» в начале октября 1983 г., тезис о «болгарском следе» начал распадаться.

Человек арестован по ложным показаниям! Какую роль играли в этом итальянские власти? Может быть, судья Мартелла систематически вводился в заблуждение? И куда исчезли заголовки крупным планом, информации, под которые отводилось столько места, крупный шрифт, фотографии, вроде тех, что

публиковались западными газетами, когда был «обнаружен болгарский след»? Теперь уже не было ничего подобного. Просматривая западную прессу, можно было обнаружить лишь куцые информации о развитии «дела Антонова» напечатанные мелким шрифтом без огромных сенсационных заголовков, без колоритных описаний. В газете «Монд» от 30 сентября 1983 г. была помещена самая большая в Западной Европе за пределами Италии статья — менее двух колонок на седьмой странице. «Интернэшнл геральд трибюн» писала об одном важном аспекте «дела», которому ранее посвящала серии специальных статей, в предпоследнем информационном материале рубрики «Краткие новости из-за рубежа». 30 сентября можно было прочитать краткую информацию в английской газете «Гардиан» на девятой странице, в «Вельт» — информацию из десяти строк на четвертой странице, другая западногерманская газета «Франкфуртер рундшау» довольствовалась лишь кратким сообщением Франс Пресс от 1 октября.

Добавим также, что судья Мартелла обвинил Агджу в фальшивых показаниях 15 сентября. Потребовалось более двух недель, чтобы этот важный поворот в «деле Антонова» получил отражение в средствах массовой информации. Напомним только, что общественность немедленно «информировалась» о каждом новом обвинении, предъявляемом Антонову или болгарским властям в начале следствия.

Как получилось, что «дело Антонова», полностью сфабрикованное и основанное на лжи, было разглашено на весь мир, несмотря на опасность ухудшения отношений между отдельными государствами и даже группами государств? Напрашивается только один ответ, причем совершенно логичный — «дело Антонова» было только поводом, а средства массовой информации — лишь инструментом. Все это наводит на мысль, что это была запланированная, хорошо обдуманная кампания, в которую ловко были вовлечены империалистические средства массовой информации.

Как ни старалась пропагандистская машина империализма, она не смогла доказать каких-либо связей социализма с международным, терроризмом. Таких связей просто не существует, поскольку терроризм чужд социалистическому строю.

Мировая прогрессивная пресса успешно разоблачает цели состряпанной антисоциалистической кампании вокруг «дела Антонова» и коварство пропагандистских и разведывательных центров империализма. Комментатор мексиканского телевидения К. Суарес указывала в январе 1983 г., что после безуспешной попытки подорвать социалистический строй в Польше кампания против Болгарии стала новым звеном в антисоциалистической стратегии определенных кругов Запада с целью очернить НРБ и СССР в глазах мирового общественного мнения.

В декабре 1982 г. Политбюро Французской коммунистической партии опубликовало в газетах и распространило тиражом 5 млн. экземпляров листовки с обращением «Против дезинформации». Обращаясь к французскому народу, ФКП («Юманите», 21.12.1982) на основе многочисленных приведенных фактов объясняла, как телевидение и радио, буржуазные газеты и другие средства массовой информации Франции дезинформируют общественное мнение в отношении положения в социалистических и развивающихся странах и дают тем самым «зеленую улицу» надуманным обвинениям в адрес французских профсоюзов, коммунистической партии и других левых организаций. Рассчитанное на одну газетную полосу большого формата это обращение наполовину состояло из коллажа, где были изображены фотокопии наиболее клеветнических шапок буржуазных газет. Большая часть кричащих заголовков касалась темы покушения на папу: «Тень КГБ», «Красный след», «Болгарская сеть» и т. д. Поводом для публикации обращения ФКП послужила прямо-таки скандальная ситуация с толком что сфабрикованным тогда на основе слухов сообщением о том, что государственный секретарь США обвинил СССР в причастности к делу о покушении на папу. Со сделанным в тот же день госсекретарем США Дж. Шульцем опровержением фальшивки телевидение и радио Франции даже не удосужились ознакомить своих зрителей и слушателей. Так же поступили средства информации и большинства других капиталистических государств.

Во всем западном мире утренние выпуски теленовостей и газет от **15 декабря 1982 г. вышли с «информацией», переданной агентствами из Вашингтона в 4 часа 07 минут по Гринвичу:** «Как утверждает одна американская телестанция, папа Иоанн Павел II сказал государственному секретарю США Джорджу Шульцу, что, по его мнению, советская секретная служба КГБ стояла за попыткой покушения на него в прошлом году. По сообщению «Кейбл ньюс нетуорк» (КНН), получившей, как она утверждает, информацию из Белого дома, Шульц послал телеграмму президенту Рейгану с изложением резюме своей получасовой беседы с главой католической церкви. Высокопоставленный чиновник администрации Рейгана, который, как передает КНН, имеет доступ к докладам секретных служб, заявил этой телестанции, что, кажется, роль болгар в этом деле КГБ установлена...»

Ватикан, 15 декабря, 13 часов 25 минут. Агентства сообщили, что святой престол отказался комментировать информацию американской телестанции КНН.

Мадрид, 15 декабря, 13 часов 29 минут. Ассошиэйтед Пресс передало: «Джордж Шульц расценил как абсолютно ошибочное

сообщение о том, будто папа Иоанн Павел II сказал ему, что именно Москва стояла за покушением на него 13 мая 1981 года на площади Св. Петра в Риме. «Во всей этой истории нет ни грамма правды, — заявил Шульц, когда он летел на самолете из Пари в Мадрид, подразумевая информацию КНН, и добавил: — Я могу представить, откуда она взялась. Это совершеннейшая ложь, ее следует опровергнуть... Этому нет названия».

Однако дело было сделано. Сотни миллионов читателей, те и радиослушателей в США, во Франции, Италии и других странах уже проглотили этот пропагандистский коктейль, состряпанный ЦРУ и итальянскими спецслужбами по рецептам психологической войны против Советского Союза и других социалистических стран. Несмотря на заявление Шульца, а также на что официальные представители Болгарии категорически отвергли измышления, большая ложь продолжала обрастать новыми «подробностями». Вот какими заголовками на всю первую половину снабдила фальшивку выходящая в Париже миллионным тиражом вечерняя газета «Франс-суар»: «Папа обвиняет». Покушение на него было задумано русскими, организовано болгарскими и осуществлено турком. Согласно американцам, Иоанн Павел II подтвердил это специальному посланнику Рейгана». Газета вышла вечером 15 декабря, спустя много часов после полученного по редакционным телетайпам опровержения Дж. Шульца.

7 февраля 1983 г. подобный, ставший уже стандартным прием дезинформации был повторен. Как и в первый раз, провокационное сообщение поступило из Вашингтона. В 2 часа 14 минут по средневропейскому времени телетайпы западных мировых информационных агентств выдали следующее сообщение: «Личное послание президента Рейгана, переданное вице-президентом Джорджем Бушем итальянскому правительству, касается дела о покушении на папу римского... Согласно комментариям американской телевизионной сети Эн-Би-Си, американский президент призывает итальянские власти продолжать следствие». Опровержение этого сообщения поступило от тех же агентств спустя одиннадцать часов из Рима, 7 февраля в 13 часов 02 минуты «Личное послание президента Рейгана, переданное вице-президентом Бушем главе итальянского правительства, никоим образом не касается покушения на Иоанна Павла II 13 мая 1981 г., заявил представитель по делам печати кабинета министров в Риме...» Как уже догадался читатель, ночное сообщение из Вашингтона успело попасть в утренние западноевропейские газеты, передавалось неоднократно в эфир, а опровержение из Рима так почти и не было нигде опубликовано. Тамошним журналистам не рекомендовано оспаривать сенсации, тем более антисоветские.

Кто, спрашивается, на Западе, кроме специалистов, или тех, кто читает коммунистическую и прогрессивную печать, знает об опровержениях по поводу клеветы в адрес социалистических стран? Западные заинтересованные круги неоднократно приписывали Ватикану авторство относительно упорно распространявшихся измышлений о том, что Агджа был орудием Москвы. Говорилось даже, что Ватикан пришел к такому выводу в ходе собственного расследования... Еще 7 сентября 1981 г. в Риме представитель Ватикана решительно опроверг сообщения о возможной причастности «стран восточного блока» к организации покушения «а главу католической церкви Иоанна Павла II в мае этого года. Выступая на пресс-конференции, руководитель отдела печати Ватикана заявил, что Ватикан «никогда не делал заявлений и не выдвигал гипотез о том, что какая-либо организация или страна могла подготовить покушение на Иоанна Павла II». Заявление представителя Ватикана последовало после того, как частная английская телекомпания показала передачу, в которой утверждалось, что, по мнению Ватикана, за организацией и исполнением покушения на папу римского стоят якобы «страны восточного блока».

Мало кто из западных телезрителей или читателей узнал и о таком вот сообщении агентства ЮПИ (13.5.1983) из Рима, которое по понятным причинам не стало сенсацией для капиталистической прессы: «Сегодня представитель Ватикана Ромео Панчиролли расценил как «чистейшую ложь» утверждение о том, что якобы три года назад папа Иоанн Павел II направил американского архиепископа Марцинкуса к Леониду Брежневу со специальной миссией. «Марцинкус предупредил СССР, что, если русские вторгнутся в Польшу, папа поедет к себе на родину, чтобы возглавить сопротивление». Это утверждение содержится в книге «Папа», которая должна выйти в США. Заявление Панчиролли сделано по поводу предстоящего издания книги».

Сигнал ко всем очередным этапам антиболгарской кампании всегда давался из-за океана. На первом этапе читатель помнит, это сделала целая группа журналистов по подсказке ЦРУ. На очередном этапе, в 1983 г., ЦРУ воспользовалось услугами лишь одного из них. 23 марта 1983 г. газета «Нью-Йорк таймс» («тяжелая артиллерия» консервативной печати США) под многообещающим заголовком «Покушение на папу: новый след к Болгарии» опубликовала «сенсационное разоблачение» корреспондента этой газеты в Париже Николса Гейджа, которое незамедлительно стало кочевать по всем западным агентствам и крупным буржуазным газетам.

Американский журналист сообщал, что в результате двухмесячного расследования, проведенного его газетой в семи стра-

нах в связи с предполагаемым заговором с целью убийства папы Иоанна Павла II, были собраны сведения, «подтверждающие» показания турецкого убийцы Агджи, о том, что тот действовал по указанию агентов болгарской разведки.

«Показания, полностью пока еще не доказанные (но о которых раструбили уже всему миру. — Ред.) дал 48-летний болгарин Йордан Мантаров, — писал Н. Гейдж. — Мантаров занимал пост помощника атташе по торговле в посольстве НРБ в Париже с 1979 г. по лето 1981 г., пока не попросил политического убежища во Франции. Службы французской контрразведки держали в полной тайне факт бегства Мантарова во Францию, таким образом американское ЦРУ узнало об этом совсем недавно. И Мантаров заявил агентам французской разведки, что заговор с целью убийства папы был разработан советскими и болгарскими тайными службами. По мнению французов, показания Мантарова — первые сведения, полученные от болгарского перебежчика, занимавшего официальный пост во время покушения». В статье «Нью-Йорк тайме» отмечалось, что неизвестно, уведомили ли сотрудники французской разведки итальянские власти о признаниях Мантарова. «По всей видимости, нет, поскольку известно, как тщательно они скрывают собираемую информацию. Ни один из представителей итальянских официальных лиц, у которых брали интервью, в том числе и судья-следователь Иларио Мартелла, даже не намекал на то, что им известно о новом перебежчике».

«Сведения, представленные Мантаровым, взяты со слов третьего человека — и таким образом, представляют собой свидетельские показания, основанные на услышанном от другого лица. Допрашивавшие его французские служащие разведки верят ему, поскольку смогли удостовериться в правдивости, некоторых других сведений, полученных Мантаровым.

Однако в Париже не захотели уточнить это дополнительно. По словам Мантарова, выбор пал на Агджу потому, что во всем мире его знали как представителя правых и никто не связывал его с какой-либо коммунистической страной. Однако опять же, по мнению Мантарова, после убийства папы Агджу должны были пристрелить тут же, на площади Св. Петра».

Затем Гейдж описал заявления еще одного изменника-перебежчика Величко Пейчева, знакомого Антонова. Пейчев встретился с арестованным болгарским гражданином в Риме и заявил после этой встречи, что «Антонов очень нервничал».

«Другим человеком, который, по мнению итальянцев, может доказать болгарское участие, является Сергей Антонов, — пишет, Гейдж. — Он все еще находится в тюрьме и упорно утверждает, что невиновен. Однако его давний знакомый Пейчев заявляет, что Антонов думает о своем будущем, пока он

находится в тюрьме, а его супруга в Болгарии, и он может решить, что жизнь его находится в опасности и что опасность исходит от его соотечественников. Следовательно, потом он может решить, что единственный способ спасти свою жизнь — сотрудничать с итальянской полицией...»

Заключительный абзац статьи фальшивки, продиктованной ЦРУ, пожалуй, наиболее важный. Здесь впервые публично объяснена причина, по которой западные спецслужбы продолжали держать в тюрьме — без всяких улик, совершенно незаконно — невинного болгарского гражданина. Эти службы, оказывается, возжелали невозможного — добавить к «показаниям» Агджи против соцстран такую же клевету, но уже из уст... Антонова.

К чести Сергея Антонова он никогда не давал повода думать, что он может поддаться на такой грязный шантаж. Рассуждения Гейджа также представляют собой форму шантажа; нетрудно себе представить, как, потрясая этими заметками в «Нью-Йорк тайме», итальянские следователи, деятели западных спецслужб или болгары-перебежчики безрезультатно пытались склонить Антонова к предательству. Прозрачный намек на то огромное давление, моральную и психическую обработку, которым больше года безжалостно подвергали болгарина в тюремной одиночке, единственная правда в статье Николса Гейджа.

Что касается утверждений Гейджа об «убедительных свидетелях вины Антонова и Болгарии», то в этом стоит усомниться. Если собкор «Нью-Йорк тайме» в Париже сам не имел возможности порыться в списке аккредитованных в Париже дипломатов, то обратился бы к соответствующим властям, которые помогли бы ему установить, что некий Иордан Мантаров никогда не был ни «заместителем торгового представителя», ни «заместителем торгового атташе» посольства НРБ в Париже. Так что эффектные титулы «ответственного болгарского дипломата» (для пушей достоверности) не имеют никакого отношения ни к Мантарову, ни к его бывшему служебному положению. Какова же истина? Мантаров был техником-механиком по обслуживанию сельскохозяйственной техники, которую продает внешнеторговая организация «Агромашинимпекс», а позднее служащим болгаро-французской торговой фирмы «Софбим». именно в это время он совершает нарушения финансовой дисциплины и другие грубые проступки, за что отзывается в Болгарию. Однако он решает остаться во Франции. Нетрудно догадаться, с какой готовностью этот господин предоставил себя в распоряжение иностранных разведывательных центров и, чтобы набить себе цену, начал рассказывать там басни о подготовке покушения на папу, выдавая их за сведения, полученные, что называется, из «первых рук». Кое-кому это только и надо было.

Алогичны и абсурдны распространенные через «Нью-Йорк тайме» клеветнические утверждения. Позволим себе задать несколько вопросов. Какая секретная служба, разрабатывающая такую масштабную операцию как покушение на папу, посвящала бы в свои сверхсекретные планы какого-то техника по уходу за тракторами за рубежом, причем за несколько лет до совершения покушения? Какой ответственный служащий разведки будет столь откровенным, что расскажет о мотивах и плане, более того, назовет имя будущего убийцы? Все это может существовать лишь в фантазии американского журналиста, в газетных статейках, рассчитанных на крайне легковверных людей.

Но продолжим дальше. Из написанного в «Нью-Йорк тайме» не совсем ясно, когда же Мантаров «спел песню французским разведывательным органам» (это жаргон западных журналистов). Если это произошло до его отказа вернуться в Болгарию, где ему предстояло бы отвечать за свои преступления, т. е. до покушения, значит, он уже тогда был завербован французской разведкой. Если он осведомил Париж об этом «плане» до покушения Агджи на папу, то, интересно, почему французские разведывательные службы не проинформировали своих? итальянских коллег или Ватикан о готовящемся покушении?

Ведь даже специалисты западных секретных служб, которых отнюдь нельзя назвать рабами юридических норм, знают правило, что тот, кто знает о готовящемся преступлении и умалчивает об этом, считается соучастником преступления. Следовательно, и французская разведка также несет ответственность за содеянное. Следовательно, молчание агентов II бюро в Париже влечет за собой не только политическую и моральную, но и юридическую ответственность.

Кстати, не должно ли было расследование «Нью-Йорк тайме» послужить сигналом к действию и для столь прилежного следователя, как Мартелла, который, и глазом не моргнув, подписывает ордера на аресты иностранных граждан (разумеется, из социалистических стран). Если же Мантаров знал о готовящемся преступлении и не сообщил об этом, чтобы предотвратить его, то и он также является соучастником Агджи и должен быть привлечен к ответственности, как того требует не только французский, но и итальянский уголовный кодекс. Передадут ли французские власти Мантарова римским следственным органам? До сих пор этого не произошло.

Разумеется, даже итальянские следователи не столь наивны, чтобы верить подобным выдумкам. Автору из «Нью-Йорк тайме» и тем, кто стоит за ним, Мантаров необходим только лишь как «убедительный источник», на который они могут сослаться в своих клеветнических утверждениях для подогревания стра-

тей в остывающей уже антиболгарской кампании по так называемому «случаю Антонова». Свидетелей типа Мантарова можно найти и среди прихлебателей ЦРУ других национальностей, но они так же не убедительны и жалки, как и главный поставщик «обвинительного материала» — убийца Агджа.

Внимательный читатель запомнил фамилию еще одного «свидетеля», о котором упомянуто в статье Н. Гейджа. Величко Пейчев: болгарский эмигрант, бежал десять лет назад из Софии, где работал переводчиком в Комитете по туризму. Пейчеву в 1983 г. было 55 лет, а Антонову 35. Имя Пейчева замелькало недавно на страницах буржуазной прессы — он заработал у журналистов немалые деньги рассказами о «близких отношениях с семьей Антонова». Пейчев заявлял всем, что знал Сергея еще ребенком. На правах старого знакомого Антоновых, уже имея за плечами немало неблагоприятных дел в пользу реакционной болгарской эмиграции, Пейчев удостоился нового задания. Об этой миссии Пейчева уже говорилось выше — он был посажен на несколько дней в камеру к С. Антонову с целью запугать его и склонить к сотрудничеству со спецслужбами. Рвение предателя оказалось напрасным.

Провокационная шумиха по поводу «причастности» Болгарии к покушению на главу римско-католической церкви Иоанна Павла II продолжалась. Бросалось в глаза, что в этой дирижируемой из-за океана кампании некоторые империалистические средства массовой информации продолжали прибегать к услугам уголовных преступников и подонков общества. Укажем лишь два издания: правые политические иллюстрированные еженедельники «Журнал интервью» — в Испании и «Фигаро-магазин» — в Париже, для которых, очевидно, факты играют второстепенную роль, коль скоро они пускали в «обращение» сомнительные мнения (именно мнения, а не сведения) еще более сомнительных уголовных элементов. Один из них — уголовник, незаконным путем покинувший Болгарию 10 февраля 1971 г. Этот господин без отечества, живущий ныне в ФРГ Стефан Сврьдлев, с позиций бывшего работника провинциального управления народной милиции (в городе Перник) стал с недавних пор сыпать сведениями о «структуре болгарских разведывательных служб» и их «шпионской и террористической направленности» против ряда западноевропейских государств. Не колеблясь, эмигрант Сврьдлев выдает себя за полковника, руководителя отдела внутренней безопасности комитета государственной безопасности, за «второго человека» в системе болгарской разведки, который «разрабатывал планы борьбы с врагами режима в стране и за рубежом». И в конце довольно-таки длинного списка вымыслов подобного рода следует объяснение, что он покинул Болгарию нелегально, ибо предстояло его раскрытие (бла-

годаря предательству) за «участие в подготовке переворота против правительства». Агентство БТА (9.2.1983) передало ряд действительных фактов биографии С. Сврыдлева. Он родился в 1931 г., получил военное образование и служил в системе министерства внутренних дел в округе в качестве... тылового офицера-снабженца, поставщика продуктов питания, одежды и строительных материалов. Пользуясь служебным положением, он подделывал документы и финансовые отчеты. И при намеке на предстоящую крупную финансовую ревизию, которая неминуемо раскрыла бы хищения, «полковник» Сврыдлев бежал через болгарскую государственную границу. И вот теперь, по прошествии стольких лет, этого провинциального финансового мошенника стали вдруг выдавать за «человека номер два в руководстве органов болгарской государственной безопасности». Сврыдлев дает свои «сенсационные показания» о их деятельности, участии в международных, заговорах и покушениях, сопричастности к контрабандной торговле и т. д. и т. п. Западные спецслужбы выправили ему соответствующие «секретные документы» и «удостоверение сотрудника органов государственной безопасности Болгарии», чтобы можно было помещать копии этих подделок в западной прессе и делать «воспоминания» предателя более достоверными для обывателя. Сврыдлев, выдавая себя за «политического беженца», нашел, наконец, после 10 лет мытарств, применение себе на Западе в качестве лжесвидетеля, занимая многие полосы наиболее низкопробных западных изданий пространными рассказами о подробном участии Болгарии в... международном терроризме и, конечно же, своей полной информированности о такого рода акциях.

Но доказывать недоказуемое — дело неблагоприятное. Версия ЦРУ о «руке Софии» и «руке Москвы» в деле Агджи таяла под давлением документально доказанных опровержений, поступавших отовсюду. Казалось, все становится на свои места. Но нет! После некоторого затишья Тайный Агент по заданию своего Управления публикует огромным тиражом одновременно во всех столицах западного мира книгу, в которой осуждается само это Управление, а заодно и аналогичные спецслужбы стран НАТО и Израйля за ... либерализм, мягкотелость, нежелание, наконец поставить все на свои места и предъявить Софии и Москве конкретные улики, доказательства их направляющей роли в международном терроризме и в организации заговора против папы.

Объемистая, в триста страниц, книга Клэр Стерлинг «Время убийц. Покушение против Иоанна Павла II: анатомия одного заговора» была издана в начале 1984 г. и «разрекламирована на Западе как мнение одиночки, журналистки, идущей наперекор всем, опровергающей даже мнение ЦРУ, пожелав-

шего заглушить скандал во имя сохранения возможности продолжать диалог между Востоком и Западом», — писала французская газета «Юманите» (2.4.1984). 3 мая 1984 г. на пресс-конференции в Риме ее организаторы и сама Стерлинг попытались в ходе представления книги продолжить голословные и необоснованные обвинения в адрес Болгарии и других социалистических стран. Однако все их подобные утверждения, а также содержащиеся в книге выводы были разоблачены как несостоятельные многими присутствовавшими на пресс-конференции журналистами, в том числе и из западных стран. В ходе развернувшейся дискуссии не раз было подчеркнуто, что этот опус далек от правдивости и напоминает скорее всего детективный роман, основанный на фальшивых данных. Журналист из итальянской газеты «Мессаджеро» Лино Кану охарактеризовал книгу как «простой набор» определенных газетных публикаций, указав при этом на ряд очевидных неточностей, содержащихся в ней, постоянные ссылки на беседы автора с некоторыми высокопоставленными политиками, деятелями спецслужб без указания их настоящих имен — мистер Икс, месье Эн, сеньор генерал и т. д. Корреспондент «Коррьере делла сера» выразил удивление, почему автор проигнорировала многие факты, доказывающие другую версию покушения, то есть несостоятельность причастности к нему Болгарии. На пресс-конференции подчеркивалось также, что К. Стерлинг заранее поставила перед собой цель доказать, что покушение на папу римского — дело рук социалистических стран, намеренно не используя ряд факторов, говорящих об обратном. Отвечая на вопросы, американская журналистка часто оперировала поверхностными утверждениями и не смогла дать убедительного объяснения многим сделанным ею выводам. Клэр Стерлинг потерпела провал. Более того, она была сокрушена точными вопросами, требовавшими и точных ответов, которые задавали ей: Сергей Кузнецов — представитель Всесоюзного радио; Андреа Пургаторе — от итальянской газеты «Коррьере делла сера»; трое французских журналистов: Макс Семо — «Либерасьон», Ален Вазме — «Нувель литерер», Гийоме де Верикур — «Матэн»; Филлип Уилин — от английской газеты «Дейли экспресс». И организаторы фарса, завершившегося полным фиаско, были вынуждены прекратить его под банальным предлогом, что-де время истекло.

Итальянские адвокаты С. Антонова опубликовали заявление, в котором опровергался целый ряд деталей и фактов, приводящихся в книге К. Стерлинг.

Госпожа Стерлинг прожила в Италии в общей сложности около 30 лет, что позволило ей хорошо усвоить стиль местных неофашистов — постоянно придерживаться так называемой

стратегии напряженности с целью нагнетать в Италии атмосферу антикоммунистической истерии, готовиться к захвату власти представителями правых реакционных группировок, создавать плацдарм для максимально более полного обеспечения «американских жизненных интересов». «Одиночка-Стерлинг» получает планетную трибуну, которую ей предоставляют империалистические концерны пропаганды. В газете «Монд», к примеру, «самой объективной» качественной буржуазной газете Франции, анонсу книги Стерлинг «Время убийц» была посвящена половина полосы (портрет автора, репродукция обложки, хвалебные высказывания авторитетных политических изданий) — так рекламируются бестселлеры в этой газете не чаще... четырех раз в год. Хотя многие из читателей, отнесли бы клеветнический опус Стерлинг к жанру антисоветской политической фантастики, автор не постеснялась приписать руководителю одной из социалистических стран фразу из якобы официального публичного заявления: «Наши убийцы стреляют без промаха». Любому здравомыслящему человеку ясно, что такого рода высказывание просто невозможно и что этот бред остается на совести американской журналистки. Ее книгу можно отнести к разряду выдающихся, но совсем в другом смысле, чем это сделала газета «Монд». Дело в том, что Париже одновременно с французским переводом книги «Время убийц» появился на прилавках «Словарь глупости или литературных курьезов» писателей Ги Брештеля и Жан-Клода Карьера...

О наемном убийце Агдже будут помнить еще несколько лет. О пасквильянтке Стерлинг забудут куда быстрее, таковы законы истории. Так что зачем, спрашивается, тратить столько пыли и злости? Вероятно, это просто служебное рвение. 10 июня 1984 г. за подписью Стерлинг вышла очередная «публикация-сенсация» в воскресном номере газеты «Нью-Йорк тайме» — на центральном месте первой полосы и на целых двух внутренних, «Специалистка по болгарскому следу» пыталась дать толкование только что попавшего в ее руки некоего «секретного», на 78 страницах доклада итальянских судебных властей.

Когда до начала процесса по делу Сергея Антонова и двух его соотечественников 27 мая 1985 г. в Риме оставалось несколько дней, на прилавках книжных магазинов в Италии появилось на итальянском языке второе издание книги Клэр Стерлинг «Время убийц». Издание было дополнено сведениями из обвинительного заключения судьи-следователя Иларио Мартеллы и снабжено новым предисловием, написанным Марией-Антуанеттой Калабро. Те, кто внимательно следили за развитием антиболгарской кампании, запомнили имя этой журналистки из итальянского еженедельника «Сабато», прославившейся в кон-

це 1984 г. тем, что она взяла интервью у матери Агджи и у самого террориста. С поразительной откровенностью Калабро, предвзято книгу Стерлинг, писала: «Несмотря на некоторые минусы, заключение Мартеллы — документ, который нельзя сбрасывать со счетов. Документ, который утверждает, что ответственность за содеянное следует искать именно в том, а не в ином направлении». Для организаторов клеветнической кампании этот документ и впрямь представлял ценность тем, что указывал направление в сторону болгар, а не в сторону ЦРУ, например. Предисловие Калабро завершилось весьма прозрачным намеком: «В итальянской юриспруденции вынесение приговора по кровавым преступлениям предоставлено народному сознанию. Решающим является заключительное голосование состава судебных заседателей, почти полностью сформированного из рядовых граждан. Следовательно, необходимо дать такую информацию общественности, которая бы помогла каждому осознать, что не все однозначно и что интрига и неясности распутываются в соответствии с точно определенной линией». Очевидно, что эта линия в обязательном порядке должна тянуться к Болгарии.

Но зачем понадобилось вновь информировать итальянскую общественность, которую два с половиной года назад буквально бомбардировали всякого рода «информацией», «тайными» документами и лжесвидетельскими показаниями об «участии Болгарии в ‘покушении на папу’»? Ответ ясен: решающим для исхода процесса является мнение присяжных заседателей. А юристы и психологи давно знают — свойство человеческой природы таково, что после того, как человек назначен судебным заседателем по какому-либо делу, он непременно начинает пристально следить за прессой и таким образом подвергается ее влиянию. И еще одна, довольно-таки существенная деталь: из шести судебных заседателей четыре — женщины. Естественно, что они с большим доверием относятся к представительницам слабого пола. Комбинация хорошо задумана: Мария-Антуанетта Калабро, так сказать, по-женски представила «произведение» Клэр Стерлинг. И не важно, что в новом издании книги нова только попытка защитить незащищаемый тезис: отказываясь от части своих показаний (и тем самым в очередной раз разоблачая свою ложь), Агджа только, мол, усиливает тезис... обвинения. Госпожа Стерлинг пыталась представить закоренелого лжеца кающимся грешником. Она из всех сил старалась, чтобы в зале суда и в глазах присяжных заседателей убийца выглядел честным человеком.

Старалась, правда, не только она одна. К концу зимы 1985 г. уже были назначены председатель суда, судьи, прокурор для судебного процесса над Антоновым. Наряду с технической

подготовкой процесса все сильнее раскручивался маховик его пропагандистского оформления. Сигналом к началу очередного тура свистопляски вокруг «болгарского следа» послужило интервью, данное в одиночной камере римской тюрьмы «Реб-бибия» газете «Коррьере делла сера» Мехмедом Али Агджой. 18 января 1985 г. интервью с террористом Агджой — двадцать вопросов с весьма пространными ответами — поместил французский еженедельник «Вандреди-самди-диманш». Не осталось в стороне и государственное телевидение. Известный писатель Энцо Бьяджи начал свою новую телевизионную рубрику «Прямая линия» тоже с интервью, взятого у Агджи. Характерно, что во всех этих многочисленных и разножанровых материалах турецкий террорист, осужденный за свои преступления на смертную казнь — в Турции, на пожизненное заключение — в Италии, неизменно выступает в роли... обвинителя. Лейтмотив выступлений таков: Агджа-де «раскался» в содеянном, он был всего лишь инструментом в руках «заговорщиков», решивших убить папу римского, и теперь искренне сотрудничает с итальянской юстицией с единственной целью — выявить «истинных виновников преступления — «агентов болгарских секретных служб». Матерому преступнику и клеветнику буржуазная пропаганда создала хороший имидж, положительный в целом образ симпатичного в общем-то парня, человека со здоровым умом и неглупыми идеями, неунывающего узника, знающего себе цену и полного надежд на будущее. Благосклонность западных журналистов к Агдже возмутительна еще и потому, что о судьбе невиновного Антонова в этой же капиталистической прессе нет ни строки. Агджа вознесен на пьедестал звезды, а Антонова, как личность, просто не замечают — на сообщения о страданиях и мытарствах замученного тюремщиками тяжело больного человека наложено табу. Буржуазная пресса загодя распределила роли на судилище в Риме — ее симпатии, безусловно, отданы Агдже, а оклеветанный Антонов может быть только олицетворением зла и насилия. Так кричат заголовки и желтой бульварной массовой печати, и солидных буржуазных изданий.

Итальянская пресса назвала проходящий в Риме процесс по делу о покушении на папу римского «процессом века». А американская газета «Сан-Франциско кроникл» в передовой статье заявила: «Если этот процесс сумеет пролить свет на тайные связи международного терроризма, его действительно можно будет считать процессом века». И далее последовало немаловажное пояснение: «Процессом века он станет в силу того влияния, какое может оказать на отношения между Востоком и Западом». Нью-йоркский влиятельный еженедельник «Ньюсуик» высказывался еще откровеннее: «Когда Агджа впервые три года назад

выступил со своими обвинениями в адрес Антонова, диалог между СССР и США был почти на нуле и некоторые американские официальные лица с радостью были готовы поощрить версию о том, что заговор против папы Иоанна Павла II подготовлен Москвой». Еще один американский еженедельник «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» в начале июня 1985 г., когда появились все признаки провала «процесса века», поместил в разделе особо важных кратких сообщений, которые набираются в виде телеграмм, следующую «информацию»: «В столицах мира напряженно следят за процессом в Риме и ждут, какие последствия могут вызвать возможные в его ходе разоблачения. Вашингтон не спускает глаз с зала суда, рассчитывая услышать доказательства причастности СССР. Если такие доказательства будут обнаружены, шансы на улучшение советско-американских отношений быстро улетучатся». Так прямо, без обиняков американская печать признавала цели затеянной провокации: сфабрикованное спецслужбами Италии по заданию ЦРУ «дело Антонова» используется для подрыва политики разрядки и сотрудничества между Востоком и Западом. Западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне», близкая к ХДС, писала, подхватывая эту тему: «Если выяснится, что улик, собранных против болгарского гражданина, достаточно для вынесения обвинительного приговора, это окажет, серьезное влияние на состояние отношений между Западом и Востоком».

Когда в зале суда в Риме из лживых и противоречивых показаний Агджи никак не получалась разработанная в ЦРУ «версия», подтверждающая «болгарский след», журналистов бросили в новый раунд клеветнической кампании. На первой полосе американской газеты «Интернэшнл геральд трибюн», которая с некоорых пор стала именовать себя «глоубал ньюспейпер» («всемирная газета») — так написано рядом с ее названием, — появилась информация под заголовком: «Агджа сказал, что покушение на папу римского совершено им по заказу советского дипломата». Эту сенсационную и заведомую ложь, которая не подкрепляется фактами даже в самой заметке, помещенной под этим заголовком (поскольку авторам приходилось признать наличие новых «ошибок» и «неточностей» в новых показаниях Агджи), газета разнесла по всему миру — она издается в Париже, но одновременно часть тиража печатается в Марселе, Лондоне, Цюрихе, Гааге, Гонконге и Сингапуре. Действуя по тому же рецепту, английская «Гардиан» вынесла в заголовок: «Агджа заявил о советской причастности». Парижская «Монд» поместила статью под шапкой «СССР — финансово-политический центр международного терроризма», — утверждает Али Агджа». «Али Агджа разоблачает Москву как «центр международного терроризма», — идея еще дальше, безо-

говорочно объявила шпрингеровская «Бильд». Дело в том, что после недельного молчания (28 мая судья Сантиапики временно прекратил слушание показаний Агджи, который то выкрикивал, что он «воскресший Иисус Христос», то предвещал конец света) турецкий террорист, посоветовавшись со своим адвокатом, вновь появился в зале суда и выступил с этим измышлением, которое крупнейшие газеты мира с такой поспешностью подали как сенсацию первого сорта. Правда, как отметила газета американских коммунистов «Дейли уорлд», версия о «советском дипломате», за солидную сумму «поручившем» Агдже убийство папы римского, — это уже старый трюк, поскольку Агджа, напомнила газета, еще до суда говорил итальянским следователям, что выдумал эту историю, чтобы «удивить американцев».

Даже многие буржуазные газеты вынуждены были проявить недоверие к этой дурно пахнущей сенсации, уж очень точно соотвествующей политическим заявлениям, исходящим из Вашингтона. В частности, отмечалось, что, давая обычно показания на турецком языке, версию о «советском дипломате» Агджа изложил по-итальянски, гладко, без запинки, как явно заученный текст. Заметили и ряд новых «противоречий» в этой версии. Но все это не помешало газетам не только опубликовать явный вымысел провокатора, но и преподнести его как важное событие на процессе.

Есть, конечно, на Западе буржуазные издания, которые, понимая, что достоверная информация о ходе процесса доходит до читателей через коммунистические и прогрессивные издания, рассказывали о том, как в лживых и противоречивых показаниях Агджи отражается, разваливаясь на глазах, весь провокационный сценарий обвинения по «делу Антонова». Туринская «Стампа», крупнейшая ежедневная газета Италии, написала 15 июня 1985 г.: «Спектакль уже можно считать законченным. Абсолютно ясно, что суд не может верить словам Агджи, не может рассчитывать на него как на главное действующее лицо и не может доверять показаниям человека, которому нечего терять... Ясно только одно: Агджа — лжец... Чушь, которую он несет о Ватикане, о чудесах Фатимы, о России как центре терроризма и Болгарии как организаторе убийств, — все эти измышления непристойно выслушивать в зале суда». С большой статьей под заголовком «Лжец» в роли главного свидетеля» тогда же выступил известный гамбургский журнал «Штерн». «На суде очень трудно представить классического убийцу в качестве инструмента «восточных подстрекателей», — заявляет мюнхенская газета «Зюддойче цайтунг». Пытаясь спасти черепки разваливающегося заговора, американский еженедельник «Ньюсуик» писал в репортаже своего коррес-

пондента из зала суда в Риме: «Высказывают мнение, что Агджа, возможно, специально старается подорвать доверие к своим собственным показаниям. Он, наверное, стал бояться болгар или русских, которые окажутся косвенно замешаны, если «болгарский след» будет доказан». Вот какое поистине макиавеллиевское «объяснение» подкинул западной печати «Ньюсуик», забыв упомянуть, что подобную ересь первой заявила, как уже говорилось выше, К. Стерлинг во втором издании своего пасквиля «Время убийц».

Международная независимая комиссия по расследованию, созданная решением XII конгресса Международной ассоциации юристов-демократов в октябре 1984 г. в Афинах, обнародовала свое заключение по «делу Антонова» на пресс-конференции в Париже 13 мая 1985 г. Мнение комиссии, в состав которой входили известные юристы, в том числе лауреат Нобелевской премии мира ирландец Шон Макбрайд, было единодушным: если итальянское правосудие и имело причины для того, чтобы Антонов находился в тюрьме какое-то время с целью проверки показаний его обвинителя — в данном случае самого Али Агджи, ничто не оправдывает дальнейшего лишения его свободы, так как весь набор обвинений из уст турецкого террориста не основывается на каких-либо доказанных и неопровержимых фактах. На пресс-конференции присутствовали, задавали вопросы и ознакомились с розданными им материалами комиссии журналисты почти всех парижских редакций. Но на следующий день ни одна французская газета, за исключением коммунистической «Юманите», не поместила ни слова о разоблачении международной комиссии... Надо надеяться, что итальянское правосудие признает свою ошибку в один прекрасный день. Но хватит ли у буржуазных газет смелости сообщить об этом на первой полосе и объяснить подлинный смысл антиболгарской кампании или же они ограничатся кратким сообщением, стыдливо запрятанным в конце столбца на внутренних полосах?

Попытка империализма бросить тень на социалистическую Болгарию, очернить ее в глазах мировой общественности, используя так называемое «дело Антонова» и утверждения о некоем «болгарском следе» в покушении на главу римско-католической церкви, оказались тщетны. Однако, несмотря ни на что, организаторы этой крупной идеологической диверсии, которая является частью нового «крестового похода» против коммунизма, похоже, не отказались от своего намерения. Чтобы помочь читателю составить целостное итоговое представление о наиболее значительных фактах, целях и мотивах этой одной из самых клеветнических кампаний в истории, обратимся к авторитетному мнению юристов. На уже упоминавшемся XII

конгрессе Международной ассоциации юристов-демократов, проходившем 15-19 октября в Афинах, профессор международного права Софийского университета Александр Янков от имени Союза юристов Болгарии выступил с докладом, в котором рассматривались некоторые фактические и процессуальные аспекты судебного следствия в Риме по так называемому «делу Антонова». «В отношении доказательств, использованных прокурором А. Альбано, — заявил А. Янков, — не соблюдены элементарные требования, которые обычно предъявляются к ним в судебной практике при поиске объективной истины. Источник информации не должен вызывать сомнений. Согласно статье 464 итальянского Уголовно-процессуального кодекса запрещается использование информации, основанной на слухах и домыслах. В то же время «доказательства» прокурора во многих случаях основываются на неподтвержденной информации и умозаключениях, заимствованных из писаний американских журналистов П. Хенци и К. Стерлинг. «Дело Антонова» поднимает много других вопросов, имеющих большое значение для оценки степени объективности итальянского судопроизводства в данном случае. Это вопросы следственной тайны, доказательной силы свидетельских показаний, степени автономии судебных властей. В конце мая 1984 г. прокурор Альбано представил свое заключение по делу; 10 июня в американской газете «Нью-Йорк тайме» появилась новая статья американской журналистки Клэр Стерлинг, впоследствии перепечатанная итальянскими газетами, в которой подробно излагалось содержание этого документа. Альбано, со своей стороны, в интервью и выступлениях разгласил основные моменты своего доклада, который все еще считается следственной тайной. Тем самым он грубо нарушил требование ст. 307 итальянского Уголовно-процессуального кодекса. Известно, что согласно ст. 326 того же кодекса если государственный служащий или лицо, на которое возложена государственная служба, нарушая свои служебные обязанности или злоупотребляя своим служебным положением, раскрывает служебные сведения, которые должны храниться в тайне, то он приговаривается к тюремному заключению сроком от 6 месяцев до 30 лет. В связи с раскрытием сведений и документов, представляющих следственную тайну в Италии, итальянские судебные органы должны ответить на вопрос, какие меры они намерены предпринять против должностного лица Альбано, а также расследовать и сообщить общественности, каким образом г-жа Стерлинг проникла в тайны следствия и к какой ответственности будет привлечено лицо, допустившее утечку информации». «Поводом для раздумий, — продолжал А. Янков, — служит беспрецедентное вмешательство средств массовой информа-

ции, во многих случаях определявших весь ход следствия. Несомненно их влияние на заключение обвинителя, в котором повторяются целые пассажи из писаний Стерлинг и Хенци, основывающихся лишь на слухах и тенденциозных домыслах. Вызывает тревогу явная политическая пристрастность прокурора, недвусмысленно отраженная в его заключении. Доклад Альбано изобилует умозрительными анализами политических целей, которые якобы преследовало покушение. (В сущности, он просто перепевает тезис американцев Хенци и Стерлинг). Прокурор цитирует эпизоды и события, которые не имеют никакой прямой или косвенной связи с делом и сопровождаются абсолютно произвольными «гипотезами» и «заклечениями». Подобные замечания более подходят некоторым пропагандистским журналам, нежели серьезному юридическому документу».

В комиссии по правам человека и правам народов на XII конгрессе МАЮД состоялось обсуждение доклада Союза юристов Болгарии, представленного А. Янковым. Ниже предлагаются отрывки из выступлений, авторы которых особо остановились на диверсионной роли капиталистических средств массовой информации, сеявших ложь о «болгарском следе».

Луиджи Кавальери, председатель Ассоциации защиты прав человека Италии: «Дело Антонова» поставило Италию в очень затруднительное положение, так как по нему видно, насколько плохо работает итальянское правосудие. Нарушены прежде всего принципы итальянского права. Попран принцип презумпции невиновности прежде, чем доказано обратное. И все это делается без каких-либо доказательств вины Антонова. Несомненно, нарушен и принцип, содержащийся в пунктах 5 и 6 Европейской конвенции о правах человека, в отношении гарантий, которые должны иметь обвиняемые, и продолжительности следственно-судебного процесса с представлением всех возможных доказательств вины.

Во время продолжительного следствия по «делу Антонова» судьи, бесспорно, пошли неверным путем. Факты, содержащиеся в обвинительном докладе, доказывают абсурдность бессмысленной процедуры.

Последствия «дела Антонова» очень серьезны, так как общественное мнение в Италии и во всем мире весьма возбуждено. Это прежде всего политическая спекуляция, цель которой — конфронтация с социалистическими странами.

Я убежден, что общественное мнение в Италии на стороне Антонова. Большинство итальянцев сомневается в заявлениях, публикуемых в газетах. Средства массовой информации явно пытаются манипулировать общественным мнением, и не ясно,

откуда это исходит. Но все факты следствия и противоречия, имеющиеся в показаниях Али Агджи, исключительно серьезны. Они неопровержимо доказывают абсурдность следствия против Антонова.

Я убежден, что показания Али Агджи — это ложь, плод фантазии. И когда Агджа заявляет, что у Антонова была борода, а на самом деле ее не было, когда говорит о присутствии супруги и дочери Антонова в Риме, а они в это время были далеко от Италии, и тому подобное, то становится ясно, что речь идет о большой лжи, которая в действительности является доказательством в пользу невиновности Антонова. Тем более что Али Агджу посетили в тюрьме представители итальянских спецслужб. Мы не знаем, что они говорили об Антонове. Но все наводит на мысль, что на Али Агджу был оказан нажим, чтобы он говорил неправду, лгал. Ясно, что в итоге осуществлена манипуляция, маневры определенных стран с целью оказать нажим на Агджу, чтобы тот изменил свои предыдущие показания и свидетельствовал против Антонова».

Дорис Уокер, заместитель председателя Ассоциации юристов-демократов США: «Главный политический момент в так называемом «деле Антонова» выражается, по-моему, в явной дезинформации, распространяемой средствами массовой информации. Я убедилась в этом, читая газеты США, в том числе «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Сан-Франциско кроникл». Большинство людей в США, читающих эти публикации, убеждены, что Антонов и другие болгары были вовлечены в подготовку покушения на папу, что за ними стоит Кремль, руководивший ими. Причина существования таких различных мнений заключается в том, что зачастую в американских газетах публикации по первой версии данного события появляются на первых полосах с крупными, броскими заголовками. А опровержение или разоблачение лжи печатается где-нибудь в середине газеты, скажем, внизу 36-й страницы. Мне лично и тем, кто внимательно следил за ходом процесса, ясно, что «дела Антонова» вообще не существует.

Несмотря на это, данное «дело» используется в США в максимальной степени для усиления нестихающей кампании антикоммунизма, и особенно антисоветизма. Эта кампания развернулась в нашей стране особенно широко после того, как к власти пришла администрация Рейгана, и достигла за последние Два-три года нового, более высокого уровня, еще большего накала.

Мне очень хотелось бы встретить какого-нибудь профессионала, очень компетентного человека, быть может, юриста с Журналистской практикой, — который смог бы написать ясно и

объективно о развитии так называемого «дела Антонова». Мне хотелось бы увидеть нечто вроде «Белой книги» по этому вопросу. Сейчас в США уже собрано достаточно информации о «деле Антонова» и, наверное, еще больше — в Италии. Но гораздо полезней была бы информация из объективных, безупречных источников, которая разоблачила бы ложь о мнимой роли Антонова, о мнимой роли Болгарии и Кремля, на которой так много спекулируют. Подобный документ, переведенный на несколько языков и распространенный во многих странах мира, будет исключительно полезен».

Леви Баптишта, генеральный секретарь Союза юристов Португалии: «Вокруг «дела Антонова» было поднято много шума средствами массовой информации еще во время следствия, и я думаю, что это нехорошо для правосудия. Оно должно быть разрешено безупречно и быстро. Я не представляю, как после всего этого шума суд сможет точно и объективно взвесить факты. Нарушен основной принцип — тайна следствия. А когда не соблюдается следственная тайна, все возможно. И, как я вижу, в средствах массовой информации, в том числе и португальских, этот вопрос рассматривается необъективно».

Мне ясно, что «дело Антонова» — повод для определенных политических кругов содействовать ухудшению отношений между Востоком и Западом. Если бы не было Антонова, нашелся бы кто-то другой и сложилась бы какая-то другая ситуация, но опять же предпринимались бы попытки извлечь политическую выгоду, как это происходит в данном случае, когда поднят весь этот шум. Я считаю, что эта кампания, о которой мы слышим ежедневно по радио и читаем в газетах, направлена против социалистических стран.

Сравнивая то, что знаю, и то, что читаю в газетах и между строк в статьях, я, как юрист, могу сделать заключение, что обвинения против Антонова абсурдны. Во время фашизма в Португалии я был защитником политзаключенных и знаю, как полиция манипулирует фактами и обрабатывает людей. Поэтому мы, юристы, должны сделать все, чтобы противостоять этому процессу дезинформации общественного мнения. Истина должна выплыть наружу, как масло всегда всплывает на поверхность воды. Но жаль, что пока все это произойдет, Антонову придется столько страдать.

Я читал статьи г-жи Стерлинг, в том числе и ту, что была напечатана в журнале «Ридерс дайджест», знаю и ее книгу «Сеть террора». В этой книге мадам Стерлинг утверждает, что . в 1975 г., то есть во время революции в Португалии в Лиссабоне были тысячи кубинцев, которые находились там, чтобы помочь коммунистической партии взять власть. Это ложь, но если журна-

лист однажды написал ложь, я уже отказываюсь, не могу верить ни одному слову в его писанине. Правда же та, что к югу от Лиссабона есть одна деревушка, которая называется Куба, но она не имеет ничего общего с государством Куба. И жители португальской деревушки Куба по национальности вовсе не кубинцы, а португальцы».

Аналогичная тема затронута и в интервью генерального директора болгарского телеграфного агентства Бояна Трайкова, напечатанном в болгарской газете «Литературен фронт» в мае 1984 г.:

«ЛФ»: Почему вы утверждаете, что как провокация, так и последовавшая за ней антиболгарская кампания были предварительно задуманы и организованы?

Б. Трайков: Рассмотрим последовательно, для внесения большей ясности, провокацию в Риме, под которой я подразумеваю рождение «дела Антонова» и идеологическую кампанию против социализма. Они составляют единое целое, они органично связаны между собой, они взаимообусловлены, они плод одной идеи и одного сценария.

Разумеется, провокация с арестом Антонова была предварительно организована. Чтобы подготовить ордер на арест, римский следственный отдел должен был иметь какое-то оправдание, по крайней мере, так называемые улики. Именно фабрикация улик требовала предварительной подготовки и, как впоследствии выяснилось, Агджу долгое время готовили, как и что лгать.

По этому поводу я хочу сказать, что у римского следственного отдела не было права на арест Антонова. Недопустимо давать ордер на арест на основании улик, представленных таким преступником, как Агджа, не проверив эти улики предварительно самым тщательным образом, не убедившись в их достоверности. Особенно, когда идет речь о таком тяжком обвинении, как покушение на главу государства. Ведь это, естественно, ведет к ухудшению отношений между двумя государствами, дискредитирует пользующуюся уважением во всем мире Болгарию и ее народ. Факты показывают, что если предварительная проверка улик и была проведена, то она оказалась поверхностной. А это означает или безответственность, или же порождает иные сомнения.

Что же касается антиболгарской кампании, то и она, разумеется, была предварительно организована. Чем, если не предварительной организацией, можно объяснить то, что Клэр Стерлинг и Пол-Хенци длительное время колесили по Турции, Федеративной Республике Германии, Италии и другим странам (исключая Болгарию) и за два месяца до начала провокации начали в своих публикациях обрабатывать общественное мнение с

тем, чтобы подготовить его к яростной антиболгарской кампании? Чем если не выполнением предварительно разработанного сценария, можно объяснить, что еще в сентябре 1982 г. американской телекомпанией Эн-Би-Си был снят и показан фильм с явной целью направить общественное мнение на «болгарский след» в покушении на папу и сделать следующий шаг в подготовке кампании против социалистической Болгарии?

О предварительном замысле и организации говорит и не случайное упоминание о «болгарском следе» в сентябре 1982 г. специальной комиссией конгресса США, следящей за выполнением хельсинкских договоренностей.⁶

А разве не были организованы пропагандистская акция и официальная кампания, сигналом для которых послужил арест Антонова 25 ноября 1982 г.? Был подан знак, и вся буржуазная печать, радио и телевидение обрушились на Болгарию и социализм. Здесь не может быть никаких сомнений или колебаний — буржуазный пропагандистский хор звучал так, словно им умело дирижировали. Начиная с выбора времени, этапов развития, так называемой «утечки информации», отфутболивания лжи из Италии в Турцию и оттуда во все страны Запада и кончая гальванизацией кампании новой порцией лжи после каждого спада — все говорит о том, что антиболгарская кампания была предварительно обдумана и спланирована, а затем постоянно руководилась и направлялась.

Хочу пояснить: говоря об организованной пропагандистской кампании, основанной на клеветническом утверждении о болгарском участии в покушении на папу, я не имею в виду сознательную принадлежность к этой организации всех пишущих на эту тему журналистов буржуазных средств массовой информации. Многие из них просто добросовестно исполняют свою профессиональную обязанность гоняться за новостями, искать сенсации и передавать факты и события в том виде, в каком им их представляют. Я утверждаю, что существует центр, созданный теми органами дезинформации и идеологической диверсии, которые давно уже разработали систему и механизм массивной обработки общественного мнения в нужном им направлении. Пример тому и клеветническая антиболгарская кампания, подхваченная многими западными средствами массовой информации.

«ЛФ»: Каковы цели этой антиболгарской и антисоциалистической пропагандистской кампании?

Б. Трайков: Цели, которые преследуют, развязывая эту пропагандистскую кампанию, авторы заговора, можно определить очень точно, имея в виду сложную международную обстановку, стремление империализма достичь военно-стратегического превосходства и найти повод для того, чтобы оправдать себя перед мировой общественностью. Кампания была разработана

весьма масштабно и комплексно, с широким диапазоном целей — начиная от игры на личных чувствах людей и кончая подержкой стратегических задач империализма. Но сколь бы многочисленными и разнообразными ни были эти цели, они в конце концов направлены на достижение одного исключительно важного эффекта — убить в миллионах людей на Западе чувства доверия и уважения к социалистической системе и миролюбивой политике народов стран социалистического содружества. Эта кампания отвечает духу и целям «неокрестового похода», объявленного для уничтожения коммунизма.

Об одной из целей кампании — ввести мировую общественность в заблуждение, внушив ей, будто страны социалистического содружества экспортируют и поддерживают терроризм в капиталистических странах, — хочу сказать еще несколько слов. Это нужно и для того, чтобы скрыть горькую правду о том, что терроризм возведен в ранг государственной политики и практики Соединенных Штатов. Миру известно неисчислимое множество примеров этого, начиная с внутривнутриполитического терроризма в США — убийств руководящих деятелей и прогрессивных людей, и кончая их внешнеполитическим терроризмом — перевороты, как в Чили, интервенции, как на Гренаде, щедрые поставки оружия и специалистов по части террора и убийств, как в Сальвадоре, наглые диверсии, такие, как минирование портов Никарагуа...

Надо иметь большую наглость, чтобы, отлично зная, где и кто занимается терроризмом, обвинять в этом других и даже дойти до обсуждения в США закона против терроризма. Это ли не лицемерие? Ведь придется судить самих себя!

«ЛФ»: Не старается ли кое-кто вызвать ухудшение болгаро-турецких отношений?

Б. Трайков: Как я уже говорил, цели этой кампании многоплановы, так что не следует исключать и эту, преследуемую определенными кругами на Западе. Кое-кому в НАТО не по нутру, что между Народной Республикой Болгарией и Турецкой Республикой существуют взаимопонимание и добрососедские отношения, что они постоянно расширяют сотрудничество в различных областях. Не по нутру им и наступившие на Балканах спокойствие и безопасность, и особенно обсуждающаяся идея о превращении нашего полуострова в зону, свободную от ядерного оружия, что явится самым ценным вкладом в дело мира в Европе и во всем мире.

Но даже если одной из целей этой кампании является подрыв болгаро-турецких отношений, я не допускаю, что это может произойти. Наши отношения с Турцией строятся на прочных принципах добрососедства, у них хорошее будущее, на них не могут повлиять конъюнктурные соображения, и особенно провокационные действия извне.

Я замечаю, что турецкое правительство относится к провокации и клевете по поводу преступных контактов между турецкими и болгарскими гражданами с большим благоразумием и реализмом. Это дает мне право с еще большим основанием верить в то, что если кампания имеет своей целью омрачить болгаро-турецкие отношения и вообще отношения на полуострове, ей на это надеяться не следует. На Балканах существует и будет существовать хорошая политическая атмосфера».

...И ДИРИЖЁРЫ ИЗ ЦРУ

Интоксикация мирового общественного мнения с целью внушить ему мысль о причастности социалистических стран к международному терроризму началась, как известно, задолго до покушения на папу. Каждый читатель или телезритель в любой западной стране мог бы без труда вспомнить не один конкретный случай использования за последние десятилетия неумирающих, к сожалению, империалистических побасенок о «руке Москвы» или о «русском медведе с ножом в зубах».

В интервью миланскому еженедельнику «Сеттиманале», опубликованном в январе 1981 г., новый президент Соединенных Штатов Рональд Рейган ответил в числе других и на вопрос о терроризме. Слова его прозвучали неожиданно остро. «Что касается терроризма, то мы положим все силы и добьемся успеха: уничтожим мозговые центры международного терроризма».

В конце того же месяца эти его слова «расшифровал» не кто иной, как сам госсекретарь Александр Хейг. На своей первой пресс-конференции он сказал: «Если глубже рассмотреть этот вопрос, то становится ясно, что Советский Союз несет сегодня главную ответственность за распространение терроризма и за кровопролития, которые он совершает», И добавил, что тема международного терроризма займет во внешней политике Соединенных Штатов то место, которое занимали при президенте Картере вопросы защиты прав человека.

Сразу же после Хейга перед журналистами выступил и президент Рейган. Несколько ответов на вопросы общего характера, и вдруг новая сенсация — высшее должностное лицо американского правительства повторило обвинения против Советского Союза: только-де СССР и никто другой ответствен за международный терроризм. По всему было видно, что проталкивается новая внешнеполитическая доктрина, ориентированная на конфронтацию с Советским Союзом: антитеррористическая пропаганда явилась чем-то вроде артподготовки перед атакой.

Идея отнюдь не оригинальна. В книге бывшего президента США Ричарда Никсона «Настоящая война», изданной в 1980 г., можно прочитать следующее: «Безусловно, спецслужбам необходимо обеспечить возможность охранять нас, если мы хотим решить вопрос о терроризме. Но пытаться гасить огонь, когда он уже разгорелся, недостаточно. Необходимо поразить в самое сердце тех, кто поддерживает терроризм, в том числе главного виновника — Советский Союз».

В конце июля 1979 г. в Иерусалиме проводится конференция по международному терроризму, организованная израильским институтом Джонатан. В ней участвуют «многие западные политики и интеллектуалы, в том числе Генри Киссинджер, Генри Джексон, Роберт Мосс, Брайан Крозьер» и др. Приглашение получает и Жак Сустель, человек, стоявший во главе реакционных сил при попытке государственного переворота в 1958 г. в Алжире.

Эти подробности содержатся в книге д-ра Кристиана Рулета «Преступная связь: Агджа — Иоанн Павел II — Антонов», изданной летом 1984 г. в Париже. Ее автор, адвокат кассационного суда доктор Кристиан Рулет ответил на вопросы агентства БТА («Софийские новости», 25.7.1984):

«— Вы уделяете особое внимание так называемой Джо-натанской конференции в Иерусалиме. Чем обоснован подобный интерес к этому относительно давнему событию?»

— Те крайне правые силы, которые сумели привести Рейгана к победе на президентских выборах, оживили некоторые позабытые методы ведения идеологической диверсии. Их представители в деловых кругах и ЦРУ финансируют «исследования» группы ученых в американском столичном Джорджтаунском университете: профессоров, писателей, журналистов и дипломатов — тех, кто не согласился бы стать агентом ЦРУ, но охотно берется за выполнение определенных заданий. Именно они участвовали в совещании в Иерусалиме в июле 1979 г., где была разработана идеологическая стратегия по вопросам терроризма. Убежден, что тогда были практически решены вопросы разработки «болгарского следа».

— Каковы главные положения идеологической платформы Джонатанского сборища?

— Я бы их объединил в три основные группы. Во-первых, международный терроризм направлен против некоммунистических стран с целью их дестабилизации в пользу Москвы. Во-вторых, террорист (или убийца) не имеет ничего общего с определенными политическими или идеологическими убеждениями. Это просто наемник, выполняющий поставленную перед ним задачу. В-третьих, помимо связи всех террористов с Востоком за каждым террористическим актом стоят разведы-

вательные службы СССР или их тайные исполнители в Болгарии или на Кубе. Все это было введено в действие в инсценировке покушения на папу». Еще раз подчеркнем, что упомянутые К. Рулетом антисоветчики Роберт Мосс и Брайан Крозьер — люди не случайные в западном политическом мире. Первый является главным редактором влиятельного лондонского еженедельного журнала «Экономист», второй — основатель и директор Лондонского института по изучению конфликтов. На упомянутой конференции в Иерусалиме Мосс и Крозьер выдвинули идею о том, что террористические организации получают политическую и финансовую помощь от Москвы. Мосу принадлежит следующее уточнение: «Большую часть деликатной задачи обеспечения связи с террористическими группами Советский Союз возлагает на своих сателлитов. Среди них особенно активны две страны — ГДР и Куба. Однако базы для партизан и для обучения ведению подрывной деятельности существуют и в Чехословакии и в Болгарии».

Англичанин Пол Джонсон попытался охарактеризовать основные направления, по которым должна проводиться идеологическая кампания: он вручил всем участникам описываемой конференции в Иерусалиме текст, озаглавленный «Семь смертных грехов терроризма». Во введении прямо указывается, что предлагаемая идеологическая борьба носит приоритетный характер: «Ошибочно мнение, в соответствии с которым терроризм рассматривается как симптом глубокого общего заболевания нашего общества или же как один из аспектов роста насилия, которое включает в себя рост числа преступлений среди молодежи, столкновения в университетах, вандализм и т. д. — явления, причины которых приписывают водородной бомбе, духу потребительства, фильмам насилия, увеличившемуся количеству разводов, недугам государственных служб, нищете... Так можно прийти к бесплодному и пораженческому заключению, что виновато само общество. Общественное мнение не должно доходить до морального оправдания терроризма, допускать появление классификаций, разграничивающих левый (освободительные движения, партизаны) и правый терроризм. Левый или правый терроризм утратил моральный смысл, он дестабилизирует установленный порядок и угрожает свободному миру».

Джонсон, между прочим, уточняет, что под угрозой находятся только «демократии», но не «тоталитарные державы» и что непременным условием является постоянное представление терроризма в качестве явления, манипулируемого «империей зла», — везде и всюду необходимо разоблачать «руку КГБ или советских сателлитов».

Идеологическая ориентация описываемого сборища в израильском Институте Джонатана ясна: во-первых, исключить какой бы то ни было анализ социальных причин терроризма; во-вторых, придать террористическим действиям облик насилия, совершенного ради самого насилия с целью дестабилизации «установленного порядка». Необходимо сосредоточить внимание на оружии и жертве, чтобы был забыт убийца и его мотивы. И, наконец, без колебаний доходить до «политической свистопляски» и до «навязчивого утверждения», что «Советский Союз замешан в террористических действиях по всему миру».

Выгоды подобной идеологии в том, что она не требует никакой корректности в информационной работе. Гипотеза о «болгарском или кубинском следе» может приводиться по поводу любого события; буржуазному журналисту в таком случае нет необходимости уточнять, какими источниками информации он пользуется. Он может быть уверен, что стиль писаний по рецептам Джонатана будет превращать лишенный основания слух в реальную гипотезу, а гипотезу — в надежный источник информации. Впоследствии источники информации, умноженные и скомпилированные, могут быть использованы в качестве досье, из которого можно многое почерпнуть. Дезинформация достигнет тогда своей цели.

В соответствии с директивой Института Джонатана буржуазные журналисты согласились забыть, что Агджа — неглупый и решительный неонацистский преступник, поскольку гипотеза о болгарском следе требует, чтобы убийца был замаскирован, превращен в «неясную» личность без определенной политической принадлежности, поддающуюся любым манипуляциям. Эти же журналисты решили также закрыть глаза на очевидность того, что западный судебный аппарат подчиняется какой-то, остающейся в тени группе, действующей в соответствии с требованиями идеологической войны, которую ведут правые силы. Консилиум Джонатана — естественное детище окружения, подготовившего в 1966 г. избрание Рейгана губернатором Калифорнии. Эта рабочая группа консерваторов пользуется поддержкой института Гувера, организации, финансируемой крайне правыми силами в деловых кругах. Она опирается и на центр стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете (ЦСМИ) и фонд «Херитидж» в Вашингтоне, которые считаются центрами возрождения идей ультраправых.

Студенты Джорджтаунского университета так и остаются в неведении относительно того, чем в сущности занимается их университетский центр. Он располагает значительным бюджетом, большую часть которого обеспечивают деловые круги.

ЦСМИ пользуется щедростью ЦРУ, в число его «почетных исследователей» входят Рональд Рейган и Александр Солженицын.

Люди сенатора Барри Голдуотера (председатель сенатской подкомиссии) по делам разведывательных органов) и Рейгана знают, что университетские ученые, журналисты и судебные чиновники испытывают неудобство, когда дело касается непосредственно вознаграждения за услуги, оказанные ЦРУ, Марка университета в Джорджтауне предоставляет им свободу, скрывая под личиной «исследователей» тех, кто обладает достаточной властью и богатством, чтобы поддерживать переустройство в интересах американских правых сил.

Люди ЦРУ совместно с ЦСМИ и фондами «Херитидж» и Гувера занимают ключевые позиции в Белом доме. Так, в Совете национальной безопасности наряду с директором ЦРУ Уильямом Кейси оказались Ричард Аллен от ЦСМИ и Гувера и Честер Крокер от ЦСМИ. Среди имен «ученых» Джорджтауна и активных участников в консилиуме Джонатан мы встречаем одних и тех же людей — Рея Клайна, Роберта Мосса, Пола Джонсона, Джорджа Буша, Генри Киссинджера, Брайана Крозьера и Нормана Подгореца (шефа журнала «Комментарии», финансируемого ЦСМИ), а также Клер Стерлинг. Итак, идеологическая стратегия израильского Института Джонатана — не спонтанное явление, она старательно продумана. И это не случайность, что для осуществления замыслов Джонатана и для раскрытия «болгарского следа» была выбрана Италия — страна, где ЦСМИ имеет опыт, накопленный со времен выборов 1976 г.

ЦСМИ удалось взять под свою эгиду конференцию по проблемам коммунистической угрозы в Италии, состоявшуюся за три месяца до выборов 1976 г. На трибуне можно было увидеть Уильяма Колби, Рея Клайна, Джона Конелли, Клэр Люс и Клэр Стерлинг. Колби и Клайн сделали свою карьеру в ЦРУ. Конелли в то время был членом бюро советников президента по вопросам разведки. Клэр Люс была послом США в Италии в то же самое время, когда Колби был резидентом ЦРУ в Риме. Клэр Стерлинг, «независимая журналистка», долгое время была корреспондентом американского журнала «Репортер» в Италии — основного рупора республиканцев еще со времен «холодной войны». Все выступавшие были единодушны в том, что американцам необходимо предпринять что-то, что помешало бы победе коммунистов в Италии. Неоднократно приводился в качестве «успешного прецедента» пример в Чили. Они оценивали деятельность Итальянской компартии не в местном политическом контексте, а в качестве угрозы «национальной безопасности» США и НАТО в целом.

Конференция ЦСМИ по итальянскому вопросу выдвинула следующее предложение: 22 миллиона американцев итальянского происхождения и 50 миллионов американских католиков должны включиться в почтовую кампанию с целью повлиять на выборы в Италии. Спустя всего лишь несколько дней после этого решения большинство американских газет публикует воззвание к американцам, чтобы они написали «своим родным и друзьям в Италии и призвали их 20 и 21 июня голосовать за сохранение свобод». Эти воззвания издавались под патронажем Союза граждан за свободу в Средиземноморье. Он представлял собой комитет политических действий, организованный участниками конференции ЦСМИ. Эта группа стремилась «противостоять коммунистам в пропагандистской войне». Исполнительный директор комитета Билл Джил предупреждал журналистов, что нельзя доверять никаким известиям из Италии: «Не слушайте, что говорят сотрудники итальянских информационных средств. Печать буквально наводнена коммунистами». Он предложил сделать доверенными лицами на итальянской политической сцене Клэр Стерлинг и ее коллегу Рея Клайна. Так в один прекрасный день после конференции ЦСМИ журнал «Нью Рипаблик» публикует большую статью «Русские наставники Италии», принадлежащую перу Клэр Стерлинг и сотрудника ЦСМИ Майкла Ледина, в которой объясняется, что ИКП тайно получает средства через комплекс экспортно-импортных предприятий, контролируемых партией. Незадолго до выборов статья «Русские наставники Италии» была перепечатана в римской газете «Дейли Америкэн» и в журнале «Боргезе», а затем и в других итальянских изданиях. Журналисты итальянской столицы, хотели они того или нет, получили от американского посольства по почте бесплатный экземпляр отпечатанной отдельным выпуском статьи Стерлинг и Ледина...

В 1985 г., перед самым открытием судебного процесса над Сергеем Антоновым некая комиссия по терроризму Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета разослала из Вашингтона в сотни западных редакций небольшую брошюру в 26 страниц под заголовком «Международные аспекты покушения на папу римского: образец государственного терроризма». На титуле брошюры значатся... 18 авторов, среди которых трое из ЦРУ, двое из госдепартамента, еще двое из Белого дома и один из Пентагона. Фамилии некоторых авторов брошюры хорошо известны — Збнгнев Бжезинский, Ричард Хелмс, Рей Клайн, Арно Де Борчгрэйв, Пол Хенци. Такой набор фамилий и должностей не мог пройти незамеченным, и по этому поводу высказался Журналист Иона Андронов в московской «Литературной газете» (25.4.1985): «Итальянские власти все же решились начать 27 мая заведомо бесчест-

ное судилище над гражданином социалистической страны. Цель этой затеи очевидна — спровоцировать на Западе новую вспышку антикоммунистической истерии. Разосланная из Вашингтона подстрекательская брошюра загодя нагнетает злобный ажиотаж: «римский суд явится, вероятно, наиболее сенсационным», «это дело, наверное, столь же важное, как Нюрнбергский процесс», «будет, возможно, обнаружено, что болгары и Советы причастны к попытке убить папу». И далее сочинители брошюры рекомендуют правительству США оказать после римского процесса «давление на советских лидеров» и «политически проучить Советы», а к Болгарии применить «политику возмездия», сформулированную следующим образом: «Готовы ли сегодня Соединенные Штаты замаскированно или открыто атаковать физически такую страну, как Болгария, наказав ее тем самым за акцию против папы? Не предпочтут ли Соединенные Штаты во избежание попреков прибегнуть к замаскированной атаке силами какого-нибудь их сателлита? Что даст в итоге такая атака? Если ее хорошо осуществить, то она произведет должное воздействие на ее мишень». Эта угроза — отнюдь не безответственный блеф или просто дурацкая наглость. Ибо ее огласили влиятельные вашингтонские политики. Особо настораживает то обстоятельство, что среди агрессивных сочинителей брошюры Центра числится Макс Кампельман — руководитель правительственной делегации США на советско-американских переговорах в Женеве по ядерным и космическим вооружениям. В подписанной им брошюре объявлено, что отныне обвинять Софию и Москву за ватиканское покушение «следует наравне с дебатами о контроле над вооружениями». Единомышленников Кампельмана ничуть не смущает зыбкость их аргументации. Они, к примеру, в своей брошюре сожалеют относительно ватиканского покушения, что «нет ни бесспорных улик, ни документального доказательства криминального соучастия болгар и хотя бы косвенной виновности Советов». Предлагаая обернуть римский процесс против Москвы, антисоветчики вместе с тем выражают «опасение, как бы это не вызвало нежелательного разоблачения секретных операций Запада или западных акций с целью тайных убийств». И далее говорится: «Особенно важно то, что политика США, быть может, небезупречна по части заговоров с целью убийства иностранных лидеров. А если это так, то будет трудно с позиций высоких принципов порицать Советский Союз». Это именно так! И вне зависимости от исхода назначенного в Риме суда оглашенные накануне него вашингтонские инструкции саморазоблачают поименно тех, кто стоит за подготовленной антисоветской провокацией, кто ее инспирировал, кто ею руководит и по чьей воле поныне не оправдан полностью Сергей Антонов.

Крайне реакционные израильский Институт Джонатана в Иерусалиме и ЦСМИ в Вашингтоне не случайно ассоциируются у французского адвоката К. Рулета с политическим курсом США, который получил в последнее время очень точное определение — «государственный терроризм». Терроризм возведен ныне в ранг государственной политики Израиля, и вина за это лежит на идеологии сионизма — ведь ее типичным проявлением являлась, к примеру, деятельность такого триумвирата военных преступников, как Бегин, Шамир и Шарон. Идеологи и практики государственного терроризма США опираются в своем оголтелом антисоветизме, антисоциализме и антикоммунизме на единомышленников в Израиле и на представителей международных сионистских кругов. Последние (типа К. Стерлинг и К°) действуют особо нагло и беспардонно. Они, более чем кто-либо, уверовали в безнаказанность осуществляемых ими провокаций. Ведь не секрет, что критиковать на Западе таких людей, как Мосс, Ледин, Калб, Стерлинг и т. п., сложнее, чем немаскирующихся неофашистов и террористов. Объективное исследование политического сионизма или критика такой организации, как израильская разведслужба Мос-сад, могут вызвать в условиях современного Запада обвинения в «нацизме», «антисемитизме» и привести ко всякого рода преследованиям, вплоть до судебных. И адвокату Рулету это хорошо известно. Его соотечественник Р. Гароди, которого трудно сейчас заподозрить в приверженности прогрессивному мировоззрению, пишет во введении к своей книге «Дело об Израиле: политический сионизм» (Париж, 1983): «Во Франции можно критиковать католичество или марксизм, превозносить атеизм или национализм, осуждать режимы СССР, США и ЮАР, отстаивать анархизм или монархию, опасаясь лишь спровоцировать обычную полемику. Но если коснуться проблем сионизма, то в этом случае литературное дело может стать подсудным».

Центральная тема идеологической войны, такой, какой ее рисует Институт Джонатана, точно схвачена журналистом Франсуа Брошем, который в июне 1981 г. предложил в связи с делом Агджи несколько вариантов «следа»: советского, ГДР, чехословацкого и болгарского. В то время он остановил свой выбор на ГДР, обосновывая его фальшивой информацией: Агджа жил в Западной Германии, женился на немке, и им, следовательно, могли манипулировать секретные службы ГДР, которые контролировали... (!) фашистскую организацию «серые волки». Говоря об источнике своей информации, Ф. Брош ограничивается ссылкой на «западногерманскую полицию» и на авторов, которые принимают существование советского или болгарского следа за «очевидное». Так, в качестве источника цитируется книга Клэр Стерлинг «Сеть террора», выход которой в 1981 г.

был отрицательно встречен в прогрессивных кругах. В этой книге заложены основы фальшивки о «болгарском следе». Ее возникновению сопутствуют дела странного рода «журналистов», призванных замаскировать роль ЦРУ в черном терроризме. Стерлинг, например, утверждает, что терроризм всегда представляет собой действия, направленные на дестабилизацию Запада, и, следовательно, он направляется Москвой и ее союзниками.

В 1983 г. парижское издательство «Плон» выпустило «труд» Эдуарда Саблие «Тайная история терроризма». Французская сатирическая газета «Канар Аншене» посвятила этой книге статью, которая была опубликована 30 марта 1983 г. и называлась «Терроризм и переписывание». В ней говорилось, как каждый или почти каждый понедельник в течение 1980—1981 гг. английская газета «Дейли телеграф» публиковала по одной хронике, подписанной Робертом Моссом, в которых этот журналист анализировал «жестокости восточных секретных служб». Вооружившись ножницами и клеем, Эдуард Саблие вновь обратился к подобным «разоблачениям» в своей книге, «успех» которой он предугадывал заранее.

На обложке книги значится: «Книга, в адрес которой мечет молнии Французская компартия...» Там же узнаем, что автор книги, журналист радиостанции «Франс-Энтер», провел «старательное и ценное исследование (!), в результате которого он пришел к выводу, что нити международного терроризма тянутся к рабочим столам в Москве». Невероятная новость! Что же касается источников, то здесь Эдуард Саблие демонстрирует исключительную сдержанность по вопросу происхождения сведений, дающих ему основание описывать стратегию Москвы в таких деталях, словно он целые дни проводил под каким-нибудь столом в Кремле. В книге отсутствуют какие бы то ни было сноски или хотя бы намеки на библиографию.

Но вернемся снова к началу 1981 г., когда всевозможного рода «частные» и официальные мнения, высказываемые самыми видными представителями правых сил, были поставлены во главу угла американской антисоветской пропаганды.

— 31 января 1981 г. правый французский журнал «Пари-матч» опубликовал статью Роберта Мосса, в которой следующим образом аргументировалось «советское участие в терроризме»: еще в 1879 г. в царской России организация «Народная воля» начала реализацию террористических акций. Значит, «склонность к терроризму» — национальная черта русских.

— 6 февраля 1981 г. в газете «Нью-Йорк тайме» помещено высказывание Хейга: «Я утверждаю, что явление, представляющее сегодня главную угрозу и главный источник озабоченности всех свободных стран, это взрыв международного терроризма и

связанные с ним случаи незаконного вмешательства, так называемые национально-освободительные войны, которые ведут Советский Союз или его подставные лица».

— 9 февраля 1981 г. телекомпания Си-Би-Эс передала интервью с бывшим директором ЦРУ адмиралом Стэнфилдом Тернером: «Советская поддержка терроризма простирается на весь мир, в том числе и на так называемые освободительные исламские группы на Филиппинах».

— 3 марта 1981 г. в студии Си-Би-Эс Рейган отвечал на вопросы телекомментатора Уолтера Кронкайта. Президент обвинил коммунистическую идеологию в безнравственности, в использовании лжи и убийств во имя достижения своих целей.

— 16 марта 1981 г. журнал «Тайм» напечатал интервью Хейга: «Все учащающиеся случаи поражений в защите наших интересов за границей, растущее беззаконие и терроризм, как и так называемые освободительные войны, ставят под угрозу наши возможности оказывать конструктивное влияние на события в мире и обеспечивать себе доступ к источникам сырья».

— 19 марта 1981 г. перед телекамерами компании Эй-Би-Си выступил советник президента по вопросам национальной безопасности Ричард Аллен. «Нет сомнения, — сказал он, — что ООП необходимо расценивать как террористическую организацию до тех пор, пока она не представит убедительных доказательств обратного». К тому времени 117 государств мира признали ООП единственным законным представителем интересов палестинского народа, а ООН предоставила ей статус наблюдателя. Может быть, Ричард Аллен этого не знал? Нет, он человек информированный, но тем не менее бросил упрек и ООН: «К сожалению, терроризм оказался эффективным для ООП, если иметь в виду законность, которую он ей дал в ООН».

— 14 апреля 1981 г. в Вашингтоне состоялась церемония в честь бывших американских заложников в Тегеране. От имени президента Рейгана, находившегося на излечении после покушения на него Джона Хинкли, государственный секретарь Хейг заявил: «Соединенные Штаты, которые действуют согласованно со своими союзниками, исполнены решимости задушить международный терроризм, этот бич, угрожающий нашей свободе и подрывающий наше достоинство».

Логика требовала подтверждения этих обвинений доказательствами, которые должны были предоставить прежде всего спецслужбы США: ФБР, ЦРУ и военная разведка. И запросы действительно посыпались. Полученные в обратном порядке ответы были до крайности лаконичны: 15 марта 1981 г. в «Вашингтон пост мэгэзин» на вопрос о международном террористическом заговоре представитель военной разведки ответил следующее: «Не могу дать окончательный ответ относительно

существования заговора, так как мне ничего не известно. У меня просто нет доказательств». 29 марта 1981 г. агентство Ассошиэйтед Пресс передало из Вашингтона: «В одном докладе ЦРУ «резко опровергает» утверждения правительства Рейгана о том, что Советский Союз является главной силой, поддерживающей международный терроризм, сообщено вчера из правительственных источников».

7 мая 1981 г. «Интернэшнл геральд трибюн» поместила высказывание директора ФБР Уильяма Уэбстера: «Нет реальных доказательств того, что СССР организует терроризм в США». «Привычка лгать чревата опасностью самообмана, вы начинаете верить в свою собственную пропаганду». Эти слова американского историка Генри Стила Комаджера сказаны по другому поводу, но удивительно точно подходят к атмосфере, царившей в США весной 1981 г.

Александр Хейг был первым, кто начал верить в свою собственную пропаганду. В марте 1981 г. на очередную свою пресс-конференцию он принес книгу Клэр Стерлинг «Сеть террора», и, помахав ею сказал: «Здесь сказано все».

В рецензии от 26 марта 1981 г. «Интернэшнл геральд трибюн» синтезирует амбициозную задачу Стерлинг: «...представить многочисленные доказательства того, что в последние годы Советский Союз и его союзники обучали, обеспечивали оружием и предоставляли политическое убежище участникам охватившей весь мир террористической сети, цель которой своими действиями дестабилизировать демократическое западное общество. Эта сеть состоит из 140 связанных между собой террористических групп, действующих в 50 странах четырех континентов».

Отсутствие обоснованных фактов в книге было признано самой Клэр Стерлинг в интервью корреспондентке французского еженедельного издания «Экспресс» Софи Лан, опубликованном 5 мая 1981 г.: «Разумеется, дело отнюдь не простое. Никто и нигде не видел, чтобы Советский Союз создавал или контролировал террористические группы в той или другой стране, а тем более направлял их ежедневную деятельность. На практике русские стараются избегать прямого вмешательства». Тем самым она сама себя опровергает, ибо в своей книге пишет, что летом 1978 г. политический обозреватель «Литературной газеты» Виталий Кобыш находился с «инспекцией» в Южной Франции, чтобы инструктировать террористов-басков. Ответ Кобыша не заставил себя ждать, в номере газеты от 20 мая 1981 г. писалось: «Дама из ЦРУ утверждает, что автор этих строк встретился 14 июня 1978 г. в Южной Франции с руководителями какой-то террористической организации басков, чтобы активизировать их деятельность. Впечатляюще. Только вот как

увязать утверждение проницательной мисс со следующими фактами: 14 июня «обвиняемый» находился в Москве, с настоящими басками он вообще не встречался ни разу в своей жизни, а во Франции, что можно проверить, в последний раз он был лет десять назад».

Пророческими оказались слова Брайана Дженкинса, директора исследовательской программы политического насилия и наднациональных конфликтов корпорации РЭНД. 12 мая 1981 г. он опубликовал в газете «Вашингтон пост» рецензию на книгу Стерлинг, объясняя причину ее появления именно в этот момент: «Время ее выхода в свет — отличное. Ее выход совпадает с приходом в Вашингтон новой администрации, которая своей публичной риторикой поднимает проблему международного терроризма до уровня первостепенной важности. Более того, тезис ее автора о том, что Советский Союз стоит за большей частью деяний современного терроризма, совпадает с отношением официальных лиц рейгановской администрации к этому вопросу, которые склонны обвинять Советский Союз в том, что он повинен в большинстве беспорядков в мире...»

Мировую известность благодаря шумной и продолжительной рекламной кампании в западном мире получил объемный книжный пасквиль американской журналистки Клэр Стерлинг, тридцать лет представляющей в Италии ряд газет США, в том числе и такую известную, как «Вашингтон пост». Ее книга «Сеть террора. Тайная война международного терроризма» была издана в самом начале 1981 г. многомиллионным (!!!) тиражом в США и почти одновременно еще в десятке других стран издателями «Ридерс дайджест». Под этим названием выходит известный своими тесными связями с ЦРУ ежемесячный небольшой по объему и формату журнал тиражом 17 млн. экземпляров на четырех западных языках. Издательство «Ридерс дайджест» выпускает по рекомендациям американских спецслужб книги самого реакционного содержания.

Прославившись своим пренебрежительным отношением к фактам и необоснованными заключениями, Стерлинг села в лужу с французским изданием своей книги, в котором она обвинила известного на Западе политического деятеля левых убеждений Анри Кюриеля в том, что он якобы являлся «террористом и агентом Москвы»: Видный активист борьбы против апартеида, сторонник национально-освободительных движений, Кюриель был убит в Париже в мае 1978 г. Существует мнение, что это преступление было делом БОСС, секретной службы ЮАР. Однако, по мнению Клэр Стерлинг, террористом был именно Кюриель, а не те, кто его убил. Одной из ошибок Стерлинг было и то, что она заявила на страницах своей книги, будто Кюриель — это хорошо известный

международный террорист по кличке Карлос. Семья Анри Кюриеля и группа его друзей возбудили два дела против Клэр Стерлинг, обвинив ее «в нанесении обиды памяти покойного и клевете». Первая гражданская палата парижского суда, рассмотрев дела, пришла к выводу, что Стерлинг виновна в обоих случаях, и 14 марта 1982 г. приговорила ее к оплате всех судебных издержек и к штрафу в 500 франков в пользу семьи Кюриель. Незадолго до этого та же парижская судебная инстанция приняла аналогичное решение по иску дочери также оклеветанного К. Стерлинг Джойса Бло, ближайшего сподвижника Анри Кюриеля, и потребовала изъять из еще не проданных экземпляров книги те абзацы, в которых утверждается о вкладе обоих названных лиц в «поддержку международного терроризма, по всей видимости (!?) инспирируемого Советским Союзом».

«Я насчитал в книге «Сеть террора» несколько десятков фактических ошибок» — эти слова буржуазного журналиста Роже-Ксавье Лантери из рецензии на только что вышедший почти 400-страничный опус Стерлинг были опубликованы в правом парижском еженедельнике «Экспресс» (14. 3. 1981). Мир еще не знал о существовании Агджи, антисоветская кампания натовских стран вокруг мнимых покровителей турецкого убийцы была еще впереди. Специалисты по антикоммунизму откровенно посмеивались над автором нашумевшего американского бестселлера, рассчитанного на слишком уж невежественного и некритически мыслящего западного читателя. Намеренно путая терроризм псевдолевой и правой ориентации с национально-освободительными движениями, Стерлинг изыскивает таким образом возможность извратить суть широко известной поддержки социалистических стран прогрессивным режимам и движениям в «третьем мире». Москва помогает как палестинцам, так и «красным бригадам», откровенно лжет Стерлинг, не приводя, конечно, никаких доказательств, никаких фактов связей Москвы с терроризмом, сеющим смерть и ужас в Западной Европе 70—80-х г.г. Стерлинг обвиняет в поддержке международного терроризма Кубу, Ливию и Организацию освобождения Палестины. Огульно обвинять кубинцев в терроризме перестали даже чиновники госдепартамента США.

Последние, правда, продолжают вкупе с ЦРУ возмутительную кампанию против Ливии, дискредитируя ее в глазах мирового общественного мнения и приписывая ее руководству и лично Муамару Каддафи все смертные грехи. Стерлинг цитировала страницы малоизвестного политического романа «Луч смерти» своего давнего знакомого и коллеги Роберта Мосса. В нем говорилось, что Каддафи якобы послал группу палестинцев во главе с неуловимым террористом Карлосом в Вашинг-

тон с целью убийства Рейгана. И те, мол, установили напротив Белого дома зенитную ракету с тепловой самонаводящейся головкой «САМ-5» советского производства, чтобы сбить вертолет Рейгана при заходе его на посадку. Сенсационную «новость», сфабрикованную израильской разведкой (а к числу ее агентов принадлежали сионисты Стерлинг, Мосс и упоминавшийся выше Ледин), подхватил американский еженедельник «Ньюсуик», используя ее в интересах тех, кто пытался добиться изоляции Ливии от западного мира и дестабилизации этой страны прогрессивной, антиамериканской ориентации.

Забегая вперед, отметим, что после такой внушительной рекламной поддержки в лице самой К. Стерлинг, а также ее книги «Сеть террора», два года спустя Мосса пригласили в телестудию одной из крупнейших национальных телесетей США Эй-Би-Си . позволили пофантазировать о якобы установленной Моссом «связи между одним из необнаруженных участников заговора с целью убийства папы и не поддающейся обнаружению группой террористов, которую Каддафи послал в Соединенные Штаты согласно плану заговора с целью убийства Рейгана». Домыслы Мосса насчет существования единой бригады террористов или насчет участия в этих двух заговорах одних и тех же лиц были основаны на попытках доказать сходство одного человека в толпе на площади Св. Петра с портретом, составленным полицией с помощью фоторобота для установления личности террориста из несуществовавшей группы, якобы отправленной для убийства Рейгана.

В 1976 г., утверждала Стерлинг, «ливийский лидер М. Каддафи выделил на нужды международных террористов 580 млн. долларов». Несколькими абзацами ниже в книге Стерлинг отмечалось, что почти все эти деньги были переданы в качестве помощи палестинцам. Что же в этом крамольного? Ведь та же Стерлинг высказала на страницах своей книги мнение о том, что «после арабо-израильской войны 1973 г. открылись новые возможности для дипломатического урегулирования ближневосточного конфликта, соответственно изменилась линия палестинских организаций и руководитель ООП Ясир Арафат с той поры твердо придерживается своего решения прекратить прямую террористическую активность всех подчиненных ему организаций». Так где же, в самом деле, живет «дирижер оркестра», спрашивают у Стерлинг западные тележурналисты, интересующиеся международным терроризмом. «В Москве таких дирижеров нет, — отвечала она в ходе телевизионного интервью, — нет там бункера, где определяется очередность закладки бомб на улицах Парижа или Рима, но... — следует многозначительная пауза — там (!) заинтересованы в том, чтобы ослабить и демора-

лизовать, смутить, унижить, испугать, парализовать и если возможно, разрушить демократическое общество на Западе». Но ведь это совершенно неразумно и бесполезно обвинять соседа, даже если он и враг, в собственных несчастьях, к которым тот не имеет никакого отношения. Империализм — это саморазрушающееся общество, которое собственными усилиями неуклонно движется к закату и конец этого общества никоим образом не может быть ускорен ни путем экспорта туда революций, ни посредством преступлений международного терроризма. Последний, наоборот, призван, по мнению его вдохновителей, ужесточить структуру власти буржуазии и подавить движения протеста народных масс против засилья монополий. Для западных аналитиков подобный подход к оценкам причин разгула терроризма в капиталистическом мире заведомо исключается. Но и на Западе многие понимают, что массовое распространение клеветы типа «Сеть террора» К. Стерлинг само по себе является актом политического террора крупного масштаба.

«Наиболее опасным для общества зачастую является не сам преступник, а средства массовой информации, соответствующим образом интерпретирующие и эксплуатирующие это варварство в грязных целях» — так выразил свое отношение к причинам нынешнего «бума терроризма» на Западе известный французский кинорежиссер Жан-Люк Годар в интервью одной из наиболее влиятельных парижских газет «Матэн» (9.1.1984). Уже упоминавшийся Р.-К. Лантери из французского журнала «Экспресс» пожалел будущих историков, которые столетия спустя будут судить о нашей эпохе по таким вот тенденциозным компиляциям типа фальшивки «Сеть террора». Материал книги Стерлинг действительно составлен из газетно-журнальных вырезок, подобранных по принципу содержания в них наиболее фантастической лжи, поданной в виде антисоветских домыслов и предположений.

Выполняя социальный заказ администрации Рейгана, Стерлинг упорно и методично проводила с первой и до последней страницы книги «Сеть террора» свою «главную идею», заключающуюся в том, что за всеми проявлениями «международного терроризма» в современном мире якобы стоят Советской Союз и его союзники. Но доказать американская журналистка не смогла ничего и даже не сумела придать своим «аргументам» видимости правдоподобия.

В причастности к международному терроризму Стерлинг обвиняла Москву, Всемирный Совет Мира со штаб-квартирой в Финляндии и даже чилийских эмигрантов. В этой связи Стерлинг заявляла, что Улоф Пальме (премьер-министр Швеции) является защитником террористов, а Стокгольм — их убежищем...

«Библией для дезинформаторов» назвал книгу К. Стерлинг «Сеть террора» вашингтонский журнал «Каверт экшн» (январь

1983 г.). Внимательно ознакомившись с книгой Стерлинг, корреспондент формулирует с ее слов ряд «принципов раскрытия советских заговоров»:

1. Если террорист открыто «красный», то его контролирует Москва.

2. Если террорист открыто реакционный (из правого лагеря), то он тайно относится к «красным» и его контролирует Москва.

3. Если примененное оружие советского производства, то это достоверное доказательство того, что террорист действовал под контролем Москвы.

4. Если примененное оружие натовского производства, то Стерлинг может по его серийному номеру доказать, что оно было захвачено «красными бригадами» на какой-то базе НАТО. А эти «бригады» контролируются Москвой.

5. Если все имеющиеся данные подводят к противоположному выводу, скажем, что взрыв железнодорожного вокзала в Болонье организован правыми или что Агджа просто уголовный преступник с правыми взглядами, — то мы должны помнить о том, что «красные» и реакционные террористы действуют вместе...».

Правительство Рейгана благосклонно встретило появление книги «Сеть террора». Стерлинг была предоставлена возможность прогнеть еще раз — ее имя вновь промелькнуло на страницах западной прессы, когда она в качестве свидетеля предстала в апреле 1981 г. на расследовании, проведенном в новом только что созданном подкомитете сената по вопросам безопасности и терроризма под председательством члена республиканской партии из штата Алабама сенатора Джереми Дентона, духовного наследника другого печально известного сенатора покойного Джо Маккарти. Репортер ньюйоркской газеты «Сохо ньюс» писал следующее о расследовании, которое вел подкомитет во главе с Дентоном: «Крупным подарком был целый ряд свидетелей, целая плеяда звезд средств массовой информации ЦРУ, неблагоприятное прошлое которых связано с профессиональным преследованием «красных»... О душевном состоянии Клэр Стерлинг можно судить по следующему эпизоду. Известно, что в одном из своих опусов она пишет о том, что ЦРУ проявило мягкотелость по отношению к «коммунистическому терроризму». На вопрос же сенатора Лихая, «были ли ЦРУ и ФБР подкуплены», она ответила: «Мне неизвестно, относится ли это к ФБР». Значит, ЦРУ было подкуплено самим собой?! А за месяц до этого ЦРУ подготовило доклад, в котором, согласно сообщению газеты «Нью-Йорк тайме» от 30 марта 1981 г., «ЦРУ пришло к выводу, что нет доказательств, подкрепляющих обвинения администрации, будто Советский Союз непосредственно поддерживает

международный терроризм». Можно предположить, что именно эта причина заставила бедную Клэр Стерлинг начать свою международную охоту, чтобы доказать обратное, несмотря на скептицизм даже таких опытных секретных служб, какими являются службы ФРГ и Израиля!»

Личности, подобные Дентону, Стерлинг и другим представителям этой когорты высокоорганизованной мафии профессиональных антикоммунистов, являются активными деятелями мировой кампании дезинформации. В спектакле сенатора Дж. Дентона участвовали и другие звезды: бывший директор ЦРУ Уильям Колби, давний друг Клэр еще с тех времен, когда он был шефом ЦРУ в Риме в 1958-64 гг., бывший корреспондент американского еженедельника «Ньюсуик» Арно де Борчгрэйв и Майкл Ледин, который, как пишет ньюйоркская газета «Вилдж войс» (27.4.1981), «учился ведению психологической войны и технике идеологического саботажа в Европейском центре стратегических исследований». Что же касается Колби, то газета «Нью-Йорк геральд трибюн» в номере от 8 февраля 1976 г. процитировала его показания комитету конгресса, где он, в частности, заявил: «Некоторые непостоянные заокеанские авторы материалов все еще находятся в штате ЦРУ. Время от времени мы используем их, чтобы распространить в печати те материалы, которые ЦРУ желает опубликовать. ЦРУ перестало официально нанимать на службу американских журналистов, и это произошло после того, как стало известно, что около 400 американских журналистов (в США), в том числе и наиболее известные авторы, работали в качестве агентов ЦРУ».

А вот подробность биографии Стерлинг, которая мало кому была известна и о которой написал не так давно журнал «Каверт экшн» (январь, 1983): «Одна из страниц истории международной сети терроризма, созданной ЦРУ и Израилем, начинается с Джеймса Энглтона, бывшего руководителя отдела контрразведки ЦРУ. Будучи резидентом в Риме, он основал сеть из 60 агентов, работавших в средствах массовой информации, и руководил сотрудничеством ЦРУ с израильской разведкой Моссад. На протяжении 20-летнего периода агенты Энглтона в средствах массовой информации вербовались из штатных римских отделений американского еженедельника «Ньюсуик» и газеты «Вашингтон пост». Одним из таких агентов была Клэр Стерлинг, Майкл Ледин — это ее протеже, а Роберт Мосс — попутчик. Роберт Мосс, австралийский журналист, впервые привлек к себе внимание в 1973 г. репортажами из Чили при президенте Альенде (позднее достоянием широкой гласности стал тот факт, что Мосс в тот период по заданию ЦРУ выступал с клеветническими материалами против правительства Народного единства в Чили. — Ред)».

Налицо множество неопровержимых доказательств ответственности, которую несет ЦРУ — а следовательно, и официальный Вашингтон, за замысел и проведение данной антиболгарской и антисоветской кампании. Анализируя общий курс американской внешней политики, можно понять, почему и как начали распространяться абсурдные обвинения против Болгарии о ее мнимом соучастии в попытке убийства папы в мае 1981 г. ЦРУ и его агенты первыми начали протаскивать шитую белыми нитками ложь о «болгарском терроризме». И делалось это по указаниям свыше. Президент США Рейган в своей печально известной речи 8 июня 1982 г. в английском парламенте провозгласил очередной «крестовый поход за демократию». Выступая против мира, прогресса и социализма, он попытался оспорить законность политических и общественных систем стран, расположенных «от Щецина на Балтийском море до Варны на Черном море». Случайно ли подобное высказывание, в котором вразрез с международным правом президент иностранного государства оспаривает общественную систему, непосредственно называя Польшу и Болгарию? Именно в тот момент США вели яростную антипольскую кампанию, разочарованные провалом контрреволюционных сил, стремившихся ликвидировать социалистический строй в ПНР. Не является ли данное упоминание Варны и Болгарии доказательством того, что в Вашингтоне на высшем уровне было принято решение параллельно с антипольской кампанией развернуть Соединенными Штатами масштабную антиболгарскую «психологическую операцию»? Именно при администрации Рейгана правые в США стали все чаще проявлять раздражение по поводу того факта, что НРБ твердо и последовательно проводит и отстаивает согласованную со своими союзниками по Варшавскому Договору внешнюю политику разрядки и сотрудничества, что она дает решительный отпор стратегам новой «холодной войны», что успешно в спокойной, стабильной, творческой обстановке строит развитое социалистическое общество.

Президент Рейган в той же своей лондонской речи поставил еще одну цель военно-промышленному комплексу — «выбросить на свалку марксизм-ленинизм». И опять же именно он одобрил секретный документ Пентагона «Директивные указания о формировании вооруженных сил США», в котором признается, что в целом Вашингтон преследует мираж об «уничтожении социализма как общественно-политической системы».

В конце июня 1982 г. Рейган встретился в штабе ЦРУ в Лэнгли с руководителями этой службы диверсий и террора и призвал их быть «на передней линии» объявленного «крестового похода» против социализма. Сразу же после этого, как отмечала газета «Нью-Йорк таймс», в Вашингтоне по инициативе ЦРУ

состоялся «коллоквиум по вопросам тайных операций», чтобы обсудить «политический-пропагандистские тайные акции на 80-е годы». Американский журнал «Ньюсуик» так комментировал эти планы: «Расширение тайных подрывных операций и других разведывательных акций США идет такими темпами, что некоторые члены комитета разведки при сенате и палате представителей не в состоянии уследить за ними». В противозаконной с точки зрения международного права подрывной деятельности ЦРУ начался настоящий бум по осуществлению намеченной Белым домом «стратегии дестабилизации социализма».

ЦРУ пустило в ход свои излюбленные методы дезинформации, пробные шары, газетные интриги. Главным стратегическим объектом был и остался СССР, его политика разрядки и сотрудничества. Однако «рыцари плаща и кинжала» получили задание на данном этапе во что бы то ни стало дискредитировать верного союзника СССР — Народную Республику Болгарию.

В октябре 1982 г. итальянский судебный следователь Иларио Мартелла, ведущий дело Агджи, выехал в Вашингтон за дополнительными сведениями, потребовавшимися, как было объявлено, в результате выступлений Стерлинг и ее коллег в печати. Стерлинг утверждала, что Агджа во время следствия признал, что до покушения на площади Святого Петра он был только в Болгарии и Тунисе. И хотя из уже приводившихся выше показаний Агджи, о которых Мартелла был информирован, следовало, что тот ездил во Францию, Бельгию, Англию, Швейцарию и другие западноевропейские страны, а также был доказан факт его пребывания в ФРГ, американские секретные службы обратили внимание следователя именно на «болгарских покровителей» Агджи, за спиной которых, разумеется, «стоит СССР». Антисоциалистическая пропагандистская кампания разрасталась как снежный ком.

Вскоре в нее включился американский сенатор А. де Амато, заявивший на пресс-конференции: «Логика ведет нас к предположению, что болгары действовали по указке русских». Многие другие «ястребы» в США охотно подхватили эту версию. Даже Рональд Рейган счел целесообразным задумчиво покачать головой перед телекамерой, когда его спросили о возможных последствиях этого «заговора» для международной политики. «Они будут очень серьезными, — заявил он, — если это окажется правдой...»

ЦРУ в течение многих лет моделировало при помощи средств массовой империалистической пропаганды ситуации, которые затем незамедлительно получали продолжение в политических акциях на всех уровнях вашингтонской администрации. 22 сентября 1982 г., спустя сутки после одновременной демонстрации сотням миллионов западных телезрителей фильма «Человек, который стрелял в папу» парламентская комиссия США по контролю

за выполнением хельсинкских договоренностей заслушала в Вашингтоне «показания компетентных лиц по поводу появившихся в свободной печати сведений о возможном соучастии советских и болгарских органов государственной безопасности в прошлогоднем покушении на папу Иоанна Павла II».

Антиболгарская кампания неоднократно заходила в тупик и столько же раз вызволялась из него усилиями сотрудников правительственных учреждений США и Италии.

Уже известный нам журналист - провокатор, агент ЦРУ Майкл Ледин, бывший специальный советник генерала Александра Хейга, заявил корреспонденту английского агентства Рейтер (15.1.1983), что «доказательство болгарской связи в заговоре облегчило бы оправдание американской внешней политики в моральном контексте» (!)

Это, по мнению Ледина, который сейчас является сотрудником Центра стратегических исследований при Джорджтаунском университете — «мозговом резервуаре» президента Рейгана, внесло бы «ясность относительно советских намерений». Нет никакого сомнения в том, что именно люди, стремящиеся «оформить» агрессивный антисоветский курс американской администрации, крайне нуждались в «доказательствах болгарской связи» с целью оправдания гонки вооружений и подготовки к ядерной войне против СССР! Майкл Ледин открыто призывал с этой же целью «активизировать разведывательную деятельность» и сообщал, что еще в 1981 г. он предупреждал тогдашнего государственного секретаря А. Хейга, что «они (социалистические страны. — Ред.) попытаются убить папу».

Генерал А. Хейг не дремал. В письме генеральному секретарю НАТО Йозефу Лунсу в апреле 1982 г. (позднее оно стало достоянием гласности) бывший госсекретарь США Александр Хейг писал по поводу ширящихся в Западной Европе движений протеста против размещения там новых американских ядерных ракет: «Если аргументы, убеждения и воздействия наших средств массовой информации не достигнут своей цели, у нас нет иного выхода, кроме как расшевелить малодушных в Европе путем создания в отдельных странах такой ситуации, какую мы сочтем необходимой. Это потребует подходящих эффективных действий деликатного характера, которые мы часто обсуждали».

Итак, вместо рейхстага — Ватикан, а вместо Ван дер Люббе — Мехмед Али Агджа? Вопросы не гипотетические, писал комментатор советского политического еженедельника «Новое время» (№ 42, 1983) Л. Макаревич. С самого начала это плохо состряпанное дело находилось под жесткой опекой ЦРУ, которое, как Шэйлок, требовало своего «фунта мяса» в виде заголовков статей в бульварных газетах, всеобщего негодования, а то и меж-

дународного политического процесса, подобного Лейпцигскому. Ведь лучшего громкоговорителя на весь Мир и не придумать. Если будет доказано участие русских в покушении, писала -американская газета «Ю-Эс-Эй тудей», «это будет сокрушающим идеологическим ударом по марксистскому движению в католических странах Западной Европы и Латинской Америки».

ЦРУ обязало «Ридерс дайджест» и Эн-Би-Си заняться распространением вымышленных «фактов и доказательств», которые само им предоставило через своих сотрудников. «Один из них, Пол Хенци был послан в Турцию сразу после покушения в Риме для того, чтобы установить наличие связи между Агджой и Болгарией, — писала газета «Нью-Йорк тайме» (26.1.1983). — Хенци продолжал затем наезжать в Турцию, и именно его исследования стали основой публикации в «Ридерс дайджест» и первого телефильма Эн-Би-Си. Сведения, собранные Хенци, были также переданы газете «Нью-Йорк тайме», журналу «Ньюсуик», а также З. Бжезинскому и Г. Киссинджеру. Последние использовали их для того, чтобы поддержать версию болгарского следа, ведущего к Москве».

В конце 1983 г. на книжном рынке США, Канады и Великобритании одновременно появилась книга П. Хенци «Заговор об убийстве папы». Ее издатели полагают, что «Пол Хенци объективно анализирует доказательства террористической активности на основе русских, турецких, итальянских и болгарских источников, которые не оставляют сомнений в том, что Советский Союз беспощадно использует террор для достижения своих целей...» Какие же «доказательства» приводит Хенци? Как он сам указывает, особенно полезными для него оказались данные радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», его участие в конференциях американских и других западных пропагандистских центров и институтов, а также содействие, которое ему оказали более дюжины лиц по обе стороны Атлантики, и особенно З. Бжезинский. Рупоры ЦРУ, подрывные антисоциалистические радиостанции РС-РСЕ, тесно связанный с ЦРУ антисоветчик Бжезинский... — сознавая слабую авторитетность такого рода «достоверных источников» и поставляемых ими «сведений», Хенци решил подстраховаться и заявил в конце своей книги: он, мол, признает, что, не , смотря на различные «солидные фактические доказательства, необходимы и другие источники, чтобы оформился финал этой истории», потому что Али Агджа «вероятно сможет рассказать нам сравнительно немного о широких рамках заговора...». Он указывает, что этими «другими источниками» могли бы быть, например, «перебегчики из Болгарии и СССР». Так что, мол, продолжение следует. Что касается самого Пола Хенци, то с ним дело может обернуться серьезно: турецкая контрразведка ранее уже интересовалась

причастностью Хенци к гибели журналиста Абди Ипекчи, стамбульские власти возобновили недавно расследование этого преступления, как знать, не угодить бы Полу Хенци на скамью подсудимых.

Ставки в описываемой кампании антисоветизма были высоки и соответственно был велик статус деятелей, привлекавшихся к участию в пропагандистской истерии. З. Бжезинский, бывший советник президента США по национальной безопасности, несколько раз повторил осенью 1982 г. свое заявление: любое, мол, доказательство связи Болгарии с попыткой убийства папы римского «весьма серьезно отразилось бы на возможности проведения встречи между президентом Рейганом и советским руководителем Юрием Андроповым». 24 марта 1983 г., вновь выступая по американскому телевидению, Бжезинский с присущей ему категоричностью заявил: «Если появится больше доказательств того, что Болгария связана с покушением на папу, эту страну необходимо полностью изолировать... Невозможно поддерживать нормальные дипломатические отношения с Болгарией». А незадолго до этого тот же Бжезинский заявлял, что «до сих пор нет доказательств вины Антонова и болгарских служб в подготовке покушения на папу, но он тем не менее верит, что они виновны».

Пытаясь вновь вдохнуть жизнь в хиреющую кампанию Белого дома по «борьбе с международным терроризмом», ЦРУ и союзные с ним спецслужбы преследуют несколько целей.

Во-первых, это попытка с помощью раздувания страхов вокруг «управляемого коммунистами» и «экспортируемого» в страны Западной Европы «международного терроризма» прикрыть терроризм подлинный, акции, осуществляемые самими Соединенными Штатами и их клиентами вроде Израиля и Сальвадора против целых народов, например арабского народа Палестины, и национально-освободительных движений.

Во-вторых, новая клеветническая кампания представляет собой крупномасштабную провокацию против Народной Республики Болгарии, преследует цель бросить тень на миролюбивую политику социалистических стран, включая Советский Союз, и оправдать тем самым вовлечение Италии, других стран Западной Европы в пентагоновские планы «довооружения», нацеленные на подготовку ядерной войны.

В-третьих, итальянские власти не без подсказки спецслужб США, если не в прямом контакте с ними, используют измышления об «импортированном терроризме» для своих внутриполитических Целей.

Поиски «внешнего врага», ссылка на «коммунистическую угрозу» — не новость в политической жизни Италии, где все еще

весьма влиятельны силы реакции, и в том числе неофашизма. На волне раздуваемой сейчас истерии они хотели бы отбросить левые силы в политическое небытие. В Италии только в 1968-80 гг. было совершено свыше 12 тысяч террористических актов, убито более 400 человек. Куда же ведут следы действующих в этой стране правых и ультралевых террористических групп? Ответ на этот вопрос хорошо известен. Подтверждение ему можно найти, например, на страницах итальянского еженедельника «Джорни-вие нуове». Он свидетельствует: на Апеннинях орудуют около 5 тысяч агентов шпионского ведомства США, а число тайных осведомителей превышает 10 тысяч. Ответ можно найти и на страницах другого итальянского журнала, «Панорама», который пишет: «ЦРУ является единственной разведывательной службой, вмешательство которой в итальянскую политику доказано американским конгрессом, а ее насильственные и кровавые акции с целью изменения внутривосточной обстановки широко продемонстрированы в других странах, от Греции до Чили».

Что касается последней цитаты, то с одним из ее определений можно не согласиться, сославшись на авторитетное мнение профессора Н. Н. Яковлева. Он пишет в своей нашумевшей, неоднократно переизданной на десятках языков книге «ЦРУ против СССР», что задача этой организации заключается не только и не столько в разведке, сколько в «ведении психологической войны; на нее и идет условно 90 процентов ресурсов исполняющего ведомства».

А вот и другое свидетельство — из книги американца Ральфа Макгихи «Мои 25 лет в ЦРУ» (Нью-Йорк, 1983): «ЦРУ не является и никогда не было чисто разведывательным ведомством. Оно фактически представляет собой инструмент президента для осуществления подрывных террористических операций за рубежом». Добавим — даже, и очень часто в странах-союзниках, а не только в остальных частях мира. Труд бывшего кадрового сотрудника Макгихи прошел предварительную цензуру в ЦРУ и был сокращен в ... 397 местах. В частности, в этой книге не сказано что ЦРУ использует сегодня за пределами границ США до 200 тысяч оплачиваемых агентов и переживает с приходом Рейгана в Белый дом подлинный бум, являясь самым быстрорастущим учреждением федерального правительства. Не говорится, конечно, и о подробностях того, как планирует и направляет сегодня международный терроризм администрация США. Вслух она твердит о своих стараниях в борьбе против эпидемии взрывов и убийств на улицах зарубежных городов, показывая пальцем на виновников и вдохновителей насилия, но почему-то постоянно ошибается адресом.

Обыкновенных людей на Западе, и прежде всего в США, пытаются убедить в том, что терроризм не является одним из пороков капиталистического общества, что он якобы привнесён извне. Вся «команда» президента Рейгана вот уже семь лет доказывает, что Советский Союз, другие социалистические страны якобы виновны в разгуле террора, который охватил почти все капиталистические страны. И это несмотря на то, что судьба сыграла лично с Рональдом Рейганом злую шутку, но ничему не научила его. Выстрелы в грудь, которые он получил в конце марта 1981 г. перед вашингтонским отелем «Хилтон» от 25-летнего Дж. Хинкли, не заставили президента задуматься. Следствие показало, что Хинкли — продукт американского общества вопиющего социального неравенства и необузданного расизма, член крупнейшей в США неофашистской группировки «американское национал-социалистское движение».

Как до, так и после разоблачения подлинных целей США в связи с клеветнической антиболгарской кампанией на сцене появились нынешние американские официальные лица. Они фактически признавали, что США нуждались не в доказательствах по «делу Антонова», а в постоянном накале антиболгарской и антисоветской кампании в рамках «крестового похода». Цели противников разрядки наиболее открыто проявились в высказываниях бывшего посла США в СССР Малькольма Туна. Со страниц газеты «Вашингтон пост» (19.1.1983) он заявил, что «болгарский след» необходимо использовать «прежде всего для того, чтобы отказаться от дружественных отношений с СССР», что «нужно вообще перестать говорить о встречах на высшем уровне как о методе работы с Советами» и т. д., — всего восемь «заповедей или принципов» того, как американцы и западноевропейцы должны строить будущие отношения с социалистическими странами. Поводом для написания статьи послужило сфабрикованное ЦРУ «дело Антонова»; пространные «теоретизирования» посла Туна представляют интерес своей прямо-таки возмутительной откровенностью, писала болгарская журналистка Лилия Тодорова в советской «Литературной газете» (13.4.1983).

В раздувании тлеющих головешек вокруг «дела Антонова» оказался замешан и другой американский посол — Максвелл Рэбб, представляющий Соединенные Штаты в Риме. Итальянское информационное агентство АНСА (13.7.1983) сообщило, что итальянский журнал «Паче э гуэрра» получил из анонимного источника фотокопию двух документов — двух телеграмм посла Рэбба, направленных из Рима в государственный департамент США в августе и в декабре 1982 г. Согласно АНСА, речь в этих документах, полученных по почте в редакции журнала, шла о плане, целью которого являлась дискредитация Болгарии, дискредитация советских руководителей и всего социалистического

содружества. Днями позже еженедельник «Паче э гуэрра» опубликовал факсимиле и полный текст обеих телеграмм. «Организация в Италии кампании по привлечению внимания общественности к участию Болгарии в покушении на Иоанна Павла II, — цитировало агентство ЮПИ первую телеграмму, — возможна и многообещающа. Друзья из СИСМИ заверили наших специалистов, что Агджа ныне готов сотрудничать. Помощь США в этом деле была бы весьма уместной. Компрометация Болгарии, самого верного единомышленника СССР, будет шагом вперед к дискредитации советских руководителей и представит Москву как центр международного терроризма. А для того чтобы посеять сомнения насчет пользы диалога, Италии и ее союзникам будет разъяснена политика Кремля по дестабилизации Западной Европы». Судя по телеграмме Рэбба, к моменту ее отправления был уже подготовлен надежный тыл для проведения операции по дезинформации. В документе приводились названия газет, фамилий итальянских политических деятелей и генералов, готовых участвовать в ее осуществлении. В заключение телеграммы предлагалось направить в Италию «для окончательной координации» эксперта по «тайным операциям» ЦРУ генерала в отставке, посла по особым поручениям Вернона Уолтерса. Он действительно побывал в Риме и Ватикане. Весьма примечательна и вторая телеграмма американского посольства, опубликованная журналом «Паче э гуэрра». Она датирована декабрем 1982 г., т. е. составлена уже после ареста Антонова: «Как и ожидалось, наша операция по связи Болгарии и покушением на жизнь папы римского привела к полному успеху. Европейские средства массовой информации с энтузиазмом развили предварительно разработанные тезисы». Успех операции, говорилось в документе, объясняется, в частности, «надежностью и престижем» американских спецслужб. Посольство США в Риме поспешило опровергнуть телеграммы, опубликованные итальянским журналом. Но разве можно было ожидать, что их подлинность будет признана?

Бывший заместитель директора ЦРУ Рей Клайн, ныне руководитель Центра стратегических исследований Джоржтаунского университета в Вашингтоне, профессора Ричард Пайпс, Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер — в разное время бывшие во главе или консультировавшие Совет национальной безопасности США, министр обороны США Каспар Уайнбергер и другие в различной форме подстрекали и подстрекают проведение антиболгарской кампании, всегда увязывая ее с глобальной антисоветской стратегией США.

Связи с ЦРУ, к примеру, у Генри Киссинджера, многие годы определявшего внешнюю политику США при трех последних американских администрациях, носили прочный, долголетний характер. Киссинджер — и это не секрет — имел непосредствен-

ное отношение к американским секретным службам всю свою сознательную жизнь, еще до студенческих лет, будучи сотрудником разведки США в освобожденной послевоенной Германии. Бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер не раз выступал с заявлениями по рассматриваемому нами вопросу. Когда 6 апреля 1983 г., в интервью итальянскому радио и телевидению Киссинджера спросили, верит ли он в существование одобренного Советским Союзом болгарского заговора с целью убийства папы, он ответил, что, по его мнению, такой заговор существовал. «Мне не известно более того, что пишут газеты. Я склонен верить, что существующие обстоятельства указывают на такую возможность. По-моему, существовал болгарский заговор, который был одобрен Советским Союзом, но я повторяю, что мне известно только то, что печатается в газетах», — сказал Киссинджер в интервью для итальянского телевизионного шоу. Журналисты знали, кого и о чем спрашивать. В трудный час для авторов антиболгарской фальшивки, в начале января 1983 г., раздался голос Генри Киссинджера перед микрофонами американской телевизионной станции «Кейбл ньюс нету-орк»: «Достаточно доказательств, чтобы заключить, что в покушение вовлечены болгары, а следовательно, и Советы». Доказательств, разумеется, нет. Есть лишь фальшивки Агджи, сфабрикованные по сценарию ЦРУ. Того, что сценарий этот готовился еще до покушения на папу, Киссинджер не признал, но сказал о другом интересном факте. Оказывается, через полтора месяца после выстрелов на площади Св. Петра он встретился с Ричардом Хелмсом, с которым сохраняет тесную дружбу со времен, когда тот возглавлял ЦРУ. В ходе беседы они заключили, по словам бывшего госсекретаря США, что «покушение носит характер операции КГБ». Речь шла, как это ясно видно, об установке на проведение нынешней антиболгарской и антисоветской кампании. Тем самым Киссинджер имел прямое отношение к организации провокации с использованием турецкого фашиста. «Возможно, мы никогда не узнаем больше о вовлеченности СССР в эту операцию, — добавил он. — Однако США Должны не бояться говорить то, что они думают об этом покушении». По логике Киссинджера, если фактов «вовлеченности» нет, то их надо выдумать. США в любом случае должны вести антисоветскую кампанию.

В чем, однако, причины такой личной вовлеченности Киссинджера в преднамеренную провокацию? Его сотрудничество с ЦРУ затрагивает самые мрачные страницы деятельности разведывательного управления США, включая политические убийства. Один из ведущих работников ЦРУ Маркетти рассказывал, что намеки на желательность устранения того или иного государственного или политического деятеля исходили, как

правило, из Белого дома. Не оттого ли Киссинджеру так важно, чтобы у итальянцев сейчас запечатлелся «болгарский след», над которым потрудились они с Хелмсом, чтобы вытеснить «американские следы» убийств на итальянской земле и в других странах, организованных ЦРУ с благословения хозяев Белого дома и самого Киссинджера? Генри стал роковой фигурой для многих государственных деятелей. Его отрицательное мнение было равносильно смертному приговору. Так, окончательное решение об устранении испанского премьер-министра Карреро Бланке (операция «Людоед») в декабре 1973 г. было принято после того, как Киссинджер совершил поездку в Мадрид и встретился с Бланке. Испанский премьер оказался несговорчивым и был ликвидирован.

Киссинджер не скрывал своей враждебности и к Альдо Моро, руководителю христианско-демократической партии Италии. Члены семьи покойного прямо заявили, что Киссинджер виновен в смерти Моро.

В списке жертв, связанных с именем Генри, есть еще одна. Это президент Чили Альенде. В своих мемуарах Киссинджер тшится доказать, что не имел отношения к этому преступлению ЦРУ. Но правду об участии Киссинджера в заговоре против Чили рассказал известный американский журналист, лауреат Пулитцеровской премии Сеймур Херш в книге «Цена власти: Киссинджер в Белом доме Никсона» (Нью-Йорк, 1983). Он пишет о том, как вместе с одним из руководителей ЦРУ Т. Карамесинесом и А. Хейгом Киссинджер обсуждал в Белом доме возможность военного переворота в Чили. Он рекомендовал ЦРУ «и впредь нажимать на все слабые места Альенде». А затем был разработан план физического устранения президента, как «этого хотел Генри».

Каждое свое убийство ЦРУ сопровождало дезинформационными мероприятиями. Так, убийство Бланко было отнесено полностью на счет баскских экстремистов, Моро — «красных бригад», тогда как участие ЦРУ тщательно камуфлировалось. И теперь на «серого волка» Агджу пытались надеть «красную шапку». А когда маскировка стала рушиться, на горизонте появились знакомые уши Генри Киссинджера. Не потому ли поспешили сочинить «болгарскую версию о том, что Киссинджер и его друзья из ЦРУ опасаются, как бы правда о том, кто на самом деле заказал Агдже покушение на главу католической церкви, не вышла наружу, писали авторы книги «Диверсия неокрестноносцев», изданной агентствами БТА и София-Пресс в 1983 г.

Степень заинтересованности правящей верхушки Соединенных Штатов дальнейшим развертыванием провокаций против Софии и Москвы в связи с ватиканским покушением показыва-

ют высказывания президента Рональда Рейгана. «США сделают все от них зависящее, чтобы вывести на чистую воду коммунистический заговор с целью убийства папы Иоанна Павла II», — заявил Рейган в конце 1982 г. в Вашингтоне на «конференции по вопросам консервативных политических действий». «Неприимчивость внешнеполитического курса США» в отношении стран социалистического содружества президент увязал «с трагическим событием, потрясшим мир». «Покушение на его святейшество папу Иоанна Павла II, — сказал Рейган, — является злым актом посягательства на человека и Бога, актом международного насилия, который нужно расследовать самым тщательным образом. Используя предоставленную мне возможность, хочу приветствовать смелость и решительность правительства Италии, которое поставило этот вопрос перед всем миром».

Патетика Рейгана не могла спасти проваленную акцию ЦРУ. Более того, для верхушки американского диверсионно-пропагандистского комплекса США стечение обстоятельств было крайне неблагоприятным. Обвинение, С. Антонова зашло в тупик. Еще один—два ложных шага, и «болгарский след» мог легко превратиться в американский, коснувшись лично президента США и ряда лиц из его ближайшего окружения.

«Рейган в бешенстве: ЦРУ не занимается расследованием «красного следа», — гласил огромный заголовок на первой полосе газеты «Джорнале д'Италия» (14.2.1983). — Президент гневается на ЦРУ из-за провала следствия по делу о покушении на папу и потому приказал главе секретной службы идти в расследовании «красного следа» до конца. Президент пришел в ярость от докладов, из которых стало видно, что европейские секции ЦРУ не занимаются этим случаем».

Панику в Белом доме хорошо отразил небольшой комментарий газеты «Нью-Йорк пост» (1.3.1-1983): «После обрушившейся на него критики ЦРУ дало согласие поднять на «высокий» уровень расследование советской и болгарской связи в заговоре с целью убийства папы Иоанна Павла II. Сообщается, что директор ЦРУ Уильям-Кейси, которого президент Рейган отругал за то, что его управление ловит ворон, и которого сенатор Альфонсо д'Амато обвинил в том, что расследование положено под сукно, приказал семи агентам оказать помощь итальянским властям К.ейси уведомил д'Амато о новой инициативе во время строго секретной встречи, состоявшейся на прошлой неделе в его кабинете. Накануне встречи оба деятеля обменялись серией острых реплик. Но теперь, после встречи, д'Амато выразил свое «удовлетворение» тем, что ЦРУ наконец-то приступило к действиям».

В Вашингтоне были недовольны ЦРУ. Один за другим на белый свет появлялись факты, опровергающие клевету о «болгар-

ском участии» и в то же время заставляющие трезво мыслящих людей на Западе присматриваться к специальным службам и диверсионным центрам НАТО, давно известным своими грязными махинациями. Вашингтону, да и некоторым его союзникам, все более очевидна опасность разоблачения настоящих организаторов покушения на папу, а также кампании клеветы на Болгарию, Советский Союз и все социалистическое содружество.

Риск того, что механизм антиболгарской провокации будет раскрыт, очевидно, стал чрезвычайно велик, если комиссия по делам разведки при сенате США собралась на специальное заседание. Члены этой комиссии, политики с прочной репутацией антикоммунистов, в острой форме выразили свое недовольство тем, что ЦРУ не прилагает достаточных усилий в расследовании «болгарской связи» в покушении на папу.

Новый толчок антиболгарской и антисоветской кампании было призвано дать и заявление в феврале 1983 г. госсекретаря США Джорджа Шульца перед так называемым национальным консервативным комитетом политических действий о том, что правительство США не может иметь «плодотворных отношений» с Болгарией до тех пор, пока она поддерживает терроризм. Шульц даже не удосужился хоть как-то обосновать свои обвинения. Да и какие у него могли быть доказательства, если ему-то наверняка очень хорошо было известно, что не Болгария стоит за покушением.

Слова госсекретаря были восприняты на Западе как первое официальное мнение США относительно заговора против главы римско-католической церкви. Вопрос о том, признавал ли руководитель американской дипломатии ответственность за свое заявление, которое по сути представляло собой не что иное, как новую клевету против Болгарии и новую попытку помешать вывести на чистую воду настоящих организаторов покушения. И в этом случае рейгановская администрация оставалась верна себе: любыми способами ухудшать отношения между Востоком и Западом, во что бы то ни стало отравлять международную атмосферу, лишь бы достигнуть целей своей политики конфронтации и военного превосходства.

После ареста в Риме болгарина С. Антонова 25 ноября 1982 г. ЦРУ вначале пыталось было маскировать свою руководящую роль в антиболгарской кампании. В соответствии с провозглашенным принципом «хотя бы частично прятаться в тени» ЦРУ через подставных лиц выступило с заявлениями, согласно которым «доказательства» против Антонова «весьма условны», а против СССР — имеют «чисто дедуктивный характер». По мнению Уильяма Сэфайера из газеты «Нью-Йорк таймс», ЦРУ якобы предупреждало итальянские власти не спешить с выводами по делу Антонова, так как они не имели убедительных доказательств.

Даже в такой правой буржуазной газете, как английская «Гардиан» (5.1.1983), был помещен обзор, в котором было выражено недоверие к версии о «соучастии болгар» в международном терроризме: «Служащие разведки и органов безопасности ФБР скептически относятся к утверждениям о мнимом «болгарском участии» в попытке убийства папы Иоанна Павла II». Боннский корреспондент газеты «Гардиан» Анна Томфорд цитировала заявления, сделанные официальными лицами по поводу доказательств об участии социалистических стран в попытке совершить убийство папы, которые утверждали, что эти доказательства являются лишь косвенными, а посему — недостаточными. «Они (официальные лица. — Ред.) выразили также свое сомнение по поводу авторитетности и квалификации итальянских служб безопасности и говорили о сознательной кампании дезинформации со стороны итальянских властей».

В том же номере английской газеты сообщалось о недоверии определенных кругов США к характеру свидетельских показаний, представленных властями в Риме. Отмечая, что официальные круги в Вашингтоне «сознательно хранят молчание», корреспондент «Гардиан» в американской столице Гарольд Джексон писал: «По заявлению одного из служащих Белого дома доказательства, представленные различными итальянскими органами власти, не являются убедительными, как не убедительны и остальные известные нам факты. Одним из обстоятельств, которое заставляет американцев соблюдать осторожность, является то, что обвинения исходят главным образом от человека, осужденного за попытку убийства, который не может являться самым надежным источником». Подобные сомнения выражал и корреспондент «Гардиан» в Риме Джордж Армстронг. Он цитировал адвокатов Сергея Антонова, заявивших, что они располагают доказательствами ложности обвинений Агджи против трех болгарских граждан. «Все утверждения о «болгарском участии» основываются на свидетельских показаниях Али Агджи. Первые признания, сделанные им после ареста, были, по крайней мере, странными», — указывал английский журналист.

В свою очередь вашингтонский корреспондент лондонской газеты «Дейли телеграф» (5.1.1983) Ричард Бистен писал: «Официальный американский служащий, изучивший доказательства, представленные Италией, заявляет, что ни одно из этих доказательств в США не смогло бы послужить основой для правдоподобного обвинения в том, что Болгария, а тем более Советский Союз, стоят у истоков заговора».

Можно считать, что с помощью той же услужливой английской буржуазной прессы западное общественное мнение было

некоторым образом подготовлено к тому, что посчитали нужным заявить — на всякий случай — руководители ЦРУ. Антиболгарские инсинуации, рождённые в недрах этого разведывательного сообщества, были опрокинуты и отмечены как вымысленные, а следовательно, несостоятельные! Кем? Лично главой ЦРУ! Вот как описывала этот пируэт западных Апецслужб газета «Лос-Анджелес тайме» (28.5.1983): «Шеф ЦРУ Уильям Кейси убежден теперь, что болгары не имеют ничего общего с покушением турецкого террориста Мехмеда Али Агджи на жизнь папы Иоанна Павла II. Осведомленный правительственный служащий в Вашингтоне заявил корреспонденту газеты «Лос-Анджелес тайме» Роберту Тодду, что Кейси пришел к такому заключению после анализа убедительных аргументов, представленных ему профессионалами ЦРУ. Он доложил об этом в специальном докладе советнику президента Рейгана по вопросам национальной безопасности Уильяму Кларку, который, как сообщает Р. Тодд, также придерживается подобного мнения».

Не кто иной, как комментатор американской телекомпании Эн-Би-Си (3.5.1983) Марвин Калб сообщил в вечерней информационной программе: «Директор ЦРУ Уильям Кейси изменил свое мнение и считает теперь, что в покушении на папу, может (заметим, что слово «может» принадлежит Калбу, а не Кейси. — Ред.), и не было болгарского следа». В США есть всего три крупные национальные телесети. Как забыть, что основной ведущий политических программ (годовой заработок у такого журналиста, любимца публики, составляет от 0,5 до 3 млн. долларов, больше чем у президента США) одной из них, Калб из Эн-Би-Си положил 21 сентября 1982 г. своим фильмом об Агдже начало массовой антиболгарской кампании одновременно в США и во всем западном мире. Передавая гласности мнение ЦРУ об отсутствии улик о «болгарском следе», Калб и Кейси пытались убедить общественное мнение, что ЦРУ, дескать, объективный, справедливый и почтенный институт, способный признавать собственные ошибки. Как утверждал теперь Марвин Калб, ЦРУ желало бы свернуть ведущееся в Риме следствие, чтобы не скомпрометировать возможность сближения Вашингтона с Москвой. Однако президент Рейган вовсе не подавал признаков того, что стремится к достижению соглашения с Москвой. Ведь именно он в начале 1983 г. дал ЦРУ указание произвести самое тщательное расследование «болгарского следа», чтобы помочь попавшим в в безвыходное положение итальянским следователям. В чем же действительная причина метаморфозы?

Допустить, что руководителей ЦРУ вдруг обудило стремление стать принципиальными, нельзя — ведь это ведомство несравнимо ни с каким другим по количеству осуществленных им

грязных дел, преступлений и убийств. Какие уж тут благородные побуждения. Странное на первый взгляд поведение ЦРУ — «в пользу Советов» — объясняется тем, что следствие по «делу Антонова» зашло в тупик. Шумная антиболгарская провокация грозила кончиться скандальным провалом, и ЦРУ торопилось публично отмежеваться от своих итальянских коллег. Нет ненависти сильнее, чем постоянно проявляющая себя острая конкуренция между спецслужбами капиталистических стран союзников. Американцы из штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли охотно подставляют под удар «любимых» итальянских коллег, да и французских (посмеявшись, в конце концов, над откровениями предателя-эмигранта Йордана Мантарова, сделанными им в парижской контрразведке), и западногерманских (в мае 1983 г. американский журнал «Ньюсуик» вдруг заявил, что секретные службы ФРГ вручили федеральному правительству доклад, согласно которому СССР давал пацифистам и «зеленым» годовую субсидию в 30 млн. долларов. Сообщение «Ньюсуик» было опровергнуто официальными лицами в Бонне: «Нет такого доклада. Секретные службы ничего не знают о подобной субсидии. Клевета»), и прочих «родственных» служб. Досталось и «Нью-Йорк тайме», поместившей 23 марта 1983 г. показания болгарского перебежчика Мантарова — данное «расследование» этой американской газеты было названо главой ЦРУ У. Кейси «позором для журналистики».

Сценарий, который специалисты дезинформации из ЦРУ подготовили для турецкого террориста фашиста Агджи, оказался настолько плохо сработанным, что даже министр внутренних дел Италии Роньони был вынужден еще в декабре 1982 г. заявить: «Пока что располагаем свидетельствами, но не имеем доказательств». Тогда же «Монд», «Тайме» и другие крупные западные газеты пришли к заключению: «Дело Антонова» зашло в тупик».

В логове ЦРУ — Лэнгли утверждают что все эти измышления начнут оборачиваться против самой «фирмы». «Профессионалы» из американских (да и не только американских) спецслужб явно испугались, что в своем неудержимом рвении дезинформаторы и поддерживающие их политики могут добиться обратного эффекта. Ведь совершенно глупой оказалась фантастическая выдумка Агджи о том, что Сергей Антонов якобы готовил покушение на Леха Валенсу с помощью итальянского профсоюзного Деятеля Луиджи Скриччоло, о тесной связи которого с ЦРУ западная печать приводила неопровержимые доказательства. Основанием для обвинения со стороны Агджи служило утверждение, что по профсоюзной линии Скриччоло поддерживал связи с болгарскими и ездил в Софию. Таким образом, Скриччоло был обвинен не только в «шпионаже», но и в том, что гото-

вил убийство Валенсы. И вот, когда стало известно, что «Скрич-чоло делают соучастником Антонова», в посольстве США в Риме разразился настоящий бунт. Резидент ЦРУ и оба его заместителя решительно отказались поддержать эту версию. Почему? Потому что Скрич-чоло был самым ценным их агентом. И когда во имя «болгарской версии» из Вашингтона стали настаивать на том, чтобы им пожертвовать, «профессионалы» из американской разведки окончательно разругались с «политиками» и со своими коллегами дезинформаторами. Они категорически отказались выполнить указания помощника президента по вопросам национальной безопасности Кларка и директора ЦРУ Кейси, которые потребовали от них «превратить дискредитацию» следствия, которое ведется итальянскими судьями.

Дело, в конце концов, кончилось тем, что резидент Центрального разведывательного управления США в Риме заплатил своей должностью за несогласие с лживой версией Вашингтона о некоей «причастности» социалистических стран к совершенному в мае 1981 г. покушению на папу римского. Как писала газета «Нью-Йорк пост» (30.6.1984), ссылаясь на источники в разведывательных органах и кругах конгресса США, директор ЦРУ У. Кейси принял решение сместить руководителя американской шпионской сети в Италии, поскольку поставляемая резидентом ЦРУ информация противоречила исходящим из Лэнгли директивам относительно существования заговора против папы. Поведение римских профессионалов ЦРУ было во многом продиктовано опасением, что судебный фарс против Сергея Антонова может вскрыть и другие, крайне неудобные для ЦРУ Детали.

12 мая 1983 г. американская телевизионная компания Эй-Би-Си показала передачу, которая в очередной раз доказывает, что утверждения Вашингтона о некоей «причастности» социалистических стран к совершенному в мае 1981 г. покушению на папу Иоанна Павла II являются чистейшим вымыслом, политической диверсией. В течение четырех месяцев журналисты этой телекомпании, которая, кстати, и сама ранее усиленно пропагандировала вашингтонскую фальшивку, проводили подробное самостоятельное расследование этого «дела». Они побывали в 12 странах, беседовали с десятками специалистов и свидетелей. Никаких «доказательств» причастности Болгарии к выстрелам на площади Св. Петра журналисты не обнаружили. Вскрылось другое: в частном порядке даже «руководящие сотрудники посольства США в Болгарии» и наиболее осведомленные представители итальянской полиции признают, что не верят в наличие «болгарского заговора». Авторы телепередачи отметили крайне запутанный, противоречивый характер показаний покушавшегося на жизнь Иоанна Павла II турецкого неонациста М. Али

Агджи, на которых построена провокационная «версия» ЦРУ. Комментируя новый американский телефильм о деле Агджи, газета «Юманите» (13.5.1983) указывала, что Эй-Би-Си «пункт за пунктом подтвердила все заявления, с которыми с самого начала выступали Антонов, его адвокаты, посольство НРБ в Риме и болгарское правительство». «Итальянской юстиции, — саркастически замечала газета, — остается теперь лишь обвинить в сговоре с Болгарией американское телевидение, чтобы по-прежнему упорно цепляться за те басни, которые были продиктованы ей спецслужбами Вашингтона».

Программа Эй-Би-Си имела куда меньшую телевизионную аудиторию и получила меньше откликов в западной прессе, чем антиболгарские и антисоветские фильмы М. Калба из Эн-Би-Си. На Западе силы империалистического зла пользуются безусловным приоритетом в рекламе своих воззрений. Тем не менее, трезвые выступления журналистов из американской телекомпании Эй-Би-Си, ряда «серьезных» английских буржуазных газет не были единственными голосами скепсиса и сомнения по поводу правомочности кампаний клеветы против Болгарии. Ведь печется же иногда капиталистическая пресса о собственной репутации и поэтому позволяет себе для разнообразия отдать дань политическому реализму. Что же касается западноевропейской буржуазной печати, то она считает своим правом иногда даже и перечить официальным мнениям большого океанского союзника и конкурента.

Французская газета «Монд» и особенно ее ежемесячное издание «Монд дипломатик» входят в число наиболее солидных буржуазных политических изданий. В статье Базиля Карлинского «Терроризм и политическая фантастика. Кто же на самом деле хотел убить папу?» газета «Монд дипломатик» (октябрь 1983) сумела прояснить своим читателям кое-какие вопросы:

«Покушение на папу 13 мая 1981 г. неминуемо должно было превратиться в объект конфликта между Востоком и Западом. За четыре месяца до этого американский государственный секретарь Александр Хейг объявил, что новое правительство США считает своей первостепенной задачей борьбу с «вдохновляемым Москвой международным терроризмом». Ссылаясь на убедительные доказательства, Кремль иногда отвечал контробвинениями. Полемика достигла своей высшей точки, и именно в этот момент было совершено покушение на папу.

Осуждая Агджу, итальянское правосудие пришло к выводу, что его единственными мотивами были фанатизм (это явствовало из угроз, адресованных папе еще в 1979 г.) и болезненная мания величия психически неуравновешенного человека, какковым он слыл и в Турции.

Идея насчет того, что Агджа был советским агентом, а покушение на папу — «заговором Москвы», всплыла на белый свет через три месяца после судебного процесса. Автором этой идеи был Пол Хенци — бывший американский дипломат, специалист по вопросам Ближнего Востока, который с 1977 по 1980 год неоднократно работал в Анкаре и был членом Совета национальной безопасности при президенте Картере. Пол Хенци развивает эту идею в статье под заголовком «Продолжительные усилия по дестабилизации Турции», опубликованной в газете «Уолл-стрит джорнэл» (7.10.1981). По мнению Хенци, Советский Союз, в отличие от бытующего мнения, прибегает для дестабилизации Турции к услугам не только левого, но и правого терроризма. И Агджа, по его мысли, является типичным террористом, используемым Москвой. Не мудрствуя лукаво он бездоказательно обвиняет Москву в организации покушения.

Эти идеи были развиты далее Клэр Стерлинг — автором книги «Сеть террора», задуманной как иллюстрация глобальных обвинений, выдвинутых Александром Хейгом против СССР. В сентябре 1982 г. в журнале «Ридерс дайджест» она поместила статью «Человек, хотевший убить папу», где пытается доказать, что турецкий убийца еще в юношеские годы обучался советскими секретными службами. Ее поддержали Марвин Калб и Билл Маклафлин в подготовленной для телекомпании Эн-Би-Си передаче «Человек, стрелявший в папу». Хенци и Стерлинг были консультантами авторов этой передачи.

Несмотря на то, что оба текста — статьи Стерлинг и передачи — были согласованы и их авторы руководствовались одними и теми же предпосылками, в них указывается различное время вербовки Агджи советскими агентами: по мнению Стерлинг, это произошло в 1976 г., а по мнению авторов передачи, — в 1980. Это говорит о том, насколько близки эти тексты к политической фантастике и как далеки они от попытки провести серьезное расследование. Главная часть обоих текстов основывается на признаниях, истинность которых невозможно проверить, поскольку авторы получили их у представителей различных секретных служб. Но главный их недостаток — в контрасте между профессионализмом, с которым советские службы, по утверждению авторов, обеспечили своему будущему агенту безупречную маску воинствующего неонациста, и непростительным дилетантством, проявленным Агджой летом 1980 г. при подготовке убийства папы.

Стреляя на площади Св. Петра, убийца тоже проявляет дилетантство. Во время ареста у него нашли фальшивый паспорт, что позволяло немедленно проследить все его действия в течение последних десяти месяцев и без труда установить его отправной пункт — Болгарию. Совершив преступление, он

без сопротивления позволил разоружить себя и арестовать! Предполагаемые соучастники убегают, не обеспечив ему отход, не скрыв следы преступления, хотя бы не ликвидировав убийцу. Возникает вопрос: а были ли у Агджи сообщники?

Через два месяца после публикации этих двух низкопробных полицейских романов их сюжетная линия была продолжена, подкрепляемая единственно признаниями Агджи, который выдвигает обвинения против троих болгар, и одного из них — служащего римского бюро болгарской авиакомпания Сергея Антонова — арестовывают.

После этого ареста происходит утечка информации из судебных и полицейских источников в Риме и признаниям Агджи (ноябрь-декабрь 1982 г.) начинает придаваться значение. Перед покушением он провел несколько дней в компании если не троих, то по крайней мере двоих болгар. Посещал их квартиры и вместе с ними ознакомился с местом, где должно было совершиться преступление. В день покушения болгарские сообщники сопровождали его до площади Св. Петра, где они намеревались прикрыть его отход и затем спрятать в безопасном месте. Сообщалось, что Агджа мог описать их внешний вид, назвать их подпольные клички, описать обстановку их квартир, указать на карте Рима, где они находятся, и дать их телефонные номера.

Эта серия улик действительно была внушительной, но трудно совместимой с представлениями о заговоре, организованном Москвой. Улики скорее были похожи на школьную конспирацию, когда гимназисты посещают друг друга и оставляют следы на каждом шагу.

Таким образом достоверность всех этих улик, как и доверие к самому Агдже, были подорваны, причем в момент, когда «болгарская лихорадка», вызванная утверждениями раскаявшегося заключенного, достигла своей кульминационной точки. 20 декабря итальянская палата представителей включила этот вопрос в свою повестку дня. Дипломатические отношения между Римом и Софией были ограничены. Во время дебатов в парламенте министр обороны Италии Лелио Лагорио высказал свое восхищение работой итальянских разведывательных служб. И признался, что, нарушив судебные процедуры, тайные агенты посетили Агджу в тюрьме в Асколи-Пичено, где он должен был содержаться в полной изоляции. И именно они сумели убедить заключенного сделать признание, пообещав ему облегчить приговор, если он раскается. Однако после этого нарушения судебной процедуры все заявления Агджи могут быть поставлены под сомнение на том основании, что они были подказаны или же навязаны агентами итальянских секретных служб».

В добротной для буржуазной журналистики статье «Монд дипломатик» Б. Карлинский пытался воздать должное «автору идей», тому, кто эту кашу заварил, — Полу Хенци, многолетнему ветерану ЦРУ в генеральском чине, бывшему резиденту ЦРУ в Турции, в настоящее время консультанту американской корпорации РЭНД, использующей специалистов ЦРУ для исследований особого рода.

Несмотря на громогласные заявления о больших сомнениях руководства ЦРУ (и, разумеется же, о его непричастности) относительно версии о «болгарском следе», активное участие американских спецслужб в фабриковании лживых признаний Агджи о болгарах продолжалось. Официальные вашингтонские инстанции в 1982-86 гг. не прерывали своих усилий по нагнетанию антиболгарской и антисоветской шумихи вокруг ими же изобретенного «дела Антонова». По сообщению газеты «Нью-Йорк тайме» (28.2.1983), ЦРУ дало распоряжение «поднять на более высокий уровень расследование советской и болгарской связи в заговоре с целью убийства папы Иоанна Павла II. 18 февраля ЦРУ информировало сенатскую комиссию по вопросам безопасности о ходе следствия по доказательству «болгарского следа» в покушении на папу. Состоялась и встреча с участием руководителя отдела разведки Роберта Гейтса, руководителя отдела тайных операций ЦРУ Джона Стейна и представителей «дружески настроенных» разведывательных служб в Европе.

Председатель сенатской комиссии по вопросам безопасности сенатор Барри Голдуотер и другие члены комиссии делали публичные заявления о том, что ЦРУ может провести расследование и самостоятельно, без итальянцев. Между Барри Голдуотером и сенатором Альфонсом д'Амато, который непосредственно занимался следствием и курсировал между Вашингтоном и Римом, чтобы поставлять свою информацию прямо центральному руководству ЦРУ, разразилась острая перепалка по вопросу о том, как работать ЦРУ, чтобы собрать обвинительные факты против Болгарии и Советского Союза. Шеф ЦРУ Уильям Кейси встретился с советником президента по вопросам безопасности Уильямом Кларком и информировал его о ходе следствия по делу о покушении на папу. Со своей стороны Уильям Кларк заявил: «Президент всецело занят этим делом».

Американские средства массовой информации открыто сообщали о том, какие инструкции даются агентам ЦРУ в Италии в связи с расследованием. Напомним читателям, что ордер на арест болгарского гражданина Сергея Антонова был выдан после возвращения итальянского судьи-следователя из Вашингтона, где он имел беседы с руководителями ЦРУ. Трудно представить еще более открытое и грязное вмешательство ЦРУ в дела

итальянских судебных органов. Очевиден был недопустимый нажим со стороны разведывательных служб одной страны на судебные органы другой с тем, чтобы судебное следствие по делу о покушении на папу служило не установлению истины, а политическим и стратегическим интересам США.

Так кто же вел судебное следствие в Риме в связи с террористическим актом 13 мая 1981 г. на площади Св. Петра? Итальянский суд или ЦРУ?

Спецслужбы превратились в наиболее эффективную форму исполнительной власти в США и в ряде других капиталистических стран. ЦРУ неоднократно доказывало своими действиями, что зачастую оно контролирует президента США, а не наоборот. Как ставленник определенных кругов, калиф на час, президент США подобен конституционному монарху, который лишь исполняет чужую волю. А законодательная власть? Разве она не в цепких руках влиятельных сенаторов и членов палаты представителей американского конгресса? ЦРУ — невидимое правительство — всегда имело возможность подключить к исполнению своей политики американского деятеля любого ранга.

В штате Нью-Йорк проживает сенатор-республиканец итальянского происхождения Альфонсо д'Амато, который, подобно некоторым другим американским политикам, спешил войти в историю международных отношений в качестве пионера новой «холодной войны» между Востоком и Западом. Как только был арестован болгарский гражданин Сергей Антонов, как только против него было начато следствие, сенатор начал направо и налево давать интервью журналам и телевизионным станциям, мол, он абсолютно убежден в существовании заговора «болгарских секретных служб» против папы. Сенатора отнюдь не смущало, что у него нет никаких доказательств. Он выполнял чужую волю, предписание не божественное, но свыше.

Перед очередным вылетом в Рим он так объяснил цель своей поездки итальянскому агентству АНСА: «Я намерен собрать как можно больше информации о покушении и о возможных международных связях с ним». Мы проверим данные и доклады, сказал далее сенатор и изъявил желание ознакомиться с показаниями террориста Агджи и встретиться с итальянскими следователями.

Иными словами, д'Амато собирался предпринять то, что по итальянским законам не разрешается никому. Согласно этим же законам никоим образом не может быть нарушена тайна следствия, и потому болгарским официальным представителям до начала судебного процесса запрещалось знакомиться с документами следствия, хотя обвинение предъявлено болгарскому гражданину. Газета «Стампа» под заголовком «Американский сенатор находится в Италии, чтобы выяснить все, что касается

«болгарского следа» сообщала, что он имел встречу с министром внутренних дел Роньони. Весьма значительная привилегия.

А вот фото на три колонки в очередном номере «Нью-Йорк тайме» (6.2.1983): сенатор д'Амато обеими руками пожимает руку министру иностранных дел Италии Эмилио Коломбо. Вот американский политикан второй раз встречается с министром внутренних дел Вирджинио Роньони. А вот он беседует со следователем Иларио Мартеллой, с министром юстиции Италии, с высшими полицейскими чиновниками...

С какой целью д'Амато столь усердно преследует итальянских руководителей, что обсуждает с ними, о чем так печется? Может, разговор вертится вокруг мафии, с которой ряд газет связывали его имя во время предвыборной кампании 1980 г.? А может, это проблемы контрабанды наркотиков в США, где больше всего наркоманов, или «поставки» из Италии за океан так называемых ганменов, которые, совершив «чистку» в преступном мире, сразу же возвращаются, чтобы замести следы?

Нет, все это не интересует д'Амато, он далеко не против оружия, которым убивают. Кстати, одним из его предвыборных лозунгов было требование свободного владения огнестрельным оружием и одним из первых, кого он, уже будучи сенатором, принял на работу в свой аппарат, был бывший руководитель Национальной ассоциации США по владению оружием.

Альфонсо Марсело д'Амато интересовался «болгарской» и «советской связью», которую кое-кому так не терпелось открыть в покушении на папу. Но он не просто интересовался, а занимался подстрекательством, провоцировал, толкал следствие вперед, выискивал подробности, найти которые не так-то просто, настаивал на «далеко идущих выводах», касающихся политических мероприятий в отношениях между Востоком и Западом.

28 июня 1984 г. по предложению крайне правого сенатора-республиканца Джесса Хелмса сенат США проголосовал против выделения средств на развитие торговых отношений с Болгарией. Это запрещение относилось к министерству торговли и государственному департаменту и практически ставило под сомнение будущее торгово-экономических контактов между обеими странами, совершенно не принимая во внимание настроенные деловых кругов Соединенных Штатов. Последние, как всегда в подобных случаях, терпят прямой и невосполнимый ущерб от разрыва контрактов и резкого изменения экономической конъюнктуры в торговле с социалистическими странами.

В антиболгарскую кампанию, развязанную официальными кругами Соединенных Штатов, в конце июля 1984 г. оказались вовлечены подкомиссия по Европе и Ближнему Востоку палаты представителей и рабочая группа конгресса по контролю за борьбой с наркотиками. Эти органы обсудили два новых анти-

болгарских проекта резолюций. В одном требовалось от правительства пересмотреть политику США в отношении Болгарии, вовлекая в эту авантюру и союзников, а во втором — обратиться в ООН с призывом, чтобы эта организация занялась сфабрикованными в Вашингтоне обвинениями о нарушениях Болгарией международной таможенной конвенции и изменить ее. Итак, после известной поправки к закону о бюджете, только что принятой сенатом США, без какой-либо мотивировки и без всяких оснований суверенной стране, каковой является Народная Республика Болгария, был приклеен ярлык «террористического государства», а также предпринимались другие попытки подлить масла в огонь клеветнической кампании. Показательно, что для подобной акции были мобилизованы не только такие профессиональные антикоммунисты, как сенатор-республиканец д'Амато, но и высокопоставленные чиновники администрации президента Рейгана — помощник госсекретаря США по вопросам Европы и Канады Ричард Бэрт и исполняющий обязанности директора Агентства по борьбе с наркотиками Джон Лоун. На совместном заседании обеих подкомиссий они выступили с наглой клеветой против Народной Республики Болгарии.

Официальный Вашингтон продолжал оказывать давление и в отношении итальянской стороны. В ожидании окончательного решения судьбы-следователя Мартеллы определенные круги в Соединенных Штатах начали терять терпение, опасаясь неблагоприятного исхода направляемой ими. антиболгарской кампании. Как уже говорилось, и американским сенатом, и американскими спецслужбами были предприняты усилия с целью оказать давление на итальянское правосудие и осудить Сергея Антонова, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств его вины. В этом деле их не очень то интересовал выбор средств.

Новые трения между Италией и США вызвала возня вокруг одиозной личности уже хорошо знакомого нам по перипетиям «дела Антонова» журналиста-provокатора Майкла Ледина. В его адрес вдруг начал метать гром и молнии... сам директор итальянской военной секретной службы СИСМИ адмирал Ф. Мартини, заявления которого в парламенте вызвали бурную реакцию итальянской печати. «Скандал в отношениях между Италией и США. Шеф СИСМИ обвиняет бывшего сотрудника Киссинджера и Хейга — Майкла Ледина. Он больше не появится в Италии. Вон интригана!» — такие заголовки предпослал своей статье итальянский журнал «Эспрессо» (5.8.1984):

«Адмирал говорил медленно и тихо. Но те, кто его слушал, сразу поняли, что сказанное им неминуемо создаст серьезную международную проблему, последствия и развитие которой трудно предвидеть. Впервые спор затрагивал отношения между Италией и США или, вернее, между администрацией Ро-

нальда Рейгана и нашими секретными службами. Слова адмирала обязательно должны были вызвать бурную реакцию как в госдепартаменте в Вашингтоне, так и в различных посольствах, - министерствах и секретариатах партий в Риме.

Говорил адмирал Фульвио Мартини, всего три месяца назад назначенный директором Службы военной информации и безопасности (СИСМИ), то есть военной секретной службы, которая занимается международной разведкой и контрразведкой. Слушали его члены парламентского комитета по контролю за деятельностью секретных служб. Депутатам и сенаторам впервые представилась возможность встретиться с новым начальником секретной службы, то есть с военным, совсем недавно занявшим пост, который занимал генерал Джузеппе Лугарези и которому в 1981 г., после скандала, связанного с масонской ложей «П-2», поручили навести порядок в разведывательной службе.

«Я уже сообщил тем, кому полагается знать, — сказал адмирал Мартини, — что есть один человек, который не должен больше приезжать в Италию. Более того, я дал ему понять, что он рискует, так как его могут официально объявить «нежелательным лицом». Это американец, который часто приезжал в Рим, более того, учился в Италии. Его считают политологом, но в действительности, добавил адмирал, это интриган. Именно так — интриган. Я сообщил об этом американскому послу в Риме Максвеллу Рэббу. Американец, которого я не хотел бы больше видеть в Италии, это Майкл Ледин. И после этого обращения к послу, — продолжал адмирал с легким намеком на улыбку, — мистер Ледин, насколько мне известно, больше не появлялся в нашей стране».

Майкл Ледин? А вы уверены, адмирал, в том, что вы говорите? Что же такого серьезного сделал этот Ледин, что вызвало такую вашу реакцию? Адмирал не стал вдаваться в подробности.

Присутствовавшим на заседании депутатам и сенаторам ничего не оставалось, как постараться разузнать всё что можно о Ледине. Это очень влиятельный деятель в госдепартаменте, причем уже много лет. Официальных постов он занимал множество: начал он свою карьеру как сотрудник Генри Киссинджера, когда тот руководил госдепартаментом, а может быть, еще раньше, когда Киссинджер входил в немногочисленную группу лиц, работавших непосредственно при президенте Ричарде Никсоне, до уотергейтского скандала. Среди этих лиц был также Александр Хейг. И когда в 1981 г. Рейган, одержавший победу на президентских выборах в ноябре 1980 г., назначил Хейга главой госдепартамента, Майкл Ледин сразу стал одним из наиболее авторитетных и наиболее компе-

тентных чиновников по делам Италии.

В самом деле, Ледин всегда проявлял особый интерес к Италии: он какое-то время учился во Флоренции, свободно говорит по-итальянски, несколько лет назад стал сотрудником Института современной истории при Римском университете. Именно благодаря этим занятиям он познакомился со многими итальянскими учеными, а благодаря его научным трудам о фашизме он в течение многих лет был вхож также в круги левых деятелей культуры. В Италии были изданы несколько его книг: «Интервью о фашизме — беседа с историком Ренцо Де Феличе» (издательство «Латерца»); научный труд о фашистском интернационале.

Естественно, что в Соединенных Штатах Ледин принадлежит к убежденным республиканцам; он — сотрудник Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета и директор журнала «Вашингтон куортерли». Именно в этом журнале он опубликовал в 1980 г. сенсационный материал, связанный с Италией, обеспечивший ему сначала большие преимущества, а в дальнейшем принесший первые неприятности.

Дело в том, что сенсационную информацию для этого материала Ледин достал через Франческо Пацценцу, который в настоящее время скрывается от полиции: его обвиняют в принадлежности к преступной организации типа мафии. Это были данные, полученные главным образом в Риме, о торговых сделках брата президента Джимми Картера Билли с Ливией. Скандал, вызванный этим материалом в США, получил название «биллигейта» и, как считают некоторые наблюдатели, сыграл решающую роль в поражении Картера на выборах и в победе Рональда Рейгана.

Это обеспечило Ледину почести, славу и признательность руководства республиканской партии. Однако, несмотря на успех, возникли первые сомнения и началась полемика; Пацценца в Риме похваляется тем, что это он помог Ледину опубликовать эту сенсацию, распространились слухи (они сразу же были опровергнуты заинтересованными лицами) о связях Пацценцы и Ледина с ЦРУ или с какой-либо другой американской секретной службой. Более того насчет Ледина ходят и другие слухи: он связан не только с ЦРУ, но и с Моссад, израильской секретной службой, поскольку он, человек многогранный и энергичный, был также тренером израильской национальной сборной по бриджу. Ледин, естественно, все опровергает.

Он продолжал все опровергать и тогда, когда из-за скандала с масонской ложей «П-2» закатилась звезда Пацценцы и генерала Джузеппе Сантовито и начали поговаривать о том, что

Ледин и Пащенко сыграли злую шутку с итальянскими секретными службами, продав им за 4 миллиона лир, перечисленных на их текущий счет в швейцарском банке, так называемое исследование о красном терроризме, оказавшееся обычной компиляцией общедоступных публикаций.

Начались разговоры и о том, что Ледин, по поручению госдепартамента ездил в Уругвай, чтобы договориться с правительством Монтевидео о передаче за определенную мзду . фотокопий архива Личо Джелли, обнаруженного в Карраско».

Адмирал, разумеется, не стал объяснять парламентариям и журналистам главную причину своего недовольства неким малоизвестным ему Лединым. Итальянское правительство, в частности его секретные службы, не раз уже теряли равновесие на банановой корке, которую им усердно подкладывали их американские союзники. Агент ЦРУ Ледин, как уже говорилось, был первым, кто подложил итальянской прессе американский вариант антисоветской, антисоциалистической провокации с использованием Агджи. Вместо благодарности три года спустя итальянские журналисты цветисто подали читателям «дело Ледина» на страницах многих газет и журналов. В одном из этих изданий действия дипломированного дезинформатора и старого агента ЦРУ сравнивались с тактическим приемом некоторых бегунов на длинные дистанции. На старте один из них резко вырывается вперед, чтобы ввести в заблуждение колонну, и после нескольких кругов по стадиону отстает. Он сделал свое дело. На дорожке остаются спортсмены из его команды, которые продолжают бег в равномерном темпе. Так было и в 1981 г., когда всего через неделю после покушения на Иоанна Павла II миланская газета «Джорнале нуово» опубликовала статью Майкла Ледина, которая дала старт клевете о «советско-болгарском заговоре с целью убийства папы». Потом Ледин вышел из игры, разумеется, только для вида. Его ранг специального советника тогдашнего госсекретаря США Александра Хейга был слишком высок для прямого участия, и он начал только подавать голос время от времени, дабы поддерживать жар в печи. И собственную форму клеветника. 16 января 1983 г. «Эспрессо» опубликовал его фотографию и высказывание: «Определенно могу утверждать, что существует болгарская связь не только в деле Али Агджи. Считаю, что некоторые службы в Вашингтоне знают намного больше по этому вопросу, но предпочитают корректно молчать». Ледин снова подал голос в августе 1984 г. насчет доклада прокурора Антонио Альбано, заявив: «Наконец-то мы добрались до истины». В сущности ему больше и нечего было сказать: свора клеветников — Стерлинг, Мосс, Калб и Хенци — уже сделала свое дело в срежиссированной пропагандистской кампании против Болгарии.

Помимо прямого участия в фабрикации «дела Антонова» у Ледина были и другие «заслуги» перед Италией, о которых он, правда, не писал в открытом письме из Вашингтона в итальянские газеты осенью 1984 г. В ответ на обвинения адмирала Ф. Мартини Ледин заявил, что 19 лет его деятельность была направлена на укрепление «дружбы между Италией и США». С данной точкой зрения этого американца трудно согласиться. В 1979 г. имя Майкла Ледина появляется и в заключительном докладе парламентской комиссии, расследующей похищение и убийство Альдо Моро, в котором он назван «американским агентом, поддерживающим связи с руководящими кругами Итальянской социалистической партии». При расследовании деятельности масонской ложи «П-2» имя Ледина снова упоминается, причем подчеркивается, что он вместе с Пащенко является сотрудником и израильской разведки Моссад. Тогда Ледин отрицал, что он — агент Моссад, заявляя, что его связи с Израилем выражаются лишь в том, что он является членом сборной этой страны по бриджу. Ледин даже позволял себе говорить от имени американского правительства. В феврале 1981 г. он встречается в Вашингтоне с лидером итальянских социалистов Клаудио Мартелли, которому заявляет: «В будущем Америка предпочитает иметь дело в Италии с социалистами и христианскими демократами, но при условии что последние изменят свою политику». Мнение и заявления Ледина об Италии воспринимаются настолько серьезно, что в номере газеты «Аванти!», органе Итальянской социалистической партии, от 8 февраля 1981 г. его представляют как «известного политолога, от которого из первых рук можно узнать официальную позицию Вашингтона по некоторым итальянским проблемам». Итальянцы решили, что настало время сказать «стоп» этому интригану и политическому шантажисту, и прогнали его. «Козырной туз» из колоды западных дезинформаторов явно выпал. Кто же будет следующим?

Отнюдь не упрочилась роль итальянских секретных служб после участия их в качестве статистов и мелких исполнителей в многолетнем пропагандистском шоу «холодной войны», поставленном ЦРУ вокруг «дела Антонова». Римский еженедельник «Панорама (16.9.1984) саркастически заметил по этому поводу: «Правительство заявляет, что оно намерено снабдить секретные службы щитом для защиты от вмешательства извне. Очень хорошо. Мы надеемся лишь, что этот щит не будет чем-то вроде эмблемы христианско-демократической партии, то есть щита с изображенным на нем крестом, за которым в течение многих лет прятались многочисленные злоумышленники и который скрывает столько преступлений». Ожесточенная свара между буржуазными политическими партиями на Апеннингах, подогреваемая

серией громких скандалов с масонами, террористами и мафией всех рангов, заставила некоторых политиканов попытаться свалить вину за свои провалы на кого угодно. И так, козлом отпущения избрали на этот раз мелкую сошку — Майкла Ледина.

Но стоило ли адмиралу Мартини искать козла отпущения на стороне и тем самым так умалить роль возглавляемой им организации, ставшей уже по традиции штатным участником всех попыток ультраправых государственных переворотов в Италии последних десятилетий? Как пишет Джузеппе де Луцинс в книге «История секретных служб в Италии», изданной в конце 1984 г., «все началось с генерала Марио Руатты, руководителя СИМ, который сразу же после войны был замешан в убийстве братьев Россели; затем идет Джованни де Лоренцо, руководитель СИ-ФАР с его путчистскими происками; затем Вито Мичели, директор СИД, замешанный в подрывной деятельности организации «роза ветров»; и, наконец, Джузеппе Сантовито, «масонский брат» Ли-чо Джелли, планы которого он претворял в жизнь вместе с возглавляемой им службой СИСМИ. Меняются аббревиатуры, но не меняется образ мысли секретных служб, так что, анализируя их деятельность за последние пятьдесят лет, можно было бы даже поставить вопрос о ликвидации служб, которые дали столь неопровержимое доказательство отсутствия верности государству. Их «отклонения» являются врожденным пороком нашей политической системы».

В изданном в Лондоне в августе 1984 г. книжном бестселлере «Год Армагеддона» известные английские авторы Гордон Томас и Макс Морган-Уитс (свою компетентность они проявили и в вышедшей ранее книге «Первосвященник») писали, что само покушение Агджи на папу римского и шумиха вокруг этого дела осложнили отношения Италии и Ватикана с США. «Некоторые из сотрудников Ватикана подозревают, что ЦРУ, возможно, заранее знало о замышлявшемся покушении», — говорилось в книге английских авторов «Год Армагеддона», в написании которой участвовала Кларисса Макнейр, бывшая переводчица и диктор радио Ватикана, бросившая затем службу, чтобы вплотную сотрудничать с Томасом и Морган-Уитсом.

Известно и другое компетентное мнение. Его не раз высказывал директор Болгарского телеграфного агентства Боян Трайков. Вот его ответы на два вопроса болгарской газеты «Литературен фронт» в мае 1984 г.:

«ЛФ»: Как расценивать заговор против нашей страны, против социализма — осуществлен ли он по-итальянски, по-натовски или по-американски?

Б. Трайков: Видимые действия — покушение, провокация с арестом Антонова, затянувшееся следствие, в ходе которого постоянно утекает информация, — все это происходит в Италии. В

Италии же написаны и некоторые дополнительные акты этого спектакля — «болгарский след» и ведущееся в Тренто следствие о международной контрабанде оружия и наркотиков, которая якобы проходит через Болгарию при содействии болгарских властей.

Но эта антиболгарская и антисоциалистическая провокация и кампания не могут быть только итальянским заговором.

Я думаю, что это так, исходя из своих наблюдений за механизмом провокации, всей кампании. Я уже говорил об этом: итальянцам «открыли глаза» Соединенные Штаты и приказали им идти по «болгарскому следу». Американские средства массовой информации подняли занавес будущего суперспектакля и только в декабре 1982 г. опубликовали более тысячи антиболгарских материалов — столько, сколько в США не публиковалось о Болгарии за все последнее десятилетие.

Мой вывод о «надытальянском» характере заговора подтверждается многими фактами. Но есть и другое важное обстоятельство.

Цели кампании, о которых я уже говорил, — от поддержки рейгановской доктрины о социалистическом источнике терроризма в капиталистических странах до создания подходящей политической обстановки для размещения американских ракет в Европе — это цели не только политики итальянского правительства. В реализации поставленных задач заинтересован империализм, они отвечают духу глобальной стратегии Североатлантического союза, руководимого Соединенными Штатами. Цели этой кампании ясно показывают, кто стоит за ее организацией и реализацией; они отчетливо указывают на то, что этот заговор — дело рук НАТО и прежде всего США.

Кто бы в Италии решился взять на себя огромную ответственность за судьбу международных отношений в Европе и мире, не проконсультировавшись и не заручившись одобрением и поддержкой своих союзников? Нереально, чтобы такое решение было принято в одностороннем порядке. Нереально, чтобы одна из стран НАТО устроила провокацию мирового масштаба, наносящую удар по определяющим современный мир отношениям между социалистическим Востоком и капиталистическим Западом, без непосредственного участия НАТО и особенно его руководящей политической силы — Соединенных Штатов. Это абсолютно исключено!

«ЛФ»: Почему же тогда ЦРУ отгораживается от дела и даже выражает мнение, что «болгарский след» в покушении на папу не существует?

Б. Трайков: Говорят, что Центральное разведывательное управление США не хочет иметь ничего общего с расследованием «болгарского следа», которое ведется в Риме, относится к этому делу отрицательно и даже с раздражением. Так ли это в действи-

тельности? Есть ли основания для подобного утверждения? О такой позиции ЦРУ официально никогда не заявляло.

Пищу же для разговоров о «нежелании ЦРУ вмешиваться в римское дело» дают материалы западной печати, написанные в привычном и ни к чему не обязывающем авторов стиле вроде сообщений: «Источник, близкий ЦРУ, сообщает...» или «стало известно, что в докладе ЦРУ...» Таким образом, все, что известно на эту тему, — это отдельные слова, не имеющие достоверного и надежного источника. В них нет ни точности, ни ясности. Нельзя, опираясь на них, ни утверждать, ни верить, что ЦРУ не имеет ничего общего с «болгарским следом», который, и в этом убеждены многие, родился именно в лаборатории ЦРУ.

Другое дело, почему появились такие сообщения и с какой целью была пушена в ход эта идея.

Соединенные Штаты, представляемые в таких историях ЦРУ, хотя бы поделить результаты кампании, которые уже давно известны: успех и провал. ЦРУ получило свое — успех. Клевета на Болгарию облетела весь мир и ввела в заблуждение многих. И несмотря на то, что эта клевета уже скомпрометировала себя и будет разоблачена до конца, кое у кого все же останутся сомнения — такова уж человеческая природа. Дезинформаторы позаботятся об этом.

Провал с его последствиями предоставляется другим. Когда об этом провале объявят официально, кое-кто постарается напомнить, что ЦРУ с самого начала не верило всей этой истории, и сошлется на старое сообщение об одном «докладе ЦРУ, в котором...». Каштаны из огня будут таскать другие.

Говоря о ЦРУ, я вспомнил о Клэр Стерлинг. В своей книге она выражает недовольство правительствами западных стран и их разведывательными организациями, в том числе и ЦРУ, не порицавшими гласно болгарское и советское участие в покушении на папу. Она утверждает, что они, наоборот, умышленно хранили молчание, демонстрируя тем самым свое желание как можно скорее замять это дело в интересах диалога Восток-Запад, столь необходимого для сохранения всеобщего мира.

В «недовольстве» Стерлинг заложена очень коварная идея. Смысл ее состоит в следующем: когда Антонов будет освобожден, а это рано или поздно произойдет, у людей должно сложиться впечатление, что он вышел на свободу не потому, что он и его соотечественники не имеют ничего общего с покушением на папу, а по— тому что так повелевают высшие политические интересы современности — сохранение мира. Иными словами, невзирая на то, что невиновность Антонова подтверждена официально, что полностью исключаются какие-либо «болгарские следы» в покушении, невзирая на то, что эта наглая клевета потерпела полный провал, у людей должно остаться убеждение, что все так и было и что болгарский терроризм — это не пустые

слова. Теоретически задумано не плохо, но кто поверит на практике в этот жест миролюбия. Да разве те, которые размещают свои ракеты во всем мире, на суше и на море, которые начинили Европу своими «першингами-2» и крылатыми ракетами, превратив ее в пороховой погреб, и которые ради этих ракет затеяли римскую провокацию, пожертвуют идеологическим столпом своего крестового похода? Миролюбивый образ Соединенных Штатов, который рисует Стерлинг, попросту смешон.

Стерлинг выражает в своей книге опасение, что ее незаслуженно могут обвинить в сотрудничестве с ЦРУ. Я не буду повторять то, что многие уже сказали до меня. Позволю себе только заметить: не кажется ли странным то, что идея, о которой я только что говорил, подсказывает ЦРУ наиболее подходящий для него вариант завершения римской аферы?»

ТЕРРОРИЗМ В ДЕЙСТВИИ

Миллионы простых людей, всемогущие государственные деятели, целые правительства буквально содрогаются перед разгулом терроризма, хотя во многих случаях и не признаются в этом открыто. Револьвер, небольшая бомба, какие-нибудь полкило динамита в руках одного «решившегося» или «получившего приказ» способны не только лишить жизни десятки людей, но и создать острый политический кризис. Между тем эти орудия смерти постоянно модернизируются, становятся все более доступными и, что самое ужасное, никого не подвергают «дискриминации». Одной и той же пулей может быть убит посол и его шофер, президент и его телохранитель, издатель и его секретарь, папа римский и его безвестный почитатель. Если же принять во внимание, что помимо индивидуального террора мы сталкиваемся сейчас с проявлениями тщательно организованного государственного терроризма, взятого на вооружение империалистическими государствами и их спецслужбами, то становится очевидной та величайшая опасность, которую представляет современный терроризм. В О терроризме, ставшем любимым детищем крупнейшей в мире спецслужбы — ЦРУ, о наемных убийцах и об их известных и неизвестных покровителях, а также о многом другом, имеющем отношение к этой «болезни века», можно рассказать на примере конкретных исторических событий¹.

¹ Ряд фактических данных этого раздела заимствован автором из серии статей Алэна Герэна в газете «Юманите» в апреле 1985 г., из книг Маноса Хариса («Терроризм любимое детище ЦРУ», перевод с греческого. М., 1985), Ивана Палчева («Терроризм действует». София, 1984), А. Н. Яковлева («От Трумэна до Рейгана» М., 1985).

Кто стоял за крупными покушениями в последние 40 лет? Остановимся сначала на внутреннем терроризме т. е. терроризме в самих Соединенных Штатах Америки. Бывший министр юстиции США Рамсей Кларк издал в 1970 г. книгу «Преступность в Америке». В ней упоминается, что с 1882 по 1930 год в США линчеваны более 4500 человек, преимущественно негры. Далее он пишет: «С 1900 по 1969 год в США из огнестрельного оружия было убито более 800 тысяч человек. Каждый год в нашей стране гибнут от пуль более 20 тысяч человек и свыше 200 тысяч получают огнестрельные раны». Многолетний председатель сенатской комиссии по иностранным делам Уильям Фулбрайт издает в 1967 г. книгу «С позиции силы», в которой пишет: «Мы создали общество, главным занятием которого является насилие... Самую серьезную угрозу нашему государству представляет не какая-то внешняя сила, а наш внутренний милитаризм».

История доказала, что, прежде чем стать фактором в отношениях одного государства с остальным миром, насилие сначала заполняет различные уровни в структуре его общества. То же самое касается и практики терроризма. Ф. Манкевич и Д. Свердлоу в своей книге «США: телевидение и американский образ жизни», изданной в США в 1978 г., описывают следующий эпизод: в 1976 г. во время предвыборной кампании кандидат на пост президента Джимми Картер должен был посетить одну ферму. Тележурналисты следовали за ним всюду, но на ферму их не пустили. Они настаивали, приводя следующий аргумент: «Мы ничего не будем снимать, просто хотим быть там, вдруг кто-нибудь попытается в чего стрелять». Вот оно насилие как образ мышления.

Через день после убийства президента Джона Кеннеди, 24 ноября 1963 г., газета «Нью-Йорк тайме» опубликовала результаты своего исследования. Согласно этому исследованию, начиная с 1840 г. все американские президенты, избравшиеся на этот пост в год, цифровое обозначение которого делится на 20, умирали во время своего мандата — преимущественно от рук убийц. Газета приводит имена:

Год выборов	Президент	Причина смерти
1840	Уильям Гаррисон	воспаление легких
1860	Авраам Линкольн	убит
1880	Джеймс Гарфилд	убит
1900	Уильям Мак-Кинли	убит
1920	Уоррен Гардинг	умер при «загадочных»

1940	Франклин Рузвельт	обстоятельствах умер, некоторые полагают, что он был отравлен
1960	Джон Кеннеди	убит

После покушения на Рональда Рейгана 30 марта 1981 г. «Интернэшнл геральд трибюн» привела другую статистику покушений на высших должностных лиц. До 1963 г., т. е. за 174 года американской истории, было осуществлено всего 6 покушений на президентов и кандидатов в президенты. На следующие 6 покушений хватило всего 18 лет. После убийства Роберта Кеннеди в 1968 г. другие пять покушений оканчивались для их жертв благополучно, они остались живы. В мае 1972 г. ранен кандидат на пост президента Джордж Уоллес, в сентябре 1975 г. президент Форд дважды становился объектом покушения, 5 сентября в Сакраменто (Калифорния) Лайнет Фром не успела выхватить пистолет, как ее тут же обезоружили. Спустя 17 дней в Сан-Франциско (снова Калифорния) Сара Мур стреляла в Форда с расстояния 15 метров, но один полицейский успел ударить ее по руке, пуля ударила о мостовую и рикошетом ранила случайного человека. И, наконец, покушение на Рейгана — в непосредственной близости Хинкли выпустил в него 6 пуль, но лишь одна легко его ранила.

Братья Кеннеди, Джон и Роберт^ были застрелены. Расследования доказали, что эти покушения явились результатом организованного заговора, к исполнению которого были привлечены профессионалы. В этой связи уместно привести слова американского публициста Д. Флеминга из его книги «Заговор против Кеннеди»: «В Соединенных Штатах существует постоянно действующий механизм, имеющий целью уничтожение всех общественно-политических деятелей, которые, с точки зрения создателей этой адской машины, ставят под угрозу их настоящие операции или могут сорвать их будущие планы».

Незадолго до смерти Линдон Джонсон в интервью журналу «Атлантик» (август 1973 г.) сказал, что «убийство в Далласе могло быть актом возмездия за провалы и неудачи, ответственность за которые непосредственные, исполнители склонны были взвалить на моего предшественника». Это туманное высказывание бывшего президента США ценно как признание. Со своей стороны, газета «Вашингтон пост» от 13 декабря 1977 г. приписывает Джонсону весьма конкретное мнение, высказанное им в 1967 г. заместителю директора ФБР К. Делочу: «Считаю, что ЦРУ замешано каким-то образом в этом заговоре».

Отыскивая причины, обуславливающие рост терроризма и насилия внутри США, Рамсей Кларк делает следующее признание в своей книге «Преступность в США»: «Но причиной при-

чин является наша упорная ориентация на насилие как главный метод социального контроля, а также проповедуемая нами ложная вера в то, что, сколь это ни постыдно, дела в конечном счете решаются насилием». Но тот же самый Кларк, в бытность свою министром юстиции, на следующий день после убийства своего предшественника Роберта Кеннеди сделал традиционное заявление в «Нью-Йорк таймс» (6 июня 1968 г.): «Нет никаких данных о существовании заговора». В таком случае, кто использует насилие как «главный метод социального контроля в США»?

В феврале 1976 г. американская газета «Виллидж войс» напечатала выдержки из секретного правительственного материала, в котором кроется ответ на этот вопрос: «Существуют программы, которые в силу своего характера и методов выполнения нарушают права человека в США. Комплексная программа КОИНТЕЛПРО представляет собой серию тайных программ контрразведывательного свойства, цель которых открывать «подрывные» элементы в Соединенных Штатах, проникать в их ряды и уничтожать их изнутри. Самой программой предполагается использование множества недозволенных методов, применяемых ФБР против лиц и организаций, которых ФБР считает подрывными элементами». Так называемая программа КОИНТЕЛПРО была задумана в конце 50-х гг., и сразу же началось ее выполнение. Поскольку нас интересуют проявления индивидуального терроризма в США, то органичимся перечислением некоторых из самых значительных политических убийств, совершенных после 1963 г.: Медгар Эверс, Луис Аллен, Майкл Швернер, Эндрю Гудман, Джеймс Чани, Мал-кольм Икс, Джеймс Мередит, Уоллесе Джексон, М. Л. Кинг, Фред Хемптон, Марк Кларк, Эдуин Прат, Джозеф Яблонски, Джо Килтрайт, Дональд Болс, Вернен Джордан и т. д.

После убийства Роберта Кеннеди обозреватель западногерманского журнала «Штерн» Себастьян Хафнер писал: «В XX веке политическое убийство стало почти исключительным оружием правых. Нанося эти смертоносные выстрелы, самонадеянная жестокая власть хорохорится только внешне, на самом же деле они являются признанием ее неизбежного поражения».

США не скрывали своих имперских претензий и целей в мире. В 1946 г. в США вышла книга Джорджа Пети «Будущее американской разведывательной службы», в которой написано: «В новых условиях нам нужна такая разведывательная система, которая обеспечила бы господство США на всех континентах, над всеми религиями, во всех социальных, экономических и политических областях». 1

Спецслужбы империалистических держав имели богатый опыт в практике международного терроризма против Советского Союза, и этот опыт учитывался. Известно признание Аллена

Даллеса — одного из руководителей и создателей ЦРУ, сделанное им летом 1954 г. в газете «Сатердей ивнинг пост» В 1917 г., когда Даллес был резидентом американской разведки в Швейцарии, некто настоятельно рекомендовал ему принять меры для физического уничтожения русского эмигранта Ильина (один из псевдонимов В. И. Ленина). Покушение не состоялось, о чем, по словам Даллеса, он жалел всю жизнь. Об этом пишет и Томас Джонсон в своей книге «Американская разведка и контрразведка»: «Если бы некогда мы вслушались в эти советы, то сейчас не было бы ни Советской республики, ни красной опасности».

Подобные известные в общем-то вещи стоит повторять, так как они имеют прямое отношение к определению истоков экспорта терроризма, которым США и другие западные страны занимаются, с первых месяцев после Октябрьской революции. Первое покушение на В. И. Ленина было совершено 1 января 1918 г. Параллельно с этим готовится и заговор с целью его убийства, известный в истории дипломатии как «заговор трех послов». Дипломатические представители Англии, США и Франции — Роберт Локкарт, Дэвид Фрэнсис и Жан Нуланс разрабатывают и начинают осуществлять операцию по физическому уничтожению советских руководителей весной 1918 г., которая должна была проводиться одновременно с интервенцией Антанты. Заговор был раскрыт и нейтрализован. После разгрома армий интервентов и внутренней контрреволюции центр контрреволюции и антисоветского терроризма переносится в Западную Европу. Его жертвами стали:

— 1924 г. — Вацлав Воровский, советский посол в Италии, убит в Лозанне (Швейцария);

— 1926 г. — Теодор Нетте и Иоханнес Махмасталь — советские дипкурьеры, нападение на которых было совершено в международном экспрессе Москва — Рига. Нетте убит, а Махмасталь тяжело ранен;

— 1927 г. — Петр Войков, посол СССР в Польше.

Полным ходом исполняется террористическая программа, о которой Сидней Рейли, один из асов британской разведки, писал в 1925 г.: «Итак, вот три способа: организация, пропаганда, террор... Террор, направляемый из центра, но реализуемый небольшими, самостоятельными группами или отдельными лицами, против виднейших представителей власти... Я уверен, что большая террористическая акция произвела бы потрясающее впечатление и всколыхнула бы во всем мире надежду на близкое падение большевиков и вместе с тем вернула бы интерес к русским делам».

Это подчеркнутое внимание, уделяемое в террористических программах империализма пролетарским вождям, находит свое объяснение в исторически сложившемся буржуазном понима-

нии роли личности в истории. Унаследовав от феодализма его фетишизм исторической личности, буржуазия, несмотря на появления и развитие новых классовых отношений и борьбы, не изменила стереотипа своего мышления. В одном интервью в 1971 г. президент Чили Сальвадор Альенде сказал: «Буржуазия всегда верила, что историю творят личности. Реакция, опираясь на эту идею, превращает ее в тактику. Отсюда вытекает одна из ее любимых форм борьбы — покушения».

Давайте перелистаем страницы списка тех, кто погиб от насилия буржуазии, и мы найдем в нем имена видных деятелей коммунистических и социалистических партий, ставших жертвами империалистического терроризма:

— Жан Жорес, руководитель Французской социалистической партии, убит в 1914 г.;

— Карл Либкнехт и Роза Люксембург, основатели и руководители КПП, убиты в 1919 г.;

— Джакомо Маттеотти, итальянский социалист убит в 1924 г.;

— Масаноскэ Ватанабэ, Генеральный секретарь Коммунистической партии Японии, убит в 1928 г.;

— Эрнст Тельман, руководитель КПП, убит в 1944 г.;

— Инэдзиро Асанума, лидер Социалистической партии Японии, убит в 1960 г.;

— Дипа Н. Айдит, председатель Коммунистической партии Индонезии, убит в 1965 г.;

— Меир Вильнер, Генеральный секретарь Коммунистической партии Израиля, тяжело ранен в 1967 г.;

— Эрнесто Че Гевара, латиноамериканский революционер, убит в 1967 г.;

— Бернардо Монсон, руководитель Гватемальской партии труда, убит вместе с другими членами ЦК в 1972 г.;

— Умберто Альварато, преемник Монсона, убит в 1974 г.;

— Кэндзи Миямото, Председатель ЦК Коммунистической партии Японии, покушение в 1979 г.

В 70-е гг. вышел ряд книг и статей бывших агентов ЦРУ Филипа Эйджи, Виктора Маркетти, Джона Маркса, Луи Гонсалеса-Маты и некоторых других, в которых разоблачалась подрывная деятельность управления в отдельных странах мира.

18 июня 1974 г. конгрессмен Майкл Харингтон направил председателю Комиссии по иностранным делам сената Уильяму Фулбрайту письмо, в котором выражал свою тревогу по поводу получивших гласность фактов деятельности ЦРУ за рубежом, особенно в Чили, приведшей к свержению правительства Альенде. Харингтон упоминает, что по его настоянию директор ЦРУ Уильям Колби 22 апреля 1974 г. дал показания в подкомиссии по вопросам разведки. Из них стало известно, что за период

1962-1973 гг. «Комитет 40» отпустил ЦРУ 11 миллионов долларов на финансирование правых партий и организаций в Чили, чтобы помешать Альенде стать президентом, а затем и для дестабилизации его правительства и организации правого переворота.

Копия письма попала к журналисту Сеймуру Хершу, который 8 сентября 1974 г. опубликовал в газете «Нью-Йорк тайме» большую статью. 22 декабря в той же газете появилась другая статья Херша «Гигантская операция ЦРУ против противников войны и диссидентов в период правления президента Никсона». Джеральд Форд, который стал президентом вместе устранившегося Никсона, в начале 1975 г. вынужден был создать несколько комиссий по расследованию деятельности ЦРУ. Пока шли их расследования, 9 марта 1975 г. американский журнал «Тайм» цитировал «достоверные источники», согласно которым ЦРУ замешано в заговорах с целью убийства ряда руководителей государств Карибского бассейна. Упомянулись имена боссов мафии Сэма Джанкана и Джона Роселли, которых в 1960 г. наняли с целью убийства Фиделя Кастро.

25 ноября 1975 г. были опубликованы результаты расследования комиссии палаты представителей, руководимой Фрэнком Черчем. В докладе сделано три вывода: «Комиссия пришла к заключению, что сотрудники государственных учреждений США выдвигали идею организации заговоров и участвовали сами в заговорах с целью убийства Патриса Лумумбы и Фиделя Кастро. Американские должностные лица поощряли заговоры, нацеленные на переворот, которые привели к смерти Рафаэля Трухильо и Нго Динь Дьема. Сотрудники ЦРУ использовали лиц, тесно связанных с преступным миром, при попытках убить Фиделя Кастро. Расчет делался на представителей преступного мира, так как считалось, что у них есть опыт и контакты, которых нет у уважающих закон граждан...».

ЦРУ и комиссия заключили «джентльменское соглашение»: ЦРУ предоставит комиссии материалы об одном из пяти случаев, взамен она ограничит расследование остальных четырех. Остатки наваливаются на Чили.

На выборах президента 4 сентября 1970 г. Сальвадор Альенде получает 36 процентов голосов, Хорхе Алессандри — 35,3 процента, Радомиро Томич — 27 процентов. Ни один из претендентов не добивался абсолютного большинства и согласно конституции парламент должен высказаться в пользу одного из трех. Сессия назначена на 24 октября 1970 г. 15 сентября 1970 г. в Белом доме проводится совещание с участием президента Никсона, советника по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджера, директора ЦРУ Ричарда Хелмса и министра юстиции Джона Митчела. Инструкции Никсона категоричны:

«Шансы наши могут быть один к десяти, но мы должны спасти Чили. Спасти любой ценой, не считаясь с риском в этой операции. Посольство должно стоять в стороне. Отпустить 10 млн. долларов наличными, а если потребуется то и больше. Работать днем и ночью, подобрать лучших агентов. Составить план операции, истощить экономику. На разработку стратегии дать 48 часов». Машина ЦРУ запущена. Ставка на молниеносный военный переворот. Кандидаты есть, но главнокомандующий чилийской армией генерал Рене Шнейдер заявил, что военные будут соблюдать конституцию. 8 октября принято решение: генерал Шнейдер должен быть устранен — похищением будет достигнута и другая цель, что приведет к вмешательству армии. Из Сантьяго получена радиограмма: нужны бесшумные автоматы без клейма и по 500 патронов к ним. 19 октября предпринята первая неудачная попытка похищения Шнейдера, 20 октября — следующая, но также безуспешная. 22 октября полученные дипломатической почтой бесшумные автоматы переданы одной из групп в Сантьяго. 22 октября генерал Шнейдер тяжело ранен и через несколько дней умирает.

Следовало бы ожидать, что эта операция, известная под названием «Трак-II, провалится так как президент Альенде вступил в должность. Но опровержение поступило со стороны ЦРУ, несмотря на заверения Генри Киссинджера и его помощника Александра Хейга в комиссии о том, что действия в Чили остановлены. В 1975 г. для показания в комиссии был вызван бывший начальник оперативного управления ЦРУ Томас Карамесинес, который заявил: «Уверен, что посеянное нами в 1970 г. принесло плоды в 1973 г. Ни на минуту не сомневаюсь в этом... Альенде был тогда президентом. Но нам было приказано продолжать начатое. Оставаться в боевой готовности и сделать все возможное, чтобы в конечном итоге были достигнуты основные цели «Трак-II». Это подтверждается фактами. 5 ноября 1970 г. на заседании Совета национальной безопасности США принято решение: создать вокруг правительства Альенде атмосферу враждебности. Киссинджер заявляет, что надо сделать все возможное, чтобы «чилийская группа подобно плоду созрела, загнила и сама упала». Началось выполнение программы дестабилизации Чили, что привело к перевороту, совершенному Пиночетом 11 сентября 1973 г.

В интервью «Пентхауз» в январе 1975 г. бывший агент ЦРУ Виктор Маркетти заявил: «Есть два вида покушений. Первое — это политическое покушение, подобное убийствам Трухильо и Дьема. В них ЦРУ не использует собственные силы. Оно может нанять ребят, которые это сделают, или создать ситуацию, при которой политический лидер может быть свергнут и даже убит в ходе переворота».

В докладе Черча отводится место убийству американского протеже — диктатора Доминиканской Республики Рафаэля Трухильо, который в начале 1960 г. уже стал неудобен для США. Судьба другого диктатора Фульхенсио Батисты на Кубе напугала американцев: может статься, что и Трухильо вызовет взрыв народного негодования и появится вторая Куба. Резиденту ЦРУ в столице дано указание. Вскоре он сообщил, что установил связь с оппозиционной группировкой, готовой действовать, если будут бесшумные автоматы без заводского клейма. Рой Рюботэм, заместитель государственного секретаря, дает согласие, и дежурный «дипломат» доставляет оружие. За несколько часов до покушения резидентура в Санто-Доминго передает в Лэнгли текст телеграммы, цитируемой в докладе Черча: «Штаб-квартира осведомлена о том, насколько американское правительство связано с убийством. Чтобы как-то замести следы, служащие ЦРУ, непосредственно причастные к подготовке убийства, должны быть отозваны...» «Сразу после убийства Трухильо, — читаем далее в докладе, — все служащие ЦРУ в Доминиканской Республике получили приказ покинуть страну, и спустя несколько дней генеральный консул Генри Дирборн вернулся в Вашингтон». Вечером 30 мая 1961 г. Трухильо был убит.

Через два года точно такая кара обрушилась на голову еще одного американского протеже — диктатора Южного Вьетнама Нго Динь Дьема. Весной 1971 г. в американской печати появляются так называемые «документы Пентагона» — секретные архивные документы о войне во Вьетнаме. Из них становится ясно, что контакты с руководителями заговора поддерживал сотрудник ЦРУ в Сайгоне Люсьен Конейн. Посол Генри Кэбот Лодж также был информирован о предстоящем убийстве.

Подобная же участь постигла Пак Чжон Хи — диктатора Южной Кореи, убитого в 1979 г. В связи с этим в своей книге «Люди ЦРУ» французский публицист Алэн Герэн пишет: «Доклад Черча об убийствах в 1961 г. был опубликован в 1975 г. Означает ли это, что надо ждать 1995 г., чтобы узнать подробности участия ЦРУ в убийстве южнокорейского диктатора, уничтоженного в пятницу 26 октября 1979 г. в Сеуле шефом южнокорейского отделения ЦРУ Ким Жи Киу?» Уже в первых после убийства сообщениях западных газет недвусмысленно указывалось, что в событиях замешано ЦРУ. 3 ноября 1979 г. парижская газета «Монд» писала: «В телеграмме из Сеула японское агентство Киодо утверждает, что Ким Жи Киу, бывший шеф южнокорейского ЦРУ и убийца президента Пака, воспользовался поддержкой Соединенных Штатов. По свидетельству Киодо, Ким Жи Киу заявил министрам, собравшимся на чрезвычайное заседание совета через три часа после смерти главы государства:

«Я его убил. За моей спиной — Соединенные Штаты. Желательно, чтобы каждый из вас поддержал меня».

Бывший агент ЦРУ Луи Гонсалес-Мата издал в 1979 г. книгу «Подлинные властелины мира». В ней он приводит достоверные сведения об участии ЦРУ в убийстве испанского премьер-министра Карреро Бланко. США считали, что ликвидация Бланко устранит преграды на пути американской стратегии в Испании и Португалии. Как только агенты ЦРУ в Мадриде узнают о подготавливаемом покушении, они всячески будут способствовать этому. Более того, когда 19 декабря 1973 г. террористы заложили взрывчатку в выкопанный тоннель, последними в него проникают агенты ЦРУ и добавляют еще две противотанковые мины. 20 декабря Карреро Бланко был убит.

В докладе комиссии Черча написано: «Два из пяти основных случаев, рассмотренных комиссией, представляют собой заговоры с целью убийства зарубежных деятелей (Лумумбы и Кастро)». И далее: «Комиссия располагает солидными доказательствами того, что существовал заговор с целью убийства Патриса Лумумбы. Вполне возможно, что резко враждебные высказывания в адрес Лумумбы сделанные на высшем уровне в правительстве, имели целью дать толчок операции по его убийству. Во всяком случае, именно они привели к проведению этой операции. Факты показывают, что выраженная президентом Эйзенхауэром глубокая озабоченность поведением Лумумбы на заседании совета национальной безопасности 18 августа 1960 г. была истолкована Алленом Даллесом как санкция на убийство Лумумбы». Истина по делу Лумумбы, почерпнутая из надежного источника — доклада Черча, — такова. Летом 1960 г. начальник оперативного отдела ЦРУ Ричард Бисл получает приказ Даллеса подготовить операцию по ликвидации Лумумбы и отдает распоряжение начальнику Африканского отдела Бросену Труиди изучить различные возможности убийства. У Труиди есть под рукой специалист по ядам — «научный работник» Сидней Готлиб. (В ходе расследования комиссии Черча, опасаясь за свою жизнь, Готлиб через судебные органы потребовал, чтобы его имя не упоминалось в протоколах допроса. Его просьба была удовлетворена и он получил псевдоним Джозеф Шейдер). У Готлиба-Шейдера имелись в запасе сильнейшие токсические вещества. Выбрав самый подходящий яд, он в сентябре 1960 г. выехал в Конго, где передал его резиденту ЦРУ в Леопольдвиле Лоуренсу Девлину. Параллельно с этим планируется также возможность передачи Лумумбы его политическим врагам в Конго — Жозефу Мобуту и Моизу Чомбе. 7 сентября 1960 г. резидент в Леопольдвиле направляет Даллесу телеграмму: «В оппозиции Лумумба почти столь же опасен, как и у власти. Один конголезский политический деятель дал понять, что, ему ясна ситуация и

он готов физически устранить Лумумбу». Между тем 5 сентября Лумумба смещен с поста премьер-министра. События развивались молниеносно. Лумумба обратился за помощью к войскам ООН в Конго. Тогда в Конго был направлен офицер ЦРУ Майкл Малрони для реализации второго варианта — передачи Лумубы Чомбе с целью его уничтожения, Малрони прибыл в Конго и вскоре его агенты из окружения Лумумбы донесли, что тот попытается присоединиться к своим единомышленникам в Стенливиле. Сообщается и день побега — 27 ноября 1960 г. ЦРУ в Лэнгли предупреждено: «Резидентура в сотрудничестве с конголезским правительством блокирует дороги, чтобы помешать побегу». Лумумба арестован, передан Чомбе и убит в январе 1961 г.

Бывший агент ЦРУ Виктор Маркетти заявил корреспонденту «Нувель обсерватер» 17 марта 1975 г.: «Многие считают, что эти имена — ничтожная часть «черного списка» ЦРУ. ЦРУ борется, чтобы уцелеть а президент защищает его, потому что есть вещи, которые он не хотел бы видеть опубликованными... Форд знает, о чем идет речь. Он был членом комиссии Уоррена, которая расследовала обстоятельства смерти президента Кеннеди... Он знает, что многие американские президенты, ныне покойные, отдавали в разное время приказы убивать людей по всему миру». «У нас есть, — написано далее в докладе Черча, — конкретные доказательства существования по крайней мере **восьми заговоров с участием ЦРУ с целью убийства Фиделя Кастро** в период с 1960 по 1965 г. Предлагавшиеся средства расправы были самыми разнообразными — начиная со специальных автоматов и яда в таблетках, и кончая начиненными отравой авторучками, смертоносным бактериологическим порошком и т. д.».

Расследования комиссии Черча показали, что ЦРУ планировало распылить в здании студии «Радио Гавана — Куба» химический препарат, действие которого аналогично наркотику ЛСД, в то время, когда Кастро будет говорить в микрофон. В 1960 г. смертельным ядом был пропитан ящик с любимыми сигарами Кастро. Доза ботулинового токсина была настолько сильна, что могла убить человека, сразу как только он взял бы сигару в рот. Был приготовлен «Специальный яд в форме таблетки, следы которого исчезали сразу после наступления смерти. Был разработан вариант, согласно которому в одном из мест на берегу Реки, куда обычно приходит плавать Кастро, должна была быть поставлена ракушка с взрывчаткой. Специалисты ЦРУ обработали отравляющим веществом водолазный костюм и предприняли попытку «подарить» его Кастро, используя переговоры, проводившиеся Джеймсом Донованом, об освобождении схваченных У Плая-Хирона контрреволюционеров. И в конце концов — «безобиднейшее» покушение: собирались насыпать в обувь Ка-

стро соли таллия, чтобы у него выпали волосы и он остался без бороды, и таким образом «лишенный своего ореола», утратил бы популярность на Кубе. Эти попытки признает ЦРУ. Но 12 ноября 1976 г. кубинский журнал «Бозмия» опубликовал полный список покушений на вождя кубинской революции и других руководителей партии и правительства общим числом 23.

В мае 1976 г. в итальянском журнале «Эуропо» было опубликовано интервью Ориана Фалачи с Уильямом Колби, уже покинувшим директорское кресло в Лэнгли. Ориана Фалачи задает Колби вопрос: «Г-н Колби, может быть ЦРУ только отчасти является таким, каким вы его характеризуете? А на самом деле его деяния еще более грязные. Я имею в виду политическую силу, которая организует государственные перевороты, заговоры, убийства. Это — второе правительство, которое карает каждого, кто действует вразрез с интересами США». На что Колби отвечает: «На деятельность, о которой вы говорите, отпускается не более 5% нашего бюджета. Только пять процентов идет на политическую или полувоенную деятельность». На 470-й странице I тома доклада комиссии Черча упоминается, что расходы — прямые и косвенные — на разведывательную деятельность достигают 3% государственного бюджета США. Получается сумма в размере около 10 млрд. долларов, **5% от которых составляют 500 миллионов долларов! На заговоры, убийства. Ежегодно.**

Можно поверить бывшему агенту ЦРУ Джону Марксу, который заявил 12 февраля 1976 г. в интервью газете «Вашингтон пост»: «Можно прийти к мысли, а я именно так и считаю, что ЦРУ продолжает скрывать серьезнейшие факты. Может оказаться, что в шкафах ЦРУ спрятаны более зловещие трупы».

В ноябре 1977 г. журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» назвал число тайных операций ЦРУ за период 1961 — 1976 гг. Говорилось о «более чем 900 крупных тайных операциях против отдельных деятелей и правительств».

Снова из доклада Черча: «В дополнение к заговорам, рассматривавшимся в этом докладе, комиссия собрала известные данные о том, что ЦРУ было замешано в планах убийства президента Индонезии Ахмеда Сукарно и Папы Дока в Гаити. Бывший начальник оперативного управления Ричард Бисл заявил в своих показаниях, но убийство Сукарно рассматривалось в ЦРУ, но подготовительные работы ограничились поисками «агента», который мог бы убить Сукарно. Диссидентским группам в Индонезии было доставлено оружие, но, по словам Бисла, оно не было предназначено для этого убийства...». Не будем забывать, что в апреле 1955 г. в Индонезии проводилась Бандунгская конференция. На ней было конкретизировано понятие «третий мир» и приняты документы, осуждающие колониализм, расовую дискриминацию и гонку вооружений. Не в силах предотв-

ратить конференцию, ЦРУ совершило варварский акт — взорвало в воздухе самолет «Принцесса Кашмира», в котором находилась часть делегатов конференции.

Комиссия обратилась к ЦРУ с запросом, предпринимались ли попытки убийства Гамалы Абдела Насера. Согласно газете «Вашингтон пост» от 12 февраля 1976 г., ЦРУ дало следующий ответ: «В архивах ведомства нет сведений о посылке в Египет групп или отдельных лиц с целью убийства Насера». Всего за два месяца до этого, 2 декабря 1975 г., та же газета поместила биографический материал об Аллене Даллесе. Дело происходило во время Суэцкого кризиса в 1956 г. «Однажды, после официального ужина в доме известного политического обозревателя Уолтера Липпмана речь зашла о Насере. «Аллен, — шутливо сказал один из присутствовавших, — не можете ли вы послать убийцу?» На лице Даллеса появилось серьезное выражение. Откинувшись на спинку большого кожаного кресла, он чиркнул спичкой, разжег свою трубку, затянулся несколько раз и после этого ответил: «Видите ли, для этого необходим фанатик, человек, который согласился бы быть убитым, если его поймают. Кроме того, он не должен быть иностранцем. Нужен араб».

Во время освободительной борьбы тунисского народа в 1946 г. был основан Всеобщий союз тунисских трудящихся. Генеральным секретарем избран Фархат Хашед. После ареста Хабиба Бургибы в 1952 г. он возглавил сопротивление. Террористы группы «красная рука» убили его в декабре. Эта организация была создана французской службой контршпионажа (СДЕСЕ), и в ее задачи входило уничтожение активистов Фронта национального освобождения Алжира. В периметре ее действия находился и Тунис.

Д-р Эдуардо Мондлане создал ФРЕЛИМО — фронт национального освобождения Мозамбика — и начал вооруженную борьбу с португальцами. Он нашел убежище в Танзании, где 3 февраля 1969 г. был убит в результате взрыва бомбы, подложенной в полученную им книгу.

Жертвой террористов португальских тайных служб становится и руководитель Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (ПАИГК) Амилькар Кабрал. В июньском номере итальянского журнала «Темпо» за 1975 г. помещена информация, раскрывающая участие генерала Антонио Спинолы в организации убийства. В одном из своих докладов диктатору Марселу Каэтану 5 января 1972 г. Спинола писал: «ПАИГК — это в первую очередь Кабрал. Но Кабрал не из тех, кого можно подкупить. Чтобы нейтрализовать огромное влияние Кабрала на народные массы, существует только один способ — убить его».

4 июня 1976 г. в английской газете «Гардиан» появился первый намек, на то, что в Латинской Америке осуществляется планомерное уничтожение неудобных для определенных кругов политических деятелей. «Тех деятелей, — пишет «Гардиан», — которые могут объединить и вдохновить народ для оказания сопротивления военным, захватившим власть, устраняют одного за другим». А на вопрос, «кто же несет ответственность за это», газета отвечает: **«Это должен бы знать Генри Киссинджер».**

2 августа 1979 г. Джек Андерсен публикует в газете «Вашингтон пост» статью, озаглавленную «Кондор: латиноамериканские убийцы». Он сообщает, что «тайные полиции по крайней мере шести латиноамериканских военных режимов проводят секретные операции, цель которых — убийство их общих врагов в других странах». Затем и в «Санди ньюс джорнэл» от 25 февраля 1980 г. выходит статья, в которой сообщается, что «ЦРУ помогло сформировать команду террористов, завербованных прежде всего из числа кубинских эмигрантов в США и использованных для убийства Орландо Летельера и других неудобных Вашингтону и его союзникам лиц». Этими «другими неудобными лицами» были генерал Карлос Пратс, убитый в Аргентине 30 сентября 1974 г., и Бернардо Лейтон, еще один известный чилийский эмигрант, тяжело раненый при покушении в Риме. Спустя три года после убийства Орландо Летельера, в 1979 г. в Вашингтоне проводится процесс против его непосредственных убийц. Агент ЦРУ Майкл Таунли осужден на 10 лет, с оговоркой, что приговор может быть сокращен до 40 месяцев при хорошем поведении осужденного. Другими участниками убийства были Гилермо Ново и Алвин Рос, осужденные на пожизненное заключение, и Игнасио Ново — на 8 лет. Но всего через год федеральный кассационный суд США отменяет эти приговоры, и после нового процесса подсудимые оправданы.

В интервью, опубликованном в английской газете «Тайме» 6 ноября 1978 г., бывшие директора ЦРУ Буш, Колби и Хелмс пытаются защищать ЦРУ от нападок левой прессы. Джордж Буш: «Возьмите все фильмы и телевизионные программы с их зловещим пропагандистским тоном. Приведу пример. Это произошло, когда я руководил ЦРУ. Один из левых журналов поместил материал о намерении свергнуть Мэнли на Ямайке. Это обвинение было предъявлено ЦРУ, и оно было совершенно необоснованным».

Что же так возмутило бывшего директора ЦРУ? Предоставим слово еженедельнику «Тайм» от 28 июня 1976 г.; «Премьер-министр Ямайки Майкл Мэнли показал представителям центрального избирательного округа г. Кингстона английский документальный фильм «Восход и падение ЦРУ», посвящен-

ный операциям этой организации в Лаосе, Вьетнаме и Чили (заговор против правительства Альенде). «Я не могу доказать в суде, что в стране действует ЦРУ, — заявил премьер-министр. — Я хочу только заметить, что на Ямайке происходит много странного. Участились случаи насилия, в результате которых только за последний год погибло 100 человек. Например, «неизвестные» лица ворвались в дом посла Перу Родригеса Оливы и застрелили его. За всеми этими действиями правых антиправительственных элементов возможно стоит правительство США. По всей вероятности это вызвано тем, что правительство Ямайки поддерживает дружественные отношения с Кастро на Кубе и оказывает поддержку Агостинью Нето в Анголе». Слова Мэнли о террористической деятельности ЦРУ в стране были подтверждены не кем иным, как известным Филипом Эйджи — бывшим агентом управления. Агентство ЮПИ передало 16 сентября 1976 г., что на пресс-конференции в Центре социальных действий в Кингстоне (Ямайка) Эйджи перечислил имена девяти сотрудников посольства США в этой стране, которые одновременно выполняют оперативные задачи ЦРУ. А под «одним из этих левых журналов» Джордж Буш, может быть, имел в виду английскую газету «Гардиан», которая в начале декабря 1977 г. поместила информацию об этих трех покушениях на Мэнли: «В прошлом году ЦРУ организовало три покушения на премьер-министра Ямайки Майкла Мэнли. Первая попытка ликвидировать ямайского премьер-министра была предотвращена по чистой случайности, вторая, которую должны были осуществить в Торонто кубинские эмигранты, была вовремя раскрыта. В третьей, самой серьезной операции, были замешаны группы ямайских реакционеров, которые должны были застрелить Мэнли в день его победы на выборах».

В интервью журналу «Пентхауз» в январе 1975 г. Виктор Маркетти упоминает еще об одном виде покушений, применяемых ЦРУ: «Кроме того, есть случаи, это уже второй вид покушения, когда необходимо устранить агента путем убийства. Во время обучения нам говорили, что для этого нужна санкция высшего руководства управления и что получить ее невероятно трудно. Но я полагаю, что возникали ситуации, когда кто-то из агентов собирался стать изменником и это могло вызвать огромный скандал. В подобных случаях нет другого выхода, кроме как убить его». Типичным примером такого устранения собственных агентов, ставших неудобными свидетелями преступления ЦРУ, была **серия «мистических» убийств участников ликвидации Эрнесто Че Гевары.**

Первые разоблачения участия ЦРУ в убийстве Че Гевары сделал Антонио Аргедас, который в то время (1967 г.) был мини-

стром внутренних дел Боливии. Он признал, что в 1965 г. он был завербован ЦРУ, а также сообщил имена других агентов в боливийском правительстве. Аргедаса несколько раз пытались убить, самая серьезная попытка была предпринята летом 1968 г., когда он был тяжело ранен в Ла-Пасе. В апреле 1969 г. президент Боливии Рене Баррьентос погиб в авиационной катастрофе: при невыясненных до сих пор обстоятельствах его вертолет упал на землю. Несколько месяцев спустя Эберто Рохас, один из руководителей боливийских рейнджеров, участвовавших в последнем бою Че Гевары, был застрелен в Санта-Круссе. Непосредственные убийцы Че Гевары — подполковник А. Селич и лейтенант М. Теран — также были ликвидированы. Они принадлежали к числу немногих, которые знали, где зарыто тело Че. Еще один участник драмы, полковник Р. Кинтаниля, нашел свою смерть в Гамбурге в 1971 г., где он был боливийским консулом. И в конце концов, в мае 1976 г., в Париже был застрелен боливийский консул генерал Хоакин Анайа, командовавший правительственными войсками в районе убийства.

Эти вынужденные разоблачения преступной деятельности официального правительственного ведомства США заставили законодателей в американском конгрессе принять «превентивные» меры во избежание подобных конфузных ситуаций в будущем. Во время правления президента Джимми Картера ЦРУ было официально, законом, запрещено планировать и осуществлять «свои грязные операции». Этот «совестливый» поступок был истолкован как навязанный обстоятельствами реверанс, улыбка извинения, предназначенные для мирового общественного мнения, а **ЦРУ осталось таким, каким и было**. Много шума поднялось и по поводу «увольнения» 800 человек из сектора тайных операций, осуществленного бывшим в то время директором компании адмиралом Стэнфилдом Тернером. Он даже дал обещание, что в будущем задачей ЦРУ будет «прогнозирование» возможных событий в различных точках мира, а не затыкание дырок».

Но ... еще до того как Рональд Рейган вступил в должность он намекнул, что хотел бы вернуть ЦРУ его прежнюю роль. В связи с чем и назначил директором своего доверенного Уильяма Кейси и «возвысил» до министерского ранга шпионское ведомство. Это заставило парижский журнал «Фигаро-магазин» в интервью с президентом, опубликованном 21 февраля 1981 г., спросить о причине такого решения. «В новейшей истории США, — ответил Рейган, — все президенты считались с мнением директоров ЦРУ». Сразу же после своего назначения Кейси обратился в конгресс за дополнительной суммой в 10 млрд. долларов на укрепление различных отделов. По этому поводу еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» писал:

«Печально знаменитый аппарат специальных служб ожидает коренная реорганизация. Цель одна — единственная — расширение его деятельности, а в перспективе — увеличение финансовых расходов, числа сотрудников, тайных операций за рубежом». И действительно Кейси обеспечивает — благодаря своим хорошим отношениям и единомыслию с президентом — ежегодное увеличение бюджета ЦРУ на 25 процентов. Часть средств идет на выполнение трехлетней программы по набору новых служащих, дабы восстановить былую мощь управления «грязных операций», якобы пострадавшего от сокращений, проведенных адмиралом.

Когда летом 1981 г. вылезли на белый свет тайны, связанные с организацией ЦРУ попыток убийства ливийского руководителя полковника Муамара Каддафи, американский буржуазный еженедельник «Ньюсуик» писал: «Американским тайным агентам запрещается предпринимать попытки убийства иностранных руководителей, но считается, что заговор самих ливийцев был бы законным». То есть снова налицо старая практика Аллена Даллеса: «Для убийства Насера надо нанять араба...»

Рейган не скрывал своих планов активно подключить ЦРУ к осуществлению своей глобальной агрессивной внешнеполитической доктрины. В октябре 1983 г. он торжественно отметил 1000-й день своего воцарения в Белом доме, подтвердив при этом свое мнение, что США имеют право проводить тайные операции против независимых государств. И это была, по сути, заявка на политику государственного терроризма. Спустя месяц было осуществлено вторжение на Гренаду, которому предшествовало убийство премьер-министра Гренады Мориса Бишопа.

Последовали и другие действенные решения. В апреле 1984 г. Рейган подписал «Директиву-138» о «нанесении превентивных ударов по террористам за рубежом». Это было не чем иным, как открытым декларированием «законности» вмешательства США во внутренние дела суверенных государств и расправы с национально-освободительными движениями.

Так что практическая террористическая «работа» ЦРУ не прекращалась ни на минуту, несмотря на торжественные заявления, мнимые увольнения и запреты законодательных органов. На всех произвело впечатление, что в период с 24 мая по 31 июля 1981 г. в самый разгар антитеррористической кампании Вашингтона, в Латинской Америке в «авиационных катастрофах» погиб ли три известных своими антиамериканскими политическими действиями государственных деятеля. Это были президент Эквадора Хайме Агилера, главнокомандующий вооруженными силами Перу Рафаэль Рубио и главнокомандующий национальной гвардией Панамы Омар Торихос. Знаменательный факт: еще будучи кандидатом на пост президента, Рейган

поручил своим сотрудникам разработать основы его будущей политики в Латинской Америке. В 1980 г. была составлена рабочая группа, известная как «Комитет Сайта Фе». В своих рекомендациях будущему президенту «комитет» обратил особое внимание на опасность, которую представляют собой для интересов США трое упомянутых политиков... В 1983 г. из Никарагуа были изгнаны американские дипломаты Дэвид Нобел Крейг, Эмила Лоретта Родригес и Линда Пфейфел, так как было доказано их участие в раскрытом заговоре с целью убийства министра иностранных дел Никарагуа Мигеля д'Эското Брокмана. В феврале-марте при участии и под руководством ЦРУ были заминированы подступы к нескольким никарагуанским портам. Это явное проявление международного терроризма имело тяжелые последствия как для судоходства в регионе, так и для международного мира. «Напичканное деньгами и служащими, — писал в сентябре 1984 г. журнал «Юнайтед Стейтс нью энд уорлд рипорт», — ЦРУ снова действует по всему миру, причем в масштабах, невиданных со времен вьетнамской войны».

Когда ЦРУ теряет почву под ногами в результате очередного разоблачения его акций и когда отрицать очевидное становится уже невозможно, руководство управления заявляет, что, к сожалению, подчиненные ему агенты на время вышли из-под контроля. Виновные, мол, будут строго наказаны. Такое объяснение было напечатано в газете «Вашингтон пост» 12 мая 1985 г. после того, как открылось, что одно из трех недавно созданных ЦРУ на Ближнем Востоке новых многочисленных «антитеррористических подразделений» само участвовало в организации... взрыва, в котором 8 марта того же года погибли 80 и были ранены 250 мирных ливанских жителей в пригороде Бейрута. Оказалось, что взрыв предназначался для уничтожения шейха Мохамеда Абдаллы, видного религиозного деятеля из местных мусульман-шиитов, за которым долго и безуспешно охотилось ЦРУ. В ходе скандала в Вашингтоне, который проходил не без участия и не без злорадства со стороны убранного уже давно в отставку бывшего директора ЦРУ адмирала Стэнфилда Тернера, недовольного Р. Рейганом, выяснилось немаловажное обстоятельство — во всех трех названных ближневосточных формированиях ЦРУ не было ни одного ... американского гражданина.

О зарубежных террористах и боевиках, политических деятелях и финансистах на службе ЦРУ рассказ продолжится в последующих главах этой книги, где будут подробно разобраны три версии о мотивах и авторстве тех, кому выгодно было направлять руку террориста на площади Святого Петра.

КТО ХОТЕЛ СМЕРТИ ПАПЫ?

Воцарение на святом престоле в 1978 г. Иоанна Павла II очень скоро вызвало разочарование и недовольство влиятельнейших правых сил на Апеннингах и за океаном. Сегодня — по прошествии времени и на основе анализа огромного фактического материала — можно назвать те влиятельные империалистические силы, что направляли из-за кулис руку турецкого террориста Агджи. Рассмотрим несколько версий мотивов покушения на площади Святого Петра в Риме.

1. Физическое уничтожение папы в 1981 г. отвечало интересам вашингтонских ястребов, упорно искавших пути покончить с миротворческой религиозной деятельностью и пацифистскими настроениями в западных странах, добиться осуждения во всех странах католической церковью национально-освободительных движений. Убийство папы-поляка, приписанное левым, неминуемо обострило бы политическое положение в ПНР. Выборы нового папы дали бы в руки США еще один шанс иметь, в конце концов, во главе всемирной католической церкви своего ставленника, послушного их воле. В пользу этой версии мотивов покушения говорят многочисленные проявления недовольства вашингтонской администрации политикой Иоанна Павла II в 1978 — 81 гг.

2. Крутыми реформами ватиканских финансов и всей системы управления в папском государстве чужак. Войтыла посягнул на благополучие целого класса церковнослужителей, масонов и деятелей спецслужб, извлекавших баснословные доходы путем грабежа церковной казны и «отбеливания» денег итальянской мафии с помощью банковских махинаций. Предыдущий папа Иоанн Павел I был отравлен в 1978 г. именно по этим же причинам, считают многие серьезные эксперты по ватиканским делам.

3. Ультраправые, неофашистские круги рассматривали Иоанна Павла II как жертву террористического акта, не имеющего себе равных в кампании по систематическому запугиванию итальянского населения, которое таким жестоким способом приучают к мысли о неизбежности устранения всех левых и либералов с политической сцены и прихода к власти правительства «сильной руки».

Все три вышеизложенные основные версии мотивов покушения на Иоанна Павла II представляются автору наиболее реальными и правдоподобными. Исходя из обстоятельств дела Агджи, ясно, что все три версии могли быть реализованы при участии или с ведома западных спецслужб. Центральное разведывательное управление США при всех вариантах не могло не рас-

полагать информацией о готовящемся покушении на папу в мае 1981 г. Косвенных улик этой причастности западных спецслужб множеством они подробно изложены в данной главе. Остается сожалеть, что в условиях буржуазного правосудия практически невозможно было ожидать справедливого судебного решения в таком политизированном процессе, как исценированный суд над невиновным Сергеем Антоновым в Риме.

ЯСТРЕБЫ ИЗ ВАШИНГТОНА

Кто мог организовать покушение на папу в Риме? Только очень крупная спецслужба, скажут итальянские следователи после допросов Агджи и других выяснений. Да, это так! Но почему буржуазная пропаганда с первых же часов после покушения принялась клеветать и показывать пальцем на СССР? Советский Союз никогда в своей истории не организовывал и не осуществлял ни одного покушения на иностранных политических деятелей. Центральное разведывательное управление США, как свидетельствуют документы американского конгресса, только в 1961-1976 гг. осуществило около 900 крупных тайных операций против «нежелательных» политических деятелей и целых правительств, широко прибегая при этом к помощи фашистских группировок и мафии. Под диктовку Вашингтона спецслужбы США убивали и фашистских диктаторов, чтобы заменить их другими, более послушными, убивали и «друзей» в союзных по НАТО странах, и своих собственных чуть либеральных американских лидеров, не говоря уже об антиамерикански настроенных политиках в развивающихся странах.

При Рональде Рейгане такие акции и их пропагандистское обеспечение входили составной частью в политику дестабилизации всех государств и отдельных лиц, своей деятельностью мешающих, пусть даже косвенно, осуществлению курса американских ультраправых. Папа Иоанн Павел II в 1978—1981 гг., случалось, осуждал военно-промышленный комплекс США и стимулируемую им гонку вооружений в соответствии с курсом политика взятым его предшественниками на папском престоле Иоанном XXIII и Павлом VI. Ватикан 80-х гг. не очень спешил переходить на рельсы «холодной войны», как это сделали в Белом доме, — вот суть главного и ставшего очень глубоким противоречия между США и святым престолом.

Папа-неитальянец был возведен на этот пост влиятельными империалистическими силами. В силу своих личных качеств и ценой сверхактивной политической деятельности, в частности в ходе бесчисленных путешествий и обращений к массам, папа

Иоанн Павел II стал видной фигурой на международной арене. Убежденный антикоммунист, он не захотел тем не менее превратиться в послушное орудие в руках администрации Рейгана. В глазах последнего у папы-поляка было много прегрешений — от поддержки движения за обуздание гонки вооружений и справедливых требований палестинцев до нежелания способствовать разжиганию гражданской войны в Польше. Военно-промышленный и разведывательно-диверсионный комплексы США не могли простить новому главе Ватикана превращение при нем католической церкви в важную антимилиитаристскую силу.

Папы, занимавшие престол Святого Петра в недавнем прошлом, неоднократно выступали с принципиальными заявлениями по проблемам мира. В этом отношении энциклика папы Иоанна XXIII «Пацем ин терис» («Мир на земле»), обнародованная в 1963 г., имела, несомненно, характер провозвестницы нового этапа: «Справедливость, здравый смысл и соблюдение человеческого достоинства настоятельно требуют прекращения всеобщей гонки вооружений; они требуют, чтобы в дальнейшем уже находящиеся в распоряжении различных государств вооружения подверглись одновременному и обоюдному сокращению; чтобы было запрещено атомное оружие; чтобы, наконец, все государства содействовали путем переговоров осуществлению необходимого разоружения при действенном обоюдном контроле».

Иоанн XXIII совершенно недвусмысленно высказывался в пользу сотрудничества католиков с другими христианами и даже нехристианами, в ходе которого католики должны были уделять особое внимание тому, чтобы «оставаться верными самим себе и не опускаться до полумер... Точно так же, с подобающим вниманием, они должны относиться к взглядам и мнениям других людей. Им не следует соотносить все только с собственными интересами, напротив, они должны быть готовы к тому, чтобы в ходе добросовестного сотрудничества содействовать всему, что по природе своей способствует или может способствовать торжеству добра».

Эта линия была продолжена папой Павлом VI в его речи перед Генеральной Ассамблеей ООН 4 октября 1965 г. (это было первое в истории выступление папы в ООН). Он подчеркивал тогда, что главная задача Объединенных Наций состоит в том, чтобы выступать за мир, против войны, а затем добавил: «Для провозглашения этой задачи высшей целью данной организации не требуется пространных заявлений. Для этого достаточно напомнить о притоке крови миллионов людей, о неисчислимых ужасающих страданиях! Бессмысленно пролитая кровь и страшные разрушения скрепляют договор, связывающий вас, скрепляют клятвой, которая изменит ход мировой истории: отныне

никогда больше не должно быть войн, никогда! Мир, именно мир, должен определять судьбы народов и всего человечества!»

Год спустя Второй ватиканский собор подчеркнул в своей пастырской конституции «О церкви в современном мире» необходимость нахождения «абсолютно нового подхода к вопросам войны». Хотя здесь и упоминалось о «праве на законную оборону», осуждение тотальной войны было совершенно недвусмысленным. «Любые военные действия, направленные на разрушение целых городов и уничтожение их населения, являются преступлением против Бога и человечества, которые надлежит отвергнуть бесповоротно и без колебаний».

Примечательно также высказывание, сделанное собором в 1966 г. по поводу гонки вооружений: «Относительно этого метода устрашения следует сказать, что люди должны быть убеждены в том, что гонка вооружений, в которой участвуют многие нации, не является надежным и подлинным путем к сохранению мира, точно так же как вытекающее отсюда «равновесие» не является надежным и подлинным миром. Вместо устранения причин войны они в большой мере способствуют их увеличению... Поэтому нужно повторить: гонка вооружений — крайне опасное бедствие для человечества и величайшее оскорбление для бедняков. В случае ее продолжения возникает серьезная опасность того, что в определенный момент мир будет ввергнут в смертельную катастрофу, средства для которой создаются этой гонкой».

На протяжении своего 15-летнего понтификата папа Павел VI (1963 — 1978) часто возвращался к теме мира. Здесь, однако, не место заниматься подробным критическим разбором правильности употребления им данного понятия. С уверенностью можно сказать, что во многих речах понятие мир употреблялось в слишком общей, абстрактной форме. Тем не менее в целом следует считать твердо установленным, что в период понтификатов Иоанна XXIII и Павла VI от папского престола исходили инициативы в пользу сохранения мира, которые не следует недооценивать и которые встречали положительный отклик как в рамках международных организаций, со стороны государств, так и среди мировой общественности. Мы затрагиваем здесь эту тему лишь в связи с анализом позиции Иоанна Павла II по проблемам мира, поскольку последняя должна рассматриваться в контексте деятельности его предшественников.

Папа Иоанн XXIII (1958-1963) был первым римским папой XX в., который трезво оценил положение католической церкви, ее кризисное состояние. Будучи дальновидным политиком и опытным дипломатом, он понимал, что мир, в котором действует церковь, изменился и для того, чтобы вписаться в него, нужно пересмотреть ее социальную доктрину и позицию в отноше-

нии к проблемам, волнующим верующих. Иоанн XXIII пришел к выводу, что продолжение курса своего предшественника — Пия XII, враждебно относившегося к социалистическим странам и активно поддерживавшего политику агрессивных кругов Запада, принесет только ущерб церкви, оттолкнет от католической церкви многих верующих. Поэтому он провозгласил курс на «обновление», основными элементами которого были участие церкви в борьбе за мир, против гонки вооружений, отказ от поддержки колониализма, учет требований верующих, заинтересованных в упрочении мира и безопасности народов. Учитывая возрастающую роль социалистических стран в международной жизни, Ватикан стал проводить более реалистический курс в отношении их. Папский престол поддержал инициативы Советского Союза и других социалистических стран, направленные на разрядку международной напряженности. Эта линия в вопросах современных международных отношений видна в стратегии Ватикана обеспечить свое участие в решении важнейших международных проблем. Ватиканская дипломатия вынуждена считаться с фактом политической радикализации верующих, все шире включающихся в борьбу за мир и социальный прогресс.

В 70-х гг. весьма отчетливо обозначилась линия ватиканской дипломатии на отказ от безусловной поддержки политики западных держав, и прежде всего США. Это нашло свое выражение в отношении Ватикана к главным военно-политическим конфликтам, которые имели место в мире в период понтификата Павла VI, — Вьетнам, Ближний Восток, конфликты в Африке. Позиция Ватикана в этих вопросах, сначала не всегда решительная и цельная, эволюционировала в направлении реалистического, конструктивного подхода. Так, например, по проблеме Ближнего Востока Ватикан выступал за мирное ее разрешение на основе резолюции Совета Безопасности. Ватикан признал права палестинского народа. Точка зрения Ватикана была близка позиции социалистических стран, хотя Ватикан и предлагал свой вариант решения ближневосточной проблемы. От декларации и предложений о мирном решении конфликта во Вьетнаме, изложенных весьма осторожно, дабы не настроить против себя Вашингтон, Ватикан перешел к более решительным призывам к прекращению бомбардировок Демократической Республики Вьетнам и выводу американских войск из Вьетнама. Ватикан позитивно отнесся к созданию нового объединенного государства — Социалистической Республики Вьетнам и одним из первых признал новое государство.

Перемены в позиции Ватикана в вопросах международных отношений свидетельствовали о реалистической оценке положения в современном мире, признании необходимости мир-

ного сосуществования различных социальных систем. Эту линию вначале стал продолжать и папа Иоанн Павел II. В своей первой энциклике от 3 марта 1979 г. «Искупитель человеческий» — своеобразная «правительственная программа» нового папы — он писал: «Вместо хлеба и помощи в культурном плане новым государствам и новым народам, проснувшимся к независимой жизни, предлагают порой в изобилии современное оружие и средства разрушения, поставленные на службу вооруженным конфликтам и войнам, продиктованным не столько потребностями защиты их справедливых прав и суверенитета, сколько проявлениями шовинизма, империализма, неоколониализма. Всем известно, что районы нищеты и голода, существующие на нашем земном шаре, могли бы в короткий промежуток времени стать плодотворными, если бы колоссальные капиталовложения, предназначенные на вооружение, служащие войне и разрушению, были бы обращены в капиталовложения, направленные на помощь и поддержку тем, кто в этом нуждается».

Важной линией Ватикана в вопросах международных отношений явилась защита мира. Ватикан призывал к мирному урегулированию конфликтов, к переговорам. Иоанном Павлом II был направлен в Ливан еще в 1979 г. с посреднической миссией в целях достижения соглашения между христианской и мусульманской общинами кардинал Паоло Бертоли.

Планы НАТО по размещению американских ядерных ракет в странах Западной Европы не встретили поддержки в Ватикане. Государственный секретарь Ватикана кардинал Агостино Казароли созвал в 1979 г. совещание папских дипломатов, представляющих святой престол в странах Западной Европы, на котором нунциям было поручено изложить правительствам этих государств точку зрения Ватикана о необходимости переговоров между НАТО и Организацией Варшавского Договора. Итальянский журнал «Панорама» (1979, № 713) писал, что впервые после окончания второй мировой войны позиции Ватикана по вопросам внешней политики шли полностью вразрез с линией Вашингтона. Характеризуя международную политику Ватикана, этот миланский еженедельник отмечал: «Международная политическая стратегия Войтылы отныне имеет совершенно четкие цели — способствовать диалогу между Востоком и Западом по всем вопросам и где это только возможно, помня о странах Восточной Европы, которые извлекают выгоду во внутриполитическом плане из развития процесса разрядки международной напряженности».

Развивая идеи двух своих предшественников, папа Иоанн Павел II подчеркивал значение мирного сотрудничества для будущего человечества. а также роль, которую церковь должна иг-

рать в этом процессе. В своем первом после избрания на папский престол послании Иоанн Павел II писал о внесении церкви своего вклада в развитие дела мира, международной справедливости. Эту же мысль он повторил на встрече 19 октября 1978 г. с дипломатическим корпусом и 23 октября того же года в своем выступлении перед 125 представителями государств и миссий, присутствовавших на интронизации папы.

Вопрос об обеспечении прочного мира Иоанн Павел II связывал с прекращением гонки вооружений, уменьшением ядерного арсенала, достижением соглашений по вопросам ограничения ядерного оружия. Ватикан приветствовал подписание соглашения об ОСВ-2. Позиция Ватикана в этом вопросе встретила понимание и поддержку всех миролюбивых сил, заинтересованных в том, чтобы моральный авторитет папского престола служил делу мира и безопасности народов. Как показывают факты, вопросы международных отношений стали занимать большое место в деятельности Ватикана, особенно с конца 70-х гг. Глава католической церкви прилагает немало усилий для того, чтобы повысить роль папского престола в современных международных отношениях, в решении важнейших международных проблем.

Ватиканская дипломатия участвовала в решении проблемы мира и безопасности в Европе. Секретарь Совета по государственным делам церкви, министр иностранных дел Ватикана, а затем и государственный секретарь Ватикана архиепископ Казароли и другие дипломаты римской курии принимали участие в целом ряде конференций, посвященных проблемам безопасности Европы, начиная с Хельсинки и кончая Белградом. Ватикан поддерживал инициативу социалистических стран в 1969 г., предложивших созвать специальное совещание по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе. Папа Павел VI весьма благосклонно отнесся к предложению, переданному через посольство Венгрии в Риме, принять участие в этом совещании. Уже само участие Ватикана в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе означало признание святым престолом территориального статус-кво в Европе. Представители Ватикана принимали участие в работе комиссий, подготавливающих повестку дня и Заключительный акт Совещания в Хельсинки. При решении вопросов о мире, разоружении, безопасности Ватикан исходил из позиции, сформулированной Вторым ватиканским собором, а также содержащейся в других документах папского престола, — осуждение войны и средств ее ведения, запрет оружия массового уничтожения, — прекращение гонки вооружений. Ватикан также поддержал принцип незыблемости границ.

Папа Иоанн Павел II затрагивал тему мира более чем в ста проповедях и выступлениях. В связи с этим стоит ограничиться ссылками лишь на несколько наиболее типичных текстов.

После Павла VI Иоанн Павел II был вторым папой, выступившим на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 октября 1979 г. Он связал свою речь с 40-й годовщиной начала второй мировой войны и с воспоминанием о своем посещении бывшего концентрационного лагеря Освенцим (июнь 1979 г.), места, где «в особо извращенной форме и гигантских масштабах проявилось презрение к человеку и его основным правам». Папа потребовал, чтобы «из жизни народов и государств навсегда было изгнано все то, что так или иначе связано с этим ужасающим опытом». В этой связи папа напомнил о Всеобщей декларации прав человека, других международных соглашениях по данному вопросу, а затем повторил призыв Павла VI к ООН: «Никогда больше не должно быть войн».

После этого Иоанн Павел II обратился к актуальным мировым проблемам, среди которых он назвал прежде всего «ближневосточный кризис». «Хотя я готов приветствовать любой шаг или конкретную попытку, направленные на урегулирование конфликта, я все же хотел бы напомнить, что такие шаги останутся бесплодными, если они не будут создавать подлинного фундамента для всеобщего и всеобъемлющего мирного урегулирования в регионе, которое, безусловно, должно основываться на равном признании прав всех заинтересованных сторон и при этом включать в себя в качестве обязательного элемента учет и справедливое решение проблемы палестинцев... Я желал бы также принятия какого-то статуса, который должен обеспечить международные гарантии соблюдения особого положения Иерусалима».

Эта позиция по ближневосточному вопросу примечательна не только своим содержанием, но и тем, что папа отнюдь не случайно поставил ее на первое место в ряду затронутых им мировых проблем. Лишь после этого он коснулся проблемы вооружений. «Точно так же нас беспокоят сообщения о создании новых видов вооружений, которые превосходят все известное до сих пор в сфере средств ведения войны и разрушения. И в этом вопросе мы высказываемся в пользу решений и соглашений, которые направлены на то, чтобы затормозить гонку вооружений... Непрерывная подготовка к войне, о которой свидетельствует производство все более многочисленных, все более мощных и сложных видов вооружений, означает желание быть готовым к ней. А желание быть готовым к войне означает и создание возможности для того, чтобы спровоцировать ее. Оно означает также принятие на себя ответственности за то, что в любой момент, в любом месте и любым способом кто-нибудь может привести в действие ужасающий механизм всеобщего уничтожения». Папа настойчиво потребовал предпринять усилия, которые «устранили бы возможность провоцирования войны, с тем чтобы исключить возможность подобной катастрофы».

Иоанн Павел II выделил в качестве «центральной, ведущей задачи» Организации Объединенных Наций «обеспечение мирного будущего нашей планеты». Он делает в этой связи ряд принципиальных и правительственных заявлений, но воздерживается от изложения каких-либо политических позиций или конкретизации проблематики. Экономические и политические причины гонки вооружений остаются в тени. Вместе с тем чтобы выяснить их, папа говорит о «воинственности», причиной которой будто бы является нарушение прав человека. Тем самым поднимается новая — и весьма важная — тема. Папа прерывает тему гонки вооружений и переводит разговор на проблему прав человека, рассматривая ее куда более конкретно — особенно положения, касающиеся «духовных благ» и «гражданских свобод». Это приводит к тому, что тема «вооружений» остается как бы абстрактной и ни к чему не обязывающей. В силу того, что папа в конечном счете сводит причину возникновения угрозы миру к нарушениям прав человека и не касается ни экономических, ни политических интересов, скрывающихся за гонок вооружений, он косвенно вновь отстаивает тезис, выдвинутый им в первой своей энциклике, о причинах возникновения второй мировой войны. Он утверждает, что война явилась следствием существования «различных форм тоталитаризма». При этом он поместил и фашизм и коммунизм под одну крышу, выдвигая против них одинаковое обвинение в нарушении прав человека, и пролил, таким образом, бальзам на душу самым рьяным антикоммунистам.

Трудно, да и бессмысленно было бы ожидать от папы научной и адекватной трактовки действительности. Но всемирная католическая церковь участвует в рассмотрении проблем мира. И в этой сфере папой Иоанном Павлом II до мая 1981 г. был сделан весомый вклад, частью которого по праву считается хиросимская миссия мира. В августе 1945 г. американцы первыми в истории применили атомное оружие, сбросив с самолетов с интервалом в три дня две атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки, что отнюдь не было вызвано острой военной необходимостью, а являлось частью планов устрашения как врагов, так и союзников США тех лет.

В ходе поездки по странам Азии Иоанн Павел II произнес более 40 речей и обращений перед большими аудиториями, представлявшими население соответствующих стран, но особую важность в глазах мировой общественности приобрело его выступление перед Памятником Мира в Хиросиме 25 февраля 1981 г. Уже сам факт, что посещение Хиросимы и Нагасаки было включено в программу 12-дневной поездки папы, имел огромное символическое значение, и папа не преминул усилить его уже во вводной части своей речи: «Война является делом чело-

веческих рук, война — это уничтожение человеческих жизней, война означает смерть. Нигде эта истина не осознается так отчетливо, как в городе Хиросима перед Памятником Мира. Два японских города, Хиросима и Нагасаки, навсегда останутся единым и единственным символом городов, судьба которых служит напоминанием о том, что человек способен вызвать разрушения, превосходящие все мыслимые масштабы. Их названия навсегда сохранятся в истории как названия единственных городов нашей эпохи, судьба которых призвана служить предостережением и нынешним и грядущим поколениям, предостережением о том, что война может свести на нет все человеческие устремления к строительству мирного будущего».

Папа подчеркнул, что «осмысление прошлого является делом обеспечения будущего». Множество городов, находящихся во всех уголках земли, «не были преданы забвению в основном лишь потому, что они остались в памяти людей как свидетельство ужасов и страданий, порождаемых войнами». В этой связи Иоанн Павел II напомнил о военных памятниках, кладбищах, руинах концентрационных лагерей и лагерей уничтожения, полях сражений, которые служат людям постоянным назиданием. «Хиросима и Нагасаки занимают в этом отношении совершенно особое место по сравнению со всеми другими городами и памятниками как первые жертвы ядерной войны».

По словам папы, воздвигнув Памятник Мира, японский народ воплотил в нем свою надежду на торжество мира во всем мире и выразил свою убежденность в том, что «коль скоро человек способен вести войны, то он с успехом может заняться и установлением мира». «Этот город и это событие, о котором напоминает его название, дали импульс новому, получившему всемирное распространение, сознательному отрицанию войны и твердой решимости трудиться на благо мира», — отметил папа. «Некоторые люди, в том числе и те, кто в момент события, память о котором мы отмечаем сегодня, только что появились на свет, возможно, предпочли бы не думать об ужасах атомной войны и ее кошмарных последствиях. Некоторые из тех, кому никогда не приходилось лично сталкиваться с реальностями вооруженного конфликта между народами, возможно, хотели бы просто отмахнуться от очевидной угрозы возникновения ядерной войны. Другие, вероятно, склонны рассматривать ядерное оружие как необходимое средство обеспечения военного равновесия с помощью равновесия страха. Однако все это не может служить оправданием для того, чтобы отвергать саму постановку вопроса об ответственности каждой нации и каждого отдельного человека перед лицом возможных войн и ядерной угрозы».

Затем Иоанн Павел II вновь высказал настойчивые предостережения против последствий ядерной войны, которые «со-

здают реальную возможность полного уничтожения человечества». И он продолжал: «Осмысление прошлого является залогом обеспечения будущего. Помнить о Хиросиме — значит испытывать отвращение к ядерной войне. Помнить о Хиросиме — значит направлять усилия в пользу мира. Помнить о страданиях, которые люди причинили этому городу, — значит обновлять нашу веру в человека, в его способность творить добро, в его свободный выбор того, что он считает справедливым, в его решимость не допустить новых несчастий. Перед лицом творимых человеком бед и ужасов, которые несет с собой любая война, необходимо вновь и вновь повторять и подтверждать, что возврат к войне ни необходим, ни неизбежен».

«Человечество не обречено на самоуничтожение. Конфликты, порождаемые столкновениями идеологий, устремлений и притязаний, могут и должны разрешаться и улаживаться с помощью иных средств, нежели война и насилие». Иоанн Павел II обратился ко всему миру, и в особенности к правительствам, с призывом сделать все возможное для обеспечения мира: «Я призываю глав государств и глав правительств, людей, располагающих властью в сфере политики и экономики: принесем присягу миру, миру, основанному на справедливости! Давайте же немедленно примем здесь на себя торжественное обязательство не только никогда больше не прибегать к войне, но и не пытаться использовать ее в качестве средства разрешения споров! Покажемся нашим братьям по роду человеческому в том, что будем неутомимо добиваться разоружения и объявления вне закона всех видов ядерного оружия!... Никогда больше не должно быть войн!»

Этот призыв к миру, провозглашенный в Хиросиме, вне всякого сомнения, принадлежит к числу важнейших обращений, когда-либо произнесенных Каролом Войтылой. Именно в силу того, что он действительно направлен ко всем людям и не требует от них в качестве предварительного условия согласия с философскими взглядами папы (как это обстоит со множеством других его речей о мире), данный призыв действительно имел всеобщее значение, выходящее далеко за рамки католической церкви. Также как и в его выступлении в бывшем концентрационном лагере Освенцим (и даже в еще большей степени), здесь дала о себе знать его личная озабоченность, связанная с его переживаниями и опытом периода второй мировой войны, которую он сумел передать другим с этого исторического места в Хиросиме.

Проблемы мира затрагивались Иоанном Павлом II и во многих его выступлениях перед учеными, особенно в речи перед Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), произнесенной 2 июня 1980 г. в

Париже. Хотя тема мира и не являлась здесь центральной, однако в заключительной части она заняла большое место.

Папа высказал предостережение против научной работы, которая ставит целью лишь приобретение знаний и не проявляет интереса к постижению истины. Он напомнил, что после второй мировой войны международные трибуналы судили и ученых. Величайшие научные достижения — прежде всего в сфере естественных наук — использовались и используются в ущерб этическому императиву для целей, которые противоречат сущности науки, служат разрушению и смерти, указывал папа. Возможность подобного злоупотребления наукой, особенно в области генной инженерии и в различных биологических экспериментах, а также в производстве химического, бактериологического и ядерного оружия, накладывает на ученого совершенно особую этическую ответственность.

Иоанн Павел II отдельно остановился на вопросе о ядерном оружии, которое «может привести к разрушению плодов культуры, достижений цивилизации, создававшихся на протяжении столетий последовательно сменявшимися друг друга поколениями людей». В мире, по его мнению, господствует нестабильность, хрупкое равновесие, которое рискует «быть нарушенным в любой момент вследствие ошибочных оценок, информации или интерпретации».

Ссылаются на то, продолжал папа, будто бы существование ядерного оружия до сих пор оказывало сдерживающее влияние на развязывание крупных войн. Возражая на это, он отметил, что данное оружие постоянно подвергается совершенствованию и становится доступным все большему числу государств. Тем самым увеличивается опасность его использования в интересах национальной обороны или в ходе ограниченных конфликтов, что могло бы повлечь за собой неизбежную эскалацию его применения, которая таит в себе возможность невиданных дотоле разрушений.

«Мир не может долгое время следовать по этому пути», — говорил Иоанн Павел II. Любой человек, видящий опасность сложившейся ситуации и обладающий чувством элементарной ответственности, невольно приходит в связи с этим к убеждению, которое одновременно является и моральным императивом: «Следует пробудить к активности совесть людей!» По мнению папы, речь при этом должна идти о «примате этики над техникой, примате человеческой личности над действиями, продиктованными материальными соображениями, и превосходстве духа над материей». Эти суждения он заключил призывом к ученым: «Направим повсюду наши усилия на то, чтобы добиться примата этики во всех сферах науки и. соблюдать его. Направим наши усилия прежде всего на то, чтобы избавить семью челове-

чества от ужасающей перспективы ядерной войны!» И он повторил: «Люди науки! Поставьте весь ваш моральный авторитет на службу делу спасения человечества от ядерного уничтожения».

Как бы ни были велики значение и убедительность предостережений папы относительно опасности ядерной войны, содержащихся в заключительной части его речи перед конгрессом ЮНЕСКО, она в целом носила двойственный характер. В структуре речи тема ядерной войны не занимала центрального места, напротив, высказывания по этому поводу носили в определенной мере характер отступлений, служа лишь конкретными примерами для подкрепления тезиса об этической ответственности ученого. К тому же папа совершенно четко называл свои высказывания по данному поводу «соображениями», тогда как в связи с темой о воспитании, которой была посвящена большая часть его речи, он куда чаще говорил о «принципах», «основополагающих нормах» и т. п. В то время как он с особой четкостью ставил вопрос о роли и компетентности церкви в сфере воспитания (включая ее «фундаментальное право» на создание профессиональных школ), проблема ядерной войны затрагивалась им лишь в виде личных соображений (отчасти даже в вопросительной форме), причем он всячески избегал вопроса о компетентности церкви. Кроме того, он ограничил всю проблему чисто этической стороной дела, которая в конечном счете свелась к проблеме совести. Именно так прозвучал его призыв к обеспечению «примата этики над техникой», словно бы гонка ядерных вооружений определяется исключительно развитием техники и может быть преодолена с помощью одной лишь этики. Общественные условия (например, экономические интересы) были им полностью проигнорированы, благодаря чему складывается впечатление, будто гонка ядерных вооружений представляет собой прежде всего моральную проблему ученых, работающих в данной области.

Ежегодно, вот уже второй десяток лет, 1 января католическая церковь отмечает Всемирный день мира. К этому дню папа обычно выбирает тему, которую он затем подробно развивает в своем послании. На 1980 г. Иоанн Павел II избрал темой «сохранение жизни», при этом, конечно, он отвел значительное место проблеме «сохранения еще не родившейся жизни». Тема, избранная на 1981 г., звучала следующим образом: «Защищая свободу, ты служишь делу мира». Уже из самой формулировки следует, что проблема мира в данном случае не рассматривалась в качестве исходной, а выводилась как производная из другой проблемы. Следовательно, не сохранение мира является первоочередной задачей, а защита свободы, которая-де и есть первопричина, источник мира. Такое представление о причинах и следствиях содержалось уже в самом начале папского послания

ко Всемирному дню мира 1981 г. «Свобода, — говорилось там, — представляет собой одно из величайших устремлений всех людей, живущих в современном мире. Если мы желаем служить делу мира, значит, нам необходимо полностью отдавать себе отчет в том, что является истинной свободой, одновременно представляющей собой и основу мира... Не обеспечив повсеместно и глубокого признания свободы, человек не сможет достигнуть мира».

Однако далее последовало ограничение: «Не может существовать подлинной свободы как фундамента мира там, — заявил папа, — где вся полнота власти сосредоточена в руках одного-единственного общественного класса, одной расы или одной группы, или же там, где общее благо отождествляется с интересами одной — единственной партии, которая в свою очередь отождествляет себя с государством». Следовательно, и здесь в связи с вопросом о существовании свободы или ее отсутствии (и тем самым одновременно — о мире или его нарушении) папа навязывает определенные ассоциации. В ходе дальнейшего изложения темы они подчеркиваются еще сильнее: «Быть свободным — значит иметь свободу выбора и стремление к этому; быть свободным — значит жить, руководствуясь велениями собственной совести. Отсюда человек должен располагать возможностью принимать решения в соответствии с утвержденными им ценностями... Первой и главной среди этих ценностей всегда было отношение к Господу, которое находит свое выражение в религиозных убеждениях. Таким образом, свобода религии представляет собой основу всех остальных свобод».

Тем самым папа выстраивает цепь аргументов — свобода как основа мира и свобода религии как источник свободы. Подобная аргументация может привести к фатальным последствиям. Отнюдь не стремясь возложить на папу ответственность за все комментарии, помещенные в органе Ватикана газете «Оссерваторе романо», тем не менее нужно отметить, что три месяца спустя после публикации послания к Всемирному дню мира этот рупор Ватикана выступил 3 апреля 1981 г. со статьей, в которой указанная аргументация конкретизировалась следующим образом: «В общей сумме средств, составившей 500 млрд. долларов, которые были вложены в прошлом году всеми странами мира в производство вооружений, доля западных народов весьма значительна. Тем не менее и в нынешнем году расходы на оборону Западного союза будут вновь увеличены с тем, чтобы защитить наши представления о таких ценностях, как свобода и демократия, а также христианство, от посягательств со стороны диктатур, воинствующего атеизма, от гонений на церковь. Разумеется, это предполагает широкое распространение информации, которая не приукрашивала бы действительность, не порождала бы

иллюзий и связанной с ними слепоты... В конечном счете речь идет о том, чтобы морально оправдать в глазах тех, кто считает это несовместимым с требованиями морали, стратегию устраниения и размещения оружия массового уничтожения».

Нельзя, как указывалось выше, возлагать на папу прямую ответственность за подобного рода комментарии. Тем не менее «Оссерваторе романо» — это не какая-нибудь газетенка, а ответственный орган, издаваемый святым престолом. Поэтому совсем безразлично то, как истолковываются слова папы его непосредственным окружением в Ватикане, не говоря уже о «простых верующих», которых будут знакомить с ними церковная пресса и священники.

Иоанн Павел II указывает далее в своем послании, что ни в «чисто потребительском обществе», ни в «обществе, основанном на материализме», не может существовать истинной свободы. Ее нельзя добиться и в «обществе вседозволенности». «Утверждение, будто человек свободен строить свою жизнь, не считаясь с нравственными ценностями, а государство-де не должно охранять и требовать соблюдения этих ценностей, есть карикатура на свободу. Подобного рода позиция губельна для дела свободы и дела мира. Существует множество примеров ложного истолкования свободы, таких как, в частности, уничтожение человеческой жизни путем узаконенных абортотв или просто терпимого отношения к ним».

И в заключение папа провозгласил: «Человек не может быть действительно свободен и не может добиться истинной свободы, если он не признает трансцендентности своего существования в мире и своей связи с Богом и не строит свою жизнь в соответствии с этими истинами... Свобода от несправедливости, от страха, от принуждения и страданий не принесла бы никому никакой пользы, если бы в глубине своего сердца человек оставался рабом, рабом греха... Вместителищем полнейшей человеческой свободы является сама глубочайшая, сокровеннейшая сущность человека, через которую он обращается сердцем к Богу, ибо в человеческом сердце залегают корни всех форм принуждения, всех нарушений свободы».

Этим папа замкнул систему своей аргументации: она завершается или начинается в «сердце человека». Там, по его мнению, лежат корни свободы и мира. В общем, Иоанн Павел II сделал шаг к крайней индивидуализации представления о мире, которая в итоге представляет собой отказ от любых политических действий. Последнее в еще большей мере подчеркивается утверждением о том, что «свобода от несправедливости, от страха, от принуждения и страданий не принесла бы никому никакой пользы», что её может дать лишь «обращение сердцем к Богу». Поскольку именно начало 1981 г. было отмечено особым

усилением угрозы нового витка гонки вооружений, от появившегося именно в этот момент папского послания, посвященного проблемам мира, можно было ожидать большего, нежели призыва полностью замкнуться в сфере «человеческого сердца».

В среде убежденных католиков часто высказывается мнение, согласно которому Иоанн Павел II — это «папа-миротворец». Можно предположить, что это связано с более частыми высказываниями нынешнего папы о мире, чем это наблюдалось у его предшественников. Хотя, в конце концов, слово «мир» входит в «золотой фонд» излюбленных слов, ежедневно и широко используемых, например, американским президентом. Однако это не дает оснований объявить его «президентом-миротворцем». Если задуматься над тем, насколько четкую и однозначную позицию нынешний папа занимал по таким проблемам, как запрещение аборт, безбрачие священников, разводы или же устранение насилия и классово-борьбы, то по сравнению с этим его высказывания в пользу мира и разоружения в целом окажутся куда более абстрактными и ни к чему не обязывающими.

Папа сам дал этому обоснование в речи, произнесенной 12 января 1981 г. перед представителями дипломатического корпуса, аккредитованными при престоле Святого Петра: «С одной стороны, Святой Престол стремится уделять максимум внимания субъективным мотивам, которыми руководствуется и которые выдвигает каждая партия, и уважать их, а с другой — существует множество чрезвычайно сложных технических аспектов, например недостаток фактов, которые можно подвергнуть проверке. Это ведет к тому, что Святой Престол нередко должен воздерживаться от конкретных суждений по поводу выдвигаемых тезисов. Именно так обстоит дело, между прочим, с проблемой разоружения». По этой причине, продолжал папа, церковь выступает прежде всего в пользу «духа мира», который должен находить свое выражение в таких «достойных человека условиях существования отдельных людей и... народов, которые удовлетворяли бы их стремление к свободе и гарантировали бы им соблюдение фундаментальных прав». Исходя из этого, Святой Престол принял участие в общеевропейском Совещании, по проблемам безопасности и сотрудничества прежде всего с тем, чтобы поднять «свой голос в защиту свободы религии, что является одним из основополагающих элементов духовного мира».

Таким образом, папа сам подчеркивает, что не желает выносить никаких конкретных суждений по проблеме разоружения как по дипломатическим соображениям, так и в силу недостаточной информированности по существу предмета, что он понимает свою приверженность делу мира прежде всего как вы-

ступление «в защиту свободы религии». Независимо от того, как понимает папа свободу религии (в кругах Всемирного совета церквей по данному вопросу высказываются гораздо более дифференцированные и «плюралистические» мнения), аргументы, выдвигаемые им для обоснования своего нейтралитета по вопросам разоружения, звучат не вполне убедительно. В частности, аргумент, согласно которому святой престол стремится «уделять... максимум внимания субъективным моментам», должен был бы в таком случае применяться при всех обстоятельствах. Однако сегодня, например, не найдется, пожалуй, ни одного правительства в мире, которое призналось бы в том, что допускает нарушение свободы религии. Если бы в таком случае папа аргументировал свое нежелание выносить конкретные суждения по данному вопросу с учетом «субъективных моментов», то он не смог бы постоянно выступать с обвинениями в нарушении свободы религии. Или другой случай: многие правительств, руководствуясь «субъективными моментами», разрешили аборт. Тем не менее папа настолько рьяно вмешался в это дело, что дошел едва ли не до прямого вмешательства во внутреннюю политику Италии. Далее, многие освободительные движения имели или имеют «субъективные причины» прибегать к насилию как к крайнему средству борьбы за освобождение и т. д.

Можно было бы продолжить перечисление таких примеров до бесконечности. Тем не менее в этих случаях, как и в ряде других, папа высказывался совершенно определенно и четко: да, он объективно встает на сторону одних и выступает против других. Ссылки на необходимость проявлять дипломатическую сдержанность, по крайней мере применительно к данным ситуациям, не принимались во внимание. Поэтому они не могут служить достаточно логичным объяснением той сдержанности, которую папа проявил в подходе к проблемам мира и разоружения.

Что касается второго аргумента, то ссылки на «сложные технические аспекты» и «недостаток фактов, которые можно подтвердить проверке», на деле оказываются несостоятельными. Например, в чрезвычайно сложных ситуациях, в частности в Бразилии или на Филиппинах, папа совершенно четко внушал угнетенным, что им следует делать, но еще более четко, что им не следует делать и с чем надо смириться. А выступая в ЮНЕСКО, он предостерегал против злоупотребления наукой, особенно в области разработки качественно новых видов вооружений, что само по себе заслуживает самой высокой похвалы. Там он даже полемизировал против попыток ссылаться на «технические сложности», когда требовал установления «примата этики над техникой». Конечно, в сфере вооружения есть немало фактов, которые не поддаются проверке. Однако здесь было бы

вполне достаточно занять определенную позицию по отношению к тем фактам, которые проверке поддаются, таким, например, как наличие и продолжение так называемой гонки вооружений или же последствия применения нейтронной бомбы.

Если проанализировать до конца систему аргументации папы, то пришлось бы признать, что ему, вероятно, следовало бы воздерживаться от занятия определенных позиций во всех областях политической и социальной жизни, но это было бы условием, противоречащим здравому смыслу. Причиной того, что Ватикан не в состоянии высказать никакого конкретного суждения именно по вопросам разоружения, является далеко не одна только личность самого папы. К пониманию подлинных причин можно прийти скорее, если иметь в виду, что богатые и самые влиятельные церкви находятся в странах НАТО, что там они состоят в союзе с влиятельными силами политического и делового мира империализма, а не искать объяснения только явно антикоммунистических позициях папы. Такое обоснование приобретает еще большую убедительность, если взять для сравнения куда более четкие высказывания Всемирного совета церквей, в котором преобладает влияние церквей «третьего мира» и довольно сильными позициями располагают некоторые восточноевропейские церкви; объективности ради следует отметить также, что многие западные церкви, являющиеся членами Всемирного совета церквей, занимают в вопросах разоружения гораздо более четкую и активную позицию, чем католическая церковь.

Конечно, носящие довольно общий характер призывы папы к миру и разоружению не лишены смысла. По крайней мере они способствуют тому, что эти проблемы хотя бы уже ставятся в сердце верующих, а через них получают и более широкое распространение. Тем не менее абстрактных и ни к чему не обязывающих речей о мире не может хватить на долгое время, и оправданием для них не могут служить ссылки на необходимость проявлять дипломатическую сдержанность или на недостаток информации по существу. Западногерманский профессор теологии Ганс Вернер Барч придал этой мысли еще более четкую форму: «Общие речи о мире подобного рода имеют целью лишь подготовку алиби и своим общим характером скорее поощряют дальнейшую гонку вооружений, поскольку последняя, согласно утверждениям ее инициаторов, также должна служить делу мира» («Дойче фольксцайтунг», 1.11.1979).

Папа Кароль Войтыла в проявлении своего антимиитаризма не переступал рамок, давно уже официально принятых Ватиканом и католической церковью. В чем тогда заключались его прегрешения с точки зрения Вашингтона? Они были и очень се-

рьезные. Так, во всяком случае, полагал президент США Р. Рейган. С самого начала правления его администрации американскую внешнюю политику качнуло резко вправо, в сторону от курса разрядки. Ватикан, как и большинство западноевропейских государств, от политики мирного сосуществования не отрекался и оказался таким образом в глазах Белого дома чуть ли не заодно со всякого рода пацифистами и либералами. «Сильный папа» Иоанн Павел II не смог или не захотел призвать к порядку выступающую за прекращение Соединенными Штатами гонки вооружений... американскую католическую церковь.

В середине 60-х гг. кардинал Спеллман благословлял американские войска, воюющие во Вьетнаме. 15 лет спустя архиепископ города Сиэтла Раймонд Хандхаузен призвал верующих не выплачивать налоги в знак протеста против их использования государством на строительство атомных подводных лодок с ракетами «Трайидент», осуществляемое на сиэтлских заводах. Ту часть федерального налога, которую он должен был бы отдавать в карман Пентагону, Хандхаузен вот уже в течение ряда лет пересылает антивоенным движениям и фондам, за что подвергался судебным преследованиям. Разрушительная сила ядерных боего-ловек «Трайидент», установленных на одной только подводной лодке, превышает мощь атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму в 2040 раз, подчеркивал этот священник и добавлял: «Трайидент» является Освенцимом нашего времени. Уже только поэтому я призываю к одностороннему разоружению». Епископ города Амарильо (штат Техас) Лерой Мэттисен призвал всех прихожан своей епархии, кто занят на заводах, выпускающих ядерное оружие, «бросить эту греховную работу и подыскать себе дело на мирной ниве». В феврале 1982 г. он создал фонд помощи тем, кто последовал его призыву, направляя в этот фонд и немалые церковные средства. К врачам и персоналу калифорнийских больниц обращен клич епископа из Сан-Франциско Джона Куина: «Не создавайте резерва больничных коек, как того требует Пентагон, не внушайте людям иллюзию, будто медицина может собрать и склеить черепки, оставшиеся от планеты после ядерного конфликта». Волна антивоенного протеста увлекла за собой многие крупные церкви Соединенных Штатов — католические, православные, протестантские. Уж на что традиционно лояльна правительству мормонская церковь, и та указала на несовместимость христианского учения с ядерной бомбой и с готовностью рейгановской администрации допустить ядерную войну.

Американская церковь стала неузнаваемой. Размах антивоенного движения в США начала 80-х гг. был намного более внушительным, чем известные движения американских пацифистов в годы вьетнамской войны. Большая часть из 51 млн. амери-

канских католиков (22 проц. населения США) поддержали на президентских выборах 1980 г. кандидатуру Р. Рейгана в надежде улучшения экономического положения в стране. Американские католики, в основном испаноамериканцы (каждый четвертый прихожанин США говорит дома по-испански), принадлежат в своей массе к малоимущим слоям населения США и поэтому более чувствительны к последствиям непрекращающегося и при Рейгане экономического кризиса.

Иерархия католической церкви США ввиду явного единодушия паствы осудила политику военного вмешательства Вашингтона в странах Центральной Америки в ответ на решение Рейгана в начале 1981 г. возобновить военную помощь сальвадорской хунте, прерванную после расстрела прямо на церковном амвоне архиепископа Сан-Сальвадора Оскара Ромеро в марте 1980 г. и убийства правящим режимом Сальвадора четырех американских монахинь в декабре 1980 г. Экономика, Центральная Америка, стратегические вооружения — политика Рейгана во всех этих трех сферах встретила резкое осуждение американских католиков уже по истечении первого года правления новой администрации. Когда-то 85 проц. католиков США одобрили атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. В 1980 г. 82 проц. прихожан-католиков США поддерживали идею замораживания ядерных вооружений, против которой особенно рьяно ополчился президент Рейган.

Национальная конференция католических епископов США под давлением верующих сделала все, чтобы отмежеваться от наиболее одиозных акций американского милитаризма. Агрессия США во Вьетнаме была предметом особо острых разногласий между католиками и Белым домом. В своих размышлениях, изложенных подробно в публикациях исследовательской службы (250 сотрудников в 1982 г.) вашингтонской штаб-квартиры американских католиков, епископы США пришли к осуждению лицемерного тезиса Белого дома о «справедливости» наступательной ядерной войны. Даже в среде традиционно консервативно настроенных американских кардиналов произошли изменения.

Один из них — архиепископ филадельфийский Крол поразил свою страну тем, что 9 сентября 1979 г. на заседании сенатской комиссии по иностранным делам высказался в пользу переговоров по ограничению стратегических вооружений и критиковал политику ядерного устрашения как вдвойне аморальную. Преступную тем, что нельзя подвергать массированному уничтожению гражданское население любой страны, так же как нельзя угрожать подобным геноцидом. «Мы не можем избежать говорить правду о современной ядерной войне, которая изменит лицо планеты и поставит под вопрос жизнь человека на зем-

ле, ликвидируя основополагающие для нас право на жизнь и право на свободу». Кардинал Крол говорил от лица американских католических епископов несмотря на то, что некоторые из них были несогласны с планами ОСВ-2, считая, что в подобном виде эти соглашения не приведут к значительному сокращению стратегических вооружений. Дискуссия о разоружении стала среди католиков США всеобщей и постоянной.

Из известных реакционеров, какими были кардиналы Спеллман, Макинтайр, Коуди, О'Бойл, Крол, продолжает свою деятельность лишь последний, а на место остальных были назначены Ватиканом во времена папы Павла VI священнослужители более умеренных, так называемых примиренческих взглядов. Они осудили администрацию Рейгана за смешение двух кардинально отличающихся друг от друга понятий — «атомная электростанция» и «атомная боеголовка». Использование силы мирного атома никоим образом не должно сопровождаться применением атомного оружия. Большинство католических епископов поддержали в 80-х гг. антивоенную кампанию в США, в ответ на намерения Рейгана расширить производство систем наступательных стратегических вооружений. «Самой крупной моральной проблемой американской церкви» назвал в присутствии 284 епископов США проблему прекращения гонки ядерных вооружений архиепископ . У. Роуч, председатель Национальной конференции католических епископов США («Нью-Йорк тайме», 18.02.1981). Это крупнейшее христианское объединение призывало к замораживанию ядерных вооружений, против чего возражали администрация и многие эксперты, утверждая в пропагандистских целях для оправдания наращивания вооружений США, что замораживание обеспечит сохранение советского ядерного превосходства. Епископы настаивали на том, чтобы администрация приняла действенные меры к достижению соглашения о разоружении с СССР.

Не веря в возможность какой бы то ни было «ограниченной» ядерной войны, епископы выступали против того, чтобы США первыми применили ядерное оружие. Епископы также критиковали решение о развертывании ракет «МХ» на том основании, что это приведет к ускорению гонки вооружений.

Епископское послание, которое после дополнительной редакции было официально опубликовано в мае 1983 г., явилось, безусловно, самым сильным, самым драматическим выступлением христианской церкви США против американской ядерной стратегии.

Проект послания был составлен комиссией из пяти епископов, взгляды которых на ядерную стратегию колебались в широком диапазоне — от «ястребиных» до откровенно пацифистских. Председатель комиссии — во многих отношениях типич-

ный представитель нового направления в американском католицизме. Это Джозеф Луис Бернардин, пятидесятилетний архиепископ Чикаго, глава самой большой в США архиепископской епархии (2,4 миллиона человек).

Наибольшие разногласия при обсуждении проекта вызвало положение о нравственности «ядерного устрашения». В разгар дискуссии Белый дом выступил с выдержанной в осторожных словах защитой своей ядерной политики. Администрация была серьезно обеспокоена тем, что критика «ядерного устрашения» со стороны епископов будет способствовать росту движения за мир в Соединенных Штатах и за рубежом и усилению давления на нее.

Епископы пришли к выводу о том, что любая ядерная конфронтация приведет в конечном итоге ко всеобщей ядерной войне, что подобные конфликты нельзя сдержать в определенных рамках и поэтому никакая форма использования ядерного оружия не может быть морально оправдана.

Пока епископы вели борьбу на словах, некоторые священники, монахи и миряне повели битву против наращивания ядерного потенциала на деле. В городе Гроутоне, штат Коннектикут, девять католиков были осуждены за попытку повредить атомную подводную лодку. Эта попытка носила чисто символический характер. В Денвере две монахини были привлечены к судебной ответственности за то, что они проникли на завод ядерного оружия в Роки-Флэтс и установили там плакаты с надписями «Дахау» и «Фабрика смерти». Монахиня Фрэнсис Рассел из Шайенна, штат Вайоминг, координирует кампанию протеста в трех штатах против возможного размещения там ракет «МХ». Известного ветерана радикального католического движения священника-иезуита Дэн-нела Берригана ожидало тюремное заключение сроком от 5 до 10 лет за повреждения, опять-таки чисто символические, которые он нанес боеголовкам в Пенсильвании. «В 60-х гг. мы шли в тюрьмы в одиночку, — говорил он, — теперь на нашей стороне епископы».

Многие верующие и неверующие задавались вопросом, как случилось, что епископы, которые всего лишь несколько лет назад воздавали хвалу господу и смиренно принимали ядерное оружие, теперь поддерживают движение, которое рассматривают как пацифистское.

Воинственная риторика рейгановской кампании встревожила многих епископов, которые начали опасаться, что новая администрация может ввязаться в ядерную войну. Многие епископы стали более активно участвовать в различных антиядерных начинаниях.

В ноябре 1980 г. епископы поручили комиссии Бернардина приступить к разработке послания. Под давлением местной об-

щественности, требовавшей организовать помощь беднякам и безработным, ведущие деятели церкви подвергли резкой критике более чем полторатриллионный военный бюджет Рейгана — 16 триллионов долларов на 5 лет. Волна протестов против ядерного вооружения, прокатившаяся затем по Западной Европе и Соединенным Штатам, усилила решимость епископов продолжить борьбу.

Накануне очередной сессии Национальной конференции католических епископов США в октябре 1982 г. администрация направила в Ватикан посла по особым поручениям, бывшего заместителя директора ЦРУ генерала Вернона Уолтерса. Генерал настаивал, чтобы официальное католическое руководство приструнило строптивых американских епископов. «Прикончит ли папа ядерную ересь?» — спрашивала газета «Вашингтон пост» 17 октября 1982 г, раскрывая секрет генеральской миссии. Уолтере кое-чего добился. Кардинала Дж. Бернардина спешно вызвали в папское государство. Раскаяния, видимо, не последовало.

Под сенью золотой иконы «Принц мира» в зале фешенебельного вашингтонского отеля «Хилтон» чикагский архиепископ Дж. Бернардин открыл 15 ноября сессию Национальной конференции католических епископов США страстным обращением: «Моральная, политическая и человеческая цена, в которую обходится гонка ядерных вооружений, невыносима! Требование момента — в глубоком и существенном изменении политики...». Несколько дней спустя Национальная конференция католических епископов США приняла проект папского послания, где объявила ключевые элементы ядерной стратегии Рейгана «аморальными». 240 епископов осудили ядерную войну как «смертный грех», отвергли стратегию первого ядерного удара и призвали к взаимному замораживанию ядерных арсеналов США и СССР. Собкор АПН и «Литгазеты» (8.12.1982) Владимир Симонов так комментировал это событие:

«150-страничный документ взорвался под Белым домом 150-мегатонной бомбой. Администрации брошен, с ее точки зрения, крайне опасный и неожиданный вызов. Дело в том, что американские католики никогда не отличались приверженностью к пацифизму, как, скажем, квакеры. Напротив, церковь традиционно близка к военным кругам.

Известно также, что консервативные католики сыграли заметную роль в формировании внешнеполитических доктрин рейгановской администрации... Тем более велик сегодняшней конфуз. Именитые, облеченные политической и военной властью католики говорят одно, а их духовные пастыри — совсем другое!

Кажется, нет такой крупной военной проблемы, по кото-

рой бы святые отцы не дали отпор администрации. Тактические ядерные ракеты в Западной Европе? Пентагон лихорадочно запускает в пробные полеты «першинг» за «першингом», готовясь к декабрю 1983 г., когда НАТО должна облагодетельствовать пять западноевропейских стран американскими ракетами нового поколения. Но епископы предупреждают: это был бы «неприемлемый моральный риск». Ракетные монстры «МХ»? Президент склоняется к тому, чтобы начать их размещение так называемыми «тесными пачками». Но проект пастырского послания бьет тревогу: «МХ» могут дестабилизировать обстановку, спровоцировать немыслимое.

Пока это только проект. Но в мае послание будет принято на Национальной конференции католических епископов в Чикаго. И тогда философия активного отпора ядерной угрозе станет моральным руководством для американских католиков. «Можно признать, — говорит епископ Детройта Томас Гамблтон, — что наши религиозные убеждения могут привести нас в оппозицию к нашему правительству...»

С точки зрения администрации, перспектива мрачная. Религиозный пацифизм того и гляди парализует стремление нации к глобальному руководству! Проповеди за мир заглушат зычный глас с позиции силы! Нет, ядерную ересь надо выжечь, вытравить, отсечь — и как можно скорее!

Еще после публикации первого проекта пастырского послания летом этого года мятежные епископы ощутили, что на официальном верху их начинают потихоньку предавать анафеме. Появились статьи, где в грубой форме намекалось: сапоги взялись тачать пирожники. Епископы так же глубоко разбираются в делах Пентагона, как генералы в проблеме абортгов! Реакционная организация «американский католический комитет» срочно созвала встречу, на которой выступил помимо прочих «авторитетов» небезызвестный Фрэнк Шекспир, бывший директор ЮСИА и оракул официальной пропаганды. В его речи была такая ключевая мысль: американские католики должны не с бомбой бороться, а, наоборот, «защищать страну от порабощения атеистической державой».

Шекспир выдает еще одну головную боль администрации. До самых последних дней запугивание американских борцов за мир строилось на правительственной версии, будто их дергают за ниточки из Москвы. Заставляют, так сказать, «ослабить Америку». Буквально на днях сам президент обнаружил «массу доказательств», что движением за замораживание крутят — вертят иностранные агенты, повсеместно заброшенные в города и веси Америки. Но красные агенты в черных мантиях католических епископов?! Это уж слишком! Что еще страшнее для Шекспиров антисоветской пропаганды — позиция епископов

взрывает давние попытки представить «безбожный коммунизм» дьяволом, угрожающим всем творениям всевышнего. Есть, оказывается, другая, реальная угроза — ядерная, в предотвращении которой верующий и коммунист могут объединить свои силы. Антихрист — это не чужая идеология. Это тот, кто готов нажать красную кнопку запуска ядерной смерти.

Вот почему Национальная конференция католических епископов, собравшаяся 15 ноября в американской столице, была воспринята официальным Вашингтоном чуть ли не как нелегальное собрание подрывных элементов в белых стоячих воротничках. Мятежных епископов начали травить по добрым старым рецептам сенатора Маккарти. На второй день конференции «Нью-Йорк тайме» внезапно опубликовала специальное письмо помощника президента по национальной безопасности Уильяма Кларка. Целая страница строгих инструкций заблудшим духовным пастырям. Кларк обвиняет их в «фундаментальном непонимании политики администрации». Придворный католик требует от епископов отчета: почему в проекте пастырского послания не нашлось места для «описания фактов и влияния советского военного строительства»? Почему не учтены комментарии правительства, направленные вам ранее? Почему?.. Почему?.. Рекламируя ядерный рай, Кларк явно угрожает епископам-еретикам официальным адом.

Те не дрогнули.

— Я не фасад, за которым прячутся русские, — без обиняков заявил кардинал Джон Крол, архиепископ Филадельфии.

— Это все риторика! — отозвался о письме Кларка епископ Реймонд Лакер из штата Миннесота. — Администрация проталкивает политику наращивания вооружений, а не разоружения.

Но непримиримее всех оказался архиепископ Чикагский Бернардин.

— Нас не запугаешь, — сказал он. — Что до какого-то «фундаментального недопонимания», то время покажет, кто кого недопонимает...»

Проект пастырского послания снискал широчайшую поддержку, и не только у католической паствы в США. 19 января 1983 г. итальянское агентство АНСА передало из Рима сообщение, вызвавшее оживленные комментарии мировой прессы:

«В Ватикане началась встреча между делегацией на высшем уровне американского католического епископата во главе с кардиналом Джозефом Бернардином, архиепископом Чикаго, и делегациями европейских епископатов, которые приглашены для консультации по тексту коллективного документа всего епископата Соединенных Штатов о мире и войне с особой ссылкой на ядерные арсеналы и на проблемы демилитаризации, который рассматривается в третьей редакции.

В совещании, которое официальный представитель Ватикана отец Ромео Панчироли назвал «неофициальным» и «конфиденциальным» участвуют также представители Совета по государственным делам церкви во главе с самим государственным секретарем Ватикана кардиналом А. Казароли и папская комиссия «Справедливость и мир», возглавляемая африканским кардиналом Гантэном.

От епископской конференции Западной Германии присутствовали председатель конференции кардинал Йозеф Хёфнер, от английского католического епископата — кардинал Гордон Грей и представитель архиепископа Вестминстерского кардинала Бэзила Хьюма, от французского епископата — председатель епископской конференции и архиепископ Лиона кардинал Жан Вильне, от итальянского епископата — делегация во главе с епископом Альбано (Рим) и монсеньор Бернини, председатель национальной комиссии «Справедливость и мир». Кардинал Бернардин совещался в связи с этими предстоящими консультациями с архиепископом Вены кардиналом Ф. Кёнигом.

Участники встречи в Ватикане приняли совместное заявление, в котором подчеркнули, что «церковь несет ответственность и имеет полное моральное право высказываться по проблемам войны и мира».

Проект пастырского послания вызвал нескрываемое раздражение Белого дома, который рассматривает позицию католиков в вопросах войны и мира как серьезную угрозу своей милитаристской политике и стремится любыми способами сорвать выступления религиозных группировок против гонки вооружений, за предотвращение угрозы ядерной войны. В категоричном тоне потребовали пересмотра содержания послания и приведения его в «соответствие с официальной линией» министр обороны США К. Уайн-бергер и помощник президента по национальной безопасности У. Кларк. Под нажимом Вашингтона свыше 20 членов палаты представителей конгресса США призвали архиепископа Чикаго Дж. Бернардина отступить от своей позиции. Тщетно!

Духовенство Соединенных Штатов все более решительно выступает против администрации, усугубляя разногласия между Ватиканом и Белым домом, писал обозреватель итальянского еженедельника «Панорама» (21.3.1983) Массимо Конти. Нескончаемые публичные выступления американских епископов против Рейгана, которого они обвиняли, например, в том, что он отдает предпочтение гонке вооружений за счет сокращения социальных ассигнований, были проявлением непрерывно усиливающейся оппозиции католической церкви.

Американские католики, действующие гораздо более решительно, чем все остальные гражданские группы и политические

движения, вели борьбу против президента во всех областях. Острием этой борьбы стали комиссии «За справедливость и мир», созданные к 1982 г. в 173 епархиях США. Эти комиссии, в состав которых входили и священники, и миряне, вели кампании против безработицы, расовой дискриминации, социальной несправедливости, гонки вооружений. Они опирались на поддержку активного лобби в американском конгрессе. Новый влиятельный руководящий центр, созданный в Вашингтоне с помощью Национальной конференции католических епископов, снабжал эти католические группы необходимыми средствами — фактическими данными и экономическими докладами, результатами социального и политического анализа. Кроме того, католики в надежде остановить гонку вооружений мобилизовали крупные капиталы, которыми американская церковь владеет в промышленных компаниях, производящих ядерное вооружение, от «Дженерал электрик» и до «Эй энд Ти».

Две новые организации — «Межцерковный центр совместной ответственности», который распоряжается акциями на 8 млрд. долларов, и «Католическая коалиция за разумные капиталовложения», руководимая монахом-капуцином Майклом Кросби, добивались в то время на бурных собраниях акционеров прекращения производства ядерных средств, угрожая в противном случае продать сразу все свои акции, что могло повлечь за собой серьезные потрясения на бирже. Поэтому папе давно пора, говорили в Вашингтоне, призвать к порядку американских католиков. Ставкой в игре являются в данном случае сложные отношения между США и Ватиканом.

США до последнего времени не признавали Ватикан официально и, следовательно, не поддерживали с ним дипломатических отношений. Тем не менее, тесные контакты существовали. Президент Рейган, почти в каждое свое путешествие в Западную Европу «заглядывал» на несколько часов к папе в Рим, а также поддерживал Контакт с Иоанном Павлом II через своего личного эмиссара. Как писала итальянская печать, встречи происходили в одном из уголков обширной ватиканской библиотеки в Риме, а собеседником папы, который разговаривал с ним без переводчиков и свидетелей, всегда бывал один и тот же человек — 70-летний Уильям Уилсон, калифорнийский предприниматель, специализирующийся на торговле недвижимостью, старый друг Рональда Рейгана. Официальные деятели Ватикана не раз возмущались недипломатичным, по их мнению, поведением Уилсона, личного представителя президента США при Ватикане. В апреле 1983 г., к примеру, Уилсон пожаловался журналистам, что сотрудница Радио Ватикана Кларисса Макнэйр выступает в вещании на Америку с анти-рейгановских, левых позиций. Ватикан посчитал это обвинение беспочвенным. Уилсон —

он был назначен на этот пост Рейганом, хотя прежде не был на дипломатической службе, — заявил, что он лишь передал то, что говорил в беседе с ним один из американцев, проживающих в Риме. Должностные лица Ватикана отметили в заявлении для печати, что высказывания Уилсона были восприняты как вмешательство во внутренние дела святого престола.

Несмотря на противодействие Белого дома, 3 мая 1983 г. в Чикаго окончательный текст Пастырского послания о войне и мире в ядерный век был одобрен в ходе двухдневных жарких дебатов на сессии Национальной конференции католических епископов США. В рассматриваемый документ вносились десятки поправок, изменений. И вот наконец окончательное голосование: 238 — за и лишь 9 — против. «Мирный вызов» — с этих слов начинается текст Пастырского послания американских епископов верующим США. Западные журналисты были единодушны, расценив это послание как вызов Рональду Рейгану, который желал добиться двух несовместимых целей своей политики — увеличить американские ядерные силы и убедить католиков США голосовать за республиканцев на очередных президентских выборах 1984 г. «Данный документ, который после его принятия становится руководством к действию для всех католиков страны, — отмечала газета «Нью-Йорк таймс» (4.05.1983) — не что иное, как прямой вызов Белому дому, его опаснейшей ядерной стратегии. Католики США рассматривают решение епископов как наиболее мудрый и решительный шаг в социальной области за всю историю американской церкви».

«Пастырское послание несомненно придаст новый импульс ан-тиядерному движению и дебатам по вопросу о замораживании, о ядерной стратегии в целом», — приходит к выводу «Вашингтон пост» (2.05.1983). «Наше послание, — считает председатель Национальной конференции католических епископов У. Роуч, — может также стать началом широкого всемирного религиозного движения против гонки вооружений». По словам известного общественного деятеля и ученого Дж. Кеннана, важность и актуальность этой инициативы заключается в том, что в ней содержится призыв к принятию конкретных мер по контролю над вооружениями — отказу применять первым ядерное оружие, прекращению разработки и производства его новых систем, заключению полного и всеобъемлющего договора, запрещающего ядерные испытания, и т. д.

Несмотря на то, что в своем послании епископы были не до конца последовательны, подходили к некоторым проблемам войны и мира с чисто пацифистских позиций, они тем не менее выделили «средоточие зла» отнюдь не в коммунизме, не в Советском Союзе, а в угрозе мирового ядерного пожара, угрозе, которую, по их убеждению, при наличии доброй воли можно пре-

одолеть совместными усилиями. О многом говорила американской администрации такая позиция католиков.

Главное обвинение, которое Рейган выдвигал в адрес Ватикана, это нежелание или неумение римской курии воздействовать на американский католицизм в нужном Вашингтону направлении. Бешенство Белого дома вызвало и движение протеста против развертывания американских ракет в Западной Европе, в Англии движение за ядерное разоружение возглавил католический священник Брюс Кент при поддержке генерального синода англиканской церкви, что вызвало огромное раздражение твердолобых консерваторов во главе с премьер-министром Англии М. Тэтчер.

Не только всемирная католическая церковь, но и представители других христианских вероисповеданий отказывались к началу 80-х гг. беспрекословно следовать линии империализма США. Сегодня политика большинства церквей в мире ориентирована на выживание. Священнослужители любых вероисповеданий едины в своем желании уберечь паству от уничтожения в ядерном катаклизме. В этом спонтанном движении верующих за мир наравне с католиками выступают протестантские и православные церкви. Более трехсот христианских церквей, отражая настроения широких народных масс в разных странах, выступили в конце 70-х гг. с резкой критикой гонки вооружений и подтвердили свои антимилитаристские позиции на шестой генеральной ассамблее Всемирного совета церквей (1983 г., Ванкувер, Канада). «Мировая ситуация в области вооружений» была предметом обсуждений в комиссиях Женевской штаб-квартиры Всемирного совета церквей, начиная с его пятой генассамблеи (1975 г.,» Найроби, Кения). В число сорока приглашенных экспертов от 17 протестантских и православных церквей вошли деятели, которых трудно уличить в некомпетентности, — премьер-министр Швеции Улоф Пальме, советник президента Картера Макджордж Банди, министр иностранных дел Нидерландов Макс ван дер Стул, главный редактор парижской газеты «Монд» Андрэ Фонтен. Эксперты работали восемь лет, неоднократно встречались и, наконец, в начале 1983 г. представили в Женеву окончательный текст 400-страничного доклада, известного под названием **«Прежде, чем будет поздно».**

Всемирный совет церквей, его руководящий комитет на основании этого доклада экспертов осудил в июне 1982 г. «любую форму ядерной войны даже в самой ограниченной ее форме» и заявил, что «концепция ядерного сдерживания противника, его устрашения ... должна быть отброшена как морально неприемлемая и бесплодная в деле сохранения мира и безопасности на долгие времена. Производство и развертывание ядерного оружия, точно так же как и его использование, представляют собой

преступление против человечества». Помимо многочисленных конструктивных выступлений на тему о сдерживании милитаризма и гонки вооружений в 80-х гг. руководством Всемирного совета церковью опубликовано в 1982 г. совместный с Ватиканом доклад «Мир и разоружение», где представлены точки зрения ВСЦ (120 стр.) и римской католической церкви (157 стр.). По мнению западных газет, — и в этом с ними можно согласиться — итоговое заявление шестой генассамблеи ВСЦ в августе 1983 г. в Ванкувере по силе формулировок не имело прецедента среди документов, принимавшихся какой-либо религиозной организацией западного мира в отношении ядерной войны и гонки вооружений. Совет официально заявил о своей оппозиции размещению в странах Западной Европы ракет «першинг-2» и крылатых ракет, на которое НАТО дало свое согласие. «Мы призываем церкви, в особенности церкви Европы, как Западной, так и Восточной, а также церкви Северной Америки удвоить усилия, с тем чтобы убедить правительство достигнуть соглашения путем переговоров и — пока не поздно — немедленно отвергнуть планы размещения дополнительных или новых ядерных вооружений в Европе, а также немедленно приступить к их сокращению, а затем и полному устранению», — говорилось в заявлении. В нем также подчеркивалось, что безудержный милитаризм отвлекает внимание от проблемы основных прав и первоочередных нужд бедных стран, равно как и неимущих слоев населения в индустриально развитых западных государствах.

В этом спонтанном движении верующих за мир католицизму принадлежало одно из ведущих мест. Еще в 1979 г. Ватикан рекомендовал правительствам Италии и ФРГ воздержаться от размещения на своих территориях новых американских ракет средней дальности. Тогда же газета «Известия» (16.1.1979) в пространном комментарии положительно оценивала деятельность Иоанна Павла II в пользу международного мира, диалога и подлинного разоружения. В советской прессе публиковались выдержки из новогоднего послания папы: «Пусть 1979 г. будет годом мира. Мира для всех людей, для всех наций, различных рас, для жителей всех континентов». Еще при президенте Картере Вашингтон выразил недовольство по поводу того, что Ватикан «недостаточно энергично» поддержал кампанию «прав человека» в ее антикоммунистическом проамериканском толковании. Конфликт Ватикана с Белым домом, стал открытым с первых месяцев прихода туда в 1980 г. Рональда Рейгана — самые оголтелые правые американские круги не устраивала позиция римской католической церкви по проблемам войны и мира.

В 1981 г. по просьбе Ватикана группа самых известных в мире физиков, биологов и медиков подготовила декларацию на те-

му предполагаемых последствий применения ядерного оружия, которая была затем передана правительствам СССР, США, Великобритании, Франции, генеральному секретарю и председателю Генеральной ассамблеи ООН. В «Декларации о последствиях применения ядерного оружия», подготовленной Папской академией наук, говорилось: в ядерной войне победить невозможно, она чревата невыносимыми бедами для человечества. Президент Рейган, как стало известно после его беседы с представителями этой академии в декабре 1981 г. (что они с огорчением и констатировали), отказался признать, что в такой войне победителей не будет. Мировая пресса отмечала тогда, что посланцы академии нашли больше понимания у тех, кого Рейган именует «безбожниками», т. е. в Советском Союзе, чем у президента США.

В Вашингтоне приложили немало усилий, чтобы побудить Ватикан поддержать лозунг рейгановской администрации — «есть вещи важнее, чем мир...». В такой поддержке было отказано. Противостоящие друг другу державы, заявил папа Иоанн Павел II в новогоднем, в канун 1983 г., выступлении в ватиканском соборе Св. Петра, должны вместе пройти различные этапы разоружения и на каждом этапе взять на себя равные обязательства. В поисках мира проблема разоружения занимает важное место, подчеркнул он, и более чем законным является желание, чтобы диалог по этому вопросу привел к конкретным результатам. Папа высказался за достижение «конкретных и практических решений, способных обеспечить реальный и прочный результат».

Церковь столетиями служила эксплуататорским классам орудием упрочения их привилегий. Но и у реакционного по своей исторической природе католические политические интересы и силу многих причин весьма отличны от целей правых кругов американского империализма. Католическая церковь во главе с Ватиканом, поднимая голос в поддержку идей мира и разоружения, в поддержку диалога между странами двух систем, отмежевывается от тех, кто упорствует в проведении политики «холодной войны» и ядерного шантажа в отношении стран реального социализма. Определенным заокеанским кругам умеренный курс руководства римско-католической церкви оказался не по душе.

«Убийство в Ватикане». Так назывался итальянский художественный фильм, который демонстрировался на внеконкурсном просмотре Московского кинофестиваля 1983 г. Мастерский увлекательный киносюжет о взаимоотношениях бывшего семинариста и его наставника. Их нескончаемый диалог о будущем церкви и человека проходит на фоне жизненных неудач молодого человека и карьеры его духовного отца — епископ, архиепископ, кардинал

и ... папа римский. Моложавый и обаятельный, новый папа полон стремлений спасти церковь и угасающую веру. Проект его первой программной энциклики вызывает панику в рядах высших священнослужителей, так как объявляет о решении католической церкви отказаться от своих веками накопленных богатств и обратиться во благо паствы — финансировать образование, здравоохранение и другие социальные нужды. Дни «красного папы» сочтены — он умирает накануне назначенной им самой даты публичного оглашения своей энциклики, погибает от руки своего близкого друга и бывшего ученика, которого папское окружение сумело убедить в неизбежности подобного исхода.

Иоанна Павла II тяжело ранили, как известно, 13 мая 1981 г., за два дня до предполагавшегося обнародования его третьей энциклики — «*Лабorem экзерценс*» («Преисполненный трудом»; название энциклик дается по первым двум словам их латинского текста). В католической церкви каждая папская энциклика выражает официальное мнение Ватикана по наиболее актуальным проблемам и является важным политическим документом, обязательным для всех католиков. Папские энциклики, начиная с Иоанна XXIII, адресуются «всем людям доброй воли». Оправившись от ран, папа Иоанн Павел II 14 сентября 1981 г. подписал, наконец, энциклику «*Лабorem экзерценс*» (104 страницы официального текста, состоящего из небольшого обращения и четырех частей, озаглавленных: «Введение»; «Труд и человек»; «Конфликт между трудом и капиталом на современном этапе истории»; «Правда людей труда»). И тем самым ликвидировал многовековое идеологическое отставание католицизма от протестантизма в деле «освящения» человеческого труда. Этим шагом папа активно втягивал церковь в сферу идеологической борьбы, используя доступные ему средства влияния на формирование сознания масс верующих, католических, политических и профсоюзных деятелей. Задачу церкви папа видит в «постоянном напоминании о достоинствах и правах людей труда и в осуждении любых проявлений социальной несправедливости». По его мнению, церковь должна заниматься больше защитой прав человека, чем защитой своих прав, ибо именно эта позиция обеспечит церкви перспективу на будущее.

Папа немногословен, давая характеристику капитализму. По его мнению, капитализм как система и социально-экономический строй, противостоящий социализму, «обладает своим определенным историческим значением». В отличие от своих предшественников Иоанна XXIII и Павла VI, обличавших язвы капитализма, нынешний папа не концентрирует своего внимания на критике лишь отдельных сторон буржуазного общества. Иоанн Павел II ограничивается жесткой констатацией, что «либеральный (т. е. капиталистический. — Ред.) социально-экономи-

ческий строй **не обеспечил прав трудящихся**. Цель этого строя, — подчеркивает папа, — заключается в увеличении капитала; человек при этом рассматривается как средство производства, а это **не может быть одобрено церковью**». Более того, папа оправдывает как естественную, а следовательно, и законную классовую борьбу трудящихся против эксплуатации, порожденной этой системой. Комментируя эти опасные для апологетов капитализма выводы энциклики, парижский католический еженедельник «Энформасьон католик энтернациональ» 15 октября 1981 г. с иронией отмечал: «Либерализм (буржуазный. — Ред.) всегда умел... использовать в своих целях папские социальные энциклики. На этот раз задача будет потруднее».

Под воздействием марксизма с середины 50-х гг. в католическом богословии создается «теология труда» («теология войны» была разработана уже в средние века). Ее создатели призывали использовать марксистские идеи о творческом характере труда и о том, что человек становится личностью только в процессе труда, как особо привлекательные и перспективные. В применении, достижений марксизма для модернизации учения католической церкви об обществе Иоанн Павел II пошел еще дальше. В энциклике, считают западные специалисты, можно найти не один тезис, который, если рассматривать его отдельно, находится в соответствии с положениями, выдвинутыми марксизмом. Папа признает деление общества на классы, классовую борьбу и, по мнению его западных интерпретаторов, правильно излагает суть марксистского учения о классовом обществе. Критика марксизма, как и критика положений марксистской диалектики, осуществляется в энциклике с применением марксистских понятий и категорий и даже, по словам некоторых буржуазных комментаторов, с применением «марксистского анализа» с целью убедить читателя в том, что католическое видение морального решения конфликта между трудом и капиталом, как и решение проблемы социальной справедливости в мировом масштабе, будет плодотворнее марксистской концепции классовой борьбы. Вся энциклика пронизана духом полемики с марксизмом и с капитализмом. Причем в таких тонах, что заместитель председателя Социалистической партии Австрии (СПА) Карл Блеха оценил энциклику как «однозначное отречение от капитализма» (Газета «Арбайтер-цайтунг», 17.9.1981). А член австрийского федерального правительства и руководства СПА, государственный секретарь Беатрис Эйпельтауэр написала для влиятельной венской газеты «Тагблатт» 19 сентября 1981 г. статью «Является ли папа социал-демократом?» В статье утверждалось, что «значительное число встречающихся в ней (энциклике. — Ред.) положений... совпадает со взглядами социалистов на экономику и общество, а некоторые вытекающие из них выводы и требования могли бы сделать

честь программе любой социал-демократической партии... Самым важным является, вероятно, «равная дистанция» по отношению к капитализму и марксизму, а также акцент на интересы человеческой личности, которым подчинены все выдвигаемые соображения». Удовлетворенно восприняли энциклику и многие левые католики, которые до этого относились к папе критически. Так выходящая в ФРГ газета «Публик-Форум» 2 октября 1981 г. отвела анализу энциклики четыре страницы под общим заголовком «Нерадостная весть для капитала». В редакционном вступлении к этой статье можно было прочитать следующее: «Некоторые критически настроенные по отношению к церкви читатели будут удивлены — до сих пор на страницах нашей газеты папа крайне редко представал в столь привлекательном свете. Причина в том, что своей новой энцикликой «Лаборем экзерценс» Иоанну Павлу II удалось совершить большой скачок вперед».

Ну и что, спросит умудренный читатель. Ведь папа не сказал ничего оригинального. Он всего лишь излагает точку зрения социал-реформистов, предлагающих «третий путь», нечто невозможное среднее между капиталистическим и социалистическим строем, ближе, разумеется, к первому, чем ко второму. Конечно, в Западной Европе текстом данной энциклики никого не удивишь. Но ведь Ватикан издал документ для всемирного распространения. Ватикан целиком и полностью распоряжается назначениями и посвящениями в сан епископов и кардиналов во всех католических епархиях мира. И рейгановская администрация считает совершенно неприемлемым, что католические священники в США и в любой из стран полушария — от Канады до Чили — будут проповедывать своим прихожанам все положения папской энциклики о человеческом труде. Ведь в энциклике неоднократно подчеркивается первенство труда над капиталом, утверждает, что все блага создаются в конечном счете трудом, а вовсе не капиталом, как вдалбливают ребенку с раннего детства в любой американской школе. В Белом доме и в Пентагоне социалисты никогда не были в моде. И терпеть их, особенно у себя дома, на американском континенте, никто в Вашингтоне не намерен.

Выступая с энцикликой, (а за первые три года своего понтификата Иоанн Павел II стал автором трех таких документов), папа предлагает верующим и священнослужителям следовать ее положениям буквально, в духе догмы о «непогрешимости папы». Того требуют Ватикан и консервативные теологи. Что же в результате может предоставить Иоанн Павел II епископам в США и в десятках других стран мира в качестве базового материала для обращений проповедников к пастве? Первая энциклика папы Войтылы «Редemptor гоминис» («Искупитель человеческий») была опубликована в марте 1979 г. В подзаголовке Иоанн Павел II сам назвал ее энцикликой «начала понтификата», т. е. поднял

ее практически до уровня своей «правительственной программы». После известных философских рассуждений о претензиях католической церкви на роль единственного носителя истины и свобод Иоанн Павел II обращается к вопросу о положении человека в современном мире. Он исходит из того, что «чисто материалистическая цивилизация» якобы «порабощает человека». «Всем известен характер общества потребления, обладающего избытком средств, необходимых как для всех так и для его каждого члена (имеются в виду богатые и далеко ушедшие вперед общества); другие же страны, по крайней мере широкие слои населения в них, голодают, и там ежедневно умирают много людей от недостатка в продуктах питания... Масштабы этой проблемы заставляют нас анализировать структуры и механизмы в области финансов и денежного обращения, производства и торговли, которые господствуют в мировой экономике, воздействуя на нее с помощью различных политических методов принуждения. И оказывается, что они не пригодны ни для преодоления сохранившихся от прошлого несоответствий, ни для правильного решения экономических и этических проблем сегодняшнего дня. Они оставляют людей один на один с созданными ими самими же трудностями, способствуют все ускоряющемуся расточению запасов сырья и энергии, вредят геофизической среде обитания человека и приводят к тому, что зоны нищеты, обремененные страхом, разочарованием и озлобленностью, неуклонно расширяются».

В общем, папа понимает, что несправедливость и неравенство проистекают из несовершенства структурных взаимосвязей. Но, конечно, дальше этого он не идет и не пытается конкретно назвать эти «структуры и механизмы», не хочет их анализировать. Поэтому он неспособен аргументированно критиковать капитализм, а ограничивается разговорами о «материалистической цивилизации» и «обществе потребления», то есть о таких понятиях, от наполнения которых каким-либо «классовым содержанием» можно уйти. В качестве «терапии» же Иоанн Павел II предлагает мировой торговле «руководствоваться законами здоровой конкуренции». Кроме того, нужно-де отыскать «подходящие механизмы», которые привели бы к «непосредственному и контролируемому перераспределению богатств». На вопрос же о том, как добиться перераспределения богатств, он отвечает следующим образом: «На этом трудном пути абсолютно необходимых структурных преобразований экономики успехи появятся только тогда, когда произойдет действительный переворот в умах, сердцах и чаяниях людей»:

Папа в своем описании мировых проблем и их структурных взаимосвязей идет довольно далеко, а в предлагаемой им стратегии опять-таки все сводит к традиционной в католицизме «реформе сердец», которая пока еще нигде не привела к таким структурным преобразованиям, какие имеет в виду Иоанн Павел II. Отсю-

да позитивные начала, касающиеся критики социально-политических структур и. содержащиеся в энциклике «Редemptor hominis», теряют свой смысл, и в конечном счете в папском обращении не остается ничего, кроме чистой апелляции к совести индивида. Но и этого достаточно, чтобы вызвать на себя гнев ультраправых власть имущих.

Нежелание пап 60 — 80-х гг. соблюдать все неписанные законы империалистического мира оборачивается против них. И те высшие буржуазные круги, которые оказываются недовольными верховным главой римско-католической церкви, прибегают к силовым приемам, к клевете, а то и к более действенным мерам. к случилось с папой Иоанном XXIII, которого реакционеры окрестили сумасбродом, с Павлом VI, которого несколько раз тались убить, с Иоанном Павлом I, без всяких на то видимых причин скончавшимся через 33 дня после своего избрания. На Иоанна Павла II было уже совершено покушений больше, чем на всех трех его вышеупомянутых непосредственных предшественков. Эти печальные события в судьбе религиозного деятеля Кароля Войтылы нашли отражение у многих пишущих о Ватикане. Израильский писатель Михаил Бар Зохар подробно описал драму Иоанна Павла II в своем романе «Двойной крест». Книга на английском языке вышла из типографии в мае 1981 г. и сразу превратилась в бестселлер: автор днями предвосхитил реальные события и ранение папы в апостольской столице. Ошибся он лишь местом действия, которое разворачивается на страницах его романа не в Риме, а в Иерусалиме, во время папского визита.

Чтобы понять феномен Иоанна Павла II, консерватора и традиционалиста, человека отнюдь не прогрессивных, но реалистических взглядов, необходимо более близкое знакомство с личностью папы. Для этого придется обозначить основные вехи на его жизненном пути¹. Кароль Вонтыла родился 18 мая 1920 г. в Вадовице, маленьком городке е 7000 жителей, который расположен в Бескидах, в 50 километрах южнее Кракова. Этот район в течение 146 лет (с 1772 по 1918 г.) находился под господством Австрии. В ноябре 1918 г. бывшие австрийские казармы в Вадовице занял 12-й пехотный полк польской армии. Среди его офицеров был и лейтенант Кароль Войтыла, отец будущего папы. Вместе с ним жили его жена Эмилия и старший сын Эдмонт. Через 9 лет после рождения младенца Кароля его мать Эмилия умерла, а вскоре погиб от заражения крови его единственный брат Эдмонт. начинающий врач. В гимназии Кароль был первым учеником по греческому

¹ Приводимые ниже биографические данные К. Войтылы взяты из работ: Tadeusz Karolak. John Paul II: The Pope from Poland. Warsaw, 1979; Jef de Roeck. Der Mann aus Polen. Dusseldorf, 1978; Adalbert Krims. Wojtyla. Politik und Programm des Papstes. Koln, 1982.

языку и латыни; вскоре он пробует свои силы и на сцене. Театр ввел Кароля в польскую литературу и вызвал у него особый интерес к польскому романтизму. С 15 лет Кароль занялся изучением немецких философов, в первую очередь Канта, Гегеля и Шопенгауэра. Таким образом, еще в детские годы сложились два стойких увлечения — польская поэзия и немецкая философия. В ранние годы Кароль не думал о карьере священника. Но уже с детства он был церковным служкой, а в гимназии возглавил организацию католической молодежи. В 1938 г. Кароль Войтыла с отличием окончил гимназию и продолжил учебу на философском факультете Ягеллонского университета в Кракове (один из старейших университетов в Центральной Европе). Помимо учебы он подвизался в качестве редактора студенческой газеты и вступил в театральную труппу под названием «Театральное братство», которая ежегодно в мае, во время краковского фестиваля, давала спектакли.

В конце летних месяцев 1939 г. произошло нападение гитлеровской Германии на Польшу. Первый налет немецкой авиации на Краков застал Войтылу в Вавельском соборе, где он прислуживал. Прошел октябрь, а учебный год все не начинался. На 6 ноября была назначена лекция эсэсовского оберштурмбанфюрера Мюллера, на которую предписывалось прибыть всему преподавательскому составу университета. Мюллер явился в сопровождении немецких солдат, все собравшиеся были арестованы, в том числе 18 бывших или действительных ректоров и проректоров, 50 деканов и их заместителей, 75 профессоров, представлявших различные польские и зарубежные университеты. Так была проведена операция гестапо под названием «Зондеракцион-Краков». Ничего подобного история европейских университетов еще не знала. Большинство арестованных были брошены в концлагерь Заксенхаузен. Каролю Войтыле удалось избежать насильственной депортации в Германию. Спасло его то, что учитель французского языка чудом раздобыл ему работу и Войтыла получил «удостоверение рабочего». Вначале он работал в каменоломне Закржовек близ Кракова, которая принадлежала фирме «Сольвей». Затем перешел на содовую фабрику той же фирмы, где работал подручным. В марте 1941 г. умер отец, последний родной человек. Вскоре после этого Войтыла вместе с одним из своих бывших преподавателей создал нелегальную театральную труппу. В то время театры в Кракове разрешалось посещать «только немцам». Вход полякам был запрещен, как запрещалось им слушать радио. Журналы по проблемам литературы и культуры вообще не издавались. Первое произведение, которое было поставлено этим подпольным театром, принадлежало перу Юлиуса Словацкого, польского поэта-романтика, который в XIX веке написал пророческие стихи о приходе в Ватикан папы славянина. Театр Войтылы осуществил за время оккупации в общей сложности 22 постановки.

В начале 1942 г. начались подпольные лекции в Ягеллонском (университете, причем на всех факультетах. За преподавание и учебу грозила смертная казнь, но на лекции собиралось до тысячи студентов. Войтыла был среди них с первой же лекции. Однако он не захотел продолжить курс полонистики, прерванный войной, а занялся христианской философией. Кроме того, он включился в также нелегально действовавший в Кракове семинар ксендзов при архиепископе. Когда нацисты вслед за восстанием в Варшаве начали осуществлять по всей Польше «акцию возмездия» («Черное воскресенье»), Войтыла не вернулся на фирму «Сольвей». Он последовал совету архиепископа Адама Сапегы, который прятал всех студентов-теологов в здании своей резиденции до самого окончания войны. Архиепископ Сапега с первого часа оккупации работал, на Сопротивление. Через несколько дней после нападения на Польшу он возглавил комитет гражданской помощи Кракова, участвовал в создании подпольного университета, поддерживал вооруженное сопротивление гитлеровскому фашизму.

17 января 1945 г. Краков был освобожден советскими войсками. Нацисты подготовили все к тому, чтобы взорвать город целиком. Но разрушить этот культурно-исторический центр фашистам не удалось благодаря мудрой тактике советского командующего генерала Конева, Уже в марте Ягеллонский университет смог возобновить, нормальный учебный процесс. Кароль Войтыла был к этому времени на четвертом курсе.

В августе 1946 г. Войтыла сдал выпускные экзамены по геологии, был возведен в сан священника и направлен в Рим, где в течение двух лет изучал доминиканскую философию в папском университете. Во время каникул по совету кардинала Сапегы занимался в Северной Франции и Бельгии с опытом пастырской работы, при этом особенно интересовался организациями христианской молодежи. В июне 1948г. Войтыла возвратился в Польшу и вскоре вступил в свою первую должность в качестве помощника священника в небольшом приходе под Краковом. Он проработал здесь с августа 1949 по 1951 г. И снова учеба, на этот раз в области христианской философии морали. С конца 1951 г. Войтыла работает над докторской диссертацией по теме «Определение возможностей создания христианской этики на основе системы Макса Шелера». Защита прошла успешно, и с октября 1953 г. Кароль Войтыла был приглашен в качестве профессора теологии морали и социальной этики в краковскую духовную семинарию. В 1954-1955 гг. он возглавляет также преподавание этики а факультете христианской философии католического университета в Люблине. В 1956 г. становится старшим преподавателем по проблемам этики того же университета и сохраняет за собой ту должность вплоть до избрания на святой престол.

В бытность свою преподавателем в Люблинском университете Войтыла выступил также в качестве автора многих работ по вопросам христианской философии и теологии морали, которые были опубликованы в специализированных изданиях в краковском католическом еженедельнике «Тыгодник повшехны», с которым он всегда был тесно связан. В этом издании Войтыла опубликовал под псевдонимом и многие свои стихи. В те же годы он работает над крупным произведением «О любви и ответственности», которое позже было переведено на многие иностранные языки.

В июле 1958 г. Кароль Войтыла получил сообщение о том, что папа Пий XII произвел его в викарии Кракова. 28 сентября тогдашний архиепископ Бажияк посвятил Войтылу в Вавельском соборе в епископы. В свои 38 лет Войтыла был самым молодым членом польского епископата. После смерти архиепископа Бажияка в июне 1962 г. епископ Войтыла возводится в сан соборного викария краковского архиепископства. К этому времени папа Иоанн XXIII созывает Второй ватиканский собор. Епископ Войтыла принимает участие во всех четырех сессиях собора и в числе других занимается разработкой догматической конституции о церкви, а также пастырской конституции «Гаудиум эт спес» («О церкви в современном мире»). В декабре 1963 г., после второй сессии собора, новый папа Павел VI возвел Войтылу в сан архиепископа Кракова. Через три с половиной года, в мае 1967 г., Войтыла стал кардиналом. В его 47 лет он был самым молодым членом коллегии кардиналов.

Годом позже Павел VI опубликовал свою спорную энциклику, в которой запретил католикам принимать любые меры и средства против зачатия. Ходили разговоры, что появление энциклики было, по меньшей мере, инспирировано кардиналом Войтылой. Во всяком случае, в ней использованы многие фрагменты из его работы «О любви ;И ответственности».

В 1969 г. верховный пастырь Кракова избирается заместителем председателя, польской конференции епископов, становясь тем самым вторым человеком в католической церкви страны после кардинала Вышинского. Кроме того, Войтыла исполняет ряд функций в Ватикане, являясь, к примеру, членом папского совета светских католиков и членом постоянной комиссии синода епископов. Он участвовал во всемирных евхаристических конгрессах — в 1973 г. в Мельбурне и в 1976 г. в Филадельфии. Слухи о том, что Войтыла может стать в будущем папой, впервые появились в 1974 г., когда в Риме был проведен конгресс к 700-летию Фомы Аквинского. На этом конгрессе архиепископ из Кракова выступил в роли главного докладчика.

Вслед за этим биографическим очерком обратимся к вопросу о том, какую роль сыграл Кароль Войтыла в польском католицизме. Отметим, что его большая популярность среди польских католиков проистекала из конфликта Войтылы с официальными вла-

стями. И это в то время как примас католической церкви кардинал Вышинский был для верующих символом единства, преемственности и самосохранения польского католицизма. Вот где пригодились Войтыле его многолетние упражнения на театральной сцене, выработанное умение влиять на публику. В противоположность Войтыле кардинал Вышинский никогда не отдавал предпочтения внешним аксессуарам.

Однако первый и второй человек в епископате Польши различались между собой не только по производимому ими внешнему впечатлению, но и по тем тенденциям, которые каждый из них представлял в польском католицизме. Естественно, эту оценку не следует воспринимать прямолинейно, как если бы между Вышинским и Войтылой существовали принципиальные разногласия: польский епископат всегда выделялся своим исключительным единством и сплоченностью. И было бы неверно говорить о существовании в нем каких-то «фракций». Но все же должно сказать, что в вопросах внутрицерковной жизни Войтыла проявлял большую мобильность, нежели Вышинский. Разумеется, Войтыла также никогда не был «реформатором церкви» в том плане, как это понимается западным католицизмом, но он был склонен к обновлению пастырской практики и к постоянному диалогу с католической интеллигенцией. Со своей стороны примас Польши считал ненужным, скорее вредным, всякое «приспособление» церкви к жизни. Мысль же о том, что церковь может чему-то научиться у современного мира, отвергалась им в своей основе. Он считал, что подобный подход «размягчил и расшатал» бы раз и навсегда установленный порядок. В то же время Вышинский считал — что пост примаса является одновременно институтом и общенациональным, и в известном смысле «общегосударственным». Поэтому он всегда проявлял готовность к обсуждению общенациональных вопросов с государственными властями, хотя в силу своей идеологической позиции он и отрицал последние. Для Вышинского было естественным встречаться с представителями партии и государства в кризисных ситуациях и даже оказывать им поддержку в некоторых конкретных вопросах, ставивших локальные цели. Он оправдывал такую форму сотрудничества тем, что атеисты представляют собой законную власть и в этом качестве решают задачи и несут ответственность в масштабе всей нации. Тем самым в специфических ситуациях он ставил понятия авторитет и нация выше понятия атеист. Такая линия поведения объясняет, почему Вышинский никогда не проявлял склонности к блокированию с оппозиционно настроенными атеистами, а тем более с «диссидентами». Эти круги были для него в идеологическом плане столь же недостойными, как и правящие атеисты, и не располагали никакими качествами, позволявшими или заставлявшими блокироваться с ними. Более того, он считал, что эти круги создают угро-

зу монополии католической церкви на оппозицию. В отличие от Вышинского Кароль Войтыла проявлял меньшую готовность к сотрудничеству с государственной властью.

Кардинал Кароль Войтыла, заместитель примаса и архиепископ Кракова до своего избрания на папский престол под именем Иоанна Павла II, многие годы выгодно для С. Вышинского оттенял его умеренные взгляды, открыто критикуя примаса с позиций правых сил в главном совете польского католического епископата.

Войтыла публично выражал свое несогласие с «восточной политикой» задуманной папой Павлом VI, и считал, что в области взаимоотношений с социалистическими странами Ватикан шел на неоправданно большие компромиссы. Он критиковал главным образом прямые переговоры святого престола с польским партийным и государственным руководством, что, по его мнению, ослабляло «независимость и авторитет» польской церкви. Надо сказать, в отличие от Войтылы, примас Польши кардинал Вышинский допускал, что помимо интересов церкви существуют также интересы государства и что их гармония необходима. Вышинский отказывался ввязываться во многие конфликты между церковью и государством, которые неустанно разжигали клерикалы под влиянием Войтылы.

Архиепископ Кракова был неутомимым и красноречивым проповедником, умелым политиком и производил впечатление человека решительного, динамичного, что позволило ему завоевать популярность у части польских верующих. Когда осенью 1977 г. Вышинский заболел, немедленно распространился слух, что Войтыла является наиболее серьезным кандидатом на пост примаса Польши.

Дипломатические способности Войтылы проявились в его усилиях наладить хорошие отношения с западными религиозными и политическими кругами. В качестве вице-президента польского епископата Войтыла имел больше заслуги в достижении того, что называют «примирением» между польским и западногерманским епископатами. (Он был «вознагражден» за свои старания благосклонным вниманием церковной иерархии ФРГ во время баллотировки его кандидатуры на пост папы. Архиепископ Мюнхена, кардинал Ратцингер от имени западногерманских кардиналов предложил первой кандидатуру Войтылы).

Войтыла также установил прочные контакты в Соединенных Штатах, много ездил и выступал перед американской аудиторией, особенно в 1977 г. Он высоко отзывался о президенте Дж. Картере, поддерживал еще до прихода в Ватикан личные отношения с помощником Картера З. Бжезинским. Последний обеспечивал поддержку американских кардиналов для восшествия на святой престол папы Иоанна Павла II в октябре 1978 г.

Американцы помимо заинтересованности в ликвидации гегемонии пап итальянского происхождения (263 папы за 456 лет

— и все итальянцы) стремились превратить католическую церковь в важный политический институт борьбы против реального социализма. В США помнили, как во времена папы Павла VI Ватикан не одобрял политику президента Дж. Картера в отношении «диссидентов» из социалистических стран, считая этот подстрекательский курс «несвоевременным». В ФРГ, со своей стороны рассчитывали на вклад Войтылы в решение «германской проблемы», а также на усиление позиций западногерманской церкви в аппарате Ватикана.

Реакция средств массовой информации США и Западной Европы на избрание Войтылы обнаружила надежды, которые эти страны возлагали на личность нового папы. Так, в лондонской буржуазной печати можно было прочитать, что избрание Войтылы является «вторым драматическим событием мировой истории» после разрыва между СССР и КНР.

«Папа-полакко», «папа-поляк», как называли его итальянцы, не собиравшись оставаться «узником Ватикана» и не в пример сотням своих предшественников стал колесить по миру, подобно руководителю какого-нибудь концерна или международной организации.

Империалистическую прессу, телевидение заполонили с конца 1978 г. репортажи о путешествиях по десяткам стран папы римского Иоанна Павла II. Только за первые два года нового папу принимали в ООН и в ЮНЕСКО, в 4 американских, 4 азиатских, 6 африканских и 4 европейских государствах.

Визит в любую страну «паломника мира», как сам характеризовал себя святой отец, обходился в миллионы долларов — самые крупные политические шоу в истории человечества. На торжественной мессе в Филадельфии, которую служил папа, одновременно присутствовало на улицах и площадях полтора миллиона американцев, не говоря о сотне миллионов телезрителей.

Западные немцы в ответ на просьбы журналистов поделиться впечатлениями от визита папы-поляка в ФРГ начинали с главного: дорого! Немцы умеют считать деньги. 10 или 20 млн. марок прямых или косвенных затрат на организацию визита святейшей особы показались им неоправданной, пустой тратой.

Посещая десятки зарубежных городов разных континентов, руководство римской курии, казалось, переместилось из Ватикана в небеса, в роскошные апартаменты папского «Боинга». Спускаясь на землю, «мобильный папа» проезжал сотни километров по живому коридору, не уставая приветствовать бесчисленные толпы верующих и просто любопытных. Днем — стоя в окружении телохранителей на высокой автомобильной платформе, ночью — сидя в автобусе, один в ярко освещенном и со всех сторон прозрачном салоне из пуленепробиваемого стекла.

И этого церковного деятеля правая пресса пыталась избраться в образе «папы-молчальника», якобы преследовавшегося за свои убеждения в социалистической Польше в период деятельности его в Кракове! Папа Иоанн Павел II стал для Запада «нужным человеком в нужное время», по выражению американского «советолога» Д. Шейнора. Так ли это?

Западные политики и комментаторы охотно соглашались с тем, что первый в истории современного католицизма факт избрания папой римским не итальянца был связан не только и не столько с собственно религиозными задачами Ватикана. Проводились прямые параллели между приходом «кардинала с Востока» и развернувшейся на Западе политической кампанией в «защиту прав человека».

В 1978 г. главой римского престола был избран деятель, влиятельный в религиозном мире не только теологическими, но и социальными воззрениями, поборник сильной католической церкви, известный своими взглядами относительно необходимости расширения международной деятельности Ватикана и активизации его «восточной политики». Буржуазная пресса писала о новом папе, чуть ли не как о вдохновителе «крестового похода» церкви против социализма. Так ли уж воинственен был новый папа?

Возникновение «восточной политики» связано с переоценкой Ватиканом перспектив развития социализма в мире. Папа Пий XII (1939-1958) рассматривал социализм как кратковременное явление, которое церковь должна была пережить. В свою очередь папа Иоанн XXIII (1958-1963) считал стабилизацию социалистической системы уже завершённой: в той или иной мере произошёл отказ церкви от позиции непризнания нового строя, следствием чего, по мнению папы, должно быть ослабление нападков государства на церковь. Свою мысль папа иллюстрировал ссылками на соответствующие периоды из истории конфликта между церковью и «либеральным государством» в XIX веке, завершившегося сотрудничеством. В своей известной энциклике «Пацем ин террис» («Мир на земле», 1963) папа Иоанн XXIII утверждал, что в области общественной практики католик должен сотрудничать с людьми материалистического мировоззрения в том случае, если «они делают доброе дело или же такое дело, которое может стать добрым». В развитие этой идеи папа Павел VI (1963-1978) пошел на признание успехов, достигнутых странами социализма. Для позиции Павла VI, по мнению буржуазных специалистов, был характерен пессимизм в оценке будущего церкви и страх перед возможной победой коммунизма во всем мире. Находясь перед дилеммой — про-

должение бескомпромиссной и столь же бесперспективной идеологической борьбы с коммунизмом или попытка перенести центр тяжести в область политическую, эластично приспособляясь к взглядам противника в смутной надежде когда-либо его переубедить, — папа Павел VI выбрал последнее, что и было названо им «восточной политикой».

Особая политика Ватикана по отношению к социалистическим странам могла быть реализована только в условиях разрядки международной напряженности. Более того, «восточная политика» Ватикана проявилась как составная часть политики разрядки. Этой связи не отрицал и папа Павел VI, который во время визита в Ватикан (1977 г.) Первого секретаря ЦК ВСРП Я. Кадара определил принципы «восточной политики» как «диалог в целях поддержания религиозного мира в отдельных странах», как «разрядку, мир и международное сотрудничество, осуществляемые с уважением компетенции обеих сторон», и как «метод для разрешения конкретных проблем».

Последние годы правления Павла VI сопровождались обострением критики его политики по отношению к социалистическим странам, вызванной страхом перед «возможными уступками» папы в пользу коммунизма. От папы требовали «решительной» защиты «угнетенных» церквей на Востоке, поддержки религиозных и политических диссидентов в социалистических странах. С резкой критикой положения церквей и верующих в этих странах выступил на V Синоде епископов (1977 г.) тогдашний краковский архиепископ К. Войтыла. Под давлением критики как в рядах мирового епископата, так и со стороны реакционных сил Запада Ватикан изменил тон своих публикаций о положении церквей в социалистических странах на страницах своей ежедневной газеты «Оссерваторе романо». «После длительного периода молчания», начиная с 1976 г. появились первые заметки о преследованиях «религиозных диссидентов». По мнению буржуазных специалистов, Ватикану не удалось создать максимально устойчивой и приемлемой формы для отношений не только с правительствами, но и епископатами социалистических стран.

Программа, которую поставил перед католицизмом новый папа, претендует на превращение Ватикана в духовный центр мира, в международного арбитра по всем основным конфликтным проблемам в отношениях между странами и даже мировыми системами. Как подчеркивают специалисты, Войтыла «мечтает стать великим папой». Выступая перед дипломатическим корпусом, спустя несколько дней после избрания (20 октября 1978 г.), Иоанн Павел II сказал, что «если и есть в мире место, в котором все народы должны сосуществовать в мире и находить

уважение, симпатию, широкое стремление к...счастью и прогрессу, то это место, конечно, здесь, в центре церкви, вокруг апостольской столицы...». «Смысл понтификата, — по мнению итальянского специалиста, члена ИКП А. Сантини, — заключается в том, что церковь предлагает самое себя в качестве великой моральной силы, способной дать ответ на кризис современного, человека» («Критика марксиста», Рим, № 4, 1979 г.).

С первых дней правления новый папа не замедлил подтвердить большую заинтересованность в перспективах развития католической церкви в социалистических странах. Он принимал министров иностранных дел и делегации из ряда социалистических стран, обменивался посланиями с большинством руководителей социалистических государств. В телеграмме, направленной в адрес руководителей ПНР (от 17 октября 1978 г.), новый папа прямо объявлял о своем намерении «продолжать восточную политику в духе диалога, начатого великими предшественниками, имена которых я ношу».

Свою позицию по отношению к социалистическим странам Иоанн Павел II особо изложил в многочисленных речах во время поездки в ПНР (2-10 июня 1979 г.). В них (главным образом в Гнезно и Ченстохове) нашли свое выражение основополагающие идеи, являющиеся идеологическим обоснованием новой «восточной политики» папства. Особое место в папских выступлениях в Польше заняла проповедь в Освенциме (7 июня). При ее оценке комментаторы выделили и «необычайный душевный подъем», с которым говорил папа, и тот факт, что Ватикан впервые в подобной безапелляционной форме осудил нацизм — «безумную идеологию, которая хотела растоптать не только веру в человека, но и все признаки человеческого достоинства, человечности», назвав Освенцим «Голгофой нашего времени». Для понимания характера формируемой папой стратегии новой «восточной политики» необычайно важными были слова признания в адрес советского народа. «Мы знаем, — сказал папа, останавливаясь перед плитой с надписью на русском языке, — о каком народе она говорит. Знаем, каково было участие этого народа в последней, самой страшной войне за свободу людей. И мимо этой плиты нельзя пройти безразлично». Как призыв к диалогу с социалистическими странами были расценены слова папы о том, что «любовь конкретизируется в диалоге с другим, в умении найти и признать, сколько хорошего и положительного может быть и у того, кто мыслит категориями, отличающимися от наших, а также у того, кто, будучи честным, искренне ошибается» (Освенцим, 7 июня). «Мы отдаем себе отчет в том, что этот диалог не может быть легким, потому что это диалог между двумя диаметрально противоположными концепциями мира, но он должен быть осуществлен и должен принести положитель-

ные результаты, если этого требует благо человека и нации», — заявил Иоанн Павел II. Подводя итог своему пребыванию в ПНР, папа еще раз обратился к необходимости диалога, рассматривая свой визит как очередной шаг на этом пути, как «акт мужества» со стороны церкви и государства, необходимый для взаимопонимания и сотрудничества в интересах мира и прогресса человечества.

В качестве теоретического обоснования «восточной политики» Ватикана новый папа выдвинул идею борьбы за восстановление духовного единства Европы. В речи в Ченстохове папа заявил: «Европа, которая среди современных, постоянно продолжающихся и углубляющихся идеологических социально-политических и экономических разделов не перестает искать своего первоначального единства, должна обратиться к христианству». При этом в отличие от Павла VI папа Иоанн Павел II рассматривал в более благоприятном свете перспективы развития церкви именно в социалистических странах, неразвращенных потребительскими настроениями, характерными для стран Запада. Более того, именно в этом районе мира папа видел источник для «нового духовного обновления Европы». В качестве первоосновы для духовного объединения и возрождения Европы папа предложил «христианский панславизм». Папа-славянин выступил с программой воскрешающей в памяти период средневековья, когда католические славянские земли, в первую очередь Польша, рассматривались как «бастион» Западной Европы против «варварского Востока». В новых условиях Иоанн Павел II предлагает «христианский панславизм», напоминающий концепцию объединенной Европы («от Атлантики до Урала»), сторонником которой был генерал де Голль. Тем самым папа Иоанн Павел II придал «восточной политике» Ватикана новый масштаб, переводя ее из разряда политики, «обеспечивающей условия существования» местных церквей, на уровень «политики, имеющей значение для судеб всего человечества, в рамках борьбы за мир и прогресс». Такой курс политики Ватикана можно было трактовать по-разному.

Налицо стремление американской и части западноевропейской буржуазной прессы рассматривать визиты папы в Польшу, как в 1979 г., так и в 1983 г., через призму надежд реакции на изменение «восточной политики» Ватикана в сторону усиления в ней элементов конфронтации, на дестабилизацию положения в социалистических государствах. Западные аналитики рассматривали указанные визиты не иначе как идеологическую конфронтацию и пытались делать выводы для определения стратегии империалистической пропаганды в Польше. Ибо политически эти визиты рассматривались Западом как «нашествие» на одно из важнейших государств социалистического со-

дружества. Подобные оценки «восточной политики» Ватикана можно найти во многих откликах буржуазной прессы. Примером является комментарий лондонского журнала «Спектейтор» (9.2.1980) на программу соединения церквей, выдвинутую Иоанном Павлом II. Предлагаемый восточным церквам диалог, пишет на страницах этого журнала П. Хеблсуэйт, «поможет подорвать советскую империю изнутри. Это долгосрочная стратегия Ватикана. Детали могут быть не ясны, но общий дух ясен». Именно такой хотел бы видеть Запад «восточную политику» Ватикана. Вместе с тем американская буржуазная печать с тревогой отмечала претензии Ватикана на роль посредника между двумя «блоками». «Мировая общественность, — писал еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» (8.10.1979), — видит в папе возможного посредника между Востоком и Западом».

В мировой печати распространились сведения об усилиях Ватикана в деле смягчения напряженности в отношениях между США и СССР. «Международная политическая стратегия папы Войтылы, — отмечал в миланском журнале «Панорама» (17.12.1980) известный итальянский специалист по ватиканской внешней политике М. Леоне, — отныне имеет совершенно четкие контуры: способствовать диалогу между Западом и Востоком по всем возможным вопросам и везде, где это только возможно, помня о тех странах Восточной Европы, которые извлекают пользу во внутривнутриполитическом плане из любого развития процесса разрядки международной напряженности». Правильная оценка. В связи с которой нужно заметить, что до сих пор Иоанн Павел II не сделал в прямой форме ни одного прямого антисоветского заявления. Как уже говорилось, папа публично высказывался против размещения американских ракет среднего радиуса действия в Западной Европе и пытался оказать в этом смысле воздействие на правительства Италии и ФРГ. Папа не поддержал американского требования о бойкоте Олимпийских игр в Москве и не сделал антисоветских заявлений по поводу событий в Афганистане. «Сдержанностью» характеризовалась, по мнению западных наблюдателей, и позиция папы в отношении событий 1980–82 гг. в Польше. По сведениям, которые имеются у западных информационных агентств, подобную сдержанность сам папа объяснял «боязнью неверной интерпретации».

Более двойственной была позиция польского епископата, который, по словам американского журналиста Д. Дарнтонна («Нью-Йорк тайме», 2 ноября 1979 г.), выступает в роли «своеобразной лояльной оппозиции, настаивая на удовлетворении своих требований, но сотрудничающая с властями в кризисных ситуациях». В 1970 и в 1976 гг., когда контрреволюцион-

ные силы использовали взрывы недовольства рабочих против повышения цен и по поводу экономических проблем, кардинал Вышинский призвал к сдержанности, и его призывы были услышаны. Подобная схема поведения кардинала характерна и для лета 1980 г. Конец 1979 и начало 1980 г. характеризуется резкой критикой, которой кардинал Вышинский подверг руководство страны за «беспечность» и «неэффективность» в организации снабжения населения. В принятых епископскими конференциями документах констатировался глубокий моральный и социальный кризис, переживаемый польским обществом, и содержался призыв к предоставлению церкви реальной возможности для сотрудничества с государством в деле «морального оздоровления» общества. 171-я конференция епископата (декабрь 1979 г.) назвала как дезорганизующие общественную жизнь: недобросовестный труд, коррупцию, алкоголизм, всеобщее разочарование и углубляющееся равнодушие. В качестве одной из экономических трудностей была названа растущая коррупция, которая наряду с «порочным методом назначения людей в государственном и хозяйственном аппаратах» «дезорганизует рынок, еще больше ухудшает обстановку в стране, порождает в обществе чувства несправедливости и бессилия». Епископат призывал к добросовестному труду и к моральному обновлению, невозможному, по его словам, без деятельного участия церкви. Начавшиеся в июле 1980 г. забастовки не только не вызвали осуждения со стороны епископата, но фактически были им поддержаны.

Расширение и обострение конфликта в Польше активизировали деятельность Ватикана и руководства епископата. 20 августа нарушил свое молчание папа, призвав молиться за Польшу во время генеральной аудиенции на площади Св. Петра. Одновременно по ватиканскому радио выступил кардинал Вышинский. 21 августа папа направил польскому епископату послание, со словами поддержки «народа, борющегося за насущный хлеб и социальную справедливость». Комментируя позицию епископата и Ватикана, итальянская буржуазная газета «Джорно» (23.8. 1980) писала: «Складывается впечатление, что эта сила делает ставку на уверенность, что она снова выдвигает церковь для выполнения высокой миссии — посредничества. Трудно представить себе, какой другой институт смог бы играть в Польше в настоящее время эту роль при таком положении, когда остается все меньше возможностей для политических маневров и, в период, когда дело близится к опасному фронтальному столкновению, которое было бы убийственным для мира во всем мире»

Кристаллизация позиции церкви по отношению к развитию событий была продемонстрирована в коммюнике заседания главного совета польского епископата и в проповеди в Ченстохове, с которой выступил кардинал Вышинский (26 августа). Эта проповедь, полный текст которой был опубликован католическими газетами, а обширные фрагменты центральными газетами страны, а также передан по радио и телевидению, определяла позицию епископата как требующую «спокойствия, благоразумия и ответственности за весь польский народ». От народа же «требуется ответственность, выполнение своих обязанностей и прав, создание рабочей атмосферы». «Мы не можем ожидать помощи с неба», — сказал кардинал. Вышинский призвал верующих к добросовестному труду, к устранению ущерба, нанесенного забастовками и безхозяйственностью, к соблюдению режима экономии. «Я считаю, — заявил он, — что не следует выдвигать слишком высокие требования для восстановления в Польше порядка, хотя требования часто справедливые, и вообще они правильные, но их нельзя немедленно выполнить. Поэтому необходимо в первую очередь выполнить основные, жизненно необходимые предложения... Мы должны постоянно совершенствовать наши органы, управления, повышать моральный уровень труда для приумножения нашего благосостояния. Выполняя наш долг, мы тем самым будем иметь более прочные основы для своих прав. Следует обратить большее внимание на собственные ошибки, и тогда болезненная нынешняя ситуация четко укажет на наш невыполненный долг перед родиной, а также пути разрешения существующих сложностей» («Трибуна люду», 27.8.1980). Более того, признав за рабочим право на забастовку, кардинал назвал ее «дорогостоящим аргументом», последствия которого «довлеют над всей национальной экономикой и наносят удар по жизни нации, семьи и каждого человека». Существует версия, что кардинал послал своего личного представителя в Гданьск, который сумел убедить руководителей стачечного комитета подписать соглашение с правительством.

Ни на одного западного политического руководителя империализм не возлагал таких огромных надежд, как на нового папу из социалистической страны. Эта ставка тем внушительнее, чем необычнее выглядит сам факт восшествия на престол в апостольской столице папы неитальянца, папы незападника, папы К. Войтылы, уже одним своим польским происхождением обязанного, по мнению реакционных кругов, радикальным образом способствовать решению вопроса о социализме в Польше.

Эти реакционные круги даже готовы были допустить, что папа должен в конце концов лично возглавить польскую контрре-

волюцию и таким образом гарантировать начало гражданской войны в Польше. Подобная идея не преувеличение: американская телекомпания Эн-Би-Си (21.9.1982) уверяла, что папа якобы грозил еще в 1980 г. сложить с себя высочайшие полномочия, вернуться в Польшу и примкнуть к оппозиционерам. Иоанн Павел II имеет, как известно, собственные, совершенно определенные — и не совпадающие с вашингтонскими — взгляды на польские события. Корреспондент американского информационного агентства ЮПИ (19.12.1981) передал из Рима симптоматичное высказывание, возвратившегося из Вашингтона государственного секретаря Ватикана Агостино Казароли. Кардинал заявил представителям печати в римском аэропорту, что его беседы с президентом Рейганом и другими должностными лицами США создали впечатление, что американские власти не располагают достаточно достоверной и полной информацией, чтобы дать всеобъемлющую и правильную оценку событиям в Польше.

Весной 1981 г. кому-то на Западе очень надо было взбодрить массы верующих в ПНР, которые уже устали от нестабильности, забастовок и нужды, любой ценой, даже с помощью из ряда вон выходящей преступной акции, воспламенить фанатизм в Польше и ввергнуть ее в пучину войны. Такая акция в принципе существовала — убийство папы. Ее видели, предугадывали многие. Покушение на папу, главу римско-католической церкви Иоанна Павла II было действительно совершено — 13 мая 1981 г. в Ватикане, на глазах у тысяч верующих и туристов. Турка, стрелявшего в папу, арестовали. Обращает на себя внимание, что неофашистский террорист Мехмед Али Агджа, как сообщили иностранные информационные агентства, пытался сначала выдать себя за... «палестинца». Как здесь не предположить, что речь шла провокации с далеко идущими целями! Страницы западной печати наполнились пространными умозаключениями, гаданиями о том, не замешана ли здесь «рука Москвы». Не имея никаких доказательств и оснований, империалистическая пропаганда, как обычно, распустила клеветнический и провокационный слух, а затем, отталкиваясь от него, стала распространять всякие домыслы.

Правда, на этот раз смолчать было нельзя. И политический обозреватель Агентства печати Новости Владимир Катин опубликовал статью в официальном бюллетене советского посольства в Италии. Говоря об абсурдности всей антисоветской и антипольской клеветы по поводу случившегося 13 мая в Ватикане, В. Катин писал, что с таким же успехом в этом вопросе можно бросить тень на Соединенные Штаты Америки.

Действительно, посланец президента Р. Рейгана был принят в марте Иоанном Павлом II и услышал из уст святого отца не-

мало упреков: папа, в частности, сказал ему, что мир можно гарантировать соглашениями, а не наращиванием вооружений; что положение в Сальвадоре должно быть урегулировано мирным путем, а не развязыванием там гражданской войны с помощью американского оружия и американских военных советников; что на Ближнем Востоке нужно учитывать интересы палестинского народа и т. д. Замечания папы вызвали приступ ярости в Вашингтоне. Тем более что Иоанн Павел II незадолго до беседы с американским посланником принимал президента Демократического и революционного фронта Сальвадора, имел контакты с руководством Организации освобождения Палестины, высказывался против аннексии Иерусалима Израилем и направил на Ближний Восток монсеньора Илариона Капуччи, бывшего архиепископа Иерусалима, приговоренного когда-то Израилем к 12 годам тюрьмы за поддержку дела палестинского движения.

Так были или нет у США причины быть недовольными папой? Статья АПН была замечена и, по словам журнала «Фигаро-магазин» (5.9.1981), президент Рейган сильно негодовал. Дело здесь, разумеется, не в публикации Агентства печати Новости. Подводимые западной прессой итоги пребывания Вой-тылы на папском престоле были подчас малоутешительны для американской администрации. Рейган еще только готовился услышать весть о своем избрании президентом США, когда итальянский журнал «Панорама» (27.10.1980) опубликовал статью о политике Ватикана, в которой говорилось, что первые два года правления папы Иоанна Павла II потрясли католическую церковь: это были дни полные сюрпризов, эмоций, противоречий, в том числе глубоких.

«Папа Войтыла сразу же дал понять, что есть одна область, в которой он оставит свой след, а именно внешняя политика. Он начал с того, что Ватикан с большим успехом стал играть деликатную роль посредника между Аргентиной и Чили, отчаянно враждовавших друг с другом из-за островов в проливе Бигл. Это вызвало недовольство многих католиков, которые не одобряли попытку папы участвовать в урегулировании внутренней проблемы в отношениях между двумя военными диктаторскими режимами. Еще не улеглось недовольство по этому поводу, как на первых полосах газет, совершенно поразив общественность, появилось сообщение о том, что Ватикан восстановил дружественные отношения с Китаем, т.е. добился той цели, которой папа Павел VI добивался в течение всех пятнадцати лет своего пребывания на папском престоле, терпя одну неудачу за другой.

Шесть недель спустя поездка Войтылы в Соединенные Штаты вызвала недовольство прогрессивно настроенных

католиков. Но едва он появился на трибуне Генеральной Ассамблеи, ООН в Нью-Йорке, как у представителей многих стран волосы на голове встали дыбом: он начал яростную обвинительную речь против апологии потребительства и несправедливого распределения материальных благ. «Не следует забывать о том, что человек, хотя ему и необходимы для жизни ресурсы материального мира, не может быть его рабом; он должен быть его господином», — сказал он, и эти слова вызвали бурные аплодисменты у представителей стран третьего мира. Никакой другой папа никогда не произносил публично подобных слов, к тому же с такой горячностью и в стране, где капитализм почти превратился в религию.

Еще один удар американцам Иоанн Павел II нанес в декабре 1979 г.: во время полемики между США и СССР по вопросу о разведении крылатых ракет и ракет «першинг» в странах-членах НАТО нунциатуры (т.е. ватиканские дипломатические представительства) развернули лихорадочную деятельность, оказывая нажим на правительства стран половины Европы, стараясь воспрепятствовать созданию новых ракетных баз, вызывающих недовольство русских, и способствовать началу переговоров.

Цель была очевидной: спасти диалог между Востоком и Западом во что бы то ни стало везде, где только возможно, чтобы воспрепятствовать возобновлению холодной войны, которая может отрицательно сказаться на странах Восточной Европы. Вот почему даже тогда, когда США развернули грубую кампанию за бойкот летних Олимпийских игр в Москве, Войтыла не испытал ни малейших сомнений в отношении необходимости вести борьбу против экстремистских позиций.

С этой минуты папа думал только об одном: если США трудно продолжать диалог с СССР, значит, нужно найти кого-либо другого, кто бы это делал. И ватиканская дипломатия, тщательно проинструктированная государственным секретарем Казроли, решительно двинулась на Париж и Бонн.

И вот тут правые круги католической церкви задрожали. Позиции и политика Ватикана, по их мнению характеризуются слишком большой готовностью к сближению с коммунистическим миром. Но это только видимость. «В действительности папа Иоанн Павел II лишь разрушил ледяную стену между двумя блоками, которые противостоят друг другу в Европе», — разъясняет дон Вирджилио Леви, заместитель директора газеты «Оссерваторе романо», точно выражающий политические взгляды папы.

Это первая серьезная атака на раздел мира на две сферы влияния, санкционированный союзниками, одержавшими победу в 1945 г. Иоанн Павел II продолжает эту атаку убежденно, без недомолвок, делая ставку на новую концепцию Европы, стоящей над государствами и над идеологическими расхождениями, — Европы, сплоченной не столько экономическими или политическими интересами, сколько общими христианскими принципами. Несмотря на давнишнее деление Европы на режимы, идеологии, экономико-политические системы, она не может перестать добиваться своего единства: она должна обратиться к христианству, заявил папа, выступая 5 июня 1979 г. в Ченстохове перед польскими епископами».

Иоанн Павел II еще не раз давал Рейгану поводы для беспокойства. В январе 1982 г. Ватикан опроверг заявление Рейгана о том, что папа римский одобряет его экономические санкции против ПНР. Во время июньской 1982 г. встречи с папой в Ватикане президент США настойчиво призвал главу католической церкви занять в отношении Польши более жесткую позицию, усилить давление на руководство страны, используя возможности клира и его контакты с различными антиправительственными группами. Рейган рекомендовал папе нанести визит в ПНР в августе 1982 г. под предлогом участия в религиозном празднике в Ченстохове и официально поставить соответствующий вопрос перед польскими властями, несмотря на очевидные в тот период сложности для реализации планов визита. Рейган обратился также к Иоанну Павлу II с просьбой оказать сдерживающее влияние на католических священников, участвующих в антивоенных движениях на Западе.

Видимо по прямому указанию Рейгана американская пропаганда продолжает эксплуатировать тему мнимой причастности коммунистических и прогрессивных сил к «международному терроризму», отвлекая внимание от непосредственного «героя» всех этих грязных дел — ЦРУ. Ведь уже доказанным является то, что дестабилизация положения в иностранных государствах, в том числе и в Западной Европе, — главная цель ЦРУ. Свое несогласие с подобными взглядами и делами Вашингтона Иоанн Павел II более чем наглядно выразил представлением 15 сентября 1982 г. получасовой аудиенции (сообщения для прессы, совместные позирования перед фотоаппаратами и телеоператорами) шефу палестинского движения сопротивления Ясиру Арафату, прибывшему в Рим для участия в конгрессе Всемирного парламентского союза. В ответ на ожесточенные нападки Израиля и США, вплоть до попыток оказать на него давление, папа направил для встречи, а затем и для проводов Я. Арафата в римском аэропорту своего личного

представителя И. Капуччи, палестинца, бывшего архиепископа Иерусалима.

В 1980 г. папа Иоанн Павел II отказался своим авторитетом и влиянием поддерживать правящую демохристианскую партию, чем в немалой степени способствовал, ее поражению и приходу к власти в Италии социалистов. Начало понтификата Иоанна Павла II предвещало конец «политического католицизма», особенно в Италии (в других западных странах он уже отошел в прошлое), т.е. привилегированного положения христианско-демократической партии, которая ищет в церкви и в Ватикане — по привычке и ради собственной выгоды — гаранта или хотя бы отправную точку. Обновляющаяся католическая церковь заинтересована в проникновении в различные общественные движения, в том числе и в те, что мировоззренчески далеки от христианства. По мнению Иоанна Павла II, церкви следует быть открытой для нерелигиозных буржуазных движений любого типа, для близких марксизму идейных течений. В условиях идеологического и морального загнивания Запада католицизм выдвигает собственную шкалу нравственных ценностей, которая подверглась меньшему распаду, чем другие буржуазные системы ценностей, и демонстрирует пока на этом фоне свою жизнеспособность и относительную практическую ценность.

От Иоанна Павла II реакция ожидала решительных действий по укрощению масс строптивых американских и прочих католиков, которые всерьез вознамерились настаивать на своих антиимпериалистических, а подчас и антиимпериалистических требованиях. Из ватиканских руководителей последних десятилетий не получилось действенных укротителей движений пацифизма в западных странах, национально-освободительных устремлений народов Азии Африки и Латинской Америки. И кто будет настаивать на том, что эта сдержанность Ватикана не служила поводом для крайнего недовольства официального Вашингтона. Иоанн Павел II рассматривал всемирную католическую церковь как политическую силу конкурирующую, а не подчиненную американскому империализму, что вызывало резкое противодействие не только нынешней вашигтонской администрации, но и ее единомышленников в Италии и в самой ватиканской курии.

Оказались у папы Войты и другие серьезные враги. Новый папа Иоанн Павел II, подобно своему предшественнику Иоанну Павлу I, вознамерился во избежание дальнейших, еще более крупных публичных разоблачений, подрывающих авторитет церкви, оздоровить ватиканскую финансовую систему, уменьшить засиле в ней мафии, масонов и спецслужб. Можно утверждать, что оба названные паны стали жертвами своей нетерпимости в отношении американско-итало-ватиканской олигархии и финансовой мафии.

БАНКИРЫ ГОСПОДА БОГА

Весной 1981 г. отвечал за личную безопасность Иоанна Павла II глава секретной службы Ватикана епископ Польша Казимир Марцинкус. Тогда же появились в западной прессе весьма авторитетные свидетельства доли вины Марцинкуса в последствии покушения на площади Святого Петра. Он был дважды предупрежден о готовящемся покушении. Но никаких дополнительных мер для охраны жизни папы не предпринял. А ведь Марцинкус был профессионалом — четверка его агентов, прикрывавшая на самом близком расстоянии главу святого престола при появлениях на публике, считалась лучшей в западном мире командой такого рода. Телохранители не помогли. Только после покушения Агджи на Иоанна Павла II стали подвергаться личному досмотру, как в аэропортах, десятки тысяч верующих и туристов, желающих присутствовать на еженедельных кратких проповедях папы у стен ватиканского собора Св. Петра. Отныне папа путешествует в бронированных автомобилях, одевает во время массовых церемониалов пуленепробиваемый жилет, реже появляется на людях, для охраны его жизни во время зарубежных путешествий мобилизуются десятки тысяч солдат и полицейских.

Имя Марцинкуса упоминалось не раз в ходе следствия по делу о похищении и убийстве террористами «красных бригад» лидера христианско-демократической партии Альдо Моро. В записной книжке одного из главных обвиняемых по этому делу был обнаружен не только домашний адрес Марцинкуса, но и номер специального прямого телефона, который известен не более чем десяти людям в Ватикане. В начале 1981 г. полномочия епископа Ортинского в стенах Ватикана значительно урезали. Лишь традиционное нежелание Ватикана выносить сор из избы позволило Марцинкусу сохранить на время свои посты, но это была лишь видимость былого величия.

Хотя в первые дни прихода к власти Иоанна Павла II Марцинкус не мог пожаловаться на предвзятое к себе отношение. За епископом Ортинским не только оставили функции распорядителя финансов и главы секретной службы, но и даже назначили председателем государственной понтификальной комиссии, т. е. министром внутренних дел Ватикана. Воспрянувший духом Польша Казимир Марцинкус с усердием взялся за изучение польского языка, вспоминая те крохи, которые он усвоил в далеком детстве в Чикаго от отца литовского происхождения. Вскоре оказалось, что и знание польского не поможет найти Марцинкусу общий язык с новым папой. Кароль Войтыла считал, что обнародование бюджета Ватикана поможет оздоровить финансовую систему этого государства, пресечь многие махинации,

свершавшиеся под сенью Института религиозных дел — банка, чья деятельность никоим образом не соответствовала благонамеренной вывеске. Папа Войтыла подобно президенту Картеру вынужден был заговорить о моральных ценностях главным образом потому, что политика возглавляемых ими государств и институтов утеряла на словах и на деле приверженность даже самым элементарным нормам общечеловеческой морали.

Войтыла стремился постепенно изменить заведенные порядки и расстановку сил в римской курии. Что, как показали события, было небезопасно для него. Об этой глухой борьбе, которая велась внутри ватиканских стен, свидетельствует отрывок из статьи в итальянском журнале «Эспрессо» (19.8.1979) под заголовком «Маневр умелого банкира: Войтыла революционизирует финансы Ватикана».

«Маневр носит настолько революционный характер, что один лишь папа-иностранец мог пойти на это: в конце 1979 г., т. е. по истечении первого года пребывания Иоанна Павла II на папском престоле ватиканское государство обнародует свой бюджет. После многовековых ревностных стараний сохранить тайну Ватикан официально объявит, каковы его поступления и расходы, а следовательно, сумма дефицита. Этому шагу, то есть опубликованию ватиканского бюджета, все еще противится всеми силами наиболее консервативное крыло курии. Но Кароль Войтыла, поддерживаемый новым государственным секретарем кардиналом Агостино Казароли, по видимому, не испытывает никаких сомнений.

Решение придать гласности бюджет Ватикана назревало уже давно. Ровно год назад, а именно в августе 1978 г., во время конклава, на котором был избран папа Лучани (Иоанн Павел I. — Ред.), довольно многочисленная группа кардиналов — представителей старой гвардии выступила против сотрудников Монтини (Павел VI. — Ред.), которые все еще прочно держали в своих руках власть. Они решительно потребовали, чтобы их ознакомили с финансовым положением Ватикана. Чтобы удовлетворить их требование, сотрудники курии подготовили за ночь своего рода сжатый бюджет, характеризовавшийся дефицитом в размере 11 млрд. лир. Но «мятежным» кардиналам этой цифры было недостаточно: «А где папа берет деньги, чтобы покрыть этот дефицит? — спросили они. Участников конклава не информировали также и о деятельности Института религиозных дел, влиятельнейшего банка Ватикана.

Неужели при Войтыле финансы Ватикана действительно уже не будут наглухо скрыты от посторонних глаз за бронзовыми воротами? И в какой мере решение обнародовать бюджет действительно является революционным? Какие тайны, свя-

занные с имуществом и финансовой деятельностью Ватикана, станут в результате достоянием гласности?»

Выяснилось, что большинство подобных тайн носило ярко выраженный уголовный оттенок.

... 18 июня 1982 г. на Темзе туманным ранним утром полицейский патруль заметил силуэт человека, болтавшегося на веревке под опорами моста Черных братьев, что в двух шагах от лондонского делового квартала Сити. Это был труп 62-летнего Роберта Кальви, скрывавшегося от итальянского правосудия президента — генерального директора «Банко Амброзиано», чей крах был отмечен на первых полосах всех газет западного мира. В карманах Кальви были обнаружены помимо 20 тыс. долларов наличными и чековой книжки два небольших кирпича. Два кирпичика на трупе под мостом Черных братьев — эти масонские символы, ясно указывали на то, по чьему приказу было совершено убийство итальянского банкира, тесно связанного с масонами, мафией, ЦРУ и Ватиканом. Накануне личная секретарша банкира Кальви также погибла — Грациела Корокер выпала из окна третьего этажа «Банко Амброзиано» в Италии. Вначале оба случая были расценены как самоубийство, но в западной печати неоднократно высказывались предположения о том, что банкир умер не по своей воле. Об этом же спустя несколько месяцев заявили журналистам в Нью-Йорке вдова и сын Кальви, которые обвинили в причастности к его смерти главарей масонской ложи «П-2». власти Ватикана, ЦРУ и мафию, опасавшихся возможных разоблачений их совместной противозаконной деятельности...

Покушение на папу Иоанна Павла II 13 мая 1981 г. совпадает по времени с разворачиванием грандиозного скандала вокруг финансовой аферы — крупнейшей за всю историю папства. Ни один антиклерикал в самом фантастическом детективе не смог бы изобразить более разнообразную картину финансовых и политических махинаций, заговоров, торговли крупными партиями оружия и наркотиков, убийств неугодных лиц, терроризма, чем это было на самом деле.

Летом 1982 г. Ватикан оказался должен Итальянской Республике 1,4 млрд. долларов. Сумма немалая, если учесть к тому же, что святой престол входил в малое число государств в мире, не имевших долгов. Американский епископ Поль Казимир Марцинкус, исполнительный глава финансов Ватикана, даже стал преследоваться итальянской полицией за соучастие в преступной инсценировке краха крупнейшего в Италии частного «Банко Амброзиано». Чуть раньше сели за решетку Микеле Синдона, Массимо Спада и Луиджи Меннини, также главные распорядители ватиканских финансов, был убит находивший-

ся в бегах президент «Банко Амброзиано» Роберто Кальви, обвинен в государственной измене глава тайной масонской ложи «П-2» фашист Личо Джелли.

Все вышеперечисленные финансовые воротилы были масонами, находились в сговоре, хотя и соперничали между собой масштабами экономических преступлений, коррупции, борьбы за личную власть и влияние, стремления выслужиться перед основными своими покровителями и хозяевами из Центрального разведывательного управления США. В таком случае, спросит читатель, почему же все они потерпели крах? Почему рутинная в общем-то смена декораций, «перестановка кадров», прошла с таким шумом, превратившись в самый громкий политический скандал Италии и Ватикана за сорок послевоенных лет?

Цепная реакция политических банкротств в Риме началась с дела банкира Микеле Синдоны — в течение пяти лет (1969-1974) являвшегося главным финансовым советником святою престола, личным другом монсеньора Марцинкуса, директора Института религиозных дел (ИОР).

Турист, обнаруживший вывеску ИОР на фронтоне небольшого трехэтажного каменного здания, что неподалеку от восточных ворот Св. Анны, внутри «города Ватикана» в Риме, естественно, представлял себе некое учреждение благотворительного характера. Непосвященный удивлялся, узнав, что ИОР представляет собой один из крупнейших международных финансовых центров. Банк этот был создан в 1942 г. папой Пием XII и до недавнего времени был полностью свободен от контроля итальянского государства. В этом банке могли хранить свои деньги монашеские ордена, епархии, прелаты или миряне-граждане государства Ватикан, а также иностранцы из числа избранных. Своим уважаемым клиентам ИОР гарантировал тайну банковских вкладов, достойную швейцарских традиций, освобождение от налогов, как на Багамских островах, возможность совершать финансовые операции, с которыми могли соперничать лишь банкиры с нью-йоркской Уолл-стрит. Не случайно директор Института религиозных дел Поль Казимир Марцинкус, епископ Ортинский, был «своим человеком» в Швейцарии, на Багамских островах и на Уолл-стрит.

В ватиканском божьем банке викарием, верховным, так сказать, распорядителем является сам папа римский — номер банковского счета 01616. Этот номер автоматически переходит к каждому очередному главе святого престола. До Иоанна Павла II сей счет принадлежал безвременно скончавшемуся Иоанну Павлу I, а до него Павлу VI, в миру Джованни Батисте Монтини, чье доверие и дружбу сумел завоевать Синдона.

В 1961 г. пятидесятилетний Микеле Синдона стал владельцем миланского «Банко привато финанцарио», а позже, в 1969

г., другого миланского банка — «Банко унионе». То были времена итальянского «экономического чуда», процветания районов к северу от Неаполя. Бум сопровождался всевозможными крупными спекулятивными сделками, комбинациями. Синдона был одним из наиболее удачливых, и буржуазная пресса аплодировала ему. Банкир этот был человеком проверенным. Американское управление стратегических служб (предшественник ЦРУ), еще в 1944 г., готовя почву для будущего, обратило взор к итальянским масонам и мафии. Одним из самых «надежных людей» главного резидента УСС в Италии полковника итальянского происхождения Макса Корво, его приближенным стал молодой сицилийский мафиози, будущий банкир мафии Микеле Синдона.

Покровителями и друзьями Синдоны были ведущие деятели правящей христианско-демократической партии, такие именитые министры и премьер-министры, масоны, как Эмилио Коломбо и Джулио Андреотти. Это они рекомендовали в 1965 г. Синдону папе Павлу VI и его государственному секретарю архиепископу Вийо. Финансовое положение Ватикана в тот период было не блестящим. Расходы были огромные — всемирный собор (собирающийся раз в сто лет на свои многомесячные заседания), обширное строительство, путешествия, дары и, главное, пропаганда духовных устоев империализма по всему миру через каналы ватиканского радио и прессы. А поступления от паствы — минимальные, и даже щедрость Соединенных Штатов обнаруживала устойчивую тенденцию к угасанию.

Статус государства Ватикан в послевоенные десятилетия предрасполагал его финансовых советников к использованию глазного преимущества — экстерриториальности. Независимое положение Ватикана позволяло ему использовать выгоду традиционной взаимосвязи с административно-экономической структурой Италии и в то же время оставаться совершенно неподвластным итальянской юрисдикции и контролю. Подданными крошечного государства Ватикан не рождаются, ими становятся, получая таким образом немалые привилегии. Для нескольких тысяч мелких служащих льготы выражаются в том, что они могут закупать необлагаемые пошлиной товары в ватиканском супермаркете «Аннона» чуть не вдвое дешевле, чем па соседней улице в Риме. С духовной и политической элитой дело обстоит сложнее. В многочисленных секретных донесениях итальянской «гвардия финанцариа» (финансовая полиция) часто мелькают фамилии замешанных в крупных контрабандных сделках обладателей пурпурных кардинальских мантий и цветных министерских перевязей, мафиози. Крупные деятели мафии, промышленники и банкиры наперебой пытаются всучить

Ватикану свои капиталы, которые могут незамедлительно уплыть в самые разные концы света якобы как переводы в адрес религиозных институтов или ватиканских компаний. Взамен из сей фов святого престола мафия получает миллиарды лир уже чистых денег, без следов грязного бизнеса.

И Ватикан, и мафия извлекали из этого партнерства немалые барыши. Бывали и неудачи. Стараниями Синдоны, этого консультанта по финансовым вопросам при Павле VI, государство Ватикан потеряло более 500 млрд. лир в 1974 г. — что-то около 100 млн. долларов по курсу того времени. Дело в том, что ИОР являлся владельцем 20 процентов акций «Банка унионе», одного из двух миланских банков, принадлежащих Синдоне. Большая часть капиталов, вверенных Синдоне вкладчиками и акционерами, уплыла в неизвестном направлении, оба банка обанкротились. Синдона бежал в США, но и там у него оказалось немало грехов, и в 1976 г. он был упрятан за решетку сроком на 25 лет.

Крах миланских банков Синдоны в 1974 г. совпал с «самоубийством» Марио Тронкони, вице-директора Свиробанка — швейцарского банка в Лугано, контролируемого на 51 процент Ватиканом. Тронкони оказался настолько учтив, что оставил после себя письмо, где брал на себя вину за неудачные для Ватикана финансовые спекуляции на сумму 50 млрд. лир. Марцинкус, прикрываясь тогой священнослужителя ватиканской курии, легко нес бремя ответственности, пока что моральной, за все вышеперечисленные банкротства и «утечки» капиталов. О масштабах его финансового мошенничества свидетельствует хотя бы такой факт: американское налоговое ведомство при всем его долготерпении к нарушениям зарвавшихся банкиров ПОР однажды взыскало со святого престола 380 тыс. долларов за незаконные операции на территории США.

Ближайшие партнеры по банковским махинациям сицилиец Синдона и чикагский прелат Марцинкус понимали друг друга с полуслова, так как по духу своему были похожи как две бутылки вина из одной бочки. Святой престол нуждался в деньгах, и его слуги изыскивали их, следуя девизу иезуитов — любым способом, так как цель оправдывает средства. Об американском епископе Поле Казимире Марцинкусе было написано в западной прессе больше, чем о любом другом из ватиканских церковнослужителей (после папы, конечно). Будучи литовцем по происхождению, он родился в 1922 г. и провел детство бидонвилях Чикаго, среди тех обездоленных, кумирами которых были в те времена деятели мафии типа Аль-Капоне, Дж. Стефани. Дилинджера и пр. Священник итальянского квартала уберег его от неминуемой тюрьмы и дал образование. В начале своей духовной карьеры Марцинкус нашел покровителя в лице кардинала

Фрэнсиса Спеллмана. Архиепископ Нью-Йорка, связующее звено между Ватиканом и американскими финансами, Спеллман всегда был известен своими ультрареакционными позициями. Он одобрил во всеуслышание атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, поощрял «охоту за красными или за розовыми» в духе политики сенатора Маккарти, был пастырем «холодной войны» против социалистических стран, агрессии США против вьетнамского народа.

Марцинкус сохранил дружеские контакты со сверстниками, с теми, которые из уличных воришек выросли в досточтимых боссов американской мафии и с гордостью произносят с сицилийским акцентом название своей организации «коза nostra» («наше дело»). Кардинал Спеллман направил Казимира в 1969 г. в ватиканский Институт религиозных дел, где тот прибился благодаря упомянутым сомнительным связям и тесным отношениям с руководящим ядром ЦРУ. Став главой секретных служб Ватикана, Марцинкус регулярно направлял на обучение в ЦРУ кадровых служащих подчиненных ему ватиканских сил безопасности и разведки. Швейцарские стрелки, стоящие на часах у официальных резиденций в Ватикане, привлекают взор туристов живописностью парадной формы, оставшейся неизменной на протяжении веков. Этих гвардейцев из личной охраны папы римского и агентов спецслужб святого престола готовят теперь в Лэнгли, в штаб-квартире ЦРУ под Вашингтоном.

Громадного роста (193 см) крепко сбитый, великолепно подготовленный физически, Марцинкус многие годы успешно исполнял роль «гориллы», телохранителя римских пап. Во время их появлений на публике он всегда находился в полуметре от их святейшества, как бы прикрывая папу своим телом. В 1970 г. в Маниле он спас жизнь Павлу VI, перехватив уже занесенную руку с кинжалом убийцы, которому удалось прорваться из толпы зрителей и подбежать к папе. В благодарность чикагский епископ был вскоре назначен главой Института религиозных дел и стал таким образом банкиром Ватикана. Несмотря на многочисленные скандалы, в которых упоминалась его фамилия, ИОР и Ватикан, Марцинкус продолжал совершать свои сенсационные операции совершенно • бесконтрольно (комиссия по наблюдению в действительности не использовала вплоть до 1981 г. свои полномочия в отношении ИОР). Он ворочал многомиллиардными долларовыми суммами, скупал акции, финансировал политические движения. Он был, казалось, незаменим и почитался в итало-американском мире организованной преступности. Руководители ЦРУ не таясь, публично превозносили услуги одного из своих самых высокопоставленных и ценных собеседников.

Но в лице Микеле Синдоны Марцинкус обрел смертельного врага, который успешно стал осуществлять свою вендетту, находясь в стенах тюрьмы «Отисвилль» в штате Нью-Йорк. Синдона был принесен в жертву, избран козлом отпущения всеми, кто перевозносил его, в том числе итальянскими министрами Колombo, Андреотти, Пикколи, Фанфани, Моро. А ведь Джулио Андреотти за несколько месяцев до ареста Синдоны, выступая на приеме в знаменитом отеле «Уолдорф Астория» в Нью-Йорке, назвал этого банкира «лучшим защитником итальянской лиры»; в Италии Синдоне тогда же был вручен приз «человека года».

Синдона в ходе своих злоключений и судебного разбирательства спасать единолично честь святого престола не собирался и даже пытался переложить собственную вину на плечи банкира Ватикана. В тот период судьи Нью-Йорка, хотя и были протестантами, привлекать к ответственности знаменитого епископа Ортинского не стали. Марцинкус дал понять, что доказать его вину никому все равно не удастся, так как доступа к финансовым отчетам банка в Ватикане не имеет ни итальянская, ни американская юстиция.

Еще находясь под домашним арестом в нью-йоркском отеле «Пьер», перед тем как надолго обосноваться в нью-йоркской тюрьме, Синдона начал писать мемуары под впечатляющим названием «Деньги, деньги, деньги» (звучит как целая политическая программа). Лучшие страницы будущей книги одними из первых стали читать итальянские парламентарии из специально созданной в 1974 г. и работавшей целое десятилетие комиссии по расследованию дела Синдоны. Тысячи томов которого заполнили специально выделенное огромное помещение в подвалах римского дворца Сан-Макуто. Месть сицилийца Синдоны достигла цели спустя восемь лет, когда ему удалось подставить под удар судьбы тех, кого он справедливо считал главными виновниками своего падения, — Марцинкуса и Кальви.

Синдона рекомендовал Марцинкусу много лет назад Роберта Кальви. Кальви, в свою очередь, удалось войти в доверие к Павлу VI — папе, который не любил разбираться в банковских гроссбухах, но ценил ловких финансистов, преданных святому престолу и его главе. После Синдоны, краху которого он способствовал, Кальви становится главным финансовым советником института религиозных дел, правой рукой Марцинкуса. «Тебе церковь, мне Италию» — так изобразил новый дьявольский дуэт известный итальянский карикатурист, нарисовав коротышку Кальви и чикагского прелата-верзилу, слитых в дружеском объятии. Интересно отметить, что Роберто Кальви стал директором крупнейшего частного «Бан-

ко Амброзиано» в том же 1971 г., когда Марцинкус был назначен главой Института религиозных дел. Финансовый тандем Марцинкус—Кальви приносил дивиденды, которые не пришло бы законным ни одно, даже буржуазное законодательство.

12 августа 1978 г. колокола Рима известили о кончине Павла VI. Католическая церковь потеряла своего хозяина, а Марцинкус — покровителя. Для американского прелата это было катастрофой. Смерть Павла VI лишила его не только твердо обещанной ему в том году кардинальской шапочки, но и дружбы того, кто обеспечивал ему неприкосновенность, несмотря на всю тяжесть обвинений, выдвинутых против банкира господина бога и его наместника на земле. 26 августа 1978 г. катастрофа стала приобретать для Марцинкуса контуры полного и окончательного поражения. В 18 часов 24 минуты белый дымок возвестил тысячам собравшихся на площади Св. Петра, что сто один кардинал-выборщик указали на нового преемника: папой римским стал Альбино Лучани, кардинал-патриарх Венеции. Марцинкус, который втайне от курии заснял на киноплёнку все заседания конклава для своих американских друзей, первый в курсе событий. Он уже знает, что отныне в число его врагов вошли оба руководителя Ватикана: Лучани, принявший имя Иоанна Павла I, и французский кардинал Вийо, давно точивший зуб на чикагского соперника. Отныне у Жана Вийо развязаны руки, и он попросит у Иоанна Павла I голову Марцинкуса и папа с радостью исполнит эту просьбу, так как хорошо помнит один визит бывшего патриарха Венеции к ватиканскому банкиру.

В 1973 г. А. Лучани возражал против покупки «Банко Амброзиано» Роберта Кальви старого католического венецианского банка. Эта сделка дурно пахла, по мнению дошлой итальянской прессы, и местное духовенство попросило Лучани ходатайствовать об ее отмене в Риме, в ватиканском Институте религиозных дел. Лучани поехал в Ватикан и попросился на прием к главному казначею папы. Божий банкир был в плохом настроении, приканчивал к концу дня уже четвертую пачку сигарет «Мальборо» и принял кардинала холодно, даже не предложив тому сесть, как рассказывал потом Лучани. Архиепископ Венеции спокойно изложил Марцинкусу неадекватность сделки, указав на сомнительную репутацию покупателя и неуместную в глазах паствы венецианской провинции заинтересованность Института религиозных дел. Ответ Марцинкуса прозвучал в ушах Лучани как предложение выйти вон: «Я бы просил ваше святейшество заниматься делами лишь в пределах вашей компетенции, в сферу которой, как известно, не входит Институт религиозных дел».

Тридцать четыре дня царствования Иоанна Павла I оказались недостаточными для того, чтобы найти замену Марцинкусу. В кандидатах не было недостатка, и итальянская пресса строила прогнозы. Оценивались шансы неапольского прелата де Бониса, бывшего финансового советника Ватикана Маренда, но, в особенности, папского нунция в ООН Келли.

Внезапная, случившаяся при невыясненных до сих пор таинственных обстоятельствах смерть Иоанна Павла I принесла извращение Марцинкусу. Тино Олдани, один из итальянских специалистов по ватиканским проблемам, писал в журнале «Панорама» 5 июля 1982 г., что в день скоропостижной смерти папы Марцинкус вновь обрел способность улыбаться. За 34 дня понтификата Иоанна Павла I епископ Ортинский похудел на шесть кило. «Его обычно пышущее здоровьем лицо было серым, как если бы у него болела печень», — писал Олдани. Появление улыбки у Марцинкуса в скорбный для Ватикана день было замечено тамошними политическими наблюдателями, некоторые из которых не преминули сказать, что в предсмертный час Альбино Лучани читал страницы секретного доклада о многочисленных прегрешениях директора Института религиозных дел...

«Когда в ночь с 28 на 29 сентября 1978 г. внезапно умер так недолго пробывший на папском престоле Иоанн Павел I, многие итальянцы были убеждены, что это не естественная смерть, а убийство. Настойчивые слухи по этому поводу стали быстро распространяться, подкрепляемые той путаной и противоречивой информацией, которая поступала из официальных ватиканских источников. Но вскоре внимание переключилось на другие темы», — писала весной 1984 г. английская буржуазная газета «Гардиан». Она поместила также факсимиле отрывка из опубликованной на ее страницах еще 30 сентября 1978 г. статьи, в которой, в частности, отмечалось: «Известие об этой кончине вызвало такое же чувство шока и потрясения, как известие об убийстве Джона Кеннеди. И многие в Италии, в том числе не только склонные к сенсациям жены бакалейщиков, говорили, что «его, наверное, убили».

Западная печать начала оживленно комментировать сенсационные разоблачения, с которыми выступил английский писатель Дэвид Яллоп, утверждающий, что папа Иоанн Павел I умер не своей смертью, а был отравлен. В своей нашумевшей книге «Именем божьим» (Лондон, 1984) Д. Яллоп пишет, что преступление было совершено противниками намеченных новым папой реформ и перестановок на высших постах в Ватикане, и в первую очередь решения папы убрать с должности директора ватиканского банка епископа американца Марцинкуса. К заговору, в частности, причастна связанная с ЦРУ масонская ложа «П-2», в состав которой входят, согласно опубликовано-

му итальянским парламентом в 1984 г. докладу, руководящие деятели правительства и буржуазных партий.

Автор документальных детективов Дэвид Яллоп никогда прежде не занимался Ватиканом. Его интересовали запутанные судебные дела. Слава Яллопа, как человека, способного распутывать самые таинственные детективные истории, распространилась за пределами Англии, и в один прекрасный день в 1980 г. он получил письмо из Италии, в котором его просили заняться особым случаем: убийством Иоанна Павла I. Писатель приехал в Италию и обнаружил, что автор письма — видный церковный деятель. Имя его Яллоп держит в тайне. «Это лишь один из довольно многочисленной и разнородной группы католических прелатов, работающих как в Ватикане, так и за его пределами, которых объединяет общее убеждение, что папа был убит. Именно они навели меня на след, помогли проникнуть за многие закрытые двери и ознакомиться с секретными документами, которые иначе я никогда не смог бы увидеть», — сказал Яллоп.

Существует ли в действительности это таинственное лобби, добивающееся пролития света на обстоятельства смерти папы Иоанна Павла I?

В предисловии к книге автор выражает благодарность примерно 80 лицам, которые так или иначе помогали ему в работе. В этом перечне: два секретаря папы Лучани — патер Джон Мэджи, ныне секретарь папы Войтылы, и патер Диего Лоренци, секретарь Лучани в бытность его епископом Венеции; многочисленные итальянские врачи и медики из других стран; многие члены римской курии, итальянские священнослужители, например монсеньор Да Риф.

«В этом списке, — говорит автор, — есть также служащие ФБР, которые в 1972—1973 гг. допрашивали архиепископа Марцинкуса в связи со скандалом, связанным с выпуском фальшивых облигаций на сумму в миллиард долларов. Значатся здесь и имена кардиналов Бенелли и Феличи, которые не дожили до выхода книги. Но мною упоминаются и многие другие люди, которых я не могу поблагодарить публично, так как они встречались со мной при условии, что я не стану разглашать их имена. Благодаря им я смог ознакомиться с донесениями агентов ЦРУ, которые поддерживали контакты с Микеле Синдоной как с «другом Запада» с 1960 г., а то и раньше. Не знаю, были ли уже тогда известны сообщаемые в недавно вышедшей книге о Синдоне факты его участия в махинациях мафии по «отмыванию» полученных преступным путем сумм через каналы Ватиканского банка и крупнейшего частного банка Италии «Банко Амброзиано» в Милане. Что касается меня, то я основывался на официальных, но конфиденциальных документах, вроде подготовленного итальянским

банком в 1978 г. доклада о «Банко Амброзиано», досе английской полиции о смерти управляющего этим банком Роберто Кальви. Имел я доступ и к документации секретных служб о Синдоне и Джелли...»

Дэвид Яллоп основывает свою версию об убийстве папы на двух группах фактов.

Первая группа фактов: отказ провести вскрытие для выяснения причины смерти, хотя было известно, что умерший не страдал сердечными заболеваниями. Исчезновение из спальни всех личных вещей папы, в том числе лекарств и завещания. Путаница в показаниях относительно точного времени, когда наступила смерть. Официальная, заведомо искаженная версия по поводу того, что было у папы в руках, когда нашли его труп.

Вторая группа фактов: наличие большого числа людей, у которых были основания опасаться, что папа выступит против них. Среди этих людей епископ Поль Марцинкус, глава Ватиканского банка, которого папа собирайся сместить с этого поста из-за его темных сделок с печально известным управляющим «Банко Амброзиано» Роберто Кальви, для которого смещение Марцинкуса означало катастрофу. Личо Джелли, профашистски настроенный глава масонской ложи «П-2», в прошлом агент гитлеровской разведки, а затем «корреспондент» ЦРУ, который пытался выгородить Кальви. Микеле Синдона, банкир и бывший финансовый советник Ватикана, отбывавший двадцатипятилетнее заключение в американской тюрьме. Чрезвычайно богатый и влиятельный кардинал Джон Коуди, архиепископ Чикаго, скандально известный своими финансовыми аферами. Кардинал Жан Вийо, бывший тогда государственным секретарем Ватикана.

Кардинал Альбино Лучани, 65-летний архиепископ Венеции, вступил на папский престол как преемник Павла VI 26 августа 1978 г. — был избран в четвертом туре голосования конклавом кардиналов и оказался неожиданной фигурой. Он избегал посещать Ватикан, имел минимум контактов с римской курией и, следовательно, имел там меньше врагов, чем другие кардиналы. Но с его избранием все быстро изменилось — на нового папу, казалось, даже не подействовала публикация в специальном — после конклава — выпуске ватиканской ежедневной газеты «Оссерваторе романо» его подробной биографии, где без его ведома и согласия фактически излагались платформа, перспективы и приоритеты правления предстоящего понтифика. Иоанн Павел I в таком описании выглядел деятелем, куда более консервативным, чем его предшественник, многоопытный Павел VI. Хотя «силы зла», как называет их Яллоп, среди элиты ватиканской администрации сумели в течение нескольких дней

собрать о новом понтифике всю возможную информацию и, следовательно, очень скоро выяснилось, что взгляды и намерения Иоанна Павла I в корне отличаются от идей кардиналов — «ястребов». Папа Лучани очень скоро привел в замешательство тех, кто уже вынес о нем мнение как о человеке, которым без труда сможет манипулировать консервативная верхушка Ватикана.

Оказалось, что новый папа преисполнен решимости предпринять радикальные меры по ряду вопросов. Согласно книге, эти меры включали в себя либерализацию канонов церкви относительно контроля за рождаемостью, ревизию финансов Ватикана и смещение Марцинкуса, Коуди и Вийо.

Вечером в среду, 28 сентября, около 21.30 новый папа закрыл за собой дверь спальни. Больше его уже никто не видел живым.

Проанализировав список подозреваемых, Яллоп пришел к выводу: «Перед нами убийство. Причем совершенное не каким-то неизвестным лицом или неизвестными лицами, а людьми, слишком хорошо известными, с Личо Джелли во главе тайного заговора». По его мнению, можно проследить участие в заговоре также Марцинкуса, Кальви и Умберто Ортолани, ближайшего клеветы Джелли.

Папа Иоанн Павел I скрестил шпаги с Марцинкусом, еще будучи архиепископом Венеции, а когда предпринятая по его приказу ревизия финансов Ватикана выявила коррупцию, решил с корнем выкорчевать ее. Финансовое положение ложи «П-2» зависело от сотрудничества с Ватиканским банком, связанным с целой сетью подставных компаний в Европе, районе Карибского моря, Центральной и Южной Америке, через которые проходили и исчезали миллионы долларов. В центре этой паутины находился Кальви — ближайший друг и сообщник Марцинкуса — управляющий «Банко Амброзиано» и один из заправил ложи «П-2». Смещение Марцинкуса могло пагубно сказаться на финансовых мякинациях ложи. Папа Иоанн Павел I ознакомил кардинала Вийо со списком лиц, которых он собирался заменить. На посту государственного секретаря Ватикана Вийо должен был сменить кардинал Бенелли.

Коуди, Вийо и Кальви уже мертвы, Синдона — в тюрьме, Джелли и Ортолани скрываются где-то в Южной Америке, Марцинкус находится в Ватикане, по существу, под домашним арестом, если он покинет Ватикан, его должны арестовать итальянские власти, писал Д. Яллоп.

В интервью миланскому еженедельнику «Панорама» (18.6.1984) Д. Яллоп высказал немало интересных суждений, вытекающих из проведенного им журналистского расследования:

«Роль Джелли прояснилась для меня по мере того, как разматывалась цепь моих поисков. И первым, кто назвал мне его имя, был не кто иной, как Роберто Кальви. Это произошло в ходе телефонного интервью, которое я брал у него из Лондона. Он находился тогда еще в Милане (ровно через восемь дней его нашли повешенным под лондонским мостом Черных братьев) и на протяжении всей первой половины беседы, пока я пытался выяснить размеры богатства Ватикана, был спокоен и любезен. Но тут я упомянул о папе и слухах о том, что он был убит. Кальви взвился как укушенный: «Кто вас направил ко мне? Сколько вы хотите отступного, чтобы прекратить работу над этой вашей книжкой? Это, конечно же, дело рук Джелли, не так ли?» И Кальви бросил трубку.

— Почему был составлен заговор с целью убийства папы Лучани?

— Потому, что 27-28 сентября 1978 г. новый папа принял решение о проведении некоторых преобразований, и в частности о замене ряда прелатов, фигурировавших в известном списке «Ватиканской масонской ложи», другими лицами, которые в этом списке не фигурировали. Между тем отстранить Марцинкуса от руководства Ватиканским банком в 1978 г. означало вызвать цепную реакцию непредсказуемых масштабов. Марцинкус, как стало ясно несколько позднее, был покровителем Кальви, его защитником от итальянских властей, которые именно в этот период начали расследование деятельности «Банко Амброзиано». Лишь поручительское письмо Ватикана обеспечило тогда Кальви временную безопасность. Если бы вышла наружу правда о его аферах, для Джелли это было бы равноценно гибели той волшебной курицы, что несла ему золотые яйца.

— Ваша книга претендует на то, чтобы дать объяснение чуть ли не всем загадочным политическим преступлениям в Италии за последние полтора десятка лет: от взрыва бомбы в Миланском сельскохозяйственном банке на пьяцца Фонтана до вылазок «черных» и «красных» террористов и убийств Мино Пикорелли, судьи Эмилио Алессандрини, следователя Амброзоли... Не кажется ли вам, что вы ожидаете от читателя слишком большой доверчивости?

— Конечно, если бы я писал роман, все это выглядело бы действительно неправдоподобно. Но ведь это установленный факт, что за 25 дней до того, как быть убитым, Эмилио Алессандрини получил досье о «Банко Амброзиано», подготовленное Итальянским банком в результате специально проведенного расследования. Это факт, что за целый год, прошедший после его смерти, следствие по этому делу не сделало ни одного шага вперед. Другим несомненным фактом является то, что Пекорел-

ли, «раскаявшийся» член ложи «П-2», который опубликовал список членов «Ватиканской масонской ложи» шантажировал Джелли и некоторых других членов ложи, был убит. Определено установлен тот факт, что в руках у Джорджо Амброзоли находились чрезвычайно важные свидетельства против Синдоны, и лично у меня не вызывает сомнения, что Синдона заплатил 100 тысяч долларов профессиональному гангстеру Уильяму Арико за убийство Амброзоли. Общим знаменателем всех этих преступлений является ложа «П-2». Впрочем, сейчас многие итальянцы и без дополнительных подсказок убеждаются, что «П-2» так или иначе стояла у истоков почти всех скандалов последнего двадцатилетия.

— **Как вы объясняете то, что ваша книга вышла одновременно на восьми языках в 35 странах, но в Италии так и не нашла издателя?**

— Издатель, может быть, и нашелся бы, но в Италии существует странное положение, при котором беглый преступник, разыскиваемый правосудием, — Умберто Ортолани (известный банкир, правая рука, а возможно, и руководитель Л. Джелли — Ред.), даже скрываясь где-то в Бразилии, умудряется через третьих лиц возбуждать судебные процессы, которые завершаются конфискацией таких книг, как «Божий банкир» Руперта Корнуэлла (а это очень серьезная работа), «Смерть божьего банкира» Ларри Гарвина, не говоря уже о книгах итальянских авторов. Это положение, при котором имущество авторов и издателей означенных книг может оказаться под секвестром. По-видимому, это означает, что в итальянском правосудии царит произвол. Конечно, мне бы очень хотелось выпустить книгу и в Италии, но я не могу ставить под удар — не говорю уже самого себя (за эти три года мне не раз приходилось рисковать жизнью) — издательство, которое пойдет на риск и расходы, а потом по воле беглого уголовника вроде Ортолани окажется под угрозой.

— **Чего вы надеетесь добиться с помощью вашей книги?**

— Нынешний папа публично заявил о своей любви и преклонении перед папой Альбино Лучани. Пусть это мое интервью будет истолковано как непосредственная просьба к нему официально подтвердить эту любовь и преданность и без промедления отдать распоряжение об эксгумации тела и обследовании его независимыми специалистами.

— **Вы прекрасно знаете, что просьба такого рода относится к разряду совершенно нереальных.**

— Возможно. Но пускай, по крайней мере, этот папа сделает что-нибудь, чтобы положить конец скандальной финансовой деятельности Ватикана. Совместимо ли с ролью нравственного руководства, на которую претендует церковь, то, что в Ватикане

с благословения папы продолжают жить такие люди, как Марцинкус, де Стробель, де Бонис, Меннини: люди, которые, высушь они нос за ватиканские стены, вероятно, сразу же были бы арестованы полицией. Как мне стало известно, на протяжении последних месяцев папу 3 или 4 раза чуть ли не силой удерживали от решения назначить Марцинкуса кардиналом».

Обстоятельства преступления, описанные известным английским писателем, убедительно свидетельствуют, насколько глубоко заражены правящие классы Италии круговой порукой, благодаря которой совместно и безнаказанно действуют буржуазные политики и ведущие клерикалы, тайные масонские ложи и террористические центры, связанные с ЦРУ и итальянскими секретными службами. Именно поэтому до сих пор остаются нерасследованными многие серьезные политические преступления такие, как, например, убийство Альдо Моро, одного из левых лидеров христианско-демократической партии, других крупных деятелей в Риме и провинциях. Подлинные преступники остаются безнаказанными.

Потрясающая история убийства (отравления) высшего руководителя католической церкви — папы Иоанна Павла I, рассказанная крупнейшим во Франции буржуазным еженедельным иллюстрированным журналом «Пари-матч» (22.5.1984) в изложении самого Д. Яллопа, вновь показала, как далеко расходятся слова о «морали» с делами капиталистической верхушки вообще и итальянской в особенности:

«Наш рассказ начинается с 28 сентября 1978 г., около 5 часов пополудни. Папа Иоанн Павел I, в прошлом кардинал Альбино Лучани, принимает главного сановника римской курии, государственного секретаря Ватикана кардинала Вийо, чтобы сообщить ему о некоторых своих решениях: провести исчерпывающее расследование скандальных афер Ватиканского банка, осуществить многочисленные новые назначения в римской курии, начиная с назначения кардинала Бенелли статс-секретарем на место Вийо, отправить на покой такохто, приступить к пересмотру позиции церкви по вопросу о контроле над рождаемостью.

Беседа продолжалась почти два часа. В половине восьмого Вийо откланялся. Он вернулся в свой кабинет, находящийся неподалеку от папского.

Возможно, то было чистое совпадение, но все лица, предназначенные Иоанном Павлом I к замене, фигурировали в так называемом списке «Ватиканской масонской ложи». Список этот был незадолго до того предан гласности членом тайной ложи «П-2-», не поладившим с ее руководителями (имеется в виду итальянский журналист с темным прошлым Мино Пикорелли, связанный с секретными службами, который вскоре

после этого был найден мертвым в своей конторе. — Ред.). В списке значились имена главы Ватиканского банка американского епископа Марцинкуса, кардиналов Вийо, Полетти, Баджо, де Бониса. Что же касается прелатов, которых Иоанн Павел I собирался назначить вместо увольняемых, то их фамилии все до одной, напротив, отсутствовали в масонском списке: Бенелли, Феличе, Аббо, Антоне-тти.

В 19. 50 Иоанн Павел I сел ужинать. Он оживленно беседовал со своим помощником Лоренци на протяжении всего ужина, который подавали монахини сестра Винченца и сестра Ассунта.

После ужина папа вернулся в свой рабочий кабинет. Без четверти девять Лоренци соединил его с кардиналом Коломбо. Кардинал отказал автору этих строк, когда тот попросил его о встрече, но из других источников известно, что Иоанн Павел I говорил с ним о намеченных им переменах. По-видимому, никаких разногласий в том разговоре не возникло. Позже кардинал Коломбо вспоминал: «Он говорил со мной довольно долго, и тон его был самый обычный, так что ничего не свидетельствовало о каком-либо физическом недомогании».

Лоренци заметил, что телефонный разговор закончился в 21.15. Иоанн Павел I после этого еще раз пробежал глазами речь, которую ему предстояло произнести в субботу, 30 сентября, перед членами Общества Иисуса (орден иезуитов. — Ред.).

Затем, отложив текст речи, он поднялся и, захватив заметки с наброском плана преобразований, направился к дверям. Когда он появился на пороге кабинета, ему навстречу шагнули патер Мэджи и патер Лоренци. Папа пожелал им обоим спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — сказал он. — И до завтра. Если богу угодно.

Это были его последние слова. Когда Иоанн Павел I затворил за собой двери своего рабочего кабинета, часы показывали 21.30. Бездыханное тело главы католической церкви будет обнаружено на следующее утро.

В половине пятого утра в пятницу, 29 сентября, сестра Винченца по обыкновению внесла поднос с утренним кофе в покои папы. Несколько мгновений спустя она постучала в двери кабинета и произнесла свое обычное: «Доброе утро, святой отец».

Ответа не последовало. Без четверти пять Винченца снова подошла к дверям: ни звука, ни движения. Она служила Лучани с 1959 г., с тех времен, когда он был священником в Витторио Венето. За 18 лет не было еще случая, чтобы он встал позже своего обычного часа. Обеспокоенная монахиня прижа-

лась ухом к двери. Потом постучала еще раз, сначала тихо, потом энергичней — никакого ответа. Войдя в кабинет, она увидела полоску света под дверью спальни. Постучала в эту дверь — снова безмолвие.

Тогда она решилась и вошла — перед ней был А. Лучани, сидевший в постели. На нем были очки, в руке он держал несколько листов. Голова была несколько наклонена вправо, сквозь раздвинутые губы виднелись зубы. Но то была не обычная известная по множеству фотографий улыбка, а гримаса предсмертной муки. Сестра Винченца рассказала мне, что она сразу позвонила секретарю папы Мэджи, а сама бросилась искать других сестер и будить дона Диго.

Первое, что сделал поднятый сестрами патер Мэджи, был звонок статс-секретарю Вийо, живущему двумя этажами ниже. Менее чем за двенадцать часов до этого Альбино Лучани сообщил Вийо, что его сменит Бенелли. Теперь же, после смерти папы Лучани, Вийо не только остался на своем посту, но и получил уверенность в том, что сохранит его, по меньшей мере, вплоть до избрания нового папы. Более того, он автоматически становился кардиналом—камерленгом, то есть, по сути дела, лицом, выполняющим функции главы церкви. В 05.00 он уже находился в спальне папы и мог лично убедиться в том, что тот мертв.

Если Лучани умер естественной смертью, то последующие поступки Вийо и отданные им распоряжения выглядят абсолютно необъяснимыми. Его поведение становится понятным только в свете одной гипотезы: либо кардинал Жан Вийо участвовал в заговоре с целью убийства папы, либо он обнаружил в папской спальне очевидные признаки убийства и сразу же принял решение о необходимости любым путем устранить их.

На тумбочке рядом с кроватью лежало лекарство, которое папа принимал против пониженного давления. Первым делом Вийо сунул в карман пузырек с лекарством. Затем он вынул из рук папы листки с намеченными проектами отставок и назначений и отправил их в тот же карман. Из спальни исчезли также очки и домашние туфли покойного. С письменного стола в рабочем кабинете испарилось последнее завещание папы. Никто никогда больше не видел ни одного из этих предметов.

Позднее Вийо придумает для обслуживающего персонала папских апартаментов, еще не оправившегося от потрясения, фальшивую версию обстоятельств, при которых якобы была обнаружена смерть папы. Но прежде всего он обязал всех скрывать тот факт, что первым, кто видел скончавшегося Лучани, была сестра Винченца, а также отдал приказ не распространять весть о смерти вплоть до получения специальных указаний на этот счет. Затем он принялся звонить по телефону прямо из рабочего кабинета папы.

О смерти Иоанна Павла I было сообщено декану коллегии кардиналов 86-летнему кардиналу Конфалоньери, потом главе ватиканской дипломатии кардиналу Казароли. Вийо распорядился вслед за тем, чтобы его соединили с третьим человеком в церковной иерархии, заместителем статс-секретаря архиепископом Джузеппе Канрио, который отдыхал в тот момент на курорте Монтекатини. Лишь после этого Вийо позвонил заместителю главы ватиканской медицинской службы доктору Ренато Буццонетти.

Из ближайших сотрудников папы Лучани лишь патер Диего Лоренци работал с ним еще с венецианских времен. Несмотря на запрет Вийо распространять весть о смерти за пределы папских покоев, Лоренци позвонил личному врачу понтифика доктору Дж. Да Росу, который наблюдал Лучани более двадцати лет, Лоренци отчетливо помнит, какова была реакция врача. «Он был потрясен. Ошеломлен. Он отказывался верить своим ушам. Он спросил у меня, отчего умер папа, но я не знал, что сказать ему. Доктор Да Рос был сбит с толку не меньше, чем я. Он сказал, что немедленно выезжает на машине в Венецию, а оттуда вылетит первым же рейсом в Рим».

Доктор Буццонетти, вызванный для констатации смерти, заявил Вийо, что причиной следует считать инфаркт миокарда, или как говорили в старину, разрыв сердца. По мнению медика, смерть наступила примерно в 11 часов вечера. Как ясно каждому врачу, определить час смерти с такой точностью и объявить при этом ее причиной инфаркт миокарда после весьма поверхностного и поспешного осмотра, можно только пренебрегая требованиями сколько-нибудь серьезного подхода к делу.

Кстати, Вийо еще до заключения доктора Буццонетти, то есть до шести часов утра, уже объявил решение о немедленном бальзамировании тела папы. Оказывается, даже не поговорив еще с кардиналом Конфалоньери — а этот разговор, напомним, состоялся в 05.15, — статс-секретарь уже принял первые меры к скорейшему бальзамированию. Тела трех предыдущих пап бальзамировали братья Синьораччи. В этот день их поднял телефонный звонок на рассвете, а затем тут же прибыла машина с ватиканским номером.

В 07.27, то есть почти через три часа после открытия, сделанного сестрой Винченцой, кардинал Вийо почувствовал себя в Достаточной мере хозяином положения и распорядился опубликовать следующий бюллетень: «Сегодня, 29 сентября, примерно в половине шестого утра личный секретарь папы, не застав его, как обычно, в часовне при папских апартаментах, вошел к нему в спальню и нашел его мертвым. Свет в спальне был зажжен, словно папа собирался читать. Немед-

ленно прибывший на место доктор Буццонетти констатировал смерть, наступившую, вероятно, в 23.00, и квалифицировал ее как «внезапную кончину, причиной которой можно считать инфаркт миокарда».

Затворились бронзовые врата собора Св. Петра. В знак траура был приспущен ватиканский флаг. То была, так сказать, дань внешнему выражению чувств. Но кардинал Баджо, например, один из тех, кого папа решил удалить из Рима, был весьма сдержан в эмоциях. «Господь использует нас, но он в нас не нуждается», — сказал он, увидев безжизненное тело папы. На вопросы журналистов о том, что теперь будет, он хладнокровно ответил: «А теперь мы сотворим другого папу».

Замысел Вийо немедленно приступить к бальзамированию натолкнулся на возражения в римской курии. Кардиналы Феличе и Бенелли, которые были в курсе проектов перемен, задуманных папой Лучани, выражали недоумение по поводу такой спешки с бальзамированием, о чем не преминули сообщить Вийо по телефону. За стенами Ватикана уже циркулировали слухи о предстоящем вскрытии тела; учитывая обстановку в целом, Бенелли и Феличе считали, что это действительно необходимо. Ведь если смерть произошла вследствие отравления, бальзамирование лишило бы вскрытие всякого смысла.

Итальянский закон гласит, что бальзамирование может быть произведено только с разрешения, подписанного представителем судебного ведомства. Если бы в аналогичных обстоятельствах умер итальянский гражданин, немедленное вскрытие было бы проведено в обязательном порядке.

Один из кардиналов, постоянно проживающих в Риме, следующим образом изложил мне те необычайные обстоятельства, которыми оправдывались эти меры по утаиванию истины: «Он (Вийо) сказал мне, что произошло трагическое недоразумение. Папа незаметно для себя принял чересчур большую дозу лекарства. Кардинал-камерленг подчеркнул, что если дело дойдет до вскрытия, то этот факт — превышение дозы — официально подтвердится. Никто, естественно, не поверит, что это произошло случайно. Одни станут говорить о самоубийстве, другие — об убийстве. Вот почему было решено не производить вскрытия».

Я дважды беседовал с профессором Джованни Рама, специалистом, который предписал Альбино Лучани эффортил, кортип-лекс и другие препараты, призванные улучшить его кровяное давление. Профессор Рама наблюдал Лучани с 1975 г. Его соображения относительно возможности того, чтобы его пациент мог случайно принять чересчур большую дозу препарата, являются в данном случае очень весомыми. «О случайном превышении дозы не может быть и речи, — заявил он.

— Иоанн Павел I был очень дисциплинированным пациентом. К приему лекарств он относился весьма аккуратно. Он принимал минимальную дозу эффортила. Обычно прописываются 60 капель в день, ему же было достаточно 20 — 30 капель. Мы всегда соблюдаем сугубую осторожность, прописывая препараты такого рода».

Из беседы с ватиканским деятелем, который подал мне мысль заняться этим расследованием, я понял, что Вийо, видимо, «выстроил» эту свою версию в те краткие мгновения, когда находился в папской спальне, и до того, как положил в карман пузырек с лекарством. Папа умирает в одиночестве в своей спальне, куда он вошел несколькими часами раньше в полном здравии, и после того, как он принял ряд крайне важных решений, одно из которых непосредственно затрагивает самого Вийо. И вот статс-секретарь без каких-либо внешних или внутренних медицинских обследований, без судебно-медицинской экспертизы или чего-нибудь подобного заключает, что известный своей уравновешенностью и здравым смыслом Альбино Лучани случайно убил себя. Быть может, в мистической атмосфере Ватикана истории такого рода и находят доверчивых слушателей. В реальном же мире в таких случаях требуются, очевидно, и реальные доказательства.

Между тем часть ключевых улики, которые могли бы позволить установить истину, уже были уничтожены кардиналом Вийо: прежде всего — медицинский препарат и листки с заметками о предстоящих перемещениях. Можно представить себе, какой паникой был охвачен Вийо — об этом свидетельствует факт исчезновения завещания Альбино Лучани. В нем, наверное, не было ничего существенного, что могло бы пролить свет на причины смерти папы, и тем не менее оно тоже исчезло вместе с главными уликами. Почему, кстати говоря, пропали также очки и домашние туфли? На первый взгляд все это выглядит очень загадочно.

В ватиканских коридорах тем временем множатся слухи. Рассказывают, например, что сигнальная лампочка вызова на панно у дежурного по папским апартаментам горела всю ночь напролет, но никто не откликнулся на вызов. Говорят также, что в спальне были обнаружены следы рвоты и что запачканными оказались некоторые предметы — такова, по-видимому, причина исчезновения очков и ночных туфель. Рвота, как известно, есть первый из симптомов, сопровождающих расстройство организма в результате приема чрезмерной дозы препаратов дигиталиса.

Епископы и священники, шушукавшиеся в ватиканских офисах в тот день, вспоминали трагический инцидент со ско-

ропостижной смертью архиепископа православной церкви Никодима, приехавшего с визитом из Ленинграда. Пятого сентября ему была устроена специальная аудиенция у папы Лучани. Внезапно, без каких бы то ни было предварительных симптомов недомогания 49-летний русский прелат уронил голову на грудь и упал вперед из кресла, в котором сидел. Несколько мгновений спустя он был мертв. Теперь в ватиканских кулуарах говорили, что Никодиму случайно подали чашечку кофе, предназначавшуюся Альбино Лучани. В официальных кругах города-государства Ватикан эти догадки, конечно, отвергали, но задним числом смерть Никодима воспринималась как предвестие того драматического события, которое позже разыгралось в папских покоях.

На протяжении дня 29 сентября было убрано все имущество, принадлежавшее Альбино Лучани, и в том числе его письма, заметки, книги и даже те немногие личные сувениры, которые он держал подле себя. С особой тщательностью сотрудниками государственного секретаря были собраны все конфиденциальные документы. С необычайной быстротой все материальные свидетельства жизни и работы Альбино Лучани были упакованы и вынесены из помещений. В 18.00 все девятнадцать комнат папских апартаментов были полностью очищены от каких бы то ни было предметов, которые могли бы каким-либо образом напоминать о папе Иоанне Павле I. В 18.00 двери папских покоев были заперты и запечатаны кардиналом Вийо. Им предстояло оставаться закрытыми вплоть до момента избрания преемника.

Когда в этот же час в пятницу, 29 сентября, гроб с телом папы был внесен в зал Клементина, а сам зал закрыт для всех посторонних, человеком, испытавшим наибольшее облегчение во всем Ватикане, был, без сомнения, Вийо. Теперь к делу могли приступить технические специалисты. После бальзамирования тела никакое вскрытие практически не сможет выявить наличие яда.

Операция по бальзамированию в зале Клементина продолжалась три часа. Общее руководство ею осуществлял профессор Маррачино и братья Синьораччи. Обследуя останки до переноса в зал и основываясь на отсутствии кадаверической ригидности, братья с учетом температуры воздуха пришли к заключению, что смерть наступила не в 11 часов вечера 28 сентября, а между 4 и 5 часами утра 29 сентября. Их заключение совпало с тем, что сказал им монсеньор Но, также убежденный, что смерть наступила в 5 часов утра.

Я трижды и очень обстоятельно беседовал с обоими братьями. Они твердо стоят на своем: момент кончины приходится на время между 4 и 5 часами, а, стало быть, тело было обнару-

жено не более чем через час после смерти. Если они правы, значит, папа был еще жив или только что скончался в момент, когда сестра Винченца вошла в его спальню. Разумеется, лишь тщательно проведенное вскрытие могло бы с точностью установить, какая из противоречащих друг другу версий является верной. Однако в силу строгого запрета, наложенного Ватиканом, не было взято ни капли крови на анализ, не был изъят ни один орган для обследования. Препараторы приступили к введению формалина и других химических веществ в тазобедренные вены и артерии. Если бы и требовались какие-то дополнительные доводы в подтверждение имевшихся опасений и подозрений, то теперь их было более чем достаточно: имелись все основания думать, что папа был убит. А ведь даже самого малого количества крови было бы достаточно для того, чтобы судебно-медицинский эксперт установил наличие или отсутствия токсических веществ.

Покойнику придали благостное выражение лица. В руки, из которых были вынуты листки с заметками, вложили четки. Около полуночи кардинал Вийо мог наконец удалиться в свои покои для отдыха.

Однако в субботу, 30 сентября, вопрос о вскрытии вновь приобрел, остроту, особенно после заявления монсеньера Сенигальи, который шесть лет служил секретарем Лучани в Венеции. Сенигалья сообщил, что перед отъездом на конклав, где он был избран папой, Альбино Лучани прошел полное медицинское обследование и единое мнение врачей было: «состояние нормальное во всех отношениях». Теперь в пользу вскрытия энергично высказывались и авторитетные эксперты. В Ватикане начиналась настоящая паника.

Для отражения этих требований курия решила контратаковать было объявлено, что проведение вскрытия противоречит правилам Ватикана. То была очередная ложь, придуманная с расчетом, что ее подхватит мировая пресса. В результате вопросов, заданных итальянскими журналистами представителям римской курии, выяснилось, что, говоря о «правилах», в Ватикане имели в виду апостолическую конституцию, провозглашенную папой Павлом VI в 1975 г. Но в этом документе изложены указания на случай избрания преемника папы: о выявлении тайных микрофонов в помещении конклава, о форме бюллетеней для голосования и т. п. Что касается вскрытия, то в документе нельзя найти никаких указаний о том, разрешается или запрещается его проводить. В тексте просто-напросто ничего не сказано на этот счет.

Такова была обстановка, в которой под председательством кардинала Конфалоньери состоялось первое заседание конгрегации кардиналов — органа, направляющего и контроли-

рующего деятельность церкви в период между смертью одного папы и избранием следующего. В этот орган входят все кардиналы, обычно находящиеся в Риме. Как выяснилось, в этот день 30 сентября — в И утра большая часть кардиналов отсутствовала. Из 127 человек, входящих в кардинальскую коллегию, присутствовали лишь 29; в подавляющем большинстве это были, естественно, итальянцы. Вот это-то меньшинство и приняло целую серию решений, самым важным среди которых было, пожалуй, решение о том, что похороны Альбино Лучани состоятся в ближайшую среду, 4 октября. Понимая, что толки и домыслы о причинах смерти будут разрастаться до тех пор, пока внимание публики не будет отвлечено чем-нибудь другим, Вийо и его коллеги изо всех сил торопили дату созыва конклава. Это был очень ловкий ход с их стороны. Кардиналы курии верно рассчитали, что после похорон средства массовой информации займутся главным образом вопросом о преемнике Лучани. Стоило им, таким образом, продержаться до дня похорон — и они могли считать себя в безопасности.

С другой стороны, даже если бы большинство отсутствующих пока кардиналов стало настаивать на вскрытии, им пришлось бы иметь дело с уже принятым решением. Процедура его пересмотра в то ничтожно малое время, какое оставалось до похорон, делала это практически неосуществимым.

Описывая поведение людей, которым доверено руководство римской католической церковью в период междуцарствия, католический психолог Розарио Моччаро выразился следующим образом: «Это была своего рода круговая порука на манер мафии, оформленная под христианское благочестие».

Кому выгодно появление лжемистерий Д. Яллопа о Ватикане, вопрошали те западные журналисты, которые призваны были поддержать официальную точку зрения святого престола на причины смерти Иоанна Павла I. 12 июня 1984 г. пресс-служба города-государства Ватикан расценила «предложения Яллопа», как «абсурдные». Надо сказать, окружение римских первосвященников избирательно реагирует на десятки книг и тысячи статей, ежегодно появляющихся в мире на «ватиканскую тему». Небольшой пассаж на темы католической религии из обычного выступления советского центрального или провинциального журнала может вызвать незамедлительную, чрезвычайно болезненную реакцию со стороны римской курии, и такое ее заявление долго потом перепевается на все антисоветские лады империалистической прессы. О «деле Антонова» и «болгарском следе» святой престол практически не высказывал никакого официального мнения. Молчание, как известно, также может нести в себе глубокий смысл и определять политическую позицию.

Молчанием была встречена публикация в 1983 г. в Париже политической романа «Красная сутана», автор, которого некий Роже Пейрефит сплел сюжет вокруг явно преждевременной кончины Иоанна Павла I, обвинив в этой насильственной смерти Москву и, заодно, изобразив Иоанна Павла II... агентом советской разведки.

Главные действующие лица повторяющейся драмы с хозяевами папского дворца являются гражданами «свободного мира». И можно утверждать, что папа Лучани и папа Войтыла, придя к власти, столкнулись с активным противодействием одних и тех же лиц: Марцинкуса, Джелли, Кальви и К°.

Избрание Иоанна Павла II было осуществлено не без поддержки американских правящих церковных и светских кругов и по этой причине Марцинкусу удалось продлить свое пребывание у кормила власти. Но почва постепенно уходила у него из-под ног. 1981 год был поистине фатальным для Марцинкуса и для многих других.

— 5 февраля: заключен в тюрьму Сан-Витторе в Милане один из заместителей Марцинкуса по ватиканскому банку Луиджи Меннини (71 год, шестнадцать детей). Его настолько уважали главари «красных бригад», что согласились на его посредничество в переговорах между ними и властями в первые недели после похищения председателя христианско-демократической партии Италии Альдо Моро. В 1974 г. миланский судья Урбиши, расследовавший дело Синдоны, отобрал у Меннини паспорт (начальная мера пресечения в Италии). По прошествии семи лет следствия Меннини был обвинен в соучастии с Синдоной, так как являлся советником администрации «Банко привато финансиарио», банка Синдоны, крупным акционером которого был Институт религиозных дел. Другой банкир, секретарь названного института маркиз Массимо Спада начал отбывать срок заключения с начала следствия в октябре 1980 г. Банкир Пелегрино де Стробель, первый заместитель Марцинкуса в Институте религиозных дел, попал в тюрьму в конце 1981 г. по обвинению в том, что был связующим звеном между Ватиканом и «Банко Амброзиано» Роберта Кальви. 70-летнего бывшего адвоката из Флоренции Стробеля роднила с Меннини крайняя скромность в одежде и в поведении. Как писал их биограф, стремление быть неприметными сочеталось у них с редкой невозмутимостью при организации исчезновения крупных состояний, о которых впоследствии уже никто ничего не слышал, включая законных владельцев. Банкиры Марцинкус, Меннини, Стробель и Спада, официальные руководители Института религиозных дел, вовлекли финансы ватиканского государства в такой скандал, который погубил, по выражению итальянского сатирика, тысячи гектаров европейских лесов, если учесть коли-

чество деревьев необходимых для производства газетной бумаги, истраченной на описание и разоблачение перипетий дела, начиная с краха л и кончая гибелью Кальви, которое американский журналист Ричард Хаммер назвал «ватиканской сетью» (тер рора и тайных дел. — Ред.).

— 17 марта: итальянская финансовая гвардия в ходе следствия по делу 500 держателей капиталов, нелегально переправлявших огромные суммы за границу через «Банко Амброзиано» и Институт религиозных дел (список мошенников составил в американской тюрьме Микеле Синдона), обнаружила на вилле главы тайной масонской ложи «Пропаганда-2» Личо Джелли близ города Арещо документы и планы ужасающей взрывной силы.

24 марта: секретарь христианско-демократической партии Фламинио Пикколи признал, что получил в 1974 г. от Синдоны в подарок для своей партии 2 млрд. лир.

— 13 мая: покушение в Риме против Иоанна Павла II. Тяжелораненный глава святого престола остался жить благодаря успешно проведенному срочному хирургическому вмешательству.

— 20 мая: парламентская комиссия, специально созданная для расследования деятельности тайной так называемой масонской ложи «П-2», обнародовала списки с 963 членами фантастического секретного общества, среди которых значились министры, высшие чины армии, полиции и секретных служб, а также видные политические деятели, бизнесмены, финансисты, юристы, издатели, журналисты. В масонской ложе эта буржуазная элита была напрямую связана с ЦРУ США, неофашистским «черным интернационалом», мафией.

— 26 мая: в Риме подает в отставку правительство христианского демократа Арнальдо Форлани. Причиной послужило разоблачение крупнейшего в истории Итальянской Республики скандала о действовавшем много лет «теневом правительстве» «П-2», где разрабатывались планы всех крупных террористических актов и политических преступлений в Италии. В тот же день были уволены в отставку генералы и адмиралы, входившие в опубликованный список членов ложи «П-2».

— 30 мая: директора итальянского телевидения Гуидо Сельва и Франко Коломбо, оба масоны-заговорщики и большие друзья Джелли, сняты с занимаемых постов.

— 13 июня: парламентская следственная комиссия объявила деятельность секретной организации «П-2» противоречащей духу и букве итальянской конституции.

— 5 июля: создан в Ватикане по приказу Иоанна Павла II Совет из 15 кардиналов с целью «изучить экономические и органи-

зационные проблемы святого престола», т. е. «внести ясность», сместить Марцинкуса и навести порядок в управлении ватиканскими финансами.

— 20 июля: Роберто Кальви, директор крупнейшего частного банка Италии «Амброзиано», за незаконную утечку капиталов за границу, за инсценированное банкротство, злоупотребления и обман сотен тысяч вкладчиков приговорен к тюремному заключению сроком на 4 года и к штрафу в 16,3 млрд. лир.

— 21 сентября: английская газета «Санди тайме» опубликовала копии документов, уличающих американского кардинала Джона Коуди в присвоении из ватиканской казны двух миллионов долларов, предназначавшихся для католической церкви США. (Этот влиятельный покровитель Марцинкуса, тесно связанный с банкиром мафии и Ватикана Синдоной, имел одно из самых крупных состояний на счету в Институте религиозных дел. В разгар скандала 25 апреля 1982 г. Коуди скончался).

Ликующему, почти отмысному сицилийцу Синдоне кажется уже не таким тягостным оставшийся срок отсидки в нью-йоркской тюрьме. (В сентябре 1984 г. он был доставлен в Италию, а в июне 1985 г. над ним начался судебный процесс в итальянском городе Ассизи). Конечно, он не так наивен, чтобы считать «себя одного могущим «испортить» такое количество своих врагов. Просто стечению обстоятельств было угодно (а ворожеи по данному вопросу всегда имеют высшие знаки отличия агентов спецслужб США), чтобы и признания Синдоны были использованы для сведения счетов. Марцинкус, как загнанный, обложенный со всех сторон зверь, чувствовал приближение конца.

Конечно, Ватикан открещивался от каких-либо сомнительных сделок с «Банко Амброзиано», предпочитая выдавать себя за жертву комбинаций покойного Кальви. Судя по всему, для большей убедительности произведено было некоторое перераспределение ролей в управлении: теперь деятельность Ватиканского банка контролируется государственным секретарем кардиналом Казароли. По мнению агентства Рейтер, это «принизило роль» Поля Марцинкуса как президента Ватиканского банка. В дополнение к этому сделан и красивый жест: Ватикан согласился выплатить 250 млн. долларов в счет погашения долга потерпевшего крах «Банко Амброзиано». Этот жест явно был рассчитан на то, чтобы как-то сгладить сложившееся мнение о том, что Ватиканский банк выбирает себе в партнеры людей отнюдь не кристальной репутации, а ряд его операций носит, мягко говоря, сомнительный характер.

Реформа ватиканских финансов является одной из самых! масштабных операций, предпринятых Войтылой. Она началась спустя несколько месяцев после восшествия его на престол и продолжается по сей день. Папа получил поддержку большин-

ства из ста кардиналов, периодически съезжающихся со всех концов планеты на конклавы в Ватикан. Епископы стран «третьего мира» отнюдь не склонны разделять точки зрения американского кардинала, поляка по происхождению, Джона Крола, согласно которой, разрастающийся скандал вокруг Марцинкуса и его окружения существовал больше на страницах мировой печати, чем на самом деле. Кардиналы бедных церквей развивающихся стран — пакистанец Кордейро, архиепископ Карачи, бразилец Салис ди Араужу, архиепископ Рио-де-Жанейро, архиепископ Найроби, архиепископ Манилы, архиепископ Мехико и др. — не стали скрывать своего возмущения тем, что Марцинкус заключал тайные сделки с финансистами самого разного толка, совершал миллиардные торговые и спекулятивные операции, которые им очень трудно объяснить своей пастве, обитателям бескрайних трущоб.

На конклаве 9 ноября 1982 г. государственный секретарь Ватикана Агостино Казароли заявил о намерении восстановить первоначальный статус Института религиозных дел (ИОР) как сберегательной кассы для денег, собранных католическими церквями, и органа перераспределения средств, поступающих от богатых церквей церквям бедных стран. Казароли говорил о создании филиала ИОР в Риме, который должен гарантировать итальянскому государству полную ясность в области ватиканских финансов. В основе критериев неспешно осуществляемой реформы всего экономико-финансового аппарата Ватикана лежит главное решение, — писал итальянский журнал «Ринашита» (3.12.1982), «лишить Институт религиозных дел целого ряда прав и привилегий капиталистического международного банка, вернуть ИОР статус церковного института, пусть даже ведающего крупными финансовыми средствами». Цитируемый здесь приказ Войтылы был категоричен: «Святой престол может и должен прибегать к добровольным пожертвованиям верующих, но он не должен использовать другие средства, которые могли бы показаться менее достойными, учитывая его особый характер». По мнению Войтылы, даже в случае дефицита больше не следует прибегать к подобной практике, которая в конце концов связала ИОР с такими личностями, как Кальви или Синдона: «Нужно будет специально воззвать к щедрости верующих, информируя их о потребностях, им недостаточно известных».

Не следует думать, что католическая церковь решила тем самым избрать в качестве модели управления своими финансами «кружку для пожертвований». Совершенно очевидно, что будет по-прежнему продолжаться деятельность обновленного ИОР под контролем группы кардиналов и группы экспертов-мирян. И точно так же будет по-прежнему проводиться политика меж-

дународных финансовых капиталовложений, но уже под контролем префектуры по экономическим делам (возглавляемой кардиналом Каприо), в руководстве которой доминирующее положение занимает архиепископ Кельнский кардинал Хёфнер, архиепископ Филадельфийский кардинал Крол и архиепископ Нью-Йоркский кардинал Кук. Указания Войтылы направлены на проведение курса, при котором ослабнут вес и роль центральной ватиканской курии, усилится влияние церковью США и ФРГ. Последние, гарантирующие значительную финансовую поддержку бедным церквям развивающихся стран, не желают финансировать мафию и прочих итальянских авантюристов и спекулянтов. Как считают эти и без того влиятельные епископаты, им надлежит усилить свой контроль над тем, как центральные ватиканские власти распоряжаются финансовыми средствами, от которых в значительной степени зависит влияние католической церкви в странах «третьего мира». Если выражаться еще понятнее (язык церковных формулировок ясностью никогда не отличался), то США были решительно настроены осуществлять эффективное, с их точки зрения, руководство делами Ватикана и всей мировой католической церкви уже хотя бы по той причине, что они за эту церковь платят. В Вашингтоне убеждены, что власть в Ватикане должна принадлежать американским кардиналам и ЦРУ, а не плохо контролируемому итальянскому уголовному люду, всяким там кальви, синдонам и джелли.

Трудно сказать, почему Ватикану понадобились услуги именно Синдоны. Видимо, потому, что при определенной деятельности нельзя обойтись без дельцов типа Синдоны, вечно балансирующих на грани закона?

Синдону часто называли банкиром «бога и мафии», но он был не единственным финансистом, умудрявшимся одновременно служить и богу, и мамоне. Его наследником можно считать Роберто Кальви, бывшего президента «Банко Амброзиано». Как писал журнал «Эуропео»: «Он мог бы конкурировать с Синдоной по части создания заграничных отделений банка и всякого рода обществ с целью замаскировать незаконные операции по переводу за пределы Италии огромных сумм. Синдона провалился с этими операциями, а Кальви пошел далеко. Его империя разрасталась. Она насчитывала 12 тысяч служащих и 40 тысяч акционеров».

Но вот Кальви попадает на одной из операций и оказывается за решеткой. Суд приговаривает его к 4 годам заключения и штрафу в 16,6 млрд. лир. Но Кальви тут же выпускают на свободу в ожидании апелляционного процесса. Через несколько дней он вновь занимает президентское кресло «Банко Амброзиано». Как-то в редкую минуту откровенности, по свидетельству еже-

недельника «Еуропео», Кальви говорил: «Если я рухну, то вместе со мною падут и все святыя из рая», — явно намекая на свои тесные связи с Ватиканом.

Кальви действительно в течение ряда лет осуществлял крупные сделки с Ватиканским банком. По его поручению он продал за границу большой пакет акций одного банка и одной страховой компании. Выручка в 20 млн. долларов, которая по закону должна была вернуться в Италию, осела где-то в заграничных банках. Собственно, это и вменялось Кальви в вину. Все же во время следствия банкир никак не решался раскрыть тайну этой операции, опасаясь испортить отношения с президентом Ватиканского банка Полем Марцинкусом. Кальви боялся втянуть в скандал могущественных банкиров из Ватикана, к тому же Ватиканский банк владел 16 процентами акций «Банко Амброзиано». По свидетельству сына Кальви, Карло, отец, находясь в тюрьме, через него обращался к Марцинкусу с просьбой позволить раскрыть секрет, но тот категорически не соглашался. У Кальви, когда он сидел за решеткой, был и постоянный прямой канал связи с Ватиканом через... тюремного капеллана. Об этом писала итальянская пресса.

Есть смысл прислушаться к еще одному свидетельству сына Кальви: «Синдона шантажировал моего отца, и это бесполезно скрывать. Он эксплуатировал финансовые способности отца, присваивал его идеи в проведении ряда операций... Что касается Ватиканского банка, то сохраняющий блестящий фасад, но вечно нуждающийся в деньгах Ватикан выкачивал средства из «Банко Амброзиано» и занимался этим вплоть до смерти отца».

... Чтобы объяснить крах и гибель Роберто Кальви, а также огромную недостачу в «Банко Амброзиано» — бесследное, казалось бы, исчезновение 1200 млн. долларов, — существует множество гипотез. Проверку одной из них можно начать в Риме, далее продолжить анализ интересующих нас событий в Соединенных Штатах и закончить в Польше, в бухгалтерских книгах ныне распущенного профобъединения «Солидарность», объединявшего под своей вывеской контрреволюционные антисоциалистические силы. С целью установить извилистый путь того потока денег, который привел к банкротству «Банко Амброзиано», сотрудники миланских органов правосудия восстановили сложную мозаику в форме документов и свидетельских показаний. Они пришли к сенсационным выводам, которые были частично изложены на страницах римского буржуазного еженедельника «Эспрессо» в марте 1983 г. Статья настолько любопытна, что приводится ниже почти без сокращений:

«Исходным пунктом расследования стала беседа между тремя деятелями — Роберто Кальви, Карло Бинетти, который

был в то время сотрудником министра казначейства Нино Андреатты, и Флавио Карбони, ближайшего доверенного лица банкира Кальви. Карбони незаметно для остальных записал их беседу на пленку, и сейчас она впервые обнародована. Говорил в основном Кальви. При этом он называл Ватикан, папу Павла VI, Марцинкуса, Войтылу, государственного секретаря Ватикана Агостино Казароли, а также «Солидарность». Кальви начал свою речь издали — с операции, касающейся продажи Институтом религиозных дел (ИОР) контрольного пакета акций «Банко католико дель Венето» различным финансовым компаниям, принадлежащим «Банко Амброзиано».

«Марцинкус, — говорил Кальви, — это вульгарный тип, родившийся в одном из пригородов Чикаго, сын бедняка. Он хотел, чтобы эта операция была совершена в тайне, чтобы о ней ничего не знал даже его босс, то есть папа. Я начал настаивать на обратном и сказал ему: «Иди к боссу. Предупреди его». Марцинкус послушался меня. Некоторое время спустя он организовал мне аудиенцию у папы Павла VI, который поблагодарил меня за то, что я решил несколько проблем Амброзианской библиотеки в Милане. В действительности же я понял, что он благодарил меня за операцию, касающуюся «Банко католико дель Венето».

Кальви продолжает свой рассказ (который по-прежнему регистрируется на магнитофонную пленку) и переходит к папе Войтыле. Марцинкус сказал мне, что Войтыла ничего не понимает в финансах и полностью полагается на него. Но он, Марцинкус, вынужден опасаться Казароли, который возглавляет группу, выступающую против него. Если бы Казароли встретил в Нью-Йорке одного из тех бухгалтеров, которые работают на Марцинкуса, отправляя деньги «Солидарности», то в Ватикане разразился бы страшный скандал. То же случилось бы, если бы Казароли увидел хотя бы один документ из тех, о которых мне известно. Вот тогда действительно можно было бы сказать, прощай, Марцинкус, прощай, Войтыла, прощай, «Солидарность». Для этого достаточно предать гласности дело о последней сумме — 20 миллионов долларов. Я сказал об этом также Андреотти (известный итальянский политический деятель, по партийной принадлежности христианский демократ, занимающий ныне пост министра иностранных дел. — Ред.), который сам как следует не понимает, на чьей он стороне. «Если дела в Италии пойдут определенным образом, — заметил он, — то Ватикану придется снять в аренду какой-либо особняк в Вашингтоне, на задворках у Пентагона. Собор Св. Петра будет тогда папе ни к чему».

На этом кончается магнитофонная пленка, которая была обнаружена работниками органов правосудия Рима после смерти Кальви вместе с многими другими пленками в конторе нотариуса Карло Лоллио. Карбони отдал ее Лоллио на хранение. Следователи передали пленку специальной парламентской комиссии по расследованию деятельности масонской ложи «П-2». Там она находилась почти целый год. Комиссия столкнулась с большими трудностями при проверке взрывоопасных заявлений бывшего президента «Банко Амброзиано». Лишь вдова Кальви несколько раз приводила сведения, ссылаясь на мужа, подтверждающие версию пленки. Но каждый раз Ватикан опровергал все слухи о финансировании римско-католической церковью «Солидарности», потому что если бы они подтвердились, то возник бы самый настоящий международный кризис, последствия которого предвидеть невозможно.

Однако все опровержения (которые следовали одно за другим; последнее было опубликовано неделю назад) имели одну любопытную особенность: Ватикан никогда официально не исключал того, что все те многочисленные иностранные компании, которые были созданы «Банко Амброзиано», могли финансировать «Солидарность». Святой престол добавлял при этом, что если такое финансирование действительно имело место, то церковь, папа, Марцинкус никак не могли знать об этом, ибо не существовало никаких оперативных связей между иностранными компаниями «Банко Амброзиано» и Ватиканом. Однако этому не верят ни Итальянский банк, ни министерство казначейства, ни работники органов правосудия в Италии после того, как были обнаружены известные гарантийные письма, в которых ИОР подтверждает, что берет на себя опеку над многочисленными панамскими и центральноамериканскими компаниями, зависящими от «Банко Амброзиано».

Кроме того, несколько недель назад миланские органы правосудия раздобыли новые данные, позволяющие доказать связи с «Солидарностью» «Банко Амброзиано». Анализ этих документов, которые были получены в Люксембурге, Перу, Швейцарии, на Багамских островах, в Лихтенштейне, Никарагуа и в Соединенных Штатах, позволил следственным органам прийти к выводу, что главным каналом финансирования польского профсоюза, возглавляемого Валенсой, был как раз банк Роберто Кальви. Всего «Солидарности» было передано несколько сотен миллионов долларов. Они прямым или обходным путем поступили от «Банко Амброзиано», некоторое время находились в Соединенных Штатах, а оттуда, несомненно, по подпольным каналам были отправлены в Польшу для «Солидарности».

Это открытие позволяет добиться значительного прогресса в судебном следствии, которое одновременно должно дать пищу для бурной международной полемики, не говоря уже, естественно, о том, что оно непосредственно затрагивает репутацию паны поляка. В самом деле, если, с одной стороны, наконец-то открывается, чем была вызвана большая часть огромного дефицита, обнаруженного в «Банко Амброзиано», то, с другой стороны, все еще не решена главная проблема всего этого дела — кто именно, Кальви или Марцинкус (как доверительно заявил банкир во время вышеупомянутой беседы, записанной на пленку), был инициатором операции и финансистом «Солидарности»? На этот вопрос пока возможно дать лишь предположительные ответы, основанные на логических заключениях, а также привести несколько свидетельских показаний.

Возможно ли, чтобы Кальви придумал всю эту операцию один? И далее, возможно ли, чтобы банкир с его способностями и опытом решил обескровить, как это и произошло на самом деле, всю свою финансовую империю только для того, чтобы обеспечить себе симпатии святого престола и папы Войтылы? Возможно ли, чтобы такой хитрец, как Кальви, разработал эту интригу втайне от Марцинкуса, чтобы поставить его перед свершившимся фактом и шантажировать его с единственным результатом — в конечном счете рухнуть под бременем этой операции?

Сама логика и свидетельские показания побуждают следователей высказать совершенно другие предположения. Кальви не мог проделать все это в одиночестве. Флавио Карбони, который сейчас находится в тюрьме по обвинению в злостном банкротстве, рассказал о некоторых доверительных беседах с Кальви на эту тему. Карбони подтвердил, приведя массу подробностей, ту самую беседу, которая была записана им на пленку. Но когда во время допроса дело дошло до Кальви, Ватикана и «Солидарности», Карбони вдруг замолчал. Весьма возможно, что причина этого очень простая. Скоро закончится срок предварительного тюремного заключения Карбони по делу о злостном банкротстве, пока единственным преступлении, которое послужило основанием для передачи его Швейцарией в руки итальянского правосудия. Он, таким образом, сможет в скором времени выйти из тюрьмы. А раз так, то какой смысл ему сейчас впутываться в опасные связи между «Солидарностью» и Ватиканом?»

Последние дни Кальви-старшего и его смерть содержат только таинственного и проходят на таком уголовно-криминальном фоне, что трудно не согласиться с мнением, высказанным журналом «Эуропо»: «Писатель Конан Дойл не сумел бы поставить перед своим Шерлоком Холмсом задачи более трудной и сложной, чем расследование дела Кальви». По утверждению сына Кальви, отец отправился в Лондон, чтобы попытаться освободиться от власти Ватиканского банка. Идея включалась в том, чтобы найти покупателя доли Ватиканского банка в «Банко Амброзиано», который наряду с их покупкой взял бы и обязательство погасить долги Ватиканского банка. По оценкам Кальви-младшего, «такая операция могла бы означать конец власти Марцинкуса и смену караула в финансовой системе Ватикана». И еще одно сенсационное свидетельство сына Кальви: «На предстоящем апелляционном процессе в Риме мой отец собирался рассказать все, что шал, назвать имена всех лиц, замешанных в комбинациях «Банко Амброзиано». Это главный мотив того, как он считал, что его жизнь находится в опасности».

О соотношении сил внутри ватиканской курии к моменту покушения на папу Иоанна Павла II говорится в газете французских коммунистов «Юманите» (4.4.1984), которая опубликовала статью своего специального корреспондента в Риме Жака Жоржа под заголовком «Тщательно спланированные заговоры. Финансисты, недовольные папой»:

«У некоторых финансистов были весомые основания критиковать Иоанна Павла II. Новый папа, избранный 16 октября 1978 г., приказал в начале 1979 г. ограничить некоторую деятельность Института религиозных дел. Речь шла, в частности, о том, чтобы ограничить крупный трансферт между Италией и Швейцарией, а также на другие финансовые рынки — трансферты, в которых участвовал этот возглавляемый Марцинкусом банк, получая за это комиссионные от 10 до 30 процентов. Вследствие этого приказа Иоанна Павла II было возвращено 3С млн. долларов, предоставленных Институтом религиозных дел в долг Микеле Синдоне — этому «банкиру бога и мафии», который в результате обанкротился и оказался, лишившись высокой протекции, в одной из тюрем Соединенных Штатов. Управляющего «Банко Амброзиано» Роберто Кальви ждала еще более печальная судьба. В 70-х годах он покупал испытывающие трудности фирмы, контролируемые Ватиканом. Чтобы отблагодарить его за это, Институт религиозных дел приобрел часть акций этих предприятий. В начале 1981 г., когда начался крах «Банко Амброзиано», Марцинкус попытался спасти этого нового «банкира бога». Указания Иоанна Павла II отнюдь не

облегчили ему задачу, и после покушения на папу банкротство банка повлекло за собой целый ряд насильственных смертей, в том числе «самоубийство» Роберто Кальви под одним из лондонских мостов».

Сам факт избрания на пост папы на конклаве осенью 1978 г. поляка Кароля Войтылы (последним иностранцем, правившим в Ватикане был голландец, возведенный на папский престол в 1522 г. под именем Адриана VI) не очень-то приветствовали многочисленные представители римской курии. Один из них выразил общее недовольство в категоричной форме: «Следующим папой должен быть снова итальянец».

По сообщениям западной печати, угроза жизни папы Иоанна Павла II могла исходить от его ватиканского окружения еще и потому, что кое-кто из высшего духовенства был замешан в крупных финансовых махинациях и, разумеется, боялся разоблачения. В своей сенсационной книге «Ватиканские связи», вышедшей в 1982 г., сотрудник «Нью-Йорк тайме» Ричард Хаммер привел, в частности, свидетельство американского полицейского Джо Кофи, который «вел наблюдение и составил досье фиктивных сделок, имевших место между американской мафией и Ватиканом, конкретно с кардиналом Тиссераном и казначеем святейшего престола архиепископом Полем Марцинкусом — любителем сигар и завсегдатаем фешенебельных римских ресторанов».

Заметим, что впоследствии тот же Марцинкус проявлял «особый интерес» к делу Агджи. ФБР замяло скандал, но, что любопытно, приведенные Хаммером данные никто не опроверг.

Новый глава римско-католической церкви мало устраивал и влиятельные круги крупной итальянской буржуазии. Дело в том, что Ватикан, и прежде всего папы, играли и, продолжают играть важную роль в политической жизни Италии, несмотря на то, что Итальянская Республика и Ватикан представляют собой самостоятельные, независимые с точки зрения международного права государства. Роль эта многогранна, во всяком случае, можно без преувеличения сказать, что без содействия Ватикана крупнейшая в Италии буржуазная партия христианских демократов (ХДП) вряд ли пользовалась бы довольно значительной поддержкой населения. «Не секрет, что когда бы в Италии ни проводились выборы, демохристиане всегда могли рассчитывать на итальянских клерикалов и Ватикан», — подтверждает специалист по итальянским делам Манос Харис в своей книге «Терроризм — любимое детище ЦРУ» (Афины, 1984).

Однако позиция нового папы по ряду политических вопросов стала серьезной проблемой для христианских демократов. После того как по стране прокатилась волна протестов против

предполагавшегося размещения на Сицилии американских крылатых ракет, папа Иоанн Павел II обратился через монсеньора А. Сильвестри к председателю национального совета ХДП Ф. Пикколи с нотой, в которой говорилось, что защита мира и разоружение составляют «часть общей миссии церкви» и что он будет «стремиться к тому, чтобы воздействовать на всю Италию в духе поддержки разоружения». Христианские демократы оказались в. Ведь этим демаршем Иоанн Павел II невольно нанёс удар по союзническим отношениям итальянского руководства с Вашингтоном, которые наряду с тесными связями с Ватиканом являются краеугольным камнем политического курса ХДП.

Не следует также забывать, что к тому времени, когда Иоанн Павел II был избран папой, внутривнутриполитическая обстановка в Италии становилась все более неустойчивой в результате обострения экономического кризиса и активизации террористической деятельности правых экстремистов и так называемых «красных бригад». К тому же в те майские дни 1981 г., когда итальянское правосудие было занято расследованием обстоятельств покушения на папу Иоанна Павла II, разразился крупный политический скандал вокруг масонской ложи «П-2». Эта крайне правая тайная группировка, в состав которой входили влиятельные политические и военные деятели Италии, ставила своей целью ликвидацию в стране буржуазно-парламентской системы и установление авторитарного режима, если и не по образу и подобию Муссолини, то, во всяком случае, имеющего явно неонацистскую окраску. Стали также известными связи членов ложи «П-2» с некоторыми кардиналами папской курии и главное, с ЦРУ. Как сообщала турецкая газета «Миллиет», у дочери магистра ложи Личо Джелли при аресте были обнаружены документы на бланках ЦРУ, где говорилось о сотрудничестве американской спецслужбы с различными правыми группировками, действующими в странах Южной Европы с целью вмешательства во внутренние дела этих государств. «Представляются интересными, — писала «Миллиет», — некоторые утверждения, содержащиеся в одном из писем, полученных итальянской газетой «Темпо», о том, что существует определенная связь между покушением на папу и ложей «П-2».

Примечательно, что скандал вокруг масонской ложи разразился вскоре после покушения на папу и в такой форме, что напрашивался вопрос: а разразился бы он вообще, если бы в это время на престоле появился другой папа? Ибо главарям «П-2» было известно по меньшей мере то, что в своих далеко идущих целях они вряд ли могли бы рассчитывать на поддержку Иоанна Павла II.

Правая печать Италии и других западноевропейских стран постаралась сразу же замять этот скандал, усердно подчеркивая, что ни малейшей связи между покушением на папу и делом с ложей «П-2» обнаружено не было. Итальянская общественность однако, была не удовлетворена таким объяснением. Действительно, как может быть гарантирована безопасность государства, его граждан, включая жителей Ватикана, если руководители спецслужб являются членами правоэкстремистской группировки, ставящей целью уничтожение Итальянской Республики? Вместо такой постановки вопроса и проведения тщательного расследования скандал с масонской ложей «П-2» был представлен как невинная и смешная забава престарелых сеньоров, искавших в масонской ложе... лишь возможность общаться между собой.

Итак, итальянская «сцена» и Ватикан дают немало пищи для размышлений о возможных покровителях Агджи. Любопытной в этой связи представляется точка зрения греческого журналиста М. Смирнеоса, который в одной из своих корреспонденции для газеты «Этнос» писал: «... Пожелаем же удачи тому гиганту журналистского расследования, который возьмет на себя смелость проникнуть в тайный лабиринт связей секретных служб, мафиози, кардиналов и масонов-заговорщиков и найти тех, кто действительно несет ответственность за покушение на папу. Нам же остается только констатировать, что удушливый трупный запах, исходящий из «темных» подвалов Ватикана, от мафиози, банкиров и масонских лож, не смущает заоканских глашатаев ядерного апокалипсиса, призывающих к крестовому походу против «империи зла» на Востоке».

Суждение, высказанное греческим журналистом, разумеется, не распутывает сложный клубок видимых и невидимых соучастников преступления на площади Святого Петра. Однако ясно одно — в Италии и в самом Ватикане у папы Иоанна Павла II было немало противников, которые могли быть заинтересованы в его преждевременной смерти.

НЕОФАШИСТСКАЯ ИМПЕРИЯ ДЖЕЛЛИ

Уже не раз на страницах этой книги мы встречались с именем «почетного мастера» масонской ложи «П-2» Личо Джелли. При чем тут Джелли и его масоны когда речь идет о покушении на папу Иоанна Павла II и провокации, затеянной западными спецслужбами против Болгарии, Советского Союза и других социалистических стран, спросит любопытный читатель. А вот при чем. Листая итальянский журнал «Панорама», нельзя не заме-

тить интервью, которое дал этому журналу Ванни Нистико, бывший сотрудник аппарата Итальянской социалистической партии. Он подробно рассказал о встрече с Личо Джелли в римском отеле «Эксельсиор». В ходе беседы Джелли вынул из большого конверта несколько фотографий папы Иоанна Павла II, который купался в бассейне своей летней резиденции Капельгандольфо. В ответ на недоумевающий жест Нистико главарь масонской ложи «П-2» разъяснил своему «коллеге»: «Это дело связано с секретными службами. Если так легко заполучить эти фотографии, то можешь представить себе, как нетрудно было бы прикончить самого папу». Это высказывание Джелли было опубликовано за несколько месяцев до покушения на главу римско-католической церкви, и никто его никогда не опровергал.

В этой связи представляет интерес публикация мадридской газеты «Паис» в декабре 1982 г. В ней отмечается, что избрание на католический престол нынешнего главы римско-католической церкви «вызвало сильное недовольство и раздражение масонов». Это объясняется тем, что в противоположность папе Павлу VI, ослабившему санкции церкви в отношении масонов, папа Иоанн Павел II опубликовал через святую инквизицию (ее официальное нынешнее название Конгрегация по делам вероучений) документ, запрещающий католикам принимать участие в деятельности масонских лож. А ведь не секрет, что среди масонов есть и высокопоставленные лица католической церкви.

Видимо, имеет смысл остановиться на деятельности масонов — как прошлой, так и настоящей.

Все новые и новые факты, разоблачающие подрывную деятельность масонской ложи «П-2», показывают, что в Италии был открыт самый настоящий тайный центр «контрвласти», который стремился поставить себя над парламентом, правительством, политическими партиями. Темный проходимец Личо Джелли был всего лишь подставной фигурой в руках могущественных сил итальянской и международной реакции, прежде всего США, для которых ложа «П-2» была одним из важных инструментов контроля итальянской политической жизни, бесцеремонного вмешательства во внутренние дела других стран, проведения диверсий против социалистических государств. Рассказ о неблагоприятных делах и планах антигосударственного переворота, вынашиваемых в тайной масонской ложе «П-2», позволит читателю продолжить знакомство с итало-американским миром преступности в области политики и бизнеса. Мир этот раздирают междоусобные распри, в ходе которых победенных сдают в руки правосудия или несут на кладбище.

В наименьшей степени оказывают влияние на расстановку сил в буржуазной Италии ее союзнические обязательства. Вашингтон обеспечивает свои интересы на Апеннинском полуос-

трове и тем, что имеет возможность с помощью таинственных, невидимых постороннему глазу рычагов устранять там неудобных, зарвавшихся и превысивших свои полномочия деятелей любого ранга. Будь то хоть сам папа римский. Или тот же Джелли, несколько лет назад хвастливо называвший себя самым влиятельным человеком Италии.

И судебные власти и служба борьбы с терроризмом со временем накопили внушительный объем информации относительно истинной роли и могущества Джелли и его ложи. Однако вплоть до начала 1981 г. правосудие не предприняло никаких мер против масонов. Привести в действие заржавевший механизм юстиции не смог даже такой начиненный взрывчаткой фактов и цифр документ, как памятная записка, которую представил в марте 1977 г. генерал Сиро Россетти, бывший начальник особого отдела в штабе центрального военного округа и бывший «технический консультант» начальника разведывательной службы СИД Вито Мичели в 1971-1974 гг. Обстоятельство это тем более удивительно. Как смог установить судья Анджело Велла, ведущий следствие по делу о взрыве поезда «Италикус» в 1974 г., из донесений служб безопасности и других документов явствует, что многие представители верхушки ХДП вроде Арнальдо Форлани, Фламинио Пикколи, Джузеппе Бартоломеи уже с начала 1975 г. были осведомлены о закулисной деятельности «П-2» и представляли себе степень опасности такого персонажа с прошлым фашиста-карателя, как Личо Джелли.

В своем меморандуме бригадный генерал авиадесантных войск Сиро Россетти (родившийся в 1919 г. в Ареццо и командовавший партизанским отрядом в годы Сопротивления) дал подробный, тщательный выверенный анализ, своего рода рентгеновский снимок деятельности ложи «П-2» в период с 1971 по 1974 г. Разбору подверглись как сам Джелли, так и способность созданной им организации маневрировать в сферах высшей власти. Генерал Россетти сам состоял в ложе «П-2»: он вступил в нее 8 июня 1970 г. и даже участвовал в работе ее руководящего совета. Целью его было «проверить изнутри», чем же занимаются «братья» «закрытой» ложи, «учитывая, что в их числе были руководящие работники СИД, высшие офицеры вооруженных сил и полиции, высокопоставленные деятели правосудия». Вот почему особо важен тот раздел меморандума, в котором Россетти излагает причины, побудившие его выйти из ложи и официально потребовать ее запрещения.

Уже со второй половины 1972 г. существовали как бы две ложи «П-2». Одна, официальная, была, как и полагается, подконтрольна исполнительной джунте «Великого Востока»; во второй, тайной, безраздельно хозяйничали Джелли и его под-

ручные. Именно в этот период «по личной рекомендации Личо Джелли» как отмечает Россетти, в «П-2» был принят начальник СИД Вито Мичели.

«Мичели, — вспоминает Россетти, — был одним из тех, кому я высказал свою озабоченность по поводу роста влияния такого подозрительного человека, как Джелли. Однако, несмотря на мою ясную, недвусмысленно негативную оценку этого персонажа, Мичели пошел на установление тесных личных отношений с ним».

В 1974 г. в ложу был принят генерал корпуса карабинеров Джулио Грассини, будущий начальник СИСДЕ — службы гражданской безопасности, одной из двух служб, возникших на месте ликвидированной из-за «отклонений» СИД (второй была служба военной безопасности СИСМИ). Напомним, что 1974 год был годом очередной попытки государственного переворота, так называемого «белого путча», замышлявшегося бывшим либералом Эдгаром Соньо и другими реакционерами, которые маскировались лозунгами «молчаливого большинства». Это был также год эскалации «черного терроризма» (бойни, учиненной неофашистами в мае в городе Брешиа, и взрыва поезда «Италикус» в августе), раскрытия «параллельной СИД» и подрывной организации армейского офицерства «Роза ветров». Во всех этих заговорах и преступлениях, несущих на себе отпечаток участия зарубежных шпионских служб и международных центров неофашизма, неизменно обнаруживается присутствие главы «П-2». Россетти характеризует его следующим образом: «Джелли нарочито не скрывал свои широкие возможности проникать в самые различные сферы власти и диктовать свою волю на самых различных уровнях: от секретариата того или иного министра до президентского дворца Квиринале (Джелли открыто говорил, что Джованни Леоне был избран президентом благодаря ему), от парламента до национальных и международных дипломатических кругов».

Никогда еще не бывало, чтобы какой-то авантюрист с помощью махинаций и шантажа втайне от всех приобрел такую власть.

Когда работники миланских и римских органов правосудия вручили весной 1981 г. президенту Итальянской Республики Сандро Пертини свою докладную записку, он содрогнулся. И было от чего: оказалось, что 3 министра, 23 депутата парламента, 10 префектов, 10 генералов корпуса карабинеров (и в том числе Грассини, руководитель секретных служб), 6 адмиралов, 7 генералов финансовой гвардии, 83 президента — генеральных директора государственных компаний и 12 президентов-генеральных директоров частных компаний, 47 директоров банков, множество судей и прокуроров, целая когорта высокопоставленных чиновников и дипломатов, несколько профсоюзных

деятелей — члены тайной масонской ложи «П-2» («Пропаганда-2»), которая стала причиной гигантского по своим масштабам скандала.

Продолжая чтение докладной записки, глава итальянского государства узнал также, что 4 издательства (и в том числе самое крупное в стране — газетно-издательский трест «Риццоли»), 22 газеты, два десятка руководителей Итальянского радио и телевидения тоже входят в состав масонской ложи и в качестве таковых подчиняются великому магистру ложи «П-2» Личо Джелли.

Итальянская полиция всегда утверждала, что заинтересовалась Джелли по доносу его мстительного друга банкира Микеле Синдоны. 17 марта 1981 г. полиция ворвалась на принадлежащую Джелли виллу «Ванда» близ города Ареццо в Тоскане. Джелли, предупрежденный заранее, скрылся. В течение 16 месяцев его нигде не могли обнаружить. Но полицейские, которые проводили один обыск за другим, обнаружили в секретере, как писала итальянская печать, список, состоящий из 962 фамилий членов тайной ложи «П-2». Все эти люди были привлечены тогда к ответственности за участие в «преступной организации», играющей роль «тайного центра власти», политические цели которого заключаются в «ликвидации профсоюзов и парламентской неприкосновенности, в установлении контроля над радио и телевидением, в реорганизации сил порядка и принятии новой конституции». До судебного приговора дело пока не дошло, и лишь часть заговорщиков была вынуждена освободить занимаемые посты.

Относительно удачливости итальянских полицейских, обнаруживших списки членов ложи, известно другое. Эти списки не были тайной для многих властей имущих в Италии. Но попавший в прессу спустя два месяца после обыска у Джелли список членов ложи был передан... из-за океана, и в него вошли лишь те деятели «П-2», которые рассматривались хозяевами как ненужный балласт, опасный груз, от которого полезно освободиться. Даже ценой скандала, сам факт которого есть не что иное, как тоже крупный акт политического террора. Вспомним цель тех, кто инспирировал и направлял деятельность Джелли и ему подобных: подготовить итальянское общественное мнение к необходимости пересмотра конституции и установления авторитарного режима «твердой руки». Потрясенному обывателю внушают, что лучше предоставить чрезвычайные полномочия какому-нибудь кабинету правых, чем терпеть далее присутствие одиозных фигур авантюристов, фашистов и мафиози (и все это в одном лице) типа Джелли-Кальви-Синдоны, а также ужасаться убийствам политических деятелей, судей и журналистов, гибели Альдо Моро, покушению на

папу римского, террористическим актам, огромным количеством невинных жертв.

Один агент ЦРУ (масон Синдона) выступил против другого агента ЦРУ (масона Джелли). Да возможно ли такое, и что сделало бы ЦРУ, случись такое без его ведома? Дни Синдоны были бы сочтены. В действительности благополучно здравствовавший до 1987 г. Микеле Синдона составил в нью-йоркской тюрьме для ЦРУ список членов ложи «П-2», руководство которой сначала подвело его на грань банкротства, а затем бросило на произвол судьбы. Список этот, уточненный и утвержденный ЦРУ, был направлен в Италию в конце 70-х гг., но был надежно похоронен в судебных архивах стараниями двух членов масонской ложи, работников миланских органов правосудия, оказавшихся... в том же черном списке. ЦРУ вторично одобрило более расширенный список ложи «П-2», и вот он-то вызвал такое потрясение умов, что итальянское правительство вынуждено было уйти в отставку. Общественность вдруг уяснила себе, что ни одно политическое событие — закулисное или публичное — не происходит, оказывается, в нынешней буржуазной Италии вопреки воле масонов. Но что же такое масоны? Разве они сохранили еще свое влияние к концу XX века, удивленно вопрошали западные газеты.

То обстоятельство, что масонство сохранилось до нашего времени и превратилось из увлечения некоторых групп людей «религиозно-нравственным самоусовершенствованием» в тайное политическое движение, в орудие империализма и реакции, не может быть понято без учета ряда особенностей его организационной структуры и эволюции, пишет советский ученый В. А. Пигалёв в книге «На службе международной реакции» (М., 1981).

Полагают, что масонство существует в той или иной форме с древних времен, но ближайшим его источником и основой явилась тайная организация «Практических каменщиков» средних веков. Строительные товарищества возникли в Германии в XII–XIII вв. Громадные церковные здания возводились десятилетиями. Рабочие и художники создавали около строек целые городки, где и жили. Их инструменты хранились в хижинах, получивших название лож, где по торжественным случаям собиралось все «братство». Эти сообщества зодчих и живописцев, получившие название «свободных каменщиков» (франкмасонов) в силу дарованных им льгот и преимуществ, с течением времени стали своего рода мощной организацией или даже, как считают некоторые историки, «государством в государстве»: были выработаны правила приема новых членов, церемониал посвящения в «братство», кодекс взаимоотношений друг с другом, клятвы, «судебные» статьи по отноше-

нию к провинившимся» и т. п. Таким образом образовались многочисленные строительные ложи со своим внутренним уставом. Произошла затем их централизация, они стали управляемы главными ложами. В ложах ревниво оберегались секреты строительного дела, числовая мистика, орнаментальная символика и пр. В целях «сохранения тайны» было запрещено заносить все это на бумагу, вследствие чего явилась необходимость в символическом языке, в изобретении шифров, тайных знаков. Добровольный уход из «общества» или переход из одной ложи в другую был сопряжен с определенными трудностями, так как «вольный каменщик» был связан клятвами и обязан был повиноваться мастеру. Ложи своей таинственностью интриговали многих. В них стали вступать не только каменных дел мастера, но и знатные особы, далеко не причастные к строительству.

Считается, что англичане первые додумались до того, чтобы воспользоваться оболочкой строительных товариществ и создать на этой основе тайный «всемирный союз». В 1717 г. четыре лондонские ложи, в которых преобладали знатные особы, объединились в одну Великую английскую ложу. Члены этой ложи провозгласили своей целью «духовное строительство соломонова храма». По поручению Великой ложи масон Андерсен написал свод постановлений, заимствовав их из документов строительных товариществ и применив к новым условиям времени. Этот свод, напечатанный под названием «Книга уставов», лег как бы в качестве законодательного акта в основу союза. Он заключил в себе краткую историю масонства, а также «Общие постановления», обязанности масонов. Устав, в частности, обязывал вновь вступающих в ложу делать определенные денежные взносы и давать присягу строго повиноваться мастерам и хранить тайну братства. Устав приказывал закрыть все «самовольные» ложи, не присоединившиеся к союзу и не подчинившиеся общему руководству.

После установления централизованной власти и введения в практику тесных международных контактов между ложами масоны более широко начинают применять язык символов, тайнопись, условные знаки, пароли, с помощью которых «вольные каменщики» легко узнают друг друга или ведут переписку, общаются на расстоянии. Знаки, символы и пароли, кроме всего прочего, помогают отличить «малопосвященного» масона, от «великочтимого» обладателя «тайнств». Это ведет к разделению «братства» на так называемых «оперативных» масонов, т. е. рядовых членов лож, и «спекулятивных масонов», масонов-теоретиков, представителей орденской знати, «носителей специального знания и моральной теории о духовном

строительстве среди людей». Последние проповедовали, что только они являются подлинными толкователями «соломоновых наук», хранителями «устных заветов», которые не вошли в пятикнижие «Тора», а переданы мудрецами древности «великим мастерам масонства» изустно, а также с помощью символов и знаков.

Масонские ложи в XVIII в. быстро распространились по всей Европе, они появились в Шотландии, Ирландии, Бельгии, Голландии, Германии, Италии, Португалии, Польше, Франции и других странах. Чуть позднее масонство проникло и на другие континенты. В начале XX в., согласно статистике «Ежегодника всемирного масонства», только в Европе насчитывалось 10 265 лож. К настоящему времени их число возросло более чем в три раза.

Нынешние руководители масонских лож — а ими, как правило, являются представители большого бизнеса — имеют своих ставленников и агентов во многих студенческих и молодежных организациях, в профессиональных союзах, в социологических институтах и статистических управлениях, в дипломатических и ученых кругах, в правительствах и партиях. Задача агентов международного космополитического общества — контролировать общественное мнение, изучать политическую ориентацию тех или иных организаций, провоцировать молодых «левых» и демократов на необдуманные поступки с целью их компрометации, незаметно вносить раскол в прогрессивные движения, вербовать новых агентов масонства, особенно из числа «перспективных» молодых людей, собирать нужную информацию для руководителей масонской мафии, чтобы они могли своевременно координировать свои действия, осуществлять закусную политику и т. д.

Масонская работа носит «посвященческий» характер, т. е. члены тех или иных лож посвящают далеко не во все секреты организации, а многие из них даже не знают, во имя чего и на кого они работают. Правда, молодым и малопосвященным все время твердят, что они работают во имя «прогресса», «постижения истины», установления «всемирного братства свободных людей». Но это лишь красивые слова и лицемерные лозунги, на которые руководители масонства никогда не скупились, желая тем самым скрыть свои истинные цели и заманить в «братство» возможно большее число адептов-информаторов. Факты говорят сами за себя. Информацией в конечном итоге распоряжаются те, для кого она и предназначена. А используют ее отнюдь не в целях «мистического постижения мира», «нравственного самоусовершенствования» и «стирания различий между людьми», а в сугубо классовых, элитарных интересах.

Масоны никогда гласно никакой программы не выдвигают, в «мирской жизни» они ограничиваются демагогией, рассуждениями о «всемирном братстве» и «мистическом постижении мира» и всячески норовят использовать «профанов», идущих с ними на контакты, лишь в интересах ордена, сохраняя, повторяем, втайне свои задачи и цели, своих идейных вдохновителей и «сверхинформированных» великочтимых руководителей лож.

Видимо, этим объясняется то, что империалистические круги Запада все чаще используют именно механизм масонства, его организационную структуру, туманное «теоретическое наследие», его опыт конспирации целей, вербовки агентов, политической мимикрии, экономического шпионажа, изоциренных долговременных кампаний по борьбе с национальным самосознанием, его опыт распространения идей космополитизма, «эрзацев» общественного прогресса, абстрактных категорий «всемирных прав и свобод», уводящих в область бесплодной демагогии и внеклассовой оценки событий. Видимо, этим объясняется и то, что многие представители империалистических кругов Запада склонны превратить масонство в своего рода международную «политическую надстройку», сохранив, однако, негласность деятельности и целей его верховных вожаков.

Масонству, возможно, уготована была бы участь экспоната на складе исторических реликтов, если бы оно не обрело «вторую Жизнь» на новой для себя земле. Этой землей стали Соединенные Штаты Америки. Характерной чертой общественно-политической системы США является опора не столько на партии (с более или менее ясными идейными и политическими платформами), сколько на «группы давления» — лобби. Масонские ложи с их организационной структурой на полпути между закрытым клубом и иерархическим тайным обществом на редкость органично вписались в эту систему. Крупный капитал получил как бы готовую форму для отстаивания своих интересов, проталкивания выгодных для себя решений из-за кулис, не открывая лица.

Американского обывателя, ощущающего известную неполноценность из-за отсутствия у своей страны глубоких исторических традиций, влекла к масонам именно их причастность к старине, к прошлому. В обществе без великих идеалов масонство предлагало удобный суррогат «высокой духовности», вполне согласующийся с охранительскими установками. К месту тут оказалась и чисто масонская привязанность к магии, мистике, тайноведению.

За океаном, таким образом, масонство попало на благодатную почву. Первые масоны прибыли туда из Англии в начале XVIII века, а к 60-м гг. нашего столетия из примерно 8 миллио-

нов масонов на земном шаре подавляющее большинство жило в США. Как указывал французский журнал «Истуар», все президенты США, кроме Дж. Кеннеди, были масонами, не говоря уже о государственных деятелях меньшего калибра. Цвет американского бизнеса состоит в родственных масонам клубах «Ротари» и «Лайонз». А когда американский империализм заявил свои притязания на мировое господство, выяснилось, что и странная идея «всемирного братства масонов» может быть поставлена на службу имперской внешней политике США. Связи между ложами разных стран сделались дополнительным каналом закулисного воздействия на политику этих стран. Разумеется, в нужном США антикоммунистическом и антисоветском направлении.

Своего крайнего выражения эта эволюция «вольных каменщиков» достигла в Италии к концу 70-х гг. Произошло это не случайно. Подъем массового рабочего движения резко ускорил в это время кризис буржуазной государственной власти в стране. Стержень всех послевоенных итальянских правительств — христианско-демократическая партия стала терять опору не только в народных массах, но и среди влиятельных капиталистических кругов, где прямо заговорили о том, что «партия, собирающая меньше 40 процентов голосов, но занимающая 80 процентов позиций власти», не может успешно отстаивать интересы монополий. Деятельность ложи «П-2» ощущалась задолго до разразившегося политического скандала. Ряд расследований, проведенных ранее в Италии и связанных с политическими убийствами, заговорами, терроризмом, похищениями людей, шпионажем и коррупцией, давал местным властям повод считать, что в стране и за ее пределами существуют силы, которые оказывают покровительство крайне правым элементам и направляют их преступные акции.

Дело в том, что в стране существует свыше 500 масонских лож с более чем 20 тыс. членов (См.: «Новое время», 1981, № 23, с. 20). Не случайно член руководства Итальянской коммунистической партии Э. Макалузо замечал по этому поводу («Ринашита», 15.5.1980): «Это факт, что на протяжении многих лет большую часть политической и административной жизни нашей страны «регулируют» тайные организации: мафия, масонство, управление по секретным делам министерства внутренних дел, секретные службы финансовой гвардии, а также секретные службы других стран». Масонские ложи, всюду имеющие своих агентов и поддерживающие связи с другими тайными организациями, как указывают итальянские коммунисты, превратились в «разветвленный и опасный центр власти», который всюду расставляет своих людей на ключевые посты.

Разоблачения в деле «П-2» показывают, что масоны занимались сугубо мирскими делами, вплоть до террора и государст-

венных переворотов. Они прислужничали американскому империализму. Учитывая важное стратегическое положение Италии и опасаясь широкого размаха левого движения в этой стране, США начали готовиться к подавлению его еще во время второй мировой войны. Американская разведка сделала тогда ставку на масонов в США и в Италии и сумела в течении нескольких лет подчинить итальянские ложи влиянию заокеанских «братьев». Журналисты Джанни Росси и Франческо Ломбрасса в книге «Именем ложи» (Рим, 1981) подробно описывали, каким образом будущее итальянской ложи «Великий Восток» оказалось в руках американских масонов. При необходимости каналы масонской организации начиная с первых послевоенных лет стали использоваться для воздействия на политические решения итальянского правительства в тех случаях, когда нажим по тем или иным причинам был нежелателен. Правда, для того, чтобы этот механизм действовал как следует, требовалось выполнить еще некоторые условия: вытравить из масонской организации исторически присущий ей антиклерикальный дух, сблизить ее с католической церковью или по крайней мере подвергнуть «христианизации» в соответствии с традициями масонов англосаксонского обряда и, наконец, сформировать и доверить «надежным людям» особо секретный орган, который служил бы проводником влияния и шантажа внутри самой масонской организации. Таким органом стала «закрытая ложа» «П-2». (Ложи, составляющие основную «организационную единицу» масонского ордена, или братства, могут быть двух типов: «открытые» и «закрытые». В первом случае списки членов являются гласными и доступными для ознакомления как масонов, так и лиц, не состоящих в братстве; во втором случае список членов является тайным, а доступ к нему имеют лишь верховные руководители ордена).

Ложу «П-2» с полным правом можно назвать итало-американской. У ее послевоенных истоков наиболее почетное место занял кадровый сотрудник ЦРУ американец Фрэнк Джиллотти. Ему был присвоен титул пожизненного почетного «великого мастера» и заслуженного члена высшего совета итальянских масонов шотландского обряда, а также дано право представлять Италию на международных масонских конференциях. Среди агентов ЦРУ, часто наведывавшихся в Италию послевоенного периода, был другой видный деятель масонского движения США, преуспевающий нью-йоркский хирург Чарлз Фама, друг масона Джеймса Зелербаха, занимавшего до февраля 1950 г. пост главы союзной экономической миссии в Италии, и масона Джорджа Маршалла, государственного секретаря, автора известного плана «помощи» США Западной Европе, носящего его имя. Тесная дружба связывала Фаму

также с президентом компании «Студебеккер» масоном Полем Хафманом.

Авторы книги «Именем ложи» Дж. Росси и Ф. Ломбра-сса далее продолжают: «Джильотти и Фама входили в американскую консервативную организацию «Сыновья Италии», а также в примыкавший к ней «Американский комитет за демократию в Италии» — организацию весьма правого толка. Официально ее миссией был сбор средств в фонд помощи итальянским политическим эмигрантам в США, однако примечательно, что никаких связей с антифашистскими кругами у этого комитета не было. Членами комитета были такие деятели, как Дженерозо Попе, издатель широко распространенной в итальянской общине Нью-Йорка газеты «Прогрессе итало-американо» с четко выраженной профашистской ориентацией, президент правления «Банко д'Америка э д'Италия» П. Джанини, полковник американской разведки Чарлз Полетти, позже — военный губернатор Палермо, Неаполя, Рима и Милана. Еще одним влиятельным союзником тандема Джильотти — Фама был в первые послевоенные годы посол Италии в Вашингтоне масон Альберто Таркьяни, один из главных организаторов операции по исключению левых партий из коалиционного антифашистского правительства Де Гаспери в 1947 г.

Ложа «Великий Восток» в марте 1950 г. пригласила в Рим главу Северного округа американских масонов Мелвина Мейнарда Джонсона. Во время пребывания в Италии Джонсон счел за благо повременить с обещанным было ходатайством перед «братьями» Южного округа о признании ложи «Великий Восток». То был недвусмысленный сигнал к тому, чтобы во главе ложи стали стопроцентные антикоммунисты, готовые к тому же во всякое время повиноваться приказам «братьев» из-за океана. Для масонов из римского палаццо Джустиньяни (штаб-квартира масонских лож в Италии. — Ред.) окончательно миновала пора, когда им дозволялось бравировать антиклерикальными взглядами. Люди, некогда связанные с левыми партиями, окончательно были устранены из руководства ложи, задвинуты в угол и, во всяком случае, поставлены в такие условия, чтобы не быть в состоянии противодействовать «молодой поросли», поднявшейся на долларовой подкормке.

Так итальянское масонское движение согласившись на «чистку своих рядов и дав связать себя по рукам и ногам, вступило на скользкую дорожку, ведущую все глубже в дебри опасной дружбы с деятелями ЦРУ, заправилами итало-американской мафии, международными спекулянтами и генералами путчистами. Оправданием во всех случаях служило одно и то же: интересы антикоммунизма.

Всю вторую половину 60-х гг. тогдашний лидер итальянских масонов Гамберини не покладая рук трудился над «христианизацией ложи «Великий Восток». Его партнерами в этой операции выступают два видных деятеля римской курии: паптер Розарио Эспозито, автор нескольких книг и многочисленных статей по истории масонского движения, и иезуит, член редколлегии влиятельного клерикального журнала «Чивильта католика» Джованни Каприле. Искусно делая вид, что они полемизируют с масонами, эти авторы сумели донести до своих читателей и слушателей мысль о сдвиге руководства палаццо Джустиньяни в сторону церкви. Тем самым они способствовали сближению многочисленных представителей католической интеллигенции и активистов клерикальных ассоциаций с масонским обществом. Но вот что любопытно: сплошь и рядом «обращенные в масонство» католики оказывались в конечном счете в рядах секретной ложи «П-2», то есть под началом у «черного владыки» в фартуке и перчатках «вольного каменщика» — Личо Джелли».

И сегодня существуют созданные еще 20 лет назад из офицеров НАТО масонские ложи в Вероне, Ливорно и Неаполе, т. е. в тех местах, где находятся штабы американских и натовских подразделений в Италии. С 1971 г. Джелли поддерживал тесные связи с генералом Джино Биринделли, бывшем заместителем главнокомандующего НАТО в южной зоне Европы, а затем виднейшим лидером неонацистской партии в Италии. В захваченных полицией архивах Джелли содержатся также данные, свидетельствующие о его секретной переписке с влиятельным представителем итальянской общины в Нью-Йорке Филиппом Гуарино. Последний занимал видный пост в комитете по организации предвыборной кампании Рональда Рейгана и регулярно информировал Джелли о политической ситуации в США. Джелли же, в свою очередь, делал многое для популяризации калифорнийца на страницах итальянской буржуазной прессы и по телевидению. Неудивительно, что руководитель тайной масонской ложи в Италии, содействовавший успеху Рейгана, был удостоен чести присутствовать на торжественной церемонии по случаю его вступления на пост президента США.

До того как Джелли был разоблачен, каждый раз, когда становилось известно о новом случае терроризма, коррупции, мошенничества, контрабанды, подлога, итальянская буржуазная пресса лицемерно восклицала — как все это возможно? Сейчас она, чтобы не делать более серьезных выводов, признает — да, в каждом из таких скандалов замешаны влиятельные деятели, члены ложи. Масонская ложа была едва ли не могущественнее настоящего правительства страны; братья-масоны сосредоточили в своих руках огромную власть, предпочитая, правда, осу-

ществлять контроль над деятельностью государства в строгой тайне. Ложа «П-2» своей главной задачей считала поддержание в Италии политического статус-кво, стараясь не допустить к власти представителей левых прогрессивных сил. Любой ценой. Именно для этого «вольные каменщики» прибрали к рукам рычаги управления не только чернорубашечниками, но и колониями «красных бригад». В ожидании чрезвычайной ситуации экстремисты всех мастей имели почти полную свободу действий и лишь изредка выполняли отдельные поручения своих хозяев.

Если роль своего рода политической охраны в борьбе с левыми прогрессивными силами объединяла ложу «П-2» с ЦРУ, озабоченным сохранением «порядка на южном фланге НАТО», то с мафией братьев-масонов роднило общее стремление выжать максимально возможные прибыли из своей тайной деятельности. Вместе с чернорубашечниками и левацкими ультра мафиози охотно представляли своих убийц в распоряжение Личо Джелли, зная, что в случае необходимости «теневое правительство», в свою очередь, придет на помощь мафии.

Джелли пользовался поддержкой в Италии всех тех, кто ожидал от него содействия в своей карьере. В римском аристократическом обществе, в «высшем свете» считалось хорошим тоном быть членом ложи «П-2». Но становиться членами ложи побуждали не только снобизм и корысть: у Личо Джелли было надежное средство, с помощью которого ему ничего не стоило убедить самых несговорчивых, — шантаж. Он применял это средство постоянно наряду с другими формами давления.

«Для пополнения своей ложи, — свидетельствует итальянский еженедельник «Панорама», опубликовав рассказ одного из бывших членов ложи «П-2», — Джелли пользовался старым проверенным методом. Имея широкую сеть осведомителей, он всегда заранее знал имена реальных кандидатов на важные посты в государственных и частных учреждениях. В решающий момент к такому человеку подходил посланник предводителя тайной ложи и убеждал его, что только их организация, а именно «П-2», может гарантировать назначение на желаемую должность. Наиболее неискушенные сразу же клевали на эту приманку, и спустя несколько дней их приглашали в роскошные апартаменты римского отеля «Эксельсиор» для знакомства с Джелли. Глава тайной ложи лично принимал новых друзей, стремясь обставить встречу как можно более помпезно и торжественно. К участию в подобных церемониях непременно привлекались депутаты парламента и генералы. Трудно сказать, насколько велика была «заслуга» Джелли, однако после официального вступления в должность крупные чиновники и военные всегда возвращались к своему «благодетелю», чтобы стать чле-

нами тайной ложи «П-2». С того дня они становились связанными по рукам и ногам...»

Эта зависимость, впрочем, жиджилась не только на масонских клятвах и «почитании тайнств ордена». Дело в том, что вступающий в ложу должен был не только платить взносы, но прежде всего поделиться важной информацией, предоставить в распоряжение ложи те или иные министерские бумаги, секретные документы государственной или иной важности и тем самым доказать свою преданность тайной организации. Считается, что обязательствам перед ложей должно отдаваться предпочтение перед всеми другими. Фактически, став масоном, человек большей частью уже не волен в своей судьбе. Если он не подчиняется приказам «великого мастера», его карьеру могут испортить или вообще остановить. Что же касается «отступников и предателей», то с ними масонская мафия жестоко расправляется. Нужные связи и возможности у нее для этого имеются.

Империалистическая пропаганда, затушевывая классовую подоплеку событий, прибегает сейчас к фальсификациям... биографии самого Джелли. Используя традиционные рецепты буржуазной политической сказки, борзописцы лепят образ эдакого удачливого злого гения-одиночки, сумевшего тайком от всех сколотить огромное состояние, сделать карьеру у фашистов при Муссолини, а затем водить за нос деятелей Сопrotивления и их союзников. В начале 40-х гг. Джелли бросил фашистских хозяев и стал служить американским — об этом лишь намеком говорится в цитируемом ниже отрывке из пространной статьи во французском политическом еженедельнике «Пуэн» (22.8.1983) «Взрывоопасные архивы беглого Лиса»:

«Недавно Джелли вновь привлек к себе внимание, совершив побег из женевской тюрьмы «Шан-Долон», где он находился в предварительном заключении. Сотрудник римской квестуры судья Доменико Сика так прокомментировал это сенсационное событие: «Исчезновение Личо Джелли не должно вызывать удивления. Зная бурную жизнь этого человека, вполне можно было предвидеть, что он не будет вести себя пассивно. Недаром его прозвали Лисом».

По мере того, как становились известными роль и могущество фальшивой масонской ложи, основанной Джелли 6 января 1971 г., становилось понятно, что это такой скандал, который затмил все остальные скандалы.

Этот параноик раздавал свои гарантии всем тем, кто его окружал. Великий магистр разъяснил своим последователям — Адольфо Санти, христианскому демократу, министру юстиции; Пьетро Лонго, политическому секретарю социал-демократической партии (назначенному министром бюджета в новом правительстве Кракси); Франко Фоски, христианскому

демократу, министру труда; Энрико Манка, социалисту, министру внешней торговли; Вито Мичели, бывшему руководителю секретных служб: «П-2» означает не только «Пропаганда-2» а также «Власть-2», «Контрвласть»!

Чтобы понять, каким образом человек, весьма скромного происхождения и к тому же действующий в одиночку, смог провести подобную операцию, следует учитывать, что Джелли прозвали также Архивариусом. Дело в том, что он на протяжении более сорока лет методично и безжалостно заносил в свои досье все то, что позволяет оказывать нажим на людей.

В 17 лет, окончив среднюю школу в своем родном городе Пистойя, он поступил в добровольный фашистский батальон «Черное пламя», который был отправлен в Испанию сражаться с республиканцами и «красными». После возвращения на родину некоторые из его собратьев по оружию сделали карьеру в фашистской партии и заняли там ключевые посты. На глазах у Личо Джелли они разлагались и незаконно обогащались. Вот тогда он и завел свои досье. В начале войны вышла его книга «Фотографии и хроника иностранного легиона», а затем он поступил добровольцем сначала в 127-й пехотный полк, а затем в 4-й парашютно-десантный полк. В 1944 г., когда крах фашизма уже стал неминуемым, произошел радикальный поворот в его жизни. Секретные службы фашистской республики Сало, воспользовавшись крахом, совершили легендарное ограбление: они захватили сокровища югославского банка (6 тонн золотых слитков и 2 тонны старинных золотых монет) и отправили их в один из портов на Адриатическом побережье, где ценности были погружены на итальянское судно. Фашистским главарем, которому было поручено сопровождать этот ценный груз, был Личо Джелли. После войны Югославия потребовала вернуть ей сокровища. Но Рим вернул только половину. Остальное исчезло бесследно.

Присвоил ли Джелли часть этих ценностей? Некоторые работники органов правосудия считают, что да. Почему же в атмосфере чистки, захлестнувшей Апеннинский полуостров, будущий великий магистр вне только не был арестован, но никто даже не попытался провести расследование? Ответ на этот вопрос таков — его досье.

Затем туман заволакивает следующий отрезок его жизни. У работников органов правосудия есть только предположения, кое-какие данные и очень мало доказательств. Дело в том, что Личо Джелли тщательно замател свои следы, совершая бесчисленные поездки, в частности в Аргентину, куда бежали главари итальянских фашистов. Говорят, что он

обеспечил себе их дружбу и благодарность, так как помог им вернуть имущество, поспешно брошенное на родине: он перевел эти ценности в Южную Америку. Он провел эти незаконные финансовые операции, за которые получал комиссионные, благодаря поддержке парламентариев — христианских демократов (в его архивах имеются доказательства их фашистского прошлого). Уже тогда Личо Джелли понял, как эффективно действует «стратегия шантажа», как он цинично называет свой метод. Перед ним никто не мог устоять. Об этом свидетельствуют некоторые факты.

Первый факт — дело Роберто Кальви, патрона «Банко «Амброзиано». До того как этот банкир был приговорен к четырем годам тюремного заключения и к штрафу в 15 млрд. лир, миланский судья Лука Муччи отобрал у него в декабре 1979 г. паспорт. Несколько недель спустя он вернул ему паспорт. Почему? Потому что Личо Джелли обратился к Уго Дзилетти, заместителю председателя прокуратуры, и попросил его использовать свое влияние на миланского судью. Уго Дзилетти — член ложи «П-2» и Роберто Кальви смог бежать за границу.

Второй случай — с Руджеро Фирро (член масонской ложи, в списке значится под № 1609), заместителем председателя управления валютных операций. Чтобы перевести миллиарды за границу, Джелли нужно было, чтобы Фирро был назначен председателем управления валютных операций. Умберто Ортолани (член ложи, в списке значится под № 1622), друг великого магистра, вел переговоры о его назначении на этот пост, предложив за это деньги некоторым руководителям христианско-демократической партии.

Третий факт — истории с картотекой досье СИФАР, как в то время называлась итальянская секретная служба, распущенная в 1974 г. Эта служба собрала около 30 000 досье на политических деятелей страны. Она получила приказ сжечь эти досье. Так, вот, во время обыска на вилле Джелли полиция обнаружила досье. Каким образом Личо Джелли заполучил их? При соучастии пяти высших руководителей реорганизованных секретных служб, которые являются членами ложи «П-2».

Четвертый пример — махинации с нефтью. Расследуя жалобу, судья города Триеста обнаружил, что нефть, разгруженная с нефтетанкеров беспрошленно, так как она предназначалась для заграницы, не отправлялась за границу, а сбывалась на территории Италии. Итого государственная казна потеряла убытки на 20 млрд. лир. Как удалось обмануть бдительность финансовой гвардии? Генерал Раффаэле Джу-диче, руководитель этой полицейской службы, и еще несколько офицеров финансовой гвардии были членами ложи «П-2».

Личо Джелли, как и положено преступнику, не раз менял местожительство. Вынужденный расстаться с территорией родной Италии, он бежал в марте 1981 г., поселившись в княжестве Монако. Оттуда, из своей виллы в Монте-Карло, он исчез в очередной раз И марта 1982 г., незадолго до того, как сотрудники итальянских секретных служб, которые долго «ждали приказа» о продолжении расследования, явились в дом к Джелли с ордером на арест. «Великий магистр», как часто бывает в таких случаях, был своевременно предупрежден и сумел скрыться. Он объявился и был схвачен впоследствии в Швейцарии при чрезвычайных обстоятельствах.

... В Женеве, в воскресенье 12 сентября 1982 г. вечером в холл шикарного отеля «Нога-Хилтон», что расположен в самом центре города, заходит усатый господин, одетый в серый костюм, в руках у него небольшой чемоданчик. Он предъявляет документы и просит предоставить ему номер. В документах указаны основные данные: Раффазаль Джорджетти, родился в Анконе 30 октября 1938 г., проживает в Арещо — виз Рома, 26, по профессии коммерсант, номер удостоверения личности 55422591. Несколько минут спустя он у себя в номере раздевается, принимает душ и вновь спускается в холл. Внизу его ждет известный римский адвокат Аугусто Синагра, остановившийся в той же гостинице. Они беседуют в течение получаса, вместе ужинают в ресторане и около одиннадцати вечера расходятся по номерам.

На следующий день, в понедельник 13 сентября, коммерсант из Арещо и его адвокат выходят из отеля и пешком направляются в центральное отделение крупнейшего швейцарского банка «УБС». Все это происходит около трех часов дня. Парочка входит в небольшой зал, предназначенный для обслуживания наиболее состоятельных клиентов, и тут Джорджетти неожиданно меняет свое имя, род занятий и национальность. Он предъявляет банковскому чиновнику аргентинский паспорт под номером 2144876, выданный в Буэнос-Айресе на имя предпринимателя Бруно Марко Риччи, и говорит, что хотел бы осмотреть содержимое сейфов, в которых хранятся его тайные вклады. Служащий банка внимательно выслушивает клиента, записывает номера его счетов и выходит. Через несколько мгновений предпринимателя ждет сюрприз: в зал входят двое агентов швейцарской федеральной полиции и арестовывают его.

Спрашивается: кто такой коммерсант из Арещо, столь неожиданно превратившийся в аргентинского предпринимателя?

Ответы на эти вопросы содержались в телеграмме, которую пару часов спустя отправили сотрудники Интерпола в Берне своим коллегам в Рим с пометкой «срочно, секретно». В теле-

грамме сообщалось, что Раффаэль Джорджетти, он же Бруно Марко Риччи, есть не кто иной, как Личо Джелли, только с наклеенными усами и без очков, чтобы его не узнали.

«Джелли, — писали полицейские из Берна своим римским коллегам, — имел в вышеозначенном банковском учреждении («УБС») многочисленные счета на огромную сумму — около 100 млн. американских долларов. На прошлой неделе по распоряжению прокуратуры города Лугано, а также в соответствии с действующим на территории Швейцарии законодательством мы наложили арест на вышеуказанные капиталы, поскольку они принадлежали южноамериканским филиалам миланского банка «Амброзиано», о ликвидации которых было официально объявлено ранее. Исходя из вышеизложенных обстоятельств и руководствуясь имеющейся в нашем распоряжении информацией, мы пришли к заключению, что Джелли прибыл в Женеву, чтобы попытаться снять со счетов эти капиталы и вывезти их за пределы Швейцарии»...

В тот же день с неслыханной для итальянского правосудия оперативностью министерство юстиции направило швейцарским властям письмо с просьбой о немедленной выдаче предводителя масонов. На пяти страницах машинописного текста перечислялись основания для выдачи: разработка антиправительственных заговоров, коррупция, мошенничество, политический и военный шпионаж, преступления против государства, правительственных органов, нарушение законов о наследстве, валютных операциях, хранении оружия, шантаж.

14 сентября 1982 г. в женеvскую тюрьму «Шан-Долон» на помощь Личо Джелли прибыла целая коллегия лучших в Швейцарии адвокатов. В их числе знаменитый Доминик Понзе, окрещенный за свой выдающийся профессионализм «принцем конституции». Под его руководством были разработаны стратегия и тактика защиты Джелли. Аналитической работе адвокатских умов очень способствовали три с половиной миллиона лир, которые главарь масонов «впредь ежедневно выкладывал на бочку.

Содружество ума и щедрости плюс закулисное вмешательство могущественных политических сил сделали чудеса. Месяц спустя швейцарские власти поверили всем объяснениям Джелли, которые он сделал в присутствии «принца конституции». Получилось, что к банкротству «Амброзиано» предводитель масонов не имеет никакого отношения. Капиталы южноамериканских филиалов миланского банка — это, оказывается, его собственные деньги. С управляющим «Банко Амброзиано» Роберто Кальви, который был тесно связан с масонами и удушен ими же в Лондоне как неудобный свидетель, Джелли якобы порвал уже давно. Растаяли обвинения в использовании фальшивых доку-

ментов. Трюк с паспортами стал выглядеть как невинная шутка. Были почти спасены от конфискации 100 млн. долларов.

Из Италии к руководителю «П-2» также поступали хорошие вести. Сообщники гаваря масонов делали все, чтобы помешать высылке магистра в Италию, подсыпать как можно больше песку в шестерни специально созданной парламентской комиссии по расследованию подрывной деятельности «П-2». Назначенная главой комиссии Тина Ансельми скоро убедилась, что ее коллеги совсем не горят желанием помогать ей. Бесконечные склоки по процедурным вопросам, сменяющиеся нескончаемыми ораторскими поединками, практически парализовали работу. Побив все итальянские рекорды по неэффективности, расследование продолжалось многие месяцы. Подвалы римского дворца Сан-Макуто, где заседала комиссия, забиты «Гималаями» документов, в которых никто не может ориентироваться. Проведены десятки слушаний, в среднем по 6 часов каждое. Комиссия грозит превратиться в постоянный орган по регистрации злоупотреблений и преступлений, в говорящую энциклопедию коррупции и разложения, разъедающих итальянское общество.

Саботаж, проволоочки, демагогия — лишь часть средств, с помощью которых делаются попытки похоронить «дело Джелли». Настоящее наступление развернули весной 1983 г, римские судебные органы против Высшего совета магистратуры (ВСМ). Едва ВСМ принял решение о том, что Личо Джелли — опасная личность, возглавляющая подрывную организацию, которая решила установить контроль над Италией, как тут же последовал контрудар. Римский судья Эрнесто Кудилло немедленно оправдал почти всех членов «П-2» под тем предлогом, что они милые, доверчивые, невинные люди, которых Джелли, этот хвостун и фальсификатор, обманул, умолчав, что его ложа — подрывная, а не опереточная. Часть братьев-масонов судья вывел из-под меча правосудия с помощью гениального по простоте аргумента: когда их принимали в «П-2», в Италии еще не существовало закона, который квалифицировал бы это как преступление. Речь может идти лишь об административном нарушении, а посему дело следует сдать в архив.

Стоило Высшему совету магистратуры заикнуться о намерении ознакомиться с документами римской прокуратуры, как он получил новый удар. Сенатор от христианско-демократической партии Клаудио Виталоне возбудил судебное дело против пяти самых решительных членов ВСМ, выступавших за продолжение расследования деятельности «П-2».

Когда Высший совет магистратуры решил уволить из органов правосудия судей, особенно скомпрометировавших себя связями с «П-2», последовал еще один выпад. Генеральный

прокурор Рима Акилле Галлуччи привлек 30 из 33 членов совета к уголовной ответственности за то, что они во время своих заседаний выпили кофе и съели бутербродов на сумму несколько тысяч лир (10 тысяч лир — около 5 рублей), проведенных по статье государственных расходов. Прокурор потребовал сместить судебных работников с занимаемых ими постов, а Высший совет магистратуры распустить. Глядя на размазываемую Галлуччи кофейную гущу, журналисты гадали, сумеет ли судья окончательно упрятать в ней следы скандала вокруг Джелли и «П-2». Понадобилось личное вмешательство президента Италии С. Пертини, чтобы ВСМ оставили в покое.

Время шло, и радужные надежды Личо Джелли, который уже считал дни до своего освобождения, скоро сменились откровенной тревогой. Освобождение явно затягивалось. Вожак масонов начал подумывать: а не хотят ли «братья каменщики» избавиться от него, как избавились от управляющего «Банко Амброзиано» Роберто Кальви?

Оснований для страха было предостаточно. Чем дальше, тем больше Джелли становился для многих крайне неудобной фигурой. Прежде всего для американцев. Цепная реакция нескончаемых разоблачений деятельности «П-2» выставила в весьма неприглядном свете Центральное разведывательное управление США и Белый дом.

Подобную огласку получило использование ЦРУ масонских лож, ставших фактически филиалами этого малопочтенного ведомства в Италии и других странах для разного рода махинаций — от шпионажа, торговли наркотиками и оружием до государственных переворотов. Выяснилось, что на Джелли, влияние которого распространялось многие годы на более чем 500 итальянских масонских лож, объединенных в так называемый «Великий Восток», американские секретные службы вышли еще во время второй мировой войны. И если бы Джелли вдруг заговорил, достоянием гласности стало бы и многое другое.

Вскрылось, что Джелли поддерживал тесные связи с окружением нынешнего президента США. В условиях уже начавшегося в Соединенных Штатах нового предвыборного марафона «дело Джелли» могло сослужить для противников Рейгана такую же службу, как и разгоревшийся скандал с похищением бумаг Картера в ходе предыдущей избирательной кампании.

Наконец, острой костью в горле стал Джелли для швейцарских властей, которых это дело втянуло в дипломатическо-бю-рократический конфликт с Римом. В печать просочились сведения, что определенные финансовые круги альпийской республики имели прямое отношение к банкротству «Банко Амброзиано».

Казалось, для Джелли все было кончено — 19 августа 1983 г. женеvский суд должен был дать разрешение — на его высылку

в Италию. Но думать так значило забывать о том, что у Джелли все еще были очень влиятельные соучастники. Достаточно вспомнить о том, что сказал экс-масон Франческо Синискальки: «Список, переданный органам правосудия, насчитывает всего лишь 962 фамилии. А чедь членами ложи «П-2» были 1720 человек. Следовательно, 758 влиятельных членов ложи продолжают действовать!» Мудрые слова. Слова, на которые не обратили внимания. А ведь можно было предполагать, как подчеркнул судья Сика, что оставшиеся на своих постах члены ложи «П-2» вмешаются в дело. К тому же «великий магистр» сообщил властям фамилии и номера банковских счетов в швейцарских банках «братьев», которые проявили неблагодарность или строптивость. Стратегия шантажа побуждала к взаимопомощи. Вот почему бегство Джелли из тюрьмы «Шан-Долон» не удивляет. Оно доказывает, что оставшиеся на своих постах члены ложи все еще способны подкупать и действовать.

Что же известно о сенсационном исчезновении в ночь с 10 на 11 августа 1983 г. главы итальянской масонской ложи «Пропаганда-2» из камеры № 158 женевской супертюрьмы «Шан-Долон», одной из самых надежных в Швейцарии?

Немногое. Арестован замешанный в исчезновении главаря «П-2» тюремщик Эдуард Череза (31 год), который не только сумел перехватить три предупредительных телефонных звонка полиции, поднятой по тревоге, но и вывел Джелли из тюрьмы. В 7.30 утра после смены охраны предводитель масонов пересек главные ворота «Шан-Долон», спрятавшись в принадлежавшем Черезе автомобиле «рено». На этой же машине они между 7.30 и 8.00 пересекли границу, расположенную в полутора километрах от тюрьмы. Из Франции, как установлено, магистра доставили на вертолете в Монако. Дальше его следы теряются. Чтобы избежать всяких подозрений, Череза должен был бы вернуться к себе домой в Пюплинж, так как он, конечно, знал, что его будут допрашивать. Точно так же, как и его коллег-тюремщиков, дежуривших вместе с ним этой ночью. Но он остался в своем загородном домике во Франции и вернулся к себе домой лишь сутки спустя, чтобы признаться сразу же, что он соучастник Джелли и что он один помог ему бежать за 20 000 франков.

Легко, слишком легко. Человек, который получает 4.500 франков в месяц, не рискнет 7,5 годами тюрьмы за 20.000 франков. При таком тарифе ни одного проходимца не осталось бы в тюрьмах. Или Череза получил больше, гораздо больше денег, или был всего лишь козлом отпущения, которого полиция отдала на растерзание печати для того, чтобы замаскировать гораздо более серьезных соучастников.

Прокручивая еще и еще раз всю предысторию и историю исчезновения главаря масонов, журналисты не могли не обратить внимание на некоторые странные обстоятельства. Стало известно, что еще в феврале 1983 г. швейцарские власти получили в Италии информацию о готовящемся побеге или похищении Джелли и даже об именах его сообщников. Но в Берне не пошевелили пальцем.

Так же давно было известно и о подозрительных контактах Джелли с надзирателем Черезой, телефон которого подслушивали, но от должности тюремщика не отстранили. По существующим правилам каждого террориста, арестованного в Швейцарии, все время переводят из тюрьмы в тюрьму, чтобы помешать его возможному побегу. Для главаря «П-2» почему-то сделали исключение. За несколько дней до исчезновения Джелли над тюрьмой «Шан-Долон» около четверти часа летал неизвестный вертолет, но ни у кого это не вызвало подозрений.

Наконец, непонятно, как один сообщник сумел обеспечить побег или похищение Джелли. Чтобы добраться из камеры № 158 до места, где находился «рено» Черезы, нужно было преодолеть 100-метровый коридор, перегороженный тремя бронированными дверями с двумя замками в каждой, спуститься по лестнице, пересечь футбольное поле, открыть две двери, запирающие автостоянку, причем под прицелом телекамер. Но никто из одиннадцати надзирателей, дежуривших в ту ночь, ничего не видел. «Побег из «Шан-Долон» невозможен без ведома властей», — пришла к выводу швейцарская газета «Вэн-катр эр». Шумиха вокруг главы итальянской масонской ложи «П-2» не утихает, превратившись, как писала газета «Вашингтон пост», в скандал мирового класса.

Западная пресса связывает имя Джелли с любой крупной акцией терроризма в Италии последних десятилетий. Есть доказательства того, что Джелли был лично замешан в большинстве этих преступлений. В то же время имена истинных виновников массовых убийств на итальянских улицах до сих пор неизвестны. Преступления, направленные против республиканского строя, террористические акты, повлекшие за собой большое число человеческих жертв, остаются в Италии нераскрытыми, а заговорщики и убийцы безнаказанными, потому что этому препятствуют их высокие покровители, представители итальянской реакции, стремящиеся к установлению в стране правого режима.

Самые тяжкие кровавые преступления, совершенные в Италии за последние 20 лет, остаются нераскрытыми. В этом плане наиболее печальный рекорд принадлежит террористическим актам, повлекшим за собой большое число жертв:

пьяцца Фонтана в Милане, пьяцца делла Лоджа в Брешии, пассажирский поезд «Италикус», железнодорожный вокзал в Болонье... До сих пор не понесли наказания ни непосредственные виновники этих преступлений, ни те, кто стоял за ними. Расследования по этим делам не завершены. А ведь первое из вышеупомянутых преступлений совершено в 1969 г.

За последние два десятилетия стало известно о четырех попытках государственного переворота: 1964 г. — план «Соло», замышлявшийся руководителем секретных служб генералом Джованни де Лоренцо; 1970 г. — путч «черного князя» Боргезе (этот неофашистский путч сорвался в последний момент, когда вооруженные заговорщики уже проникли в министерство внутренних дел и окружили здание итальянского государственного радио и телевидения); 1974 г. — заговор крайне правой организации «Роза ветров» и так называемый белый переворот того же года, т. е. целая серия неофашистских террористических актов, крупнейшими из которых были взрывы бомб на пьяцца делла Лоджа в Брешии (6 человек убиты, 94 ранены) и в пассажирском поезде «Италикус» (12 убиты, 48 ранены). Всякий раз, когда сведения о готовившихся переворотах становились достоянием гласности, производились аресты, брались свидетельские показания, следовали скандальные разоблачения, и всякий раз попытки свершить правосудие лопались как мыльный пузырь.

В течение многих лет политическая жизнь Италии отмечена сотнями убийств. И если сведения о тех, кто непосредственно убивал, весьма скудны или совсем отсутствуют, то об их хозяевах вообще ничего не известно. Кто организовал в 1976 г. убийство судьи В. Оккорсио, первого человека, вскрывшего связи неофашистов с масонской ложей «П-2»? Почему, хотя преступники давно найдены, дело о похищении и убийстве Альдо Моро осталось до конца не раскрытым, и многие требуют от прокуратуры дополнительного расследования? Кто направляет руку убийц генерала Карло Альберто Далла Кьезы? Все это вопросы, оставшиеся без ответов.

Слишком расплывчаты в Италии рамки закона о государственной тайне. Многие в Италии часто и с охотой действуют по принципу агентов спецслужб, согласно которому «судьям нужно рассказывать как можно меньше».

Все началось со следствия по делу о плане «Соло», когда государственной тайной были объявлены все сведения, касающиеся попытки генерала Джованни де Лоренцо осуществить переворот с целью передать всю власть в стране руководству корпуса карабинеров. Тогдашний глава демохристианского правительства А. Моро распорядился изъять из материалов следствия список людей, подлежащих аресту и ссылке, планы

создания концентрационных лагерей, схемы будущего административного аппарата, перечень кандидатур на руководящие посты в случае захвата власти заговорщиками. Когда все эти документы были изъяты, партиям правительственного большинства не составило никакого труда убедить общественность в том, что никто в 1964 г. и не помышлял о государственном перевороте.

Государственный аппарат не изменил своей тактики даже после того, как в результате взрыва на пьядца Фонтана в Милане погибло 16 человек. Когда следователь Джерардо д'Амброзио обратился в секретные службы с запросом о выдаче документов на замешанного в этом преступлении Гуидо Джаннеттини (журналиста, члена неонацистской партии «итальянское социальное движение» агента спецслужбы министерства обороны), ему ответили: «Ничего сообщить не можем, государственная тайна». Впоследствии Джаннеттини все-таки осудили, но некоторое время спустя он был оправдан. В ходе расследования преступления на пьядца Фонтана, тянувшегося много лет, спецслужбы не только отказывались сотрудничать со следствием, но и помогали замешанным в этом деле неонацистам бежать за границу.

В середине 1982 г., спустя 12 лет после взрыва на пьядца Фонтана, судьям пришлось написать немало писем и телеграмм в адрес спецслужб с угрозой наложить секвестр на необходимую им документацию, чтобы добиться от них сведений о неонацисте Стефано делле Кьяйе. Созданные вместо бывшей СИД новые спецслужбы СИСМИ и СИСДЕ в нарушение закона, согласно которому только премьер-министр имеет право объявлять секретной подобного рода информацию, отвечали на все запросы судей отказом под предлогом государственной тайны. Дело о кровавой бойне на пьядца Фонтана так и остается до сих пор не расследованным.

Следователю Лучано Виоланте из Турина было поручено вести «дело Эдгардо Соньо», бывшего дипломата, которого подозревали в попытке совершить летом 1974 г. военный переворот. Виоланте (в настоящее время он депутат от ИКП) попытался подробнее разузнать, что собой представляет Соньо на самом Деле, с кем из военных он связан, кто финансировал заговорщиков. Он обратился за помощью к спецслужбам и к правительству. Ему ответили: «Никакой информации сообщить не можем государственная тайна». Материалы следствия по этому делу как это часто случалось ранее, были переданы в Рим. В результате Соньо даже не побывал на скамье подсудимых (После второй мировой войны Соньо работал на американское Управление стратегических служб. Позже, когда шеф ЦРУ Даллес перевел его в свое шпионское ведомство, Соньо

выступил в роли основателя в Италии антикоммунистического движения «Мир и свобода»).

Джованни Тамбурино, следователь из Падуи, в 1974 г. приступил к расследованию крайне запутанного дела. Главную роль в нем играла организация «Роза ветров», в которую входили военные, предприниматели, политические деятели, агенты спецслужб и масоны. Цель этой организации, по словам одного из ее членов, заключалась в том, чтобы «защитить государственные институты от марксизма». Тамбурино знал, что руководство спецслужб могло сообщить ему много ценных сведений. Он обратился к ним за помощью, но в ответ ему заявили, что об организации, именуемой «Роза ветров», они впервые слышат и никаких данных о ней не имеют. Спустя годы, когда это дело было надежно запрятано под сукно во Дворце правосудия в Риме, достоянием гласности вдруг стали досье СИД. В трех объемистых папках были указаны имена, явки заговорщиков «Розы ветров», их передвижения и встречи. Однако и это не помогло. На судебном процессе почти все заговорщики были оправданы, некоторые отделались несколькими годами тюрьмы. А до руководства «Розы ветров», предшественницы масонской ложи «П-2», добраться так и не удалось.

Принцип сохранения государственной тайны зачастую оборачивается в Италии уклонением от сотрудничества со следователями, замалчиванием и способствует сокрытию истины. Существует также и принцип тайны следствия, согласно которому все материалы расследования должны храниться в секретных архивах. В первую очередь это касается тех дел, в которых замешаны военные.

«Самоубийство на почве личной драмы» — так была квалифицирована смерть генерала Антонио Анцы, претендента на пост начальника генерального штаба вооруженных сил в 1977 г. Он знал многое о нелегальных торговцах оружием. А несколько позднее самоубийцей был объявлен и полковник Лучано Росси, много лет прослуживший в секретном отделе финансовой гвардии.

Помимо версии самоубийства нередко используется и версия несчастного случая. Так «дорожным происшествием» была объяснена гибель Карло Чильери, одного из основных участников заговора, во главе которого стоял генерал де Лоренцо. «Несчастный случай» произошел и с Энрико Мино, командующим корпусом карабинеров. Вертолет, на котором он летел в Калабрию, взорвался в воздухе.

Интереснейшие подробности о причастности масонской ложи «П-2» и фашистов к взрыву на вокзале в Болонье привел итальянский журнал «Панорама» (9.8.1982):

«В ноябре 1981 г. итальянец Элио Чолини, отбывающий наказание в швейцарской тюрьме г. Лозанны за злостное банкротство на сумму 700 млн. лир (его считают профессиональным мошенником: в Италии и в Южной Америке, где он долгое время подвизался, он выдал множество необеспеченных векселей и совершил растраты на общую сумму несколько миллионов лир), неожиданно попросил, чтобы его приняли сотрудники швейцарской секретной службы. Он сказал, что должен сообщить им нечто важное. После продолжительных бесед в тюрьме его показания были изложены в объемистом досье, которое швейцарская секретная служба отправила дипломатическим путем в Болонью, следователям Альдо Джентиле, Джорджо Флоридия и Клаудио Нунциата, которые расследуют дело о террористическом акте, совершенном в августе 1980 г. на вокзале в Болонье, где, как известно, погибло более 80 человек и были ранены около 200 человек.

Почему международный мошенник Чолини вдруг заговорил об этом террористическом акте? Что ему об этом известно? Он рассказал поразительные вещи: фашисты, члены масонской ложи «П-2», возглавляемой Личо Джелли, ставшие членами новой масонской ложи, так называемой ложи Монте-Карло, видные финансисты, политические деятели являются участниками заговора, имеющего целью подорвать республиканские институты или захватить и упрочить свою власть в Италии.

Для следователей из Болоньи многое из того, о чем сообщил Чолини, отнюдь не новость. А как насчет доказательств? В декабре 1981 г. итальянские следователи выехали в Лозанну и долго допрашивали в тюрьме мелкого мошенника Чолини в качестве свидетеля. Они обнаружили также, что Чолини прежде, чем приехать в Швейцарию, часто встречался в Южной Америке со Стефано делле Кьяйе, основателем фашистской организации «национальный авангард», которого полиция безуспешно разыскивает еще со времени террористического акта на площади Фонтана в Милане.

«Если вы меня выпустите из тюрьмы, я смогу представить вам доказательства — бумаги, документы, подтверждающие все то, что я говорю», — заявил Чолини следователям. Должно быть, он говорил достаточно убедительно, потому что его выпустили из тюрьмы. И через несколько месяцев он представил целую кучу документов, которые еще больше увеличили его взрывоопасное досье.

Именно благодаря заключенному лозаннской тюрьмы и этому досье вновь активизировалось следствие по делу о террористическом акте на вокзале в Болонье, которое почти застопорилось, затерявшись в лабиринте следов итальянских и международных правых сил: следствие, которое велось под-

польно, в обстановке абсолютной секретности, и о котором кое-что стало известно только сейчас, в связи с арестом Эцио Джункилья, руководителя группы масонской ложи «П-2» в Тоскане и организатора исполкома масонской ложи, созданной в Монте-Карло.

Какое отношение имеет монахская масонская ложа к террористическому акту в Болонье? Можно ли верить тому, о чем свидетельствуют документы, представленные Чолини? Следователи настолько в это верят, что 15 апреля этого года выдали ордера на арест делле Кьяйе и группы фашистов, связанных со старой организацией «национальный авангард». А 11 июня этого года они официально привлекли к судебной ответственности по обвинению в причастности к взрыву вокзала в Болонье всех вышеупомянутых лиц и адвоката Федерико Федеричи, тоже члена масонской ложи в Монте-Карло. И наконец, они арестовали Эцио Джункилью. Все это люди, которые сыграли важную роль в истории, начавшейся в 1979 г. в Монте-Карло.

В 1979 г. масонская ложа «П-2», возглавляемая Личо Джелли, оказалась в затруднительном положении: расследования, которые велись в Болонье и Флоренции (по делу о взрыве поезда «Италикус»), сделали менее секретным и более ненадежным этот центр политически-финансовых заговоров и деловых операций. Джелли решил создать новую ложу в столице Монако Монте-Карло, государстве, где нет масонской организации и где, следовательно, можно создать новый «Великий Восток», который получит признание международных масонских лож. В состав новой ложи, которую Джелли назвал «Комитет», он ввел лиц, уже бывших членами ложи «П-2», а также других, которые не фигурируют в списках членов ложи, обнаруженных полтора года назад в его конторе в провинции Ареццо: видных деятелей итальянского политическо-экономического мира, фамилии которых следует держать в секрете, вдали от любопытных глаз.

В создании масонской ложи «Комитет» в Монте-Карло приняли участие Джункилья, Федеричи, Уильям Розати, руководитель отделения ложи «П-2» в Лигурии, скончавшийся в марте этого года, и Энрико Фриттоли, сотрудник экспортно-импортной фирмы «Локади» в Монте-Карло. Контора этой компании, расположенная на улице Сен-Шарль, 5, стала почтовым ящиком масонской ложи «Комитет».

Новая ложа разработала устав и программу. Вот два основных пункта ее устава. Члены ложи: «Чтобы стать членами ложи «Комитет», кандидаты уже должны обладать максимально возможной властью в какой-либо области политической, экономической или культурной жизни». Цели ложи: «Необходи-

мо завоевать власть, осуществлять, сохранять, расширять и делать ее все более прочной».

В прошлом году политическая программа Джелли была обнаружена в сумочке его дочери Марии-Грации, арестованной в аэропорту Фьюмичино. Сначала Джелли лелеял мечту о военном государственном перевороте (вспомните о деле СИ-ФАР более 15 лет назад) и о политическом путче (дело князя Боргезе, 12 лет назад). В 1979 г. Джелли, создав масонскую ложу в Монте-Карло, разработал политический проект консервативно-реакционного толка, своего рода «белый путч», основанный на захвате власти с помощью миллиардных финансовых операций и на замене ряда деятелей в основных политических партиях страны. Установление контроля над органами правосудия, печатью, финансовыми центрами и укрепление власти председателя Совета министров в ущерб президенту республики — это также ключевые пункты программы Джелли.

На рубеже 1979-1980 гг. в связи с неожиданной активизацией правого терроризма в Италии ложа «Комитет», которая была разделена на 33 секции с соответствующим числом председателей, стала также центром совещаний закулисной политической и финансовой власти, сосредоточенной в руках Джелли и связанной с ним.

Некоторые из этих совещаний, состоявшихся в отеле «Париж» и на одной из вилл княжества Монако, привлекли особое внимание итальянских следователей. На одном из этих совещаний, состоявшемся 11 апреля 1980 г., обсуждались крупные операции. Одна из этих операций — сделка «ЭНИ» «Петромин» о поставках саудовской нефти Италии только что завершилась катастрофой: 120 млрд. лир, выплаченных в качестве взятки, были заблокированы парламентским расследованием этого дела. Но были и другие способы «заработать» деньги.

В совещании 11 апреля, подтвержденном целым рядом протоколов, которые Чолини, выпущенный из лозаннской тюрьмы, сумел достать для работников правосудия, приняли участие крупные деятели итальянских финансов и политические, деятели ряда партий. На совещании обсуждался вопрос о передаче государственного концерна «Монтэдисон» в частные руки и была достигнута договоренность о совместных операциях на бирже (с лета 1980 г. за несколько месяцев курс акций повысился вдвое); кроме того, на нем обсуждались политические проекты в духе «белого путча» Джелли. И, наконец, на нем обсуждался вопрос о создании летом 1980 г. «горячей атмосферы» в Италии, чтобы отвлечь внимание от финансовых операций и, таким образом, действовать спокойно.

Выполнение последней части проекта было поручено Личо Джелли, который тоже присутствовал на совещании. А Джелли знает, как обдѣлывать дела, знает, к кому обращаться. С давних пор, а именно с 1963 г., когда он стал членом масонской организации, рядом с ним постоянно находится Стефано делле Кьяйе, замешанный почти во всех операциях фашистов, секретных служб и правого терроризма за последние 15 лет. Делле Кьяйе — это тот самый нужный человек. В Италии его ставленниками являются два фашиста, тесно связанные с военной разведывательной службой, представители более молодого поколения (им по 28 лет) — Альфредо Гранити и Пьерлуджи Пальяй. Болонские следователи сначала выдали ордера на их арест «за участие в подрывной организации, ставящей своей целью покушение на государственные транспортные средства в Риме, Болонье и других городах», а затем привлекли их к уголовной ответственности за участие в террористическом акте в Болонье.

Согласно версии событий, над которой сейчас работают следователи, исходя из информации, полученной от Чолини, именно эти люди были фактическими организаторами взрыва вокзала в Болонье. Непосредственными исполнителями террористической акции в Болонье были два очень молодых террориста из западногерманской молодежной группы, связанной с нацистской организацией Гофмана. Два члена этой группы получили чемодан с взрывчатым веществом, который они оставили в толпе отпускников на вокзале в Болонье». Журналист Коррадо Инчерти, автор вышепротитированной статьи в еженедельнике «Панорама», поостерегся сделать главный вывод, который напрашивается сам собой: тайная империя шантажа и террора, управление которой приписывается Джелли, так заботливо продублирована (штаб-квартиры в Италии и за границей, убийцы и диверсанты разных национальностей), что может функционировать при любых провалах на национальной территории.

Интернационал террора запрограммирован на периодическую смену «управляющих» и киллеров, отдаваемых на растерзание судов, прессы и негодующей общественности. Накал классовой борьбы, нежелание прогрессивных сил идти на заклание к фашистам, часто путают карты ультраправым и их пособникам. В Италии самая сильная массовая коммунистическая партия в Западной Европе. Антипатриотический, антиитальянский курс части буржуазных партий в Риме, подыгрывающих Вашингтону, непопулярен в Италии. Дестабилизации экономического и политического положения на Апеннинах страстно желают слабеющие Соединенные Штаты Америки. На союзников-соперников они обрушивают усилиями секретных служб чум у терро-

ра и финансовых банкротств. Фундаментальный анализ в этой области требует большого профессионального мужества у итальянских журналистов. Не случайно наиболее значительные статьи на эту тему публикуют в Италии под псевдонимом или вообще без подписи. К подобного рода выступлениям относится приводимый отрывок из редакционной статьи журнала «Эспрессо» (4.9.1983) «Секретные документы банкира Кальви»:

«Год назад, то есть со времени краха «Банко Амброзиано», монсеньор Поль Марцинкус внезапно прозрел, или, по крайней мере, пытался в этом убедить. Он повторяет при каждом удобном случае: «Я ничего не знаю. Меня обманули. Я тоже пострадавший». Уже не первый раз монсеньор Поль Марцинкус, американец по национальности, епископ Ортинский, руководитель ватиканского банка Институт религиозных дел (ИОР), изображает святую невинность. Он уже пытался применить эту тактику в 1974 г., чтобы отмежеваться от последствий краха банка Микеле Синдоны.

Сейчас, после банкротства «Банко Амброзиано» Роберто Кальви, в самый разгар скандала, связанного с газетно-издательским трестом «Риццоли», Поль Марцинкус пытается повторить свою попытку. Он уверяет, что ничего не знал о сделках, которые Кальви совершал от его имени, что не имеет никакого отношения к тайным финансовым операциям различных панамских, багамских и других компаний, которые были связаны с «Банко Амброзиано». Он уверяет, что ни разу не был в тресте «Риццоли», практически исключая всякий оперативный контакт с руководителями масонской ложи «П-2» Личо Джелли и Умберто Ортолани. Да, кое-какие документы ИОР подписал, то есть пресловутые гарантийные письма, в которых Ватикан признавал своими подставные компании, несущие ответственность за всю «задолженность» (более 1000 млн. долларов) «Банко Амброзиано»; но эти письма, как он утверждает, представляли собой всего лишь проявление любезности по отношению к другу — Роберто Кальви.

Но ссылки на неведение, на святую простоту опровергаются документами, которые мы обнаружили на Багамских островах в сейфе бывшего президента «Банко Амброзиано», документами, подписанными самим Полем Марцинкусом. Кроме того, есть еще результаты расследования, проведенного органами правосудия Милана, относительно уже не столь таинственных финансовых операций, связанных с газетно-издательским трестом «Риццоли» — «Коррьере дела сера» (одна из крупнейших итальянских газет. — Ред.). И в том, и в другом случае Ватикан, действуя через Поля Марцинкуса, играл роль непосредственного и активного участника. Удивляет также то,

что до сих пор никто из пытавшихся выяснить правду не пошел по следу, который ведет в Ватикан.

Документы, хранившиеся на Багамских островах. Итак, Марцинкус утверждает, что он никогда и ничего не знал о хитросплетениях банковской империи Кальви. В действительности же более 10 лет Марцинкус не только был в курсе всех операций, но и сам оперировал подставными компаниями «Банко Амброзиано» с полным знанием дела. Об этом свидетельствует операция с «Банко каттолико дель Венето», проведенная 27 июля 1971 г. В тот день «Компендиум» (акционерная холдинговая компания с главной конторой в Люксембурге, ул Альдрингер, 14), принадлежащая «Банко Амброзиано», направила следующее письмо Институту религиозных дел в Ватикан: «Имеем честь сообщить Вам о нашем предложении: мы намерены приобрести до 50 проц. акций, составляющих основной капитал «Банко каттолико дель Венето» в гор, Венеция.

На практике это означает, что Ватикан должен получить 46,5 млн. долларов (по курсу, существовавшему 12 лет назад) в обмен на передачу в собственность компании «Компендиум» контрольного пакета акций «Банко каттолико дель Венето». Это крупная операция по преобразованию банка из церковного в мирской, которую пытаются даже оправдать ссылками на мораль: «Сообщаем Вам, — пишет компания «Компендиум» Институту религиозных дел, — что мы берем на себя официальное обязательство сохранить неизменным с точки зрения благородных социальных, моральных и религиозных католических идеалов направление деятельности «Банко каттолико дель Венето». Просим Вас в случае Вашего согласия оставить для нас вышеупомянутые акции». На двух страницах письма, подписанного Роберто Кальви «по специальному поручению «Компендиума», дважды поставлена большая круглая печать ИОР с надписью в центре «Город Ватикан» и стоит замысловатая крупная подпись монсеньора — П. К. Марцинкус.

Итак, подведем итог. Чтобы сохранить приверженность «благородным социальным, моральным и религиозным католическим идеалам», ИОР продает свои акции «Банко каттолико дель Венето» финансовой компании, принадлежащей «Банко Амброзиано» и имеющей главную контору в Люксембурге, то есть в налоговом рае, известном как таковой во всем мире. Но письмо «Компендиума» — это всего лишь начало сложной и весьма запутанной операции. В качестве приложений к этому документу, подписанному Кальви и Марцинкусом, в сейфе на Багамских островах хранится множество банковских счетов ИОР (регистрационные номера 555034 и 578100, исходящий номер 3206; они относятся к банковскому

счету в ценных бумагах № ДУ 90521). Из них явствует, что контрольный пакет акций «Банко каттолико дель Венето», официально проданный ИОР компании «Компендиум», в действительности остался в сейфе Ватикана и официально передавался в разные периоды то одной, то другой из подставных компаний.

Так, например, 29 октября 1971 г., всего через три месяца после первой продажи своей собственности, ИОР сообщает, что часть акций «Банко каттолико дель Венето» приобретена другой подставной компанией — «Радоуэл файнэншл истеблишмент» с главной конторой в Вадуче, столице княжества Лих-тейнштейн, которая тоже является налоговым раем. И вдруг . совершенно неожиданно мы обнаруживаем «Радоуэл файнэншл истеблишмент» в финансовом документе от 31 августа 1972 г., представляющем собой перечень имущества, принадлежащего акционерному обществу-держателю «Дзитропо». Документ подписан Пьер-Сандро Маньони, который больше известен как зять Микеле Синдоны. И опять-таки название «Дзитропо» мы вновь обнаруживаем — как доказательство того, что отношения никогда не прерывались — в письме ИОР от 8 октября 1981 г. (регистрационный номер 775640, исходящий номер 1120), адресованном «Амброзиано сервисиз», Люксембург, бульвар Руайяль, 25-а. В этом письме ИОР официально поручил «Амброзиано сервисиз» оказать содействие в составлении бухгалтерской отчетности и снабжать информацией ряд компаний, и в первую очередь как раз «Дзитропо».

Вся эта документация доказывает, как минимум, что ИОР во главе с Полем Марцинкусом многие годы знал о самых секретных, сложных и бесчестных механизмах финансовых операций Роберто Кальви. В общем, его ссылки на святую наивность явно несостоятельны: налицо нить, длинная нить, которая на протяжении десяти лет и более связывает с ИОР финансовые компании, входящие в группу «Банко Амброзиано», о чем свидетельствуют, впрочем, также те гарантийные письма, значение которых Марцинкус сейчас так отчаянно опровергает.

Этот экскурс в прошлое, пусть даже беглый, порождает множество вопросов, и некоторые из них свидетельствуют об уголовно наказуемых деяниях. Например: с ходе всех этих операций, связанных с продажей за границу контрольного пакета акций итальянского банка, позаботился ли кто-либо о том, чтобы поставить на проданных акциях, как это предписывает закон, штамп: «Акции, имеющие хождение за границей»?

ИОР и газетно-издательский трест «Риццоли». Уже давно известно, что приобретение «Банко Амброзиано» контроль-

ного пакета акций газетно-издательского треста «Риццоли» произошло при тайном и активном участии многих прелатов. Но лишь совсем недавно в ходе расследования было выяснено, что ИОР вместе с главными руководителями «Банко Амброзиано» был одним из тайных непосредственных участников сложной финансовой операции, которая была проведена частично в Италии и частично за границей и которая привела к официальному изменению владельцев капитала газетно-издательского треста «Риццоли», то есть операции, за которую несколько месяцев назад были отправлены в тюрьму Бруно Тассан Дин и Анджело Риццоли. В ходе того же расследования прокуратура выдала новые ордера на арест Личо Джелли и Умберто Ортолани.

Новость заключается вот в чем: в начале 1981 г. 9,8 проц. акций газетно-издательского треста «Риццоли», которые в течение многих лет хранились в сейфах отделения банка Ротшильда в Цюрихе, были, приобретенны панамской компанией «Беллатрикс». А эта компания не только упоминается в гарантийных письмах, выданных ИОР Роберто Кальви, но и является прямым филиалом (это выяснил сам банк Ротшильда) другой компании — «Маник», которая, как считают итальянские и международные финансовые круги, принадлежит ИОР, то есть Ватикану.

Вернемся на несколько лет назад. В 1978 г. финансовое положение треста «Риццоли» уже было очень тяжелым: семейство Риццоли фактически не контролировало свой трест, поскольку 80 проц. его акций были заложены, чтобы уплатить самые неотложные долги. Очень немногие знали о том, кто в действительности был новым владельцем треста. Это, несомненно, знали Кальви, Джелли, Ортолани и — сейчас это можно утверждать, — очевидно, также Ватикан. Все хранили это в таком секрете, что даже самые ближайшие и информированные сотрудники Кальви ничего не могли понять.

Риццоли и Тассан Дин заявили следователям и специальной парламентской комиссии по расследованию деятельности масонской ложи «П-2», что они поняли, кто был таинственным организатором этой операции только в тот момент, когда они выкупили 80 проц. акций. На обратной стороне акций стоял штамп ИОР. Роберто Кальви настоятельно рекомендовал им: «Возьмите эти акции и уничтожьте их немедленно».

Следует обратить внимание еще на две совершенно неизвестные подробности этой операции. Письмо о выкупе 80 проц. акций треста было вручено Анджело Риццоли лишь в самую последнюю минуту; до тех пор его ревниво хранил у себя Личо Джелли. И к тому же эта операция, несмотря на ее

необычайную важность (возвращение в руки Риццоли 80 проц. акций треста было необходимо для того, чтобы затем увелечить капитал и определить новую структуру — доли владельцев), была проведена немного позднее первоначально намеченного срока, потому что как раз в это время (это произошло в феврале 1981 г.) в ходе расследования по делу Микеле Синдоны был арестован Луиджи Меннини, второй по значению руководитель ИОР. А вручить Анджело Риццоли все эти акции мог только Меннини, так как они хранились в его сейфе в Ватикане.

Следы ИОР на этом не кончаются. Сам Джелли навел на след Ватикана во время продолжительных тайных переговоров, которые предшествовали фактическому увеличению капитала треста «Риццоли». Он развил в это время лихорадочную деятельность: разрабатывая секретные планы, создавал сеть контролирующих механизмов. В общем большая путаница, окруженная максимальной тайной. И документы, которые подтверждают эти сложные хитросплетения, отражают совершенно неслыханные масштабы весьма прозаических мошенническо-делаческих операций.

Бруно Тассан Дин, бывший одним из участников этих встреч, во время которых решалось будущее треста «Риццоли», рассказал, что время от времени Джелли прерывал заседания для того, чтобы как он говорил, «проконсультироваться за Тибром». Один из участников заседаний из любопытства последовал за ним и обнаружил, что глава ложи «П-2» вошел в особняк на набережной Арнальдо да Брешия, 14. Что находится в этом особняке, не удалось до сих пор выяснить никому; рядом со звонком на дощечке значатся лишь номера внутренних помещений без указаний, кто там размещается. На звонки никто не отвечает».

Так заканчивается статья без подписи в еженедельнике «Эспрессо». О том, кто является хозяином особняка, журнал намекнул более чем прозрачно. Американские спецслужбы осуществляли координацию усилий таких «управляющих» в закулисном мире прессы, бизнеса, политики, мафии, церкви, как Марцинкус, Джелли, Кальви, Синдона. Выполняя чужую волю, эти четверо манипулировали министрами, генералами, судьями, прелатами, террористами, бизнесменами, издателями и журналистами. Все четверо, будучи партнерами по конкурирующему бизнесу, люто ненавидели друг друга и все покинули политическую авансцену в основном из-за чрезмерных алчности и коварства по отношению к собственным хозяевам и коллегам.

Империалистическая пирамида власти не поколебалась от ухода в небытие названных мошенников. В том виде, в каком

эту пирамиду хотели бы видеть американские и итальянские ультраправые, скандалы 1981 г. ее даже укрепили. Провалы личной карьеры, разоблачения крупных политических и финансовых авантюристов были использованы в качестве очередных вкладов в «стратегию устрашения». Смакование чудовишных подробностей уголовных деяний, безнаказанно творимых десятилетиями, подробнейшие описания глумлений над всеми законами и моральными нормами широко осуществлялось капиталистическими средствами массовой информации с целью заставить итальянцев смириться с неизбежностью — с переходом от режима буржуазной демократии к диктату неофашистской олигархии. Бегство из швейцарской тюрьмы Личо Джелли возродило в Италии опасения, что масонская ложа «П-2», которую он возглавлял, продолжает свою антигосударственную деятельность, передавал римский корреспондент информационного агентства Рейтер (18.8.1983). События последних дней, продолжает он, подтверждают подозрения, что ложа активна до сих пор и располагает широкими связями за границей. Итальянские судебные органы, которые надеялись после выдачи Джелли швейцарскими властями пролить свет на многие скандальные истории, потрясавшие страну в последние годы, и установить, кто стоял за планами дестабилизации обстановки в Италии, теперь потеряли такую надежду. Как отмечает Рейтер, это связано как с исчезновением Джелли, так и с тем, что многие лица, имена которых были обнаружены в списке членов «П-2», продолжают заниматься политической и общественной деятельностью в стране.

Как заявил в интервью корреспонденту Рейтер член специальной парламентской комиссии по расследованию деятельности масонской ложи «П-2» Альдо Риццо, структура ложи осталась нетронутой, несмотря на решение парламента о ее роспуске. «Многие члены «П-2» до сих пор занимают важные посты», — сказал он. По словам А. Риццо, несмотря на проведенную чистку, 5 особенно много остается их в таких ключевых государственных органах, как министерство внутренних дел, МИД и министерство обороны. Однако, по мнению депутата, Джелли не был главным действующим лицом в махинациях «П-2», за ним скрывались гораздо более влиятельные деятели. «Джелли использовался ими как организатор, — заявил А. Риццо. — Эти люди сегодня столь же могущественны, как и раньше, поскольку их скандальные разоблачения не коснулись».

Империалистическая пропаганда (не путать с масонской ложей под символическим названием «Пропаганда-2»), заставила в который раз итальянского обывателя содрогнуться и перекреститься, когда ему назвали лишь один из вариантов серии имен

тех, кто был на самом верху тайной «империи Джелли» — несколько крупных представителей христианско-демократической партии.

Расширение списка тайных руководителей и единомышленников масонской ложи «П-2» осуществлялось невидимым директором империалистической пропаганды. Увольнение ненужных, исчерпавших себя членов подрывной организации дополнялось компрометацией невиновных, попытками дискредитировать тех крупных политиков, которые стоят на пути террористов. В последних числах декабря 1981 г. в парламентскую комиссию по расследованию незаконной деятельности ложи были подброшены магнитофонные записи одного телефонного разговора. Помимо содержания беседы сам факт появления этого документа говорил о незатухающей деятельности разгромленной якобы ложи и активных действиях ее беглых управляющих — Л. Джелли и У. Ортолани.

В итальянском еженедельнике «Панорама» (23.12.1981) была опубликована статья, в которой говорилось о состоявшемся в декабре 1981 г. телефонном разговоре между генеральным директором издательской группы «Риццоли» Б. Тассан Дином и «великим магистром» ложи «П-2» Л. Джелли. Последний, писала «Панорама», оказывал на руководителей издательства группы сильный нажим и склонял их продать крупнейшую в Италии газету «Коррьере делла сера» «своему человеку» — миланскому промышленнику Дж. Кабасси. Почти сразу же после публикации в «Панораме» Тассан Дин направил в парламентскую комиссию по расследованию деятельности «П-2» памятную записку, где подтвердил изложенные в журнале факты.

При прослушивании в парламентской комиссии пленок вскрылись неожиданные факты: в одном из телефонных разговоров упоминалось имя председателя Совета министров Дж. Спадолини. В частности, собеседник Тассан Дина утверждал, что Дж. Спадолини обращался с просьбой о принятии его в члены ложи «П-2». Эти сообщения немедленно были опровергнуты канцелярией правительства. В опубликованном заявлении «решительно отвергается клеветническая попытка связать в какой-либо форме имя . председателя совета министров с именем руководителя ложи «П-2». Единственный вопрос, по которому Спадолини поддерживал связь с масонской ложей «П-2», — это открытая борьба против секты, являющейся тайным центром коррупции и представляющей реальную опасность для демократии, опасность, которая с каждым днем становится все более очевидной».

Газета «Унита» (5.1.1982) писала, что магнитофонные записи телефонных разговоров были специально направлены в парла-

ментскую комиссию, чтобы скомпрометировать Спадолини и спровоцировать досрочные парламентские выборы. В момент, когда в стране развертывалась острая политическая борьба вокруг того, быть или не быть в Италии досрочным выборам, эти события могли оказаться решающими для судьбы правительства. События последующих двух лет подтвердили упорную тенденцию правых политических сил и их пропаганды подбрасывать «факты» с целью отпугнуть массы избирателей от ряда политических деятелей, неугодных реакции. Серия непрекращающихся нападков, к примеру на Дж. Андреотти, имела целью «вывести из игры» одного из самых реальных претендентов на пост президента Италии.

Произведя ряд публичных жертвоприношений и сохранив в неприкосновенности главные структуры тайных подрывных центров, правые силы наносили большой ущерб национальной экономике (коррупция, утечка капиталов за границу, дестабилизация тех промышленников, которые не изъявляли готовности кланяться американским или местным масонам). С помощью масштабных финансовых махинаций банкиры из числа ультраправых сумели завладеть или подорвать позиции большей части итальянских буржуазных средств массовой информации — телевидения, радио, прессы и кино. Крах крупнейшей итальянской издательской компании «Риццоли-Коррьере делла сера», выпускавшей на собственной полиграфической базе миллионы экземпляров книг, 6 ежедневных, 13 еженедельных и 18 ежемесячных журналов, производящей кинофильмы, многие из которых завоевали киноэкраны всего мира, стал олицетворением многих итальянских бед. В январе 1983 г. по обвинению в злостном банкротстве были арестованы по приговору суда и посажены в тюрьму на... 37 дней владелец фирмы Анджело Риццоли-младший и генеральный директор фирмы Бруно Тассандин. Издательская фирма вместо доходов коллекционировала долги, исчислявшиеся многими сотнями тысяч долларов. Значительная часть из них была потрачена, как выяснилось, на подкуп влиятельных лиц из правительственных партий. Чтобы получать банковские ссуды, руководству издательской фирмы необходимо было иметь покровительство со стороны власть предержащих, которые за услугу требовали ответную услугу, в том числе политического характера, навязывая изданиям Риццоли удобный себе курс, толкая руководителей и владельцев треста на новые авантюры. В итальянской прессе время от времени появлялись все новые имена буржуазных политических деятелей, которые, принимая щедрые подачки Риццоли, способствовали краху крупнейшего итальянского издательского треста.

Наиболее ясно историю захвата «Риццоли» правыми силами изложил в мае 1983 г. римский еженедельник «Эспрессо»:

«Банкиры-масоны из скандально шумевшей тайной ложи «П-2» Ортолани, Джелли, Кальви предоставили «Риццоли» кредит из ростовщического процента. Миллиарды лир долга стали множиться как бы сами собой.

Находясь в тюрьме, Анджело Риццоли и Бруно Тассан Дин повторили следователям то, что ранее рассказывали близким друзьям. «Если в своих показаниях они говорят правду, — говорит Массимо Теодори, депутат от радикальной партии и член парламентской комиссии по расследованию дела о масонской ложе «П-2», — то перед нами открывается возможность сделать еще один шаг по пути раскрытия той системы коррупции, закулисных сделок и сообщничества, внутри которой параллельно — а то и перекрестно — действовали правительственные партии и тайные центры власти типа «П-2».

Попробуем проследить, кому это было выгодно.

Преследуемый кредиторами, Анджело Риццоли приезжает в 1977 г. в Рим и приступает к «паломничеству по семи холмам», начиная с таких крупных государственных кредитных банков, как «Италкассе» и ИЧИПУ (Институт кредитования промышленных предприятий госсектора), которые, как он был наслышан об этом, сыпят миллиардами, словно семечками. В банках, однако, визитеру разъяснили, что требуется согласие политиков, причем не упустили случая намекнуть, что в правительственных партиях не слишком довольны поведением Пьеро Оттоне, который в тот момент был главным редактором миланской газеты. «Коррьере делла сера». Анджело стучится в двери политиков, но те поначалу изображают неприступность: мыслимо ли оказывать нажим на такие ведомства, как «Италкассе», ИЧИПУ и т. п.?! Риццоли продолжает настаивать. Запускается механизм «комиссионных». Первыми на сцене появляются «организаторы встреч»: все они получают щедрое вознаграждение. В их числе значится, например, Мауро Леоне — сын Джованни Леоне, который был тогда президентом республики. Младший Леоне, естественно, вхож в любые круги; он предлагает Риццоли — разумеется, не безвозмездно — свои связи, причем не только в Италии. При посредстве сына главы государства Анджело Риццоли устанавливает контакт с такими людьми, как, например, Рокфеллер или банкир кардинала из Кёльна Хеффнер. Однажды за ужином все тот же Мауро Леоне знакомит Риццоли с главой баварского христианско-социального союза Францем-Йозефом Штраусом.

Фирма «Риццоли» передала христианско-демократической партии «подарок» в 800 млн. лир и провела соответствующие переговоры с достопочтенным Мауро Буббико, депутатом

парламента от ХДП. Еще 450 млн. были переданы социалистической партии (ИСП), Рино Формике, который был тогда » главным администратором ИСП.

Впрочем, Буббико и Формика далеко не единственные политические деятели, чьи имена значатся в секретной отчетности «Риццоли». С ними соседствуют, например, заместитель политического секретаря ИСП Клаудио Мартелли, председатель ХДП Фламинио Пикколи, лидер социал-демократической партии (ИСДП) Пьетро Лонго, депутат парламента от ХДП, Джан Альдо Арно. Все они были членами «П-2», а лидер такой неизменно правительственной партии, как ИСДП, Пьетро Лонго был любимцем заправил ложки Джелли и Ортолани. Социал-демократам перепало от Риццоли около сотни миллионов лир, христианским демократам 180-200 млн, лир.

Такова в беглом пересказе история многомиллиардного потока, подорвавшего в конце концов экономическую устойчивость крупнейшей издательской компании Италии. Существуют между тем другая сторона этой истории, которую — пусть отрывочно и второпях — успел рассказать нам до ареста Бруно Тассан Дин.

В 1980 г. «Риццоли» начинает черпать воду обоими бортами: задолженность компании достигает 280 млрд. лир и проценты по долгу превращаются в. сущую удавку. Тассан Дин приступает к поискам партнеров, которые позволили бы . увеличить капитал компании. На словах охотников войти в долю владения вечерней газетой «Коррьере» пруд пруди, реальных же пайщиков найти непросто. В конце концов приходится соглашаться на «проект Джелли» (проект этот позже будет обнаружен в конфискованных бумагах главы «П-2»): 40 процентов акций останется у Риццоли, 40 процентов перейдет к группе пайщиков, состав которой будет уточнен позже, а 10,2 процента будет находиться в руках у «государства в миниатюре», как порой называл свою тайную ложу Джелли.

Тассан Дин все же продолжал поиски какого-нибудь другого выхода из положения, но по-прежнему тщетно.

Тем временем ситуация в корне меняется: сведения о «П-2» становятся достоянием гласности, вспыхивает неслыханных масштабов скандал, Джелли скрывается от ареста. Казалось бы, его «проект» в корне перечеркнут событиями. Но... переговоры с Риццоли и Тассаном Дином продолжаются: их ведет Роберто Кальви — управляющий миланским «Банко Амброзиано», крупнейшим частным банком страны, в котором, как выяснилось позже, при посредничестве «П-2» взаимодействовали, в частности, ватиканские капиталы и капиталы мафии.

Напрашивается естественный вопрос: Кальви действовал в одиночку или за ним стояли все те же Ортолани и Джелли (а может быть, и еще кто-то)?

Как бы то ни было, переговоры некоторое время спустя завершаются в довольно точном соответствии со схемой Джелли: 40 процентов остается Риццоли, еще 40 процентов приобретает финансовая компания «Чентрале», находящаяся под контролем «Банко Амброзиано», и незначительная доля размещается в банке Ротшильда. «Ну а остальные 10,2 процента?» — спрашивает Кальви у Тассана Дина. «Они будут у меня, — отвечает, если верить его рассказу, управляющий «Риццоли». — На их основе мы образуем контрольный синдикат, который будет гарантировать линию издательства от внезапных скачков и перемен». Все это происходило незадолго до ареста Кальви.

Следующий эпизод связан с обнародованием заключенной сделки. Тассан Дин настаивал на скорейшем предании ее гласности, Кальви противился, как мог, Мотивы его сопротивления стали понятны лишь в середине 1981 г., когда за ним захлопнулись двери тюрьмы.

Сразу после ареста Кальви на «Коррьере» обрушилась очередная волна давлений и угроз. Клаудио Мартелли потребовал от Тассана Дина, чтобы газета выступила против миланской прокуратуры, распорядившейся об аресте банкира. Затем к управляющему «Риццоли» явился эмиссар от Кабасси, владельца крупной компании недвижимости и одного из пользующихся протекцией как ХДП, так и ИСП претендентов на покупку доли акций «Коррьере»: если Тассан Дин выйдет из игры — таков был смысл переданного им предложения, — то у Кабасси для него отложены пять миллиардов лир отступного. «Вы негодны влиятельным политическим силам», — подтвердил неуступчивому менеджеру и один из важных океанских гостей...»

Последняя фраза из статьи в журнале «Эспрессо» может служить ключом к пониманию причин краха фирмы «Риццоли». Ее глава был связан с масонами, а в состав административного совета издательского концерна входил Умберто Ортолани, банкир, занимавший в иерархии ложи «П-2» место рядом с Джелли, а возможно, и выше. Но и это правые считали недостаточным. Кое-кто, в частности Тассан Дин, проявляли строптивость. Общий курс политических изданий фирмы «Риццоли» вызывал неудовольствие американских и итальянских масонов с удостоверениями ЦРУ в кармане.

Перечень государственных преступлений в Италии, совершенных с ведома членов ложи «П-2» и ЦРУ, обширен и не исчерпывается попытками политических переворотов, терро-

ризмом и финансовыми аферами. Хорошо известно, что Апеннинский полуостров используется итало-американской мафией в качестве перевалочной базы и отчасти места производства огромных партий наркотиков и оружия, растекающихся затем в разные страны. Генри Арсан, крупный оптовый торговец оружием, многие годы был тесно связан с Джелли и с окружением Мехмеда Али Агджи. Арсан входил в число непосредственных организаторов покушения на Иоанна Павла II.

Международная банда, занимающаяся тайной торговлей оружием, была раскрыта на севере Италии в ноябре 1982 г. В Милане, Тренто и в других городах Северной Италии были тогда арестованы люди, замешанные в подпольной международной торговле оружием. По словам судебного следователя Карло Палермо из города Тренто, который проводил следствие с 1979 г., главным обвиняемым в этом грязном деле является 70-летний Генри Арсан, проживающий в Лугано (Швейцария), владелец миланской импортно-экспортной фирмы «Стибам». Арсан и другие итальянские граждане, замешанные в этом деле, — владелец военного завода Ренато Гамба, два хозяина крупнейшего в Милане оружейного магазина «Сакки» и др. — обвиняются в принадлежности к преступной организации, занимающейся нелегальной торговлей оружием.

В обвинительных актах продолжающегося и по сей день следствия упоминаются сотни вертолетов «кобра» и танков «леопард», тысячи гранат и снарядов и другое оружие американского производства, находящееся на вооружении американских войск в Западной Европе. Несколько партий этого вооружения во время их перевозок на кораблях по пути между Федеративной Республикой и Соединенными Штатами было направлено в другие страны, в частности на Ближний Восток. Куда еще? Газета «Коррьере делла сера» (15.3.1983) отмечала, что речь, в частности, шла о продаже 230 танков на Тайвань, 20 танков и вертолетов в Сомали, партий ракет в некоторые страны Южной Америки и др.

По сообщению газеты «Унита» (30.11.1982), речь идет «о современном оружии, о котором итальянская армия даже не мечтает, оружию с системой наведения, способном соперничать с самым новейшим оружием, производимым в других странах мира. Несколько месяцев назад при продаже одной-единственной партии было тайно сбыто оружия более чем на 200 миллионов долларов».

Генри Арсан и его фирма «Стибам» в Милане были оперативным центром организации, имеющей весьма широкие разветвления не только в Северной Италии, но и в других странах Западной Европы. Газеты сообщали, что в настоящее время

проводится следствие в Швейцарии. Другой факт, который подчеркивала вся итальянская печать, касается того, что эта нелегальная торговля оружием связана и с торговлей наркотиками. Это означает, что героин, морфий и другие наркотики, отправляемые с Ближнего и Дальнего Востока, прибывали в Милан, а на доходы от их продажи закупалось оружие, которое из Северной Италии переправлялось в самые разные районы мира.

Казалось бы, собранные следственными органами данные не оставляли сомнений в том, кто стоит за спиной подпольных торговцев оружием. Об этом наглядно свидетельствовало и клеймо «Сделано в США», которым были отмечены многие виды продававшегося оружия. Однако вопреки элементарной логике арест преступников был использован в Италии для того, чтобы подлить масла в огонь антисоциалистической, в частности антиболгарской, кампании, которая вот уже несколько месяцев искусственно раздувалась на Апеннинах. Буржуазные газеты без всяких на то оснований принялись утверждать, что торговлю оружием направляют «болгарские секретные службы».

На подпольных торговцев оружием Карло Палермо вышел случайно, ведя следствие по делу о контрабанде наркотиками. Затем выяснилось, что Арсан уже давно работал на американскую секретную службу. Дальше — больше. В последних числах марта 1983 г. Карло Палермо отправился в Рим и там подписал ордера на арест пяти человек. Итальянские газеты сообщили, что трое арестованных непосредственно связаны с итальянскими секретными службами и поддерживали контакты с ЦРУ.

В Риме у Карло Палермо состоялась многочасовая беседа с руководителем итальянской службы военной безопасности СИ-СМИ генералом Нино Лугарези. (Его предшественник генерал Дж. Сантовито был арестован и все другие предшественники Лугарези на этом посту были уволены после разоблачений их скандальных связей с путчистами и масонами.)

Как писала газета «Унита» (5.4.1983), «собеседники обсуждали с глазу на глаз деликатные подробности участия итальянских секретных служб в колоссальной по своим размерам подпольной торговле оружием. Всплыла на поверхность и причастность к ней главаря масонской ложи «П-2». Об этом сообщил один из пяти арестованных в Риме экспертов в области ракетостроения Глауко Партель, непосредственно участвовавший в переговорах о поставках ракет в некоторые страны Латинской Америки. Это обстоятельство подтверждается и участием в финансировании подпольных операций с оружием президента «Банко Амброзиано» Роберто Кальви, который был в приятельских отношениях с руководителем ложи «П-2» Личо Джелли. В

свою очередь итальянские секретные службы были связаны с масонами-заговорщиками».

Найдено новое подтверждение о причастности Соединенных Штатов к раскрытой следователем из города Тренто подпольной организации торговцев оружием. Установлено, что двое арестованных, проходящих по этому делу, работали в непосредственном контакте с американцами. Так, фирма Карло Бертончини «Серик», производящая запасные части для военной электронной аппаратуры, значительную часть своей продукции поставляла американской армии. А Энцо Джованнелли выполнял подряды на перевозку контейнеров для американских военно-морских частей, базирующихся на острове Сардиния, и, видимо, не случайно трентинский следователь направил повестки с вызовом для дачи показаний в качестве свидетелей военному атташе посольства США в Риме и высокопоставленному чиновнику римского отделения американского Агентства по борьбе с наркотиками (ДЕА).

К лету 1984 г. выяснилось, что настойчивый провинциальный судья К. Палермо (к тому времени он все еще был жив, а его главный подсудимый Г. Арсан, год спустя после ареста, скончался 12 ноября 1983 г. в миланской тюрьме от сердечного приступа — так было объявлено) результатами своего следствия может дать фору самым изощренным фантастам. Начав с банального дела о контрабанде наркотиков в ряде городов Северной Италии он предъявил 42 своим соотечественникам официальное обвинение (и ордера на арест) в попытке продажи в одну из стран Ближнего Востока трех... атомных бомб по 20 мегатонн каждая на общую сумму 1,4 млрд. долларов. В ходе других сделок уже были проданы в развивающиеся страны 34 кг плутония, 1000 кг урана, двадцать французских ракет «Эксозет». Империя Джелли служила, по словам газеты «Франс-суар» (7.6. 1984), ширмой для ЦРУ США, наиболее крупного поставщика оружия на планете после... госдепартамента США, санкционирующего официальные контакты Пентагона. Почему ЦРУ? Ну ведь, действительно, нельзя же открыто продавать огромные многомиллиардные (в долларах) партии оружия, к примеру, сразу обеим воюющим сторонам — Ирану и Ираку; многими международными соглашениями зафиксированы обязательства США, так же как и других стран-обладателей ядерного оружия, по нераспространению атомных вооружений. Продажа трех атомных бомб для их немедленного использования, это уже новый и последний виток организованной преступности, апогей политики ядерного терроризма США в канун развязываемого ими мирового конфликта.

Судья К. Палермо за годы своего сенсационного расследования собрал 300 тыс. страниц следственных материалов, но

сумел-таки не выйти за рамки ему дозволенного и резко ограничить масштабы своего дознания второстепенными итальянскими деятелями спецслужб, мафии и масонства. Он подготовил почву для империалистической пропаганды, повторяя с конца 70-х гг., что главной его целью является обнаружение «болгарского участия» во всемирной контрабанде наркотиков, хотя среди подозреваемых им лиц в конце-концов осталось 200 итальянцев, американцев, турок, западных немцев, французов, испанцев, австралийцев, китайцев, филиппинцев, но... ни одного болгарина. К. Палермо сумел засекретить и уберечь от «утечки» в прессу почти всю собранную им информацию об участии членов масонской ложи «П-2» и ватиканской финансовой мафии в двух самых прибыльных видах бизнеса — преступной торговле оружием и наркотиками, осуществляемой под контролем и при участии империалистических спецслужб.

Французская газета «Матэн» (20,21,23.6.1984) и итальянская «Република» тех же дней оказались вероятно единственными крупными капиталистическими изданиями, которые опубликовали впечатляющие карты мира, на которых «сеть торговцев оружием из ЦРУ» была развернута исчерпывающе ясно и точно. Американцы занимались (и, разумеется, продолжают делать это сейчас, К. Палермо им не помеха) сбытом огромных партий вооружений из США и других стран НАТО через нелегальные каналы, через частные подставные фирмы — в Австралии, в Италии, во Франции и в ФРГ — в десятки стран. Занимались этим сотрудники спецслужб, которые сами же потом обеспечивали перепродажу полученных в обмен за оружие наркотиков, пополняя в основном американскую казну и попутно набивая собственные карманы. На страницы западной печати впервые попали улики и доказательства существования под эгидой ЦРУ США почти глобальной сети преступной контрабанды оружия и наркотиков — и в каких размерах!!! И хотя судья К. Палермо был благоразумен и не объявил о преследовании итальянской юстицией ни одного из американских «торговцев смертью», возмущению Вашингтона не было предела.

В поисках срочных пропагандистских мер прикрытия США не нашли ничего лучшего, как развернуть шумную... антиболгарскую кампанию. В конце июля 1984 г. в Вашингтоне на совместных заседаниях двух органов американского конгресса — подкомиссии для Европы и Ближнего Востока палаты представителей и рабочей группы конгресса по контролю борьбы с наркотиками — был рассмотрен доклад Федерального агентства по борьбе с наркотиками (ДЕА), авторы которого тщились доказать причастность Болгарии к международной контрабандной торговле наркотиками и оружием.

«Какова же причина появления на белый свет этого доклада, в котором не содержится никаких данных, уличающих Болгарию? — спрашивал автор комментария в газете «Унита» (1.8.1984) Фабио Дзанки. — Если оставить в стороне дипломатические или, скорее, политические мотивы, то причину следует искать здесь, в Италии. Вот уже пять лет судебные власти в Тренто распутывают широкую сеть контрабанды наркотиков и оружия. В ходе расследования судья-следователь Карло Палермо получил доказательства, подтверждающие, что след, который якобы вел в Софию, на самом деле имел противоположное направление — и привел в Соединенные Штаты.

Во время следствия в Тренто выяснились некоторые важные факты. Например, что шеф контрабандной сети Генри Арсан (ныне покойный) фигурировал в бухгалтерских документах ДЕА еще в 1973 г. Будучи служащим этого управления, Арсан с благословения своих работодателей сбывал в городах Западной Европы огромные количества героина, хотя непосредственно в его служебные обязанности входило предотвращать распространение наркотиков.

Другой факт: большая часть подозреваемых, арестованных по приказу судьи Палермо, — это агенты секретных служб США и других западных государств.

А вот и еще одна подробность: когда в Тренто началось расследование, ДЕА тут же выразило готовность сотрудничать с местными судебными властями, но вскоре отказалось, так как следствию стало ясно, что следы ведут за океан, а не в Софию».

Итак, все более или менее стало на свои места. Подпольная торговля оружием велась с одобрения и под прикрытием ЦРУ и итальянских секретных служб. Активно участвовали в ней и руководители масонской ложи «П-2», которая превратилась в параллельный центр власти в Италии. Очередные измышления, направленные против Болгарии, лопнули как мыльный пузырь. Но, надо заметить, возникли вновь эти клеветнические измышления с такой же ужасающей легкостью. Очередное убедительное разоблачение этих наветов появилось во французском коммунистическом издании, парижской газете «Юманите» (4.4.1984), которая опубликовала уже упоминавшееся выше расследование своего корреспондента Жана Жоржа по делу о покушении на папу Иоанна Павла II «Тщательно спланированные заговоры. Финансисты, недовольные папой»:

«Али Агджа, турецкий террорист, стрелявшей в папу, действовал не один. Ссылка на «болгарскую агентурную сеть», которая, по его утверждениям, была организатором этого покушения, не выдерживает никакой серьезной критики. И все же заговор имел место. Даже, бесспорно, два заговора: один —

до этого покушения, который был, судя по всему, плохо подготовлен, а другой — после — с тем, чтобы использовать это дело в политических целях.

В связи с этим делом ходит много разговоров о нелегальной торговле наркотиками и оружием, о тесной связи между итальянской и турецкой мафией и предпринимаются попытки замешать в это дело болгар. В следствии, начатом в Тренто по делу об этой нелегальной торговле, не упоминается, однако, ни об одном из них.

Морфий, о котором идет речь в этом следствии, поступал в Триест, а оттуда переправлялся в Тренто, Больцано, Палермо, Мюнхен, Марсель и Соединенные Штаты. Был арестован один из заправил в этом деле владелец компании «Стибам» Генри Арсан. Итальянский министр обороны социалист Лагорио, большой любитель конфиденциальных сообщений, признал, что итальянские секретные службы уже давно следили за этим Арсаном. Но его оставили в покое. Не потому ли, что этот делец был в прекрасных отношениях с американскими службами? Главная контора его компании находилась в Милане на улице Ольдофреди, в здании, принадлежащем «Банко Амброзиано».

А говоря об этом финансовом учреждении, нельзя не упомянуть о турецкой неонацистской организации «Серые волки», к которой принадлежал Али Агджа. Когда лидер этих террористов полковник Тюркеш был арестован после военного государственного переворота, в его доме были найдены чеки, присланные из Калифорнии фашистской группой «Партито фашисто», объединяющей тех, кто тоскует по временам Муссолини. Деньги передавались через Личо Джелли, знаменитого руководителя масонской ложи «П-2», связанной с «Банко Амброзиано».

Уже позже, когда с благословения невидимых режиссеров Агджа давал бесконечные показания о «болгарской агентуре», сотруднику газеты «Юманите» Жану Жоржу удалось найти интереснейшие факты о тех, кому смерть папы действительно могла принести немалые выгоды, прежде всего материального характера. Масонская ложа «П-2» (недаром ее называли «теневым кабинетом министров») с момента своего создания чувствовала себя на Апеннинах полновластным хозяином. Спекуляции нефтью и землей, многочисленные финансовые махинации и банковские аферы приносили «вольным каменщикам» огромные доходы; человек, решившийся перекрыть эту долларово-лировую Ниагару, рисковал быть унесенным потоком. Буквально через несколько месяцев после прихода в Ватикан Иоанн Павел II приказал Ватиканскому банку резко уменьшить обороты незаконных переводов итальянских ка-

питалов за границу, что нанесло болезненный удар по могуществу финансовой империи главы ложи «П-2» Личо Джелли. «Великий магистр» мог решиться и на крайние меры. А поскольку наемным громилам — чаще всего «добрым католикам» — в данном случае мешали взять в руки оружие их религиозные убеждения, Джелли пришлось прибегнуть к помощи «серых волков», ибо с их главарем Тюркешем у него были неплохие связи...

И все же боевики «серых волков», как мы уже знаем, были лишь техническими исполнителями, а масонское окружение — лишь одной из основных заинтересованных сторон заговора. Организация террористической и пропагандистской операции подобного масштаба была под силу только специальным службам. Голоса скептиков слышатся и поныне — покушение 13 мая 1981 г., говорят они, было ведь технически очень плохо подготовлено (см. раздел данной книги «Сценарий для гибнущего убийцы»). Неужели же секретные службы допустили бы такие промахи? Неужели нужно было стрелять из пистолета, стоя в толпе, с расстояния 8 метров? В Джона Кеннеди стреляли издалека, а с тех пор ружья с оптическим прицелом были весьма усовершенствованы.

Целый ряд допущенных «промахов» свидетельствует, по версии Жана Жоржа, о том, что кураторы Агджи продумали все так, чтобы убийца с «болгарской версией» в кармане — живой или мертвый — тут же обязательно попал бы в руки полиции. Ж.Жорж упоминает о «маленькой, крепко скроенной монахине» — сестре Летиции, которая преградила Агдже путь к бегству, — и спрашивает: «Была, ли эта монахиня, которую можно скорее принять за каратистку, ниспослана только провидением?»

Организаторы покушения на папу римского считали этот террористический акт политически выгодным со многих точек зрения. Бывший краковский кардинал отмежевался от курса Рейгана на ядерную конфронтацию в Европе и на продолжение гонки стратегических вооружений. Устранение папы отвечало интересам и тех, кто так активно использовал экстерриториальность ватиканского государства для подрыва экономики Италии, а также финансирования международного терроризма, не говоря уже о попутном сколачивании огромных личных состояний.

Выдвижение заведомо лживых обвинений о соучастии в покушении на папу спецслужб Болгарии и Советского Союза было рассчитано не только на эскалацию «холодной войны», но и осуществлено в качестве отвлекающего маневра в попытках сбить накал возмущения проискамаи правых сил. Когда туман клеветы стал рассеиваться, западные спецслужбы охотно согласились, что да, действительно, София и Москва непри-

частны к выстрелам на площади Св. Петра. Вероятно, это дело рук всех тех же Джелли, Кальви и К°, гадала итальянская буржуазная пресса. Которая не договаривала главного — и убийство Альдо Моро, и покушение на Кароля Войтылу, и заключение в тюрьму невинного болгарского гражданина С. Антонова были акциями столь крупного масштаба, непредсказуемыми по своим политическим последствиям, что санкция на них могла быть дана только ЦРУ. Эта такая же истина, как и то, что масоны, мафия, «красные бригады», правый и левацкий терроризм, а следовательно, и отдельные аспекты экономики и политики Италии контролируются и направляются Вашингтоном.

Хорошо известно теперь, что именно братья-масоны, в число которых входила и входит сегодня элита итальянских спецслужб (ныне покойный глава СИСМИ генерал Сантовито и его ближайший сотрудник Пащенко, ныне разыскиваемый полицией), участвовали в обработке Агджи или лично, или через посредство руководителей таких крупных и малопочтенных, тесно связанных между собой организаций, как неаполитанская каморра или «красные бригады». И Пащенко и многие другие деятели итальянских спецслужб, и глава каморры Кутоло, и один из руководителей террористических «красных бригад» Сенцани, и арестованный впоследствии за связи с каморрой тюремный священник Сантини потратили в тюрьме в Асколи-Пичено десятки часов своего дорогого времени на всякого рода контакты с Агджой. Его запугивали и «охраняли», учили итальянскому языку и разъясняли лазейки итальянского права, натаскивали по «болгарскому следу»...

Покушение на папу в мае 1981 г. совершили мафия, масоны и спецслужбы, которые затем все и были использованы для того, чтобы обыгрывать это покушение в антисоветских целях. Истошные вопли империалистической прессы о «руке Москвы», якобы направляющей черные деяния турецкого убийцы Агджи, никоим образом не свидетельствовали о добром отношении к чудом спасшемуся Иоанну Павлу П. Механизм отправления власти в полностью коррумпированном обществе, неписаным идеалом которого, по мысли заокеанских «доброжелателей», является фашистская диктатура, обязательно требует проведения «стратегии напряженности» и осуществления время от времени крупных провокаций. Таким способом пытаются мобилизовать массы против «красной опасности» внутри и за пределами государства, заставить согласиться на размещение американских ракет в Италии (и Италия действительно стала первой в Западной Европе страной, разрешившей установку на своей территории ядерного оружия нового поколения), дискредитировать растущее влияние и авторитет ком-

мунистов, запугивать обывателя и заставить его мечтать о правительстве «сильных личностей», а заодно и избавляться от неугодных.

Жестокое противоборство империалистических кланов на международной арене и во внутренней политической жизни делает гласными для мирового общественного мнения немало пикантных закулисных подробностей. Частая смена правительственных кабинетов давно уже стала обычным явлением в Италии. Но увольнение в отставку весной 1981 г. по обвинению в подготовке государственного переворота и многолетнее расследование деятельности сотен буржуазных политиков, генералов и адмиралов, финансистов, промышленников, высших чиновников, ведущих деятелей мафии получило крупный резонанс. В «римском уотергейте» (Ричард Никсон вынужден был покинуть пост президента Соединенных Штатов Америки потому, что санкционировал в период предвыборной кампании кражу документов из штаба демократической партии в отеле «Уотергейт»). С той поры административно-жилищный комплекс в центре Вашингтона стал не только достопримечательностью для туристов, но и нарицательным понятием национального политического скандала) оказались замешаны ряд кардиналов и епископов Ватикана, руководители ЦРУ и американской администрации.

Стрельба на площади Св. Петра и ранение папы в мае 1981 г. ненадолго смогли отвлечь внимание общественного мнения от захватывающих дух разоблачений деятельности масонов-террористов и заговорщиков, не без основания считавших себя самыми влиятельными людьми всюду, где они имели свои интересы. Внимательное рассмотрение даже малой толики самых чудовищных злоупотреблений и преступлений тех, кто обладает реальной властью на Апеннинах, связей этих лиц с правящей верхушкой США делает обоснованными намеки западной печати на то, что устранение папы-поляка вполне отвечало интересам влиятельнейших сил, которым чужой, новый, энергичный политик Иоанн Павел II попросту мешал... делать деньги и политическую погоду. В Вашингтоне внимательно наблюдают за ожесточенной перманентной сварой власть имущих в Риме, производят нужные коррективы, санкционируют вынесение приговоров всем, кто по их мнению, не особенно эффективен в защите «жизненных интересов» США.

Покушение на папу в Риме и кампании антисоциалистической, антисоветской клеветы на данную тему нужно расценивать как еще один акт «римского уотергейта» — политики дестабилизации внутреннего положения в Италии. Как еще одно очко, записанное в свой актив теми, кто кричит о необходимости «навести порядок» и установить режим «твердой руки», т. е. привести итальянских неофашистов к власти.

СКАЗКИ АГДЖИ

«Главный свидетель на 97 допросах дал 114 ложных показаний», — утверждает адвокат одного обвиняемого. Свидетель тоже признается: «Я дал показания, которые не соответствуют действительности. Я сделал это, потому что боялся, что правда покажется недостаточно достоверной». Следователь проявил полное понимание: «Признавшись, что он лгал, свидетель, продемонстрировал намерение оказать содействие выяснению истины».

Журнал «Штерн» (ФРГ),
23 мая 1985 г.

Свидетель, который лжет, чтобы правда стала более убедительной, это Мехмед Али Агджа, который 13 мая 1981 г. стрелял в Риме в папу и тяжело ранил его. 27 мая 1985 г. в Риме открылся второй судебный процесс по делу о покушении на папу римского Иоанна Павла II. На скамье подсудимых оказались один болгарин и двое турок. Еще двух турок и двух болгар судили заочно.

«Я действовал один. Я хотел убить крестonosца, воюющего против ислама», — заявил Агджа после того, как был арестован на месте преступления. Два месяца спустя римский суд приговорил 23-летнего Агджу к пожизненному тюремному заключению как «страдающего паранойей одиночку, который совершил преступление единолично». В то время закулисная сторона дела суд не интересовала. Таково было желание западных спецслужб, стремившихся получить передышку для разработки нового варианта сценария масштабной провокации против социалистических стран в духе «холодной войны». Ведь загодя подготовленный вариант покушения на Иоанна Павла II в Риме предусматривал уничтожение террориста Агджи его сообщниками сразу после убийства папы римского. И папа и его убийца чудом остались живы.

В итальянских тюрьмах и кабинетах многочисленных западных спецслужб в течение многих лет длится грязный торг между обработанным свидетелем Агджой и его наставниками. Обе стороны, не доверяя друг другу, втягивают в судебное разбирательство десятки новых лиц с целью запутать судей и присяжных, отвлечь внимание общества от того факта, что манипулируемый свидетель Агджа, выдавая своих некоторых действительных сообщников из числа «серых волков» незначительного Ранга и звания, одновременно твердит чудовищную и наглую ложь о своих связях с болгарскими. Хотя до сих пор не обнаружено и косвенных улик даже простого знакомства Агджи ни с одним из обвиняемых им болгар. Судебный

фарс в Риме, вопреки желанию его вдохновителей, обнажает множество тщательно маскируемых следов грандиозной антисоциалистической антисоветской инсценировки.

ВЫКОРМЫШ «СЕРЫХ ВОЛКОВ»

Родился Агджа в январе 1958 г. в семье, бедной даже по турецким понятиям. Родители Агджи жили в маленькой хижине в самом обездоленном районе небольшого города Малатиа на высокогорном Анатолийском плато, в 450 км к востоку от Анкары. Бидонвиль называется Езильтепе (Зеленый холм). Название отражает скорее не реальность, а мечту живущих в этой полупустыне — в пригороде всего один родник. Домишки здесь неказисты, белая солончаковая земля родит плохо. Мужчины обрабатывают поля примитивными орудиями, часто подаются на заработки в большие города или работают на близлежащей допотопной угольной шахте. Работал на этой шахте и отец Мехмеда Али. Он умер, оставив троих детей, — старшему из которых, Мехмеду Али, было 8 лет. Вдова получила скромную пенсию. Восточная Анатолия — крайне пестрый с национальной и религиозной точки зрения край. Здесь мусульмане-шииты, к которым относилась и семья Агджи. составляют меньшинство, проживающее в окружении суннитов-курдов и христиан-армян. «Али Агджа вырос в обстановке вековой вражды к курдам, армянам и католикам», — пишет в своей книге итальянский журналист «Луиджи Кавалло.

Мехмед Али Агджа окончил начальную школу и был определен как сирота в местный лицей. Он подрабатывал, продавая вразнос колодезную воду пассажирам на железнодорожном вокзале. Одноклассники помнят Агджу как необычайно драчливого, неуравновешенного молодого человека, отличавшегося средними успехами в учебе и ярко выраженным фанатизмом националистической направленности. На высохшей земле Анатолии зрели преждевременные горькие плоды. Учителя Агджи характеризуют его как замкнутого и надменного юношу. Когда его одноклассники делились своими планами на будущее, он заявил, что не станет «учителем-рабом». Агджа писал на стенах лозунги типа «Смерть армянам!» и «Долой коммунизм!».

Агджа уже с детства попал под влияние ультраправой молодежной организации, регулярно подкармливающей таких, как он, — «перспективных», голодных и злых подростков. Таким путем вербовали свои кадры нефашистские группировки, объединенные вокруг Алпарслана Тюркеша и его партии на-

ционального действия (ПНД). Эта неофашистская, расистская и пантюркистско-туранистская партия была создана отставным полковником Тюркешем и его сторонниками, которые в 1965 г. сумели захватить руководство республиканско-крестьянской национальной партией. Тюркеш был избран на пост председателя этой партии. На внеочередном съезде, состоявшемся в 1969 г., она была переименована в партию национального действия и Тюркеш был переизбран ее лидером. В то время партию представлял один депутат, в 1973 г. — уже три, а в 1977-м — 16 депутатов парламента. Таким образом, партия национального действия в результате слияния с различными правыми экстремистскими и профашистскими течениями и группировками превратилась в четвертую по силе партию страны.

Готовя «молодую смену», Тюркеш возлагал большие надежды на организованные им летние «оздоровительные» лагеря для мальчиков из малоимущих слоев. Там занимались их идеологической обработкой и физической подготовкой, особое внимание уделяя каратэ и дзюдо. Помимо легальной партии Тюркеш руководил и ее подпольными полувоенными соединениями: «бригадой турецкого мщения», «армией освобождения турок от рабства» и др. Они вербовали себе сторонников в школах, университетах, среди молодых рабочих и в мелкобуржуазных слоях, добывали преступными способами деньги, организовывали акты политического террора. Тюркеш создал гвардию из хорошо вооруженных, обученных и преданных своему «фюреру» подпольных отрядов молодежи — «серых волков». Это название он заимствовал из древней легенды о предках турок — тюркских племенах, покинувших Среднюю Азию. Спасаясь от голода, они кочевали за стаей серых волков, продвигаясь все дальше на Запад, к Босфору и Дарданеллам, к богатому Средиземноморью. Объясняя римскому судье-следователю И. Мартелле, что представляют собой «серые волки», турецкий политолог Угур Мумджу сравнил их с чернорубашечниками. Агджа признал, что был членом одной из этих вооруженных групп, в которой насчитывалось около 50 человек. И не без гордости говорил иной раз, что был самым известным террористом среди «серых волков».

В 1974 г. Тюркеш получает в правительстве так называемого национального фронта высокий пост заместителя премьер-министра. Власть он использует для расправы со своими политическими противниками. Три года спустя «национальный фронт» терпит на выборах поражение. Тюркеш пускается в террористическую деятельность. В 37 специальных лагерях проходили военную подготовку его боевики — «серые волки». Их учили не только владеть оружием, но и вести уличные бои, устраивать за-

сады, совершать диверсии. Тогда «серые волки» буквально за-терроризировали страну...

Вне пределов Турции, в Западной Европе, где в разное время работало до четырех миллионов турок, была создана граничная организация партии национального действия, включавшая более сотни первичных организаций и молодежных «клубов идеалистов» — так с целью маскировки называли себя «серые волки» после того, как в 1980 г. в Турции, а затем и в ФРГ была запрещена деятельность оппозиционных турецких партий, как профашистских, так и левых. В ФРГ, Франции, Голландии, Бельгии, Австрии, Швейцарии «серые волки» создают собственные газеты и журналы. Общества и клубы объединяются в единую конфедерацию, руководство которой составляют: Энвер Алтайлы — генеральный инспектор, Муса Сердар Челеби — председатель (как соучастник Агджи был привлечен к суду итальянскими властями по делу о покушении на папу римского), Локман Кондакчи (предшественник Челеби на посту председателя). Все они были доверенными лицами и личными представителями Тюркеша. В Западной Европе именно эти общества снабжали деньгами и укрывали террориста Агджу.

Верховным лидером партии и ее отделений за границей является Тюркеш, которого называют по-старотурецки — башбуг, что означает что-то вроде фюрера. Основной принцип каждого сторонника партии: «Правильно не то, что подсказывает разум, а приказ лидера». В 40-х гг. Тюркеш, тогда еще совсем молодой офицер, был судим «за участие в заговоре с целью втянуть Турцию в войну на стороне третьего рейха», но был оправдан благодаря усилиям своих единомышленников и оставлен в армии в том же звании, хотя грехов у него было немало. Во время второй мировой войны он взялся за реорганизацию фашистского движения в Турции по подобию гитлеровской национал-социалистской партии. В 1944 г. гестапо проявило к личности Тюркеша особый интерес. В одном из докладов Гитлеру о нем говорится как о «фюрере пантюркизма» и самом надежном лидере национал-социалистского движения в Турции.

Уже в чине полковника Тюркеш несколько лет прослужил в США и в ФРГ в составе турецких военных миссий. Вернувшись в Турцию, он принял активное участие в военном заговоре с целью свержения правительства Мендереса. Заговор удался, но полковник посчитал себя обделенным при раздаче министерских портфелей. Вместе с начальником военной академии Тюркеш организует новую попытку военного переворота. Армия без труда подавила путч. Полковника упрятали в тюрьму. Однако и на этот раз его оправдали «за недостаточностью улик», а затем вновь предоставили возможность заниматься

политической деятельностью. Так называемая партия национального действия, партия Тюркеша, очень скоро стала лидером сил турецкого неонацизма и пантюркизма. Чтобы привлечь на свою сторону больше избирателей, ПНД изобразила на своем знамени знак трех полумесяцев, являвшийся официальным гербом некогда мощной Османской империи. Тюркеш проповедывал теорию «девяти лучей», или, выражаясь более понятно, ратовал за воссоздание «великой Турции» в пределах Османской империи. Поддержку у наиболее консервативных националистических кругов промышленников, помещиков и военных Тюркеш снискал своими рассуждениями о необходимости создания правительства «твердой руки», способного покончить с буржуазным либерализмом, с левыми партиями и профсоюзами, а главное — с чумой марксизма». Полковник принимал участие в парламентской жизни, занимал высокие посты в правительственном аппарате, делая все возможное, чтобы любым путем прорваться к власти. Особое внимание он уделял проникновению своих людей в полицию, армию и спецслужбы, а также привлечению на свою сторону молодежи.

Идеология и программа ПНД, стратегия и тактика ее действий основываются на принципах, содержащихся в книге ее лидера и идеолога Тюркеша «Девять лучей света». Вот основные из этих принципов.

— Национализм. Тюркеш рассматривает свою партию как националистическую и говорит: «Пока турецкий национализм не станет господствующей идеологией, проблемы Турции не будут решены».

— Расизм. Тюркеш и его единомышленники по подобию нацистов говорят о превосходстве турецкой расы и проповедают ненависть и вражду к другим расам и национальностям в Турции — курдам, лазам, евреям, армянам, арабам, подстрекают к их уничтожению.

— Пантюркизм-туранизм. Тюркеш и его сторонники заявляют, что борются за объединение всех турок во всех странах мира, точнее, всех говорящих на тюркских языках в единую крупную державу — «Великую Турцию-Туран», в которую должны войти территории нынешней Турции, Ирана, Ирака, Афганистана, большая часть Советского Союза, территории многих других стран «от Вены до Китая». Лозунг пантюркистов-туранистов абсолютно нацистский: «Одна нация, одно государство, один лидер».

— Исламизм. Турецкий неонацизм, выразителем которого является партия национального действия, олицетворяет собой сочетание гитлеровского нацизма с пантюркизмом-туранизмом и исламизмом.

— Антикоммунизм. Это основной принцип в идеологии, программе и деятельности партии национального действия. Она обвиняет в коммунизме все левые, прогрессивные и демократические движения, организации, граждан и подстрекает не только к политической борьбе с ними, но и к их физическому истреблению. Последнее возложено на террористические отряды штурмовиков «серые волки». В 1978 г. Тюркеш призвал «к борьбе с коммунистами, евреями и всеми левыми», называя их «агентами Москвы». Как и гитлеровские нацисты, он также демагогически провозглашает свою фашистскую партию партией трудящихся, рабочих и крестьян, выступающих «против империалистов и капиталистов». А в то же время его партия организует избиение рабочих, других трудящихся и представителей интеллигенции, которые отказываются от сотрудничества с ним. В 1987 г. Тюркеш и его сообщники в руководстве партии национального действия организовали 9 городе Кахраманмараш массовые убийства (111 убитых), в 1977 г. — в Малатии, а также расстрел 38 рабочих, участвовавших в первомайской демонстрации на площади Таксим в Стамбуле, убийства многих турецких прогрессивных и демократически настроенных видных представителей интеллигенции. «Серые волки» убили основателя Конфедерации революционных рабочих профсоюзов Турции, члена Всемирного Совета Мира Кемаля Тюрклера.

После 12 сентября 1980 г., когда к власти в Турции пришла военная администрация, армия довольно энергично взялась за обезвреживание тех, кто чинил массовый террор и насилие, создавал атмосферу анархии. В 1981 г. был начат судебный процесс над членами профашистской партии национального действия, возглавляемой А. Тюркешем. Безжалостные расправы и убийства, поджоги, подготовка переворота с целью свержения республиканского режима и установления фашистской диктатуры — эти и подобные преступления лежат на совести «серых волков». Но странное дело. Если сначала на скамье подсудимых находилось 587 руководителей и активистов этой крайне правой группировки, то к июлю 1983 г. их число сократилось до 358, причем под стражей остались лишь 165 человек. Остальных освободили. Турецкая военно-судебная машина действовала куда более безжалостно, когда обрушивалась в начале 80-х гг. на представителей легально действовавших до военного переворота 1980 г. более тридцати демократических организаций со стандартными обвинениями — «нелегальная деятельность и коммунистическая пропаганда». Январь 1983 г.: на скамье подсудимых — за собрания памяти выдающегося турецкого поэта Назыма Хикмета, за участие в первомайских демонстрациях, за выступления в поддержку движения за отмену смертной казни — оказались 18 членов руководства Синдика-

та писателей Турции; военная прокуратура на суде в Стамбуле требовала вынести смертные приговоры всем 52 руководящим деятелям Конфедерации революционных рабочих профсоюзов; 4 человека были приговорены к смерти, а 167 — к длительным срокам тюремного заключения за участие в забастовках на текстильных фабриках Измира в 1980 г.; на пятом огромном процессе против активистов партии трудящихся курдов военный прокурор потребовал смертной казни для 186 из 375 подсудимых; обвинение в «подрывных коммунистических действиях» было предъявлено даже руководству Общества сторонников мира Турции, выступавшему против американской концепции ограниченной ядерной войны и планов НАТО разместить на турецкой территории ядерные боеголовки. В 663 турецких тюрьмах (число их растет на десять процентов в год), в которых летом 1983 г., по официальным турецким данным, находилось 99 тыс. заключенных, практически не нашлось места деятелям ПНД. И это несмотря на то, что от руки неофашистов погибло в стране всего за одно десятилетие более десяти тысяч человек.

Вот характерный пример из зловещей серии попыток ультраправых элементов террором вытеснить либеральные, левые и прогрессивные силы с турецкой политической сцены конца 70-х гг. У одного из «серых волков» — пятнадцатилетнего Вели Кура Одунка на счету 7 убийств. Цитируем запись беседы с ним следователя:

- «Кого ты убивал?
- Я убиваю коммунистов.
- Каким образом ты это делаешь?
- Я поднимаю мой пистолет, целюсь и стреляю.
- А как ты узнаешь, что это коммунист?
- Мне говорят: тот коммунист, а затем распивается бутылка ракии и я его убиваю.
- А что такое коммунизм.
- Я не знаю, но это плохо
- Почему?
- ... (молчание)».

В подобного рода активных членах «обществ идеалистов» руководство ПНД недостатка не испытывало. До военного переворота 1980 г. в рядах «идеалистов» насчитывалось около 400 тыс. членов. Под прикрытием этого общества в 1968 г. была сформирована тайная полувоенная организация построенная по всем правилам конспирации. Ее задачей был политический террор, а также грабежи, за счет которых пополнялась партийная касса. Так вот турецкий фюрер Тюркеш и стал «крестным отцом» Мехмеда Али Агджи. А тот в свою очередь прочно связал свою жизнь с «серыми волками» и партией национального дей-

ствия... Представлял ли себе Агджа четко цели и задачи, которые ставили перед этими неонацистскими организациями их вдохновители? Во всяком случае, он сумел увидеть в истинном свете своих «сподвижников». «Мне не составляет труда признать, что все мы были авантюристами и наемниками, готовыми за деньги на любое действие, особенно в целях политической дестабилизации, в пользу того, кто нас об этом попросит», — заявил он впоследствии.

Подавшись в профессиональные террористы, он обретает и готовность убивать. 7 мая 1977 г. Агджа «ассистирует» в Малатие своему покровителю Оралу Челику, когда тот зверски расправляется с двумя преподавателями местного лицея. Его покровители открывают на его имя счет в банке. Кто-то регулярно делает взносы. Сумма быстро растет. Но деньги приходится отрабатывать.

В 20 лет, начиная с 1978 г., жизнь Мехмеда Али Агджи круто изменилась. Получив аттестат об окончании лицея с весьма посредственными оценками, он впервые покидает Малатию, родное захолустье, и со странной легкостью выдерживает экзамены на факультет экономических и коммерческих наук Стамбульского университета при довольно большом конкурсе.

Спустя некоторое время копии письменных экзаменационных работ абитуриента Агджи бесследно исчезли, хотя и должны были по общим правилам храниться в архивах университета. Сам Агджа, возможно, и не знал в лицо человека, который ходил сдавать вместо него вступительные экзамены. В те времена, когда Тюркеш занимал официальный пост заместителя министра высшего образования, такие махинации были обычным делом. Активистам, особенно боевикам ПНД, «фюрер» организовывал эффективную поддержку. Учиться, правда, таким «студентам» обычно приходилось совсем не тому, чему учат в университетах.

Переехав осенью 1978 г. в Стамбул, Агджа очень скоро менял студенческое общежитие на тренировочный лагерь «серых волков» в Кайзери, на юго-восточной окраине Анкары. Террор, осуществляемый бандами Тюркеша по заданию ультраправых кругов, достигал в то время чудовищных масштабов. В 1978 г. ими было убито 1170 человек, а в 1979 г. — уже 3000.

...Вечером 1 февраля 1979 г. на пустынном бульваре в одном из фешенебельных кварталов Стамбула, прислонившись спиной к фасаду дома, стоял человек в элегантном костюме. Не выказывая ни малейшего нетерпения и не замечая порывов ледяного ветра, он зорко оглядывал редко проходящие частные машины и желтые такси. Вскоре показалась длинная

американская машина, за рулем которой сидел Абди Ипекчи, известный журналист, главный редактор стамбульской газеты «Миллиет». Включилась мигалка поворота, Ипекчи притормозил, намереваясь свернуть вправо, на узкую боковую улицу. Молодой человек бросается к машине и почти в упор из пистолета расстреливает жертву. В осколках вдребезги разбитого ветрового стекла на переднем сиденье лежит смертельно раненный Абди Ипекчи. Его убийца кладет пистолет в карман и быстрыми шагами направляется к своему сообщнику, ожидающему его неподалёку на бульваре за рулем полуспортивной машины. Автомобиль резко трогается с места и через несколько секунд исчезает...

Преступление совершено. Подготовка к нему проходила в несколько этапов. Вначале в здании редакции «Миллиет» взломщики ночью похитили блокноты А. Ипекчи с журналистскими записями. На другой день пытались установить мину в его автомобиле. Кто-то помешал, не вышло. Одному из «соратников» Агджи поручили тогда стрелять на улице — тот криком остановил ехавшего в машине А. Ипекчи, подошел к нему, наставил дуло пистолета, но произошла осечка. Вот тогда-то за дело и взялся Агджа. Вечером 1 февраля его привезли и поставили в засаду на улице Кара-кол, возле дома А. Ипекчи. Главный редактор в тот день находился в Анкаре, где встречался с премьер-министром. После полудня он вернулся самолетом в Стамбул и зашел в свою редакцию, а оттуда направился домой. Там его и настигла пуля наемного убийцы. Последнее время этот осведомленный журналист публично призывал обуздать «серых волков», возмущался устроенной ими массовой резней в турецких городах, предупреждал, что над всей Турцией нависла большая беда — угроза неофашистской диктатуры.

Турецкая общественность была потрясена гибелью Ипекчи. Жертвой террора ультраправых на сей раз оказался деятель умеренных буржуазно-либеральных взглядов, не желавший оставаться пассивным свидетелем крушения социал-демократического правления в Турции. Симпатии Абди Ипекчи были на стороне правительства Бюлента Эджевита, но он признавал, что оно не имеет сил для того, чтобы повернуть течение вспять. Ипекчи считал, что «левый» и правый центры должны заключить между собой перемирие и общими усилиями положить конец надвигающейся гражданской войне. Он не скрывал своего намерения разоблачить злодеяния «серых волков», призывал и американцев отмежеваться от крайне правых, чтобы не усугублять положение в стране. Таков был смысл беседы Абди Ипекчи за три недели до смерти с Полом Хенци, бывшим резидентом ЦРУ в Турции, который при пре-

зиденте Картере получил пост в аппарате Совета национальной безопасности США. Реакция Вашингтона была уклончива, ибо там было распространено мнение, что в Турции парламентская система не способна обеспечить «сильную власть». При выборе жертвы очевидно сыграли свою роль и аппетиты в отношении газеты. «Миллиет» имела финансовые затруднения, и поэтому некоторые связанные с правыми бизнесмены считали, что именно сейчас настал момент, подходящий для ее покупки. Кроме выгодной сделки дело касалось и другого: они хотели закрыть трибуну благоразумия, заставить замолчать его голос. Ипекчи энергично этому противостоял. Это обеспечило ему поддержку коллег, но не обеспечило безопасность.

После гибели Ипекчи 1 февраля 1979 г. след убийц был потерян. Союз журналистов и газета «Миллиет» предложили 120 тыс. долларов в награду тому, кто сообщит их имена, но тщетно. В узком кругу террористов было хорошо известно, что доносчику не дадут времени потратить эти деньги. Это дело, как и многие другие, было сдано в архив.

Убийца Агджа становится террористом № 1 среди «серых волков». Он получает кличку Багинзиз (Одиночка) и пользуется отныне особым покровительством руководства «серых волков». Преступник продолжает вести прежний образ жизни, между делом посещая лекции в Стамбульском университете, собираясь изучать экономику и финансы. Чем же он занимается? Считают, что он принимал участие в частых ограблениях, вымогательстве и распространении контрабандных товаров, пополняя финансы экстремистских организаций. Сведения об Агдже и его жизни в этот период весьма скудные. Известно, что в Стамбуле он жил на квартирах, нанятых «серыми волками», что к его студенческой стипендии прибавлялись и другие «поступления», что позволяло ему иногда посылать небольшие суммы своей семье в Малатию. Только накануне покушения на Ипекчи Агджа «обогатился». В банк «Туджарет Банкасы» на его имя было внесено 200 тыс. лир. «Дар» был сделан «серым волком» Ялчыном Озбеем. Средства поступили от фирмы «Тюмпеш».

Мегаломан, Агджа еще в гимназии гордился своим прозвищем Император. «Час славы» пробил 25 июня 1979 г., когда его задержали в Стамбуле; фотография невзрачного уроженца Анатолии попала на первые полосы газет. По словам властей, в полицию позвонил неизвестный и сообщил, что убийцу зовут Мехмед Али Агджа и найти его можно в кафе «Мармара», логотипе «серых волков». В этот же день террорист был арестован. Он не оказал никакого сопротивления и во всем сознался. Лицо, звонившее из уличного автомата, не обратилось за наградой.

Оно осталось неизвестным. По всей вероятности, речь шла о сведениях личных счетов.

Допросы в полиции, следствие и процесс во многом походили на то, что позднее мы будем наблюдать в Риме. Агджа шесть раз менял свои показания. Первый раз — убийство совершил по собственной инициативе, второй — по приказу своих начальников; сначала — был один, потом — присутствовал, но стрелял другой; затем — вообще не был на месте преступления, и т. д. Из тюремной камеры в крепости «Картал-Малтепе» он следил за событиями на воле через солдата Бениамина Илмаза. Так, 6 июля, узнав, что организатор покушения Мехмед Шенер выехал из Турции, он выдал его. Назвал и имя шофера Явуза Чайлана, который ничего не знал. И в то же время старательно скрывал своих соучастников Орала Челика, Ялчына Озбея и Абузера Угурлу, рассчитывая, что они помогут ему бежать. Преступника лично допрашивал министр внутренних дел Хасан Гюнеш; он категоричен в своем утверждении: Агджа, бесспорно, больше, чем профессиональный террорист средней руки. Нет никакого сомнения, что он прошел серьезный курс обучения. Во время следствия было установлено, что он виртуозно обращался не только с револьвером, но и с туманной политической фразеологией, призванной ввести в заблуждение полицию и суд. Ожидалось что начавшийся 11 октября 1979 г. процесс закончится вынесением смертного приговора. На суде с необыкновенной легкостью Агджа сознается в преступлении, сообщает подробности убийства, хотя знает, что ему грозит смертная казнь. Когда ему об этом напоминает военный прокурор, он с вызовом бросает тому в лицо: «Ваш приговор меня не коснется». Откуда такая наглость? Агджа уверен, что покровители не оставят его. А среди них были не только «серые волки», главари партии национального движения, но и некоторые высокопоставленные сотрудники турецких секретных служб, связанные с экстремистскими правыми организациями.

Окончания процесса обвиняемый не стал дожидаться — он бежал. «Этот побег является делом крупной подпольной организации, глубоко внедрившейся в государственный аппарат и имеющей широкую поддержку в военной среде» — так прокомментировал это дерзкое предприятие военный прокурор Стамбула. В апреле 1980 г. Агджу приговаривают заочно к смертной казни.

Камера Агджи в стамбульской военной тюрьме «Картал-Малтепе» опустела 24 ноября 1979 г. Переодетого в офицерскую форму, Агджу провели через восемь (!) внутренних охраняемых постов тюрьмы, он вышел на улицу, сел в поджидавшую его автомашину и уехал. За 10 лет это был первый случай удавшегося побега заключенного из этой стамбульской тюрьмы-крепости,

знаменитой своими надежными запорами и тем, что она находилась в окружении военных казарм, в центре крупной, хорошо охраняемой военной базы. Недолго находился в тюрьме Агджа. Он постоянно поддерживал связь со своими хозяевами на воле. Все, вроде бы, складывалось удачно для Агджи, для него готовился побег, но дата его почему-то все время откладывалась. И террорист решил использовать последний козырь: в конце одного из судебных заседаний отказался от большинства своих предыдущих показаний и заявил, что на следующем заседании расскажет, кто же в действительности осуществил организацию убийства журналиста А. Ипекчи. Угроза Агджи возымела действие.

Беглеца отвозят на квартиру братьев Гюрбюз, где его ждет Орал Челик. Потом они уезжают на машине в Анкару. Там в целях большей надежности Агджу прячут на первое время дома у одного из офицеров полиции — Нуредина Темура. Начинаются долгие месяцы нелегального существования, когда он меняет города и квартиры. Почему он так долго остается в Турции — на этот вопрос трудно ответить. Скрываться ему помогают около 30 человек, имена которых в настоящее время известны полиции. О них итальянский следователь Иларио Мартелла позднее скажет, что «они все состояли членами организации правого направления или были тесно связаны с ними». Впоследствии только некоторые из них попадут под суд.

Весной 1983 г. в Стамбуле вынесли, наконец, приговор пособникам побега Агджи из турецкой тюрьмы в ноябре 1979 г. Подсудимых было одиннадцать — пятеро «серых волков» и шесть солдат и унтер-офицеров стамбульской военной тюрьмы «Картал-Малтепе». Большинство обвиняемых выдал сам Агджа на его римских допросах. Поэтому и подсудимые из числа охранников тюрьмы, обеляя себя, поведали о сговоре Агджи с их прежним начальством. Унтер-офицер тюремной стражи Юсуф Худуди, например, рассказал, как накануне побега Агджи вокруг его каземата всех часовых заменили присланными в тюрьму новыми солдатами, один из которых передел Агджу в армейскую униформу и провел беспрепятственно через сторожевые посты к поджидавшим беглеца за воротами «серым волкам». На стамбульском суде зачитали письменное покаяние бывшего офицера турецкой разведслужбы МИТ Рустема Илдыза, который засвидетельствовал, что его бывшие сослуживцы подстроили бегство Агджи. И, наконец, атаман «серых волков» Тюркеш, посаженный в Турции за решетку, тоже разоткровенничался: «Теперь-то я знаю, что служба безопасности организовала побег Агджи из тюрьмы». Итак, агентом каких специальных служб был человек, покушавшийся на папу римского? Ответ на этот вопрос содержится и в цитируемых

ниже показаниях подсудимого, работника турецкой службы безопасности Хиджаби Кончигита, данных в Анкаре в ходе процесса над руководителями неофашистской партии национального действия полковника Тюркеша и его террористических отрядов «серые волки»: «Вскоре после убийства Абди Ипекчи я видел Мехмеда Али Агджу в доме Ферхата Каи. Меня послали в качестве должностного лица сил безопасности передать Ферха-ту Кае одну папку с досье, врученную мне Зеки Каманом, где содержались инструкции о действиях, которые необходимо было совершить, а также 34 тыс. лир. Ферхат Кая передал папку с инструкциями Мехмеду Али Агдже. Спустя 15 дней после этого меня послали в Стамбул. В районе Кюлюк, у кафе-читальни «Платина» я встретился с Бекиром Кюркчю. Описывая ему Мехмеда Али Агджу, я сказал, что он является юлкюджией (членом отрядов партии национального действия) и что ему нужно оказать необходимую помощь. Затем я вернулся обратно. Агджа был, в сущности, агентом служб национальной разведки. ... Часть этих денег, которые должны были быть переданы Агдже, вместе с деньгами, которые мы получили для него совместно из фондов сил безопасности и национальной разведки, составляла сумму 600 тыс. лир. Я в свою очередь передал их Агдже на квартире в анкарском районе Чанкая, принадлежащей службам национальной разведки» (Эти показания были опубликованы в турецкой газете «Миллиет» 10 февраля 1982 г.).

Да и сам Агджа не делал особого секрета из своей роли. «Вы были агентом турецких секретных служб?» — как-то спросили Агджу итальянские журналисты. После непродолжительного колебания он ответил: «Нет, но можно сказать, что я не раз работал на них».

Продолжая рассказ о сообщниках и идейных вдохновителях Агджи, уместно обратиться к книге известного турецкого журналиста Угура Мумджу «Папа-мафия-Агджа» (Анкара, 1983). Автор в частности, анализирует обстоятельства убийства Ипекчи и делает попытку выявить те силы, которые были причастны к преступлению. Несмотря на заявление Агджи о том, что он является «террористом-одиночкой», пишет Мумджу, имеются конкретные доказательства того, что убийство Ипекчи было совершено им при содействии ряда лиц и организовано влиятельными силами, стоявшими за его спиной, В сущности, Агджа — это орудие, кулак, направлявшийся этими силами. Все окружение Агджи, пишет Мумджу, начиная с его родных в турецком вилайете (провинции) Малатия и кончая его друзьями в Стамбуле, с которыми он встречался накануне убийства Ипекчи, — это лица с крайне националистическими и профашистскими взглядами.

Его ближайший друг и сообщник в этом покушении — Орал Челик, шеф «серых волков» в Малатии, замешанный во многих террористических акциях. Челик сыграл важную роль в организации побега Агджи из тюрьмы «Картал-Малтепе» и его нелегальном выезде за границу с фальшивым паспортом. Челик упоминается и в материалах следствия по делу о покушении на папу, причем в качестве сообщника Агджи. По словам Мумджу, «Орал Челик, по всей вероятности, приложил руку к покушению на папу». Что и подтвердилось впоследствии, в августе 1985 г., на суде в Риме.

Другое лицо, с которым был связан Агджа, — Мехмед Шенер, активный деятель ПНД, лидер секции «серых волков» в Стамбуле. Он подготовил и организовал покушение на Ипекчи, передал Агдже револьвер и помог ему замести следы в первые часы после преступления. Установлено также, что автомобиль, в котором Агджа совершил побег из тюрьмы «Картал-Малтепе», был зарегистрирован на имя Хусейна Шенера, брата Мехмеда Шенера. Известно, что М. Шенер был арестован впоследствии в Швейцарии, однако швейцарские власти отказались выдать его Турции.

В книге Мумджу приводятся сведения и о других деятелях ПНД, которые были непосредственно связаны с Агджой и оказывали ему всемерную помощь. В их числе следует упомянуть прежде всего имя Мусы Сердара Челеби, бывшего руководителя стамбульской организации ПНД, а позднее лидера одной из легально действующих в ФРГ организаций, занимающихся сбором средств для партии Тюркеша. Именно он оплатил поездку Агджи в Западную Европу и переводил ему деньги во время его «европейского турне».

На основе анализа отношений Агджи с его ближайшими друзьями с детских лет в Малатии и до убийства Ипекчи и бегства в Западную Европу — Мумджу делает следующий вывод: «Все знакомые и друзья Агджи, и до и после убийства Ипекчи, связаны с правыми экстремистами. Никто этого не отрицает, да и не может отрицать. Задушевные друзья Агджи — правые экстремисты. Те, кто похитил Агджу из тюрьмы и спрятал его в Анкаре, — тоже правые. Нити, связывавшие Агджу с зарубежными странами, также ведут к правым организациям и лицам с правыми экстремистскими взглядами. Место, которое он посещает незадолго до убийства Ипекчи, — это явочная квартира ПНД в Стамбуле. Место, куда он приходит вскоре после совершения убийства, — та же явочная квартира».

Избегав законной и справедливой кары, «серый волк» убивает двух студентов, которые якобы выдали его полиции. Буквально на следующий же день после побега из стамбульской военной тюрьмы он посылает в газету «Миллиет» письмо. Идеологичес-

кое мракобесие, религиозный фанатизм отличают стиль и доводы этого письма, опубликованного газетой покойного Ипекчи 27 ноября 1979 г., за несколько часов до начала двухдневного визита в Турцию папы римского. Вместе с тем бросается в глаза необычная для неонацистов политическая терминология, явное желание подчеркнуть «левизну» воззрений «серого волка».

«Западные империалисты, — вещал Агджа, — посылают в нашу страну предводителя новых замаскированных крестовых походов Иоанна Павла II... Если папа не откажется от своего официального визита в Турцию, я обязательно убью его. Это единственная причина моего побега из тюрьмы». Скажем точнее: не причина, а условие. И это условие, по свидетельству газеты «Миллиет», «поставили Агдже его покровители: организация, освободившая его из военной тюрьмы, которая заранее вышла с ним на связь и получила его согласие убить папу».

Десятки тысячи полицейских были мобилизованы для обеспечения безопасности главы римско-католической церкви. Накануне визита у турецких властей было немало серьезных опасений относительно личной безопасности папы римского.

Помимо письма Агджи настораживал еще и резкий, ярко выраженный националистический тон правой турецкой прессы. Если бы римские судьи проявили к этому публичному заявлению Агджи достаточный интерес, то заметили бы, что открытое письмо является не актом «политически нейтрального террориста», а драматизированным проявлением широкой кампании, предпринятой турецкими правыми экстремистами. Их газеты почти одновременно выступили с нападками на папу. Так, 20 ноября 1979 г. в газете «Эргун» помещена статья, в которой говорится: «Иоанн Павел II прибывает с химерой о Великой Византии. Он едет в качестве посредника с целью примирения константинопольской греческой и московской православной патриархий. Посещение папой константинопольской греческой патриархии, являющейся гнездом шпионажа, интриг и предательства, является посягательством на наше общество... Папа начинает крестовый поход против мусульман». Газета «Терджуман» в номере от 27 ноября добавляла, что папа «хочет объединить католический интернационал и всех христиан против Турции, и поэтому его визит может вызвать резко отрицательную реакцию в исламском мире и в Турции».

Несмотря на это, папа Иоанн Павел II свой визит в Турцию не отменил, хотя программу его пребывания значительно сократили по настоянию турецкой полиции. Охрана главы римско-католической церкви была значительно усилена.

В тот раз покушение не состоялось. Но замечено, что уже с того времени Агджу старательно выводили на контакты, пусть

спорадические, с людьми, фамилии которых впоследствии замелькают на страницах буржуазной прессы в качестве «доказательства» якобы заинтересованности социалистических стран в «поощрении международного терроризма», а затем и в устранении главы римско-католической церкви.

Напрашивается вопрос: как мог опасный турецкий преступник, обвиняемый в совершении доброго десятка убийств, безнаказанно колесить полтора года по странам Западной Европы с фальшивыми паспортами, минуя таможенные, пограничные и полицейские кордоны? Ведь сотрудники полицейских и специальных служб должны иметь приметы преступника, розыск которого по просьбе Турции объявлен международным агентством Интерпол в Париже. В первые дни 1980 г. Интерпол разослал повсюду копии учетной карточки (номер досье 878/80 и номер контроля А-32/1-1981) на «опасного преступника Мехмеда Али Агджу» с его фотографией, отпечатками пальцев и особыми приметами на четырех языках.

После побега террорист скрывался в Турции в течение нескольких месяцев, затем нелегально перешёл турецко-иранскую границу, а уже из Ирана выехал в ФРГ. Он был снабжен паспортом на имя индийского гражданина Йогиндера Сингха, еще одним фальшивым паспортом, выданным службой безопасности и управлением вилайета в городе Невшехире (Анатолия) на имя турецкого гражданина Фарука Озгуна. В этом документе все подлинное — печати, подписи, сам бланк, украденный из тиража в национальной типографии, лишь вместо фотографии Озгуна было вклеено фото Агджи. Реальный Ф. Озгун был впоследствии арестован как соучастник, так же как и бывший глава полиции Невшехира, поставивший свою подпись на фальшивом документе 11 августа 1980 г. Еще один паспорт, который получил впоследствии Агджа, на имя ливанского гражданина Али Хуссейна был выкраден из официальных инстанций в Ливане. Внушительная коллекция фальшивых документов Агджи пополнилась впоследствии западно-германским паспортом, выданным в ФРГ полицейским комиссаром В. Удо за соответствующую мзду в 15 тыс. марок.

В ФРГ у Агджи оказалось много влиятельных «друзей», особенно во Франкфурте-на-Майне, где и сегодня на Гутлейштрассе 173 размещается штаб-квартира «серых волков» в Западной Европе. Их предводитель — Муса Сердар Челеби, заправила крупной международной сети контрабандной торговли оружием и наркотиками, имел и собственную сеть убийц для усмирения непокорных. Горный инженер по образованию, зарегистрированный в ФРГ в качестве торговца, Челеби являлся председателем федерации так называемых демократических обществ идеалистов из числа турок эмигрантов, собственником газеты

«Йени хадеф» («Новая цель») на турецком языке. За этим почтенным фасадом скрывалась нелегальная организация.

Челеби помог Агдже обосноваться в ФРГ. При его поддержке террорист не чувствует себя стесненным в средствах, живет на широкую ногу, учит немецкий язык и даже сочетается браком с немкой Кристиной Кляйн, связанной с террористическими группировками. Фальшивые паспорта ему не помеха.

Позже в римском суде Агджа почему-то отрицал очевидное, заявляя, что не был ни во Франкфурте-на-Майне, ни в ФРГ. Правительство ФРГ объявило, что оно «решительно отвергает обвинения Турции в отношении западногерманских властей в связи с покушением на папу Иоанна Павла II». На пресс-конференции в Бонне 20 мая 1981 г. представитель правительства Лотар Рюэль заявил, что «не имеется никаких сведений о пребывании в ФРГ, даже временном, Мехмеда Али Агджи».

Такое заявление довольно странно. Компетентные органы ФРГ всегда располагали полной информацией об Агдже, но на обращения Интерпола и Турции не реагировали. Западногерманский корреспондент турецкой газеты «Миллиет» Орсан Имен отмечал в интервью советской «Литературной газете» в июле 1983 г.: «Наше посольство в ФРГ четырежды предостерегало боннские власти вербальными нотами о замеченном турками появлении Агджи в различных пунктах от Франкфурта-на-Майне до Мюнхена». В ноябре 1980 г. выходящий в ФРГ журнал «Тюркай-информационен» писал, что «разыскиваемый террорист Агджа находится в ФРГ», после чего все турецкие газеты, которые можно было купить в каждом западногерманском киоске, опубликовали на первых полосах фотографию Агджи. Объединенная федерация турецких трудящихся в ФРГ (ФИДЕФ) потребовала тогда, чтобы министр внутренних дел издал приказ об аресте Агджи, но, как известно, все эти акции не вызвали никаких ответных мер со стороны западногерманских властей.

Полицию ФРГ уведомили также насчет встреч Агджи с франкфуртским вожаком «серых волков» Челеби. У того возникла в те дни ожесточенная распря с двумя другими атаманами «серых волков». Исход схватки Челеби с его соперниками был впоследствии описан в попавшей на страницы западных газет депеше контрразведки ФРГ итальянским следственным органам: «25 ноября 1980 г. в городе Кёмптен убит выстрелами из пистолета турок Неджати Уйгур. 24 февраля 1981 г. в другом городе был тяжело ранен из огнестрельного оружия и скончался три дня спустя турок Юсуф Исмаил-оглу. Не исключена причастность Агджи к этим убийствам». Впоследствии, посидев в итальянских тюрьмах, Агджа выдал Челеби, заявив, что тому было приказано оказывать всяческое содействие реализации плана покушения на папу, обеспечивать террористов

деньгами, квартирами, связями и пр. Председатель турецкой так называемой «федерации демократических обществ идеалистов» в Западной Европе Муса Сердар Челеби сознательно участвовал в организации заговора, встречался регулярно с Агджой, давал ему своих людей и делал все необходимое, а после покушения 13 мая 1981 г. с таким же усердием заметал следы, отрицая связь с убийцей, Уже цитировавшийся выше собкор в ФРГ Орсан Имен в ноябре 1984 г. на страницах своей газеты «Миллиет» описывал пресс-конференцию, которую Челеби организовал в Бонне 21 мая 1981 г. — сразу же после покушения на папу. (После убийства главного редактора «Миллиет» Абди Ипекчи, многие корреспонденты этой газеты в Турции и за рубежом активно занялись поисками исчезнувшего террориста Агджи; им удалось собрать любопытный материал о том, как и кто уничтожал следы вокруг покушения, подсовывал в западную прессу фальшивые версии о связях Агджи и в то же самое время шантажировал Агджу в тюрьме). Челеби на боннской пресс-конференции изложил версию о «руке Москвы», «недовольстве СССР» событиями в Польше и ролью в них папы римского, а также о «нажиге СССР на Болгарию и другие социалистические страны с целью организовать покушение на папу». О. Имен заметил странное полное совпадение этих заявлений Челеби с выступлениями в печати американской журналистки К. Стерлинг, которая считается первооткрывательницей в западной пропаганде «болгарского следа» в названном покушении. По мнению О. Имена, Челеби и Стерлинг лишь повторили тезисы сценария, идея которого принадлежит резиденту, генералу ЦРУ Полу Хенци, долгие годы работавшему в Турции.

«На пресс-конференции, — писал О. Имен, — я хотел задать несколько вопросов Челеби. Но когда поднял руку, на меня злобно покосились из правления организации. Тогда я понял, что мои вопросы останутся без ответа. Челеби утверждал, что «у Агджи нет абсолютно никакой связи с нашей организацией», но в тот же день один из членов правления организации Челеби был допрошен западногерманской полицией:

— В телеграмме Интерпола в Рим сообщается, что 14 апреля 1981 г., т. е. приблизительно за месяц до покушения, Агджа разговаривал из гостиницы «Турин» в Риме с абонентом, номер которого 5066-62216. Этот телефон зарегистрирован за вашими членами. Агджа заплатил 15000 лир за продолжительный разговор. Что вы скажете по этому поводу?

Член правления Хасан Тышкын:

— Не помню, господин комиссар. Я член правления организации, членами которой являются десятки тысяч человек. Ежедневно проводится множество телефонных разговоров...

Какое совпадение! Позднее станут известны и некоторые другие документы... Например, регистрация, которая показывает, что, еще находясь в Софии, Агджа звонил из «Парк-отеля» в ФРГ (опять таки продолжительный разговор) по номеру, принадлежащему заместителю председателя той же организации... (номер телефона 6074-32662 ... Дата: 27 июля 1980 г.). И еще разные телефонные звонки в Европу того же Агджи руководителям той же самой организации в Цюрихе, Ольтене и Вене. Его указание: «доставьте оружие» в Милан 9 мая 1981 г. через руководителя из Ольтена Омера Багджы (по телефону Вахдетина Йоздемира — члена правления)... Оба руководителя моментально выполнили этот приказ...

Я встретился с председателем названной турецкой организации в Европе Челеби сначала в Милане, а потом дважды в Цюрихе... Само собой разумеется, что Челеби скажет:

— 30 марта меня не было в Цюрихе, я был в Париже... Судья-следователь Мартелла, вероятно, поправил бы его:

— Нет, по паспорту с 14 марта 1981 г. вы были в Париже... но ваша фамилия есть в списке пассажиров западногерманской авиакомпании — 30 марта вы прилетели на один день из Франкфурта в Цюрих... Среди членов вашей организации есть двое свидетелей (Махмуд Инан и Эрдем Эюп), которые заявили, что видели вас вместе с Агджой...

Челеби, увидев себя в списке пассажиров, скажет:

— Ах, да-да, вспомнил, я случайно встретился с Агджой... Турецкая полиция за год до Мартеллы, т. е. сразу же после покушения на папу римского, узнала о связях Челеби с Агджой. Но опять-таки случайно... Главный комиссар первого отдела национальной безопасности (МИТ), входивший в состав группы из трех турецких следователей, допрашивавших Агджу в Риме, бросил ему:

— Я говорил с твоим председателем, он мне все рассказал. Агджа тут же отреагировал: «С каким председателем... Сердаром?»...

Даже главный комиссар был поражен ответом Агджи. (Источники: документ итальянской прокуратуры № 889 от 9 июля 1981 г.) Потому что председатель, о котором на самом деле говорил главный комиссар Илхан Озгюз, не был «председателем Сердаром»... Это Джихад Тюркоглу — председатель отделения этой организации в Вене, которая подчиняется председателю Сердару Челеби. Тюркоглу обратился сначала к австрийской полиции, заявив, что хочет сделать признания по поводу покушения на папу. Австрийская полиция определила встречу в Вене с агентом итальянских секретных служб, однако Тюркоглу исчез... Под предлогом, что ему угрожает опасность, он сбежал в Турцию».

Челеби оказался на скамье подсудимых на процессе в Риме вследствие утверждения Али Агджи, что «председатель Сердар Челеби в организации покушения на папу римского выполнял роль посредника» между ним, турецким террористом, и «болгарскими службами».

Из стенограммы заседания римского суда 2 октября 1985 г. Челеби заявил следующее: «Агджа обвиняет меня в том, что я ему помогал в налаживании связей с Советским Союзом и Болгарией. Это невозможно. Наша федерация организовала сотни антисоветских демонстраций в Лондоне, Цюрихе, Гамбурге, Франкфурте и других городах. Как Агджа может говорить здесь, что я связан с Советским Союзом?»

Эти слова Челеби действительно показывают, насколько нелогично и невероятно утверждение, что «серые волки» могут действовать «по поручению социалистических секретных служб», как указано в сценарии западных спецслужб.

Тогда же адвокат Сергея Антонова Дж. Консоло задал Челеби вопрос.

— Во всем этом процессе, исключая заявления Агджи, нет никаких подтверждений некоего «болгарского следа» или же деяний Сергея Антонова: один-единственный раз во время следствия вы упоминаете Болгарию. В протоколе очной ставки с Агджой вы говорите ему: «Зачем ты хочешь впутать меня в эту историю с покушением. Она касается тебя и твоих болгарских друзей». Почему вы это сказали? Вам известно что-либо о связи Агджи с болгарскими?»

Челеби: — Во время очной ставки Агджа сказал, что он действовал вместе с болгарскими. Упомянул и имя Антонова. Я сказал это так, вообще, Агджа же утверждал это. Я не знаю, правда это или нет.

Консоло: — Знаете вы или нет, имел ли Агджа такие контакты?

Челеби: — Нет. Я не знал и не знаю ничего о том, было ли у него что-либо общее с болгарскими.

На проходившем в тот же день судебном заседании во время очередной очной ставки Мехмеда Али Агджи с Мусой Сердаром Челеби интерес вызвало следующее утверждение Челеби:

— На допросе 28 декабря 1982 г. Агджа заявил, что я дал ему в марте 1981 г. два телефонных номера тесно связанной с Болгарией фирмы «Тракия-Экспорт» в Мюнхене, которые он мог использовать для связи с Бекиром Челенком (Еще один, по словам Агджи, «посредник между ним и болгарскими». — Ред.). Оказывается, однако, что эта фирма была создана летом 1982 г. и тогда же получила указанные телефонные номера. Следова-

тельно, суфлеры Агджи подсказали ему эти сведения, не посчитавшись с тем, что весной 1981 г. никому не могло быть известно, какие телефонные номера получит эта несуществовавшая тогда фирма.

В ответ на слова Челеби Агджа сослался на то, что позднее он заявил судье-следователю о своем отказе от этих показаний. Что касается телефонных номеров, то он заимствовал их «по всей вероятности, из турецких газет, быть может, из газеты «Миллиет».

Прокурор поспешил оказать помощь Агдже, заявив, что ложь состояла лишь в том, что Агджа получил эти телефонные номера от Челеби. Это было ложью.

Председатель суда, однако, был вынужден исправить его и подчеркнуть, что главное здесь не ложь в отношении Челеби, а вопрос, кто мог дать Агдже эти несуществовавшие в 1981 г. телефонные номера, «кто является источником информации». Председатель суда С. Сантиапики дал распоряжение проверить, писали ли вообще турецкие газеты что-либо по этому вопросу. (Ответ не был получен. — Ред.)

Далее Агджа в сущности признался, что ведет игру:

— Я говорил о стольких вещах. Я назвал Орала Челика, назвал Тодора Айвазова. Может быть, чтобы придать своим показаниям большую достоверность.

На втором судебном процессе в Риме по делу о покушении на папу римского, начавшемся в конце мая 1985 г., десятки часов были потрачены на выяснение и проверку материалов следствия о том, что представляют собой банды турецких террористов из числа «серых волков», орудующих от Босфора до Лондона под прикрытием легальной организации «федерация турецких идеалистов», самой крупной из всех объединений турок за границей.

Из стенограммы судебного заседания в Риме 27 июня 1985 г. Подсудимый Челеби все пытался подчеркивать, что его «федерация турецких идеалистов» — организация легальная, ставящая религиозные и воспитательные цели. На 7-м съезде этой организации, состоявшемся только месяц назад, присутствовали тысячи делегатов, причем с разрешения западногерманских властей. На протяжении всех четырех лет, пока он был председателем федерации, он-де даже и не знал о существовании «серых волков».

Председатель напомнил ему, что как в документации дела, так и сейчас на суде представлено много фактов того, что организация, которую Челеби не хочет назвать «серые волки», фактически подготовила лиц для совершения покушения, обеспечила их оружием, деньгами, предоставила квартиры.

По данным турецких судебных органов, Муса Сердар Челеби поехал в ФРГ как воспитатель в «федерации турецких идеалистов», направленный профашистской партией национального действия и ее лидером Алпарсланом Тюркешем. Челеби же стремился показать, что федерация в ФРГ не имеет ничего общего с партией Тюркеша «кроме общности идей и убеждений» и не поддерживает организационных связей с родственными федерациями в Турции. Каковы эти убеждения, стало видно из его рассказа о том, что, еще будучи студентом, он вступил в движение борьбы против марксистских организаций, что было в духе турецких религиозных традиций. Он отрицал также и то, что был посредником между «идеалистами» и профашистской партией Тюркеша. Челеби не мог объяснить, почему его имя фигурирует в ведомости, подписанной лидером ПНД. Были зачитаны показания, данные предшественником Челеби в федерации во Франкфурте Локманом Кондакчи, который подробно свидетельствует, что «федерация турецких идеалистов» фактически находилась в прямой зависимости от партии Тюркеша. Приводились также данные, раскрывающие спекуляции землей и валютой, которые совершались под покровительством федерации, а также раскрывался механизм того, каким образом грабились турецкие рабочие в ФРГ.

Проведенный председателем суда Сантиапики допрос обвиняемого, несмотря на его увертки, позволил установить несколько существенных моментов:

Во-первых, федерация является пропагандистским центром неофашистской турецкой партии Алпарслана Тюркеша, по заказу которого изготовлялись десятки тысяч плакатов с его изображением. Хотя Челеби отрицает существование организационной связи между федерацией и ПНД, он объясняет, что большинство членов федерации являются приверженцами и сторонниками Тюркеша.

Во-вторых, эта федерация занимается встречами и устройством в ФРГ и в других странах Западной Европы бежавших из Турции и разыскиваемых тамошними властями террористов и убийц.

Председатель суда напомнил, что во время следствия Челеби не говорил таких вещей. Челеби заявил: «Во время следствия я отрицал всякую связь с партией Тюркеша, чтобы не было спекуляций...»

Сущность показаний Челеби сводилась к тому, чтобы доказать мнимую непричастность Агджи к «серым волкам» и «идеалистам». По его мнению, Агджа был «избран кем-то», дабы дискредитировать «идеалистов» еще то время покушения на главного редактора газеты «Миллиет» Ипекчи... Звеньями этой цепи

были покушение на папу и, даже, заявление самого Агджи, что «серые волки» похитили дочь служащего Ватикана Эммануэлу Орланди. Никто не знает, утверждал Челеби, какова политическая принадлежность самого Агджи, но определенные силы, стремившиеся скомпрометировать партию национального действия Тюркеша, уже после гибели Ипекчи связали имя Агджи с правыми. В то же время Челеби дал понять, что Агджа, возможно, был связан с турецкой мафией, с контрабандой наркотиков и оружия. Челеби попытался отмежеваться от всех «серых волков», помогавших Агдже, и заявил, что все эти турки были связаны с контрабандной перевозкой героина и в этом можно было бы искать мотив покушения на папу. Челеби, однако, не объяснил, почему руководящие деятели «серых волков» в Швейцарии Махмуд Инан, Эрдем Эюп и Омер Багджы, с которыми он сам постоянно встречался и поддерживал связь, предоставляли убежище, деньги, перевозили оружие и оказывали всяческую помощь «людям Агджи» как до, так и после покушения. Было очевидно, что усилия Челеби направлены на одну цель — не только обелить себя, но и снять всякую ответственность с правоэкстремистской организации «серых волков» за подготовку и осуществление покушения на папу. Но Челеби не мог отрицать очевидное, то что он несколько раз встречался с Агджой, даже выезжал к нему в Милан в декабре 1980 г., виделся с ним в Цюрихе в конце марта 1981 г.

Из стенограммы судебного заседания в Риме 18 июля 1985 г. Муса Сердар Челеби признается, что он встречался с Агджой и в Милане, и в Цюрихе, признается, что на первой встрече он дал ему 600-800 западногерманских марок (Агджа говорит тысячу), признается, что, узнав во время первого процесса, кто такой Агджа, он не сообщил о своей связи и беседах с ним. Но он отрицает, что ему было известно во время их встреч, что Мурат это — разыскиваемый убийца Мехмед Али Агджа, отрицает, что они говорили о покушении, а также, что он разговаривал с Агджой по телефону.

Агджа, наоборот, утверждает, что они разговаривали по телефону, что Челеби отлично знал, на встречу с кем он идет, что он помогал ему, распорядившись, чтобы им — ему и Оралу Челику — была найдена квартира в Вене.

Председатель суда многократно уличал то одного, то другого в несообразности и нелогичности разъяснения фактов.

— Как же вы, — спрашивает судья, — отдаете первому встречному половину или даже больше половины своего месячного заработка? Вы говорите, что встречаетесь с сотнями бежавших турок, вы всем даете столько денег?

— Я помогаю людям, не задумываясь, — заявил «скромно» Челеби.

Челеби не может убедительно ответить, почему он не сообщил об Агдже, когда понял, кто он, почему интересовался арестом другого турецкого обвиняемого — Омера Багджы, почему распорядился, чтобы террористам были найдены квартиры в Вене?

Неубедительно звучало и повторение обвинения Агджи. Он звонил по телефону из разных точек Европы в штаб-квартиру федерации во Франкфурте-на-Майне, «быть может, 20 раз». Он думал, что разговоры подслушиваются, и поэтому называл себя Муратом. Но это нисколько не помешало ему говорить по телефону о покушении и о деньгах.

По словам Агджи, он встретился в Цюрихе с Челиком и Челеби. Они обсуждали помощь, которую федерация должна была оказать террористам. Решили, что Челеби должен взять пресловутые три миллиона западногерманских марок у Бекира Челенка (до сих пор след этих марок теряется в хаосе версий, предлагаемых Агджой). Уточняли имена соучастников преступления, адрес квартиры в Вене, куда они должны были бежать после покушения, говорили о доставке пистолета.

Агджа заявил, что вообще не хотел, как утверждает Челеби, чтобы ему нашли работу, а просил связать его с итальянскими или немецкими неофашистами, «чтобы иметь полезные контакты...».

Весьма обстоятельно, используя цитаты из допросов, проведенных судьей-следователем, и ловко оперируя подробностями, Челеби категорически отрицал утверждения Агджи о том, что на встречах обсуждались план покушения и помощь, заключающаяся в обеспечении террористов деньгами, квартирами и пр., которую должна была оказать федерация.

При очной ставке, предложенной прокурором, каждый из них поддерживал свою версию. В какой-то момент, когда Агджа монотонно, словно робот, повторял свои утверждения, Челеби; полностью утратив контроль над собой (тогда как до сих пор он все время тихо и смиренно давал показания), крикнул не своим голосом: «Когда это мы говорили о покушении? Когда мы говорили о покушении?!»

Агджа ровным голосом сказал: «Спокойно». А затем прошипел: «Подлец».

После этого сорвавшийся со своего места защитник Челеби адвокат Тита крикнул что-то Агдже. Ясно можно было разобрать лишь слово «негодяй». Вмешался и прокурор, голос которого звучал громко и возбужденно. Председатель суда был вынужден прервать заседание.

Под тяжестью предъявленных улик Челеби признался следователям в контактах с Агджой и подтвердил зловещий смысл

случайно записанного западногерманской полицией одного телефонного разговора. Агджа во время разъездов по Западной Европе в конце апреля 1981 г. позвонил по телефону в ФРГ и окончательно подтвердил Челеби свое согласие через две недели убить папу Иоанна Павла II. Агджа заверил Челеби: «Я поеду в Рим и выполню это».

Из ФРГ Агджа прислал два любопытных письма своим «духовным наставникам» на родину. В первом из них он пишет, что «розы расцветут через шесть месяцев». «Некоторые утверждают, — писала газета «Миллиет» (19.8.1981.), — что этим Агджа хотел сообщить, что в Италии что-то случится. Это намек на то, что речь идет о заранее спланированном покушении». В другом письме Агджа обращался к своему «спасителю», вождю ПНД, отставному полковнику Алпарслану Тюркешу:

«Многоуважаемый верховный глава!

Прежде всего с глубочайшим почтением целую Вашу руку, я хочу выразить свою бесконечную благодарность за проявленную Вами отеческую заботу обо мне, верном единомышленнике наших братьев, которые так сердечно приняли меня. Мне ничего больше не нужно. Я спокоен, что с честью выполнил задачу (убийство А. Ипекчи. — Ред.), поставленную передо мной во имя великого дела, и горжусь тем, что я турок.

Да благославит аллах турок и да возвысит их».

Такое мог написать только фанатичный сторонник Тюркеша. Следственные органы Турции убеждены, что письмо было написано собственноручно Агджой. Это письмо в качестве обвинительного документа под номером 497 имеется в судебных протоколах допросов обвиняемых активистов партии Тюркеша. Оно было зачитано прокурором в связи с вопросами, заданными судом Тюркешу о его отношениях с руководимыми его неонацистской партией террористическими отрядами «серые волки» в Турции и Западной Европе и лично с Агджой. По случайному совпадению через две недели после ареста Агджи в Риме в Турции было опубликовано обвинительное заключение на 945 страницах, содержащее подробные сведения о ПНД и «серых волках», об их контактах с западными спецслужбами и с неонацистскими организациями во многих странах мира. Стало известно, в частности, что при обыске в штаб-квартире ПНД в Анкаре были найдены письма члена руководства этой партии Энвера Алтайлы, которые доказывали наличие связей турецких экстремистов с западногерманскими органами безопасности. Согласно обвинительному акту в западноевропейских странах, где проживают миллионы турецких граждан, в 1980 г. функционировало 103 организации, связанные с центром Тюркеша, действующие под его руководст-

вом и сотрудничающие с неофашистскими движениями в Западной Европе. 86 из них действовало в ФРГ, остальные — в Нидерландах, Бельгии, Франции, Швейцарии и Австрии («Миллиет», 25.12.1982).

Партия национального действия и ее террористические организации «серые волки» орудуют практически во всех общинах турецких эмигрантов, облагая их огромными денежными поборами. Вымогательство и шантаж применяются в отношении тех, кто не желает «добровольно» быть дойной коровой бандитов. Все это дополняется интенсивной пропагандой шовинизма и религиозного фанатизма.

В ФРГ из трех-четырёх миллионов гастарбайтеров, гостевых рабочих-иностранцев, половину всегда составляли турки. Экономический кризис значительно сократил число этих людей, усложнил им и без того нелегкую жизнь, углубил пропасть отчуждения между приезжими турками и немцами, чья армия безработных тоже продолжает расти. Турецкие неонацисты стремятся усилить сегрегацию турок, используя ее в своих целях. Они воздействуют на молодых турок через местные ячейки «серых волков». Около тридцати тысяч турецких подростков в ФРГ каждое утро прежде чем отправиться в школу проходят полувоенную подготовку. Их наставники прививают им националистические взгляды, запрещая всякое сближение с христианской молодежью, с местным населением.

Турецкие неофашисты за границей вдобавок прибыльно занимаются международной контрабандой оружия и наркотиков. На это власти натовских стран всегда смотрели сквозь пальцы. Ведь сказал же публично «фюрер» Тюркеш, посетивший ФРГ в 1978 г.: «Каждая полученная нами западногерманская марка — это пуля в коммунистов!» «Серые волки» — это настоящая новая международная мафия; ее главы руководят сетью экспортно-импортных компаний, занимающихся под прикрытием легальной деятельности контрабандной торговлей оружием и наркотиками; в их распоряжении сеть игорных домов, различных притонов; наконец, как показывает полицейская практика, «боевики» из числа «серых волков» — это готовый материал, из которого вербуют террористов и убийц. Вся деятельность этой мафии пользуется открытой поддержкой неонацистов: неизвестный Карл Гейнц Гофман, по имени которого названы неофашистские «военно-спортивные группы» в ФРГ, сообщил в октябре 1980 г. турецкой газете «Хюрриет»: «В нашей организации есть и турки». В западной печати публиковались сведения, согласно которым ПНД и «серые волки» — это одна из секций неофашистского «черного интернационала», объединяющего крайне правых экстремистов в странах Западной Европы. При

аресте Тюркеша у него и в канцелярии руководства партии были обнаружены миллионы турецких лир и документы еще на 20 млн. лир в турецких и иностранных банках. Как писала газета «Миллиет» (31.5. 1981), были найдены также 13 денежных переводов из США по адресу: «Партия национального действия — полковник Алпар-слан Тюркеш, центральное руководство, Бахчелиевлер 3, Анкара, Турция». Отправителем являлась крайне правая американская организация, поддерживающая тесные контакты с итальянскими и испанскими неонацистами.

После военного переворота в Турции в сентябре 1980 г. ПНД, как и все другие партии, была запрещена, а когда позднее была восстановлена многопартийная система, ПНД не допустили к участию в политической жизни. За подстрекательство к массовым убийствам Алпарслан Тюркеш был приговорен к тюремному заключению. После запрещения ПНД в Турции важное значение приобрел созданный в 70-х гг. ее заграничный филиал, штаб-квартира которого находилась в ФРГ. Филиалом руководил генеральный инспектор Энвер Алтайлы — доверенное лицо вождя. Правда, западногерманские власти также в свою очередь запретили ПНД, но она продолжала существовать нелегально под прикрытием «федерации демократических обществ идеалистов». В представленной в римский суд справке, датированной 8 мая 1983 г., турецкие власти подчеркивают, что «федерация является филиалом ПНД». Попытки получить самостоятельность федерации, в конце 70-х гг. были жестоко подавлены железной рукой — двоих членов руководства убили, а Локмана Кондакчи, бывшего в то время председателем федерации, тяжело ранили. Это послужило хорошим уроком следующему председателю — Мусе Сердару Челеби. При вступлении в должность он послал Тюркешу декларацию о своем имущественном положении, которая хранится в архивах турецкого правосудия. Но вопреки усилиям нового председателя решение серьезных вопросов по-прежнему оставалось в ведении Алтайлы.

Заграничное отделение ПНД и контролируемые им общества и группы выполняют несколько задач:

— Стремятся контролировать в политическом плане многомиллионную армию турецких рабочих в Западной Европе и уберечь ее от «заразы», носителем которой является западноевропейский рабочий класс. Для этого используются печатная пропаганда, проникновение в землячества, а также угрозы и насилие. Под прикрытием официально зарегистрированных обществ «идеалистов» ПНД стремится взять на себя роль посредника в отношениях между турецкими рабочими и работодателями, профсоюзами и властями по таким вопросам, как получе-

ние разрешения на пребывание в стране, условия труда и быта и т. д. Федерация оказывает различные услуги, в частности, работодателям, за которые одно время получала субсидию Союза западногерманских промышленников. После запрещения ПНД и покушения на папу эти связи перестали афишироваться, но не прекратились.

— Ежегодно собирают у работающих в Западной Европе ту-рок миллионы западногерманских марок в форме членских взносов, пожертвований, дарений и т. д. Деньги поступали до 1985 г. на банковский счет Челеби во Франкфурте-на-Майне. Часть из них, предназначенная для специальных операций, переводится полковнику Тюркешу на личный банковский счет, с которого Алтайлы имеет право брать деньги по доверенности. Перевод средств между Франкфуртом и Стамбулом осуществляется через две контролируемые людьми ПНД торговые фирмы — «Донаутал» и «Тюмпеш».

— Играют роль дипломатических представителей полковника Тюркеша перед западноевропейскими правыми силами. В 70-х гг. главарь ПНД поддерживал активные контакты с лидерами ультраправых группировок ряда стран — с неонацистами в ФРГ, с «новым порядком» в Италии, с кругами, близкими к журналу «Наша Европа» во Франции, и т. д. При аресте полковника Тюркеша турецкие власти изъяли его переписку с председателем западногерманского христианско-социального союза (ХСС) Францем Йозефом Штраусом. В связи с процессом против Тюркеша в турецкой печати был опубликован текст письма Штрауса Тюркешу (встреча между ними состоялась в ФРГ в 1978 г.). В своем письме Тюркешу Штраус призывает к «общей борьбе с советской пропагандой за мир и разоружение», посредством которой Советский Союз якобы стремится обеспечить себе военное превосходство и установить «коммунистическую диктатуру во всем мире». «Наша и ваша партии, — пишет Штраус, — будут противостоять этим стремлениям Москвы всеми средствами... К сожалению, — продолжает Штраус, — к этой советской пропаганде за разоружение и демагогии о мире присоединяется и папа Иоанн Павел II. Папа, как и Советский Союз, усматривает в заботе президента Картера об американской обороне опасность для мира во всем мире. Политические друзья ФРГ в Вашингтоне испытывают глубокую озабоченность таким поведением папы. Из высказываний Иоанна Павла II в Центральной Америке, в вашей стране и недавно в Африке, не следует, что надо направлять мир на борьбу с коммунизмом».

Альянс с Соединенными Штатами Америки и участие в НАТО являются основными принципами внешней политики партии Тюркеша. «Я всегда испытывал удовлетворение от того, что

Турция является членом НАТО, и буду делать все, чтобы она осталась в этой организации, так как для нас такой союз жизненно важен», — говорит Тюркеш. Из демагогических соображений Тюркеш заявляет, что если придет к власти, то внесет некоторые изменения в договор о членстве Турции в НАТО. С другой стороны, он выступает против вступления Турции в Европейское экономическое сообщество. Тюркеш ратует за присоединение Кипра к Турции, т. к. сам является кипрским турком. Он был личным другом резидентов ЦРУ в Турции в 50-е и 70-е гг. Рузи Назера и Пола Хенци. Известна даже такая подробность — Назер ходатайствовал о назначении дочери Тюркеша на хорошо оплачиваемую должность в американской авиакомпании.

Матерый «серый волк» А. Тюркеш, освобожденный весной 1985 г. после пятилетнего тюремного заключения, которое он отбыл как подсудимый по процессу об убийстве 674 турецких граждан, вскоре вновь появился на политической сцене, выступая с заявлениями в турецкой и зарубежной печати.

Тюркеш торопился опровергнуть существование организации «серые волки» и пояснить, что есть организация «федерация обществ идеалистов», связанная с его партией национального действия, а «серые волки» — это всего лишь мифический символ. Но это не опровержение, а подтверждение. «Федерация обществ идеалистов» — официальное наименование организации террористических отрядов неонацистской партии национального действия. Символ-эмблема этой организации — серый волк. Вот почему она давно известна в Турции и за ее пределами как организация «серых волков».

Тюркеш подтверждает, что Муса Сердар Челеби является председателем «федерации обществ идеалистов», т. е. «серых волков» в Западной Европе. Но одновременно Тюркеш пытается отмежеваться и от Челеби, и от Агджи. Он отрицает, что Челеби вносил на его имя деньги в банки для финансирования деятельности «серых волков», хотя подобные счета документированы и приложены к досье Тюркеша в анкарском военном суде.

Как заместитель премьер-министра, отвечающий и за турецкие спецслужбы, Тюркеш сумел ввести в них многих единомышленников — «серых волков». Один из них, позднее вместе с Тюркешем оказавшийся на скамье подсудимых, Хиджаби Кончигит заявил перед судом, как уже цитировалось выше, что и Агджа тоже был агентом турецкой разведки (МИТ) и что он лично встречался с ним, причем после убийства Ипекчи, и передавал террористу инструкции и деньги.

Факты налицо: сотрудничество между ЦРУ и турецкой разведкой, сотрудничество между Тюркешем, агентурой ЦРУ и за-

падноевропейскими разведывательными центрами, совместная работа резидентов ЦРУ и их коллег из этих центров с руководителями «федерации обществ идеалистов» («серых волков»), Агджа — агент турецкой разведки... Несмотря на свои антикоммунистические взгляды, сопоставив эти факты, турецкий журналист Угур Мумджу в своей книге «Папа-мафия-Агджа» пишет, что можно сделать следующее заключение: между этими службами и организациями возможно было достигнуто, соглашение и разработан план убийства папы, «но, — добавляет он, — это всего лишь предположение — может быть, это так, а может быть, и нет».

Подобного предположения оказалось достаточно, чтобы вызвать гнев верховного шефа «серых волков». В интервью итальянской газете «Коррьере делла сера» от 17 сентября 1985 г. Тюркеш назвал Мумджу и свидетеля Кадема, который не повторил перед судом в Риме измышления Агджи о «болгарском следе» «марксистами, противниками НАТО и национализма, лицами, выступающими против хороших отношений между Турцией и Западной Европой». В этом же интервью Тюркеш сказал, что почти не следил за ходом развития процесса в Риме и, не скрывая присущего ему чувства патологического антикоммунизма, добавил: «не имею представления о степени участия болгар, но в любом случае источником терроризма является коммунизм».

Что касается Агджи, то Тюркеш убеждает интервьюирующих его журналистов: «Я никогда не видел Агджу. Когда он стрелял в папу, я был в тюрьме, а моя партия была запрещена военным режимом». Но он не был в тюрьме, когда его «серые волки» сумели помочь Агдже бежать из стамбульской военной тюрьмы. Не находился он в заключении и тогда, когда в ноябре и декабре 1979 г. печатный орган его партии газета «Эргун» и близкая к ней газета «Терджуман» организовали кампанию против папы в связи с его визитом в Турцию. Именно во время этой провокационной кампании «серые волки» Тюркеша организовали бегство Агджи из тюрьмы и его публичное письмо с угрозой убить папу.

Возможно, что шеф турецких неофашистов Тюркеш лично не знаком с Агджой, но последний хорошо знает своего «верховного главу» (башбуга) и именно так обращается к нему в своем письме из Мюнхена, выражает свою горячую благодарность, «целует руку». Тюркеш попытался доказать, что это письмо фальшивое, но аутентичность послания, являющегося документальным доказательством, была подтверждена двумя комиссиями экспертов, назначенных турецким судом.

Но если Тюркеш не знает лично Агджу, то уж своих первых помощников Мусу Сердара Челеби и Энвера Алтайлы он дол-

жен знать хорошо. Личность последнего вызывает много деликатных вопросов, которые могли бы задать Тюркешу и журналисты, и суд в Риме. Алтайлы — самое доверенное лицо и связной Тюркеша с агентурной сетью ЦРУ в Западной Европе, генеральный инспектор «федерации обществ идеалистов» в Западной Европе. Бывший главный редактор правой турецкой газеты «Эргун» Энвер Алтайлы отвечал ранее за пропаганду в ПНД. Являясь близким соратником Тюркеша, Алтайлы исполнял его личные поручения. Одно

время, с подачи Тюркеша, Алтайлы даже занимал ответственный пост в государственном аппарате Турции. Сразу же после военного переворота в Турции (сентябрь 1980 г.) он сбежал в ФРГ. Алтайлы сын эмигрантов из СССР, родившийся в Турции. В течение некоторого времени работал на радиостанции «Свободная Европа», в отделе вещания на тюркоговорящие народы СССР.

В материалах следствия по делу Тюркеша в анкарском военном суде хранится множество свидетельств о контактах ПНД с некоторыми западноевропейскими спецслужбами, осуществлявшихся через посредство Алтайлы. Угур Мумджу в книге «Папа-мафия-Агджа» приводит несколько писем главного инспектора ПНД и «серых волков» в Западной Европе Энвера Алтайлы, адресованных Тюркешу. В письме от 9 февраля 1976 г. Алтайлы пишет: «4 мая 1976 г. д-р Канапин придет к Кёльн и познакомит меня с отвечающим за Турцию шефом внутренней разведки ФРГ». Как объясняет Мумджу, д-р Канапин является сотрудником западногерманской разведки. В письме от 24 июня 1976 г. Алтайлы информирует Тюркеша: «Наши отношения с д-р Канапином таковы: он покровительствует нам, пытаясь сделать все, чтобы западногерманские службы безопасности не только не мешали нам, но и помогали». В том же письме Алтайлы информирует своего шефа и о другом служащем западногерманской разведки, который всегда готов удовлетворить все требования заграничной организации партии национального действия и ее молодежных отрядов «серые волки». Этот служащий, некий Кенгерли, дезертировавший из Советской Армии во время войны, бывший офицер карательных отрядов СС.

В письме от 7 апреля 1976 г. снова идет речь о встречах с Канапином и с бывшим резидентом ЦРУ в Турции Рузи Назером, в ту пору уже работавшим в посольстве США в Бонне. «Беседовал с д-р Канапином, — пишет Алтайлы, — пока он мне сказал следующее: «Господин Тюркеш является моим другом. Передайте ему, пожалуйста, что я буду помогать ему насколько это в моих силах. Когда я вернусь из отпуска, мы увидимся и определим стратегию, я ему напишу и отправлю документы, которыми располагаю». В том же письме Алтайлы сообщает: «Беседовал и

с Рузи Назером. Он заверил, что против сторонников партии национального действия не будет предпринято никаких действий со стороны официальных властей. Он сказал, что информацию такого содержания он получил и из министерства внутренних дел, и из близких к правительству (ФРГ) кругов». В том же письме Алтайлы продолжает: «Рузи Назер спросил меня: «Приедет ли Тюркеш-бей в США, если мы его пригласим?» В другом письме Алтайлы информирует о помощи, которую Назер пообещал ему на дискредитацию в печати правительства Эджевита и коммунистов». В своей книге Мумджу приводит и письмо первого председателя «федерации обществ партии национального действия» и «серых волков» в ФРГ Локмана Кондакчи, который сообщает, что Назер организовал переброску турецких правых экстремистов в Западную Германию. Среди турок, работающих в ФРГ, насчитывалось 650 активистов «серых волков», обученных ведению террористической деятельности. Только в 1980 г. они спровоцировали более 400 инцидентов.

Центральное место в «дипломатической» деятельности заграничного отделения ПНД занимала связь между Энвером Алтайлы и американским дипломатом в Бонне Рузи Назером. Связи Рузи Назера с турецкими экстремистами были настолько тесными, что у них едва ли были от него секреты. Подозрительные разезды Агджи по Европе тоже вряд ли выпали из его поля зрения. Но он, конечно, будет молчать. Турецкая газета «Джумхуриет» (3.12. 1982) описала деятельность агента ЦРУ, сотрудника американского посольства в Анкаре Назера: «В Турции с 1959 г. завязал немало знакомств, хорошо знал турецкий язык. Позднее сошелся с лидером ПНД Тюркешем и стал его личным другом и единомышленником... Документы о связях Тюркеша с Назером собраны в 106-й папке следственных материалов по делу ПНД». С 1975 г. агент ЦРУ Рузи Назер находится в ФРГ, приписан к американскому посольству в Бонне и продолжает «консультировать» филиалы неонацистской партии Тюркеша в Западной Европе. С Назером десятилетиями тесного сотрудничества связан другой сотрудник ЦРУ, бывший глава резидентуры вашингтонской разведки в Турции генерал Пол Хенци, многие годы бывший главным куратором неонацистского «фюрера» Тюркеша. По мнению многих наблюдателей, Хенци и Назер контролировали все структуры «серых волков» в Турции и в Западной Европе так тщательно, что не могли не быть в курсе приказа, полученного Агджой, Челеби и К° убить папу.

Нельзя обойти вниманием подробности биографии упомянутого Назера. Он военный преступник. Зимой 1941 г. на советско-германском фронте к гитлеровцам перебежал предатель Умузаров, впоследствии ставший Назаровым, а затем Назером. Гестапо определило его в палачи — истязать и убивать

пленных. Назер выслужился до помощника коменданта концлагеря военнопленных в Ружичнянском районе Каменец-Подольской области, был обер-лейтенантом, командиром роты в эсэсовском карательном «Туркестанском легионе». В 1944 г. Назера вызвали в Берлин и поручили законспирировать на будущее завербованных лазутчиков за южной линией фронта отступавшего из нашей страны вермахта. Через год в поверженном рейхе Назер прокрался со списком преданных ему агентов в американскую оккупационную зону и перепродался разведке США. В 50-х гг. он подбирал в Мюнхене кадры для американских разведшкол и по совместительству выступал на радиостанции «Голос Америки». Тогда же в Мюнхене он сошелся с политическим советником радиостанций ЦРУ «Свобода» — «Свободная Европа» Полом Хенци, который, как и Назер, участвовал в «холодной войне», не только занимаясь пропагандой в эфире, но и засылая на территории социалистических стран шпионов и террористов из числа недавних нацистских прихвостней и военных преступников.

Ветеран ЦРУ генерал Пол Хенци не только содействовал организации покушения на папу римского, но и по поручению Белого дома закулисно дирижировал кампанией антисоветской и антиболгарской клеветы в западных средствах массовой информации по поводу римского покушения. Хенци был сопричастен и к покушению Агджи на турецкого журналиста Абди Ипекчи в феврале 1979 г. Информация на этот счет распространилась достаточно широко, и Хенци, приехав на несколько дней в Турцию в июле 1983 г. из Вашингтона, решил выступить с предоставленными ему страниц ультрареакционной турецкой газеты «Терджуман» (18.7.1983.) и объявить, что не он якобы виновен в гибели Ипекчи, а некие загадочные «советские агенты». Но почему тогда генерал ЦРУ скрывал эту тайну целых четыре года? На следующий же день ведущий обозреватель турецкой газеты «Джумхуриет» печатно посрамил Хенци, напомнив, как тот в 70-х гг. возглавлял в Турции резидентуру ЦРУ, а его подручный Рузи Назер шефствовал над «серыми волками», которые и убили, как пишет У. Мумджу, его коллегу и друга Ипекчи. По словам У. Мумджу, антисоциалистические инсинуации Хенци в связи с ватиканским покушением также вздорный вымысел. Что же касается фактов, то следует добавить, что турецкая контрразведка ранее уже интересовалась причастностью Хенци к гибели Ипекчи.

В ноябре 1982 г. стамбульские власти возобновили расследование этого преступления. Но и на этот раз Хенци удалось выйти сухим из воды, а причины убийства одного из самых известных турецких журналистов, главного редактора крупной газеты «Миллиет» Абди Ипекчи низвели до уровня сведения с ним счетов «мстительных» турецких торговцев наркотиками и оружием.

Тевфик Онат, гражданский прокурор Стамбула, и майор Ондер Айхан из стамбульской военной прокуратуры провели почти неделю в римской тюрьме «Ребббия» в середине июня 1983 г., допрашивая Агджу относительно его роли в убийстве Ипекчи. Как говорилось в опубликованном в турецкой печати 24 января 1984 г. обвинительном акте стамбульского военного трибунала, «покушавшийся на папу Мехмед Али Агджа убил турецкого журналиста Абди Ипекчи в 1979 г. по приказу так называемой турецкой мафии». Среди пофамильно названных 11 подозреваемых лиц не было ни одного иностранца, а наиболее известным являлся уже арестованный Абузер Угурлу. В обвинительном акте приводились недавние показания Агджи о том, что Угурлу решил убрать Ипекчи, занимавшегося тогда «изучением сети турецкой мафии в Турции и ее связей в соседней Болгарии», «Угурлу, — заявил Агджа, — дал мне три пистолета «браунинг»... чтобы я убил Ипекчи, который развернул в печати кампанию против турецкой мафии».

С приходом военного правительства в сентябре 1980 г. была произведена чистка среди руководства подпольной турецкой сети по закупке за Западе оружия для нужд ПИД и других экстремистских группировок, а также по контрабандной торговле наркотиками на территории Турции и в странах Западной Европы. Интерпол давно уже требовал от Анкары действенных мер по задержанию одного из главарей этой сети Абузера Угурлу. Последний уже находился в стамбульской тюрьме, когда турецкая печать, а затем и Али Агджа стали наперебой сообщать интересные подробности биографии Угурлу, много лет тесно связанного с «серыми волками» Алпарслана Тюркеша. «Нелегальная торговля оружием западного производства, — писала стамбульская газета «Джумхуриет», — осуществлялась в Турции вот уже 15 лет «волком Абузером», его тремя братьями и многочисленными сообщниками. У них имелись связи с полицией Стамбула, таможенниками в Эдирне, Измире и Мерсине. Угурлу даже сам назначал начальников этих таможен, через каждую из которых в Турцию нелегально ввозились десятки тысяч единиц огнестрельного оружия ежемесячно... По дачным турецкого генерального штаба, с декабря 1978 г. по сентябрь 1981 г. силами безопасности страны было конфисковано примерно 59 тыс. винтовок и 547 тыс. пистолетов. Сейчас в частном владении в Турции накопилось оружия на сумму около 30 млрд. турецких лир.

После того как с Агджой в римской тюрьме говорили турецкие следователи, он признал, что Угурлу помог ему бежать из стамбульской военной тюрьмы после убийства Ипекчи и нелегально покинуть Турцию. Кроме того, Угурлу передал через посредника оружие из которого террорист позже стрелял в Риме.

Как показал сам Агджа на допросах, «серые волки» получали от некоторых промышленников Турции крупные денежные суммы и приобретали на них оружие у Абузера Угурлу. Посредником последнего был некий Омер Мерсан, который по заданию своего босса осуществлял и подпольную доставку боеприпасов из Западной Европы. У кого же покупал оружие Абузер Угурлу? В основном у созданной на средства ЦРУ частной американской компании «Интернэшнл армамент корпорейшн» (сокращенно «Интерармс») из Александрии, штат Вирджиния, возглавляемой наиболее крупным в мире частным торговцем оружием Сэмюэлем Каммингсом.

Американский еженедельник «Тайм» 22 октября 1981 г. поместил интервью с этим торговцем, где указывал, что Каммингс в свое время в течение трех лет работал в штаб-квартире ЦРУ. Каммингс тогда сообщил, что он всегда знает, куда идет его «товар», и «никогда не продаст ни патрона первому встречному». И действительно, среди его клиентов были хорошо известные итальянские террористы, диктаторы Гватемалы и Чили, ливанские фалангисты, кубинские контрреволюционеры-эмигранты, власти ЮАР. «Серые волки», например, получали часть оружия из Бейрута, где находилась фабрика по сборке автоматов различных типов, в том числе подделок под советский автомат «АК-47», дабы легче потом было изыскивать «доказательства причастности Советского Союза к международному терроризму». Фабрика подделок принадлежала агенту ЦРУ Каммингсу, который в целях маскировки своих связей с США даже принял гражданство карликового княжества Монако. Каммингс также осуществлял поставку боеприпасов и оружия в Турцию из Западной Германии и Великобритании, действуя через посредников из БНД (западногерманская разведка) и МИ-6 (английская разведка). Английский журналист Энтони Сэмпсон, написавший книгу «Рынок оружия» (Лондон, 1981), не случайно в шутку расшифровал начальные буквы английского названия ЦРУ (СИА) как «Каммингс инвестмент ассошиэйтс» («Сообщники Каммингса по капиталовложениям»).

Каммингс и Угурлу поддерживали давние «деловые» отношения. Но наиболее тесно с Угурлу был связан другой кадровый сотрудник ЦРУ американец Фрэнк Терпил, особо доверенное лицо Каммингса. ЦРУ объявило Терпила предателем, чрезвычайно опасным преступником, уже осужденным американским правосудием в общей сложности к 53 годам тюремного заключения за убийства и заключение незаконных сделок на поставку оружия. Интерпол разыскивает этого бывшего, как пытается уверить ЦРУ, высокопоставленного сотрудника разведки США. Последние десять лет Терпил занимался подготовкой террористов-убийц для нужд ЦРУ, а также спекуляцией оружием для ре-

акционных режимов и террористических группировок. В январе 1982 г. словоохотливый Терпил в интервью британскому телевидению сообщил, что среди его многочисленных клиентов были и турецкие террористы из числа «серых волков». Он был, например, одним из поставщиков оружия, боеприпасов и радиоаппаратуры для иранской шахской охраны САВАК. Хорошо знал Терпил и ныне свергнутого народом Уганды диктатора Иди Амина, имел отделение своей фирмы в Кампале и даже был одним из тех, кто помог Амину бежать из страны. Начиная с 1980 г. Терпил становится одним из крупнейших поставщиков американского оружия афганским басмачам по линии компании «Интерармс» Сэма Каммингса. Бывший глава ЦРУ У. Колби не смог отрицать тот факт, что майор Фрэнк Терпил продолжал выполнять задания этого шпионского ведомства и после «ухода» из ЦРУ в 1972 г.

Скандал вокруг Терпила принял характер международного, когда выяснилось, что именно этот офицер ЦРУ по заданию своей организации контролировал в тренировочном лагере на территории Ливана последние этапы подготовки Агджи к покушению на жизнь папы. Первые подробные сообщения на этот счет были сделаны журналисту дублинской газеты «Санди пресс» (27.3 и 3.4.1983.) ирландкой Мэри Маккарти, бывшей секретаршей аппарата ООН, на протяжении последних четырех лет выполнявшей задания ЦРУ на Ближнем Востоке бок о бок с Терпилом.

В настоящее время Мэри Маккарти исчезла с горизонта и судьба ее неизвестна. Но даже и то, что было сказано ею о нелегальных сотрудниках ЦРУ, за действия которых последнее несет полную ответственность, многое проясняет. М. Маккарти по неизвестным ей причинам вышла из доверия у ЦРУ. «Вокруг меня творится неладное: я чувствую, что за мной следят... Я еще никогда не была так напугана с тех пор, как связалась с этими людьми (из ЦРУ)», — сказала она журналисту из «Санди пресс». «На меня идет охота», — сделала Мэри Маккарти логичный вывод. Она «знает слишком много», в частности то, что Ф. Терпил «постоянно оставался и остается сотрудником ЦРУ». Мэри Маккарти понимала, что сведения, находящиеся в ее распоряжении, — это «бомба, которая, взорвавшись, может погубить очень многих», в том числе и ее.

Некоторые из документов, имевшихся у М. Маккарти, касались деятельности еще одного международного авантюриста из ЦРУ — Джорджа Коркала, приятеля и помощника Ф. Терпила. До 12 марта 1983 г. Коркала находился в мадридской тюрьме Карабанчель, куда он попал по просьбе судебных властей США, обвинивших его, как и Терпила, в контрабанде оружием. Как и его приятель и сообщник, Коркала был завербован ЦРУ, а затем

под легендой «бежавшего от наказания преступника» послан на Ближний Восток, где ему поручили проникнуть в организации, ведущие национально-освободительную борьбу на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Коркала сначала верно служил ЦРУ, но затем заявил о своем разочаровании в американской политике на Ближнем Востоке, убедившись, что и США, и их союзник Израиль проводят в жизнь агрессивный, милитаристский курс в этом регионе. Тогда-то он и решил поехать в Мадрид, чтобы попросить там политического убежища. Однако испанские власти отправили его в тюрьму, а в марте 1983 г. выдали его Соединенным Штатам. Тем не менее Коркала храбрился: «Если меня будут судить в США снова, я не проиграю процесса. На крайний случай у меня есть что рассказать о тайной деятельности ЦРУ». Как писала мадридская газета «Паис», незадолго до его выдачи США Коркала открыто признавался, что работал в управлении тайных операций ЦРУ, задача которого состоит в том, чтобы «осуществлять политические убийства». На Ближнем Востоке и в других местах Коркала работал на ЦРУ, по его же собственным словам, с единственной целью — «помогать убивать неугодных американцам людей, используя для этого огнестрельное оружие, химические средства, взрывчатые вещества. Этим и занимается ЦРУ. Это и есть так называемые тайные операции». Торговля оружием была для него удобным прикрытием для выполнения секретных заданий ЦРУ. Рассказ Коркалы подтверждается и словами М. Маккарти, согласно которым в записной книжке Коркалы «полно фамилий людей, в том числе одного высокопоставленного сотрудника Скотланд-Ярда, которые работали с Коркалой». Уже один этот список может скомпрометировать множество лиц, сказала она.

Теперь зададим один простой вопрос: почему секретные службы Италии, на которые, как уже говорилось, договором 1929 г., заключенным между итальянским государством и католической церковью, была возложена задача обеспечения безопасности папы римского, ничего не сделали для предотвращения покушения 13 мая 1981 г.? Не странно ли, что ЦРУ, активно помогающее, по словам его руководства, итальянскому правосудию в расследовании лживого «болгарского следа», ничего не сообщило итальянским коллегам о делах Ф. Терпила и Агджи?

Итальянская печать в первых сообщениях об обстоятельствах покушения на Иоанна Павла II приводила факты о связях Агджи с крайне правыми террористами в Италии. В Палермо (Сицилия), по сведениям газеты «Паэзе сера» (17.5.1981.), были обнаружены нелегальные публикации неофашистской группировки «вооруженные революционные ячейки», причастной к организации взрыва на вокзале в Болонье в августе 1980 г. В них еще в марте 1981 г. сообщалось о готовящемся покушении на

папу. Следствием установлено, что именно тогда в Палермо побывал Агджа. Все что происходит в среде организованных террористов и мафии, не составляет секрета для западных спецслужб. Предупреждение в виде печатного бюллетеня из Палермо не могло пройти мимо ЦРУ или итальянских разведорганов.

Между ЦРУ и итальянской военной разведслужбой СПСМИ существовали тесные контакты. И дело никоим образом не обстояло так, будто ЦРУ ничего не хотело сообщать итальянским коллегам о подготовке террористического акта против Иоанна Павла II. обе названные службы трудились сообща над двойным римским заговором — против папы и против доброго имени Болгарии и Советского Союза. Итальянский журнал «Эуропео» (17. 8.1985.) в пространной статье Марчеллы Андреоли разъясняет, например, что все судебные преследования объявленных на сегодня в розыске Соединенными Штатами Америки своих граждан Терпила и Коркалы ставили цель отмежеваться от этих двух штатных сотрудников ЦРУ, замешанных в организации покушений на иностранных политических деятелей, и в то же время гарантировать легальную возможность привлечь их за строптивость к ответственности в любое время и в любой стране. Связь ЦРУ с Терпилом и Коркалой, несмотря на все злоключения последних, в действительности никогда не прерывалась. Непосредственным куратором Терпила в ЦРУ являлся Теодор Шейкли, бывший до 80-х гг. официальным руководителем «тайных операций», т. е. департамента самых грязных дел американского разведывательного управления. Терпил и Шейкли — подчиненный и его непосредственный начальник — были тесно связаны в деле подготовки Али Агджи. Еженедельник «Эуропео» поведал о том, как в Рим из Нью-Йорка прилетел 3 февраля 1981 г. Теодор Шейкли. Этого 55-летнего холеного господина в римском аэропорту Фьюмичино, у таможенного барьера встречал личный представитель главы военной разведки СИСМИ генерала Джузеппе Сантовито, который и отвез американца на частном «мерседесе» в столичный отель «Эксельсиор». По словам автора статьи в журнале «Эуропео», пятидневные переговоры руководства СИСМИ с Шейкли, безусловно, с одним из ведущих сотрудников ЦРУ, продолжают оставаться секретной главой в темной и запутанной истории покушения на Иоанна Павла II.

В январе 1985 г. в Италии вышла из печати книга видного публициста Джорджо Пулизи «Вторая холодная война», в которой разоблачалась агрессивная политика Соединенных Штатов и Атлантического пакта и приводился ряд диверсий имевших целью отравить атмосферу мира и разрядки. Предисловие к книге написал бывший сенатор, председатель движения за мир и разоружение в Италии генерал Нино Пасти (в 60-е гг. занимал пост заместителя главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе). В последнем из пяти разделов, озаглавленном

«психологическая война и попытки дестабилизации», есть глава «Покушение на папу». Описывая механизм фабрикации «болгарского следа», автор сообщает подробные данные о роли в этом деле ряда сотрудников ЦРУ: «Доказательства участия ЦРУ в покушении на папу возникли после того, как было установлено, что турецкий неонацист Али Агджа обучался в секретном лагере для террористов, которым ЦРУ поставляет оружие и инструкторов. Этим лично занимался агент ЦРУ Фрэнк Терпил, который в 1979 г. открыл в Бейруте представительство по контрабанде оружия. В результате ошибки в действиях американских секретных служб Терпил был выслежен и арестован в Нью-Йорке Федеральным бюро расследований. Явно, ФБР не были известны планы ЦРУ. Действительно, этим делом сразу же занялся тогдашний директор ЦРУ Тернер, и без особого шума арестованному дали возможность бежать».

СЦЕНАРИЙ ДЛЯ ГИБНУЩЕГО УБИЙЦЫ

Агджа пытался представить себя в качестве «коммуниста-революционера», называя себя «левым», «палестинцем» и в письме с угрозой убить папу в 1979 г., и в ходе первых дней следствия после выстрелов в папу в мае 1981 г., и в листовках-обращениях, заготовленных им накануне покушения в Риме. В первой половине июля 1980 г. Агджа оказался в Болгарии, где прожил три недели в лучших софийских отелях под уже упоминавшейся вымышленной фамилией Йогиндера Сингха. Болгарские пограничные власти сообщают впоследствии, что в том году Болгарию посетило 18 индийских граждан с точно такой же весьма распространенной фамилией и тем же именем...

Болгария не состоит членом Интерпола и, следовательно, не принимая регулярного участия в работе Интерпола, не получила уведомления турецких властей и просьбы о поимке Агджи. Преступник без особых трудностей воспользовался облегченными условиями безвизового туристского режима для 6-7 миллионов иностранцев, ежегодно посещающих Болгарию. Побывав в Софии, Агджа заполнил, таким образом, важнейшую графу западной легенды о причастности стран Востока к предстоящему покушению в Ватикане. Он даже утверждал, что встречался в Софии с организаторами покушения на папу.

Из Болгарии Агджа направляется в Швейцарию, в Цюрих. Оттуда во Францию, Бельгию, Англию, Австрию, Югославию, Голландию, Испанию, Тунис, Италию, на Балеарские острова. Всего около 15 стран. Иногда он путешествует с Кристиной

Кляйн. Чаше один, останавливаясь в лучших отелях, не чураясь публики. Остается лишь удивляться, что, несмотря на неоднократные запросы Интерпола, он оказывается ненужным ни одной из полиций западноевропейских государств. Его просто не замечали, в упор не видели. Свою принадлежность к правоэкстремистской, неофашистской организации убийца не афишировал, а пытался скрыть.

В Италию турецкий неофашист попадает в начале 1981 г. и под именем Фарука Озгуна останавливается в Риме, в пансионе «Иса», скромном заведении в центре столицы, около площади Кавур. Хозяйка вспоминает о нем, как об «очень вежливом, симпатичном молодом человеке». Вскоре он направляется в город Перуджу, сердце итальянского терроризма, где образовались первые группировки «красных бригад». 9 апреля он записывается вольнослушателем в тамошний университет для иностранцев, на отделение политических наук. Проучившись два дня и получив студенческий билет, он теперь уже на самых легальных основаниях может передвигаться по Италии. 23 апреля он заказывает в Милане билеты на туристическую поездку на Балеарские острова. Двухнедельное пребывание на курорте близ испанских берегов, в Средиземном море обходится ему в 1000 долларов. Сопровождавшая группу сотрудница туристской компании Фортуната Эстрада опознала его по предъявленной ей фотографии спустя полгода: «Помню застенчивого и скучающего молодого турка, ни слова не знавшего по-итальянски и усиленно занимавшегося спортом на пляже».

После короткого заезда в Милан, 10 мая он появляется вновь в Риме, в пансионе «Иса», принимает нескольких гостей, много звонит по телефону. В чемодане, который он оставляет в пансионе, полиция в ночь после покушения на площади Святого Петра находит листовки, отпечатанные по-итальянски: «Я, Мехмед Али Агджа, убил папу римского. Я сделал это для того, чтобы привлечь внимание к тысячам жертв империализма...» И подпись — «Агджа».

Много раз в течение трех дней перед покушением он исследует место, где ему предстоит стрелять в Иоанна Павла II. 10 мая его даже сфотографировал на площади перед Ватиканским собором какой-то турист и предоставил затем всю пленку полиции.

Преступление было совершено 13 мая 1981 г. в среду, когда папа Иоанн Павел II вышел на площадь Св. Петра, чтобы благословить верующих перед общей аудиенцией. Многотысячная толпа поклонников и любопытных терпеливо ждала его появления. Солнце уже клонилось к западу, когда Иоанн Павел II начал объезд площади. Белый лимузин двигался со скоростью пешехода. Поклоны, рукопожатия. Матери протягивали на руках

младенцев для благословения. Папа делал по площади уже второй круг, когда в 17 часов 17 минут раздались выстрелы. Сколько? Это установить трудно. Из двенадцати допрошенных свидетелей шестеро слышали два выстрела, пятеро — три и один — четыре. В 20 часов Ватикан распространил первый медицинский бюллетень: хирургическая операция продолжается, но состояние сердечной деятельности папы удовлетворительное и его жизни не угрожает серьезная опасность.

В это время полицейские следователи устанавливают, что схваченный на месте преступления Фарук Озгун является в действительности опасным турецким террористом Мехмедом Али Аг-джой. Террориста отделяли от папы несколько рядов верующих, стоявших у самого ограждения. Он выбрал это место, чтобы уберечься от первой реакции охраны. Пистолет он держал двумя руками над головой, и поэтому выстрелы были не особенно точными — вторая пуля ранила папу только в левую руку. Эксперты пришли к заключению, что стреляли из бельгийского 9-миллиметрового пистолета «браунинг», заряженного австрийскими патронами. Возникает загадка: на мостовой были найдены только одна гильза и один патрон. Где остальные? Баллистическая экспертиза устанавливает, что стреляли с одного места. В подобранном с земли пистолете оставалось еще 3 патрона. В обвинительном акте говорится еще о каком-то террористе, который после пятого выстрела должен был взорвать гранату, чтобы вызвать панику. Почему Агджа прекратил стрелять до взрыва? Одно за другим следуют противоречивые объяснения: сначала он якобы хотел только ранить папу, потом — поверил, что убил его, и наконец — ему помешали. Показания очевидцев также не совпадают. Говорят о монахине, сестре Летиции, которая якобы схватила его сзади руками. Потом — о каком-то неизвестном, сильно толкнувшем Агджу справа. Во всяком случае, Агджу обезвредили еще до прибытия на место преступления полиции. В первый момент он бросил пистолет и сделал попытку вырваться из толпы, потом начал повторять: «Это не я, это не я».

Что произошло с вероятным соучастником? В момент покушения щелкают фотоаппараты, стрекочут любительские кинокамеры. Но собранный визуальный материал также не позволяет сделать категорические заключения. На одной из фотографий рядом с Агджой видна часть лица молодого человека. Турецкие власти, правда, без полной уверенности, опознают в нем члена «серых волков» Омера Ай. На киноленте видны два человека — один быстро приближается к террористу, а второй столь же быстро удаляется от него. Их тоже невозможно идентифицировать. Свидетели говорят и о каком-то человеке средиземноморского типа, с сумкой, севшем в автобус и проехавшем всего одну оста-

новку. Самыми важными документами считаются две цветные фотографии, сделанные журналистом детройтского бюро американской телевизионной компании Эй-Би-Си Лоуэлом Ньютоном. Ньютон рассказывает следующее: увидев направляющегося в его сторону (к правой колоннаде) молодого человека в куртке и с пистолетом в правой руке, он выждал, пока тот пробежал мимо и сфотографировал его. Человек на снимке получился в три четверти оборота со спины. Лоуэл Ньютон, Элизабет Ньютон и Дона Джонсон, видевшие бегущего в лицо, находят сходство с полицейским рисунком, воспроизводящим черты лица Орала Челика — террориста, который, как считают, находился в иерархии «серых волков» выше Агджи. Власти не располагают данными о пребывании Челика в Италии в то время. В пансионе «Иса», где остановился Агджа, полиция обнаружила сделанные Челиком записи, из которых видно, что после покушения он собирался уехать на поезде в Неаполь. Позднее судья-следователь Иларио Мартелла примет версию о том, что Челик выехал из Италии в запломбированном болгарском дипломатическом грузовике, который по случайному совпадению выехал вечером 13 мая из Рима в Софию. Только через два года Челика случайно увидит в Мюнхене корреспондент газеты «Миллиет» Орсан Имен. Турецкий журналист проследит за ним и запишет номер автомашины. С тех пор никаких следов не было до августа 1985 г. Вслед за покушением на папу Иоанна Павла II последовал ряд странных событий. Первое из них относится к июлю 1981 г. Медлительное итальянское правосудие побило тогда все рекорды скорости. Процесс по делу схваченного на месте преступления террориста начался 20 июля, т. е. спустя девять недель после покушения. Он проходил формально. В качестве свидетелей были вызваны только служебные лица, установившие материальные факты: личность преступника, вид оружия, число выстрелов, траекторию пуль, нанесенные телесные повреждения. За время процесса Агджа только раз находился в зале суда, в клетке из бронированного стекла. Немногословность судей и самого преступника дали повод комментаторам отметить к концу процесса, что «дело Агджи», безусловно, только начинается. По выпадам определенной части буржуазной прессы можно догадаться, что впереди еще было осуществление основной части огромного, беспредельного по своей чудовищной наглости и клевете, антисоветского и антисоциалистического сценария, в котором режиссеры из западных спецслужб отводили Агдже главную роль.

Защитник, назначенный итальянским судом, пытался высокопарными словами изложить малоубедительные мотивы преступления: «Агджа действовал один, как человек унаследовавший в полной мере неосуществленную месть предыдущих поколений. Он принадлежит к племени тех фанатиков-террористов, которые уби-

ли Линкольна, Ганди, Кеннеди, Лютера-Кинга. Убийца-одиночка Агджа возжелал своим преступным актом возвыситься до уровня тех, кто составляют величие нашего общества и олицетворяют собой надежду мира». Послушать адвоката, так Агджа стрелял в папу исключительно ради того, чтобы заставить заговорить о себе. Суд с этой версией согласился, закрыв глаза на те показания Агджи, которые он дал в ходе расследования: сразу после покушения турецкий неонацист признал, что за его спиной стоит преступная организация, действующая в международных масштабах. «Они хотят убить и других людей», — сказал он в ходе допросов, категорически отказавшись, однако, уточнить, о ком именно идет речь.

Не пожелал суд заметить и знаменательный момент в поведении преступника. В первый же час судебного разбирательства Агджа произнес фразу, смысл которой лишь много позже расшифровали специалисты. Безо всякой связи с вопросами судьи Агджа вдруг заявил: «Если итальянское правительство будет хранить молчание, через пять месяцев я начну голодовку». Фактически эти слова, содержащие в себе закодированное сообщение, были единственной, ценной информацией Агджи в ходе процесса. Своим хозяевам на воле турок адресовал послание, которое в действительности означало следующее: «Потрудитесь вытащить меня на свободу не позже пяти месяцев, в противном случае я нарушу молчание и заговорю...» Прокурор произнес в суде пустую, помпезную речь, служебный адвокат не сказал почти ничего, а обвиняемый практически вообще отказался говорить. Через три дня зачитали приговор. Он не был обжалован и вступил в законную силу. Наказание — пожизненное заключение — самое тяжелое по итальянским законам. Но строгость приговора не принесла успокоения, потому что причины покушения остались скрытыми.

Перед судом стояли два вопроса: каковы были побуждения Мехмеда Али Агджи и действовал ли он сам или существовал против папы заговор. Эти вопросы рассматривались поверхностно. Вину за это несет главным образом прокурор Николо Амато, от которого ждали, что он прольет свет на это преступление. Но вместо этого он окутал его густым риторическим туманом.

По первому пункту — побуждения — была отвергнута гипотеза о преступлении с корыстной целью. Идеиные побуждения террориста также не были выяснены сколько-нибудь серьезно. Его взгляды в том свете, в каком они были представлены, граничили с патологией. Амато назвал обвиняемого параноиком. Суд с этим согласился. Не подвергая критике умышленно бессвязные заявления Агджи до процесса, судьи квалифицировали его как религиозного фанатика с непостоянными представлениями. Это — непростительное заблуждение, ибо оно противоречит важному следственному документу — заключению экспертизы,

проведенной присутствовавшим на допросах Агджи д-р Джанкарло Купери. Он отметил, что турок «прозорлив и осторожен, внимательно формулирует ответы и умно реагирует всякий раз, когда вопросы > касаются деликатных вещей». Медицинский эксперт римской полиции пришел к заключению, что террорист обладает «живым умом, большим самообладанием и психической зрелостью».

В противоречии с материалами следствия прошло и судебное расследование по второму вопросу — о возможных соучастниках. Прокурор Амато заявил, что дело касается «изолированного нападения... террориста, пришедшего ниоткуда», который «сам задумал и исполнил этот постыдный акт». Служебному адвокату было нечего к этому добавить. Суд согласился с тем, что Агджа — «убийца-одиночка» и что «доказательства о существовании заговора отсутствуют».

Между тем произошли некоторые, вызывающие подозрение события. Был, например, переделан приказ об аресте Агджи, в первоначальном тексте которого говорилось о преступлении, совершенном «в соучастии с другими, пока неизвестными лицами». Был бесцеремонно отстранен от следствия судья-следователь Лучано Инфелизи, говоривший о неудобных вещах. После первых допросов и проверок он заявил: «Мы располагаем документами, показывающими, что Мехмед Али Агджа был не один» (газета «Стампа», 15.5.1981). На самом судебном процессе даже не постарались узнать происхождение фальшивого паспорта, оружия, денег, которыми располагал Агджа. Не зашла на нем речь ни о записках, найденных в пансионе «Иса», ни о долгом телефонном разговоре Агджи с Ганновером накануне покушения, ни о сообщениях очевидцев о том, что на площади было замечено несколько подозрительных лиц. Были оставлены без внимания и преступные связи турка с «серыми волками» в его собственной стране.

Наконец, существует документ, из которого видно, что судьи сами не верили себе и знали намного больше того, что было сказано на процессе. При наличии стольких неясностей суду следовало потребовать дополнительные сведения по некоторым основным пунктам. Это было сделано без шума только через два месяца после вступления приговора в силу. Имеются в виду письменные мотивы приговора, составленные председателем состава суда Северино Сантиапики. Это документ объемом в 51 страницу, внесенный в канцелярию суда 24 сентября 1981 г. Как позднее стало известно, в нем также говорится, что Агджа является человеком «дисциплинированным, обладающим чувством профессиональной ответственности, которым, словно пешкой, орудовали скрытые умы». Манипулирование процессом налицо. И напрасно было бы искать в ан-

налах судопроизводства более кричащее противоречие между мотивами и приговором.

Кто был заинтересован в сокрытии истины? Да те, кто впоследствии сочинил «болгарский след», повторяя на все лады, что за покушением стоят государства Восточной Европы.

Первая реакция из-за океана была продиктована страхом перед скандалом. Наиболее показательной, пожалуй, является быстрота этой реакции. Сигнал о сворачивании следствия был дан на следующий день после покушения, 14 мая. На следующее утро газета «Нью-Йорк тайме» опубликовала корреспонденцию из Рима, в которой говорилось: «По сведениям, полученным из правительственного источника, полиция убеждена в том, что г-н Агджа действовал один.» Американскую версию поддержал Альфредо Лазарини — начальник итальянской полиции по борьбе с терроризмом (ДИГОС), которая обычно ведет длительные расследования, прежде чем выступить с заявлением. Только Ватикан хранил в этом дружном хоре молчание. А когда 21 июля начался процесс, орган святого престола газета «Оссерваторе романо» заметила: «Все это звучит как-то неубедительно». Да и как объяснить то, что не успело еще заглухнуть эхо выстрелов на площади Св. Петра и папа все еще находился на грани между жизнью и смертью, а истину уже решили похоронить? Ясно, что для некоторых лиц официальных западных учреждений подобный подход не был неожиданностью. Они знали о чем-то «политически нетерпимом» для Запада и это «что-то» ни в коем случае нельзя было открывать миру.

После 13 мая 1981 г. Агджу допрашивают 12 часов подряд, а затем и в течение целых недель. Он отказывается назвать сообщников, утверждает, что действовал один. Он пока не знает, что лишь чудо или провидение спасло ему жизнь в первые минуты после покушения.

На фотографиях, сделанных туристами на площади Св. Петра сразу после выстрелов в Иоанна Павла II, виден убежавший со всех ног шатен в черной кожаной куртке с пистолетом в руке. В момент стрельбы в папу второй террорист находился далеко от него, позади Агджи, но видимо не имел возможности в начавшейся свалке прицелиться в своего партнера. Высшие чины итальянской полиции в беседах с журналистами высказывали убеждение, что по логике вещей Агджа должен был погибнуть в первые минуты после убийства от рук сообщников. С вечера 13 мая 1981 г. признак смерти прочно устроился за спиной Агджи. Вокруг полицейского управления Рима, где содержался преступник в период следствия и суда, была выставлена усиленная охрана. Под контролем — крыша здания, соседние улицы и переулки. Рядом с террористом неотлучно находились несколько полицейских. Существовали опасения — они не исчезли и по

сей день — что нежелательный свидетель будет в конце концов уничтожен теми, кто опасается разоблачения. Угрозы и даже попытки покушения на заключенного Агджу продолжались, о чем турок не перестает заявлять тем, кто желает его слушать.

После римского суда лета 1981 г. Турция, где Агджа уже давно приговорен заочно к смертной казни, требует выдачи убийцы. Но Агджу не выдали. Итальянский суд постановил, что первый год заключения террорист проведет в одиночной камере в условиях строгой изоляции. Первые недели Агджу действительно никто не посещал, и он имел возможность размышлять, вспоминать события своей жизни и гадать о том, как сложится его дальнейшая судьба. Он мог считать себя знаменитостью хотя бы потому, что его фамилию узнали и запомнили не только турки, но и все жители планеты, которые хоть иногда слушают радио и читают газеты.

Передышка была, правда, короткой. В сентябре 1981 г. римский суд, вынесший приговор, направляет в высшие правительственные сферы, в канцелярию президента республики Сандро Пертини доклад с доказательствами того, что Агджа действовал на площади Святого Петра не один. Судебное расследование возобновляется. Раздаются требования «пролить свет на подрывную террористическую операцию, осуществленную на международном уровне», Кем? Ответ услужливо подсказывала западная пресса с первых же часов после ранения папы: «Рукой Москвы, направляющей международный терроризм».

Данный тезис для нужд империалистической идеологической войны против социалистических стран требовал углубленной разработки. Демагогические намеки Агджи требовали более конкретного адреса. Западным журналистам уже приелись «сенсационные заявления» Агджи, которыми их снабжали в первые дни в изобилии римские следователи. Агджа, как оказалось, был неплохим демагогом: «Я международный террорист. Я не делаю различий между фашистами и коммунистами. С моей точки зрения, международного террориста не должны заботить политические ярлыки. Он должен доверять своему оружию, и этого вполне достаточно». Агджа выдавал себя за религиозного фанатика, который хотел убить главу католичества. Он отрицал принадлежность к любой террористической организации, хотя и был с детства воспитан турецкими неофашистами.

Он неплохо держится, морочит следователям голову, предлагая им одну за другой фальшивые и противоречивые версии. От него добиться правды невозможно. Он хорошо подготовлен физически и психологически. Нервная система устойчива, он хорошо владеет собой, не устает, ему достаточно вздремнуть немного на стуле, как силы возвращаются к нему. Психиатры по-

сле долгих, 40-дневных обследований сообщили, что преступник полностью вменяем. Альфредо Лазарини, глава римской антитеррористической бригады, говорил об Агдже, как о крупном террористе, прошедшем основательную и всестороннюю подготовку.

Характеризуя линию поведения Агджи с итальянскими следствием и судом, важно отметить главное — стремление преступника ценой всевозможных ловких ухищрений оставаться в центре внимания мировой прессы и продолжать тянуть время, настаивая на своей клевете против Антонова. Сделка Агджи с итальянским правосудием зиждется лишь на одном требовании — обвинении болгар. А попутно он волен был плести любую ересь, выдавать по очереди на растерзание следователей своих действительных и мнимых соучастников, клеветать, до бесконечности менять свои показания, юродствовать, лгать.

Агджа «обучен стрелять, а также и лгать» — к такому выводу пришел один из самых популярных в Италии телекомментаторов Энцо Биаджи, один из трех итальянских журналистов, взявших в течение первых двух месяцев 1985 г. интервью у турецкого террориста Али Агджи в римской тюрьме «Реббибия». Сопоставление трех опубликованных записей бесед с Агджой выявляет многочисленные противоречия, дает иллюстрацию техники наглой лжи Али Агджи. На страницах миланской газеты «Коррьере дел-ла сера» Агджа утверждает, что он поддерживает связи с «серыми волками» после поступления в Анкарский университет. В то же время он подтверждает, что был знаком с Оралом Чели-ком еще в Малатии — родном месте обоих. А хорошо известно, что в то время Челик руководил «серыми волками» в этом турецком городе. В интервью «Оджи» Агджа заявляет: «Я никогда не компрометировал себя никакой террористической и преступной деятельностью, кроме моего участия в демонстрациях или в чем-то подобном». Но тут же он сам опровергает свои слова: «Я совершил исключительно серьезные ошибки, даже преступления. Да, у меня очень тяжелое прошлое.» А лишь месяц спустя в интервью телевизионному журналисту Энцо Биаджи он нагло подчеркивает: «Я Мехмед Агджа, турок. Я террорист и всегда считал себя таковым». «Мне никогда не платили», — заявляет Агджа в «Коррьере дел-ла сера». «Я ничего не делал за деньги», — добавляет он в «Оджи». Но корреспондент «Коррьере делла сера» цитирует неопубликованные выдержки из протоколов допросов террориста, проведенных судьей-следователем Мар-теллой. А в них признается, что «все мы («серые волки». — Ред.) были авантюристами и наемниками, готовыми за деньги совершить любую акцию».

Противоречивы также заявления террориста о числе выстрелов в папу римского. В интервью, данном «Коррьере делла сера», Агджа утверждает: «Но я лишь ранил его, так как мне удалось выстрелить только два раза». А в протоколах допросов, цитируемых той же газетой, террорист говорит: «Я не уверен, выстрелил ли я лишь два раза в папу. Может быть, выстрелов было три». Агджа также дает два ответа в связи с риском его освобождения. «Мне ничего не угрожает ни сейчас, ни после освобождения», — с убежденностью твердил убийца перед журналистом. А во время одного из допросов, цитируемых «Коррьере делла сера», он заявляет: «Я опасюсь не только за свою безопасность после возможного освобождения в результате помилования президентом республики, но и за то, что мне не поверят». Комментируя характеристику, данную Агдже Энцо Биаджи, болгарский еженедельник «Поглед» подчеркивал, что этому итальянскому журналисту было достаточно беседы с Али Агджой в течение двух часов, чтобы прийти к заключению, к которому не пришла итальянская юстиция в течение многих лет.

Три года, как известно, продолжалось судебное следствие, в котором Агдже была доверена роль главного действующего лица. Тысячадвухсотстраничное обвинительное заключение судьи-следователя Иларио Мартеллы уже было готово, когда Агджа решил напомнить о вознаграждении, обещанном ему за «сотрудничество», т.е. за нужные показания. Он публично попросил о помиловании «из гуманных соображений». Итальянский католический еженедельник «Сабато» опубликовал отрывки из интервью, которое профессиональный убийца дал 12 декабря 1984 г. в своей камере в тюрьме «Реббиа» представителю этого журнала. «Я сотрудничал с итальянским правосудием, не ставя им предварительных условий, не прося ни о чем», — заявлял Агджа, известный тем, что говорит только «чистую правду». — «Ничего не просил я и у папы Иоанна Павла II во время нашей встречи. Сейчас я хочу, чтобы итальянское государство помиловало меня из гуманных соображений», — продолжал человек, считающий, что столь нужной кое для кого клеветой на невиновных людей он заслужил прощение за свое участие в покушении. Итальянский еженедельник напомнил, что президент Итальянской Республики может воспользоваться своим правом на помилование согласно статье 87 конституции страны, если пострадавшее лицо (в данном случае папа Иоанн Павел II) простило покушавшегося на его жизнь человека, а папа это сделал 27 декабря 1983 г., лично посетив заключенного в камере. «Я сотрудничал с правосудием, не ставя предварительных условий...» Ну что ж, на этот раз можно ему поверить — условия, наверное, поставил

кто-то другой, а сейчас Агджа напомнил ему, что пора бы их выполнить.

После продолжительного и тенденциозного предварительного следствия по делу о соучастии в покушении на папу Иоанна Павла II, в результате которого было выдвинуто необоснованное обвинение против болгарских граждан, предстояло рассмотрение дела в Римском кассационном суде. Процедура перед итальянским судом присяжных имеет свои особенности, на которых стоит остановиться подробнее. Состав суда, приступавшего в конце мая 1985 г. ко второму рассмотрению дела о покушении на папу, аналогичен тому, что в течение всего нескольких десятков часов заседал по этому же делу ровно 4 года назад.

Что касается сроков, то судебное рассмотрение дела до момента вынесения приговора первой инстанцией должно закончиться в рамках полутора лет. Такой же срок предусматривается и для рассмотрения дела апелляционным судом присяжных в случае, если будет вынесен обвинительный приговор и он будет обжалован.

Высшей и последней судебной инстанцией является Верховный кассационный суд, производство в котором тоже продолжается полтора года. То есть при такой процедуре любой процесс может затянуться на 4-5 лет.

Судебная процедура в итальянском суде тянется очень долго. В суде первой инстанции председатель суда, его заместитель и шесть присяжных заседателей образуют судебную коллегия, которая обсуждает и решает все вопросы, возникшие при рассмотрении дела и выносит приговор большинством голо-1 сов. При равном количестве голосов (4 голоса «за» и 4 «против») принимается решение, наиболее благоприятное для подсудимого. Итальянский уголовно-процессуальный кодекс в принципе предусматривает публичное рассмотрение дел, но в интересах государственной безопасности, общественного порядка, морали и т. д. допускаются и исключения.

Судебное следствие начинается после конституирования сторон и оглашения обвинения. Подсудимому могут помочь не больше двух защитников.

Председатель состава суда руководит судебным заседанием, I дает указание зачитывать документы, обращается с предупреждением к сторонам, приглашает произнести клятву, проводит допрос и исследование документов, руководит дебатами сторон и делает им замечания в случае необходимости.

Допрос подсудимого обязателен, и начинается он с установления его личности. Председатель суда излагает в ясной понятной форме приписываемое ему преступление и связанные с ним обстоятельства и предлагает ему привести доказательства своей

невинности или доказательства, облегчающие вину. В ходе судебного заседания подсудимый имеет право давать объяснения и советоваться со своим защитником.

Допрос свидетелей проводится в порядке, определенном председателем суда, при этом преимущество получает пострадавший от преступления.

Судебное следствие включает заслушивание экспертов, оглашение документов и другие процессуальные действия, такие как осмотр места происшествия, сбор новых доказательств. В случае необходимости судебное заседание может быть прервано для сбора новых доказательств. Итальянским законом предусмотрена возможность свободного допроса в качестве свидетелей лиц, обвиняемых в этом же или связанном с ним преступлении, в отношении которых ведется отдельное производство. Процессуальная фигура обвиняемого, который может давать и свидетельские показания, широко используется в итальянском уголовном процессе. Так образовалась категория так называемых раскаявшихся преступников, которые, стремясь добиться снисхождения суда, называют действительных или мнимых соучастников. «Раскаяние» — массовое явление в юридической действительности Италии, и оно часто приводит к роковым ошибкам. Чтобы как-то справиться с растущей организованной преступностью, итальянское правосудие прибегает к использованию «раскаяния», но на практике это средство направлено против самого правосудия, так как вводит его в заблуждение и заставляет репрессировать лиц, которые не имеют ничего общего с преступлениями, указанными «раскаявшимися» преступниками. Невинных жертв такого судопроизводства не так уж мало.

По окончании судебного следствия начинаются дебаты сторон-обвинительные и защитные речи, реплики. При желании обвиняемый и его защитник могут воспользоваться правом последнего слова и последнего выступления. Заслушав дебаты сторон и последнее слово подсудимого, суд удаляется на тайное совещание для вынесения приговора. Приговор должен быть вынесен теми же судьями, которые участвовали в слушании дела.

С приближением даты открытия «процесса века», как его поспешили окрестить западные журналисты, в соответствии с законодательством страны и установленными процедурами соответствующие органы Италии начали определять состав судебных заседателей по «делу Антонова». С помощью электронно-вычислительной машины была произведена жеребьевка и в высшую инстанцию был представлен список на 50 лиц, из которых следовало избрать шесть судебных заседателей к шести запасных. Но оказалось, что из 50 только 9 согласились принять участие к судилище по такому необоснованному обвинению. И

процедуру пришлось повторить... Трудно оказалось подобрать рядовых граждан, готовых вмешаться в темные дела спецслужб, сфабриковавших антиболгарские обвинения. Ведь «процесс века» в Риме задуман так, как обычно и проводятся в капиталистическом мире подобные фальсифицированные политические процессы. Нормы правосудия нарушаются, самому суду придается характер пропагандистского шоу. А далее, вне зависимости от того, признают ли Антонова виновным или нет, огласке будет предан целый ворох разного рода вымышленных «свидетельств» и «улик». Даже если Антонова и освободят, обывателю все равно постараются вбить в голову: «А болгары-то причастны!» Вот в чем извращение правосудия и смысл затеи с судилищем, продиктованным политическими мотивами.

Известно, что Агджа — единственный свидетель обвинения. В ходе следствия он часто менял показания и был неоднократно уличен во лжи. В судебной практике на этот счет существует традиционное правило: в подобных случаях свидетеля нужно лишить права выступать на суде. Такой свидетель должен рассматриваться, выражаясь профессионально, как юридически «мертвый». Проблема в том, что людям типа Агджи нечего терять, зато они могут многое получить. Агджа знает, что проведет оставшиеся годы жизни в тюрьме, если... А смысл у этого «если» может быть только один — он должен вступить в сделку со следствием, солгать. Во многих западных странах такие случаи встречаются сплошь и рядом. Какой-нибудь садист, кровавый убийца или насильник, которого осудили на пожизненное заключение, вдруг начинает давать «сенсационные показания». Перспектива пожизненного тюремного срока может толкнуть на ложь морально неустойчивого человека. Уголовник-рецидивист, такой как Агджа, оговаривает любого, на кого ему укажут пальцем.

В течение целого года у подножия холма Монте Марио, в северо-восточной части Рима, у построенного еще в 30-е гг. огромного спортивного комплекса «Форо Италико» царил осадный обстановка. 27 мая 1985 г., в понедельник, в просторном бетонном здании спортивного зала на улице Гладиаторов, превращенном в бункер с бронированными стеклами, начался процесс по так называемому «делу Антонова». Неожиданно для многих в зал, на места для публики были допущены несколько десятков представителей турецких правых организаций, специально приехавших на процесс в Рим из ФРГ.

На открытии процесса присутствовали посол НРБ в Италии, мать, дочь и сестра С. Антонова, болгарские юристы. Первым в сектор для подсудимых ввели болгарского гражданина Сергея Антонова. Он выглядел усталым, измученным долгим заключением (по оговору Агджи его арестовали 25 ноября 1982 г.). Как сообщили тогда журналистам в «Форо Италико» сотрудники

болгарского посольства, С. Антонов находился «в неудовлетворительном физическом и психическом состоянии».

На время суда в «Форо Италико» были приняты чрезвычайные меры безопасности. Здание суда обнесено высокой железной оградой, приблизиться к которой менее чем на пятьдесят метров мешают массивные деревянные барьеры, — дальше уже пускают только по специальным пропускам и после прохождения тщательного, как в аэропортах, личного досмотра/ Телекамеры дневного и ночного видения передают на множество экранов для операторов охраны все происходящее в бункере и за его пределами. Сотни автоматчиков в бронированных жилетах и агентов в штатском круглые сутки несут вахту в периметре здания суда. О масштабах судебного процесса в Риме говорит и число аккредитованных журналистов — более 600 человек (среди иностранцев большинство составляли американцы — 110 человек). Но всего 6 телекомпаний получили разрешение вести съемки в зале «Форо Италико»: это болгарское и итальянское телевидение, американские компании Эй-Би-Си, Си-Би-Эс, Эн-Би-Си и «Кэйбл телевизион нетуорк». То, что допустили к съемкам болгарское и итальянское телевидение, логически объяснимо. Однако в основном весь патент на ведение телепередач оказался в руках США. Большое недоумение вызвало решение итальянских властей ответить отказом на заявки других телекомпаний, особенно если учесть, что голубой экран — самое мощное средство воздействия на широчайшие круги общественности. Не было ли обусловлено такое решение стремлением к одностороннему освещению и толкованию хода процесса? В связи с этим стоит отметить, что 26 мая Итальянское телевидение начало показ нового цикла передач, посвященных покушению на папу Иоанна Павла II, в которых опять внушалась идея о существовании так называемого «болгарского следа». Весьма мощные силы, которые сфабриковали «болгарский след» и дали ему «зеленую улицу», теперь снова пытались с помощью дозволенных и недозволенных средств заслонить свет истины, прикрыть очевидные факты, свидетельствующие о невиновности болгар. Итальянские газеты подробно комментировали начало судебного процесса в «Форо Италико», подчеркивая, что вынесенные на нем решения могут иметь важные «международные и дипломатические последствия».

Служащему представительства Болгарской гражданской авиации в итальянской столице Сергею Антонову, болгарским гражданам Тодору Айвазову и Желью Василеву, а также турецким гражданам Омэру Багджы, Бекиру Челенку, Мусе Сердару Челе-би, Оралу Челику было предъявлено обвинение в «соучастии в покушении», осуществленном 13 мая 1981 г. на ватиканской площади Св. Петра. В роли свидетеля и обвиняемого на

процессе, начавшемся в Риме 27 мая 1985 г., выступал человек, стрелявший в главу римско-католической церкви, 27-летний Мехмед Али Агджа, приговоренный к пожизненному заключению. На этом процессе Агджа — главный свидетель прокурора, но вместе с тем ему предъявлено обвинение за незаконный ввоз в Италию оружия, с помощью которого осуществлено покушение. Тут, кстати, возникает вопрос: почему турецкого террориста сразу не судили, еще в 1981 г., за незаконное ношение оружия? Не для того ли, чтобы на данном судебном процессе он выступал не только как «свидетель», но и как обвиняемый, то есть имел бы постоянного консультанта в лице своего адвоката?

Дело рассматривалось первым составом римского суда. Председатель суда — 58-летний судья Северино Сантиапики (тот самый, что после трехдневного заседания суда приговорил террориста Агджу к пожизненному заключению за покушение, осуществленное в мае 1981 г.). В последние годы он вел все крупные процессы, связанные с преступлениями «красных бригад», других террористических организаций. Второй судья — Фернандо Атолико. Шесть присяжных заседателей — три женщины и трое мужчин. Обвинение представлял прокурор Антонио Марини. Болгарских граждан Антонова, Айвазова и Василева защищали итальянские адвокаты Джузеппе Консоло, Адольфо Ларусса, Манфредо Росси и Гофредо Бока.

За железными решетками, отделяющими подсудимых от присутствующих в зале, в отдельных клетках с толстыми прутьями четверо — Антонов, Агджа, Челеби и Багджы. Болгарские граждане Тодор Айвазов и Жельо Василев находились на родине, когда следственный судья Иларио Мартелла издал постановление об их аресте. Это постановление противоречило Женевской конвенции, согласно которой на сотрудников иностранных посольств в стране пребывания распространяется дипломатический и юридический иммунитет. Турецкий гражданин Бекир Че-ленк находился в Софии, когда в Италии был издан приказ об его аресте. Болгарские власти немедленно взяли Челенка под наблюдение. После тщательного расследования в Болгарии было установлено, что Челенк не причастен к покушению на площади Св. Петра. Все ограничения на его личную свободу были сняты, и в июле 1985 г. он по своей воле уехал на родину. Незадолго до начала судебного процесса другой турецкий гражданин Орал Челик, долго находившийся в бегах, был задержан компетентными французскими органами. На первом же заседании прокурор призвал суд принять меры для доставки на судебное заседание нескольких задержанных в различных странах Западной Европы и в Турции «серых волков», названных Агджой в числе соучастников покушения на папу.

Бекир Челенк в Рим так и не попал. Оказавшись в Турции, он вскоре заболел и умер в середине октября 1985 г. от инфаркта, как подтвердили турецкие врачи и власти. Челенк мог бы пролить свет на некоторые закулисные махинации итальянского судебного расследования по делу о покушении на папу. Об этом турецком дельце начал рассказывать судебному следователю Иларио Мартелле Али Агджа после того, как другой следователь, Карло Палермо, занялся Челенком (тогда террорист еще не выдумал так называемого «болгарского следа».)

Во время следствия по делу о незаконной торговле оружием и наркотиками, которое вел Палермо, многие были убиты, а сам следователь уцелел по чистой случайности во время взрыва бомбы, подложенной сицилианскими мафиози в машину. Следствие судьи Палермо было наиболее щекотливым, поскольку тут были замешаны западные секретные службы, бизнесмены и итальянские политические деятели. Следователь, спасшийся от смерти, добрался в своем расследовании даже до главы итальянского правительства Б. Кракси, но впоследствии был освобожден от должности и отправлен на Сицилию. Следствие занималось Челенком, поскольку его имя всплыло в бухгалтерских книгах Генри Арсана, сирийца, долгие годы работавшего с ЦРУ. У Арсана была экспортно-импортная фирма с центром в Милане, располагавшемся в здании банка «Амброзиано» Роберто Кальви. Судья Палермо посчитал не случайным тот факт, что фирма Арсана находится в здании банка, крах которого в 1981 г. вызвал мировой скандал и политический кризис в Италии и Ватикане. И действительно, выяснилось, что фирма нелегально торговала оружием, которое оплачивалось большими партиями наркотиков, предназначенных для европейского и американского рынков. Торговцы наркотиками за проданное им оружие в свою очередь платили банку «Амброзиано» соответствующую и немалую мзду. Покрывая эти преступные сделки, огромные барыши наживала верхушка итальянских масонов из числа руководителей спецслужб, правых партий и государственных институтов. Бекир Челенк, по-видимому, был перевозчиком, переправлявшим на своих судах оружие. А на обратном пути он грузил соответствующее количество наркотиков. Челенку были известны все закулисные махинации по линии контрабанды, он был той неудобной личностью, которая могла бы создать проблемы различным западным кругам. Когда судья-следователь Палермо уже собрался заняться им вплотную, заговорил Агджа, и Челенк из человека, занимающегося транспортировкой оружия и наркотиков, превратился в подстрекателя покушения на папу римского. По утверждениям Агджи, Челенк предложил ему якобы три миллиона марок за убийство Иоанна Павла II.

В декабре 1982 г. случайно оказавшийся проездом в Болгарии торговец Бекир Челенк был взят под наблюдение местными компетентными органами до выяснения вопроса: действитель-но ли он замешан в покушении на главу римской церкви. «Я — жертва клеветы лжеца А. Агджи и не имею ничего общего с этой грязной аферой», — заявил и позднее продолжал утверждать Челенк. Как сообщило 7 июля 1985 г. Болгарское телеграфное агентство, после внимательного расследования всех обстоя-тельств, которые стали известны в ходе показаний Агджи на следствии в Риме, болгарские следственные органы не нашли доказательств участия Бекира Челенка в подготовке к покуше-нию на папу римского. По этой причине главная прокуратура НРБ сняла обвинение против Челенка, и этот 60-летний турок смог, наконец, расстаться с фешенебельными отелями Софии, где прожил за свой счет более двух лет, пользуясь правом сво-бодного передвижения по городу (т.е. оснований для его ареста властями НРБ не было, так как болгарских законов он не нару-шал и ни одна страна не просила об его экстрадиции; ехать в Италию добровольно он, разумеется, отказывался, и итальян-ский судья-следователь И. Мартелла сам приезжал со свитой допрашивать его в Болгарии).

6 июля Бекир Челенк по собственному желанию отбыл в Турцию, предварительно получив заверения своих адвокатов, что турецкая военная прокуратура обвиняет его в незначитель-ных преступлениях и что если он вернется в Турцию, то отделает-ся уплатой крупных штрафов и сможет воспользоваться ам-нистией. Но когда Челенк, освобожденный болгарскими, неожида-нно появился в Стамбуле, он был тут же арестован и обвинен в незаконной торговле оружием и наркотиками. Военный про-курор потребовал смертной казни, и Челенк мог оказаться та-ким образом последним подсудимым, приговоренным к смер-ти на основании турецких законов о военном положении — эти чрезвычайные меры были отменены в стране два часа спустя после официального открытия военными властями 19 июля су-дебного следствия по делу Б. Челенка. Через два дня после при-бытия в Турцию Челенк был вызван для дачи показаний в каче-стве свидетеля на новом, третьем по счету процессе по делу об убийстве турецкого журналиста Абди Ипекчи. Он плохо себя чувствовал, и военный трибунал позволил ему говорить сидя, что является исключением для турецких военных судов. У него был сердечный приступ, но никто не предложил отправить его в больницу. Находившийся в Анкаре итальянский прокурор А. Марини, ведущий дело о покушении на папу, отложил вопрос Челенка на более позднее время, мотивируя перенесение до-проса плохим состоянием здоровья обвиняемого, и отбыл 15 июля из Турции. На судебном процессе, открывшемся 18 сен-

тября 1985 г. в военном трибунале Анкары, Челенк по-прежнему отрицал, что когда-либо был знаком с Агджой и что принимал какое-либо участие в организации покушения в Ватикане. Через своих адвокатов он направил в римский суд устное сообщение, что намерен многое раскрыть в связи с закулисной игрой по делу о покушении на папу. Может быть, именно это сообщение и было его смертным приговором. Суд в Риме предложил провести допрос обвиняемого 6 ноября, но турецкие власти не дали ответа. Только после неоднократного вмешательства итальянского министерства иностранных дел они сообщили, что могут предоставить его в распоряжение суда, но предварительно хотят знать, какие вопросы будут заданы Челенку. Из-за этой процедуры допрос был отложен больше чем на месяц, а между тем Челенк умер, как умер и Генри Ар-сан, сраженный инфарктом. Челенк исчез после того, как сбежавший из Италии в США один из недавних заправил манипуляциями итальянских специальных служб Франческо Пацценца заявил, что и он готов дать показания, и после того, как суд в Риме серьезно отнесся к вероятности того, что действия Али Агджи «направлялись» итальянскими и западными спецслужбами с целью создания «болгарского следа» и обвинения Челенка как организатора покушения.

Вряд ли кому-то удастся воспроизвести логическую картину проходившего в Риме второго судебного процесса по делу о покушении на Иоанна Павла II. Можно сказать, что суд шел извилистой дорогой «показаний» неонациста Агджи, который, по заявлениям самих итальянских судей, делал все для того, чтобы завести судебное разбирательство в тупик.

Если на любого преступника смотришь с неприязнью, то Агджа вызывал особые чувства. Вот он в сопровождении двух карабинеров проходит вдоль рядов, на которых расположились аккредитованные на процессе журналисты, садится на легкий пластиковый стул перед столом председателя суда Северино Сантиапики и начинает входить в свою очередную роль.

Никто не был в состоянии сказать наперед, каким через минуту будет Агджа. В первый же день суда в ответ на конкретный вопрос председателя, от кого он получил пистолет, из которого стрелял в папу, Агджа вдруг объявил себя пророком, предрек миру скорый апокалипсис и ...потребовал закрыть заседание, отложив его на следующий день. Падкая на сенсации буржуазная пресса разнесла видеозапись шокирующего бреда Агджи по всему свету. В стенограмме суда это заявление выглядело следующим образом: «Я — новое воплощение Иисуса Христа и возвещаю конец света. При нынешнем поколении мир будет разру-

шен, человечеству остались считанные годы существования. Вы можете считать меня сумасшедшим, но подумайте о том, что сам папа римский приходил ко мне в тюремную камеру, и я рассказал ему, что Всевышний ниспослал мне видение распятия, воскрешения и вознесения. Папа римский спросил меня, когда это было, не сказал мне: «Ты — безумец». Я жду ответа от Ватикана. Если ответом будет молчание, я продолжу свои показания. Если же мои слова будут опровергнуты, я не смогу больше говорить...»

Так начал свои показания на судебном процессе по «делу Антонова» турецкий террорист. Заявление Агджи нельзя было считать хорошим началом ни для представителей обвинения, ни для суда. Но что все же оно означает? Сумасшедший? Валяет дурака? Или же Агджа попросту тянул время, а его слова — условный сигнал для тех, кто понимал их истинный смысл? В итальянской прессе высказывалось предположение, что турецкий террорист может назвать какое-то высокопоставленное лицо, замешанное в покушении, и разыгранный им спектакль — зашифрованная угроза его сообщникам, оставшимся вне поля зрения следствия и достаточно могущественным, чтобы помочь Агдже в его незавидном положении. Недаром в материалах следствия говорилось, что Агджа скрывает часть истины, чтобы в нужный момент использовать ее как выкуп за свое освобождение.

По мнению софийского адвоката Александра Доспевского, который присутствовал на процессе в Риме как юридический советник обвиняемого болгарина Сергея Антонова, заявления Агджи в суде имели определенную цель. «Из вопросов, которые судья Сантиапики задает турецкому террористу, и из частных рассуждений, которыми он иногда сопровождает свои вопросы, можно сделать вывод, что председатель суда воспринимает ряд заявлений Агджи как призыв к его соучастникам — организации или отдельным лицам, — сказал журналистам А. Доспевский. — Существует даже предположение, что и Агджа получает послания извне. Потому что на вопрос судьи Сантиапики о том, откуда он знает, что похищенная дочь служителя Ватикана Эммануэла Орланди жива, турецкий неофашист ответил: «Я читаю газеты и из газет узнаю об этом». Подобные слова можно интерпретировать однозначно: в определенной газете или газетах Агджа читает закодированные специально для него послания».

Продолжительное нервное напряжение Агджи — из-за изматывающей тактики ведения допроса судьями и постоянной необходимости как-то связывать концы с концами в своих нескончаемых противоречивых «признаниях» — давало о себе знать, и время от времени преступник проговаривался, терял са-

моконтроль. Отдельные заседания суда запомнились присутствующим из-за таинственных, в сущности необычно откровенных выступлений Агджи.

Из стенограммы судебного заседания в Риме 15 июля 1985 г.

Прокурор хочет знать, почему Агджа, который все претендует, что долгое время скрывал своих соучастников, чтобы не пострадал никто другой, кроме него, еще 15 мая 1981 г. (задолго до начала его «раскаяния» и «сотрудничества» со следственными властями. — Ред.) написал в памятной записке имя Седата Сары Кадема. Председатель суда повторяет подсудимому вопрос и дает свое объяснение.

— Я могу сказать вам, почему. В ваших посланиях содержится закодированный смысл. Таково наше мнение... Далее председатель суда Сантиапики продолжает:

— Несколько дней назад вы заявили: «Мне было сказано что не будут искать закулисные вещи». Кто вам сказал это? Ваши друзья? Какие закулисные вещи?

После продолжительного колебания Агджа заявил:

— Когда я говорил с двумя сотрудниками специальных служб... мне сказали, что я могу сообщить об оружии, о паспорте (фальшивом. — Ред.). Они хотели знать, кто и почему организовал покушение.

Председатель: — Что они спрашивали?

Агджа: — Ну ведь было что-то налицо... Я был в Болгарии. Я сбежал из тюрьмы. Согласно логике это означает, что у меня должны были быть протекции...

Когда председатель требует объяснить, существует ли связь между происшедшим и приездом его соучастников из Мюнхена, Агджа отвечает: — Я уже все сказал. Я сказал, что единственно я ответствен...

Здесь вмешивается один из адвокатов Антонова — Адольфо Ларусса, чтобы спросить, что имеет в виду Агджа, когда говорит, что он единственный виновный?

Председатель передает вопрос и поясняет его: — Адвокат хочет знать, отказываетесь ли вы от утверждения об участии болгар?

Агджа (смущенно): — Я сказал, что никто мне не подсказывал...

Несмотря на то что Агджа был разоблачен председателем суда Северино Сантиапики в том, что посредством своих заявлений подал сигналы сообщникам, он снова сымпровизировал тираду, которую нельзя расшифровать иначе, как новую отчаянную просьбу о помощи. Агджа сказал, без всякой связи с задаваемыми ему вопросами, но и без первоначальной сумасбродной аффектации, которой отличались его первые призы-вы:

«Я думал нанести удар по христианству. Меня осудили, потому что я пролил кровь. Я мусульманин, но я и Иисус Христос. Некоторые не могут понять этого. Сотни тысяч людей погибли невинными, потому что Ватикан, нет, Белый дом и ООН не слышат мой голос. Я сказал это и его святейшеству папе».

Из стенограммы судебного заседания в Риме 7 августа 1985 г. Агджа заявил суду, что намеревается представить «один аутентичный исторический документ». Им оказалось рекламное сообщение газет «Тайме» (Лондон) и «Нью-Йорк тайме», в котором говорится, что Иисус Христос физически находится на земле. Агджа попытался утверждать, что именно так он может подтвердить свое божественное предначертание. Максимально используя мощь голосовых связок, потрясая в воздухе газетными полосами, Агджа иступленно и как бы от имени всевышнего повторял уже всем знакомые заклинания, угрозы, призывы и предостережения человечеству. Затем сказал: «Я не сошел с ума. Спустимся на землю». Его тирада вызвала смех, недоумение и протесты аудитории.

Председатель суда С. Сантиапики был прав, когда неоднократно уличал Агджу в противоречивых и весьма странных заявлениях. Вот еще одна подобная сенсационная тирада, произнесенная им в «Форо Италико» 18 сентября 1985 г. Голос Агджи звучал тогда необычайно громко в притихшем зале. Он вновь сумел завладеть всеобщим вниманием: «В 1982 г. было достигнуто тайное соглашение между Белым домом и Ватиканом о политическом и пропагандистском запуске в ход так называемого «болгарского следа». Франческо Пацвенца является главным автором этого соглашения, которое он реализовал с большим знанием дела. Замешаны также кардинал Поль Марцинкус и Генри Киссинджер. Я подтверждаю обвинения против всех болгар, против всех, не меняю ничего. Я говорю правду. Но многие хотят, чтобы на этом процессе появилась на белый свет только одна сторона истины — о болгарском и о турецком следе — и чтобы они могли ввести в заблуждение мир, скрывая и искажая истину. Здесь должны быть допрошены Франческо Пацвенца и кардинал Поль Марцинкус с тем, чтобы стало известно, что происходило за кулисами этого тайного соглашения, которое документировано и документ находится в руках Франческо Пацвенцы и его адвоката. Ватикан и Белый дом, — возвысил в конце голос Агджа, — хотят с соучастием западных секретных служб владеть миром и народами при помощи лжи и клеветы». Какую цель преследовал этим заявлением Агджа, сейчас трудно сказать. Может быть, он давал понять своим хозяевам, что в определенной ситуации заговорит и более конкретно? Или пытал-

ся повторяя клевету на болгарских граждан, выступить и в роли «борца против империализма»?

Как бы то ни было, мистические откровения Агджа продемонстрировали всем, какова цена его заявлениям. Впрочем, еще в ходе следствия стало ясно, что ни одному его слову слепо верить нельзя. Он менял свои показания, как только выяснялось, что факты опровергают те или иные его утверждения. Поэтому перед тем как заслушивать других участников процесса, защита обратилась к суду с просьбой всякий раз выводить Агджу из зала, чтобы он не мог вновь скорректировать свои показания в зависимости от того, что скажут его сообщники из неофашистской турецкой организации «серые волки». Просьба была удовлетворена. Агджа, не устававший месяцами играть новые и новые роли, обрушивал на судебный зал и измученных переводчиков нескончаемые потоки лжи. Иногда по целым дням он отказывался говорить, затем снова прикидывался раскаявшейся овечкой, выражая всем своим видом полное согласие сотрудничать с правосудием. «Я постоянно говорю одну только правду», — заявил однажды в суде Агджа, обращаясь к журналистам и публике, что вызвало в зале гомерический хохот.

Правда, Агджа сам признал как-то, что время от времени прибегает к вымыслам с целью «защитить себя от наветов извне». И председательствующий на суде и прокурор, ведущий процесс, не раз теряли всякое терпение. С. Сантиапики прямо обвинил наемного убийцу в том, что тот мешает суду, «поскольку никак нельзя разобраться, когда он лжет, а когда говорит правду».

Сегодняшнее «признание» Агджи, как правило, прямо противоречило его «правдивым» утверждениям, сделанным вчера. Все больше разрасталась «турецкая версия», то есть по круплицам собиралась истина об исполнении преступления правыми экстремистами из турецкой подпольной группировки «серые волки», тогда как все более невероятными, придуманными выглядели прежние заявления Агджи о некоей «причастности» к данному делу болгарских граждан. Неуверенные, туманные показания Агджи и его неоднократные отказы от прежних показаний свидетельствовали о том, что нарисованная самим террористом картина того, как готовилось и осуществлялось покушение на папу римского, является фальсифицированной с самого начала.

В зале судебного заседания «Форо Италико» с нескрываемой иронией и сарказмом говорили о том «большом шаге вперед», который добровольно совершил Агджа. Еще день назад он наотрез отказывался узнавать самого себя (!) на фотографии, предъявленной ему судом. Эта переходящая все границы лож обвиняемого заставила прокурора Антонио Марини забыть о хладнокровии; он не просто воскликнул, а закричал: «Сеньор пред-

седатель суда. Агджа откровенно лжет! Необходимо заставить его наконец говорить правду!» Потом наемный убийца, подумав, решил признаться. «Да, это я на фотографии», — сказал он судье поникшим голосом.

Агджа, писала римская газета «Мессаджеро», выглядел на суде как азартный игрок, который делает ставки сразу на всех игорных столах. Он пытался спасти свою шкуру любой ценой. Все, что Али Агджа делал в суде, и все, что он говорил, было подчинено одной главной цели — вырваться из тюрьмы. Террорист знал, что именно от судьи Сантиапики зависит, будет ли предложено помиловать его, так как он «оказывал содействие» итальянскому правосудию. И поэтому, когда Агджа понимал, что судья твердо настаивает на ответе на определенные вопросы, террорист вдруг решался сказать чуточку больше, чем говорил до этого. Потом менял свои показания ...«Процесс века» в Вечном городе превратился в «позор века».

ОБРАБОТАННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Никогда еще в истории итальянской судебной практики не случалось, утверждают специалисты, чтобы здание лжи, кропотливо, по кирпичику возводимое одним из главных «героев» процесса, впоследствии было столь беспощадно разрушено самим его создателем. Человек, подобный Али Агдже, прежде ни разу не оказывался в залах итальянского правосудия. К сожалению, Агджа появился на процессе в связи с антиболгарской интригой о покушении на жизнь папы, которая должна была привлечь к себе внимание всей планеты. В результате — и это стало ясно всей мировой общественности — авторитет итальянской юстиции серьезно подмочен. Былую славу можно вернуть, только установив истину. Это значит не только понять, кто вдохновил и вооружил Агджу, но и кто руководил его поступками во время следствия. Тяжко придется правосудию Италии, если оно ограничится только нотариальной констатацией лжи турка. Но даже у судебн-ного процесса первой инстанции, который закончился весной 1986 г. в Риме, имеются некоторые заслуги: прежде всего то, что ложь наемного убийцы разоблачена до такой степени, что ему пришлось самому опровергнуть обвинительное заключение, которое следственный судья столь легкомысленно выдал за свое. Итальянским судебным инстанциям предстоит еще многое сделать: в первую очередь, они должны создать предпосылки для того, чтобы скандальная история связанная с покушением на папу, не попала в общую могилу нерешенных судебных дел.

Римский суд должен был проявить особое усердие в этом расследовании, так как предыдущие фазы процесса вызвали у наблюдателей сильное подозрение в том, что на Али Агджу была возложена предварительная задача стать не только наемным убийцей, но и подсудимым. Ход судебного дела предоставил все основания для того, чтобы сделать заключение: сценарием предусматривались не только выстрелы на площади Св. Петра, но и арест, суд, вызывающее поведение преступника во время судебного следствия. О чем же идет речь?

Одним из самых подозрительных моментов во всей этой истории является способ совершения преступления. Кем бы ни были соучастники Агджи, у него практически не существовало шансов на спасение. Сейчас, однако, сам Агджа дал нам повод считать, что если и существовала какая-то возможность бегства, то его лишили этой возможности сами же соучастники. Напомним, что если в ходе следствия Агджа скрыл факт присутствия на площади Св. Петра по крайней мере еще двух соучастников-турок, то на судебном процессе он признался в этом. Признание обошлось ему очень дорого: и не только потому, что при наличии такого числа турок «болгарский след» стал совершенно невидимым, но и потому, что не было гарантии в том, что возможные сообщники Агджи подтвердят его версию, и прежде всего «болгарский след». Но Агджа не устоял перед судебным расследованием. Он был вынужден признать, что турецкие соучастники, находясь на месте преступления, должны были выполнить определенную задачу — прикрывать его сзади, бросив в толпу в момент выстрелов гранаты для создания паники, что открывало Агдже путь к отступлению. Но почему-то никто из соучастников не бросил их, лишив наемного убийцу и без того минимальной возможности спастись. Подобное поведение кажется странным во всех отношениях, если только не предположить, что задача соучастников заключалась единственно в том, чтобы внушить убийце чувство уверенности в столь отчаянном деле и пообещать ему прикрытие, которое в действительности не было запланировано. Если это верно или хотя бы правдоподобно, то тем основательнее становятся подозрения, что Агджа должен был стать подсудимым.

Во время первого процесса, на котором он выступает как единственный подсудимый, Агджа упорно молчит. Молчит он, причем довольно долго, и уже как приговоренный к пожизненному заключению. И вдруг в мае 1982 г. он в корне меняет свои показания, а на белый свет выплывает «болгарский след». Трудно представить, что эта версия была плодом спонтанной инициативы Агджи: невозможно, чтобы обвиняемый, просидев в тюрьме месяцы, вдруг сделает признание, которое не принесет ему видимой пользы. Более того, рассыпется под тя-

жестью контраргументов на судебном процессе. Однако его поведение станет ясным, если принять во внимание, что Агджа начал действовать по команде лица, которое тайно пообещало ему пересмотр приговора, или же поддавшись шантажу. В таком случае долгое ожидание в тюрьме остановится объяснимым: его можно истолковать как средство придания достоверности признанию, которое должно было выглядеть как выстраданное и, следовательно, заслуживающее доверия. Или же как ожидание приказа.

Можно возразить, что в таком объяснении что-то не вяжется: если «болгарский след» направляли люди, находящиеся далеко от стен тюрьмы, в которой содержался Агджа, становится непонятным, какие цели преследовал его таинственный вдохновитель, если при первом же препятствии эта история потерпела шумный судебный провал. Однако можно утверждать, что сценарием предусматривался именно такой провал. Само по себе покушение на папу таит в себе дестабилизирующий заряд огромной силы, в частности, против страны, в которой намечено его провести.

Кроме того, не существует никакого несоответствия между дестабилизирующим фактором, достигнутым в результате подобного покушения международного масштаба, и не менее дестабилизирующим эффектом, который в национальном масштабе может быть продолжен путем доказательства абсолютной неспособности государственного института установить истину, несмотря на то, что в его распоряжении имеется наемный убийца. Почему бы не подумать, что провал обвинения, составленного после нескольких лет расследования и ожидания, может быть воспринят как самый сильный и точный удар по институту жизненно важного государственного значения, каковым является правосудие? Почему бы не предположить, что в правых империалистических, и особенно заокеанских, кругах подрыв устоев и престижа демократической буржуазной республики в стране и за ее пределами не является одной из желаннейших целей очередного заговора по установлению на Апеннинах профашистского режима «твердой руки»? Если это так, то не остается ничего другого, как установить, плохо ли исполнил Агджа свою роль обвинителя на процессе в Риме или же отлично справился с ролью палки в колесах итальянского государства?

«Мы довольны ходом процесса в Риме. Не было приведено ни одного доказательства в поддержку обвинения против болгарских граждан Антонова, Айвазова и Василева. Несмотря на это, становится очевидным, что обвинение не отказывается от своей линии клеветы на болгарских граждан». Эти слова профессора Бориса Спасова, председателя болгарского нацио-

нального комитета в защиту Антонова, отразили в общих чертах мнение о ходе процесса видных болгарских юристов, специалистов по уголовному и международному праву. На организованной осенью 1985 г. в Софии агентством София-пресс встрече с представителями болгарской и иностранной печати профессор Б. Спасов подчеркнул, что во время первой фазы процесса попытки обвинения доказать «болгарский след» были сорваны единственным свидетелем обвинения — убийцей Агджой. Именно это заставило прокурора Марини предпринять во время летних каникул поиск среди преступного мира новых свидетелей в Турции, ФРГ, Франции, Голландии и Швейцарии. Предварительные данные указывают на то, что в Бохуме, где допрашивался Ялчын Озбей (от которого ожидалось, что он даст новое направление процессу), он согласился говорить после предварительной встречи с Марини. Но попытки Озбея выступить в поддержку обвинения оказались неудачными, ибо, давая показания на процессе, он слишком часто попадал в противоречия и опровергал самого себя. Еще более неудачными, заключил профессор Б. Спасов, оказались усилия использовать для этой цели свидетеля Абдулу Чатлы, который совершенно спутал нити Марини, раскрывая механизм вербовки свидетелей.

Интересно проследить, как в 1982 — 86 гг. в различных тюремных заведениях США, ФРГ, Италии, Швейцарии, Франции усиленно продолжался поиск «свидетелей», т. е. лиц с далеко не безупречным прошлым, согласных дать на суде в Риме обвинительные показания против болгар. Некоторых потенциальных и удобных лжесвидетелей специально залавливали и сажали за тюремную решетку, чтобы сделать их более сговорчивыми в сделке с правосудием. К концу 1985 г. стало окончательно ясно, что к римскому антиболгарскому судебному процессу подготовили не одного Агджу, а несколько таких лжесвидетелей. По этой схеме на следствии и на судебных подмостках несколько лет морочил голову представителям юстиции и прессы «суперлгун» Агджа; с лета 1985 г., уже на суде, ему на подмогу из разных тюрем стран НАТО доставлялись и другие обработанные свидетели.

«Готовится новая антикоммунистическая провокация», — заявил в «Литературной газете» (23.5.1985) Иона Андронов о предстоявшем открытии в Риме второго судебного процесса по делу о покушении на папу римского в мае 1981 г. Видный советский публицист И. Андронов, много сделавший для разоблачения происков империалистических кругов вокруг ими же сфабрикованного «дела Антонова», на основании собранных им данных пришел к выводу, что инспираторы римского суда поняли, что затеянный ими процесс неизбежно

провалится, если клеветать на граждан социалистической страны будет лишь один дискредитированный лжесвидетель Али Агджа. Поэтому, писал И. Андронов, для поддержки подсказанных ему измышлений фальсификаторы нашли еще трех «свидетелей» — профессиональных террористов из фашистской организации «серые волки» Абдулу Чатлы, Ялчына Озбея и Орала Челика. Эти партнеры Агджи по организации в той или иной степени были причастны к покушению 1981 г. Однако все они за прошедшие четыре года меняли свои показания. Озбей, например, сначала заявил публично о непричастности болгар к ватиканскому покушению — он сказал это двуг: репортерам западногерманского телевидения, и ролик с его заявлением был показан по одной из центральных телепрограмм ФРГ 22 августа 1984 г. Позднее, под угрозой расправы над ним со стороны «серых волков», Озбей стал искать контактов с ЦРУ с тем, чтобы стать лжесвидетелем на процессе в Риме. Челик тоже заявил, что он готов явиться с повинной, если ему гарантируют впоследствии свободу, а за это он скажет публично все, что от него пожелают, включая очернение болгар. Челику и Озбею прозрачно намекнули в полиции ФРГ, что вперёд решение их судьбы будет зависеть не от западных немцев, а от американцев. «Кошунственно изобразив профессиональных террористов из фашистской организации «серые волки» сообщниками граждан социалистической страны, инициаторы римского судилища рассчитывают опорочить на нем с максимальным пропагандистским аккомпанементом не только Болгарию, но и все социалистическое содружество, включая Советский Союз», — подчеркивал И. Андронов.

Развитие судебного процесса в Риме подтвердило вышеописанные опасения и прогнозы. Слишком неприкрыто проявляли на нем свою тенденциозность те, кто желал превратить второй процесс по делу о покушении на главу римско-католической церкви в антиболгарское судилище. Как сообщала 18 сентября 1985 г. итальянская пресса, все защитники по делу о покушении на папу, за исключением адвокатов Агджи, внесли жалобу против представителя обвинения Антонио Марини. Документ был вручен одновременно римской главной прокуратуре и председателю данного состава уголовного суда Северино Сантиапи-ки. В жалобе указывалось на юридическую аномалию: «Прокурор Марини взял на себя две несовместимые функции, он является представителем обвинения по этому делу и одновременно проводит следствие, так называемое третье следствие в связи с покушением на площади Св. Петра. Он объезжает зарубежные страны, выискивая каких-то «сверхсвидетелей», которые поддержали бы клевету террорис-

та Мехмеда Али Агджи. Адвокаты заявляют, что такое поведение прокурора Марини является постоянным нарушением прав защиты и следственной тайны. Он снабжается сведениями и документами, которые остаются неизвестными для защитников и могут быть использованы при надобности в односторонних интересах обвинения. Адвокаты настаивают, чтобы компетентные судебные власти осудили такое поведение Марини и создали нормальную обстановку при ведении процесса».

Выступая в зале «Форо Италико», адвокат Тито Малья отметил, что эти действия прокурора ведут к какому-то параллельному процессу со стороны служб прокуратуры, которые остаются вне судебного надзора и вне защиты. Он сказал, что самым свежим примером является допрос турецкого неонациста Чат-лы в парижской тюрьме «Санте», который начался беседой наедине с прокурором Марини. Прокурор, подчеркнул адвокат, действует по своему выбору и так, как ему заблагорассудится. Создается неприемлемая ситуация, которая ставит в неравноправное положение обвиняемого и защиту. Этой двойной роли прокурора надо положить конец, ибо она является нарушением процедуры.

Защитник болгар Айвазова и Василева Манфредо Росси также остро протестовал против действий прокурора, которые ущемляют гарантированные обвиняемым конституцией права на защиту, и выразил возмущение его поступками. Свидетелей надо допрашивать только на открытых судебных заседаниях. Защитник возразил против ведения параллельного следствия, в ходе которого свидетелей допрашивают так, чтобы они знали, что должны сказать.

Тогда же 14 самых известных болгарских ученых-юристов опубликовали в печати Болгарии и за границей заявление от 1 октября 1985 г. в поддержку протеста римских адвокатов. В заявлении, в частности, говорилось: «Во время суда прокурор Антонио Марини совершил недопустимые с точки зрения итальянского законодательства процессуальные нарушения, чтобы «оживить» кем-то запрограммированный «болгарский след». Будучи обвинителем на суде, он взял на себя задачи, которые не входят в предоставляемые ему законом функции, а являются прерогативой судебных властей. Д-р Антонио Марини провел самостоятельное расследование и фактически превратился в следственного судью, допросив ряд представителей турецкого преступного мира в Турции, ФРГ, Голландии, Австрии и Франции. Эти несвойственные для прокурора и неконтролирувавшиеся процессуальные действия несомнимы с его официальным статусом. Очевидно, они преследуют цель найти или подготовить лиц, согласных в счет обещанных им побряжек под-

твердить существование так называемого «болгарского следа». Прокурор проявляет поразительное упорство в сборе свидетельских показаний об участии болгар в покушении и во время допросов ориентирует свидетелей на подтверждение «болгарского следа», чтобы спасти несостоятельное обвинение. Вместе с тем он не проявляет никакого усердия или молчит, когда свидетели опровергают эту вымышленную версию. Таким образом Марини проявляет явное пристрастие.

Но все эти усилия не дали результатов. Седат Сары Кадем, вызванный в качестве свидетеля в Рим, отрекся от всех показаний, на которые надеялся прокурор, а Ялчын Озбей, на которого он возлагал большие надежды, дал путаные, противоречивые показания, основное место в которых занимал пересказ слухов о предполагаемом участии болгар. Свидетель Абдула Чатлы, которого Марини разыскал во Франции и на которого он тоже возлагал большие надежды, категорически опроверг клеветнические измышления Агджи в адрес Болгарии.

В ходе самого процесса, задавая Агдже недопустимые с точки зрения закона наводящие вопросы и зачитывая ему целые абзацы его показаний из протокола следствия, Марини пытался напомнить ему его прежние ответы и заставить повторить свои «обвинения». Прокурор явно отдает себе отчет в том, что показания Агджи были ему подсказаны и что сам он не мог бы воспроизвести их, не допустив противоречий.

На суде выявился новый след (наряду со следом «серых волков», итальянских спецслужб и ЦРУ) — след западногерманских секретных служб. Показания свидетеля Абдулы Чатлы, подтвержденные Ялчыном Озбеем, требуют, чтобы римский суд внимательно изучил этот след, которым пренебрег следственный судья Иларио Мартелла».

Как уже говорилось, заместитель главного прокурора республики Антонио Марини, являющийся представителем обвинения во втором процессе по делу покушении на папу римского, побывал во многих зарубежных странах, в том числе и в Турции, чтобы допросить некоторых лиц, указанных Мехмедом Али Агджой в качестве его соучастников в покушении на Иоанна Павла II. Тогда же, в июле 1985 г., в итальянскую прессу просочились кое-какие интересные сведения. Газета «Република» писала, что Марини получил многочисленные доказательства относительно деятельности «серых волков», к которым принадлежит и Аджа, как хорошо подготовленной организации, занимающейся контрабандой героина в Западную Европу. Важный для расследования элемент касался процессуального положения названных Агджой «серых волков» Орала Челика, Абдулы Чатлы и Мехмеда Шенера. Стало известно, что перед покуше-

нием в Риме все трое проживали вместе с Агджой в одной квартире в Вене. Тем временем французская полиция арестовала Чатлы за хранение большого количества героина, а швейцарские власти по той же причине задержали Шенера. Теперь римский уголовный суд потребовал временной экстрадиции Чатлы и Шенера в итальянскую столицу, чтобы допросить их в качестве свидетелей.

В то же время в отношении Орала Челика, считающегося основной фигурой среди «серых волков», утверждалось, что напоследок его видели в Англии, Франции, Швейцарии и ФРГ. Стало известно благодаря сообщению американских таможенных служб, что Челик отправился из ФРГ в Нью-Йорк вместе с известным итальянским неонацистом Стефано делле Кьяйе. Это тот самый Кьяйе, что организовал торговлю кокаином, поступающим из Боливии. Впоследствии он согласился сотрудничать с американскими службами по борьбе с наркотиками. По мнению газеты «Республика», и сам Орал Челик пособничал этим американским службам и благодаря его показаниям в Западной Европе был произведен ряд арестов. Так был арестован Омер Ай, названный Агджой в числе соучастников покушения на папу.

Об Омере Ай известно, что он был членом правой экстремистской организации и отбывает 24-летний срок заключения. Его осудили за соучастие в убийстве турецкого левого политического деятеля. Террористу удалось бежать, имея фальшивый паспорт, но в 1982 г. он был арестован западногерманской полицией и экстрадирован в Турцию. Анатолийское агентство сообщало, что Марини в течение трех часов допрашивал в тюрьме «Элязиг», неподалеку от иранской границы, Омера Ай. После этого прокурор заявил, что «в ходе допроса выплыли наружу новые сведения и имена». Однако же Ай категорически отверг обвинения Агджи в причастности его к покушению и заявил, что не знает никакого Седата Сары Кадема. В то же время он сообщил имена ряда лиц, связанных с неонацистской группой Агджи. В связи с этим газета «Мессаджеро» отмечала, что хотя Марини и остался довольным помощью, оказанной турецкими властями, вряд ли ему будет так просто добиться экстрадиции некоторых свидетелей. «Турки озлоблены, — писала «Мессаджеро», — давно. В Турции проявляют явное раздражение, когда речь заходит об Агдже и покушении на папу римского. Этого убийцу считают национальным позором и неудобным лицом».

Газета «Республика» сообщила, что в досье, которое турецкая полиция вручила Марини, фигурирует новое имя. Это Сулейман Еткин из Езильтепе (Малатия), т. е. из того же квартала, в котором родился и вырос Агджа. По данным западногер-

манской полиции, в период 1981-1982 гг. близкий дружок Агджи внес на свой банковский счет в Эссене тысячи марок. В одном интервью Еткин подтвердил, что он получил эти деньги в качестве авакса за одну «услугу», которую он должен был оказать в связи с покушением на папу римского — этому турку было велено «встретиться с Агджой в тюрьме в Асколи Пичено и убедить его обвинить Советы и болгар». К тому же, что совсем любопытно, Еткин хорошо известен связями с радиостанцией «Свободная Европа», участием в «группе спасения порабощенных турок в России», известен он, наконец, близким знакомством с сотрудником ЦРУ Рузи Назером, служащим американского посольства в Бонне и доверенным лицом бывшего резидента ЦРУ в Турции, автора книг и статей о похищениях Агджи, одного из создателей «болгарской версии» Пола Хенци.

24 июля 1985 г. прокурор А. Марини допросил в Стамбуле Седата Сары Кадема (согласно показаниям Агджи, этот его бывший одноклассник был четвертым соучастником покушения на площади Св. Петра. И именно Кадема упомянул два дня спустя после стрельбы в папу молчаливый тогда «террорист-одиночка» Али Агджа). Кадем отрицал свою причастность к покушению и даже согласился поехать на суд в Италию, если ему оплатят дорожные расходы и гарантируют личную безопасность, т. е. не убьют и не арестуют. В результате 7 августа в Риме состоялась очная ставка между Агджой и свидетелем Кадемом, специально прибывшим из Турции, которая закончилась поражением Агджи. Ему не удалось подкрепить свои обвинения стройными версиями. Он часто выдумывал, реагируя быстро, но невпопад. В конце концов оказалось, что лжет он больше, чем обычно. Логика была на стороне Кадема. «Если он действительно получил полмиллиона западногерманских марок, чтобы участвовать в покушении на папу, то вероятно, сейчас он не продавал бы ковры в Стамбуле и не находился бы в зале суда в Риме, куда он прибыл по собственному желанию», — комментировала этот факт близкая к деловым кругам ежедневная газета «Стам-па» (8.8.1985). «Видно, убийца не намеревается говорить правду о покушении на площади Святого Петра. Он продолжает, однако, раздувать вымышленными рассказами сценарий, вмешивать других лиц, вынуждая судей начать новые продолжительные расследования», — отмечала газета «Республика». Во время этой очной ставки более или менее прояснилось только одно — у Кадема нет твердого алиби, что он не покидал Турции, и он связан с турецкими секретными службами, которые, по всей вероятности, использовали его как агента провокатора в левой экстремистской организации «Девсол». Турецкая полиция, стремясь при-

крыть эту связь, моментально предоставила Марини фотографии Кадема пятилетней давности, на которых «он не похож на лицо, указанное на снимке Агджой». Положение Кадема усложнялось и тем фактом, что другой «серый волк», Ялчын Озбей, еще в 1984 г. подтвердил перед судебным следователем Иларио Мартеллой, что Кадем связан с «серыми волками» и что во время покушения на папу он находился в Риме. 27 июля 1985 г. в беседе с корреспондентом турецкой газеты «Хюрриет» в Бонне Озбей подтвердил свои показания. Второй тур марафона по турецкому следу состоялся в голландском городе Маастрихте, где был допрошен Аслан Самет. Этого турецкого террориста арестовали 14 мая 1985 г. при попытке пересечь с фальшивым паспортом границу между ФРГ и Нидерландами. Как утверждают, при нем был обнаружен пистолет той же марки и серии, что и оружие, из которого Агджа стрелял в папу римского. В день ареста Самета Иоанн Павел II находился с визитом в Голландии, и не исключено, что террорист собирался совершить новое покушение на жизнь главы католической церкви. Озбей утверждал, что Самет также был знаком с Агджой и состоял в правой экстремистской организации «серые волки», которая «по религиозным причинам поставила себе цель убить папу».

Самой продолжительной, а по мнению прокурора Марини, и «самой плодотворной» была работа по третьему судебному требованию, которая проводилась 12-15 августа в западногерманском городе Бохуме составом римского суда из 19 человек во главе с председателем Северино Сантиапики и заместителем председателя Фернандо Атолико. Хотя допрос турецкого гражданина Ялчына Озбея, отбывавшего срок заключения в бохумской тюрьме, проходил при закрытых дверях и содержание допроса официально было объявлено тайной, многие западные агентства попытались вновь привлечь внимание к мифическому «болгарскому следу», отмечая, что Озбей-де подтвердил «некоторые показания Агджи против болгар».

Кто такой Ялчын Озбей? Родился он 4 августа 1955 г. в Малатии. Вместе с Агджой участвовал в убийстве турецкого журналиста Ипекчи, после чего бежал в Западную Германию. В Бохуме Озбей открыл игорный дом под названием «Общество турецко-немецкой дружбы», который впоследствии продал. 16 ноября 1983 г. бохумская полиция блокировала здание на улице Дорстена, 78 и арестовала пытавшегося ударить через окно Ялчына Озбея. Обвинение главного прокурора города Хирша включает 12 пунктов, наиболее важные из которых — хранение фальшивых паспортов, подделка виз и студенческих билетов, кража печати из турецкого консульства в Штутгарте и контрабанда наркоти-

ков. Подробности об этом новом таинственном свидетеле опубликовала турецкая газета «Хюрриет» 29 июля 1985 г. В интервью западногерманскому корреспонденту газеты Озбей заявил, что если он расскажет все, что знает, то непременно будет начато третье дело о покушении на папу. Но добавил, что в знак протеста против немецких властей ничего не скажет итальянцам. Озбей, подписавший 74 страницы показаний Мартелле, заявил, что на 24 из них — сплошная ложь. На вопрос, почему бы ему не отправиться в Рим и не рассказать все, что он знает, почему бы не помочь правосудию, Обзей ответил: «А зачем мне ему помогать? После этого кто защитит меня? Кто гарантирует мне жизнь? Разве может суд дать мне паспорт человека без отечества? А если я расскажу все американскому телевидению, они мне дадут 100 000 долларов. Я себе обеспечу будущее. Мне хотелось бы встретиться с Агджой с глазу на глаз. Я им восхищаюсь. Он приплел всех, но сам остался чистым. Бережет свою шкуру. Дает показания, которые не могут мне навредить. Что же касается Орала Челика, живым его не взять. Он будет сопротивляться с оружием».

В тюрьме г. Бохума в показаниях перед представителями римского суда Озбей воспринял «вариант Агджи», отказавшись от части своих прежних заявлений и изменив другие, в том числе и решение «ни в коем случае не участвовать в процессе в Риме». Он согласился присутствовать на осенних заседаниях процесса после того, как получил «твердые гарантии», что его не арестуют в Италии.

В конце сентября 1985 г. в зале «Форо Италико» на процессе по делу о покушении на папу была открыта новая страница. Абдула Чатлы на очной ставке с Ялчыном Озбеом и Али Агджой сообщил судьям о деталях, прямо противоположных рассказам убийцы с площади Св. Петра, нагромождающего обвинения против болгар. Озбей часто приходил в замешательство, отказывался отвечать на вопросы. Было видно, что он боится. Чатлы же, наоборот, проявил решительность, поведав о сложных закулисных махинациях — «операциях», проведенных спецслужбами Западной Германии, к которым, очевидно, обращались за поддержкой аналогичные органы других «заинтересованных стран», чтобы придать «болгарской версии» большую достоверность. «Западногерманские секретные службы предложили 200 тыс. долларов, чтобы мы с Оралом Челиком подтвердили заявление Агджи», — сказал Чатлы. Агджа, в присутствии которого прозвучали эти слова, напуган. Прерываемый злыми репликами Агджи, А. Чатлы рассказывает суду, как в его присутствии Озбей позвонил Оралу Челику и сообщил ему о предложении, сделанном неким Штайнером, высокопоставленным сотрудником западногерманской уго-

ловной полиции. «Ты .сказал, что немецкие спецслужбы хотят установить с нами контакт, — обращается Чатлы к побледневшему Озбею, — и добавил, что этот полицейский угрожал снова посадить тебя за решетку. Не бойся, расскажи все, как было: как нам предлагали двести и даже пятьсот тысяч долларов. Ты говорил, что нам не советуют оставаться во Франции, потому что если нас там арестуют, то расследование покушения на папу пойдет не по тому направлению, по которому они (т. е. секретные службы ФРГ. — Ред.) хотели бы его направить. Этот полицейский обещал аннулировать ордер на арест Орала Челика, обещал нам покровительство секретных служб, если мы подтвердим показания Агджи». После того как Чатлы раскрыл все детали, Оз-бей вынужден был подтвердить: «Да, все это правда». Когда судья требует у него подробностей, Озбей вновь требует подтвердить, что его показания не повлияют на его дальнейшую судьбу. В конце концов он признает: «От нас хотели подтверждения ложных заявлений Агджи, но мы отказались». (Заметим от себя, что, вероятнее всего, «серые волки» просто набивали цену).

Судья Сантиапики обращается за разъяснением к Агдже. Тот, явно растерянный, цедит сквозь зубы: «То, что сказал Чатлы про спецслужбы ФРГ, — правда. Ответственность лежит на всех — на немцах, на французах, на американцах... То, что я говорил раньше, — это только часть правды».

Абдула Чатлы продолжает рассказывать суду, что Агджа накануне покушения позвонил ему в Вену и предупредил, что придет на следующий день вместе со своими сообщниками. На вопрос судьи, так ли это, Агджа вынужден ответить: «Да, после покушения мы были намерены бежать в Вену». «Прямо в Вену?» — просит уточнить судья. «Да».

Это короткое «да» камня на камне не оставляет от прежних заявлений Агджи о «болгарском автофургоне», который якобы должен был доставить участников покушения прямо в Софию.

Из стенограммы судебного заседания в Риме 18 сентября 1985 г. Допрос свидетеля Ялчына Озбея — «серого волка», фальсификатора, занимавшегося контрабандой наркотиков, — начался продолжительным торгом с его стороны «гарантировать ему безопасность и будущее». Лишь в таком случае он будет давать показания. Дело дошло до того, что председатель судебного состава Сантиапики попросил защитников не ставить неудобных вопросов, т. е. таких, которые могли бы вызвать ответы, уличающие Озбея в преступлении. На такие вопросы свидетель имеет право не отвечать. «Серый волк» был настолько наглым, что даже протестовал против присутствия в зале представителей западногерманской прокуратуры, которые якобы готовят ему

«новый удар». Существенным в показаниях Озбея было то, что он категорически заявил: Седат Сары Кадем и Акиф — одно и то же лицо.

Председатель Сантиапики спросил, почему перед судьей-следователем Мартеллой он утверждал, что Акиф высокого роста, блондин, голубоглазый, что не соответствует физическому облику Кадема. Озбей ответил, что тогда он хотел скрыть его «по собственным соображениям».

По словам Озбея, Кадем и Челик приезжали к нему в Штутгарт и в Бохум по два раза каждый после покушения. Кроме того, Челик звонил ему три раза по телефону. Озбей рассказал, что он узнал подробности о покушении от Акифа — Кадема после того, как прочитал в газетах, что «мой друг Агджа» арестован. Кадем рассказал, что на площади Св. Петра было четыре человека, которые должны были совершить покушение, — Агджа, сам Кадем, Орал Челик и «четвертый», которого он не назвал. Кадем и «четвертый» должны были бросить после выстрелов Агджи дымовые шашки и гранаты, чтобы отвлечь внимание от него, но они не успели. Орал Челик воздержался от действий, так как считал, что покушение должно быть совершено не на папу, а на главу армянской церкви.

На вопрос, как участники бежали из Рима, Озбей ответил, что это точно неизвестно, но он думает, что через Швейцарию, потому что оттуда прибыли к нему в Штутгарт Челик и Кадем и попросили денег, чтобы отправиться в Англию.

Так и этим свидетелем версия о «болгарском грузовике ТИР», на котором должны были бежать совершившие покушение, не была подтверждена. Более того, обвинения относительно мотивов Орала Челика совершить покушение на главу армянской церкви не имеют ничего общего с версией Агджи, по которой покушение на папу являлось миссией, возложенной «болгарскими секретными службами». Озбей сказал также, что от Челика он узнал, что они ночевали у «приятеля в Милане» а не в Риме у «болгар», как утверждает Агджа. Но и Озбей не упустил случая вмешать «болгар». Хотя и в совершенно общих чертах. Он сослался на рассказ Агджи, что «Кадем был связан с Болгарией и что в будущем он может ему помочь». Что касается телефонных разговоров с Агджой перед покушением, оказалось, что они велись не из Болгарии (как утверждал Агджа), а из Вены, что Озбей понял по данному ему коду телефона. Во время этого телефонного разговора Агджа сказал, что он «установил связь с болгарами», что они ему помогают и что положение его хорошее.

Озбей часто запутывался в своих ответах, заявлял, что он не помнит каких-то вещей и что все о покушении знает только из разговоров с Агджой и Челиком.

Из телефонного разговора с Оралом Челиком Озбей понял, что он был связан с похищением Эммануэлы Орланди. Челик сказал ему, что Орланди жива и здорова.

На послеобеденном заседании стало ясно, почему некоторые круги, непосредственно связанные с клеветнической версией о «болгарском следе», так рассчитывали на Ялчына Озбея и рекламировали его показания в Бохуме.

Этот же самый Озбей, который примерно год назад, 22 августа 1984 г. в передаче по первой программе западногерманского телевидения «Монитор» категорически заявил: «То, что Агджа и Орал Челик действовали по поручению болгарских секретных служб не имеет ничего общего с истиной», сейчас сделал требуемый от него поворот. Ссылаясь на какие-то утверждения Челика и Акифа-Кадема два месяца спустя после покушения, Озбей рассказал версию о «болгарском следе», хотя и в порядке, обратном измышлениям Агджи. Согласно услышанному им рассказу, на сей раз не «болгары сделали заказ на покушение на папу, а Агджа, Челик и Кадем сообщили «болгарским секретным службам», что они намереваются организовать покушение на папу. Болгарские власти «не поверили им, но установили тесные связи с ними».

Показания «свидетеля Озбея не будут и не могут иметь того значения, какое придавала им печать, — заявил Адольфо Ларусса, адвокат Сергея Антонова. — Это свидетель, чьи версии избилуют противоречиями, в Бохуме он давал ответы, противоречившие не только тому, что он утверждал перед судьей Мар-теллой, но и тому, что он говорил накануне судье Сантьянки и прокурору Марини». Слова Ларуссы — часть опубликованного в болгарской газете «Труд» 18 сентября 1985 г. интервью итальянских защитников троих болгар, обвиняемых на процессе в Риме. Интервью было взято во время визита адвокатов в Болгарию для консультаций с их болгарскими коллегами в канун возобновления процесса. Ларусса, также бывший в Бохуме; указывал, что печать интерпретировала по-своему слова прокурора о допросах Озбея. «Сейчас я уже не связан тайной следствия и могу сказать, что этот свидетель не имеет столь большого значения, какое хотел придать ему прокурор», — отметил итальянский адвокат.

Останавливаясь на подготовленном защитой документе по поводу активности прокурора Марини во время каникул, Ларусса сказал: «Если прокурор совершает действия, имеющие целью установить важные для процесса факты, и эти следственные действия совершаются за пределами зала заседаний, без гарантий, предоставляемых судебным следствием, без присутствия защиты, то они, по нашему мнению, не могут быть

использованы. На это мы бы хотели обратить внимание компетентных органов». И добавил: «Разве эта активность прокурора Марини не является лишним доказательством того, что обвинительное заключение судьи-следователя Мартеллы полностью скомпрометировано?»

А вот мнение и другого защитника Антонова — профессора Джузеппе Консоло: «Действия прокурора показывают, что это дело очень нелегкое для обвинения. После неудач которые потерпело обвинение в первой фазе судебного следствия, поездки прокурора туда и сюда показывают, что он разыскивает других, «младших Агджей», которые подтвердили бы «болгарский след». Эти поездки — доказательство того, что делается все возможное для поддержания обвинения против болгар. Еще с самого начала мы говорили, что кто-то снабжал Агджу информацией для создания «болгарского следа» в покушении. Но хотя мы ясно отдаем себе отчет в том, что этот процесс — политическая акция, наша задача — доказать невиновность болгар с юридической точки зрения. Наша задача — юридически доказать невиновность человека, находящегося в тюрьме. Естественно, большой победой, которую мы надеемся завоевать, будет возвращение бумеранга к тем, кто по политическим соображениям организовал этот ложный «болгарский след».

Подобного мнения придерживался и Манфредо Росси, защитник других двух обвиняемых болгар — Айвазова и Василева: «С политической точки зрения этот процесс — пистолет, нацеленный против восточных стран. И он используется в соответствии с развитием международных отношений. Мы не исключаем возможности, если международное положение ухудшится, известных опасных изменений этого процесса».

Судебный процесс в «Форо Италико» широко комментировался средствами массовой информации Запада как процесс по «делу Антонова», или же процесс по так называемому «болгарскому следу». Конкретным поводом для этого послужили клеветнические заявления террориста Агджи, будто бы «болгарские спецслужбы подготовили покушение», а самому ему обещали вознаграждение в размере трех миллионов западногерманских марок. Заявления Агджи, арест болгарского гражданина Сергея Антонова в Риме послужили сигналом к началу исключительно масштабной антиболгарской кампании — кампании, развязанной против мира реального социализма. Тщательный анализ фактов, выявленных по ходу судебного процесса в Риме, показывает, что так называемое болгарское участие в покушении — есть не что иное, как результат предварительно задуманной политико-пропагандистской махинации, главная цель которой — оклеветать Болгарию и другие социалистические страны, навесить им ярлык «экспортеров терроризма». Сам

собой напрашивается логичный вопрос: так кто же сфабриковал «болгарский след»? Заседания в зале «Форно Италико», дополнительные обстоятельства, вскрытые вне рамок данного судебного процесса, и, не в последнюю очередь, заявления самого Агджа выявили три канала, непосредственно ведущих к истокам обвинения, выдвинутого против болгар Антонова, Айвазова и Василева.

Агджа, нажавший на курок на площади Св. Петра, — всего лишь орудие в руках истинных авторов так называемого «болгарского следа». Исполнитель покушения на папу (согласно итальянским законам это деяние приравнивается к покушению на главу государства) в 1981 г. был осужден на пожизненное заключение. Тогда всю вину за покушение он взял на себя и назвался «террористом-одиночкой». В мае 1982 г. находящийся в тюрьме уже почти двенадцать месяцев Агджа неожиданно обратился к итальянским следственным органам с заявлением, суть которого сводилась к тому, что он-де хотел бы помочь правосудию и рассказать «всю правду» по поводу покушения на папу Иоанна Павла II. Тогда-то Агджа и заявил, что в подго-* товке покушения участвовали болгары Антонов, Айвазов и Василев, которые представились ему под вымышленными именами Байрамич, Сотир Петров и Сотир Колев. Двумя недавно принятыми в Италии законами (в 1979 г. и 1982 г.) предусматриваются значительные облегчения (большое сокращение срока вынесенных или же предстоящих приговоров) тем преступникам, которые решат содействовать правосудию. Очевидно, эти законы (наверное, тут не обошлось и без угроз) заставили Агджу взять так называемый «болгарский след». С одной стороны, он, может быть, польстился на возможность помилования или же значительного сокращения срока — пожизненного заключения — в Италии, с другой же — ему несомненно напомнили, что в случае его экстрадиции в Турцию будет приведен в исполнение приговор (смертная казнь), который вынесен ему еще в 1979 г. за убийство главного редактора газеты «Миллиет», известного турецкого журналиста Абди Ипекчи.

В сущности, свои признания в 1982 г. террорист начал с обвинения своих же сограждан, в основном членов фашистской организации «серые волки». В первую очередь он назвал соучастником Омера Багджы — человека, хранившего в городе Ольтене (Швейцария) оружие для совершения покушения и привезшего его в Италию, чтобы в Милане передать Агдже. Формально с юридической точки зрения это дело должно называться не «делом Антонова», а «делом Багджы», поскольку стекольщик из Ольтена оказался одним из первых, на кого указал Агджа. Кроме него турецкий террорист назвал своего друга детства (тоже родом из Малатии, где вырос и сам Агджа)

Орала Челика, коммерсанта Бекира Челенка, лидера федерации турецких идеалистов в Западной Европе Мусу Сердара Челеби. На первом этапе судебного следствия Агджа заявил, что в день покушения на площади Св. Петра кроме него находились еще трое соучастников — Орал Челик, Омер Ай и Седат Сары Кадем. На процессе в Риме стало ясно, что так или иначе с покушением связаны Ялчын Озбей, арестованный в ФРГ, Аслан Самет, арестованный в Голландии (имел при себе «браунинг» девятого калибра из той же партии, которая была закуплена Агджой в Вене у торговца оружием Отто Тинтнера), а также Махмуд Инан, Мехмед Шенер, Абдула Чатлы и еще несколько турок, находившихся в разных странах Западной Европы.

Таким образом, процесс в «Форо Италико» выявил чрезвычайно широкий «турецкий след» и не дал никаких конкретных фактов, свидетельствующих о причастности болгар к преступлению на площади Св. Петра. Наоборот: Агджа отрезался от ряда «показаний» против Антонова, Айвазова и Василева, данных в роде предварительного следствия.

Еще до процесса было известно, что в конце 1982 г. Агджу, находившегося в тюрьме Асколи-Пичено якобы на режиме «строгой изоляции», посещали двое представителей СИСМИ и СИСДЕ (военная и гражданская разведка Италии). На процессе в «Форо Италико» — вследствие усталости или же по неосторожности — убийца сообщил, что в Асколи-Пичено к нему навещался и Франческо Пацценца, который заявил ему, что располагает широкими связями в разных посольствах и может достать ему французский паспорт и соответственно гарантировать свободу, естественно, в ответ на определенное сотрудничество. «Жаль только, что и его арестовали в США и теперь он не может помочь даже самому себе», — сказал на суде Агджа. Имя Пацценцы приводит нас к другому каналу, по которому фабриковался т. н. «болгарский след».

Франческо Пацценца вместе с бывшим шефом СИСМИ генералом Сантовито (скончавшимся при весьма странных обстоятельствах) и генералом Музумечи, полковником Бельмонте, полковником д'Элисео (все трое занимали руководящие посты в СИСМИ и проходили в качестве подсудимых по делу, которое начало рассматриваться в 1985 г. в римском судебном зале «Палаццо дель трибунале») — главные действующие лица нелегальной политической группировки, действовавшей в рамках СИСМИ. В итальянской печати эта группа именуется «Супер-СИСМИ», при этом подчеркивается что вышеуказанные лица злоупотребляли властью, проникали по своему усмотрению в государственные институты, подтасовывали факты, когда они попадали в поле зрения судебных органов, подготов-

ливали покушения, совершали крупные кражи, приписывали «левым» крупные преступления ультраправых элементов. На процессе по делу «Супер-СИСМИ» главными обвиняемыми являются генерал Пьетро Музумечи и Франческо Пацвенца — крупный аферист, снующий между США и Италией, вращающийся в кругах банкиров, заправил в политике, шефов секретных служб Италии, Франции и США. После скандала в связи с «Супер-СИСМИ» Пацвенца в поисках спасения сбежал к своим покровителям в США, однако угодил в нью-йоркскую тюрьму. Итальянские судебные органы уже несколько раз обращались с просьбой о выдаче им преступника, однако под разными предлогами представители американской Фемиды долго отклоняли эти просьбы.

Весьма показательный факт. В итальянской столице комментируют, что «Супер-СИСМИ» еще в 1980 г. пыталась приписать болгарам похищение и убийство видного итальянского политического деятеля Альдо Моро. Как подчёркивает авторитетная французская газета «Монд», эта подпольная группировка вкупе с генералом Музумечи ставила перед собой задачу «любыми средствами и методами помешать коммунистам в Италии прийти к власти». Перекалывание вины за тяжкие преступления, убийства, грабежи, похищения и покушения, совершаемые ультраправыми элементами (с ведома и с помощью «Супер-СИСМИ»), на «левых», навешивание им ярлыка «коммунистов» было призвано сыграть роль жупела, отпугивающего от них итальянский народ. Более того, хорошо осведомленные лица не раз и не два высказывали опасение, что конечная цель «Супер-СИСМИ» (руководители которой были наряду с этим и членами могущественной крайне консервативной масонской ложи «П-2») — фашистский переворот во имя борьбы с «коммунистической опасностью» и установление «нового порядка» (тут весьма кстати вспомнить девизы Муссолини и Гитлера). В конце июля 1985 г. на процессе по делу «Супер-СИСМИ» генерал Музумечи был осужден на девять лет, а Франческо Пацвенца — на восемь с половиной лет тюремного заключения.

Идея связать покушение на папу Иоанна Павла II с Болгарией, «коммунистическими агентами», очевидно, была очень соблазнительной для людей такого пошиба, как генерал Музумечи и Франческо Пацвенца. Свидетельства о том, что генерал и бойкий шпион посещали и обрабатывали Агджу в тюрьме Асколи-Пичено, дабы тот обвинил болгар как «соучастников покушения», выплыли совсем неожиданно на первом этапе процесса в «Форо Италико». «Раскаявшийся» мафиози Джованни Пандико (активно сотрудничавший с судебными органами в Неаполе и назвавший десятки имен) заявил журналисту Пьетро Кал-

дерони из журнала «Эспрессо», что идея т. н. «болгарского следа» принадлежит Франческо Пащенко и генералу Музумечи. Это подобное взрыву раскрытие, отозвавшееся эхом в зале «Форно Италико», указывает на третий канал фабрикации т. н. «болгарского следа».

Кто такой, в сущности, Джованни Пандико? Секретарь-кассир преступной неаполитанской организации «Нуова каморра», правая рука самого босса дона Раффаэле Кутоло. Арестованный в связи с крупным процессом по делу каморры Пандико воспользовался т. н. «законом о раскаявшихся» и стал называть властям имена своих соучастников. В результате этого в июне 1985 г. на процессе по делу «Нуова каморры», который шел в Неаполе, прокурор потребовал для Пандико минимального наказания — два года. Месть в адрес Пандико за нарушение клятвы молчания, которую дают все мафиози, не заставила себя ждать: каморристы убили двух родственников Пандико, а 3 июня 1985 г. буквально взорвали его мать. Держа в руках фотографию, на которой снята разорванная взрывом бомбы мать, Джованни Пандико заявил журналисту из «Эспрессо», что теперь-то он расскажет «всю правду». После его заявления стало ясно, что «Нуова каморра» участвовала в обработке Агджа и заставила взять «болгарский след». Сделка между каморристами и главарями «Супер-СИСМИ» состоялась в тюрьме в Асколи-Пичено в 1981 г., когда эта «супертюрьма» находилась под полным контролем мафии и итальянских секретных служб. Отбывал там срок и сам дон Кутоло — в камеру, устланную дорогим ковром, с телевизором, ему ежедневно доставляли шампанское, черную икру и разные другие деликатесы. Узнав от директора тюрьмы, что ему угрожает инсценированное убийство в момент переброски из Асколи-Пичено в другую «супертюрьму» — в Асизи, дон Кутоло через своего адвоката связался с Франческо Пащенко и генералом Пьетро Музумечи. В ответ на просьбу сорвать покушение на его жизнь, генерал Музумечи — вполне в стиле мафии — потребовал услугу за услугу: он сохранит жизнь дону Кутоло, но каморра возьмется за обработку Агджа и сделает из него свидетеля против болгар. Пандико заявил, что на одно из свиданий в тюрьме Асколи-Пичено Музумечи принес ему лист бумаги, на котором были написаны обвинения против болгар, которые террорист должен был вызубрить наизусть. «Болгары нас ничуть не интересовали, — заявил Пандико в интервью журналу «Эпока», — мы занялись Агджой, чтобы спасти жизнь дону Кутоло...» Так оформился своеобразный треугольник: «Супер-СИСМИ» — «Нуова каморра» — Агджа, знак, указывающий, где нужно искать механизм фабрикации т. н. «болгарского следа».

Раскрытия летних месяцев 1985 г. провели нить от процесса по делу о покушении на папу к еще двум процессам — в «Палаццо дель трибунале» (по делу «Супер-СИСМИ») и в Неаполь (против «Нуова каморры»). Эти раскрытия столь серьезны, что прокурору республики Франко Йонта поручено особое следствие для выяснения этой тройной связи. И тем не менее вопрос: кто использовал убийцу-марионетку, совершившего покушение на папу Иоанна Павла II, кто начертил схему крупной антиболгарской и антикоммунистической политико-пропагандистской операции, все еще стоит открытым. Кто-то, когда-то, где-то снабдил убийцу деньгами, фальшивым паспортом, чтобы тот разъезжал по Европе и в конце концов совершил покушение на площади Св. Петра. Этот «кто-то олицетворяет круги, куда более влиятельные, чем «Супер-СИСМИ» и мафиози из «нуова каморры». И хотя все скрыто за дымовой завесой секретных операций, сама логика вещей подсказывает, что путь подготовки и задействия «операции Агджа» пролегает через Турцию и Италию и уходит далеко на запад — за океан.

Но чтобы доказать наличие «американского следа», оставленного усилиями итальянских, турецких, западногерманских, французских и швейцарских спецслужб, действовавших с ведома вашингтонского союзника, столь беглого вышепроизведенного обзора деятельности лиц, участвовавших в тайной обработке свидетеля Агджи, явно недостаточно. Чтобы убедить читателя, надо вновь, теперь уже во всех подробностях, — чего, к сожалению, и не собирался делать римский суд — просмотреть весь фильм закулисных событий тюремной жизни итальянского заключенного Мехмеда Али Агджи.

Загадочные события происходили тем временем в городе Асколи-Пичено, в 220 километрах на север от Рима, у Адриатического побережья, в сверхсовременной тюрьме «Марино дель Тронто», где Агджа находился с 19 августа 1981 г. В «тюремном Хилтоне», как называют это заведение заключенные из-за огромной его стоимости, несколько смен по 150 надзирателей каждая охраняют 120 заключенных. У двойных тюремных стен круглосуточно патрулируют бронированные машины. Для непрерывного наблюдения используются полицейские собаки, электроника, телекамеры дневного и ночного видения. Следовательно, самый охраняемый заключенный в Италии находился в самой охраняемой тюрьме полуострова... В восточном крыле ему предоставили комнатку в семь квадратных метров, с душем и туалетом, были там телевизор и радио.

Подобные блага надо было заслужить. О методах обработки Агджи дает представление его собственное признание, которое он сделал в письме своему брату Аднану в ноябре 1981 г. (оно было опубликовано позже в турецкой печати); «С 13 мая, с момента ареста, я живу в условиях тщательно спланированного и изощенного террора. Меня избивают, надо мной издеваются. У меня лишь одна рубашка и пара штанов, нет носков, нет ботинок. Если я прошу одежду, мне говорят: «Пока не признаешься (то есть пока я не займу недостойную линию и не пойду на клевету), будешь жить вот так». Ясно, какой «линии» от него добивались. Искусство убеждать проявили в беседах с Агджой многие. Часть правды в том, как обрабатывали Агджу, сообщила западная пресса. Итальянский буржуазный еженедельник «Эспрессо» 10 января 1983 г. опубликовал статью Пьера Луиджи Фиконерри, озаглавленную «Отгадай, кто постучит в тюремную камеру?». Автор приводит в ней список посетителей Агджи в тюрьме, хотя и явно неполный.

В конце сентября 1981 г. в связи с ежегодным праздником тюремных надзирателей епископ города Асколи-Пичено монсеньор Морганте решил поговорить с убийцей. Разговор длился около двух часов. После этого визита задача поддерживать контакты с убийцей была возложена на тюремного капеллана падре Сантини, который сновал между тюремной камерой и епископатом.

29 декабря Агджу посетили представители спецслужб. Они представились: майор Луиджи Петручелли из СИСМИ (служба военной информации и безопасности при министерстве обороны. — Ред.) и доктор Алессандро Бонагура из СИСДЕ (служба информации и безопасности при министерстве внутренних дел. — Ред.). В кармане у них — официальное разрешение за подписью доктора Джангреко из министерства юстиции. Чего же они хотели от него и что предлагали взамен?

Официальным поводом посещения было выяснение некоторых обстоятельств, предшествовавших покушению. Комментируя это событие, бывший в то время министром обороны Лелио Лаго-рио скажет, что именно «в данном случае впервые стало ясно, что Агджа может нарушить молчание». Имели ли место и Другие подобные визиты? По всему видно, что да. В докладной записке квестуры, направленной 31 августа 1982 г. в следственный отдел, говорится о «проверках, проведенных компетентными органами».

Первой непосредственной целью обработки Агджи было вселить в него страх. Угрозы, как видно, дали результаты. В беседе с заместителем директора бюро ЦРУ в Риме, состоявшейся 9 ноября 1982 г., министр внутренних дел Италия Вирджилио Роньони сказал следующее: «Несколько месяцев назад ита-

льянское правительство проинформировало Агджу, что не может больше расходовать средства на его содержание в одиночной камере. Последний решил, что его переведут в обыкновенную тюрьму и сразу же убьют. Так он пришел к решению сказать, что убить папу ему поручили чиновник» болгарского правительства» («Нью-Йорк таймс», 27.12.1982).

Вторым способом воздействия были обещания значительно сократить срок наказания. Показателен в этом отношении разговор Агджи с его служебным (т. е. назначенным судом, а не нанятым самим подсудимым) адвокатом Пьетропаоло д'Овидио, работавшим с Агджой на обоих римских судебных процессах. Вот часть этой беседы («Эспрессо», 2.2.1982):

«Агджа: — Если я скажу то, что знаю, насколько мне сократят срок?

Пьетропаоло д'Овидио: — Не знаю, это зависит от многого. Может быть, до 20 или 25 лет.

Агджа: — Столько лет! Службы обещали мне всего 10 лет.

Заключенный осведомлен лучше адвоката. Как раз в этот момент правительство обсуждает законопроект о стимулировании террористов к сотрудничеству с властями, в котором допускается замена пожизненного заключения десятью годами тюрьмы. Имеется в виду законодательный акт, озаглавленный «Меры по защите конституционного порядка», который будет обнародован 28 мая 1982 г.

Впрочем, лично Роньони настаивает перед премьер-министром, чтобы пункты закона были расширены и охватывали не только подсудимых, но и осужденных, к категории которых, по его словам, относится несколько «важных птиц». В их число входит и Агджа. Следует отметить, что адвокат Пьетропаоло д'Овидио был послан в Асколи-Пичено именно министром Роньони, который поставил ему задачу изучить настроение заключенного и оказать на него воздействие, чтобы заставить его «раскаяться». Дело передано судебному следователю, но министр внутренних дел продолжает проявлять к нему активный интерес».

Итак, Агджа решается на большую ложь из страха, что его могут убить, и желая воспользоваться законом о сокращении наказания. А также, вероятно, и в силу неких уже существующих обязательств о лояльности в отношении пока неизвестных нам лиц. Решение зреет медленно, но Мартелла не торопится. Занимаясь этим делом уже три месяца, Мартелла все еще держит Агджу в Асколи-Пичено. Провинциальный климат влияет на «раскаяние» лучше столичного. Еще до перевода в римскую тюрьму «Рембибия» турок знает, что должен обвинить болгар. Но как? Состоявшийся 8 февраля 1982 г. первый допрос оказал-

ся абсолютно бесплодным. Заключение использовал старые вымыслы или молчал. То же самое повторялось и в следующие недели. «Провинциал» не знал, что именно рассказывать. Затем положение внезапно изменилось. В конце апреля 1982 г. Агджа сам . посылает судье-следователю записку с просьбой выслушать его. Урок преподали Агдже в период между февралем и апрелем 1982 г.

Судя по показаниям на римском суде близкого к Кутоло мафиози Пандико, который начал говорить еще откровеннее в отместку за убийство членами мафии его родных, где-то в марте-апреле 1982 г. агенты итальянских спецслужб ознакомили Агджу с компрометирующими материалами, якобы «доказывающими» причастность Антонова и его болгарских коллег к покушению на главу римско-католической церкви.

Выяснилось, что помимо государственных чинов и священнослужителей свободный доступ в изоляционную камеру Агджи имели и преступники, отбывающие заключение в той же тюрьме. Особое внимание привлекает предводитель неаполитанской мафии (каморры) Рафаэле Кутоло, приговоренный к восьми годам заключения. Дон Рафаэле продолжал руководить делами своей преступной организации из оснащенной всеми удобствами камеры. Не случайно тюрьма в Асколи-Пичено получила название «веселой тюрьмы дона Рафаэле Кутоло» (газета «Монд» за 19-20 июня 1983 г.). Агджу приводили в покои дона Рафаэля, чтобы посоветоваться с ним по различным вопросам, и в первую очередь о том, как прекратить анонимные угрозы в его адрес. Во время следствия Агджа заявил Мартелле (стр. 331-332, том II, папка 2 протоколов допроса), что в тюрьме Асколи-Пичено он не был в изоляции, а наоборот, имел возможность контактировать и беседовать с членами «красных бригад» и что тюремные власти предлагали ему перейти в их камеру.

Сообщения о всех этих странных контактах Агджи в период его строгой изоляции появились после крупной операции, проведенной полицией против каморры 17 июня 1983 г. Тогда были изданы ордера на арест 856 членов мафии, в числе которых фигурировали видные политические и государственные деятели, судьи прокуроры, бизнесмены, священнослужители и даже телевизионные знаменитости. Один из арестованных был постоянным посетителем и духовным наставником Агджи в тюрьме «Марино дель тронто» — это тюремный священник отец Саверио.

Итак, пусть читатель обратит внимание — 1983 год. Уже тогда итальянская пресса заговорила о тех, кто признался в ром, что обрабатывал Агджу в тюрьме. Но судья-следователь И. Мартелла остался слеп и глух, не отразив в своем пространным обви-

нительном заключении (1247 страниц, конец 1984 г.) ничего из того, что могло бы противоречить его фальшивке о «болгарском следе». И только в конце второго римского судебного процесса, осенью 1985 г. в «Форо Италико» судьями были заслушаны и приобщены к делу показания каморристов, в частности Дж. Пандико (который в 1985 г. повторил лишь то, о чем заговорил сразу после своего ареста в 1983 г.).

Еще летом 1983 г., 21 июня итальянская газета «Унита» писала: «А не секретные ли службы поручили каморре и Кутоло заставить убийцу «раскаяться»? Ответ на этот вопрос можно было найти и в показаниях задержанного в Италии в конце 1983 г. некоего Джузеппе Чиллари.

Когда следователи Санта-Кроче и Мерлино из южного итальянского города Салерно приступили к допросу «раскаявшегося» каморриста Чиллари, они и не предполагали, что его показания выйдут далеко за рамки уголовной хроники. Однако произошло именно так. Чиллари, «правая рука» одного из боссов «новой организованной каморры» Винченцо Казилло, после того, как последний взлетел на воздух вместе со своим автомобилем, сделал сенсационное признание. Он сообщил ряд фактов, касающихся взаимоотношений между главарями неаполитанской каморры, руководителями масонской ложи «П-2» и итальянскими секретными службами. Особый интерес вызвали показания каморриста, проливающие дополнительный свет на то, как в тюрьме города Асколи-Пичено обрабатывался турецкий террорист Али Агджа.

Новым в показаниях Чиллари было сообщение о том, что в тюрьме Асколи-Пичено Али Агджу многократно навещал мафиози Франческо Пащенко. Итальянские газеты, ссылаясь на показания каморриста, писали, что именно он обрабатывал с Агджой «болгарскую версию». Пащенко показал турецкому террористу фотографии трех болгарских граждан, которым затем было предъявлено обвинение в «причастности к заговору». Агджа запомнил фотографии болгарских граждан и без труда «опознал», , когда ему показали их итальянские следователи. Это «свидетельство» убийцы послужило поводом для ареста Сергея Антонова.

Кто же такой Пащенко и по чьему заданию он обрабатывал Агджу? Уроженец южной итальянской провинции Таранто Франческо Пащенко был одним из доверенных лиц сицилийской мафии и по ее заданию, прикрываясь строительным бизнесом, занимался подпольной торговлей оружием. Одновременно он был другом и близким сотрудником руководителя СИСМИ генерала Джузеппе Сантовито (с этого поста генералу пришлось уйти, когда стала известна его принадлежность к ложе «П-2»; в 1983 г. он был арестован и затем умер в тюрьме

при довольно странных обстоятельствах). Пащенко выполнял «деликатные поручения» генерала и регулярно получал от СИСМИ солидные вознаграждения. Проходимец и авантюрист, он с помощью покровителя вошел в определенные влиятельные круги Италии и стал там своим человеком. С другой стороны, Пащенко был тесно связан с американским гангстерским синдикатом «коза ностра» и некоторыми должностными лицами Соединенных Штатов. Он, как челнок, сновал между Римом и Нью-Йорком. Чье именно задание выполнял Пащенко, обрабатывая Агджу? Несомненно одно: за его спиной стояли западные секретные службы. Во всяком случае, показания Джузеппе Чиллари приоткрыли завесу секретности над тем, как была организована и проведена одна из самых грязных провокаций империалистических разведок против социалистических стран.

Итальянский журнал «Эспрессо» писал 9 декабря 1984 г.: «Имя Пащенко, бывшего начальника «Супер-СИСМИ» человека, поддерживающего тесные контакты с бывшим госсекретарем США Александром Хейгом и Майклом Лединым (Пащенко называет его агентом «Зет-3» из «Супер-СИСМИ», связанным с государственным департаментом), замешано в сложных интригах вокруг покушения на папу Иоанна Павла II». Бывший директор римского бюро журнала «Панорама» Андреа Барбьери также подтверждает, что «Супер-СИСМИ» и лично генерал Сантовито вынашивали планы приписать совершение какого-нибудь террористического акта международному терроризму, силам, «направленным с Востока». Он рассказывал, что в сентябре 1980 г. Пащенко привел его к шефу СИСМИ Сантовито, который жаловался на то, что «Панорама» отдает предпочтение его гражданским соперникам из СИСДЕ (служба внутреннего сыска Италии). Он намекнул, что если «Панорама» станет шире отражать деятельность ведомства Сантовито, СИСМИ в долгу не останется: журналу будет предоставлена информация о сверхсекретном досье, связанном с «международным терроризмом и странами Восточной Европы». В материале, опубликованном «Эспрессо» 24 июня 1985 г., упоминаются также имена Уго Систи и Лелио Лагорио. Кто они?

Первый по протекции генерала СИСМИ Музумечи был назначен 14 января 1982 г. директором итальянских тюрем. После того как было разоблачено существование «Супер-СИСМИ» и Музумечи потерпел провал, Уго Систи пытался вмешиваться в работу прокуратур Реджо-Эмилии и Флоренции, чтобы пустить их расследование по ложному следу. 14 февраля 1984 г. его освободили от занимаемой должности «по состоянию здоровья». В 1985 г. его привлекли к судебной ответственности в ходе процесса, ведущегося в Риме против «Супер-СИСМИ».

Что же касается Лелио Лагорио, то когда началась антиболгарская провокация в Риме, он занимал должность министра обороны Италии. Так называемое «участие болгар» в покушении на папу он назвал «актом войны в мирное время». А недавно вышла книга Джузеппе Зуппо и Винченцо Чирини «Операция Моро» (Рим, 1985), в которой сообщается, что Лагорио в свое время был главным редактором журнала «Реджионе е сочиэта», а его самым активным сотрудником... Джованни Сенцани, террорист из «красных бригад»! Странная комбинация, в которой на процессе в «Форо Италико» стоило бы разобраться подробно.

В первые же недели лета 1985 г. выяснилось, что на судебном процессе в Риме «болгарского следа» нет, что в него не верит никто из присутствующих в зале «Форо Италико», что, несмотря на желание обвинить болгар, обвинение не располагает другим свидетелем, помимо Агджи. Последний уже был внутренне готов к появлению новых лжесвидетелей в пользу «болгарской версии», когда в бетонном бункере судебного заседания произошел курьезный случай. Призывая к соблюдению тишины в огромном и набитом битком зале, председатель суда Сантиапики несколько раз повторил: «Пациенца!» (что в переводе с итальянского означает «Спокойствие!»). Не поняв о чем речь, Агджа подскочил в своей клетке к микрофону и заорал: «Франческо Пацценца? Да я его знаю, знаю его хорошо! Этот Пацценца — сотрудник итальянской разведывательной службы СИСМИ, однако он находится в США, американцы не желают экстрадировать его, а он мог бы рассказать многое».

На следующий день, 19 июня 1985 г., судья Сантиапики, пытаясь распутать клубок как всегда исключительно запутанных показаний Агджи, спросил, откуда ему известны имя и внешность четвертого террориста из организации «серых волков», помогавших ему в момент покушения? (Агджа еще раньше признался судье, что никогда в жизни с Омером Ай по кличке Акиф, арестованным в ФРГ и в свое время допрошенным там выездной бригадой римского суда, знаком не был. Тем не менее указал на Акифа на увеличенной фотографии площади Св. Петра, предъявленной преступнику для опознания находившихся на ней людей в 17 часов с минутами 13 мая 1981 г.) Сантиапики потребовал, чтобы Агджа сообщил, кто дал ему в тюрьме информацию о существовании Омера Ай.

«Им был Франческо Пацценца», — пробормотал Агджа.

В зале поднялся шум. Ведь признание Агджой его контактов в тюрьме с международным аферистом и агентом западных секретных служб Ф. Пацценцей является косвенным подтверждением правдивости разоблачений, сделанных в интервью журна-

лу «Эспрессо» боссом каморры Дж. Пандико, который указал на причастность итальянских секретных служб и лично Пацценцы к делу о покушении на папу римского.

Защитники С. Антонова потребовали немедленно воспроизвести звукозапись того, что только что невнятно произнес Агджа. Когда все убедились, что Агджа назвал именно Пацценцу, председатель суда спросил его, что означает это признание. Агджа ответил: «Недавно в качестве пешки использовали одного члена каморры, чтобы заявить, что Агджа был убежден, каморрой пойти на раскаяние. С ней же я ничего общего не имею. Я всегда говорил правду, и никто никогда мне ничего не подсказывал. Вместе с тем я встретился с Франческо Пацценцей, и тот попросил меня о сотрудничестве...». Зал взорвался. Выждав некоторое время, пока страсти улягутся, председательствующий спросил, где именно террорист встречался с Пацценцей. Агджа, не задумываясь, быстро ответил: «Я виделся с ним в тюрьме в городе Асколи-Пичено, мне кажется, в марте или в апреле 1982 г.». В 1985 г. председатели по крайней мере трех самых громких судебных процессов в Италии не отказались бы допросить Франческо Пацценцу, которого в то время заботливо готовили спецслужбы США, перед тем как выдать итальянским судебным властям, уже приговорившим его в тот год к длительному тюремному заключению по делу о деятельности руководимой им так называемой «Супер-СИСМИ» — подрывной группировки, созданной из членов тайной масонской ложи «П-2» в рамках итальянской службы военной разведки и контрразведки СИСМИ.

24 июня 1985 г. Агджа назвал бывшего заместителя директора СИСМИ, генерала Пьетро Музумечи «третьим человеком из секретных служб», посетившим его в тюрьме г. Асколи-Пичено. В те же дни, но на другом судебном процессе генерал будет в бешенстве доказывать журналистам: «Я не знаю никакого Пандико! Я никогда не видел Агджу! Это заговор против меня! Я никогда не был в тюрьме Асколи-Пичено!..» Генерал лгал. Ежедневник «Эспрессо» (1 июля 1985 г.) поместил статью, в которой анализируются два доклада карабинеров, опровергающие генерала Музумечи.

Первый доклад (доклад карабинеров участка в Венароте, провинции Анкона) был направлен в прокуратуру в Асколи 14 ноября 1984 г. Командир участка Фламинио Берберини информировал судью, что 28 августа 1981 г. генерал Музумечи находился в Асколи-Пичено. Во втором докладе, разосланном судьям в Асколи, Болонье и Неаполе, содержатся сведения о том, что генерал Музумечи ездил в Асколи в декабре 1981 г. Налицо странное «совпадение». В одном из докладов говорится о декабре 1981 г. А ведь именно 29 декабря того же года, как

уже говорилось выше, представители итальянских спецслужб майор Петручелли из СИСМИ и д-р Бонагура из СИСДЕ в сопровождении третьего лица (один раз его представили как «переводчика с английского», а другой как сотрудника министерства юстиции) посетили Агджу в его камере с разрешения судебных следственных органов. До сих пор личность третьего посетителя не установлена, не развеяны и сомнения ряда итальянских журналистов насчет того, что гости к Агдже навещались не один раз. Ничего не меняет по существу и тот факт, что к тому времени, к которому относятся упомянутые события, П. Музумечи уже был вынужден расстаться со своей высокой должностью в СИСМИ в результате разразившегося скандала вокруг противоправной деятельности «особого отдела» этой службы, который он возглавлял. Но уйдя на пенсию, генерал продолжал оставаться «своим человеком» среди итальянских контрразведчиков и поддерживал нужные связи. В его новом качестве ему было даже удобнее выполнить деликатное задание. Не сняли с сотрудников СИСМИ подозрений в обработке Али Агджи и показания в зале суда в «Форо Италико» бывшего руководителя этой итальянской спецслужбы генерала Нино Лугарези. Он также безуспешно пытался опровергнуть показания Дж. Пандико. По свидетельству Н. Лугарези Али Агджа сам попросил в октябре 1981 г. встречи с работниками итальянских секретных служб с тем, чтобы выторговать в обмен на свои показания сокращение срока наказания или даже освобождение. Первоначально генерал не удовлетворил эту просьбу. Но после личного вмешательства министра внутренних дел он переменял принятое решение и направил на переговоры с Али Агджой своего сотрудника майора Сандро Петручелли. Вместе с работником секретной службы министерства внутренних дел СИСДЕ Луиджи Бонагурой они «навестили» турецкого террориста с тюрьме Асколи-Пичено. С. Петручелли и Л. Бонагура, давшие в свою очередь показания на закрытом судебном заседании в Риме, признали, что во время встречи с Али Агджой турецкий террорист не выдвинул обвинений ни против Болгарии, ни против Советского Союза и подтвердил, что действовал в одиночку. Эти свидетельства отнюдь не противоречат показаниям Дж. Пандико, а, скорее, косвенно подтверждают: ведь каморрист утверждал, что обработка Али Агджи в тюрьме Асколи-Пичено началась в начале 1982 г., то есть после визита двух сотрудников итальянских спецслужб в тюремную камеру.

В октябре 1984 г. захлопнулись ворота римской военной тюрьмы за арестованными бывшим заместителем директора СИСМИ П. Музумечи и его ближайшими сотрудниками — полковниками Дж. Бельмонте и С. д'Элизео, капитаном В. Ар-

тинчелли. Заключенных обвинили в незаконном хранении оружия и взрывчатки, а двум из них — генералу Музумечи и полковнику Бельмонте — пришлось давать показания в связи с... взрывом 2 августа 1980 г. на железнодорожном вокзале в Болонье, где погибло 85 человек и свыше 200 человек были ранены. Кто организовал и осуществил эту чудовищную террористическую акцию? До сих пор итальянская Фемида не дала ответа на этот вопрос. Все цепочки, которые вели к преступникам, неизменно обрывались. По поступившим в распоряжение прокуроров данным, генерал Музумечи и полковник Бельмонте в январе 1981 г., то есть в то время, когда следствие о взрыве вокзала в Болонье было в самом разгаре, предприняли меры с тем, чтобы повести расследование по ложному пути. Для этого по их указанию в один из вагонов железнодорожного состава, следовавшего из Таранто в Милан через Болонью, был заложено еще один крупный заряд взрывчатки. «Анонимный» звонок по телефону предупредил об этом полицейских. Те обнаружили заряд как раз, когда поезд подошел к Болонье. Вместе с взрывчаткой в купе оказалась пачка западногерманских газет. Вскоре после этого генерал Музумечи официально информировал болонских следователей, что организаторами взрыва были четыре западногерманских террориста, входивших в известную группу Гофмана. Естественно, следователи пошли по следу, указанному столь авторитетным чином, как заместитель директора СИСМИ. Пошли и оказались в тупике, потеряв драгоценное время. Возник вопрос: какой смысл был генералу Музумечи сбивать с толку следователей и тем самым оказывать пособничество террористам? Ответ на этот вопрос прост: генерал принадлежит к верхам мasonicкой ложи «П-2». Еще будучи полковником-карабинером, Музумечи вступил в ложу и даже вошел в ее «центральную группу», которой непосредственно руководил главарь ложи Личо Джелли. I Ложа открыла ему путь в верха СИСМИ, а он служил ей верой и правдой. Одна из целей «П-2» состояла в том, чтобы не допустить сдвига Италии влево. Для этого Личо Джелли использовал неонацистских террористов. В Италии привыкли ко всякого рода скандалам, однако скандал, связанный с арестом верхушки «специального отдела» СИСМИ, выходил за рамки привычного. Дальнейшее расследование преступной деятельности бывших руководителей СИСМИ привело к новым сенсационным разоблачениям.

Имена генерала итальянской военной разведки П. Музумечи, главы неаполитанской каморры Р. Кутоло, международно-афериста Ф. Пацценцы и террориста М. А. Агджи не случайно в одном ряду. Они были хорошо знакомы друг с другом и вошли в преступный сговор, в результате которого Агджа был

обработан соответствующим образом в тюрьме, и таким образом родился «болгарский след». Летом 1985 г. об этом заявил участник этой акции итальянский мафиози Джованни Пандико благообразный на вид уголовник, который в свое время был правой рукой всемогущего босса каморры Р. Кутоло и вместе с ним отбывал заключение в тюрьме строгого режима в городе Асколи-Пичено. Признания «раскаявшегося» Пандико были сделаны им в ходе судебного заседания 11 апреля 1985 г. в присутствии других двух с половиной сотен подсудимых, членов каморры, и позже — в интервью двум итальянским журналам. Сотрудничать со следствием в Неаполе заключенный Пандико начал 1 марта 1983 г. Он раскрыл истину о десятках правовых преступлений каморры. Статут секретаря Кутоло в то время, вероятно, спасал его от кровной мести, неизбежной для других мафиози, согласившихся сотрудничать с правосудием. Но после показаний об обработке Али Агджи над головой Пандико начали сгущаться тучи. В судебном заседании в него швырнули бутылку с водой, а на словах передали: «Едва ли будет тебе до смеха, когда придется умирать». Вслед за этой угрозой были убиты мать Пандико и тяжело ранена невеста его брата. И тогда Пандико решился на главные свои заявления. На страницах печати он за- явил, что руководство «специального отдела» СИСМИ вместе с генералом Музумечи и Ф. Пацэнцей придумали «болгарский след».

Чтобы понять, что произошло весной 1982 г. с Агджой в тюрьме г. Асколи-Пичено, необходимо вспомнить, что именно в этом тюремном заведении закончились тогда тайные переговоры между представителями «специального отдела» СИСМИ и Р. Кутоло, в результате чего был освобожден из «плена» за огромный выкуп наместник христианско-демократической партии в Неаполе Чиро Чирилло, похищенный в апреле 1981 г. террористами из пресловутых «красных бригад». В тюрьму сотрудники секретных служб проходили когда хотели. Но не будем пересказывать слова Дж. Пандико из интервью редакции журнала «Эспрессо» (15.6.1985), а приведем их полностью.

«Это нечто большее, чем тюрьма, — говорит Пандико. — Это самая настоящая штаб-квартира новой неаполитанской мафии. Следует сказать также, что с 1981 г. по весну 1982 г. в тюрьме в Асколи-Пичено тюремные власти ничего не значили. Все решения принимали мы. И каждый, кто нуждался в помощи, должен был обращаться к нам. Именно так в конце концов произошло с раскаянием Агджи.

Вопрос: — Начнем как раз отсюда. Во время судебного процесса в Неаполе вы сказали: «Именно мы заставили Агджу раскаяться». Что вы хотели тем самым сказать?

Ответ: — Чтобы понять, что произошло, нужно вернуться к событиям 1982 г. В тот период в тюрьме находился Али Агджа, с которым Кутоло и я сразу же завязали дружеские отношения. Али Агджа испуган. Он не знает языка, у него нет одежды, он острижен наголо и помещен в грязную камеру. Мы решили ему помочь.

Вопрос: — Почему?

Ответ: — Мы считали, что такого человека, как он, можно прекрасно использовать в качестве нашего наемного убийцы в тюрьмах, и ПОЭТОМУ мы начали за ним ухаживать, чтобы затем его можно было сделать членом нашей организации. Мы снабдили его одеждой, приказали поставить телевизор в его камеру и постелить на пол ковер. Мы подарили ему книги и словари. Мы разговаривали с ним жестами, с помощью рук. Мы подружались. И вот в один прекрасный день мы узнали, что 2 марта министерство юстиции решило перевести Кутоло на остров Азинара. Но это не все.

За пять или шесть дней до отъезда я разговорился с директором тюрьмы нашим другом Козимо Джордано, и тот сказал мне: «Я узнал от капитана секретных служб, что во время перевозки они хотят подстроить аварию и убить Кутоло». Мы сразу же забили тревогу и через адвоката Мадонну, члена нашей организации, установили контакт с Пацценцей и Музумечи.

Вечером 1 марта Музумечи приехал в Асколи-Пичено. В одной из комнат, сидя за столом, мы разговаривали с 8 часов вечера до поздней ночи. Мы попросили, чтобы перевод в другую тюрьму был отложен на две недели. Музумечи сказал мне: «Я окажу вам эту любезность, если вы окажете мне другую любезность».

И он попросил нас помочь ему заставить раскаяться турка Агджу. Он вынул из кармана лист бумаги, своего рода проект протокола допроса. На нем были изложены причины, на которые Агджа должен сослаться, чтобы объяснить свое раскаяние. Там говорилось о Советском Союзе, о болгарях. Мы согласились. С нами находились тогда также капеллан Мариано Сантини и сержант Гуарачино, члены нашей организации. Агджу позвали. Мы объяснили ему, что Музумечи может ему помочь, подчеркнули, что если в Турции ему угрожает смертная казнь, то здесь, в Италии, дела могли бы сложиться для него гораздо лучше. Мы заставили его прочитать документ, и, если мне не изменяет память, Музумечи заставил его подписать этот документ.

Впрочем, в тех условиях Агджа подписал бы или сказал бы все что угодно. Мы продолжали убеждать его всю ночь и в последующие дни как я, так и отец Сантини. Мы угрожали Агд-

же, что если он не прислушается к советам Музумечи, то с ним вполне могут произойти неприятности даже в тюрьме.

Вопрос: — По существу, вы говорите, что вместе с Ку-толо повернули операцию с Агджой, получив взамен гарантию отсрочки перевода Кутоло в другую тюрьму...

Ответ: — Совершенно верно. И отсрочка нам была дана. Вспомните о том, что 2 марта по телевидению было даже передано сообщение о переводе Кутоло, хотя это произошло лишь 15 дней спустя в 9 часов утра. Я подчеркиваю время, потому что обычно заключенных перевозят по ночам. Но мы этому воспротивились.

Вопрос: — Зачем вам понадобились эти 15 дней? Ответ: — Чтобы предупредить всех членов нашей организации в итальянских тюрьмах. Если бы в пути с Кутоло что-либо произошло, все знали бы, что это убийство, и уже был готов план бунта и убийств в тюрьмах.

Вопрос: — Вы не разговаривали больше с Музумечи об этой истории после той ночи 1 марта?

Ответ: — Разговаривали. Мы увиделись вновь в Асколи-Пичено в середине апреля. Мы были удовлетворены отсрочкой, а он — помощью, которую мы оказали ему в деле Аг-джи. «Каждый получил то, что хотел», — сказал он мне.

Мнение о том, что турецкий террорист был натаскан на «болгарскую версию» во время своего тюремного заключения агентами западных секретных служб, подтверждалось все новыми фактами. Итальянский еженедельник «Эпока» (1.7.1985) опубликовал (вслед за еженедельником «Эспрессо») второе интервью с одним из главарей преступной «новой итальянской каморры» Джованни Пандико. Дж. Пандико не только подтвердил свои предыдущие показания о том, как обрабатывался турецкий террорист высокопоставленными агентами итальянских секретных служб, связанных с американским ЦРУ и госдепартаментом США, но привел ряд новых свидетельств. Он категорически опроверг заявление бывшего главы «специального отдела» СИСМИ генерала Музумечи о том, что тот якобы не посещал тюрьму в Асколи-Пичено. «Впору было ставить в тюрьме для Музумечи раскладушку, — сказал Дж. Пандико. — Сначала контакты с А. Агджой поддерживали я и Кутоло, Музумечи, тюремный священник Сантини и сержант из числа тюремных охранников Франко Гуарачино. По требованию спецслужб Гуарачино оказал содействие в том, чтобы Агджа раскаялся и чтобы в реестре посетителей не значились имена влиятельных лиц, посещавших Кутоло и Агджу. Гуарачино давал разрешение на контакты, позво-

лял нам входить когда захотим в камеры, в том числе и к тем, кто находился в режиме изоляции... До того как встретаться с Агджой, Музумечи показывал нам текст заявления с «болгарской версией», которое должен был сделать А. Агджа».

Корреспондент еженедельника «Эпока», который никак не заподозришь в симпатиях к Болгарии, еще раз переспросил Дж. Пандико:

— Итак, вы утверждаете, что «признание» А. Агджи и «болгарскую версию» обсуждал Пьетро Музумечи?

— Совершенно верно, — подтвердил Дж. Пандико.

Каморрист добавил, что в любой момент он готов на очную ставку с А. Агджой с тем, чтобы «освежить ему память». «На процессе АГ Агджа валяет дурака и лжет, но я уверен, что рано или поздно он скажет правду», — заявил Дж. Пандико.

Версия о «болгарском следе» часто оказывалась в кризисном положении. Признания Пандико на судебном процессе по делу каморры, который продолжался все три летних месяца 1985 г. в неаполитанской тюрьме «Поджо реале», нанесли очередной сокрушительный удар следствию, проведенному Иларио Мартеллой. Сколько же времени понадобилось для того, чтобы в зале судебного заседания в Риме, перед длинным столом, за которым восседают судьи и присяжные, наконец предстал в последние дни 1985 г. Джованни Пандико. Его показания вызвали особый интерес. Этот невысокий, коренастый, круглолицый человек в темно-синем костюме, носящий очки с темными стеклами, по единодушному мнению присутствующих в зале «Форо Италико», больше похож на провинциального бухгалтера, чем на одного из руководителей могущественной каморры — этой разновидности неаполитанской мафии. В деталях, называя имена и даты, он рассказал, как бывший заместитель директора СИСМИ генерал Пьетро Музумечи в начале 1982 г. при помощи каморристов, находившихся в заключении в тюрьме города Асколи-Пичено, склонил Али Агджу к даче «показаний». По его настоянию турецкий террорист обвинил Сергея Антонова и Двух других болгарских граждан в «причастности» к покушению на папу римского.

Судьи пытались было поставить под сомнение показания Дж. Пандико. Они задали ему вопрос: почему он сделал свое заявление лишь два года спустя после того, как решил «раскаяться» и начать давать показания против своих бывших сообщников по банде. Дж. Пандико разъяснил, что еще в мае 1983 г. он рассказал судьям в Неаполе, занимавшимся расследованием преступлений каморристов, об обработке агентами СИСМИ Али Агджи; Его показания были занесены в протокол. Однако,

по его словам, «никто им не заинтересовался». То ли умышленно, то ли по небрежности неаполитанские судьи не дали хода сенсационным разоблачениям Дж. Пандико и положили их, что называется, под сукно. Только после того, как ка-моррист повторил их в июне 1985 г. в интервью итальянскому еженедельнику «Эспрессо» и они стали достоянием гласности, судьи на процессе в Риме решили приобщить их к делу и зарезервировали за собой право допросить Дж. Пандико. Однако потребовалось несколько месяцев, прежде чем суд наконец-то вызвал его для дачи показаний. Предвзятое отношение судей к показаниям Дж. Пандико об обработке Али Агджи тем более бросается в глаза, что до этого, как отмечает туринская газета «Стампа», «магистратура Неаполя на предварительном следствии и на самом процессе против каморры считала показания Дж. Пандико против банды главаря каморры Кутоло и против Торторы (известного телекомментатора, обвиненного в подпольной торговле наркотиками. — Ред.) заслуживающими доверия».

Неудивительно, что, когда вслед за Дж. Пандико для дачи свидетельских показаний в суд был вызван П. Музумечи, отбывающий девятилетнее тюремное заключение за связь с каморрой и неонацистами, он категорически отрицал как свое личное участие в обработке Али Агджи, так и причастность к ней СИСМИ. Более того, он заявил, что никогда не приезжал в тюрьму Асколи-Пичено и не встречался там ни с самим Али Агджой, ни с ка-морристами из банды Кутоло. П. Музумечи подобным же образом отреагировал летом 1985 г. и на интервью Дж. Пандико еженедельнику «Эспрессо». У него много причин для отпирательства. И, похоже, не в последнюю очередь П. Музумечи опасался «предать» тех, по чьему поручению он занимался обработкой Али Агджи. На допросе под грузом улик он все же признал, что еще в июне 1980 г. познакомился в кабинете бывшего директора СИСМИ генерала Дж. Сантовито с международным авантюристом Франческо Пацвенцей, который был тесно связан с государственным департаментом США, в частности с его бывшим руководителем А. Хейгом.

Жаль, что на судебном процессе в спортзале римского стадиона не прозвучало свидетельство еще одного участника кампании по обработке Агджи. О встречах весной 1982 г. в Асколи-Пичено рассказывал ведь и сам шеф «новой каморры» Раффаэле Кутоло, давно уже обживающий разные итальянские тюрьмы и по этой причине также причисляющий себя к недовольным. Еще немного и его также можно будет отнести к числу «раскаившихся». Кутоло возмущался тем, что ему фактически ничем не отплатили за его участие в махинациях СИСМИ по освобождению похищенного Чиро Чирилло и вербовке Аг-

джи. Из интервью Кутоло журналу «Эспрессо» (5.8.1984): «Что я получил взамен за то, что сделал для них? Два года строгой изоляции в Азинаре (тюрьма на небольшом острове между Сицилией и итальянским побережьем. — Ред.). Все те, кто тогда умоляли меня помочь, теперь делают вид, что ничего не знают. Они обманули меня, но этим господам не следует забывать, что в один прекрасный день...». Так заканчивалось это интервью, лейтмотив которого Кутоло продолжил год спустя в беседе с корреспондентом того же еженедельника («Эспрессо», 30.7.1985).

«Все случилось, — писал корреспондент итальянского журнала, — когда несколько месяцев назад Кутоло был переведен в новую тюрьму Авелино. Там допрашивали его разные следователи. Во время допросов Кутоло говорил и о том, что его мучает, сказал и кое о чем, не имеющем непосредственного отношения к его преступлениям. В начале одного из посещений после обычных приветствий завязался разговор с представителями следствия. Ничего официального. Тон у Кутоло — самый обычный, разговорный, почти как излияние. Но, конечно, не раскаяние. Кутоло заговорил о признаниях Агджи, сказал, что ему многое известно о том, почему турок решил заговорить. Упомянул Раффаэле и о вмешательстве секретных служб (однако не называл имен) и дал понять, что каморра сыграла в этой истории определенную роль. Больше об этом он не пожелал говорить, добавив только, что рано или поздно расскажет всю правду».

После этих заявлений Агджи, Пандико и Кутоло «Супер-СИСМИ» (т. е. группа лиц из военной секретной службы, обвиненная в преступлениях, — в том числе Франческо Пацценца и Пьетро Музумечи) официально начала фигурировать в деле о покушении на папу. О возможной роли итальянских секретных служб в создании «болгарского следа» и в раскаянии турецкого убийцы говорилось уже давно. Вот еще доказательства преступной провокации.

«Супер-СИСМИ» занялась фабрикацией «болгарского следа» буквально через несколько часов после покушения на папу. Это подтверждают два документа. Первый написан 14 мая 1981 г., т. е. на следующий день после попытки убить папу Иоанна Павла II. Классифицированный как секретный, этот документ, предназначенный для следственных властей, целиком сочинен с целью «опровергнуть утверждения о нормальных взаимоотношениях Ватикана с советскими представителями», попытаться обнаружить или придумать то, чего не было, — «глубокую трещину и обостряющуюся вражду между святым престолом и Кремлем». Через пять дней, 19 мая. «Супер-СИСМИ» пошла еще дальше и в другом пространном до-

кладе прямо обвиняет целую группу болгарских и советских руководителей в организации покушения на папу. Более того, уточняется, что «окончательное решение об этом принято в ноябре 1980 г., во время секретного совещания, проходившего в Бухаресте...». По всему видно, что у людей из «Супер-СИСМИ» на этот счет не было сомнений, писал буржуазный еженедельник «Эспрессо» (30.6.1985). Продолжение статьи Пьетро Кальдерони и Ма-рио Шалойа «Али Агджа и сорок шпионов» в названном номере итальянского журнала предлагаем вниманию читателя:

«Но если «болгарский след» в самом деле создан искусственно, то трудно поверить, что он выдуман только одним неофициальным отделением наших секретных служб. Пока что это остается открытым вопросом. «Супер-СИСМИ», безусловно, имела связи с границей. Для начала достаточно только ознакомиться с секретной запиской, составленной в октябре 1981 г. полковником СИСМИ Деметрио Колиандро: «Тандем Музумечи—Пащенца очень скоро превратился в центр сверхсекретной деятельности, состоящей из особых информационных операций с многочисленными поездками за границу. В этот кадр попадают четверо (американцы по национальности), близкие друзья Пащенцы, которые были постоянными посетителями службы, возглавляемой Музумечи: д-р Майкл Ледин, один из советников по итальянским вопросам госсекретаря США Александра Хейга; д-р Роберт Куперман, по прозвищу Боб, ученый университета в Джорджтауне, консультант Белого дома; д-р Альфонс Джон Боув и д-р Теодор Шейкли. Все представляются как сотрудники ЦРУ».

Самый известный среди этих американцев — Ледин, чье имя не раз фигурировало в спорах, связанных с рождением «болгарского следа». Более того, Пащенца заявил, что Ледин является сотрудником и «Супер-СИСМИ» (естественно, Ледин это отрицает). Рассказы, признания — все это больше похоже на политическую фантастику. Но уже есть прецедент, который реально подтверждает, что, оказывается, люди «Супер-СИСМИ» не в первый раз пытаются сострять «болгарскую связь», нити которой ведут к очень серьезному политическому заговору. Этот прецедент связан с похищением Альдо Моро. О нем судьям рассказал некий Франческо Санапо, сотрудник СИСМИ в то время, когда там заправляли Пащенца и Музумечи. Он сделал устное заявление: «Музумечи и Бель-монте (еще один человек из «Супер-СИСМИ») сказали мне: «Нужно засвидетельствовать, что в убежище некоторых арестованных террористов найден меморандум на четырех страницах, из которого явствует, что «красные бригады» бы-

ли специально обучены и подготовлены к похищению депутата Моро в одной из восточноевропейских стран и что, после убийств на улице Фани его спрятали в болгарском посольстве».

25 июня 1985 г. одна из самых массовых итальянских газет, вечерняя «Паэзе сера» отвела целую полосу второму римскому процессу о покушении на папу. Там были помещены репродукции ряда секретных документов СИСМИ, с помощью которых была впоследствии пущена в оборот версия о «болгарском следе». Перед ними напечатана передовая статья, призывающая суд установить истину в отношении покушения на папу. В статье констатировалось, что в ходе процесса стало очевидным наличие «ужасного заговора». Но это не болгарский заговор, о котором рассказывает Али Агджа, а «заговор, заставивший Али Агджу обвинить болгар». Агджа, говорилось далее в передовой статье, сочетает действительные подробности с фальшивыми сценариями. Кто дает ему верную информацию? Кто описывает ему болгарских служащих, их квартиры, кто дает ему их адреса? В статье выдвигалось требование, чтобы все это было выяснено теперь же, и подчеркивалось: улики многочисленны и они совпадают. Все заставляет думать, что события развивались в тюрьме г. Асколи-Пичено, контролируемой каморристами Р: Кутоло. Ее посещали представители итальянских секретных служб (СИСМИ), а обитали в ней видные члены «красных бригад» (такие как Сенцани, который обучал Агджу итальянскому языку). Но если это так, спрашивается: кто привел в движение секретные службы, каморру, людей «красных бригад» для того, чтобы сфабриковать международный наговор? Еще раз появляется имя Франческо Пацценцы — человека СИСМИ, которому покровительствуют заокеанские службы. Но если подобный заговор был осуществлен, то какова в этом деле роль итальянского министра обороны (от которого зависит СИСМИ) и министра юстиции (от которого зависят тюрьмы)?

Интереснейшим материалом, опубликованным в данном номере газеты «Паэзе сера», была статья А. Сантини, озаглавленная «Две фальшивки, изготовленные «Супер-СИСМИ». В этой статье говорилось, что спустя несколько дней после покушения на площади Св. Петра спецотдел СИСМИ в лице Сантовито, Пацценцы и Музумечи знал все о контактах Али Агджи с «серыми волками» в Западной Германии, о его путешествиях в Палермо, Неаполь, Перуджу, Милан, Геную, Пальма-де-Мальорку и Тунис. Знали о его связях с Оралом Челиком, Мехмедом Шенером, Абдулой Чатлы. И все же в докладе, составленном 19 мая — меньше чем через неделю после покушения, — генерал Сантовито, сообщив массу информа-

ции о турецком убийце, уже пытался связать его с крайне левыми силами. «Предполагаемые контакты с крайне левыми, — добавляет генерал Сантовито в своем докладе, — были следствием идеологического раскола, наступившего в движении, к которому он принадлежит». Этот «раскол», согласно докладу, привел даже к покушению на самого Агджу (под его машину была подложена бомба) в Западной Германии в 1980 г., осуществленному его бывшими друзьями. Практически одним ударом уже в начале расследования покушения СИСМИ в лице Сантовито лишила какой-либо достоверности след, ведущий к «серым волкам», и закладывала основы того, что станет «болгарским следом», говоря о «контактах с левыми» со стороны турецкого убийцы.

Уже в самом начале секретные военные службы показывают, что знают очень многое об Агдже. Им известны все отели, в которых он бывал в конце 1980 — начале 1981 гг., используя паспорт, который впоследствии оказался фальшивым. СИСМИ также знает, что Агджа провел две недели — с 28 ноября по 12 декабря 1980 г. — в отеле «Континенталь» в Хамаммете, в Тунисе, и что его помнит персонал отеля как человека, у которого водились значительные суммы денег. СИСМИ знает, что в Генуе Агджа оставался три часа в послеобеденное время 19 апреля в отеле «Диана» вместе с неким Дж. Рокардо и что затем он переехал в отель «Гал». Затем идет вся миланская программа Агджи (как известно, именно в Милане турок получил от своих соучастников, приехавших из Вены, оружие, которое он использует при покушении), в отношении которой СИСМИ очень точна. Агджа, говорится в докладе, остановился в отеле «Аоста» в Милане «вечером 18 апреля 1981 г.». В это же время в отеле находились четверо других турецких граждан, которые уехали на день позже. СИСМИ называет их имена, добавив, что о них не имеет никаких данных. 26 апреля, добавляется в докладе Сантовито, в этом же отеле останавливается на 24 часа некий гражданин иранского происхождения Ван Хоаи Филип, который представил служебный паспорт из Ватикана № 347-75, выданный 6 июня 1975 г. Как видно, можно найти все — в том числе и какого-то призрачного ватиканского служащего иранского происхождения (известно также, что Иран — один из этапов путешествия Агджи). С другой стороны, Ватикан пользуется большим вниманием со стороны «спецотдела» СИСМИ. В документах судебного процесса над Пацъенцей, Музумечи и их соучастниками есть доверительная записка, конфискованная в доме одного бывшего теолога — Джованни Пелайи, резидента СИСМИ в Люксембурге. Этот документ «свидетельствует» о каком-то ухудшении отношений между СССР и Ватиканом и прямо говорит, что решение о покуше-

нии на папу было принято на «тайном совещании» стран Варшавского Договора (!?)».

Это плод фантазии «спецотдела» СИСМИ в лице Франческо Пацценцы, продолжает «Паэзе сера». Но является ли это только фантазией Пацценцы или крупной операцией по дезинформации, подготовленной загодя? Следственный отдел американской таможенной службы собрал в связи с этим большое досье, которое после ареста Пацценцы в Нью-Йорке были вынуждены передать ФБР. Данные расследования, осуществленного таможенной службой, начали слишком жечь руки: было установлено, что за несколько недель до покушения некоторые «серые волки», соучастники Агджи, встречались в г. Майами, на Флориде, с людьми, которые разработали версию пресловутого следа покушения. Один из них, небезызвестный Орал Че-лик прибыл вместе со Стефано делле Кьяйе — беглецом, неонацистом, обвиняемым в Италии в различных кровавых преступлениях. Делле Кьяйе был Советником боливийского министра внутренних дел Гуидо Арсе. Пацценца прибыл на эту южную оконечность побережья США вместе с делле Кьяйе. Оба они были тесно связаны с третьим своим компаньоном аферистом Робертом Армао — это опять же согласно расследованиям, проведенным в США. Армао был личным помощником бывшего вице-президента Соединенных Штатов Н. Рокфеллера и секретарем иранского шаха (большого друга Пацценцы) во время его изгнания в Соединенных Штатах и Панаме. Более того, во Флориду прибыл тогда и Майкл Ледин — «мост» между этой группой и ее политическими «крестными». Угроза Пацценцы, высказанная в США («Скажу, кто покровительствовал Стефано делле Кьяйе»), приоредела, таким образом, весомый смысл.

Во время судебного процесса в Риме летом 1985 г. итальянские газеты вспоминали, что бывший министр обороны Италии Л. Лагорио, в чье ведомство входила СИСМИ, в конце 1982 г. информировал итальянский парламент о том, что СИСМИ обнаружила «объективные подтверждения» показаний А. Агджи. Однако впоследствии парламентская комиссия выяснил, что никаких «объективных подтверждений» «болгарской версии» у СИСМИ не было и в помине. «Таким образом, было установлено, что СИСМИ, пытаясь подтвердить наличие «болгарской версии», сообщила министру и парламенту заведомо ложные данные», — писала газета «Унита» (5.7.1985).

С каждым днем вера в показания А. Агджи уменьшалась даже у тех, кто прежде раздувал их в целях антиболгарской, антисоциалистической пропаганды. В конце июня 1985 г., после четырех недель судебного процесса, серия противоречивых ответов,

явно выдуманных ситуаций и «признаний», лавирований между «да» и «нет» окончательно дискредитировала преступника. Производила впечатление и угнетенность Агджа, пораженного тем, что он выдал в процессе судебного расследования столько своих соучастников их числа «серых волков», которые вряд ли будут ему за это признательны. Этот страх становится очевидным и из-за его постоянных попыток уйти от ответов и скрыть того или иного соучастника. Он заявил, что думал, что дело не дойдет до процесса, а только коснется некоторых разоблачений. Под «разоблачениями» Агджа, естественно, понимал ложь о так называемом «болгарском следе». Очевидно люди, которые обрабатывали его в тюрьме Асколи-Пичено оставили в сознании террориста смутное представление о том, что последует после его антиболгарских сочинений, преподнесенных им д-ру Мартелле. Террорист явно надеялся, что с помощью потока лжи и клеветы он сможет вырваться на свободу.

Разоблачения Пандичо о посещении генерала Музумечи в Асколи-Пичено и саморазоблачения Агджи о его связи с Ф. Пащенко приподнимают занавес, за которым кроется механизм обработки турецкого террориста. Итак, подведем итоги: и генерал и Пащенко осуществляли тактическое руководство нелегальным «особым отделом» СИСМИ. Они поддерживали контакты с другими западноевропейскими разведками. Вместе с тем Пащенко часто пересекал океан, чтобы встретиться с политиками и представителями секретных служб в США. Оба — и Музумечи, и Пащенко — причастны к деятельности скандально известной масонской ложи «П-2», разоблачения в отношении которой несколько лет назад были подобны взрыву в общественно-политической жизни Италии. Не будет излишним напомнить, что люди, связанные со «спецотделом» СИСМИ, являвшиеся подсудимыми на закрытом процессе в г. Болонье, поставили перед собой главную задачу — любой ценой помешать дальнейшему росту влияния коммунистов в Италии. Претворение этой задачи осуществлялось путем разработки покушений, широкомасштабных провокаций, убийств и шантажа, направленных на дестабилизацию положения в стране с целью получить возможность прихода крайне правых сил к власти. Опять же, преследуя эту цель, люди типа Музумечи и Пащенко приписывали покушения, осуществлявшиеся ультраправыми группировками, левым силам в Италии. Это объясняет, почему «серый волк» Агджа внезапно превращается в тюрьме в Асколи-Пичено в «орудие в руках болгарских секретных служб».

Допрос свидетеля по второму делу о покушении на главу римско-католической церкви закончился чтением показаний, которые дал в США судье И. Мартелле заключенный нью-

йоркской городской тюрьмы Франческо Пацвенца. Всех, кто следит за судебным процессом, удивило известие о том, что скомпрометированному себя в ходе следствия судье И. Мартелле было поручено отправиться в Нью-Йорк и допросить афериста Ф. Па-цвенцу — бывшего члена руководства и «специального отдела» СИСМИ, бывшего сотрудника натовских разведцентров. Теперь-то уже совершенно ясно, почему именно на Мартеллу была возложена эта задача. То, что судебный следователь попытался скрыть в материалах следствия, он попытался скрыть и проводя допрос Пацвенцы. Ему было поручено предупредить в Нью-Йорке афериста о том, что нет никаких доказательств его причастности к обработке Агджи и что ему самому не следует предоставлять таковые. Впрочем, судите сами...

Вот слова самого Мартеллы: «Видите ли, господин Пацвенца, в процессуальных документах нет никаких доказательств того, что вы имели контакты с Агджой через «красные бригады» или через какие-либо другие организации. Есть лишь показания господина Пандико римскому прокурору, о чем вам известно. Согласно этим показаниям, вы вместе с генералом Музумечи в конце февраля и в начале марта 1982 г. побывали в тюрьме в Асколи-Пичено, чтобы установить контакт с Агджой и заставить его «раскаяться». Больше в процессуальных документах ничего нет. Следовательно, любые иные утверждения не предоставляют никакой ценности с точки зрения привлечения вас к ответственности...»

Но это же беспрецедентно! Судебный следователь ведет расследование, и вместо того чтобы стремиться выяснить в ходе допроса истину о предъявленных свидетелю обвинениях (посколько Пацвенце предъявлены конкретные обвинения в соучастии в обработке Агджи), он не только доверительно сообщает ему, что в деле нет ни одного доказательства этих обвинений, но и позволяет себе информировать афериста о том, что с юридической точки зрения любые иные утверждения в пользу этих обвинений «не представляют никакой ценности» и не могут быть основанием для привлечения допрашиваемого к уголовной ответственности.

Несмотря на очередное поползновение Мартеллы подтасовать карты, допрос вновь показал, что и покушение на папу, и заговор против Болгарии готовились на американской территории. Это подтвердил и Пацвенца.

Когда свидетель принимался рассказывать о «Центре Милеутика» в СИСМИ, в задачу которого входило обрабатывать печать, используя субсидии ЦРУ (отсюда лились и потоки клеветы на Болгарию), судебный следователь делал вид, что не понимает, о чем идет речь:

Мартелла: — Мне непонятно, что общего имеет эта группа с покушением на папу?

Пащенко: — Это ясно из некоторых заявлений, с помощью которых хотели замешать и меня.

Мартелла: — Но ведь нет других показаний (против вас, — Ред.), кроме тех, что дал Пандико? .

Пащенко: — Да поймите же, что сказанного Пандико достаточно, чтобы мной занялась вся мировая печать.

Следует новая попытка Мартеллы повлиять на допрашиваемого на этот раз с определенной дозой угрозы.

Мартелла: — Я прибыл сюда, чтобы выслушать вас как свидетеля, в противном же случае я бы допрашивал вас как подследственного или обвиняемого. Хотите ли вы еще что-нибудь сообщить в связи с покушением на папу римского?

Далее в протоколе излагалось содержание бесед Пащенко с резидентом ЦРУ в Риме М. Лединым и шефом СИСМИ генералом Лугарези, но эту запись в протоколе Мартелла изъясил. К чему гадать, какие сведения содержались в этой части протокола, но, очевидно, немаловажные, раз их стоило снять. Продолжаем цитировать выдержки из 26-страничного протокола, при чтении которого в суде слишком часто звучала ремарка «текст опущен»:

Мартелла: — Вы говорите о причастности ультраправых групп к покушению на папу.

Пащенко: — 26 сентября 1984 г. я встретился в Нью-Йорке с агентами спецслужбы таможенного управления Каллиганом и Донованом, с которыми обменялся информацией. Мы говорили об итальянских террористах в Никарагуа и т. п. Каллиган сказал мне, что Стефано делле Кьяйе прибыл в Соединенные Штаты в сопровождении одного турка — дружка Агджи. Приезжал и уезжал, когда хотел. Этот дружок Агджи тоже из «серых волков». На мое замечание, что история с «болгарским следом» трещит по всем швам, не прореагировали. Я спросил, что связывает Делле Кьяйе с турком, но ответа не получил.

Мартелла: — Был ли этот турок идентифицирован?

Пащенко: — Они мне назвали имя, но я его не запомнил, потому что в то время как-то мне не казалось... (далее следует купюра в тексте, сделанная Мартеллой).

Хотя Пащенко отрицал свое личное участие в «обработке Агджи с целью привлечь его к фабрикации «болгарской версии», он заявил, что связь между Агджой и СИСМИ поддерживал сотрудник этой службы Л. Беллуччи. В рамках СИСМИ, повторил Пащенко, была создана специальная группа дезинформации, бюджет которой составлял полмиллиарда лир в год. Ее целью

было «распространение версий, служащих интересам секретных служб». По мнению Пащенко, покушение на папу — дело рук итальянских и турецких неофашистов. Пащенко хорошо знал и о тесных связях террористической организации «серые волки», в которую входил Агджа, с итальянскими ультраправыми и о том, что этот «альянс» пользовался покровительством американских властей.

Теперь широкой общественности становится ясно, почему американские друзья Пащенко не только лишили его своего покровительства, но и организовали на него настоящую охоту. Случайно или нет, но Пащенко слишком многое стало известно о подготовке заговора в США. После того как Пащенко дал понять, что деятельность правого экстремиста Стефано делле Кьяйе для него не секрет, то даже американский посол на Сейшельских островах, где аферист нашел себе убежище, оказал помощь прибывшим агентам в его задержании. Особенно раздражило всю свору заговорщиков сообщение о том, что Пащенко передал какие-то документы французскому адвокату Кристиану Рулету — автору книг «След» и «Процесс», в которых содержатся обличительные сведения об американском следе.

Французский юрист и журналист К. Рулет также был выслушан на судебном заседании в «Форо Италико», куда он прибыл по собственному желанию. Вопросы судей в адрес Рулета касались главным образом того, кто и как передал ему упомянутые документы Пащенко и как он, Рулет, собирал материалы для своих книг. Дело в том, что Пащенко, будучи высокопоставленным чиновником СИСМИ, хранил в своем сейфе папку засекреченных документов о турецком террористе Агдже, а затем сумел припрятать это досье в Париже. Угодив в нью-йоркскую тюрьму, Пащенко распорядился, чтобы названное досье попало в руки парижскому адвокату Кристиану Рулету и направил тому подробное письмо. Приводим его в сокращении:

«Дорогой господин Рулет! У меня не было возможности прочесть вашу книгу «След», но я, разумеется, в курсе того, что вы назвали именно меня автором этой недурной идеи — с помощью Агджи оклеветать болгар. И все же, уверяю вас, идея принадлежит не мне. Я намерен не полемизировать, а просто-напросто показать, откуда проистекает подобное заблуждение.

Прежде всего о датах. Мне пришлось покинуть СИСМИ в марте 1981 г. В мае и руководитель СИСМИ, генерал Джузеппе Сантовито, был отправлен в «отпуск», а в июле окончательно смещен с этого поста из-за принадлежности к ложе «П-2». Такая же судьба постигла и генерала Пьетро Му-

зумечи; руководство СИСМИ перешло к генералу Нино Лугареци. Обработка Агджи, проведенная в тюрьме города Асколи-Пичено, — это целиком заслуга «нового», «хорошего», «очищенного» СИСМИ под руководством генерала Лугареци. Особенно отличились в этом деле полковник Армандо Спортелли и генерал Паскуале Нотарникала, шефы отделов.

...Если вам известны свидетельские показания старшины карабинеров Франческо Гуарачино, командира внутренней охраны тюрьмы, то вы легко могли убедиться что ноги моей в этом заведении никогда не было. Это подтверждают и свидетельские показания генерала Сантовито перед парламентской комиссией по расследованию деятельности ложи «П-2» от 29 февраля 1983 г. Прочитую: «Пацэнца не имеет ничего общего с тюрьмой в Асколи-Пичено... Этим делом занимались полковники Бельмонте и Титта...»

Теперь о Майкле Ледине. Этот благовоспитанный человек знал генерала Сантовито и работал с ним задолго до нашего знакомства... Точно так же, кстати, как и госпожу Клэр Стерлинг. С 1979 г. Ледин связан со вторым бюро СИСМИ, которое возглавляет полковник Спортелли, а также с руководителем нью-йоркского отделения СИСМИ полковником Марчелло Кампьюне. Оба они остались на своих постах и при генерале Лугареци...

Как я могу судить из газет, предполагаемое натаскивание Агджи проводилось с конца 1981-го и продолжалось добрую часть 1982 г. Вспоминаю: 24 февраля 1982 г. я позвонил Ледину домой... Тот слушал меня рассеянно. И вдруг поразил новостью, что СИСМИ как раз сейчас проводит «невероятно трудную» операцию, намереваясь расшифровать, кто нанял Агджу для покушения на площади Святого Петра... Я отлично знал, что отношения между Лединым, Кампьюне и Спортелли остались без изменений, тогда как меня явно было решено принести в жертву. Вот что побудило меня в течение 1983 г. собрать документы по самым разным вопросам и заверить их нотариально. Одно из этих досье, помеченное 1 марта 1983 г., так и называется: «Агджа — СИСМИ». Рассчитываю, что вы сумеете его оценить.

... Если устранить меня, если заставить меня замолчать, станет возможным списать на меня все грехи СИСМИ, и главное — историю с Агджой. Когда американцы предали меня и бросили в тюремный изолятор, Агджа немедленно понял это как «зеленый свет» — валить все на Пацэнцу. Меня держат в тюрьме по обвинению, которое министерство юстиции США в 1983 г. квалифицировало как несостоятельное... Меня

хотят устранить со сцены, так как я владею секретами, которых не должен бы знать. Вот и все. С дружеским отношением к вам.

Франческо Пащенко».

Конечно же, далеко не все утверждения Пащенко в его письме парижскому адвокату можно принять на веру, без поправок. Разница между «старым» и «новым» СИСМИ, на которую так упирает Пащенко, в действительности весьма относительна. Многие прежние сотрудники если и «покинули» СИСМИ, то чисто формально. Тот же Пащенко, вроде бы ушедший в марте 1981 г., тем не менее в мае, уже после выстрелов Агджи, продолжал пользоваться своим служебным кабинетом и звонил в Ватикан кардиналу Марцинкусу с прежнего телефона. Стоит обратить внимание на мелькнувшую в письме фамилию полковника Титта. Это и есть тот самый «майор Петручелли», что в декабре 1981 г. нанес Агдже в его камере первый официально зарегистрированный визит. А сколько еще было неофициальных визитов до и после этой даты?

Неофициальные визиты в тюрьму в Асколи-Пичено наносил и сам генерал Музумечи. Это подтверждено как минимум тремя свидетелями. Однако генерал упорно все отрицал — именно на том основании, что, дескать, «был уже не у дел». Суд склонен был принять эту сомнительную формулировку за чистую монету. Но в том-то и соль, что «новое» СИСМИ, приняв эстафету из рук предшественников, именно им и поручило самую деликатную миссию как раз потому, что те формально оказались «не у дел» и были вовсе не прочь выслужиться снова...

Как ни парадоксально, все это не только не умаляет, а, напротив, повышает ценность свидетельств Франческо Пащенко. Вот где, пожелай того судьи, открылся бы простор для очных ставок, сопоставления показаний и вопросов — короче, для разоблачения лжи и выяснения истины. Но показания Музумечи под предлогом «сохранения государственной тайны» были заслушаны в основном при закрытых дверях, а допрос Пащенко в Нью-Йорке было поручено вести человеку давно запятнавшему свое имя сотрудничеством со спецслужбами, как отечественными, так и заокеанскими, — Иларио Мартелле.

На первом же заседании после нового, 1986 г. планировалось заслушать речь прокурора. Однако при той огласке, какую получило парижское досье Пащенко, обвинителю пока пришлось повременить. Римский суд милостиво пригласил К. Рулета выступить в качестве свидетеля. Хотя судьи в бункере «Форо Италико» задавали парижскому адвокату несколько странные вопросы. Были сделаны попытки умалить значение

самого письма под предлогом, что оно якобы «не содержит ничего нового и уже находилось в распоряжении суда и некоторых журналистов». Но лишь после того как письмо было предъявлено суду Рулетом, его официально включили в судебный протокол. Таким образом, суду придется принять его во внимание и высказать свое мнение по поводу приведенных в нем фактов. А они чрезвычайно серьезны и стоит вновь повторить их вкратце. Во-первых, версия о «болгарском следе» была придумана итальянскими секретными службами, и в частности особым отделом, который Пащенко называет «центр Милеутика». Это центр дезинформации, специально созданный с целью оказания влияния на общественное мнение и органы печати и направления их в желаемое для этих служб русло. По свидетельству Пащенко. ответственными за это были наследник Сантовито генерал Лугарези и его помощники полковник Спортелли и генерал Нотарникола. В письме Пащенко проливает свет на внутреннюю борьбу в спецслужбах, соперничество, угрозы, наносимые друг другу удары. Во-вторых, в показании Пащенко, как и в его письме, говорится о том, что в покушении на папу замешан разыскиваемый в настоящее время, участвовавший во многих криминальных историях правый экстремист, итальянский неонацист, поддерживавший близкие отношения с турецкими «серыми волками» Стефано делле Кьяйе. По мнению Пащенко, это открытие стало причиной угроз и посягательств на его жизнь. Из-за этого разоблачения он стал кое-кому неудобен, так как «узнал тайну, которую ему не следовало знать».

Свидетель Рулет предоставил суду решать вопрос о значимости сделанных в письме Пащенко разоблачений, в том самом письме, к которому он сначала отнесся с недоверием. Но его подлинность подтвердил сам Пащенко перед журналистами из «Уолл-стрит джорнэл», а также в специальной телеграмме, посланной суду.

Почему Кристиан Рулет приехал в Рим, почему он написал свои книги? На эти и подробные вопросы он ответил с большим достоинством, подчеркнув, что остался верен добрым традициям французских юристов-демократов, которые всегда были готовы защищать несправедливо обвиненных и преследуемых. Что же касается его книги «Процесс», в декабрьском, за 1985 г. номере влиятельной парижской ежемесячной газеты «Монд дипломатик» можно прочитать следующее: «Ныне почти излишне доказывать несостоятельность версии о «болгарском следе» в связи с покушением на папу Иоанна Павла II». Остановившись на первой книге Рулета «След», газета подчеркивает, что во второй книге «Процесс» автор рассматривает еще более серьезные и смущающие всех вопросы, например о том, «как итальян-

янская магистратура могла всерьез заниматься бредом раскаявшегося террориста».

Разоблачения Пандико и признания Агджи о встречах с Пацзенцей, как подчеркнул итальянский журналист Джулио Обичи, открыли дорогу к «итальянскому следу», так усердно проложенному СИСМИ. Но трасса эта отмечена знаком «высокое напряжение» и по вполне понятным причинам осталась вообще не затронутой судьей-следователем. Мартеллой. В этом отношении не является исключением и большая часть итальянских газет, радио и телевидение, которые много лет хранили молчание о таких важных проблемах, как, например, треугольник «СИСМИ—каморра—Агджа». В этой связи газета «Паэзе сера» отмечала, что большинство итальянских газет расценивают слова террориста как «разоблачения», когда он нападает на Болгарию, и как «бред», когда заходит речь о СИСМИ и масонах.

В свете этих разоблачений становится ясно, к кому обращался террорист, предупреждая о необходимости соблюдать свои обещания и заявляя суду, что Эммануэла Орланди похищена тайной масонской ложей «П-2» с целью освободить его из тюрьмы. Выше уже говорилось о том, как манипулируемый террорист Агджа, подчиняясь правилам, навязанным ему его окружением, пытался изворачиваться, отходить от заранее согласованного сценария, угрожать и шантажировать своих хозяев и сообщников. «Дело Орланди», письма Агджи папе римскому и в посольство США в Риме наглядно демонстрируют не только результаты обработки «главного свидетеля обвинения по делу о соучастии болгар в покушении на Иоанна Павла II», но и противодействие, которое оказывал Агджа своим партнерам.

Вновь вернемся в ставшую теперь известной всему миру тюрьму в г. Асколи-Пичено. В одиночной камере этой образцовой тюрьмы турецкий неонацист смотрел осенью 1982 г. посвященный ему телевизионный фильм американской компании Эн-Би-Си.

На экране кадры, запечатлевшие городок Малатиа, в котором прошло его детство. Сорокапятилетняя мать преступника Мюззейён Агджа рыдала во дворе своего домика перед телекамерами журналистов: «Если бы его отец не умер так рано, мой сын был бы крестьянином». Вдова на всякий случай отрицала даже очевидные вещи и была совсем неискренна в своих заявлениях на глазах полиции, прессы и местных зевак. Мать Агджи не могла не знать, что за убийство журналиста А. Ипекчи на банковский счет ее сына в Стамбуле в качестве аванса поступило 10 тыс. долларов и что тот взял их из банка 4 января 1979 г. Полтора месяца спустя она по просьбе сына сама вне-

сла на собственный счет в банке своего городка Малатиа небывало большую для нее сумму — 100 тыс. лир (5 тыс. долларов). На этот же счет и потом продолжали поступать очередные крупные суммы от неизвестных ей лиц. У Агджи к 1982 г. было пять счетов, хранившихся в различных банках Турции, не говоря о неустановленных, охраняемых банковской тайной счетах в других странах.

Мотаясь месяцами по западноевропейским городам, Агджа истратил только на оплату гостиниц и транспорт более 50 тыс. долларов. Итальянской полицией через Интерпол установлено также, что Агджа никогда и нигде не имел легальных источников дохода, не работал, не занимался финансовыми махинациями. Платили ему щедро.

В начале 1983 г., находясь в тюрьме, он получил от матери письмо, где она писала о своих трудностях и о том, что долларовые поступления прекратились. Но вскоре с воли ему был подан ободряющий знак — о нем думают, помнят и пытаются предпринять что-либо для его освобождения. Уже переведенный из городка Асколи-Пичено в римскую тюрьму «Реббибия», Агджа мог не раз слышать доносившийся с улицы вой полицейских сирен — начались продолжавшиеся много месяцев облавы с целью поимки террористов, похитивших дочь привратника нынешнего папы 15-летнюю Эммануэлу Орланди, одну из жительниц государства Ватикан. Миловидная школьница из семейства потомственных служителей римских пап исчезла 22 июня.

Через несколько дней в столичное бюро пресс-агентства АНСА позвонил по телефону некий мужчина, говоривший по-итальянски с отчетливым иностранным акцентом, и объявил, что его сообщники возвратят Эммануэлу невредимой лишь при условии освобождения приговоренного к пожизненному тюремному заточению турецкого террориста Агджи. Вслед за тем похитители девушки, обзвонив повторно несколько местных газет, пригрозили, что в случае отказа властей амнистировать Агджу юная Эммануэла будет убита. Безрезультатно сам папа римский восемь раз обращался с молитвенным воззванием к преступникам, призывая их отпустить заложницу. По всему Риму расклеили 3 тыс. плакатных снимков Эммануэлы с призывом помочь ее разыскать и сообщить о местонахождении жертвы провокации. Полиция, прочесывая на авось городские кварталы блокированного войсками города, надеялась найти тайник с похищенной девочкой. Но все это не дало результата. Бандиты в одном из телефонных разговоров намекнули, что Эммануэла уже вывезена за пределы Италии. И, будто издеваясь над представителями властей и считая себя совершенно неуязвимыми, направили по почте в

римскую газету «Мессаджеро» открытое письмо, позволяющее догадаться, кто его сочинители и где их следует искать. На конверте — круглая печать почтового ведомства ФРГ, две западногерманские почтовые марки и штамп пункта отправки во Франкфурте-на-Майне. Письмо гласило: «Мы вновь предостерегаем итальянские власти и Ватикан. Немедленно освободите Мехмеда Али Агджу, Сердара Челеби и других наших друзей! Иначе мы, начав с Эммануэлы Орланди, осуществим следующие карательные акции. Учтите, что мы можем теперь добраться и до вас!» Что касается домогательств франкфуртских соратников Челеби и Агджи освободить вдобавок их «других друзей», то в Италии сидит за решеткой третий «серый волк» — турок Омер Багджи, вручивший Агдже браунинг для убийства папы римского. Относительно авторства письменного ультиматума террористов директор государственного телевидения Италии заявил: «К похищению Эммануэлы, очевидно, причастны «серые волки». Ясно, что это было не рядовое похищение. Бандиты не требовали денежный выкуп, как обычно, а ставили явно невыполнимое условие, несколько раз в течение полугода назначая новые сроки своих ультиматумов. Беспрецедентная наглость похитителей, связавших воедино вопрос о жизни и смерти безвинной девушки с интригами вокруг профессионального убийцы Агджи и угрозами в адрес папы римского, держала жителей итальянской столицы в состоянии нервного напряжения. Все это напоминало страшные весенние месяцы 1978 г., когда был похищен и убит лидер ХДП Альдо Моро.

Имя преступившего все границы лжеца, как назвала его римская газета «Унита», Агджи вновь оказалось на первых полосах западной печати. «В последнее время, — писала итальянская газета «Паэзе сера» (10.7.1983), — «разоблачения» турецкого террориста вызывали все большее недоверие». Заинтересованные круги постарались гальванизировать, оживить интерес к провокационным рассказам Агджи. В результате родилась и была осуществлена идея организации встречи Агджи с представителями газет и телевидения Италии. Преступник с видимым Удовольствием изложил журналистам многое из того, что до этого попадало в прессу через вторые и третьи руки. Поводом Для якобы импровизированной встречи с полусотней репортеров послужило прибытие Агджи из тюрьмы в здание римского полицейского управления для дачи показаний.

... Вечернюю тьму разрезает свет юпитеров телеэлектроники и бличков фотоаппаратов. Молодой человек в спортивном тренировочном костюме, сложив молитвенно руки, так что не сразу заметны металлические браслеты на запястьях, что-то истошно

кричит. Итальянцам было чему изумиться: 9 июля 1983 г. перед ними впервые предстал на телеэкране осужденный к пожизненному заключению преступник — турецкий неонацист Мехмед Али Агджа. «Я осуждаю покушение на папу!» — тут же следует молитвенный наклон головы, руки, блеснув оковами, воздеваются к лицу. И опять крик. Но вдруг замолкает и прислушивается... Короткий кивок головы, на этот раз явно не молитвенный: мол, вас понял. И снова в крик: «Я несколько раз был в Болгарии и Сирии...» На вопрос, знает ли он Сергея Антонова, Агджа ответил: «Я знал Сергея, он был моим соучастником». «Я против терроризма!» — выкрикнул террорист Агджа, когда его повели к полицейской машине.

В ответ на вопросы журналистов о том, кто стоял за покушением на папу, Агджа кричал через окно бронированного автомобиля: «Я уже говорил, что покушение на папу было совершенно болгарскими службами!»

«И Антоновым?» — спросил один из журналистов.

«Да, и Антоновым», — ответил Агджа.

Адвокаты Антонова сразу же подали жалобу на официальных служащих за то, что они позволили Агдже говорить с журналистами по вопросам, представляющим по закону тайну. Как же дошло до того, что Агджа, который до сих пор не выходил из тюрьмы, вдруг оказался перед телевизионными камерами? До этого момента следователи и специалисты разведки сами, не ленись, посещали Агджу в тюрьме и там за решеткой тщательно разрабатывали сценарий его запоздалых «раскааний». Оказывается, в этот раз его вызвали в качестве свидетеля (!) по делу, расследуемому римским полицейским управлением. Речь шла о похищении Эммануэлы Орланди, о деле, которое было в тени, пока похитители не предъявили ультиматум: «Освободите Агджу и, если он захочет, разрешите ему поселиться где-нибудь в Западной Германии». Кому же было нужно, чтобы убийца предстал перед публикой и устроил перед десятками миллионов телезрителей (этот «репортаж» был затем показан во многих странах Западной Европы) клеветнический спектакль по предварительно разработанному сценарию?

До сих пор ни один из приговоренных в Италии к пожизненному заключению преступников не покидал тюрьму для «дачи показаний». В случае необходимости следователи допрашивали их непосредственно в тюрьме. Организованное же летом 1983 г. провокационное «шоу», которое даже сумели заснять «случайно оказавшиеся на месте» операторы итальянского телевидения, представляло собой откровенную провокацию, свидетельствовавшую о попытках разжечь в стране антикоммунистическую истерию. Министр юстиции Италии

назначил расследование противозаконной встречи турецкого террориста с представителями средств массовой информации. «Те, кто допустили это, — заявил министр, — будут привлечены к ответственности независимо от занимаемого поста». «Как всегда, ворота конюшни закрывают после того, как все лошади уже разбежались», — иронически заметила по этому поводу «Паэзе сера» (10.7.1983). Газета считала, «то в министерстве юстиции прекрасно осведомлены о том, кто санкционировал такую встречу».

Орланди была похищена именно в тот день, когда Ватикан обнародовал письмо Агджи папе римскому из тюрьмы строгого режима в Асколи-Пичено, где он тогда находился. В этом послании турецкий террорист вновь просил прощения за свое преступление (папа Иоанн Павел II простил его буквально через несколько дней после покушения), а также намекал, что в тюрьме с ним не очень хорошо обращаются. По мнению ряда итальянских юристов, не исключено, что Агджа пытался таким образом шантажировать тех, кто обещал ему скорую свободу за «создание» «болгарского следа». «Если я в ближайшее время не буду освобожден, то расскажу и все остальное» — таков был смысл его послания для «идейных вдохновителей» «болгарского следа». Для того чтобы успокоить террориста и доказать ему «серьезность» своих намерений, была похищена Орланди и в обмен на ее освобождение было выдвинуто требование освободить Агджу.

Новое предупреждение в адрес своих хозяев Агджа сделал летом 1983 г., направив письмо из тюрьмы (по неизвестным тайным каналам письмо было опущено 5 августа в почтовый ящик в римском квартале Номентано) в адрес военного атташе посольства США в Риме полковника Роберта Коста. 18 января 1985 г. полный текст этого послания (три машинописные страницы перевода с турецкого на итальянский) был опубликован сначала в итальянской газете «Република», а затем широко комментировался в мировой печати. Американское посольство вынуждено было подтвердить существование такого письма, а судебные графологи идентифицировали по копии письма почерк Агджи. Цитаты из обращения Агджи к американскому военному атташе очень интересны.

«Вы сказали мне: «Говори!» И я заговорил... Лично я готов предстать на процессе. Со своей стороны вы приготовьте план для прессы. ... Если меня и впредь будут принимать за лжеца, свободный мир солжет сам себе. Это значит, что генеральное сражение холодной войны выиграют русские... Я уже высказывал Вам мою огромную благодарность и уважение. Спасибо»

бо. В течение последних двух лет Вы сделали все необходимое, исходя из наших общих дружеских интересов». Кроме «дорогих американских друзей» в письме к месту, а иногда просто невпопад упоминались французские и американские спецслужбы, ряд фамилий предателей-отщепенцев из НРБ («Вы заставили их говорить, но не достигли цели: они не смогли никого убедить. Прошу найти новых и более способных»). Социалистическим странам приписывались конкретные акции международного терроризма. Агджа вспомнил о своих неудавшихся планах ликвидировать при поддержке «иранских коммунистов» и «советского дипломата» американских заложников в Иране с целью спровоцировать американо-иранский вооруженный конфликт, а также не преминул повторить весь набор своих дежурных измышлений о «происках Кремля» и о «болгарском участии» в организации покушения на папу. В заключение письма Агджа настойчиво просил помочь ему получить свободу, а также швейцарское или французское гражданство. Даже если согласиться с тем, что Агджа не был знаком лично с военным атташе Р. Коста, как утверждает последний, то самим фактом отсылки письма Агджа намекал на то, что он может направить подобное послание прямо в адрес тех людей, которых он знал в качестве своих «работодателей» — ведь до конца 1985 г. он не назвал судьям никого выше С. Челеби. Позднее сам Агджа заявил, что написанное было плодом его фантазии. Однако из всего этого видно, что, находясь в тюрьме, причем, как предполагается, в режиме строжайшей изоляции, Агджа продолжал поддерживать постоянную связь с некоторыми кругами и службами за тюремными стенами и пытался направлять антиболгарскую кампанию через посольство США в Риме, которое он, очевидно, считал наиболее заинтересованным в разрывании этой кампании.

«В процессе против Агджи появляется американский след» — под таким заголовком в газете «Республика» было помещено письмо Агджи с комментарием журналиста Франко Скотони, с мнением которого стоит ознакомиться^ «Непубликованный ранее документ, который судья-следователь Мартелла в своем обвинительном акте назвал «мистификацией», представляет собой неопровержимое доказательство того, что, находясь под круглосуточным наблюдением в тюрьме «Реббия» — римская тюрьма, в которую он был переведен из тюрьмы «Марино дель трон-то» в г. Асколи-Пичено для ведения д-ром Иларио Мартеллой следствия против болгар, — турецкий убийца мог беспрепятственно посылать оттуда письма, несмотря на строгий режим изоляции. Проводится ли в тюрьме «Реббия» расследование для установления личности тех, кто вынос!Л письма? И если нет, то чем вызван этот недосмотр?

Сегодня уже хорошо известно: расследование не начато и не будет начато. А что касается причин, то они предельно ясны. Объективное расследование контактов Агджи с внешним миром могли раскрыть подлинных авторов мифа о «болгарской связи» и сорвать долго готовившуюся шумную судебную инсценировку, в ходе которой номинально осуждено несколько частных лиц, в том числе и трое болгар, но которая в действительности направлена против государств социалистического содружества.

Д-р Иларио Мартелла встает в позу обиженного, когда речь заходит о том, что он или марионетка, или сознательный участник скандальной международной провокации. Но если это не так, если он действительно принципиальный, беспристрастный и справедливый судья-следователь, то почему же в ходе следствия о предполагаемом «болгарском следе» он ни разу не проверил ни одного очевидного следа, подтверждающего, что лже-свидетельские показания Агджи против болгар кем-то подсказаны, что им умело манипулируют?»

АРЕСТОВАН АНТОНОВ

«История богата явно состряпанными провокациями во имя реакционной и милитаристской политики».

Анри Аллег, французский журналист. Из его предисловия к книге Бояна Трайкова «Правда об Антонове» (Париж, 1985).

25 ноября 1982 г. все мировые Информационные агентства передали из Италии сенсационное сообщение итальянского информационного агентства АНСА:

«Сегодня в Риме был арестован заместитель представителя болгарских авиалиний «Балкан» в Риме. Итальянская полиция арестовала Сергея Антонова в бюро «Балкан» около 10 часов утра.

Он обвиняется в активном соучастии в покушении на папу, совершенном 13 мая 1981 г. турецким террористом Мехмедом Али Агджой.

Антонов задержан для допроса в римской полиции, но представитель полиции не сообщил никаких, подробностей о том, в чем же точно он обвиняется.

Итальянская полиция сообщила, что Сергей Антонов серьезно замешан в заговоре против папы Иоанна Павла II, так как снабдил стрелявшего в папу человека оружием и обеспечил ему поддержку. Полицейские инспекторы, проводившие обыск в канцелярии авиалинии «Балкан» и в квартире арестованного, заявили, что конфисковали много интересных документов на болгарском языке. Уже начат допрос арестованного, но подробности до сих пор не сообщаются в печати: Неясно также и то, каким образом власти заподозрили заместителя представителя болгарской авиакомпания в Риме и как собрали достаточно улик, чтобы получить ордер на его арест.

Ордер был выдан римским судьей-следователем Мартелой — одним из тех, кто убеждал правительство в том, что вынесением приговора Мехмеду Али Агдже не следует заканчивать следствие о покушении на папу. Недавно судья Мартелла посетил Соединенные Штаты».

На следующий день западные буржуазные агентства развили антиболгарскую версию покушения в Ватикане. По их словам, кроме наемного убийцы Агджи, перед которым стояла задача убить папу Иоанна Павла II, на площади Св. Петра во второй

половине дня 13 мая 1981 г. находилось еще двое лиц — болгарин Сергей Антонов и еще один мужчина, обеспечивавший прикрытые и дважды стрелявший из пистолета.

Задача болгарского служащего Антонова якобы заключалась в том, чтобы как можно скорее увезти Агджу с площади Св. Петра на стоявшей неподалеку автомашине. Кроме того, Антонов должен был предоставить приехавшему в Рим террористу убежище, а после покушения помочь ему покинуть Италию.

Однако начальник отдела итальянской полиции по борьбе с терроризмом (ДИГОС) Андзуино Андреатти опроверг эти утверждения: «Подобная версия происшедшего абсолютно неверна и выдумана».

В полицейском управлении Сергей Антонов отказался принимать пищу. На зачитанные ему обвинения он ответил: «Все это выдумки».

Накал антиболгарской кампании нарастал. Субботние итальянские газеты 27 ноября 1982 г. охарактеризовали арестованного служащего болгарской авиакомпании как ключевую фигуру, которая, быть может, руководила покушавшимся на папу Агджой и другими участниками события, происшедшего 15 мая 1981 г. Крупнейшая римская газета «Мессаджеро», ссылаясь на неизвестные полицейские источники, назвала С. Антонова «руководителем» покушения, в котором участвовали по крайней мере еще четыре заговорщика. Некоторые слухи, в изобилии появлявшиеся в буржуазных газетах, римские следователи вынуждены были опровергнуть сразу. Так, например, лопнул как мыльный пузырь слух о том что жена Антонова, играла куда более важную роль в заговоре, чем он сам. В конце концов было опровергнуто и то, что Антонов-де имел большую сумму денег, которая была найдена полицией в одном из сейфов в аэропорту Фьюмичино.

29 ноября 1982 г. судья-следователь Иларио Мартелла, который с самого начала вел следствие по делу о покушении на папу Иоанна Павла II, выдал ордер на арест еще одного болгарина — Тодора Айвазова. В причастности к покушению стали обвинять еще одного болгарского гражданина — Желью Василева.

ПРАВДА ПРОТИВ ЛЖИ

Болгарская сторона незамедлительно выступила с официальным протестом против необоснованного ареста Сергея Антонова, потребовала его освобождения и прекращения клеветнической кампании против Народной Республики Болгарии. Напря-

женную атмосферу тех дней хорошо передает стенограмма публичного выступления генерального директора Болгарского телеграфного агентства (БТА) Бояна Трайкова 17 декабря 1982 г. в Софии:

«Открываю пресс-конференцию. Благодарю вас за то, что вы откликнулись на приглашение. Приятно отметить такое массовое участие. Здесь присутствуют около 130 болгарских и свыше 150 зарубежных журналистов.

Я — Боян Трайков, журналист, ваш коллега. Я буду выступать перед вами как генеральный директор БТА, агентства, уполномоченного выражать отношение Болгарии по поводу необоснованного обвинения, выдвинутого против болгарского гражданина Сергея Антонова, болгарских граждан Тодора Айвазова и Жельо Василева, в том, что они причастны к покушению на главу римско-католической церкви папу Иоанна Павла II, по поводу клеветнических домыслов против Народной Республики Болгарии.

...В пресс-конференции участвуют и согласились отвечать на ваши вопросы Росица Антонова, Тодор Айвазов и Жельо Василев. Турецкий гражданин Бекир Челенк тоже будет участвовать в пресс-конференции.

Росица Антонова — супруга арестованного в Риме Сергея Иванова Антонова. Согласно некоторым западным газетам, она играла большую и чуть ли не руководящую роль в заговоре против папы.

Тодор Айвазов — заведует финансовой службой болгарского посольства в Риме. Он обвиняется в том, что встречался с турецким террористом Агджой, приводил его в свою квартиру, где уточнял с ним план покушения, привел его на площадь Св. Петра накануне и в день покушения, имея при себе гранаты и пистолет.

Жельо Колев Василев — майор Болгарской Народной армии, до недавнего времени был секретарем болгарского военного атташе в Риме. Он тоже обвиняется в том, что встречался с Агджой, был с ним на квартире Антонова и участвовал в организации покушения.

Уважаемые коллеги!

Мы собрались по исключительно неприятному поводу. Это действительно беспрецедентный случай. Без доказанной и установленной приговором вины в тысячах публикаций и передач западных средств массовой информации объявлены виновными в соучастии в покушении на папу Иоанна Павла II Сергей Антонов и другие болгарские граждане. Еще римское законодательство гласит, что каждый невиновен до тех пор, пока не доказана его виновность, а виновность доказывается вступившим в силу приговором.

Многие коллеги забывают этот древний человеческий закон и мораль. И кроме того, позволяют себе открыто, безапелляционно и, извините, зачастую бесстыдно осуждать болгарское государство, недопустимо чернить честь и достоинство болгарского народа.

Мы протестуем. Учитывая представительность этой аудитории, я хочу через вас выразить самый решительный протест.

Широко распространяемые «обвинения» с соответствующими «доказательствами» в адрес Антонова, Айвазова и Василева хорошо вам известны, и нет нужды повторять их. Вам известно, что они настолько несостоятельны, что не выдерживают больше одного дня. Хочу лишь напомнить вам случай с фотографией, сделанной во время покушения и распространенной во всем мире. Сначала утверждали, что на ней изображен Антонов. Затем появилось скупое, в одну строчку, сообщение о том, что это американский гражданин. Хочу напомнить вам о трех чедоданах с документами, о крупных денежных суммах и пистолете, якобы обнаруженных у Антонова, и т. д. Эти несостоятельные доказательства-однодневки вдалбливались миллионам людей.

Вам известны многие варианты показаний Агджи о том, что он был якобы исполнителем болгарского заговора, организованного Антоновым, Айвазовым и Василевым. С другой стороны, вам очень хорошо известны и категорические заявления Антонова, Айвазова и Василева о том, что они не знают Агджу, никогда с ним не встречались и не имеют абсолютно никакого отношения к покушению на папу. Как видите, вроде бы, известно многое, но это всего-навсего журналистские версии на базе так называемой «утечки информации» из римской судебной палаты, а то и просто плод фантазии.

Но нет ничего определенного, никаких официальных сообщений. Каковы основания для ареста Антонова и каким образом доказываются эти основания? Прошло более 20 дней с тех пор, как арестован Антонов, а мировой прессе не представлена официальная информация. Болгарская сторона до сих пор официально и аргументированно не информирована об обвинении, предъявляемом ее служащему в Итальянской Республике. Более 20 дней нашему представителю не разрешают встретиться с Антоновым, естественно, в присутствии итальянских властей, чтобы узнать о его состоянии, проявить элементарную человеческую заботу.

Почему мы заявляем, что Антонов абсолютно невиновен, и решительно требуем его немедленного освобождения, а тем самым и прекращения клеветы против Народной Республики Болгарии?

Вопрос долга для болгарского государства, чтобы каждому гражданину, оказавшемуся в беде, невзирая на его служебное или общественное положение, оказать соответствующую помощь и защищать его законные права, пока не будет доказана его виновность.

Учитывая особую важность случая, болгарские компетентные органы поручили группе специалистов всесторонне и комплексно изучить все обстоятельства, связанные с предъявляемыми болгарским гражданам и Бекиру Челенку обвинениями в какой-то причастности к преступному акту 13 мая 1981 г.

В результате тщательного изучения компетентные органы получили большое количество материалов, письменных доказательств, свидетельских показаний и т. д., из которых ясно, что:

Антонов не знает террориста Агджу, не встречался с ним и не имеет с ним ничего общего.

Антонов не знает никого, кто имеет прямую или косвенную связь с Агджой или вообще с покушением, не встречался и не , переписывался ни с кем из них.

Антонов во время покушения не был ни на площади, ни рядом с площадью Св, Петра.

То, что я говорю о Сергее Антонове, полностью относится и к Тодору Айвазову, и к Жельо Василеву.

Мы уверены в невинности Антонова, потому что после всех тщательных проверок установили, что в Болгарии нет такой организации или такого лица, которое приказало или могло бы приказать Антонову или кому-либо другому осуществить покушение на папу Иоанна Павла II.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что ни одно уважающее себя государство мира не допустит, чтобы данное лицо объявлялось виновным, пока оно не осуждено в законном порядке. Поэтому не может не произвести впечатление то, что шумиха, поднятая вокруг этого случая, помимо всего прочего, имеет целью оказать влияние на решения судебных органов Италии.

Болгарский народ и Болгария, отдающие все свои силы построению нового, социалистического общества и стремящиеся жить в мире, не имеют и не могут иметь никакого отношения к этим террористическим заговорам и действиям. Терроризм изначально несовместим с принципами и сущностью нашей политики, нашей идеологии, марксистско-ленинского учения, которое является знаменем нашей борьбы за социальный прогресс. Известно, причем очень хорошо, что мы отрицательно относимся к терроризму и, даже более того, своими действиями вносим вклад в борьбу с международным терро-

ризмом. Разве не известно об оказанном нами содействии при обезвреживании террористов, угнавших самолеты, о поимке четырех террористов и их передаче Федеративной Республике Германии и т. д. И за это нам неоднократно выражали признания и благодарность правительства и общественность других стран. Между прочим, вызывает удивление, почему сейчас те, кому мы помогали в борьбе с терроризмом, не вспомнят факты и не представят их снова общественности своих стран.

Уважаемые коллеги!

Ясно, что ведется определенная, широкая и активная антиболгарская и антисоциалистическая кампания, очевидны ее организованность и направленность, ее внутренний механизм, этапы развития, выбор времени ее осуществления из чего с полным основанием можно сделать вывод, что эта антиболгарская кампания предварительно обдумана и спланирована.

Вы спросите: кем? Не могут не произвести впечатление факты: начало было положено три месяца назад в статье, помещенной в американском журнале «Ридерс дайджест»; затем последовал «документальный фильм» американской телевизионной компании Эн-Би-Си, потом расследование специальной комиссии конгресса США, которая «следит» за соблюдением хельсинкских договоренностей и которая упрекает итальянский суд в том, что он не видит «болгарский след» в покушении на папу. После этого совершенно необоснованно, но с большим шумом был обвинен Сергей Антонов.

Подчеркну еще раз. Для нас «римский случай Антонова» является беспрецедентной политической провокацией против Народной Республики Болгарии, направленной на развязывание поистине небывалой антиболгарской и антисоветской кампании.

С какой целью?

Прежде всего повлиять на чувства миллионов католиков во всем мире, вызвать у них ненависть к коммунистам, которые якобы осуществили покушение на святого отца.

Вытеснить с первых страниц западных газет статьи в заголовках которых часто встречаются слова «инфляция», «безработица», «першинги», «МХ» и др. и заменить их сенсационными сообщениями о покушении на папу и об участии в этом деле болгар. Другими словами, отвлечь мысли трудящихся и общественности от проблем социально-экономического кризиса в капиталистических странах, от новых решений НАТО о сверхвооружении.

Переложить с больной головы на здоровую такое органически присущее капитализму явление, как терроризм, стараясь

доказать, что он — неотъемлемая часть политики социалистических стран.

Омрачить надежды на прочную разрядку, на международное взаимопонимание и сотрудничество.

Дискредитировать в сознании людей мира политику, очернить социалистическую Болгарию и другие страны социалистического содружества.

Вероятно, есть и другие цели. Но для объяснения провокационной кампании, развязанной против социалистических стран, мне кажется, достаточно и этих.

В заключение, уважаемые коллеги, хочу выразить надежду, что итальянские судебные органы и персонально Иларио Мартелла будут принципиальными и справедливыми, Антонов будет освобожден и клеветническая кампания против Болгарии и других социалистических стран прекращена. Хочу выразить уверенность в том, что хорошие дружественные отношения между Народной Республикой Болгарией и Итальянской Республикой не будут омрачены, что они будут развиваться все благотворнее при взаимном уважении болгарского и итальянского народов».

22 декабря 1982 г. в Москве для советских и иностранных журналистов в пресс-центре МИД СССР состоялась пресс-конференция по международным вопросам. Отвечая на вопрос о распространяемых на Западе клеветнических утверждениях о том, что Болгария якобы замешана в покушении на главу римско-католической церкви, представители ЦК КПСС заявили, что это явно сфабрикованная ложь, цель которой — очернить социалистические страны, и в первую очередь Болгарию и Советский Союз. В этой нечистоплотной кампании нет ни грана истины, эта сенсационная фальсификация направляется и координируется спецслужбами НАТО. Вымыслы о том, что в социалистических странах якобы имеются какие-то круги, замешанные в террористических актах, абсурдны. Советский Союз, как и Болгария, категорически отвергает эту клевету. И если измышления о Советском Союзе и Болгарии продолжают фабриковаться, то это является сознательно проводимой линией на нагнетание международной напряженности.

В странах НАТО была развязана злостная пропагандистская кампания, не имеющая себе равных по интенсивности и масштабам. Авторы этой лживой кампании без тени сомнения заявляли в тысячах публикаций, что Антонов виновен. Но их утверждения на этом не заканчивались, а имели следующее продолжение: Антонов якобы выполнял поручение «болгарских секретных служб», которые связаны с советскими. На пресс-конференции были приведены убедительные факты, разоблачаю-

щие лживый характер этих «обвинений» и действия организаторов провокации.

Отправимся же по горячим следам большой клеветы 1982 г. Рассмотрим «аргументы» ее многочисленных авторов и сопоставим их с фактами и элементарной человеческой логикой.

Еще 26 ноября радиостанция Би-Би-Си объявила: «Арест Антонова означает: по мнению итальянских властей, есть доля правды в версии, что в покушении замешана восточная секретная служба».

26 ноября английская газета «Гардиан» сообщила: «Так как уже известно, что Агджа находился в Софии, то болгарская связь не столь неожиданна». Возникает вопрос: если Агджа, бежавший из тюрьмы в Турцию, проехал по дороге в Рим не только через Болгарию, но и через Францию, Швейцарию, ФРГ и еще несколько западных стран, то почему ни в одной публикации буржуазной печати не говорится о «французской», «швейцарской» и какой-либо еще связи? Вместо этого агентство Франс Пресс 26 ноября извещает: «Арест Антонова впервые совершенно определенно (?!) подтвердил многократно выдвигавшееся утверждение, что речь идет о покушении, совершенном по приказу из социалистической страны».

Итальянская «Аванти!» многозначительно заявила: «Когда речь заходит о терроризме, то все следы ведут на Восток».

Стоит обратить внимание на то, как всего день спустя после ареста Антонова в обращение пускаются два клеветнических утверждения: покушение на папу римского является делом Болгарии; терроризм, буквально заливший кровью Италию, да и другие западные страны, не внутренняя проблема этих государств, а внесенная извне социалистическими странами.

Конечно, для большей правдоподобности клевета должна подкрепляться чем-то похожим на факты. Судья-следователь Мартелла хранил полное молчание, но итальянские и другие западные газеты начали помещать на своих страницах все больше «подробностей», которые преподносились по всем правилам психологической войны: огромные заголовки на первых полосах, набранные крупным шрифтом сообщения. Итальянское информационное агентство АНСА давало самые «исчерпывающие» сведения: «Агджа прибыл в Рим утром 11 мая и остановился в отеле «Имка» на площади Индепендия. 12-го утром он выехал из отеля и переместился в пансион «Иса» на улице Чичероне, где на его имя был забронирован номер». Бесчисленное число газет «дополняли»: номера в гостиницах бронировал для него Антонов!

Но позвольте! Какой же «тайный агент», готовящий столь серьезное покушение, будет бронировать номер на имя тер-

рориста? К тому же террориста, которого Интерпол разыскивает везде и всюду. Может быть, «болгарский агент» по недомыслию оставил за собой следы? Дальше мы увидим, в скольких местах оставлены ставшие явными следы... другими.

27 ноября парижская газета «Франс-суар» ошеломила новостью: «Судья Мартелла напал на след Антонова благодаря фотографиям, сделанным во время покушения». Очень интересно, что же это за фотографии? Итальянский журнал «Оджи» первым опубликовал «самую важную из всех», сделанную за считанные секунды до покушения на площади Св. Петра, — на ней в окружившей папу Иоанна Павла II толпе виден мужчина с усами и в очках. Цветная фотография, хотя и была сделана туристом, а не профессионалом, получилась в техническом плане на редкость четкой и ясной. Она обошла самые разные газеты и журналы. Правый французский еженедельник «Пари-матч» поместил ее на двух страницах, снабдив подписью: «Болгарин тайно следит за папой». Через несколько дней было официально объявлено: на фотографии изображен не Антонов, а американский турист. Это сообщение заняло в печати всего пару строк...

На фоне все более шумного клеветнического хора прозвучал все же один отличающийся от других голос — это голос начальника отдела итальянской полиции по борьбе с терроризмом АндREATТИ: «Любое упоминание о заговорах, якобы подготовленных международными органами, лишено каких бы то ни было доказательств и оснований».

В то же время Болгарское телеграфное агентство выступает с заявлением протеста против клеветы в адрес Антонова, Болгарии и СССР. Буржуазная печать этому заявлению уделяет всего несколько строк, и тут же «Нью-Йорк пост» комментирует: «Сила возмущения, выражаемого коммунистическими странами при аресте тайных агентов, нередко является свидетельством соучастия». Спрашивается: откуда «Нью-Йорк пост» берет сведения о том, что Антонов является «тайным агентом», если итальянские следственные органы хранят полное молчание? А что бы написала газета, если бы Болгария не протестовала, — несомненно, что «Болгария чувствует свою вину и потому молчит»...

А уже 27 ноября по страницам газет в Италии и других стран Запада проносится еще одна новость. Средства массовой информации спешат сообщить: «Антонов на машине подвез Агджу до площади Св. Петра». Но почему коллеги-журналисты не сообщили одну «маленькую» подробность: 11, 12 и 13 мая 1981 г. Антонов находился в представительстве «Балкан» и

в посольстве НРБ, что могли засвидетельствовать многие. И лишь террорист Агджа утверждает, что Антонов отвез его на площадь. И почему опять же мимоходом упоминаются слова начальника ДИГОС Андреатти, что «эта версия (Агджи) о событиях абсолютно неверна и придумана от начала и до конца». Нетрудно заметить, что буржуазная печать жонглировала двумя-тремя надуманными «фактами», а этого совершенно недостаточно, чтобы длительное время поддерживать читательский интерес и создавать иллюзию существования крупного международного заговора.

На помощь пришли некоторые журналисты (и те, кто за ними стоит) из Турции. Итальянское агентство АНСА известило: «Благодаря турецкой печати сегодня стали известны имена двух болгарских граждан». Кто они? Оказывается, это служащие посольства Болгарии в Риме Жельо Василев и Тодор Ай-вазов.

Под огромными заголовками западноевропейская и американская буржуазная пресса помещает материал о новых «признаниях» Агджи; с тремя болгарскими его познакомил «турецкий мафиози», Челенк. Когда террориста задержали, у него в кармане нашли листок с пятью телефонными номерами, четыре из которых принадлежат посольству Болгарии и фигурируют в телефонном справочнике, а пятый — домашний телефон Айвазова. «Серый волк» сообщил улицу и номер дома Айвазова, описал обстановку в его квартире. 13 мая 1981 г. Агджа якобы встретился с болгарскими на площади Республики, откуда они пошли на квартиру Айвазова, где тот взял чемоданчик с пистолетами и ручными гранатами. Болгары подвезли террориста до площади и назначили встречу после покушения перед зданием канадского посольства.

Эту историю, достойную самого примитивного криминального романа, можно было прочитать на страницах итальянских газет «Паэзе сера», «Република», «Коррьере делла сера» и «Темпо» от 8 декабря 1982 г. В этой связи возникают очередные вопросы: могут ли служить доказательством четыре телефонных номера из справочника римской телефонной сети? На каком языке разговаривал Агджа со своими «соучастниками», если известно, что он не знает ни болгарского, ни итальянского (террорист выучил этот язык в тюрьме уже после лета 1981 г.), а они не знают ни слова по-турецки? Почему не допустить, что кто-то рассказал Агдже о том, как выглядит квартира Айвазова? Особенно если учесть, что болгарский посол в Риме дважды направил ноты министерству иностранных дел Италии, извещающая о том, что в квартире Айвазова в его отсутствие обнаружены следы пребывания неизвестных лиц? И наконец, откуда журналист-

там стали известны эти «факты», если в тот же день, 8 декабря 1982 г., агентство Ассошиэйтед Пресс сообщило: «Судья Мартелла не сообщил никаких подробностей по делу болгарского гражданина Антонова».

Лавина лжи продолжала обрушиваться на головы обывателей. 13 декабря 1982 г. турецкие газеты объявили: «Антонов — шеф отдела специальных операций при Варшавском Договоре». В стамбульской газете «Хюрриет» от 14 декабря читаем следующее: «В деле убийства Альдо Моро чувствуется болгарское участие». В журнале «Пари-матч»: «Архиепископу Парижа монсеньору Люстингеру угрожала та же «болгарская сеть».

Международная пресс-конференция в Софии 17 декабря 1982 г. стала холодным душем для авторов наглой клеветнической кампании. После пресс-конференции, на которой были даны убедительные ответы на многочисленные и не лишённые предубежденности вопросы ряда западных журналистов, напряжение в буржуазной печати несколько спало. Чтобы сильнее раздуть костер провокации, нужны были новые порции «горючего».

И появились очередные «сенсации»: оказывается, болгары поддерживали связь с террористической организацией «красные бригады» и наверняка замешаны в похищении американского генерала Дозиера; и... расследование по делу о контрабанде наркотиков и оружия, проведенное в североитальянском городе Тренто, «показало», что и здесь замешана Болгария.

Несколькими днями позже французская газета «Монд» не без ехидства заметила по этому поводу: «Болгария — это новая магическая формула, которая помогает объяснить, а в некоторых случаях и искупить вину за создавшееся в Италии положение в последние десять лет. Везде, за каждым трагическим событием, обстоятельства которого остались невыясненными, оказывается, стояли болгары. И каждый старается напустить туману. Западногерманская газета «Штутгартер цайтунг» продолжила эту мысль: «Вся Италия охвачена «болгарской лихорадкой», которая отодвинула на задний план проблемы, вызванные экономическими трудностями в стране». Что, собственно, добавим от себя, и требовалось.

Мировая прогрессивная печать уже в декабре 1982 г. четко выразила позицию возмущенной общественности в связи с фальсифицированным «делом Антонова»:

— О чем, если не о полной готовности Болгарии оказать содействие в установлении истины в связи с покушением на папу, говорит тот факт, что турецкий гражданин Челенк был взят под контроль болгарскими властями; судье-следователю Мартелле

главный прокурор НРБ направил приглашение посетить Софию; министром юстиции НРБ сразу сделано предложение министру юстиции Италии о предоставлении компетентным органам обеих стран возможности обмениваться информацией и при необходимости проводить совместные действия на территории Болгарии и Италии.

— Кто дал право некоторым итальянским должностным лицам оскорблять с парламентской трибуны Болгарию, не имея ни малейших доказательств соучастия этой страны в покушении на папу?

— Впервые ли мы сталкиваемся с политическими провокациями такого характера? Не является ли террорист Агджа новым Ван дер Люббе, новой пешкой в руках реакционных сил и подрывных центров, которые, подобно поднявшейся полвека назад коричневой волне в Германии, объявляют новый «крестовый поход» против социализма и ищут всевозможные способы скомпрометировать страны социалистического содружества во главе с Советским Союзом, очернить коммунистическое движение в капиталистических странах и, не в последнюю очередь, свалить на других ответственность за метастазы терроризма, разъедающие западное общество в период самого тяжелого после второй мировой войны экономического и морального кризиса капитализма.

Конкретные вдохновители и движущие силы этой провокации, как и любой другой, рано или поздно станут известны международной общественности. Это с полным основанием отметили Политбюро Французской коммунистической партии, ТАСС, органы печати братских партий, трезвомыслящие политики и рядовые люди на Западе. Уже с первого дня провокации стало ясно, что как развязанная вокруг нее истерия, так и само покушение на папу Иоанна Павла II должны были по замыслу организаторов провокации принести политические дивиденды крестоносцам «холодной войны», врагам взаимопонимания между народами.

Подобную мысль вскоре после ареста С. Антонова высказал и Роберт Максвелл, президент крупной англо-американской книгоиздательской фирмы «Пергамон пресс» 21 декабря 1982 г. в интервью корреспонденту болгарского телевидения. В ответ на вопрос, что он думает о развернутой некоторыми кругами на Западе пропагандистской кампании против Болгарии, которой приписывается участие в покушении на главу римско-католической церкви, Р. Максвелл заявил, что «эта кампания очень опасна для мира и хороших отношений между странами, но она не достигнет своей цели».

А между тем провокационная кампания продолжалась, хотя часть западной прессы под давлением фактов стала осторожно отступать на позиции скептического отношения к противоречивым и лживым показаниям Агджи.

В лондонской газете «Гардиан» появилась 3 января 1983 г. заметка: «Все утверждения о «болгарской связи» основываются, по-видимому, только на свидетельских показаниях убийцы, первые «признания» которого после ареста были, мягко говоря, странными. (Действительно, «мягко говоря». — Ред.) Агджа утверждает, что встречался с заместителем представителя болгарской авиакомпании в Риме Антоновым 11 и 12 мая и был с ним на площади Св. Петра во время покушения на папу римского. Между тем доказано, что Антонов был 11 мая в римском аэропорту, так как его подпись стоит на сопровождающих документах отправленного в Софию груза. На следующий день он находился на 24-часовом дежурстве в болгарском посольстве, что подтверждается всеми официальными болгарскими службами. В день покушения он был в представительстве. Многие люди оформляли там авиабилеты. Итальянская полиция нашла троих из них, которые также вспоминают, что видели там Антонова после сообщения о выстрелах».

Судья-следователь И. Мартелла, два дня, 30 и 31 декабря 1982 г., допрашивал десятки свидетелей, анализ показаний которых выявил железное алиби С. Антонова по крайней мере на два дня из трех — на 11 и 13 мая 1981 г. Агджа лгал, говоря, что С. Антонов с еще двумя болгарскими — Т. Айвазовым и Ж. Василевым сопровождал его во время осмотра предстоящего места покушения за два дня и за день до преступления. Допрошенные итальянским судьей коллеги Антонова из римского аэропорта Фьюмичино, полицейские и таможенники, пассажиры болгарской авиакомпании «Балкан», прилетавшие и улетающие 11 мая, подтвердили то, что Сергей Антонов не переставал повторять с первого дня своего ареста: в этот день он исполнял свои обычные служебные обязанности, отправлял грузы (спортивные велосипеды) в аэропорту: 1,1 мая, как заместитель руководителя представительства «Балкан» (руководителя представительства в это время не было в Риме), он должен был лично присутствовать при посадке в самолет 65 пассажиров, вылетающих в Софию. Антонов находился в аэропорту Фьюмичино с раннего утра до 19 часов вечера и поэтому не мог участвовать днем в осмотре площади Св. Петра. А относительно 13 мая по крайней мере пять человек уверены, что видели его в представительстве «Балкан» в Риме в те минуты, когда радио и телевидение, прервав свои обычные передачи, первый раз сообщили о покушении (Агджа утверждал, что в это время Антонов был в автомашине на улице Кончилационе, рядом с пло-

щадью Св. Петра, и ждал его, чтобы помочь скрыться). Одна из свидетельниц защиты даже вспомнила такую подробность: Антонов вышел на улицу, чтобы взять из автомашины старый транзисторный приемник и следить за новостями о покушении. Чтобы подкрепить это свидетельское показание и доказать, что оно не было выдумано в последний момент, адвокаты С. Антонова, известные итальянские юристы Джузеппе Консоло и Адольфо Ларусса, подчеркивали, что эта подробность была подтверждена самим Антоновым, когда он уже находился в тюрьме и был в изоляции.

Под заголовком «Рушатся обвинения против Антонова?» римская газета «Мессаджеро» (3.1.1983) отмечала, что Мартелла очень тщательно допросил свидетелей, в частности одну женщину, беседа с которой длилась около четырех часов. Следователь также прибег к перекрестному допросу свидетелей, сравнивая прежде всего показание женщины, которая случайно оказалась в помещении представительства авиакомпании «Балкан» 13 мая 1981 г., со свидетельствами других лиц.

«Возможно, С. Антонов будет освобожден, — сообщала в тот же день газета «Република». — Самым важным свидетельством в пользу болгарина было заявление одной болгарской женщины, которая вышла замуж за итальянца и живет в Италии. Она провела несколько часов в кабинете С. Антонова именно 13 мая 1981 г. и именно в тот момент, когда террорист стрелял в папу Иоанна Павла II. Агджа же утверждает, что вместе с ним на площади находились Антонов и бухгалтер болгарского посольства Айвазов. Судебный следователь несколько раз допрашивал эту свидетельницу, имеющую в настоящий момент итальянское подданство, и сравнивал ее показания с заявлениями, в частности, служащих болгарской авиакомпании. Итог этих допросов полностью подтверждает версию С. Антонова. Судья-следователь И. Мартелла, который еще не принял решения об освобождении С. Антонова, вместе с тем дал понять, что положение подозреваемого с точки зрения следствия отныне изменилось, хотя до принятия окончательного решения необходимо изучить другие документы».

Защитники С. Антонова, по словам «Коррьере делла сера» (3.1.1983), сохраняли оптимизм относительно исхода всего дела. Они решили не прибегать к публикации в печати обращения с целью найти таким путем новых свидетелей, которые могли бы подтвердить невиновность болгарина.

Алиби Антонова за время между 17 и 18 часами 13 мая 1981 г. было доказано. Он находился в бюро «Балкан» и, следовательно, не мог быть в те минуты на площади Св. Петра, чтобы стрелять из пистолета и бросать гранату, увозить и спасать Агджу, как утверждал «серый волк».

Но, несмотря на обязательную тайну следствия, несмотря на строгую изоляцию Агджи, последнему было сообщено об этом алиби Антонова, и террорист тут же изменил свои показания.

А теперь, отвлекшись на минуту от очередной лжи Агджи, зададимся вопросами: если бы его показания соответствовали действительности, неужели Антонов, услышав по радио, что Агджа схвачен, не допустил, что, не выполнив обещания спасти турка будет выдан им? Неужели Антонов не сел бы на первый самолет и не покинул бы Италию? Напрашивается и еще один вопрос: какой участник покушения оставался бы в стране в течение года после случившегося, тем более после того, как начались разговоры о «болгарском следе»?

У Антонова оказалось твердое алиби и на 12 мая, день, в который, как утверждает Агджа, они вместе с Антоновым и Айвазовым репетировали покушение на площади Св. Петра. Антонов не мог присутствовать ни на какой «репетиции», так как находился на дежурстве в болгарском посольстве, где его видело много людей.

Несмотря на обязательную тайну следствия, несмотря на строгую изоляцию, Агдже стало известно и об этом алиби Антонова. Потребовав встречи со следователем, он заявил, что «напряг память» и вспомнил: 12 мая Антонова не было на площади.

Откуда Агджа узнавал, когда и что нужно изменить? Какую новую ложь придумать? Было очевидно, что в ходе следствия его ложью постоянно дирижировали те же таинственные личности и службы, которые, как известно, незаконно посещали его в тюрьме несмотря на строжайшую изоляцию. Этим бросающимся в глаза подсказанным изменениям в «показаниях» итальянское следствие давало, мягко выражаясь, несерьезное объяснение. Они-де являются выражением его спонтанности и открытости.

«Итальянское следствие сотрудничает с соответствующими секретными службами, чтобы сострять обвинение по делу Антонова, чтобы юридически обосновать политическую провокацию против Болгарии», — отметил в интервью Болгарскому телевидению 22 февраля 1983 г. генеральный директор БТА Боян Трайков. Он вновь разоблачил лживый характер этой провокации. В своем заявлении Б. Трайков ответил на следующие вопросы:

«— Коль скоро Агджа меняет свои показания, чтобы «опровергнуть» алиби Антонова, и коль скоро это происходит при содействии следствия, как в таком случае доказать невиновность Антонова?»

— У лжи короткие ноги, — гласит народная поговорка. Лжец и его душеприказчики сами попали в западню. И вот каким образом.

Некоторые свидетели показали, что, насколько они припоминают, к 13 мая 1981 г., то есть в дни, предшествующие покушению на папу и во время покушения супруга Антонова — Росица Антонова находилась в Риме. «Режиссеры» Агджи решили воспользоваться этим обстоятельством и подкрепить новыми, еще более убедительными «уликами» и «доказательствами» обвинения против Антонова. И Агджа, этот удивительно «памятливый» преступник, который сообщает множество телефонных номеров, помнит обстановку в квартирах и всяческие другие обстоятельства и подробности, 5 января 1983 г. требует встречи с судьей Мартеллой и вдруг начинает вспоминать о некоем событии — крупнейшем и важнейшем в подготовке покушения. Именно о том, что 10 мая на квартире Антонова будто бы состоялось самое важное совещание, в котором участвовали он, Агджа, Антонов, Айвазов, Василев и еще четверо турок и на котором присутствовали Антонова и девочка лет десяти, вероятно дочь Антонова Ани.

Обратите внимание — это очень важно (!). При всей своей чуть ли не феноменальной памяти, хранящей множество мелких подробностей, Агджа упустил в своих показаниях не какой-нибудь пустяк, а серьезное совещание, на котором, как пишет газета «Джорнале», были уточнены дата и детали покушения и на котором присутствовало десять человек. Очевидно, это совещание было решающим.

За минувшие со дня события полтора года некоторым свидетелям изменила память.

Я располагаю информацией, на основании которой заявляю: 10 мая 1981 г., в воскресенье, Росицы Антоновой и Ани Антоновой не было в Риме и они не могли присутствовать на совещании, о котором говорит убийца Агджа.

Росица Антонова выехала из Рима 8 мая на легковом автомобиле, проехала через Италию и Югославию и 10 мая — в день, когда по словам Агджи, она присутствовал в Риме на совещании в связи с покушением на папу — была в Софии.

Дочь Антонова, Ани, весь год училась в софийской школе имени Климента Охридского и 10 мая — в день, когда по словам Агджи, она находилась на римской квартире Антонова, девочка была не в Италии, а в Софии. Этот факт имеет огромное значение

«Каким образом турок указывает дату? — цитирует судью-следователя Иларио Мартеллу газета «Мессаджеро». — А если в январе Росица Антонова не была в Италии и в Риме? Если в воскресенье 10 мая Антонова не была дома? Если бы не было его супруги и квартира Антонова была заперта... что сделал бы турок-обвинитель?».

Так и получается. Именно тот факт, что в указанный день 10 мая 1981 г. Росица и Ани Антоновы были не в Риме, а в Со-

фии, и тот факт, что в Январе 1981 г. Росица Антонова также была в Софии, а не знакоилась в Риме с Агджой, как утверждает террорист, — еще два крупных доказательства, которые категорически опровергают ложь Агджи, опровергают и тех, кто поставляет ему эту ложь. Эти факты, как и многие другие, свидетельствуют о манипулируемом характере и сущности следствия против Антонова.

— Это действительно очень серьезные доказательства, опровергающие показания Агджи. Но нет ли опасности, что он вновь «сосредоточится» и скажет, что совещание состоялось 7 мая, имея в виду, что Росица Антонова выехала 8 мая 1981 г. и что он познакомился с ней не в январе, а в каком-либо другом месяце?

— Именно поэтому мы оглашаем эти доказательства перед всей болгарской и мировой общественностью, а не перед следствием через адвокатов Антонова, чтобы на тот случай, если Агджа вновь изменит свои показания все увидели и поняли и, если это не произошло до сих пор, убедились в том, что Агджа непрерывно лжет при содействии секретных служб и итальянского следствия».

Внимательный читатель может задаться вопросом: а почему, собственно, болгарская сторона, адвокаты Антонова занимаются чуть ли не параллельным расследованием? Ведь установление истины входило в компетенцию судьи-следователя И. Мартеллы, который однако, проявлял явное желание всячески запутать и затянуть следствие. Он не раз намекал, что не собирается выпускать Антонова из тюрьмы еще долго и что подобное сложное расследование можно вести пять лет: без суда, без улик, без официально сформулированного обвинения, держа подозреваемого в тюрьме. Прочитированное выше заявление Бояна Трайкова было передано Мартелле в качестве официального запроса болгарской стороны и адвокатов.

«Каков ответ Рима на эти факты?» — спросил Б. Трайкова журналист А. Вергиев из болгарского телевидения на пресс-конференции в Софии 4 марта 1983 г.

«Боян Трайков: Ответ был весьма странным.

В коммюнике римского следственного отдела говорилось, что раз у болгар есть доказательства этого, то пусть они их представят. Можете спросить: что же тут странного? Странно именно то, что мы сообщаем им этот факт: Антоновой не было в это время в Риме, и указываем, когда она выехала. Где же здесь логика: мы из Софии поедem в Италию и там, на итальянской территории, станем проверять факты, которые они сами могут проверить? Неужели они не могут обратиться к своим пограничным властям — подчеркиваю, ведь они ищут истину! — и убедиться в этом, ведь там есть соответствующие докумен-

ты, в которых сказано, что 8 мая 1981 г. она выехала из Италии на машине, могу быть конкретным, на «Фиате — 124 — Рома— П 06 794», через пограничный пункт Триест. Почему им это не проверить?

С 8 на 9 мая Антонова ночевала на югославской территории в мотеле «Турист», в Нова-Градишка, в районе села Старо-Петрово, что в 250 километрах от Белграда.

Антон Вергиев. Справку может сделать и нейтральная сторона.

Боян Трайков. Да. Почему бы им не обратиться к соответствующим югославским органам и не навести справки?

Антоновой не было в Риме в январе, когда, как утверждает Агджа, он познакомился с нею в ресторане «Пикадили». Весь этот месяц она не была в Риме. Пусть они будут так любезны, аэропорт Фьюмичино гораздо ближе к Риму, чем к Софии, пусть обратятся к пограничным властям в аэропорту Фьюмичино, и проверят, что 29 декабря 1980 г. Антонова вылетела в Болгарию и вернулась в Италию только 2 февраля 1981 г. через этот же аэропорт. Следовательно на протяжении всего, января ее не было в Италии.

Извините, но такая манера поведения соответствующих властей мне кажется неприемлемой. Я не хочу быть грубым, но, согласитесь, Фьюмичино находится всего в 20 километрах от Рима, они, видите ли, не могут навести справки, а требуют, чтобы мы представили эту справку из Софии. Где здесь логика?

В комментариях по поводу коммюнике Римского следственного отдела я сказал: если кто-нибудь воображает, что может ставить нас в унижительное положение виновных, которые должны оправдываться, то глубоко ошибается. Это значит, что он не знает достоинства и гордости болгарского народа!»

Документы в поддержку алиби Росицы Антоновой были продемонстрированы 50 итальянским и иностранным журналистам и миллионам телезрителей 29 марта 1983 г. на транслировавшейся по телевидению пресс-конференции в посольстве НРБ в Риме. Наутро защитники Сергея Антонова адвокаты Джузеппе Консоло и Адольфо Ларусса представили судье-следователю Иларио Мартелле ряд документов, показанных журналистам на пресс-конференции в болгарском посольстве и подтверждающих, что 10 мая 1981 г. супруга их клиента, — Росица — находилась не в Италии, а в Софии. «Это доказывает, — заявили адвокаты, — что Агджа лгал, утверждая, будто 10 мая он в присутствии Росицы участвовал на квартире Антонова в совещании, где уточнялись подробности покушения на папу Иоанна Павла II, совершенного три дня спустя».

Один из представленных документов — фотокопия книги регистрации гостей мотеля «Турист» в Нова-Градишка (Югославия), в которой зарегистрировано, что Росица Антонова вместе со своими друзьями (супругами Крыстевыми) ночевала там в ночь с 8 на 9 мая 1981 г. Из Италии в Софию, куда она прибыла на следующий день утром, Росица выехала через пограничный пункт в Триесте. Росица и супруги Крыстевы приехали в мотель 8 мая во второй половине дня и остановились в номере 102. За ночевку они предварительно заплатили 682,95 динара (фактура № 13961).

Супруга Антонова выехала из Италии 8 мая, уточнил адвокат Консоло, ибо у нее кончился срок разрешения на пребывание в стране. Консоло представил фотокопию в поддержку своего утверждения. «Мы считаем, что эти документы, только что полученные из Болгарии, доказывают недостоверность обвинений Агджи, тем более что речь идет о важнейшей подробности, — добавил адвокат Консоло. — 10 мая 1981 г. в Риме не было и дочери Антонова, которая, как это удостоверяют представленные документы, учится в Софии».

На продолжавшемся в отделе Д'ИГ'ОС с 18 апреля 1983 г. многодневном перекрестном допросе свидетелей алиби Росицы Антоновой судья-следователь Мартелла и заместитель генерального прокурора Антонио Альбано в течение почти 12 часов задавали вопросы специально приехавшим накануне из Софии супругам Коста и Донке Крыстевым. Действительно ли в их автомобиле Росица Антонова ехала из Рима в Софию 8 и 9 мая 1981 г. Судьи просмотрели отметки о пересечении границ в паспортах болгарской супружеской пары Крыстевых, счет на трех человек с указанием фамилий из югославского мотеля. Были допрошены также и некоторые служащие «Сибикар» — предприятия в Италии, где работал Коста Крыстев, чтобы установить, действительно ли он выехал 8 мая из Рима. Свидетели представили документ о возмещении расходов на поездку, предпринятую за счет предприятия. Затем судья допросил Антонова о подготовке к этой поездке, и его описания полностью совпали с показаниями Крыстевых.

Но судья пожелал произвести новые проверки. Он вызвал к себе в кабинет трех итальянских пограничных полицейских, которые дежурили во второй половине дня 8 мая на контрольно-пропускном пункте в Триесте. Все трое узнали на очной ставке супругов Крыстевых, которые предварительно, за два дня до этой очной ставки, описали крупного усатого полицейского, проверявшего их документы.

В связи со всем этим итальянские газеты «Република», «Темпо» и «Джорнале» 22 апреля 1983 г. были категоричны в своих заключениях, что Агджа лжет, приписывая супруге Антонова присутствие на мифическом совещании в Риме 10 мая 1981 г. Газета «Темпо» пояснила, что во время очередного продолжительного

допроса Сергей Антонов уточнил дополнительные подробности тех далеких майских дней перед покушением в Ватикане и все его заявления подтвердились показаниями других свидетелей, в том числе и семьи Крыстевых. Обозреватель «Темпо» продолжал: «Теперь возникает еще один вопрос: почему Али Агджа лгал, загоняя в ловушку секретные службы, фабрикующие его «признание»? Согласно одной из гипотез, разработан план, имеющий целью прикрыть подлинных организаторов покушения на папу Иоанна Павла II и направить следствие по ложному следу».

Убийца Агджа, давно осужденный на пожизненное заключение, коротал время, постепенно выдавая по подсказке все новые бесчисленные детали антиболгарских лжесвидетельств. Состояние здоровья Антонова между тем серьезно ухудшилось. К концу апреля 1983 г. завершился уже пятый месяц его «предварительного» заточения в римской тюрьме. Никаких улик или доказательств его связи с Агджой итальянские следственные органы не установили.

Несколько ранее, 8 января 1983 г., сопоставляя факты и документальные фотоматериалы, представленные адвокатами Сергея Антонова, римские газеты «Унита», «Паэзе сера», «Република» и «Коррьере делла сера» пришли к заключению, что турецкий террорист Агджа обманул следственные органы.

Четыре газеты обращали внимание на следующее обстоятельство: турецкий неофашист утверждает, будто Сергей Антонов и Тодор Айвазов «возили его по улицам Рима, а также на то место, где состоялось покушение на папу, на легковом автомобиле «фиат-124», причем цвет автомобиля он не мог вспомнить. В таком случае это должен быть личный автомобиль Антонова, или служебная машина представительства «Балкан», отмечают газеты. И тут же добавляют, что у Антонова — ярко-голубые «Жигули» с болгарским регистрационным номером АБ 2784, а на служебной машине есть надпись «Балкан» и характерная красная сигнальная лампа на крыше, как того требуют правила движения на поле аэродрома. «У обеих машин есть характерные признаки, — отмечает «Унита», — которые нельзя спутать с другими, но Агджа не помнит их. Речь идет о подробностях, но именно на этом этапе судья обязан самым тщательным образом изучить их и принять решение относительно требования адвокатов об освобождении Антонова».

Агджа хотя и заочно, но досконально пытался ознакомиться с деталями жизни Антонова и этим самым косвенно «доказать» факт соучастия болгарского гражданина. Агджа при аресте уверял, что Рима почти не знает и даже не мог самостоятельно найти дорогу от пансиона, в котором он остоялся, до Ватикана. Несколько сот метров он преодолевал-де с помощью подвозившего его Антонова.

Спустя 18 месяцев, в ноябре 1982 г., Агджа в ходе следственного эксперимента вдруг демонстрирует поразительное умение ориентироваться в лабиринте улиц Вечного города. У ворот своей тюрьмы он сам садится за руль и, ведя за собой кавалькаду автомобилей полиции, легко подвозит судью-следователя Мартеллу к дому, где жил Антонов.

В подготовленном итальянскими спецслужбами альбоме среди фотографий террористов, шпионов и других преступников Агджа «узнал» Антонова, Айвазова и Василева. Тогда же, в начале ноября 1982 г., Агджа вдруг «обнаружил» в своих личных вещах ключ от квартиры Антонова и записку со множеством телефонных номеров болгарских служащих и дипломатов в Риме. Представил судье подробнейшее описание домашней обстановки, расположения комнат и мебели в квартире Антонова, проявив недюжинные способности к запоминанию самых незначительных деталей. На основании этих «показаний» убийцы судья-следователь Мартелла и приказал арестовать Антонова.

Лишь спустя полтора месяца, уступая требованиям итальянских адвокатов Консоло и Ларуссы, судья-следователь Мартелла соблаговолил лично посетить квартиру Антонова. Его сопровождали адвокаты Антонова и Агджи. На следующий день после произведенного осмотра римские газеты «Коррьере делла сера» и «Стампа» отметили что, «по-видимому, существует не так уж мало несоответствий между описанием Агджи и действительной картиной в квартире Антонова». Газета «Коррьере делла сера» даже задала вопрос: «Не выдумал ли все это Агджа или плохо запомнил написанный для него другими сценарий?». А газета «Унита» отмечала: «Несмотря на то, что никто из участников осмотра не сделал заявления, как того и требует судебная практика, Сергей Антонов, по-видимому, прибавил еще одно доказательство в свою пользу». Как следовало из сообщений газет «Паэзе сера» и «Коррьере делла сера», самой большой загадкой в «описании» оказалось то, что при посещениях квартиры до совершения покушения Агджа видел предмет, который был куплен Сергеем Антоновым... после ареста террориста на площади Св. Петра 13 мая 1981 г. Агджа также говорил о деревянной раздвижной двери в квартире Антонова. Такой двери там нет. Такая дверь была в пустовавшей квартире на верхнем этаже, которая продавалась и которую многие люди осматривали.

15 января 1983 г. итальянская газета «Паэзе сера» опубликовала на первой странице собранные журналистом Эмилио Радиче факты, из которых видно, что представившиеся служащими полиции лица входили в квартиру Сергея Антонова в его отсутствие за неделю до его ареста по обвинению в соучастии в покушении на папу Иоанна Павла II. 25 ноября 1982 г., сразу же после сообщения об аресте служащего болгарской авиакомпании,

Э. Радиче вместе с другими журналистами прибыл на квартиру Антонова. «Нас встретили управдом, который был не очень любезен, даже крайне раздражен, и привратница, которая была обезкуражена, но согласилась говорить, хотя ее постоянно прерывал и разубеждал управдом. Поэтому наша беседа была нелегкой. Но все же госпожа ответила на некоторые вопросы репортера газеты «Паэзе сера». Именно эти ответы, переосмысленные сегодня, приобретают особое значение. Женщина сказала:

— Эти, из полиции, уже приходили примерно неделю назад, спрашивали господина Антонова. Его не было, но они все равно поднялись и вошли в квартиру. Потом ушли.

— Не сочли ли вы необходимым уведомить о происшедшем Антонова? I

— Нет, нет. Я занималась своим делом. Поняла, что здесь замешана полиция, и остерегалась говорить об этом с кем бы то ни было. Что у меня общего со всем этим?

— А где сегодня утром был арестован болгарский служащий — дома или на улице?

— Когда за ним пришли, его не было. Двое или трое полицейских поднялись в квартиру. Думаю, что они хотели дождаться его дома. Остальные остались на улице.

— Значит, дверь квартиры была взломана?

— Нет, дверь цела. Бесплезно подниматься, потому что никаких следов нет. Все на месте».

14 января представители газеты «Паэзе сера» снова разговаривали с женщиной, которая решительно отказалась от всех своих предыдущих заявлений (обратите внимание — это была целая серия утверждений, а не отдельные слова). «Я ничего не знаю», — сказала вчера женщина. И потом повторяла одно и то же: «Могу сказать, что полиция входила в тот день в квартиру г-на Антонова, но после его ареста и только в его присутствии, после чего они вышли все вместе. Я ничего не знаю и дважды говорила это судье, который меня вызывал. Вы спрашиваете: не входил ли кто-нибудь в квартиру Антонова до этого? У меня таких сведений нет».

Помимо этих заявлений газета «Паэзе сера» поместила на пятой странице того же номера материал, в котором, в частности, говорилось: «Показания, собранные одним из репортеров, весьма интересны. Они указывают на то, что за несколько дней до ареста Антонова лица, которые представились полицейскими, проникли в его квартиру. Сам по себе этот факт является исключительным (но, наверное, не единственным в этом следствии) и увязывается с «посещениями» квартиры другого болгарина — Тодора Айвазова, который также замешан в следствии. Мы не делаем никаких выводов, предоставляя это компетентным органам. Но отмечаем, что это обстоятельство оправдывает за-

явления защитников Антонова, сделанные два дня назад представителю информационного агентства по поводу «признаний» Али Агджи. Мы больше чем уверены в том, что налицо объективные данные, — заявили адвокаты, — и, следовательно, не сомневаемся, что описание квартиры Антонова, сделанное Агджой, может и совпадать с результатами осмотра. Но мы убеждены в том, что кто-то мог дать это описание террористу, когда он уже был в тюрьме или даже до ареста».

Агджа, как оказалось, «побывал» и в квартире Тодора Айвазова, в доме на улице Галяни, 36, являющемся собственностью болгарского посольства. Из 24 проживавших там семей было только 6 итальянских. Дом всегда находился под постоянным наблюдением итальянских спецслужб, что, вероятно, и способствовало целой серии загадочных событий, происшедших там в 1981-1983 гг.

В изложении репортера римской газеты «Република» (4.1. 1983.) они интерпретировались следующим образом: «Становится очевидно, что Антонов не имеет ничего общего с выстрелами на площади Св. Петра. Следователи сталкиваются с некоторыми вопросами, возникшими в ходе расследований. Почему турецкий убийца выдумал «болгарский след? И если он это сделал, кто сообщил ему подробности, которые подвели судей-следователей? Таким образом, «болгарский след» рискует превратиться в другой след, который придет к итальянским секретным службам и политическим деятелям.

В его (Али Агджи) разоблачениях «болгарского следа» так много пробелов, что сейчас — в свете алиби Антонова — они превращаются в грубую фальсификацию. Так, например, Али Агджа утверждает, что посетил квартиру Айвазова 11 мая 1981 г. Турок не сообщил судье-следователю имени болгарина, которого знал как Колева, но узнал его на фотографии, показанной ему Мартеллой. Однако и на домофоне, и на двери квартиры написано настоящее имя — Айвазов. А согласно заявлениям Али Агджи, он сначала позвонил снизу и только потом вошел к квартире Айвазова. Известно, что судья Марте-лла заставил Агджу написать на бумаге адрес, и он написал: «Улица Галляни, 36». В телефонном указателе в графе «Посольство Болгарии» значится адрес жилого дома «улица Галляни, 36», при этом название написано с двумя «л». Это ошибка в телефонном указателе, так как правильно будет Галяни, то есть с одним «л».

Мифические посещения Агджи квартир болгарских граждан в Риме дополнялись вполне реальными налетами и грабежами. Одно из таких нападений состоялось в середине декабря 1982 г., когда неизвестный проник в одну из квартир, где жили болгарские граждане, и похитил 150 тыс. лир. Бывали, правда, случаи, когда непрошенные гости, появившиеся в от-

сутствие хозяев, ничего не брали. Они делали фото — и кино-съемки. Однажды соседи с удивлением отметили появление в одной из квартир зажевленной телевизионной группы».

Кто эти неизвестные лица, десятки раз тайно проникавшие в квартиры, являющиеся собственностью болгарского посольства в Риме? Кто взял на прицел квартиру Айвазова, которая затем была подробно описана Мехмедом Али Агджой? Вот некоторые из тех вопросов, которые задавали многие итальянские газеты. «Унита» (5.1.1983.) сообщение об этом инциденте озаглавила так: «Перелом в случае Антонова. Тайнственные «посещения» квартир болгар. Неоднократные обыски квартир, описанных после этого Агджой». Далее газета писала:

«Как утверждают защитники Сергея Антонова, в конце 1981 г. и в 1982 г. зарегистрирован целый ряд загадочных эпизодов, ведущих к заключению, что признания Агджи (которые сейчас трещат по всем швам) «направлялись» или каким-то образом «внушались». Речь идет о тайнственных посещениях жилого дома, в котором живут болгарские служащие, в том числе и Айвазов, квартира которого была подробно описана турецким убийцей в доказательство правдивости его рассказа. Эти посещения неоднократно совершались неизвестными лицами до и после признаний Агджи.

Действительно, болгарская сторона сразу же изложила данный тезис, но сейчас на передний план выступают некоторые подробности относительно этих странных эпизодов. «Посещения» дома, где жил Айвазов, было много, может, около десяти, причем почти все были осуществлены в 1982 г. Особенно частыми они стали осенью, за несколько недель до ареста болгарского служащего Антонова. Насколько известно, болгарская сторона сделала ряд заявлений в полицию и направила официальные протесты в министерство иностранных дел Италии. Во время одного из этих «посещений» как раз накануне ареста Антонова, жильцами дома был записан номер автомашины, на которой уехали тайнственные лица. Номер был фальшивым, так как принадлежал другой машине, являвшейся собственностью частного лица. Болгарская сторона утверждает, что министерство иностранных дел Италии вообще не дало ответа на ноты протеста».

«Появляются огромные сомнения относительно заявлений рассказавшегося турка», — гласил один из заголовков газеты «Паэзе сера» (5.1.1983).

«К разговорам, которые имел Али Агджа в тюрьме (между прочим, он был осужден и на изоляцию в течение года) с неидентифицированными представителями секретных служб и неизвестно с чьего разрешения, сейчас прибавляется еще одно

«звено цепи», которое в значительной степени способствует усилению сомнений. Эти «посещения» были предприняты тогда, когда еще никто не говорил о «болгарском следе» в деле покушения на папу. В одной дате мы можем быть уверены — это начало октября прошлого года, примерно за два месяца до ареста служащего авиакомпании «Балкан» Антонова. Перед подъездом жилого дома на улице Галяни остановилась темно-синяя «альфа» с регистрационным номером «Рим 13933». Из нее вышло двое-трое человек, которые уверенно направились в квартиру Айвазова (в это время он был на работе в посольстве) и проникли в нее, взломав замок. Там они находились несколько минут и потом быстро ушли. Их видели некоторые из обитателей дома, которые кроме марки автомобиля и номера заметили, что таинственные посетители имели при себе фотоаппараты. Неизвестно, сколько раз они были в квартире Айвазова, но известно, что в этом доме посещения такого рода не являются чем-то необычным. Многие служащие болгарского посольства жаловались, что находили двери своих квартир взломанными. Подобных случаев было так много, что за один год в наше министерство иностранных дел было направлено по крайней мере десять нот протеста. Они составили целую папку документов, которые, насколько нам известно, все еще находятся в министерстве, на письменном столе какого-нибудь служащего. И что самое важное, все еще остаются без ответа».

Газета «Республика» (5.1.1983) приводила те же самые факты и добавляла: «Болгарское посольство направляет жалобу в квестуру (центральное полицейское управление. — Ред.) и ноту протеста в министерство иностранных дел. Через несколько дней двое полицейских служащих сообщают лично послу, что машина не принадлежит министерству внутренних дел. Неизвестно, однако, кто является собственником «альфы». История странных посещений квартиры Айвазова имеет не второстепенное значение, если иметь в виду ход следствия об ответственности трех болгар в покушении на папу. Фактом является то, что алиби Антонова, поддерживаемое десятком свидетелей, в корне перевернуло ход судебного следствия. Одним словом, Али Агджа не сказал правду, обвинив Антонова и Айвазова в соучастии в покушении на площади Св. Петра. И все больше усиливается подозрение, что кто-то «посоветовал» ему сообщить имена болгар как своих соучастников».

По заявлению Агджи, он не только «бывал» в гостях у «хорошо знакомых» ему болгар в Риме, но и «звонил» им. Адвокаты Консола и Ларусса потратили полгода в поисках доказательств того, что убийца не бывал, не звонил и не был знаком с болгарскими служащими. Кстати о «звонках». Агджа указал телефон-

ные номера Антонова, Айвазова и Василева. Записку с этими телефонными номерами нашли якобы у него в кармане в момент ареста. Но, подчеркивали адвокаты, у Антонова и Айвазова не было домашних телефонов. С ними можно было связаться по телефону болгарского посольства и бюро «Балкан», Но какой заговорщик будет организовывать столь серьезное покушение, поддерживая связь по телефонам посольства, которые как можно предположить, прослушиваются? Кто разрешил бы покушавшемуся иметь при себе телефонные номера во время покушения? Как Агджа поддерживал связь с Антоновым и другими сообщниками, не зная их имен, а лишь псевдонимы? Или телефонистки посольства тоже были замешаны в «заговоре»?

Итальянский журнал «Панорама» (3.1.1983) оценил как фальшивые еще два пункта из показаний Агджи и его приспешников относительно Айвазова. Поместив рядом два фото, редакция дала следующий комментарий:

«Это не Айвазов. Мужчина, убегающий с площади Св. Петра 13 мая 1981 г. через несколько секунд после покушения на папу, не может быть Тодором Айвазовым. Это доказывает сравнение фотографии настоящего Айвазова (опубликованной журналом «Панорама») и фотографии, сделанной Л. Ньютоном, на которой изображен худощавый мужчина с пистолетом (по утверждению фотографа). Он явно моложе Айвазова и ниже ростом. Рост Айвазова, которому 39 лет, около метра восьмидесяти сантиметров, и он намного крупнее.

Следовательно, Мехмед Али Агджа спутал или солгал».

Далее, в том же номере журнала, в статье Альваро Ранцони говорилось:

«Язык. Агджа (опять же согласно тому немногому, что известно о его допросах) утверждает, что контакты с болгарскими соучастниками по организации покушения осуществлялись на итальянском языке, который Антонов, Айвазов и третий болгарин, Василев, знают довольно хорошо. Но в момент ареста Агджа утверждал, что не говорит по-итальянски.

Теперь же он довольно сносно говорит по-итальянски, дескать, выучил этот язык за 19 месяцев заключения в Риме и в Асколи-Пичено. И болгары считают это очень тревожным симптомом. Официально Мехмед Али Агджа находился все это время в изоляции: без радио, без телевидения, без газет, имея лишь редкие контакты с надзирателями. Разговоры, как утверждают в министерстве юстиции, ведутся посредством телевизионной камеры или через небольшое окошечко с бронированным стеклом. Можно ли при таких условиях выучить незнакомый язык? Ответ однозначный — нет.

По мнению болгар, существует одна-единственная возможность, — очевидно, изоляция была не такая уж строгая, как утверждается. А если изоляция была смягчена, переходят в контратраку сторонники гипотезы об антиболгарских махинациях, то Агджа мог не только выучить итальянский, но и получить нужные инструкции, чтобы инсценировать заговор со всеми его узнаваниями по фотографиям и объективными подтверждениями (телефонными номерами, описаниями квартир и т. д.).

Неосуществленный побег. Трое «соучастников» Агджи оставались в Риме более года после столь серьезной операции, несмотря на то что молодой турок пригрозил рассказать все, если не получит помощи. Василев уехал только 27 августа 1982 г., когда закончился срок пребывания в Италии; Айвазов уехал, по-видимому, 12 ноября, а Антонов спокойно оставался на своем месте до дня своего ареста, хотя о «болгарском следе» заговорили почти сразу же после покушения. Осенью 1982 г. американская компания Эн-Би-Си недвусмысленно заговорила о нем в своем документальном фильме, а журналистка Клэр Стерлинг подробно писала о нем в августе в американском журнале «Ридерс дайджест», а в сентябре и в итальянском журнале «Селеционе». И это не все. Во время расследования по делу Скриччоло в мае 1982 г. полиция подвергла обыску представительство «Балкан» в Риме, и сам Антонов, который догадался о причинах расследования, спокойно помогал агентам делать фотокопии изъятых списков пассажиров. А ведь в случае, если бы он был виновен, это предупредило бы его, что ему нужно бежать».

Следствие по сфабрикованному западными спецслужбами «делу Антонова» зашло в тупик и, казалось, было близко к решению. Антонов должен был быть признан невиновным и отпущен на свободу. Но выпустить Антонова из тюрьмы, прекратить следствие против него за отсутствием улик означало бы необходимость отдать под суд истинных подстрекателей и соучастников покушения на папу Иоанна Павла II. Но этот вариант был неприемлем для западных спецслужб и их покровителей. И тогда в газетах появилась новая сенсация. Агджа «сообщил» судье-следователю И. Мартелле, что в январе 1981 г. он якобы «по договоренности с болгарскими» должен был убить руководителя «Солидарности» Леха Валенсу во время кратковременной поездки последнего в Рим. Все вернулось на круги своя. Об абсурдности этого обвинения писала, например, австрийская газета «Курир» (3.3.1983). Допросы десятков лиц, привлеченных в качестве свидетелей, ничего не дали организаторам новой провокации.

Известный французский публицист Андре Вюрмсер писал в газете «Юманите» (18.3.1983): «Есть ли у вас новости о «болгарском следе»? Даже журнал «Пуэн» (парижский буржуазный еженедельник правого толка. — Ред.) начал выдыхаться. Антонов находится в тюрьме уже четыре месяца, следствие сталкивается с трудностями. Какой-то настырный американец вдруг узнал себя на фотографии, сделанной на площади Св. Петра в день покушения на папу, — оказалось, что он именно тот человек, которого считали Антоновым. А потом некоторые люди, мешающие следствию, переливающему из пустого в порожнее, установили, что турецкого убийцу незаконно посетили в тюрьме агенты итальянских спецслужб. И тут же он вспомнил имя болгарина и описал его квартиру, в которой до этого — какое совпадение! — побывали воры, ничего не похитившие. Потом обнаружилось, что ни турок, несомненный убийца, ни болгарин, предполагаемый соучастник, не могли говорить между собой из-за незнаний языка, что делает невозможным преступный заговор между ними. Все шло так плохо, что пришлось сделать «вывод»: раз папа не был тем, кого хотел убить обвиняемый, тогда, наверное, им был Лех Валенса. Или Наполеон III!

Да, досадно, что известные политики позволили себе выдвигать бездоказательные обвинения и теперь не знают, что делать: организовать ли процесс, который будет смехотворным, или же прекратить следствие за отсутствием состава преступления, что будет не менее смехотворным. И все же четыре месяца... Не кажется ли вам, что это очень, очень много?»

О пружинах заговора против социалистической Болгарии подробно говорилось на встрече с журналистами 4 марта 1983 г. в Софии генерального директора БТА Б. Трайкова. Ниже приводится отрывок из стенограммы этой пресс-конференции:

«Миклош Пек (МТИ). Товарищ Трайков, считаете ли вы, что за этой антиболгарской и антисоциалистической кампанией в связи с так называемым «делом Антонова» кроется тенденция к ухудшению отношений между Болгарией и Турцией, двумя соседними балканскими странами, принадлежащими к различным военно-политическим блокам, но поддерживающими добрососедские, постоянно развивающиеся отношения?»

Боян Трайков. Да, действительно, можно сказать, что в той кампании против Болгарии и вообще против стран социалистического содружества есть некоторые элементы, которые характеризуются тенденцией к ухудшению хороших, добрососедских отношений с Турецкой Республикой, нашей южной соседкой. Но у меня есть основание полагать, что эти тенденции не получат развития, эти стремления некоторых кругов будут безуспеш-

ны. Всего несколько дней назад гостем нашей страны, министра иностранных дел Народной Республики Болгарии Петра Младенова был министр иностранных дел Турецкой Республики господин Тюркмен. Многим из вас, наверное, известно коммюнике этой встречи, в котором было выражено желание двух стран развивать дружественные добрососедские отношения сотрудничества между Турецкой Республикой и Народной Республикой Болгарией. Так что я не верю, что эти тенденции, эти стремления некоторых кругов, которым, между прочим, в какой-то мере помогают и некоторые турецкие газеты, повторяю, я не верю, что они одержат верх.

Владимир Цакв (болгарское радио). Как вы расцениваете декларации официальных американских представителей об участии ЦРУ в следствии по делу о покушении на папу?

Боян Трайков. Это действительно интересный вопрос. Почему? Потому, что после того как началась эта провокация и соответственно кампания против Болгарии и других социалистических стран, мы с полным основанием можем утверждать, что она организована при активном, скорее, решающем участии и при содействии Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов.

Только после того как начало терпеть крах обвинение против Антонова, в Центральном разведывательном управлении стали поговаривать о том, что болгары не причастны к покушению. Видимо, ЦРУ решило больше не вмешиваться в это, как теперь представляется, чисто итальянское дело. Другими словами, американское разведывательное управление предоставляет итальянцам возможность самим таскать каштаны из огня.

Сейчас вопрос получил новое освещение. Хотелось бы знать, под чьим давлением и ведомый какими соображениями (это можно только предполагать) президент США Рейган приказал ЦРУ активно заняться расследованием покушения на папу, то есть помочь итальянским службам выйти из неловкого положения, в котором они на самом деле оказались. Так мы понимаем эту новую активность ЦРУ.

Но здесь возникают и другие вопросы. Где ЦРУ будет вести расследование? В своем центре в Лэнгли? Бесспорно, нет. Оно должно вести их на итальянской территории. Но ведь до сих пор не было слышно, чтобы итальянцы обратились за помощью к ЦРУ. Как это понимать? Не является ли это актом вмешательства во внутренние дела Италии со стороны Соединенных Штатов?

Возможно, новое обвинение, которое предъявляется Антонову, новое следствие являются первым этапом помощи, которую ЦРУ хочет оказать итальянскому следствию и соответственно итальянским спецслужбам.

Марчелло Уголини. Я из итальянского радио и телевидения. В своем изложении и в своих высказываниях вы хотите предста-

вить итальянских следователей как орудие известной политической власти в Италии, как орудие США и ЦРУ. Сейчас я хочу сказать, что все следствия по «болгарской связи» не ограничиваются только «делом Антонова». Существует, например, следствие в Тренто. Существует Бекир Челенк и доказательства, собранные следователями в Тренто, на основе которых можно утверждать, что Генри Арсан, сириец, главный представитель сети контрабанды оружия и наркотиков, был связан с Бекиром Челенком, располагал своим оперативным центром, а его главный оперативный центр находился здесь, в Софии, в отеле «Витоша», который был нечто вроде генерального штаба Бекира Челенка. Разве все это не вызывает множества подозрений о некоторых связях которыми все еще пользуется здесь Бекир Челенк, спокойно разгуливающий по Софии? Благодарю за внимание.

Боян Трайков. Во-первых, коллега, я бы не желал вам так спокойно разгуливать по Софии, как Челенк.

Во-вторых, если вы хорошо ознакомитесь с обвинениями против Антонова и со всем ходом следствия, как это сделали мы, и убедитесь, что оно полностью необоснованно, но при этом римские следственные органы не освобождают Антонова, вы не можете не прийти к мысли, что здесь уже оказывают влияние другие факторы, что это следствие служит политической провокации. Другого объяснения нет. Раз этот человек невинен, — а это уже абсолютно и безусловно ясно, — тогда что как не политические махинации и провокации причина того, что он продолжает томиться в тюрьме? И так как это делается на основании приказа римского следственного отдела, то вполне естественно предполагать и утверждать что это служит целям провокации.

Что касается второй части вашего вопроса, действительно, раскрыт (по крайней мере, так пишут в газетах) крупный заговор о контрабанде оружия и наркотиков в Тренто (город в Северной Италии). Но до настоящего момента нет ни одного заподозренного лица — гражданина Народной Республики Болгарии. Нет ни одного факта, свидетельствующего о том, что Болгария, точнее, болгарские органы, болгарские службы, болгарские торговые организации и т. д. имеют отношение к разоблачениям в Тренто. Все, что пишется в итальянских газетах, лишь общие фразы о том, что через Болгарию проходили контрабандные пути, но нет ничего конкретного. Почему? Потому, что ничего конкретного и не может быть.

Один-единственный журналист привел конкретные факты. Этот «крупный специалист» по вопросам контрабанды — турецкий журналист Мумджу. Но когда этот «крупный специа-

лист», который с документом в руках доказывал существование контрабанды оружия, был отдан под суд соответствующей турецкой фирмой, суд в Стамбуле доказал, что этот документ фальшив, и Мумджу приговорен к уплате денежной компенсации за клевету. Видите, как закончилась единственная попытка привести конкретное доказательство?

Ничто не говорит о том, что болгарские органы, или лица, или торговые фирмы имеют хоть какое-нибудь, я бы добавил, могли бы иметь хоть какое-то отношение к перевозке и контрабанде оружия и наркотиков. Я хочу воспользоваться случаем и сказать вам, что в своем экономическом и социальном прогрессе мы рассчитываем лишь на свой собственный труд, на то, что создадут болгарский рабочий класс и крестьяне-кооператоры. Мы рассчитываем на эти ценности, а не на какие-то доллары, которые могли бы получить за счет контрабанды. Это противоречит сущности нашего социалистического строительства и развития.

Андрей Смирнов (ТАСС). Вопрос моего итальянского коллеги вынудил меня задать вам следующий вопрос. В нынешней кампании, длящейся уже достаточно долго и направленной не только против Болгарии, но и против других социалистических стран, в том числе и против Советского Союза, налицо попытки обвинить социалистические страны в том, что они якобы оказывают помощь террористическим группам в странах-членах НАТО, с тем чтобы дестабилизировать их внутривнутриполитическое положение. Какие доказательства они могут привести в подтверждение подобных утверждений и какими доказательствами оперируют средства массовой информации в поддержку подобных обвинений?

Боян Трайков. К власти в США пришла администрация Рейгана, и поскольку всякий новый президент хочет чем-нибудь блеснуть, то и он решил поднять вопрос о международном терроризме, чтобы одним выстрелом убить двух зайцев: обвинить социалистические страны как экспортеров терроризма и вместе с тем как бы оправдать это органически присущее современному капиталистическому миру явление. Но все речи на эту тему и все публикации в западных средствах информации — только слова и ничего более. Социалистические страны не только не экспортируют терроризм в капиталистические страны в целях их дестабилизации, не только не помогают террористическим группам и организациям, а наоборот, осуждают терроризм и вносят свой вклад в борьбу с международным терроризмом. Мы не раз приводили примеры этого; не раз указывали на вклад Народной Республики Болгарии в борьбу с международным терроризмом — вклад, за который наша страна получила официальные благодарности от некоторых правительств. Иными слова-

ми, и по сей день никто не представил — да и не мог бы представить — никаких доказательств в пользу этих утверждений.

Однако в противовес этому я со своей стороны хочу представить доказательство, причем, заметьте, не наше, а западное, исходящее от НАТО, доказательство того, что социалистические страны не поддерживают терроризм в Западной Европе. Я зачитаю вам выдержку из доклада по проблемам терроризма, который был сделан г-ном Майером (руководитель разведки ФРГ) на заседании совета НАТО в начале 1982 г. В этом докладе, который был обозначен грифом «НАТО — секретно», говорится (цитирую дословно):

«Нет доказательств для предположения, что существует международная террористическая сеть, которая руководит деятельностью террористических групп в мире, как нет доказательств я, того, что СССР играет ведущую роль в терроризме».

Так что же получается? На своих заседаниях в НАТО, в своем кругу они отдают себе отчет в реальном положении вещей, то есть в том, что СССР и другие социалистические страны не имеют никаких связей с террористическими группами в Западной Европе и не оказывают им никакого действия. А вне своего круга в целях пропаганды, формирования общественного мнения они утверждают, что мы организуем и поддерживаем терроризм. Такова истина. А вот и документ. Для большей убедительности хочу прочесть вам следующие строки. «Все же, — говорится в докладе далее, — известно, что страны советского блока оказывают материальную помощь отдельным террористическим организациям, однако пока нет никаких доказательств, что хотя бы одна из них участвовала в акциях в странах-членах НАТО». И заметьте, сразу вслед за этим говорится о том, что же имеется в виду под формулой «некоторые террористические организации». Приводится пример: «Известно, что представитель службы госбезопасности Кубы оказывал помощь одному сальвадорскому коммунисту в Канаде».

Но никто не может представлять борьбу сальвадорского народа за национальное и социальное освобождение как действия террористической организации. Это национально-освободительное движение. Мы — и это общеизвестный факт — помогали и будем помогать национально-освободительным движениям. Это наш интернациональный долг. Но ни у кого нет морального или какого-либо иного права называть национально-освободительные движения террористическими. Это честная, открытая революционная борьба за свободу и прогресс. Самые светлые умы человечества — борцы за свободу и прогресс. Может ли кто-нибудь из присутствующих, я имею в виду, в частности, наших итальянских

коллег, позволить себе назвать Гарибальди террористом? Он — национальный герой Италии, борющийся за ее свободу и прогресс.

Альдо Белло (итальянское радио и телевидение). Господин Трайков, я бы хотел пояснить следующее: Антонов не замешан в новом следствии. Он просто предупрежден, что его могут допросить по новому следствию. Таким образом, нельзя говорить о новых обвинениях.

Кроме того, хочу пояснить еще один момент, вытекающий из предыдущего. С одной стороны, вы утверждаете, что большую часть имеющейся у вас информации получили из итальянской прессы. Другие же говорят, что итальянская печать пытается прикрыть провал «дела Антонова». Я думаю, что выражу мнение всех коллег, если скажу, что мы пишем свободно, и, если окажется, что Антонов — невиновен, мы заявим, что он невиновен. Мы первые написали о противоречиях в так называемых «показаниях» Агджи. Именно это я и хочу сказать: мы и впредь будем исполнять свой профессиональный долг.

И, пояснив это, я хочу теперь задать вам следующий вопрос: вы утверждаете, что обмен информацией должен носить взаимный характер. Но в качестве кого будут присутствовать здесь судья-следователь Палермо, который приедет сюда, и судья-следователь Мартелла, если он тоже приедет? Будут ли они иметь право проводить непосредственный допрос или нет? И каковы будут ограничения в их работе?

Боян Трайков. Коллега, я благодарю вас за разъяснение, что судебное извещение, по сути, дела, не является извещением о возбуждении следствия и обвинением против Антонова. Я знаю это. Это судебное извещение, пусть даже оно не носит формы обвинения в том, что Антонов замешан в плане убийства Леха Валенсы, было опубликовано всеми итальянскими и многими западными газетами на первых полосах под крупными заголовками. Так что же все-таки значит эта юридическая формулировка в узком смысле? Означает ли она предъявление обвинения или нет? В сознании миллионов людей в Европе Антонов, следовательно, и болгары якобы хотели убить не только папу, но и Леха Валенсу. В глазах мирового общественного мнения обвинение уже предъявлено. Именно это нас и интересует, поскольку мы дорожим мировым общественным мнением, мнением миллионов людей, живущих в Западной Европе, и нам не безразлично, что они думают о нас, о честном болгарском народе. Поэтому мы протестуем. Что же касается формулировки, то пусть она будет делом юристов.

Если говорить о том, что мы черпаем — и это действительно факт — информацию только лишь из итальянских газет, а в то

же время вы заявляете, что кто-то сказал, будто они скрывают правду, то я отвечу следующее.

Нельзя, да и невозможно, говорить об итальянских газетах как об одном целом. Они не являются и не могут быть одним целым. Одни и в самом деле скрывают истину, другие это делают в меньшей степени, а третьи и вовсе не стремятся к этому, и я должен признать, что это делает им честь. Например, вышло коммюнике римского следственного отдела, на основании которого я подготовил комментарий. Некоторые итальянские газеты опубликовали и то и другое.

Что же касается того, сможет ли судья-следователь Палермо, в случае если он действительно придет, вести следствие непосредственно? Ну а как вы думаете, если он приезжает сюда специально для того, чтобы взять показания у турецкого гражданина Бекира Челенка, то вполне естественно, что он будет его допрашивать непосредственно. А как же иначе? Иначе и быть не может. Мы выделим ему помещение, создадим все необходимые условия, и он будет вести допрос. Это общепринятые правила, и это вполне нормально. Когда мы предлагали свое содействие, то предлагали это искренне и в полном соответствии с юридическими нормами ведения следствия.

Марчелло Уголини (итальянское радио и телевидение). Здесь говорилось о том, что в Италии пишутся очень странные вещи. А мне показалось странным то, что вы требуете от судьи-следователя Мартеллы фотографии Агджи, а ведь вы сами с очень большим вниманием следите за тем, что пишется в Италии. Хочу уведомить вас, что во всех итальянских газетах были помещены фотографии Агджи. Таким образом, я думаю, что вы могли бы взять их отсюда.

И еще по вопросу о ЦРУ и его вмешательстве в Италии. Я хочу напомнить, что. «Нью-Йорк тайме», одна из крупнейших американских газет, если не самая крупная, опубликовала статью, в которой критиковалась деятельность итальянских секретных служб. Я хотел бы знать ваше мнение по этому вопросу. Благодарю за внимание.

Боян Трайков. Почему мы запрашиваем фотографии Мехмеда Али Агджи? По двум причинам: естественно, мне неизвестны соображения наших следственных органов, но выражаю свое личное мнение. Во-первых, тот, кто ищет истину и хочет нашего содействия, должен представить и соответствующие материалы. Таков принцип, и это более нормально, нежели нам самим искать эти вещи.

Во-вторых, если мы воспользуемся итальянскими газетами, то соответствующие следственные органы могут получить лишь

так называемые репортажные снимки. Но когда ведется следствие, то все должно быть очень точным, и, поэтому необходимы такие фотографии, какие обычно используют соответствующие следственные органы — и итальянские, и болгарские, и любые другие во всем мире. Нужны фотографии, которые точно, ясно и определенно показывают физические качества и особые приметы соответствующего лица. То есть мы хотим, точнее говоря, наши следственные органы хотят получить специальные снимки, какими может пользоваться следствие, а не репортажные снимки из газет.

Я не понял вашего вопроса о «Нью-Йорк таймс».

Мерчелло Уголини. Некоторое время назад «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью, в которой говорилось, что ЦРУ, следовательно американские спецслужбы, критиковало деятельность итальянских властей и итальянских секретных служб по поводу всей операции в целом, всего «дела Антонова». Я хотел бы знать, почему вы считаете, что в Италии имеет место вмешательство американских секретных служб? Или точнее, есть ли у вас доказательства?

Боян Трайков. На этот вопрос я уже ответил. Был период, когда создалось впечатление, обоснованно или нет — это уже другой вопрос, будто ЦРУ хочет отмежеваться от итальянских органов, от итальянских секретных служб, предоставив их самим себе, поскольку все шло к провалу, а ЦРУ нужно было сохранить свое реноме, именно поэтому и появилась статья в «Нью-Йорк таймс» и другие публикации. Думаю, что потом ЦРУ исправило свою ошибку и уже не только тайно, а официально и активно стало помогать своим друзьям, которых впутало во всю эту историю, выкарабкаться. Теперь относительно вмешательства ЦРУ. Я имел в виду вот что: сейчас по официальному распоряжению Рейгана в ЦРУ создана группа, занимающаяся следствием по делу о покушении на папу Иоанна Павла II. Но поскольку нет сведений, что итальянские власти запросили подобную помощь от ЦРУ, то это нельзя истолковать иначе как вмешательство во внутренние дела Италии. Да и судите сами, с какой стати ЦРУ Соединенных Штатов Америки должно расследовать покушение на папу, которое было совершено в центре Рима, на площади Св. Петра! В международных отношениях это принято называть вмешательством во внутренние дела.

Джулио Борелли (итальянское радио и телевидение). Господин Трайков, я хотел бы вернуться к письму, отправленному вами в ответ на письмо судьи-следователя Мартеллы. Вы говорите, что в 1980 г. 18 иностранцев под именем Иогиндер Сингх — не знаю, может быть, я неправильно произношу имя, — проезжали через вашу страну. Но в ответе не уточняется, проживало ли ка-

кое-нибудь лицо под именем Иогиндер Сингх в отеле «Витоша» в период между первыми днями июля и последними днями августа 1980 г. Вы говорите, что 18 человек под именем Сингх проехали через Болгарию, но нужно уточнить, жил ли какой-нибудь из них в этом отеле — это можно очень легко установить -или в других отелях Софии. Следовательно, на вопрос, останавливался ли человек с таким именем в крупных отелях Софии, можно дать совершенно точный ответ.

Боян Трайков. Коллега Борелли, вы абсолютно правы: не составляет никакой проблемы проверить, кто и когда жил, например, в отеле «Витоша». И мы — естественно, когда я говорю «мы», вы меня понимаете, я имею в виду соответствующие органы — такую проверку произвели. Но в данном случае, к вашему удивлению, я могу это определенно сказать, что хотя много, очень много говорилось о пресловутом номере 911 — кажется, память мне не изменяет, — где якобы проходили встречи, где якобы проживал, как это утверждают, Агджа, в вистере судьи-следователя Мартеллы исключается проживание Агджи в отеле «Витоша». Это действительно так. В отеле «Витоша», по мнению Мартеллы, Агджа не проживал. А вы знаете, как долго номер 911 был притчей во языцех. Вот что я могу ответить по этому вопросу».

«Освободите Антонова!» Под такими заголовками продолжали выходить книги и газетные статьи публицистов в разных странах мира. В интервью газете «Известия» (8.4. 1983) директор Института государства и права АН СССР академик В. Н. Кудрявцев отметил очевидную необоснованность ареста С. Антонова, исходя из общих принципов права, международных пактов и даже законодательства Италии.

Корреспондент. Владимир Николаевич, не могли бы вы несколько подробнее остановиться на юридической стороне этого дела?

В. Н. Кудрявцев. Печать сообщала, что основанием для ареста Антонова послужило заявление турецкого неонациста АГДЖИ, совершившего покушение на папу римского, того самого Агджи, который ранее уже был приговорен турецким судом к смертной казни за политическое убийство. Заявление против Антонова было сделано им не на предварительном следствии по делу и не на суде, а уже в тюрьме, после вынесения ему приговора к пожизненному заключению. Других «доказательств» против Антонова, насколько известно, не было и нет.

Напомню, что еще римские юристы говорили: «Один свидетель — не свидетель». Но в данном случае даже и одного свидетеля не существует. Дело в том, что согласно ст.

348 уголовно-процессуального кодекса Италии лица, обвиняемые в совершении одного и того же преступления, включая и осужденных, не могут давать свидетельских показаний; если же такие показания уже были даны, то они признаются недействительными. Эта мысль четко проведена и в трудах таких известных итальянских юристов, как бывший президент Италии профессор Джованни Леоне и профессор Винченцо Мандзини. Они резонно отмечали, что показания обвиняемого, каковы бы они не были, не должны приравниваться к свидетельским показаниям, поскольку они лишены элементарных гарантий объективности. Это весьма разумные правила: предполагаемые «соучастники», сидящие в тюрьме, могут быть весьма заинтересованы в исходе своего дела, да и манипулировать ими нетрудно. Кстати, в иностранной печати промелькнуло сообщение, что Агджу угрожали убить в тюрьме... Вот и судите теперь о ценности его «свидетельства»!

Итак, сами итальянские законы не признают за показаниями террориста Агджи никакой юридической силы. А это означает, что арест Антонова и последующее содержание его под стражей являются совершенно незаконными.

К этому я хотел бы добавить, что конституция Италии провозглашает в ст. 27 презумпцию невиновности. Это значит, что человек, вина которого не доказана, считается невиновным и недопустимо называть его преступником. А ведь это сейчас постоянно делается во всей западной прессе, развернувшей враждебную пропагандистскую кампанию против социалистических стран. Я, как юрист, усматриваю здесь нарушение конституции, а также ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая также провозглашает презумпцию невиновности. С. Антонов должен быть немедленно освобожден.

Могут сказать, что дело еще недостаточно расследовано. Но ведь следствие идет почти пять месяцев, а никаких доказательств вины Антонова не было и нет. Необоснованное, чрезмерно длительное заключение гражданина по обвинению, которое не назовешь иначе как ложным оговором со стороны заведомого преступника, — все это несомненно является нарушением общепризнанных норм и принципов права. Не буду голословным и сошлюсь в этой связи на ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, который ратифицирован и Итальянской Республикой.

Корреспондент. В этой связи возникает вопрос о методах ведения следствия по «делу Антонова». Как вы их расцениваете?

В. Н. Кудрявцев. Я не берусь давать оценку правилам содержания подследственных в итальянских тюрьмах, но факт остается фактом: здоровье Антонова серьезно ухудшилось. Об этом сообщили болгарские и итальянские врачи, осмотревшие С. Антонова в тюремной камере. Такое обращение с болгарским гражданином не может не вызывать понятного беспокойства со стороны тех, кто выступает за строгое соблюдение всех прав человека, включая и международные соглашения по этому вопросу.

Корреспондент. Возможно, инициаторы «дела Антонова» хотят суровым режимом тюрьмы сломить его волю, к чему-то его принудить? Учитывая причастность к этому делу спецслужб, видимо, нельзя исключить возможность использования против Антонова особых препаратов, которые, как известно, широко практикуются американским ЦРУ.

В. Н. Кудрявцев. Если так, то это было бы еще одним грубейшим нарушением, которое осуждается и нормами международного права, и итальянскими законами. Эти законы запрещают любое физическое или психическое принуждение в отношении подследственных. А недавно в Италии разработан проект нового уголовно-процессуального кодекса, еще более четко решающего данный вопрос. В частности, в ст. 180 проекта сказано: «Не могут быть использованы, даже с согласия заинтересованной стороны, методы и средства, способные влиять на свободу волеизъявления или способность вспоминать или оценивать события». Но ведь даже только одно длительное предварительное заключение в одиночной камере как раз и чревато такого рода воздействием на психику человека....»

В чем же смысл антисоциалистической пропаганды определенных западных кругов, если по всем своим параметрам эта провокация была заведомо обречена на провал — правда ведь всегда рано или поздно становится известной?

В принципе, конечно, это так, но в условиях капиталистического Запада ее можно очень долго скрывать. Там над производством информационной лжи трудится гигантский пропагандистский аппарат. И в результате большинство населения западных стран остается в плену тех версий, о которых им кричит буржуазная пропаганда. А если дело потом и дойдет до скромных, скороговоркой сказанных опровержений, то обыватель их не заметит — его внимание поглощает очередная крикливо поданная сенсация.

Все делалось для того, чтобы инспирированные потоки лжи террориста были постоянно на виду у западного обывате-

ля. Антонов проводил свои дни в одиночной камере, в условиях режима почти полной изоляции, а Агджа, наоборот, вел крайне насыщенный образ жизни, принимал многочисленных посетителей, делал заявления для печати в ходе своих многочисленных выездов за пределы римской тюрьмы. Осенью 1983 г. его трижды вывозили на улицы итальянской столицы для следственных экспериментов. Определенные участки улиц и площадей оцеплялись еще до рассвета сотнями карабинеров-автоматчиков, возводились заслоны из полицейских грузовиков, устанавливались на крышах домов огневые точки... Наконец, в сопровождении внушительного эскорта появлялся тюремный фургон. Из него выходил Агджа и в сопровождении толпы следователей, адвокатов, журналистов и охраны двигался по улицам, проигрывая на месте собственную версию покушения на папу римского.

Агджа побывал таким образом на площади Св. Петра. «В ваших показаниях говорится о встрече накануне преступления с С. Антоновым в одном из баров близ Ватикана. Покажите этот бар». Вопрос следователя, кажется, застаёт преступника врасплох. Агджа озирается по сторонам, неуверенно указывает куда-то рукой и в плотном кольце телохранителей движется в направлении одного из выходов с площади. А вот и место, где, по словам Агджи, он ожидал вместе с Антоновым в автомашине на улице, прилегающей к площади перед собором, выхода к тысячам туристов и верующих папы римского. «На каком языке вы беседовали?» — тут же спросил судья-следователь Мартелла. «На английском», — последовал ответ Агджи. Но Антонов английского языка не знает; Мартелла уже убедился в этом, взяв показания десятков людей, в частности у служащего турецкой авиакомпании, с которым Антонов постоянно общался по роду службы. Тот рассказал, что болгарский коллега не говорит по-английски (за исключением нескольких слов) и они согласовывали через переводчика даже время полетов.

Непосредственно во время следственного эксперимента Агджа, по словам Мартеллы, «вспомнил», как вдвоем с Антоновым они якобы зашли в бар, где ждали еще одного собеседника. «Вот здесь, в этом баре, мы и были», — продолжает Агджа, стоя посередине улицы в окружении сопровождающей его толпы официальных лиц. Но он не уверен. Помедлив, добавляет: «Нет-нет, пожалуй, не здесь, ходим еще». Покрутив по близлежащим улицам. Агджа остановился наконец перед одним из кафе: «Вот здесь». На предложение следователя описать внутренние помещения Агджа отвечал, что бар, как он помнит, был тесным и длинным (как обычно в Риме), а сразу же у дверей начиналась

стойка бармена. Бар, однако, оказался просторным, стойка была, напротив, далеко от дверей, рядом с переходом к двум открытым террасам.

Агджа «узнал» по фотографии двух сотрудников болгарского посольства, которые якобы вместе с Антоновым принимали участие в разработке заговора. Однако он не смог ничего сказать об их комплекции и росте. «Создается впечатление, — писал итальянский еженедельник «Панорама» (20.10.1983), — что Агдже просто кто-то показал фотографии болгар». В итальянскую прессу осенью 1982 г. «просочились сведения, о том, что турецкий террорист безошибочно описал квартиру С. Антонова. Год спустя выяснилось, что Агджа описал лишь внешний вид дома, подъезд и балконы. С описанием же самой квартиры вышел явный конфуз.

В ходе очередной «прогулки» по Риму Али Агдже было предложено показать дом на улице Галяни, в котором жил кассир болгарского посольства Айвазов. При этом предварительно все номерные указатели на зданиях этой улицы были прикрыты темными картонками. Агджа прошел дважды всю улицу, затем указал на дом... но на другой* В своих «показаниях» террорист «убеждал, что на квартире Айвазова он был четырежды, в том числе за несколько часов до покушения. «Возможно ли, — задавались вопросом итальянские газеты, — чтобы человек с такой превосходной памятью, как у Али Агджи, мог забыть столь, важные детали?» «Вера в показания террориста, совершившего покушение на папу римского, катастрофически гадает», — отмечала газета «Унита» (29.10.1983). «Нагромождение лжи, вымышленных фактов, тысячи несуществующих «подробностей» — вот что представляют собой показания Агджи», — писал еженедельник «Панорама» (20.10.1983).

Впрочем, с самого начала в его показания «верили» лишь те, кто хотел в них верить, остается только гадать, как этого не учел Иларио Мартелла, пользующийся среди своих итальянских коллег репутацией «скрупулезного судьи».

«Болгарская версия» завела следствие в тупик. Все обвинения Агджи оказались шиты белыми нитками. Римскому судье пришлось отчасти дать задний ход. Для начала он отбросил, как лишённое всяких оснований, еще одно обвинение, выдвинутое турецким террористом против Антонова, что он якобы готовил вместе с ним и покушение на... Валенсу, когда тот приезжал в январе 1981 г. в Рим. Чтобы придать видимость правдоподобия своим утверждениям, турецкий террорист описал «адскую машину», которую-де надлежало взорвать. Когда специалисты попытались сделать устройство по описаниям Али Агджи, у них ничего не получилось. Эксперты пришли к убеждению, что «ад-

ская машина», как и само покушение, — плод воображения или сознательная мистификация, рассчитанная на то, что ее примут на веру, как и другие показания. Но на этот раз ложь была столь очевидной, что Иларио Мартелла обвинил Али Агджу в клевете на С. Антонова на основании ст. 368 уголовного-процессуального кодекса Италии. Это было 29 сентября 1983 г.

Антонов решил возбудить дело против Агджи. 24 ноября утром в римскую тюрьму «Реббибия» был приглашен нотариус вместе с адвокатами Антонова Джузеппе Консоло и Адольфо Ларуссой с целью оформить иск. Адвокаты заявили журналистам, что этот эпизод, по их мнению, является еще одним шагом вперед в выявлении истины и новым импульсом в ведении следствия.

12 декабря 1983 г. итальянское агентство АНСА сообщило об окончании следствия по делу о покушении на папу римского. Судья-следователь И. Мартелла передал документы для заключения заместителю генерального прокурора Антонио Альбано. Последний сменил на этом посту Франко Скорцу, который трижды отказался освободить Антонова под залог. Никакой информации о заключениях Мартеллы не появилось тогда в итальянской прессе, которая предпочла, таким образом, не отвечать на два главных вопроса, возникавших в тот период:

— Отвергают или нет следственные органы Рима клеветнический тезис «о международном заговоре, подготовленном Болгарией».

— Агджа оклеветал Антонова, но почему и для кого он это сделал?

21 декабря 1983 г. С. Антонов был переведен из тюрьмы «под домашний арест» — судья-следователь И. Мартелла мотивировал это решение «серьезным ухудшением здоровья служащего болгарской авиакомпании». К такому заключению единодушно пришли две медицинские комиссии. За 13 месяцев строгой тюремной изоляции здоровье С. Антонова резко ухудшилось; он потерял в весе 13 килограммов. На фотографиях, сделанных при выходе из тюрьмы, у него был больной и измученный вид, который не могла скрыть улыбка, обращенная к встречавшим его соотечественникам. Антонова вынесли на санитарных носилках. «Антонов находится в болезненно обостренном психическом состоянии, — заявил известный болгарский психиатр Иван Темков, посетивший в марте 1983 г. его в римской тюрьме. — Его одолевают головные боли. Руки и ноги — холодные, синеватые. Нажмешь — остается след. Ладони — влажные, у него развилась вегетативная дистония, появилась нервная депрессия. Он знает, что это результат воздействия определенных препаратов. Антонов мужественно сопротивляется и стремится сохранить стойкость духа. Он мне сказал: «Досаждают больше

всего навязанные мне каким-то способом не мои мысли. Мысли о смерти. Они насильно врываются мне в мозг. Мешают читать, думать, отдыхать. Гоню их, а они атакуют меня по чье-то жестокой воле».

Как и какими снадобьями подавить психику болгарского гражданина, это еще секрет, не раскрыты и профессором Темковым. Но за пять дней до его визита в Рим побывавший там же американский журналист Николас Гейдж частично разгласил замысел внушения Антонову навязчивых мыслей о смерти; в камеру к нему запустили полицейского агента болгарского происхождения — некоего Пейчева, который пугал заключенного тем, что «его жизнь в опасности» и посему «единственный способ спасти себя — это сотрудничать с итальянской полицией». Антонов гневно отказался пойти на подлость.

Адвокаты С. Антонова многократно требовали освободить своего подзащитного за отсутствием улик. Но Иларио Мартелла отказался пойти, даже на такую меру, весьма часто практикуемую итальянским правосудием, как «взятие на поруки» или «освобождение под залог». Лишь авторитетное мнение врачей вынудило его заменить тюремное заключение «домашним арестом». При этом с Антонова не было снято обвинение, и ему предписывалось ни под каким видом не покидать свою римскую квартиру в доме № 6 по улице Гальяни.

Но даже это решение, мотивированное сугубо медицинскими соображениями и ни в коей мере не восстанавливающее справедливости, было встречено в штывы реакционными кругами как в самой Италии, так и в ряде других западных стран, прежде всего в США. Они расценили его как свидетельство того, что итальянская юстиция якобы «дает задний ход».

О своем несогласии с решением И. Мартеллы и своим собственным поспешно заявила римская прокуратура. Уже 4 января 1984 г. с одобрения своего шефа заместитель генерального прокурора Антонио Альбано направил в так называемый «суд свободы» требование вернуть С. Антонова в тюремную камеру. («Суд свободы» — недавно появившаяся в системе итальянского правосудия новая промежуточная инстанция. Он призван, в частности, решать вопросы о временном освобождении из тюрьмы подсудимых по требованию защиты. С другой стороны, он может, если сочтет необходимым, отменить по протесту прокурора решение следователя заменить тюремное заключение другой формой ограничения свободы). Свой протест А. Альбано обосновывал надуманным предположением о «возможности исчезновения» С. Антонова. Пытаясь придать

хотя бы внешнее правдоподобие этому вымыслу, полицейские власти срочно приняли меры по усилению охраны жилища болгарского гражданина. Они носили явно демонстративный характер. Дом взяли в плотное кольцо силы охраны порядка. А напротив подъезда установили полицейский бронированный фургон.

Несмотря на явную надуманность мотивировки заместителя генерального прокурора, «суд свободы» удовлетворил его требование. С. Антонов еще некоторое время продолжал оставаться под «домашним арестом», так как его адвокаты обжаловали это решение в кассационном суде. Римский кассационный суд 15 марта 1984 г. принял решение возратить С. Антонова в тюрьму... И это после того, как главный «обвинитель» болгарина неонацист и убийца Агджа был обвинен осенью 1983 г. теми же судебными властями в даче заведомо ложных показаний против Антонова. Демократическая общественность Италии не преминула тогда же выразить свое недоумение и возмущение этим судебным произволом. Теперь «суду свободы» предстояло принять окончательное решение по этому вопросу. Итальянская газета «Темпо» подчеркивала, что в связи с «деликатностью дела Антонова решение не заставит себя ждать». Так оно и случилось. Антонов был возвращен на носилках в тюремную камеру. Грубая политическая провокация продолжалась. Остается только поражаться тому упорству, с которым в итальянских судебных органах цепляются за обанкротившуюся «болгарскую версию». Что это: отчаянная попытка спасти «честь мундира» или послушное следование чьей-то дирижерской палочке?

В апреле 1984 г. посетившая С. Антонова в римской тюрьме его сестра Таня Георгиева-Антонова рассказывала корреспонденту «Литературной газеты» (18.4.1984) И. Андронову:

«Мне позволили повидать брата в тюрьме «Реббия». Там уже довели его до катастрофического состояния: у него теперь нет сил даже приподняться с койки. Я присела рядом с ним, взяла за руки, а они — как лед и дрожат. Он страшно . исхудал. Поперек лба кровавая ссадина. Ее причина, как он объяснил, участившиеся обмороки: попытался встать, рухнул на пол и поранился. Мне едва удалось сдержать слезы...

— Чем он болен?

— У Сергея сильные боли в области сердца, спазмы желудка и кишечника головокружения, нервное истощение. Судя по всему, тюремщикам дана инструкция его погубить.

За что?

— Провокаторы, которые оклеветали моего брата, зная, что он ни в чем не виновен, боятся ныне публичного разоблаче-

ния в случае освобождения Сергея. Поэтому они хотят его уничтожить. Ныне у них, видимо, нет иного выхода.

— Но ведь их неминуемо обвинят в убийстве?

— А они нагло объявят, что Сергей скончался от неизлечимой болезни. И если даже его гибель в римской тюрьме вызовет взрыв возмущения и новое обострение напряженности в Европе, то и это злодеям будет выгодно. Такова их конечная цель с самого начала антиболгарского заговора. Мне кажется, ваша газета верно поступает, призывая широкие круги ответственности выступить в защиту несправедливо обвиненного человека. И тем самым — в защиту международных принципов правосудия, законности, соблюдения гражданских прав всех людей».

Тогда же дочь Антонова — малолетняя Ани — вылетела рейсовым самолетом из Софии в Рим, чтобы доставить письмо от нее и старой, немощной матери Антонова президенту Итальянской Республики Пертини, в котором они просили прекратить наконец тюремное заточение Сергея Антонова. Такое же письмо президенту Италии отправила из Софии в 1983 г. жена Антонова. В ходе очередного обследования в Риме весной 1984 г. маститые медики — профессора Де Винченчис и Фиори огласили диагноз: у Антонова опасно развивается нарушение кровообращения и сердечной деятельности, острое психическое расстройство и анорексия — неприятие пищи. Это его состояние, как считает известный итальянский публицист Луижиди Кавалло, решили использовать инициаторы провокации против Антонова. На сей счет Кавалло, расследовав историю покушения на папу римского, высказал в своей книге, изданной в 1983 г. в Италии, такое суждение:

«Не повинного ни в чем Антонова СИСМИ хочет сломить с помощью жесточайшего превентивного заключения. Оно стало варварским методом политических судилищ в Италии. Заключение обрекают на тюремную изоляцию, подвергают его унижительным допросам и обыскам, подстраивают против него провокации, дают плохую нишу, гноят в холодной и тесной камере с зараженным воздухом и влажными стенами, а ночью он слышит стенания из соседних камер, где узникам насильно вводят специальные препараты. От всего этого у него через некоторое время возникает так называемая «тюремная хворь»: психические и телесные расстройства, язва желудка, заикание, мозговые болезни. Подобным способом стремятся внушить Антонову, что его положение бесперспективно. Расчет ведется на то, что у него сдадут нервы, а ему предъявят новые вымышленные обвинения, устроят новые обыски, новые очные ставки и будут раскручивать дальше эту спираль без всякой для него надежды на освобождение до той минуты, когда он капитулирует и «по-

кается». Причина зверской затеи СИСМИ понятна, если учесть, что Антонова изображают виновным дезинформаторы, которым платит ЦРУ».

В этих условиях важное значение имеет большая моральная поддержка Антонова со стороны мирового прогрессивного общественного мнения, частые послания и визиты близких ему людей.

Бывший депутат парламента от Итальянской коммунистической партии, (1948-1963 гг.), ветеран движения Сопротивления, бывший член ЦК ИКП Америго Клоккьятти направил открытое письмо Сергею Антонову. Копия этого письма была передана 20 апреля 1984 г. болгарским журналистам.

«Рим
Тюрьма «Реббия»
Заключенному С. Антонову

Дорогой товарищ Антонов.

Я пишу это письмо по велению моей совести, совести итальянского демократа, старого антифашиста, участника движения Сопротивления, бывшего члена парламента и убежденного коммуниста, принимавшего участие во всех крупных политических акциях — против Атлантического пакта, против законов, удушающих свободы, против войны в Корее и войны во Вьетнаме, в защиту прав трудящихся в соответствии с итальянской конституцией и, следовательно, за прогресс моей страны.

Я шлю братский сердечный привет тебе, очевидной жертве широкомасштабной антикоммунистической провокации, преследующей далеко идущие цели, а именно нанесение удара по слабой социалистической Болгарии, а также по Советскому Союзу в тот момент, когда империализм, переживающий свой самый серьезный кризис, пытается с помощью надуманных предлогов отвлечь мировую общественность от насущных проблем.

Мы знаем много тщательно документированных примеров широкомасштабных политических провокаций, таких, как дело Дрейфуса, Сакко и Ванцетти, Димитрова, супругов Розенберг и многих других.

Такие примеры есть и в истории Италии.

Рейган и империализм стремятся превратить Италию в непопулярный авианосец. Уже сейчас на континентальной территории страны и на ее островах размещены военно-воздушные и военно-морские базы и склады ядерного оружия. Им нужно сломить пацифистские силы и разместить в Комизо крылатые ракеты. Вот почему ты стал заложником, которого сознательно

принесли в жертву последней и непоправимой войне — ядерной.

Ты — жертва заговора, организованного мастерами своего дела, усеивающими трупами Европу, Африку, Азию и Южную Америку. И все это на глазах тех, кто не желает ничего видеть.

Тебя, больного, вновь отправили в итальянскую тюрьму, в то время как наши генералы-предатели, которые украли у государства многие миллиарды, которые покровительствовали казнокрадам, ворочавшим многими миллиардами лир, пребывают под арестом в клиниках или на своих шикарных виллах, приобретенных на прикарманенные ими деньги. Чиновники государства — крупные казнокрады, финансисты, промышленники, банкроты, гангстеры и мафиози, бандиты всех мастей, находятся под арестом в роскошных клиниках или совершают побег из тюрьмы, в то время как ты, честный болгарский труженик, наш гость, потому что ты приехал из страны, где ничего подобного нет и быть не может, то есть из страны незапятнанного социализма, вынужден страдать в тюрьме.

Среди сотрудников нашего правосудия были герои, были и люди бесчестные. Тебя подмяла машина, которая называется «правосудие», и хотя ты, конечно, ни в чем не виноват, тебя ожидает судебный процесс. Я желаю, чтобы тебя судили честные судьи, чтобы они действительно вершили правосудие, чтобы тебе вернули свободу, на которую ты имеешь право.

Тебя никогда не смогут вознаградить за те страдания, которые ты без всякой вины перенес в тюрьме. Я сидел в фашистской тюрьме и знаю, что это такое. Но ты должен знать, что трудовая Италия — на твоей стороне, и я хотел бы обнять тебя, свободного, в Софии и попросить у тебя прощения за то, что в моей стране тебе несправедливо причинили столько страданий».

Весной 1984 г., спустя 17 месяцев после ареста Антонова это событие впервые прокомментировал Ватикан в ответ на обращение святейшего синода болгарской православной церкви от 18 марта 1984 г. Болгарский патриарх Максим направил послание папе римскому, напомнив ему, что Антонова опять томят за решеткой; возводят на него явную клевету, а тем временем к клеветнику «было проявлено милосердие и снисхождение с вашей стороны, когда вы его посетили». Патриарх обратился к главе римско-католической церкви с «настоятельной просьбой содействовать тому, чтобы не виновный ни в чем Сергей Антонов как можно скорее был освобожден и возвратился на родину к своей семье». Ответ папы Иоанна Павла II был датирован 30 апреля: «Ватикан информиро-

вал итальянское правительство о своей озабоченности этой человеческой судьбой».

«Теперь же, ввиду инициативы Вашего Преосвященства и святого синода, — говорилось далее в ответе, — был сделан еще один демарш министру иностранных дел Италии. Итальянское правительство со своей стороны сообщило, что обязано оставаться в объективных границах своих конституционных полномочий, которые не позволяют ему влиять на решение, право на вынесение которого принадлежит исключительно судебным властям. Однако правительство принимает меры к ускорению судебной процедуры по делу г-на Антонова».

В середине июня 1984 г. итальянские судебные власти вновь вынуждены были объявить о переводе болгарского узника из тюремной камеры под домашний арест «в целях лечения». Однако в сообщении итальянского агентства АНСА (18.6.1984) по этому поводу говорилось, что Антонов пока еще не может покинуть тюрьму «Реббиа», так как служба ДИГОС, отвечающая за охрану Антонова, считает, что не может гарантировать безопасность Антонова в квартире на улице Галяни, куда он должен быть переведен. Защитники Антонова адвокаты Дж. Консола и А. Ларусса по согласованию с болгарским посольством должны указать другую квартиру, куда их подзащитный будет помещен под домашний арест, а судья и полиция должны высказать свое мнение о ее пригодности.

Решение судьи-следователя Мартеллы основывается на заключении судебно-медицинской экспертизы, продолжавшейся три месяца. Согласно этому заключению «Сергей Антонов находится в тяжелом психическом состоянии и дальнейшее пребывание в тюрьме может нанести ущерб его здоровью».

И снова ничего не было сказано о необходимости полного и безусловного освобождения Антонова, о снятии с него необоснованного обвинения. Ничего не говорилось и о необходимости расследования подлинных мотивов антиболгарской провокации, наказания виновных, восстановлении доброго имени Антонова, пресечении клеветы в его адрес и в адрес его страны.

Вечером 22 июня 1984 г. С. Антонов вновь (как и в конце декабря 1983 г.) покидал тюрьму «Реббиа», направляясь под домашний арест на квартиру по улице Пола, где он жил раньше. Там уже в окна обычные стекла заменили на пуленепробиваемые, стены комнат изнутри обшили звуконепроницаемыми панелями, оборудовали специальные помещения для внутренней и наружной охраны. Заключение тяжело сказалось на здоровье С. Антонова. Он потерял в весе 15 килограммов, у него все чаще стали случаться провалы в памяти. Как сообщила итальянская газета «Република» (23.6.1984), даже тюремный медицинский персонал предлагал перевести его под домашний арест. Но и

выход Антонова из тюрьмы был использован для нагнетания психоза: узника везли как особо опасного преступника, под завышение полицейских сирен. Он сидел в машине в наручниках между двух агентов в штатском.

Незадолго до решения судьи-следователя Мартеллы западные средства массовой информации, в первую очередь американские и итальянские, как по команде, подняли невероятный шум вокруг опубликованной без разрешения итальянских властей так называемой «копии доклада» прокурора Альбано, по существу версии обвинительного заключения по всему этому делу. Цель нового всплеска антиболгарской клеветнической кампании доказать недоказуемое: будто Антонов, а следовательно, и Болгария были «связаны» с покушением.

БЕСПОЧВЕННОСТЬ ОБВИНЕНИЙ

В декабре 1983 г. Иларио Мартелла закончил следствие по делу, возбужденному в связи с обвинением в покушении на жизнь главы римско-католической церкви папы Иоанна Павла II против трех болгар — Антонова, Айвазова и Василева и шестерых турецких граждан, в том числе террориста-убийцы Мехмеда Али Агджи.

Судья-следователь передал дело (25 тыс. страниц судебных материалов) в канцелярию следственного отдела и предоставил его в распоряжение прокуратуры, которая должна была дать заключение в предусмотренный законом 30-дневный срок (в соответствии со ст. 369 итальянского уголовно-процессуального кодекса) .

Заместитель генерального прокурора Антонио Альбано подготовил 78-страничное заключение по следствию и представил его в канцелярию спустя 5 месяцев — в мае 1984 г.

Несмотря на то что на заключение распространяется тайна ведения следствия (в силу ст. 307 уголовно-процессуального кодекса), в печать просочились сведения о его содержании. Американская журналистка Клэр Стерлинг, тесно связанная с ЦРУ, опубликовала статью «Доклад итальянского прокурора о покушении на папу Иоанна Павла II» на двух полных полосах газеты «Нью-Йорк тайме» (10.6.1984), во французском еженедельнике «Экспресс» (22.6.1984), в итальянской прессе и в ряде наиболее крупных политических изданий других западных стран.

Антонио Альбано попал в незавидное положение. По его требованию судья-следователь Иларио Мартелла должен предать обвиняемых Антонова, Айвазова и Василева суду за преступле-

ния, которых они не совершали, при отсутствии каких бы то ни было доказательств вины.

Единственным «аргументом» в пользу этого необоснованного требования являются ложные показания убийцы Мехмеда Али Агджи. На них-то и ссылался прокурор Альбано.

Между тем анализ заключения прокурора показывает, что «болгарское участие в покушении» и «соучастническая деятельность в заговоре» С. Антонова, Т. Айвазова и Ж. Василева не имеют никаких доказательств.

Почему прокурор Альбано верит Агдже? — задает вопрос болгарский адвокат А. Доспевски, юридический советник С. Антонова, в своей статье, опубликованной в софийской газете «Отечествен фронт» (3.8.1984).

«Данные представленного Альбано заключения, — пишет он, — свидетельствуют, что заместитель генерального прокурора использует клеветнические измышления Агджи о болгарском участии в покушении, руководствуясь следующими соображениями:

1. «Агджа дает убедительную версию преступления», потому что «его показания нашли объективное подтверждение в объяснениях других обвиняемых».

Это абсолютно несостоятельный вывод. Из интерпретации объяснений других обвиняемых, сделанной заместителем генерального прокурора, явствует обратное. Ни один из них не сделал какого бы то ни было признания об участии в заговоре с целью убийства папы, а также об участии в этом заговоре С. Антонова, Т. Айвазова и Ж. Василева или о своем знакомстве с ними. Недовольный этим прокурор называет их «лжецами».

Обвиняемый Бекир Челенк, по мнению прокурора, занял позицию «полного отрицания». Обвиняемые Челеби и Мерсан также. Местонахождение обвиняемого Челика неизвестно, и потому он не был допрошен. Обвиняемый Багджи признает единственно то, что передал Агдже оружие в Милане, но отрицает какое бы то ни было участие в заговоре или знакомство с другими обвиняемыми и конкретно с Антоновым, Айвазовым и Василевым.

Обвиняемые Антонов, Айвазов и Василев с возмущением отвергли все клеветнические показания Агджи, касающиеся лично их и нашей страны. Их возражения подкрепляются доказательствами.

При таком положении вещей остается непонятным вывод прокурора Альбано об «объективном подтверждении» показаний Агджи другими обвиняемыми.

С юридической точки зрения этот вывод необоснован (не соответствует объяснениям других обвиняемых и искажает их), а потому не может служить основанием для «доверительного» отношения к Агдже.

2. Другое соображение Альбано относительно «достоверности» показаний Агджи базируется на том, что якобы «его показания были объективно подтверждены показаниями допрошенных свидетелей, письменными доказательствами и многочисленными проверками». Но это соображение также не подтверждается следственными материалами.

Каковы же факты?

Сам прокурор Альбано ссылается только на показания Агджи. Он не располагает ни одним свидетельским показанием или письменным документом, удостоверяющим наличие «болгарского следа» в покушении.

Его доводы о «мотиве заговора и его механизма» или об «установлении контактов Агджи с болгарскими спецслужбами и их агентами Антоновым, Айвазовым и Василевым», «плане действий» и пр. являются лишь голословными умозаключениями, строящимися исключительно на клеветнических показаниях Агджи.

Но дело не только в том, что прокурор не ссылается на «другие устные и письменные доказательства», а в том, что они не существуют. В противном случае он не упустил бы возможности указать, из каких источников он черпает конкретные данные.

Из этого следует вывод, что в заключении прокурора за «истины» выдаются «факты» — люди, предметы, явления, действия и пр., которые никогда не существовали. Юридическая наука давно уже установила, что положение, никогда не существовавшее в действительности, но условно выдвигаемое как истина, называется **фикцией**.

Фикция всегда идет вразрез с объективной истиной и потому отвергается уважающими себя юридическими органами как способ установления истины.

Оперируя столь ложными понятиями истины, заместитель генерального прокурора вряд ли может кого-нибудь убедить в «участии» обвиненных болгар в предсудительном покушении на жизнь папы, которое было совершено турецким террористом 13 мая 1981 г. в Риме.

Что же касается «конкретных проверок», на которые ссылается Альбано и которые якобы «подтверждают» показания Агджи, то приходится констатировать, что ими беспардонно спекулируют — заключение прокурора строится на том, что раз Агджа «точно» описал портреты всех обвиняемых (их антропологи-

ческие черты, привычки, умения и навыки), автомашины, которыми они пользовались, назвал номера телефонов, по которым с ними можно было связаться, указал их местопребывание в определенных периоды, квартиры, в которых они жили, и некоторые другие связанные с этим подробности, значит он, Агджа был знакомые каждым из них в отдельности и говорит «истину» о других явлениях, событиях и предметах, связанных с заговором. И это вопреки отсутствию каких бы то ни было доказательств!

Агджа не знал Росицу Антонову (его показания при повторном допросе), но он «точно» описал ее портрет в предшествующих показаниях. Он никогда не был в квартире Антонова (его показания при повторном допросе), но «точно» описал эту квартиру, ее планировку, мебель, здание и улицу, на которой она находилась, утверждая, что бывал там (в предшествующих показаниях).

Каким образом Агджа мог описать Росицу Антонову, если он никогда ее не видел? Как мог «точно» описать квартиру С. Антонова, когда он никогда там не был? Откуда он мог почерпнуть эту информацию? На эти вопросы должна ответить итальянская магистратура, допустившая нарушение режима полной изоляции преступника. А до тех пор контрольные проверки «описаний», воспроизводимых Агджой, должны быть изъяты из материалов следствия, как негодные для использования в качестве улик.

Неправда и то, что Агджа якобы всегда давал «точные» описания портретов, привычек и характеров обвиняемых.

Он утверждал, например, что С. Антонов, Т. Айвазов и Ж. Василев говорили на английском языке, тогда как установлено, что ни один из них не знает этого языка.

Агджа утверждал, что Василев ростом выше Айвазова, а на самом деле Айвазов на голову выше Василева.

Агджа утверждал, что знает Т. Айвазова и что именно он — человек, «бегущий с пистолетом в руке» на фотографии, сделанной на площади перед собором Св. Петра в момент покушения, а впоследствии был вынужден изменить это «утверждение» и заявить, что «бегущий» на снимке — Орал Челик.

Приведенные примеры также подтверждают, что информацию Агджа получал извне, но запомнил ее плохо и потому воспроизводил неправильно.

Не странно ли в этой ситуации, что прокурор ему верит?

В пользу «достоверности» показаний Агджи заместитель генерального прокурора приводит следующие соображения:

«Агджа убедителен вопреки его предыдущей лжи, нелогичным и недоказуемым фактам, отрицаниям и заблуждениям» так как первоначально он не хотел выдавать своих соучастников и покровителей в надежде, что они вызволят его из тюрьмы, а когда понял, что они покинули его, добровольно принял решение сотрудничать с итальянским правосудием и заговорил. Поэтому вполне логично, заключает прокурор, наличие в его показаниях противоречий, несоответствий и пр.

Вряд ли требуется много аргументов, чтобы доказать несостоятельность этого довода.

Неужели так трудно понять, что начавшееся в мае 1982 г. и продолжающееся поныне «добровольное сотрудничество» убийцы с итальянским правосудием целиком и полностью продиктовано надеждой на скорое освобождение в обмен на подлость — посадить на скамью подсудимых других людей?

Всему миру стало известно, что 29 декабря 1981 г. двое агентов итальянских спецслужб — майор Петручелли и д-р Бонагура посетили Агджу в тюрьме и через месяц после этого визита — в начале февраля 1982 г. — Агджа сообщил своему защитнику, что агенты пообещали ему сократить срок заключения до десяти лет, если он согласится сотрудничать.

И положение меняется. В мае 1982 г. Агджа «заговорил», а вслед за этим родилась и версия о наличии «болгарского следа» в покушении на папу. Годом позже он выдумывает второй заговор с участием болгар — заговор с целью покушения на жизнь Леха Валенсы во время его пребывания в Риме.

За эти выдумки судья-следователь Иларио Мартелла предъявляет ему обвинение в клевете перед государственными органами.

Цепь лжи, сплетенная Агджой, очень длинна.

Судя по сообщениям итальянских газет «Коррьере делла сера», «Темпо», «Паэзе сера», «Мессаджеро», «Унита» и др., до окончания следствия он многократно менял свои показания, отрекался от них, выдвигал новые, чтобы «приспособить их» к событиям и фактам, бесспорным образом установленным свидетелями, контрольными проверками и письменными доказательствами, собранными после его первоначальных показаний. Например, Агджа, утверждая, что бегущий с пистолетом молодой человек на фотографии, сделанной в день покушения Л. Ньютоном, — его соучастник Айвазов, после пресс-конференции, состоявшейся в декабре 1982 г. в Софии в отеле «Москва» (когда весь мир увидел по телевидению, что То-

дор Айвазов совершенно не похож на изображенного на фотографии бегущего человека), нагло заявил, что это не Айвазов, а Орал Челик.

Сначала он утверждал, что знает супругу Сергея Антонова — Росицу Антонову и что она участвовала 10 мая 1981 г. вместе с ним и другими лицами в тайной встрече, проходившей на квартире Антонова в Риме. После того как защита Антонова представила устные доказательства того, что в это время Росица Антонова находилась в Софии, Агджа признался, что он не знаком с нею и никогда не бывал в квартире Антонова. Вновь вполне законно возникает вопрос: неужели возможно, чтобы при наличии стольких обстоятельств, изобличающих лживость показаний Агджи и его заинтересованность в них, прокурор Альбано продолжает ему верить?

Ответить на это нетрудно: оценка заместителя генерального прокурора необъективна и имеет, мягко говоря, предубежденный уклон.

Истина одна: обвиняемые С. Антонов, Т. Айвазов и Ж. Василев не виновны. Они подло оклеветаны. Не доказано «болгарское участие» в чудовищном преступлении — покушении на папу Иоанна Павла II. Обвинение против них абсурдно, беспочвенно, провокационно и бездоказательно.

Показания обвиняемого, уличающего другого обвиняемого в совершении преступления (каковыми в данном случае являются показания Агджи против обвиненных болгар), использованы заместителем генерального прокурора некритично.

Но так как в юриспруденции имеют значение лишь принципы закона, а необоснованные оценки неуместны, заключение А. Альбано не может и не должно привести обвиняемых на скамью подсудимых, так как это идет вразрез с фактическими материалами следствия. В данном случае применимо положение ст. 378 итальянского уголовно-процессуального кодекса, не допускающее предания суду обвиняемого, если обвинение против него не подтверждается необходимыми доказательствами. А против болгарских граждан С. Антонова, Т. Айвазова и Ж. Василева нет и не может быть доказательств, подтверждающих их участие в покушении на папу, ибо они не существуют».

Римская газета «Темпо» (14.6.1984) сообщила, что судья-следователь И. Мартелла назвал «серьезным проступком... разглашение следственной тайны, выразившееся в опубликовании содержания обвинительного заключения, но отказался подтвердить, соответствует ли статья, опубликованная Стерлинг в газете «Нью-Йорк тайме», содержанию обвинительного заключения». В кругах органов правосудия, по словам газеты «Темпо», с

уверенностью говорили о том, что Мартелла потребует, чтобы прокуратура начала расследование с целью установить, каким образом американская журналистика получила текст обвинительного заключения заместителя генерального прокурора Антонио Альбано.

Адвокаты Сергея Антонова Дж. Консоло и А. Ларусса со своей стороны подчеркивали: «Мы не удивлены тем, что документ, являющийся следственной тайной, оказался в руках г-жи Стерлинг, учитывая ту беззастенчивость, с какой она действует. Но мы действительно удивлены тем, что эта журналистка совершенно безнаказанно заявляет, что у нее есть текст этого документа, демонстрируя тем самым всему миру, как мало она считается со следственной тайной и с итальянским правосудием...

Хотя мы не можем сообщить, каково в действительности содержание обвинительного заключения, мы тем не менее считаем своим долгом подвергнуть критике тот интерес, с каким определенные круги отнеслись к утверждениям американской журналистики. К сожалению, следственная тайна, которую мы соблюдаем, не позволяет нам сообщить все то, о чем мы узнали из судебных документов. В тот день, когда эти документы будут преданы гласности, мировая общественность будет действительно поражена и наконец-то невиновность Антонова будет доказана полностью».

Заместитель политического секретаря Итальянской либеральной партии Антонио Патуэлли обратился к председателю совета министров, к министрам иностранных дел и юстиции с запросом, является ли подлинным документ, опубликованный газетой «Нью-Йорк тайме», и если да, то «какие дипломатические инициативы (вплоть до разрыва отношений) намерено принять или уже приняло итальянское правительство по отношению к Болгарии?»

Правительство молчало, а тем временем итальянский адвокат Дж. Консоло заявил в интервью агентству Ассошиэйтед Пресс (28.6.1984): «Обвинение прокуратуры в адрес моего клиента Сергея Антонова и двух других болгар настолько беспочвенно, что на суде быстро рухнет. В обвинении утверждается, что в день покушения на папу Иоанна Павла II Антонова якобы не было на рабочем месте, а в момент самого покушения он на своей машине находился недалеко от площади Св. Петра, чтобы помочь Мехмеду Али Агдже скрыться. Однако Антонов не только не встречался с Агджой до того момента, когда следственные органы устроили им очную ставку, но у него есть и железное алиби на день покушения. По показаниям двух итальянских свидетелей, в этот день Антонов был на своем рабочем месте. Если обвиняющая сторона не верит

показаниям этих людей, то их следует арестовать за лжесвидетельство. Этого требует закон. Однако они не были арестованы».

Далее Консоло подчеркнул, что в основе обвинения почти полностью лежат показания Мехмеда Али Агджи, убийцы, приговоренного к пожизненному заключению. Консоло определил Агджу как «абсолютно ненадежного свидетеля». В связи с этим агентство Ассошиэйтед Пресс приводит высказывания самого А. Альбано о том, что показания Агджи были использованы в качестве «отправной точки» в работе следственных органов, и признание Альбано, что «Агджа напелл кучу небылиц», которое, разумеется, было сопровождено глубокомысленным дополнением, — что, мол, наряду с этими небылицами террорист сказал и много правды.

В своем интервью адвокат Консоло остановился на утверждении Альбано, что некий соучастник Агджи сбежал в опломбированном кузове грузовика-трейлера, нанятого болгарским посольством, который не проверяли на итальянской границе. «Это абсурд, — прямо заявил Консоло. — Обвиняющие утверждают, что это единственный грузовик, который посольство использовало в этом году. Нет и нет. Посольство прибегало к таким услугам с грузовиками около двадцати раз в году. Грузовик был опломбирован на улице, — продолжал Консоло, — потому что через ворота посольства грузовик не может проехать; пломбы были поставлены итальянскими пограничниками, и их целостность проверена еще раз на итальянской границе».

Концы с концами у вдохновителей фарса с расследованием «вины болгар» не сходятся, несмотря на развязанный антиболгарской и антисоветской пропагандой летом 1984 г. фактически новый тур провокационной истерии вокруг «дела Антонова». Но — повторим это еще раз — «доклад Альбано» никак не мог убедить вдумчивого читателя. Доказательством тому служили заявления не только защитников С. Антонова. Сомнения сквозили в публикациях даже таких газет, как «Вашингтон пост» (16 июля 1984 г.). Статья ее обозревателя Майкла Доббса приводится почти полностью:

«Рим. — Беседы с представителями обвинения и защиты наводят на мысль о том, что во время всестороннего расследования, которое проводилось итальянскими судьями на протяжении двух лет, не было обнаружено никаких объективных улик, свидетельствующих о связях турецкого террориста, совершившего покушение на папу Иоанна Павла II в 1981 г., с тремя болгарскими представителями, которых он назвал в качестве соучастников заговора.

В связи с отсутствием прямых улик против этих болгар, на

которых пало подозрение, то есть помимо показаний Мехмеда Али Агджи, совершившего покушение на папу, многие судьи и юристы, не связанные непосредственно с этим делом, пришли к выводу, что обвинению будет трудно добиться их осуждения, в случае если они будут преданы суду.

В ходе бесед итальянцы, ведущие расследование, заявили, что невозможно подтвердить достоверность утверждений Агджи о том, что секретная полиция Болгарии обещала ему за убийство папы 400 тыс. долларов. Они не смогли также найти свидетелей, которые могли бы подтвердить, что Агджа когда-либо встречался с сотрудником болгарской авиакомпании «Балкан», который находится сейчас под домашним арестом в Риме, и двумя бывшими сотрудниками болгарского посольства в Риме, которые также подозреваются в причастности к этому делу.

В докладе, который А. Альбано представил в суд в мае, утверждалось, что заявления Агджи относительно этих трех болгар в общем и целом внушают доверие, поскольку он сообщил множество точных подробностей об их передвижении, привычках, об их внешности, о квартирах, в которых они жили. Агджа также подробно изложил план бегства, согласно которому его должны были увезти в надежное укрытие в Болгарии в дипломатической машине.

Однако в ходе бесед, проведенных корреспондентами газеты «Вашингтон пост», выяснилось, что итальянские юристы расходятся во мнениях относительно юридической обоснованности доводов обвинения.

Главные моменты в докладе прокурора были описаны в статье, опубликованной в «Вашингтон пост» 18 июня. Ниже следует анализ уязвимых мест в рассказах Агджи, которые защита может использовать, чтобы подорвать доводы обвинения.

— Неоднократные утверждения Агджи о том, что накануне покушения его сопровождали на площадь Св. Петра болгары, подозреваемые в причастности к этому покушению, ставят под сомнение заявление под присягой одного сотрудника итальянской таможни. Этот сотрудник, некий Луккетта, заявил судьям, что один из этих болгар, сотрудник болгарского посольства Тодор Айвазов, находился вместе с ним в совершенно другом районе Рима примерно в то время, когда он, по утверждению Агджи, был вместе с ним в Ватикане.

Свидетельства, которыми располагают итальянцы, говорят о том, что тяжелый грузовик, который, по утверждениям обвинения, могли бы использовать Агджа и один из его соучастников, турок, обычно парковался не на самой территории болгарского посольства, а у входа в посольство, на виду у тех, кто находился

в расположенных поблизости магазинах. Местные лавочники не верят в то, что болгары собирались взломать опечатанный таможней грузовик и тайно вывезти на нем убийцу папы, полагая, что это можно сделать незаметно.

— Номера телефонов этих болгар, которые, по утверждениям Агджи, ему сообщили в Софии летом 1979 г., легко можно было узнать в римском телефонном справочнике. Агджа признал, что он пустился на «маленькую хитрость», чтобы посмотреть в тюрьме этот телефонный справочник.

— Несмотря на режим «изоляции» после обвинительного приговора, Агджа, находясь в тюрьме, имел доступ к итальянским средствам массовой информации, сообщило обвинение. Итальянское министерство юстиции отказалось сообщить, мог ли он прочитать в печати предположения о причастности болгар к заговору против папы, прежде чем дал судьям показания об этом заговоре, который якобы имел место.

— Нет никаких веских доказательств того, что Агджа мог общаться с Сергеем Антоновым, другим болгариним, которого подозревают в причастности к этому делу и который якобы отвечал за грузовик, предназначенный для бегства. Агджа сказал, что они разговаривали с Антоновым на английском языке, но болгарские официальные лица говорят, что Антонов не говорил по-английски, разве что знал несколько слов, и обвинение не сумело найти свидетелей, которые показали бы, что он знает английский язык.

Существует резкое противоречие между тем, с какой тщательностью Агджа пытался замести следы до покушения, и тем, как открыто он, по его утверждениям, встречался с болгарскими представителями в Риме. Он сказал, что установил контакт с болгарскими агентами по телефону и называл их, пользуясь секретными кодовыми именами, давая таким образом понять, что телефонистка могла знать, по крайней мере, об этом аспекте заговора, несколько раз встречался с ними у них на квартире, а также в барах и ресторанах.

Некоторые участники расследования сообщили, что веских улик против болгар в виде записанных на пленку телефонных разговоров, которые Агджа, по его утверждению, вел с посольством Болгарии или секретной службой, а также показаний других очевидцев об их встречах с болгарскими представителями просто не существует.

«Это было бы слишком замечательно», — сказал судья Фердинандо Импозимато, который руководил проведением первого расследования в связи с сообщениями о «связях болгар» с левозэкстремистской террористической организацией, так называемыми «красными бригадами».

В ответ на целую серию конкретных вопросов прокурор Антонио Альбано сказал, что у следствия нет никаких показаний свидетелей о разговорах или других прямых улик, подтверждающих встречи Агджи с болгарами. Он назвал «выдумкой» сообщения печати о том, будто кто-то видел, как Агджа встречался с Антоновым в одном из римских отелей в январе 1981 г.

В своих показаниях Агджа сказал, что 12 мая 1981 г., за день до покушения, он и другой турок, Орал Челик, встретились днем с болгарами Антоновым и Айвазовым, чтобы в последний раз обговорить все детали. Пообедав в ресторане, они, по словам Агджи, все вместе направились на площадь Св. Петра. Споры из-за этого грузовика приобрели важное значение, поскольку обвинение утверждает, что на этом был основан план спасения Агджи, а защита утверждает, что это дает Айвазову твердое алиби на 12 мая.

Согласно секретным пока что документам суда, сотрудник таможни Луккетта сообщил судьям, что он встретился с Айвазовым утром 12 «мая на таможне в Сан-Лоренцо, за зданием центрального железнодорожного вокзала Рима. Он сказал, что привез Айвазова из таможни к болгарскому посольству, находящемуся в фешенебельном жилом квартале Париолли; обычно эта дорога занимает примерно полчаса.

В официальном документе, представленном в суд полицией итальянского министерства финансов, отвечающей за выполнение таможенных правил, говорится, что Луккетта исполнял свои обязанности у здания болгарского посольства между 14-16 часами 12 мая.

Адвокат Консоло утверждает в своем представлении в суд, что если Луккетта приехал к зданию посольства вместе с Айвазовым в 14 часов, то болгарин не мог находиться на площади Св. Петра в это время, как утверждает Агджа.

Луккетта вспомнил, что они останавливались, чтобы заправиться, у бензоколонки, открытой вскоре после обеденного перерыва, который в 1981 г., возможно, был с 12.30 до 13.00 часов. Позднее он сумел представить вещественное доказательство в подтверждение сказанного: талон на бензин со штампом 12 мая 1981 г., который, как он сказал, дал ему Айвазов.

Предполагают, что защита использует показания Луккетты, чтобы доказать, что Айвазов не мог находиться с Луккеттой и одновременно завтракать с Агджой и находиться вместе с ним на площади Св. Петра в тот день.

А. Альбано предупредил, что не следует придавать слишком большое значение показаниям Луккетты, о которых он не упомянул в своем докладе. Он сказал, что другие сотрудники та-

можни дали показания и что, может быть, Агджа ошибся, когда он говорил о том, в какое именно время они находились на площади Св. Петра.

Хотя Альбано признал, что не знает никаких причин, объясняющих, почему Луккетта стал бы лгать, он сказал, не вдаваясь в подробности, что «в нашем распоряжении имеются подписанные документы, которые не совпадают с заявлениями Луккетты».

С тех пор Луккетта был переведен из таможни в министерство финансов в Риме, где он работает в центральном счетном управлении. В одном из интервью он отказался обсуждать свои показания, сославшись на существующие в Италии правила относительно секретности таких данных, а также на свой статус военнослужащего. «Я сказал Мартелле правду. Мартелла знает все», — заявил Луккетта, при этом он добавил, что он католик и горячий поклонник папы Иоанна Павла II.

Один из главных элементов в докладе обвинения — тот факт, что у здания болгарского посольства в день нападения стоял опечатанный грузовик. В своих показаниях в суде Агджа сказал, что план бегства предполагал наличие пустой посольской машины или дипломатического грузовика, который должен был вывезти его в Болгарию после того, как он будет стрелять в папу.

В соответствии с международной конвенцией такие грузовики инспектируются только при выезде и при прибытии и могут пересекать границы европейских стран без дополнительного таможенного досмотра.

Обвинение утверждает на основе показаний Агджи, что на этом грузовике Агджа и Челик должны были быть доставлены в Болгарию после покушения на папу. Все эти планы сорвались, когда Агджу арестовали на площади Св. Петра, но, по утверждениям обвинения, Челику удалось бежать и этот грузовик вывез его из Италии. Поскольку известно, что итальянские таможенники за несколько часов до покушения, опечатали грузовик, такой сценарий предполагал, что болгары сорвали печати и тайно вывезли на нем Челика (может быть, в каком-то ящике), а затем снова опечатали грузовик. Адвокат Консоло назвал такую идею «смехотворной» и сказал, что несколько итальянских свидетелей в своих показаниях заявили, что грузовик стоял не на территории посольства, а возле него, на виду у расположенных поблизости небольших магазинов.

Консоло отказался назвать фамилии этих свидетелей, сказав лишь, что их показания включены в документы суда.

Есть еще один черный ход в посольство, которым редко пользуются, но который днем всегда загорается прилавок с цветами одного из самых больших цветочных магазинов Рима. Для того чтобы воспользоваться этим входом в посольство в тот день, когда стреляли в папу, понадобилось бы убрать тяжелый металлический прилавок с цветами, а это неизбежно привлекло бы внимание.

Есть еще один возможный вариант плана спасения, а именно Агджа и Челик сели в грузовик где-нибудь в пустынном месте, за чертой города. Однако такой сценарий подорвал бы утверждения прокурора о том, что болгары прибегли к необычной процедуре таможенного досмотра этого грузовика на территории посольства, а не на таможне.

Альбано в своем докладе привлек внимание к необычайно важной детали, а именно: в 1981 г. только одна импортная и одна экспортная операции были совершены за пределами помещения римской таможни, в болгарском посольстве в Риме 12 и 13 мая. Адвокаты посольства оспаривают это утверждение.

Офицеры в римской таможне, к которым они обращались, отказались обсуждать этот конкретный случай с грузовиком у болгарского посольства в день покушения на папу. Но один высокопоставленный сотрудник таможни сказал, что в общем-то нет ничего необычного в том, что сотрудники таможни едут в посольство наблюдать за погрузкой или разгрузкой таких грузовиков.

Двое других турок, подозреваемых в причастности к делу, фамилии которых были названы в докладе прокурора (это Муса Сердар Челеби, руководитель профашистской террористической организации «серые волки» в ФРГ, и Багджы, один из членов этой организации, который живет в Швейцарии), признали, что они встречались с Агджой, несмотря на то, что ранее они это отрицали.

Защита может оспаривать достоверность показаний Агджи, учитывая противоречия в них, а порой и отказ от этих показаний. Самым существенным в ходе следствия был его отказ от показаний от 28 июня 1983 г. о посещении квартиры Антонова, встрече с его женой, а также о том, что он звонил ему по телефону в представительство «Балкан» в Риме. Агджа заявил Мартелле, что он даже не знал настоящей фамилии Антонова. Он знал только псевдоним, пока не узнал его имени от самого судьи.

Агджа сказал тогда, отказываясь от данных им показаний, что он узнал подробности о квартире Антонова из итальянских газет и телевидения. Альбано сказал, что это «порази-

тельное, но вполне правдоподобное признание, учитывая, как широко освещали это дело средства массовой информации». Утверждения о причастности болгар к покушению на папу были впервые опубликованы в «Ридерс дайджест» в августе 1982 г.

Как это ни парадоксально, но утверждения о том, что Агджа узнал подробности о квартире Антонова из средств массовой информации, оспаривают защитники болгар, которые утверждают, что они установили, что о подробностях интерьера впервые сообщалось в печати через две недели после того, как Агджа описал эту квартиру судье.

Адвокаты Антонова и болгарское посольство заявляют, что это подтверждает их заявления о том, что Агджу снабдили этой информацией о квартире Антонова, и описаниями трех болгар, после или даже до его ареста.

Следователи приняли новое объяснение Агджи относительно того, что он нашел номер телефона «Балкан» в телефонном справочнике, в который ему разрешил заглянуть турецкий переводчик в тюрьме.

Номера телефонов болгарского посольства, консульства и квартиры Айвазова можно было найти в римском телефонном справочнике в момент совершения покушения на папу. Болгарские представители настойчиво утверждали, что у Айвазова в квартире не было личного телефона и что он пользовался спаренным телефоном, — с этим прокурор сейчас согласился.

Известно, что в приговоре, вынесенном Агдже, были такие строки: «режим строгой изоляции в тюрьме». Хотя министерство юстиции Италии сначала дало согласие ответить на вопросы относительно контактов Агджи в тюрьме, предложив прислать вопросы в письменной форме, впоследствии сотрудники министерства отказались это сделать.

Отказываясь от своих показаний, касающихся Антонова, Агджа имел также в виду и запланированную встречу с болгарскими, подозреваемыми в причастности к этому делу, которая якобы состоялась 10 мая 1981 г. в присутствии жены Антонова и их дочери. Болгары заявили, что это было невозможно, ибо жены Антонова в тот день, 10 мая, не было в Риме; обвинение пока что оспаривает это.

В показаниях Агджи много противоречий, многие из них касаются ошибок, допущенных им при описании тех, кто якобы был к этому причастен. Например, он вначале утверждал, что человек, который был сфотографирован бегущим по площади Св. Петра после покушения, это Айвазов. Позднее он сказал, что это не Айвазов, а Челик. Вначале он

сказал, что Айвазов ниже майора Василева, тогда как на самом деле он значительно выше. Василев, бывший помощник военного атташе болгарского посольства в Риме, это третий болгарин, фамилия которого была названа в докладе прокурора.

В газете «Вашингтон пост» в номере от 18 июня в одном из сообщений говорилось о том, что Айвазов ниже Василева; это было ошибкой. Это важное обстоятельство, поскольку оно означает, как утверждает защита, что Агджа знал болгар только по фотографиям.

В своих заявлениях, переданных судье, адвокаты пытаются разоблачить Агджу как свидетеля, которому нельзя верить, приводя его противоречивые показания о внешности Антонова. Например, ссылаясь на документы суда, они приводят его слова вначале о том, что у Антонова была светлая борода, потом — что борода черная и, наконец, что он время от времени носил фальшивую бороду.

У Василева и Айвазова — дипломатический статус, и они вернулись в Болгарию в 1982 г. Из турок, которые проходят по этому делу, Агджа, Багджды и Челеби находятся под стражей в Италии. Челенк — в Болгарии, а Челик пока на свободе.

Адвокаты заявили, что они постараются посеять сомнения в отношении доверия в Агдже, обратив внимание на то, что он не смог вначале указать на квартал, где жил Айвазов на улице Галяни, когда Мартелла возил его туда 6 ноября.

Когда его попросили написать на листке название улицы, Агджа написал виа Галяни с двумя «л», повторив ошибку, сделанную в телефонном справочнике. Потом он несколько раз ошибался, называя этаж, на котором находится квартира, а также описывая расположение лестницы.

Если состоится новый судебный процесс, то в центре его, безусловно, будет загадочная фигура самого Агджи, поведение которого с самого начала удивляет итальянских следователей.

Терпение судей, которые обвинили его в «клевете» и «самооговоре» после того, как он взял обратно свои показания относительно подробностей плана покушения на Леха Валенсу, истощилось, так противоречивы его показания.

Прокурор рекомендовал затем отказаться от этих обвинений, поскольку нельзя было доказать, что его первоначальные заявления были неправдой.

Судьи и адвокаты, которым когда-либо приходилось иметь дело с Агджой, в один голос говорят о том, что это человек хитрый, обладающий поразительной памятью. На них также

производит большое впечатление его способность вводить в заблуждение тех, кто ведет допрос, сообщать иногда какие-то сведения, когда он этого хочет, и направлять расследование именно в то русло, в которое он хочет его направить.

«Агджа похож на зверя в джунглях, который все время на чеку. На карту поставлены его жизнь и свобода. Он их потерял и теперь пытается вернуть», — сказал прокурор Альбано, объясняя, почему он считает, что в интересах Агджи помогать расследованию.

Судья, который первым допрашивал Агджу сразу же после покушения на папу, сказал, что у него сложилось впечатлительное, что турок заранее подготовил все, что он скажет судьям.

«Он был спокоен и уверен в себе. Казалось, он заранее подготовил все доводы, которые собирался привести. А спустя несколько часов, когда я начал требовать конкретных ответов, он замолчал», — сказал этот судья.

Судья Импозимато, который расследовал «связь с болгарами», сказал, что Агджа ведет себя иначе, чем другие раскаявшиеся преступники, которые хотят чистосердечным признанием купить себе свободу.

«Большинство таких преступников не хотят сообщать судьям ничего такого, что может подорвать доверие к ним. Поэтому они стараются сообщать только то, что может получить подтверждение. Агджа же иногда как будто хочет сам сообщить сведения в подкрепление того, что он сказал», — сказал Импозимато.

Это психологическое объяснение вполне согласуется с заявлением, которое Агджа сделал Мартелле, а именно, что он приукрасил свои показания об Антонове, чтобы придать своим словам большую достоверность».

Высшие судебные инстанции Италии, явно действуя по указке реакционных кругов Запада, требовали начать судебный процесс над С. Антоновым. Генеральная прокуратура представила официальное заключение, в котором признаются «достоверными» показания террориста Агджи против С. Антонова. Обвинительная сторона в лице римской прокуратуры, писала газета «Унита» (9.5.1984), видимо, не захотела принять во внимание сообщения печати о том, что до того, как Агджа стал давать показания, он был тщательно обработан западными секретными службами, — террорист пошел на грязную сделку в надежде на сокращение срока тюремного заключения. Лживые версии Агджи получили трибуну, которую им представляют империалистические концерны пропаганды. Чтобы помочь читателю составить целостное итоговое представление о целях и мотивах этой, одной из крупных клеветнических кампаний в истории, вновь обратимся к авторитетному мне-

нию генерального директора Болгарского телеграфного агентства Бояна Трайкова. Ниже предлагаются отрывки из его интервью болгарской газете «Литературен фронт», опубликованного в мае 1984 г.:

«ЛФ». Почему вы утверждаете, что как провокация, так и последовавшая за ней антиболгарская кампания были предварительно задуманы и организованы?

Б. Трайков. Рассмотрим последовательно, для большей ясности, провокацию в Риме, под которой я подразумеваю рождение «дела Антонова» и идеологическую кампанию против социализма. Они составляют единое целое, органично связаны между собой, взаимообусловлены, это плод одного сценария.

Разумеется, провокация с арестом Антонова была предварительно организована. Чтобы выдать ордер на арест, римский следственный отдел должен был иметь какое-то оправдание, по крайней мере так называемые улики. Именно фабрикация улики требовала предварительной подготовки, и, как впоследствии выяснилось, Агджу долгое время готовили, как и что лгать.

По этому поводу я хочу сказать, что у римского следственного отдела не было права на арест Антонова. Недопустимо выдавать ордер на арест на основании улики, представленной таким преступником, как Агджа, не проверив эти улики предварительно самым тщательным образом, не убедившись в их достоверности, особенно когда идет речь о таком тяжком обвинении, как покушение на главу государства. Ведь это, естественно, ведет к ухудшению отношений между двумя государствами, дискредитирует пользующуюся уважением во всем мире Болгарию и ее народ. Факты показывают, что если предварительная проверка улики была проведена, то она была поверхностной. А это означает безответственность или же порождает иные сомнения.

Что же касается антиболгарской кампании, то и она, разумеется, была предварительно организована. Чем, если не предварительной организацией, можно объяснить то, что Клэр Стерлинг и Пол Хенци длительное время колесили по Турции, Федеративной Республике Германии, Италии и другим странам (исключая Болгарию) и за два месяца до начала провокации начали в своих публикациях обрабатывать общественное мнение, с тем чтобы подготовить его к яростной антиболгарской кампании? Чем, если не выполнением предварительно разработанного сценария, можно объяснить, что еще в сентябре 1982 г. американской телекомпанией Эн-Би-Си был снят и показан фильм с явной целью направить общественное мнение на «болгарский след» в покушении на папу и сделать следующий шаг в подготовке кампании против социалистической Болгарии?

О предварительном замысле и организации говорит -и не случайное упоминание о «болгарском следе» в сентябре 1982 г. специальной комиссией конгресса США, следящей за выполнением хельсинкских договоренностей.

А разве не были организованы пропагандистская акция и официальная кампания, сигналом для которых послужил арест Антонова 25 ноября 1982 г.? Был подан знак, и вся буржуазная печать, радио и телевидение обрушились на Болгарию и страны социализма. Здесь не может быть никаких сомнений — буржуазный пропагандистский хор звучал так, словно им умело дирижировали. Начиная с выбора времени, этапов развития, так называемой «утечки информации», отфутболивания лжи из Италии в Турцию и оттуда во все страны Запада и кончая гальванизацией кампании новой порцией лжи после каждого спада — все говорит о том, что антиболгарская кампания была предварительно обдумана и спланирована, а затем постоянно руководилась и направлялась.

Хочу пояснить говоря об организованной пропагандистской кампании, основанной на клеветническом утверждении о болгарском участии в покушении на папу: я не имею в виду сознательную принадлежность к этой организации всех пишущих на эту тему журналистов буржуазных средств массовой информации. Многие из них просто, я бы даже сказал, добросовестно исполняют свою профессиональную обязанность «гоняться» за новостями, искать сенсации и передавать факты и события в том виде, в каком им их представляют. Я утверждаю, что существует центр, созданный теми органами дезинформации и идеологической диверсии, которые давно уже разработали систему и механизм массивной обработки общественного мнения в нужном им направлении. Пример тому и клеветническая антиболгарская кампания, подхваченная многими западными средствами массовой информации.

«ЛФ». Каковы цели этой антиболгарской и антисоциалистической пропагандистской кампании?

Б. Трайков. Цели, которые преследуют, развязывая эту пропагандистскую кампанию, авторы заговора, можно определить очень точно, имея в виду сложную международную обстановку, стремление империализма достичь военно-стратегического превосходства и найти повод для того, чтобы оправдать себя перед мировой общественностью. Кампания была разработана весьма масштабно и комплексно, с широким диапазоном целей — от воздействия на чувства людей до поддержания стратегических задач империализма. Но сколь бы многочисленными и разнообразными ни были эти цели, они в конце концов направлены на достижение одного исключительно важного эффекта — убить в миллионах людей на Западе чувства доверия и уважения

к социалистической системе и миролюбивой политике народов стран социалистического содружества. Эта кампания отвечает духу и целям «неокрестового похода», объявленного для уничтожения коммунизма.

Об одной из целей кампании — ввести мировую общественность в заблуждение, внушив ей, будто страны социалистического содружества экспортируют и поддерживают терроризм в капиталистических странах, — хочу сказать еще несколько слов. Это нужно и для того, чтобы скрыть горькую правду о том, что терроризм возведен в ранг государственной политики и практики Соединенных Штатов. Миру известно бесчисленное множество примеров этого, начиная с внутривнутриполитического терроризма в США — убийства руководящих деятелей и прогрессивных людей, и кончая их внешнеполитическим терроризмом — перевороты, как в Чили, интервенции, как на Гренаде, щедрые поставки оружия и специалистов по части террора и убийств, как в Сальвадоре, наглые диверсии, такие, как минирование портов Никарагуа...

Надо иметь большую наглость, чтобы, отлично зная, где и кто занимается терроризмом, обвинять в этом других и даже дойти до обсуждения в США закона против терроризма. Это ли не лицемерие? Ведь придется судить самих себя!

«ЛФ». Не стараются ли вызвать ухудшение болгаро-турецких отношений?

Б. Трайков. Как я уже говорил, цели этой кампании многоплановы, так что не следует исключать и такую задачу, преследуемую определенными кругами на Западе. Кое-кому в НАТО не по нутру, что между Народной Республикой Болгарией и Турецкой Республикой существуют взаимопонимание и добрососедские отношения, что они постоянно расширяют сотрудничество в различных областях. Не по нутру им и наступившие на Балканах спокойствие и безопасность, и особенно обсуждающаяся идея о превращении нашего полуострова в зону, свободную от ядерного оружия, что является, бесспорно, ценным вкладом в дело мира в Европе и во всем мире.

«ЛФ». Вернемся снова к Сергею Антонову. БТА сразу же объявило, что Антонов невиновен. Если вы имели в виду, что Болгария не имела и вообще не могла иметь ничего общего с покушением на папу, не отождествили ли вы одного человека с государством?

Б. Трайков. Здесь не идет речь об уравнивании двух совершенно разных понятий и величин, какими являются человек Антонов и государство Болгария. Клевета на Болгарию персонафицирована в лице Антонова, в силу чего защита Антонова и Болгарии часто ведутся одновременно и в сочетании.

Но нельзя и не следует воспринимать это как их отождествление. Сергей Антонов один из почти девяти миллионов граждан Народной Республики Болгарии. Наша социалистическая мораль велит нам заботиться о каждом, кто попал в беду, а тем более о невинно пострадавшем. Особенно в конкретном случае, когда болгарский гражданин является жертвой провокации, направленной не лично против него, а против его родины.

Быстрые, но тщательные расследования, проведенные компетентными болгарскими органами, показали, что Антонов не знает, не встречался и не имеет никакой связи с турецким террористом Агджой; Антонов не знает, не встречался и не имеет никакой связи с теми, кто знает Агджу; Антонов не был во время покушения на площади Св. Петра и не имеет ничего общего с покушением на главу римско-католической церкви.

Эта констатация в полной мере относится к Тодору Айвазову и Жельо Василеву.

Поэтому мы заявили, что Сергей Антонов невиновен, невиновны и Тодор Айвазов, и Жельо Василев.

К этому категорическому заключению мы пришли не только в результате нашей проверки. Следствие в Риме, продолжавшееся более года, не нашло никаких доказательств — ни прямых, ни косвенных — участия как Сергея Антонова, так и вообще болгарских граждан в этом покушении.

Следствие в Риме доказало, как фальшивы, вымышленны и противоречивы показания международного террориста Агджи. Даже манипулирование этими показаниями не смогло изменить их инсценированную лжесвидетельскую сущность.

Хочу напомнить основной юридический принцип, существующий с времен древнего римского права: каждый невиновен, пока не доказано, что он виновен. До сих пор нет улик виновности Антонова, Айвазова и Василева, наоборот, есть только многочисленные доказательства их невинности.

А сейчас я расскажу биографию Сергея Антонова, так как считаю, что и она может послужить еще одним доказательством его невинности. Сергей Иванов Антонов молод, он родился 11 июля 1948 г. в Софии в рабочей семье. Работал в Народной библиотеке имени Кирилла и Мефодия. Был осветителем в Драматическом театре «София». В 1972 г. поступил на работу в БГА «Балкан». Хорошо владеет французским и итальянским языками. В 1975 г. был направлен на шесть месяцев на стажировку в представительство БГА в Касабланке (Марокко), а с марта 1977 г. работал в представительстве авиакомпании «Балкан» в Риме. Учился заочно на факультете болгарской филологии.

Сергей Антонов женат, у него дочь Ани, сейчас ей 13 лет. Его жена Росица — научный сотрудник одного из институтов Болгарской академии наук.

Сергей Антонов член БКП, скромный, трудолюбивый и исполнительный сотрудник БГА «Балкан».

Читателям газеты «Литературен фронт», может быть, будет интересно узнать, что Сергей Антонов любит писать стихи. Его дочь Ани дала нам страницы с его литературными опытами. Среди них есть, например, такие стихи:

Долго,
трудно
повторяется ветер
строящий дюны.
Он хочет,
верит,
старается
дом
свой
построить.

Если вдуматься, совсем обыкновенная биография. Чем же тогда объяснить, что именно он стал жертвой провокации?

Единственно верным ответом на вопрос, почему именно Антонова выбрали объектом для провокации, — является тот факт, что у него, как у простого служащего авиакомпании, нет дипломатического иммунитета и, следовательно, его можно арестовать. Это послужило основой для тех, кто обратил внимание на Антонова. Все остальное — предположения. Может быть, учли и то, что, исполняя обязанности служащего, встречающего и провожающего болгарские самолеты в римском аэропорту, он встречается со многими людьми и поэтому ему легче будет приписать несуществующие контакты. Может быть, соответствующие «специалисты», давно наблюдавшие за ним, решили, что именно его можно будет сбить с толку и запутать или что на его психику можно легко повлиять, превратив в послушное оружие. Нельзя сказать ничего определенного, но бесспорно одно — велись поиски, тут шел выбор.

Верно также и то, что «специалисты» ошиблись в своем анализе и оценке данных Антонова. Он держится уже почти полтора года, несмотря на расшатанное здоровье, на действующие угнетающие на психику условия тюрьмы и столь длительное следствие.

«ЛФ». Почему в эту интригу замешаны имена Тодора Айвазова и Жельо Василева?

Б. Трайков. Имя Жельо Василева фигурирует в этой инсценировке конечно же для придания авторитета, чтобы простые люди поверили, будто существовал болгарский заговор об убийстве папы, будто в Риме действовала болгарская группа, готовящая покушение. Для вашей убедительности хорошо бы включить в эту группу кого-нибудь посолоннее, лучше всего какого-нибудь военного. Такую роль сценаристы отвели Жельо Василеву, так как он майор и был секретарем болгарского военного атташе в Риме.

Что касается Тодора Айвазова, то он был вторым, кроме Антонова, болгарским служащим, за которым следили, чтобы сделать персональным объектом провокации. Но по каким-то соображениям они остановились на Антонове, а Айвазова подключили для того, чтобы использовать материалы слежки и создать впечатление о существовании в Риме болгарской террористической группы.

Некоторые западные журналисты продолжают утверждать, что Тодор Айвазов и Жельо Василев уехали из Италии раньше времени, хотя очень хорошо известно, особенно итальянским органам, что Айвазов и Василев не были «поспешно» отозваны в Болгарию.

В заявлении Жельо Василева БТА от 16 декабря 1982 г. говорится: «Я был секретарем болгарского военного атташе в Риме с 26 ноября 1979 г. до 27 августа 1982 г., то есть в рамках нормального срока. Мой заместитель ждал въездной визы целых два месяца — с начала июня до конца июля 1982 г. В Рим он прибыл в начале августа, после чего почти 20 дней я вводил его в курс служебных обязанностей. Выехал из Италии 27 августа 1982 г.».

Ответ Жельо Василева по-военному краток и ясен.

С Тодором Айвазовым случай особый.

Будучи кассиром болгарского посольства в Риме, он прибыл в Софию 5 ноября 1982 г. для традиционного годового отчета и согласования бюджета на следующий год. Закончив дела, он получил билет на самолет, забронировал место и готовился 26 ноября 1982 г. вылететь в Рим. Но 26 ноября утром болгарское посольство в Риме получило официальное уведомление о том, что выдан ордер на арест Айвазова, и сообщило об этом в Софию. Тодор Айвазов узнал об этом уже в аэропорту и остался в Софии.

Но что самое удивительное — итальянские власти знали, что Айвазов временно находится в Софии. Их посольство дало ему визу, было известно, что он выезжает в Рим. У него было забронировано место, что можно проверить. Римскому следственному отделу было или могло быть известно, что 26 ноября 1982 г. Айвазов возвращается в Рим. Почему же всего за несколько ча-

сов до этого шумно оповещается приказ о его аресте? Чтобы Айвазов не вернулся в Рим. Этот ход — полицейская ошибка или, что более вероятно, сценарием предусмотрено обвинение Айвазова, как и Василева, заочно.

«ЛФ». Остается еще одно довольно часто упоминавшееся имя — Бекир Челенк. Кто он, какое положение он занимает?

Б. Трайков. Помимо Бекира Челенка с данным делом связывают и другие имена. Наиболее важным представляется имя Орала Челика, турецкого гражданина, «серого волка», местонахождение которого сейчас неизвестно. Пресловутый Интерпол не смог обнаружить его. Исследование одного из фотоснимков площади Св. Петра, сделанного в момент покушения, показывает, что Орал Челик бежал в этот момент с пистолетом в руке. Это важное открытие принадлежит западногерманскому телевидению, но такой «след» не предусмотрен сценарием и поэтому ему не придается значения.

Другие имена — Омер Багджи и Муса Челеби. Первый перedal Агдже на вокзале в Милане пистолет «браунинг», из которого тот стрелял в папу. Но Багджи утверждает, что не знал, для чего послужит пистолет, а тем паче не знал о намерении убить папу. Второй дал Агдже деньги для проживания в ФРГ, но утверждает, что просто хотел помочь нуждающемуся соотечественнику. Они — Багджи, арестованный в Швейцарии, и Челеби, арестованный в ФРГ, экстрадированы в Италию и находятся под следствием. Судья Мартелла привлек их к ответственности по делу о покушении на папу Иоанна Павла II.

Бекир Челенк известен нам как коммерсант, изредка торгующий с некоторыми болгарскими внешнеторговыми фирмами. Он говорит, что жил в Стамбуле и разбогател на торговле. В 1966 г. уехал из Турции и успешно продолжал «делать деньги» в ФРГ, Швейцарии, Италии, Англии и США. Покупал для продажи на Ближнем Востоке часы, электрические приборы, грузовые суда и т. д. Его фирма имела филиалы в Мюнхене, Лондоне, Берне, Лос-Анджелесе, Стамбуле. В декабре 1982 г. он прибыл в Софию, чтобы договориться о продаже турецких цитрусовых взамен болгарской минеральной воды.

Бекир Челенк был взят под контроль болгарскими властями, ибо оказался в Болгарии в тот момент, когда в Италии объявили, что его подозревают в соучастии в покушении на папу. Возникает вопрос: почему «под контроль», а не «под стражу»? Чтобы арестовать того или иного гражданина, ему нужно предъявить какое-то определенное обвинение. Поскольку болгарским властям не предоставлено обвинение итальянского следствия против Бекира Челенка, то нашим законом не предусматривает-

ся заключение в тюрьму. Вот почему Бекир Челенк находится только под контролем. Это означает, что приняты соответствующие меры пресечения, в частности у него отобран паспорт, он не имеет права выезжать за пределы Народной Республики Болгарии, в любой момент он должен быть в распоряжении болгарских следственных органов.

Бекир Челенк заявляет, что не знает Мехмеда Али Агджу и не имеет ничего общего с покушением на площади Св. Петра в Риме.

В этой связи возникает вопрос: почему паспорт Челенка был неправоммерно продлен? На это могут дать ответ соответствующие турецкие консульские службы. В Болгарию он прибыл, не нарушив наших законов. Паспорт у него был в полном порядке, с аутентичными подписями и печатями.

Очень злоупотребляют и тем фактом, что мы не высылаем Бекира Челенка в Италию. Однако замалчивают то, что органы итальянского правосудия не потребовали его экстрадиции. Согласно нормам международного права требование экстрадиции того или иного лица нужно обосновать в соответствующем порядке. Есть или нет у итальянских, следственных органов основание для такого требования?

До сих пор только турецкая сторона потребовала экстрадиции Бекира Челенка. Согласно ее требованию он обвиняется не в контрабанде оружия и наркотиков, как пишут, а в незаконной торговле другими товарами и в валютных махинациях. После того как будет выяснено, имеет ли Бекир Челенк какое-нибудь отношение к покушению на папу Иоанна Павла II, а именно по этой причине его взяли под контроль в нашей стране, Главная прокуратура Народной Республики Болгарии рассмотрит требование турецких властей о его экстрадиции и объявит свое решение.

«ЛФ». Не запрограммирован ли был арест Агджи? Чем объяснить примитивизм покушения?

Б. Трайков. Кампания против нас довольно сильно взбудоражила фантазию некоторых журналистов, и особенно некоторых «исследователей». Они говорят: покушение долго и тщательно подготавливалось, Агджу специально обучали, предусматривалось бегство террориста с площади и т. д. То есть существовал сложный сценарий этой, по сути дела, любительской попытки покушения. Логично ли, чтобы такие, по оценке Стерлинг, «высокопрофессиональные и опытные болгарские и советские секретные службы» действовали столь непрофессионально! Всем хорошо известно, какой богатый опыт имеют американцы в этом отношении.

Стрелять в известного человека с расстояния в несколько метров, в многотысячной толпе, как это было во время покушения

13 мая 1981 г., крайне несерьезно. Ни попасть наверняка из-за толпы, ни возможности стрелявшему скрыться. Напротив, арест Агджи был неизбежен.

Согласно одной из версий, Агджа действовал в одиночку, по своему усмотрению, как фанатик-мусульманин или как маньяк, решивший заставить мир заговорить о себе. Известно не одно покушение на папу по подобным мотивам. Но эта версия не может объяснить, почему на площади во время покушения присутствовал Орал Челик, откуда и за что Агджа получал деньги для поездок и проживания в Европе в течение года.

Не правдоподобнее ли другая мысль: организатор или организаторы покушения планировали его с таким расчетом, чтобы Агджа был арестован. Не говорят ли действия, само покушение о том, что арест Агджи был запрограммирован? Особенно если в программу входило объявить официально то, о чем писали некоторые газеты, — что в кармане Агджи была бумажка с телефонными номерами болгарского посольства в Риме. Тогда можно вполне поверить в эту версию.

«ЛФ». И сам собой возникает вопрос: зачем арестовывать, с какой целью?

Б. Трайков. С целью подготовить и осуществить провокацию и добиться того, чтобы действительно последовала широкомасштабная идеологическая кампания против Болгарии, Советского Союза, социалистического содружества.

«ЛФ». Сколько заплатили Агдже, что ему пообещали за всю эту ложь?

Б. Трайков. Как и за какую цену Агджу уговорили стрелять в папу, по всей вероятности, когда-нибудь станет ясно. Но в данный момент цена его лжи совсем другая. Всем хорошо известно, что побывавшие у него люди из «служб» обещали ему сократить срок тюремного заключения до десяти лет, если он будет сотрудничать с ними. Агджа лично сказал об этом своему защитнику. Но это еще не вся цена его лжи. Агджа вынужден лгать, чтобы сохранить собственную шкуру. Ему было сказано, и он хорошо усвоил это: в противном случае его выведут из изоляции, поместят в общую камеру, и какой-нибудь возмущенный католик его прикончит. Да есть и другие способы расправы. Агдже известно, как часто происходят убийства в итальянских тюрьмах, поэтому он и стал послушным исполнителем чьей-то воли. Ведь жизнь дорога всегда, даже в тюрьме.

«ЛФ». Удалось ли итальянским следственным органам найти что-нибудь такое, за что можно было бы ухватиться? Как они объясняют то, что Антонов все еще находится под арестом?

Б. Трайков. Во-первых, до сих пор не обнаружено и не установлено ничего такого, что могло бы подтвердить виновность

Антонова, не говоря уже о доказательствах. В принципе ничего и невозможно найти, ибо нельзя искать и найти что-то там, где ничего не было и нет. Не может быть доказательств вины Антонова, то есть его участия в покушении на папу Иоанна Павла II. Во-вторых, потому что Антонов и покушение — личность и деяние — совершенно разные, не имеющие ничего общего вещи.

Несмотря на это, Антонова продолжают держать в римской тюрьме. Эта несправедливость римской магистратуры оказывает влияние на сознание и отношение к этому факту многих людей. Потому что, естественно, возникает мысль: раз его арестовали и не выпускают, значит, тут что-то нечисто. Люди не знают, что именно на эту логику и на этот настрой человеческой мысли и рассчитана вся провокация, сопровождающаяся шумной пропагандистской кампанией. Не знают, что на Западе очень рассчитывают на ее эффект.

Говоря о том, существуют или не существуют хоть какие-то доказательства вины Антонова, я хочу припомнить интервью, которое Иларио Мартелла дал во время пребывания в Софии представителю Болгарского телеграфного агентства. Когда его спросили, почему Антонова продолжают держать в тюрьме, Мартелла сказал, что причиной тому его не совсем удачные ответы. Не кажется ли вам, что Мартелла придает чрезмерное значение тому, как отвечает Антонов? Поскольку итальянские следственные органы не располагают доказательствами, подтверждающими обвинение, они явно рассчитывают на «неудачные» ответы Антонова, то есть на его замешательство. И так как подобное замешательство легче всего вызвать у человека, находящегося в состоянии психической депрессии, становится ясно, что Антонова настойчиво и систематически толкают к такому состоянию.

«ЛФ». Как вы оцениваете проблему юридического взаимодействия Болгарии и Италии?

Б. Трайков. Наша страна, руководствуясь верой в то, что разум восторжествует над интригой и заговором, будет сильнее попыток оклеветать социалистическую Болгарию, руководствуясь желанием сохранить традиционно хорошие, дружественные отношения между Болгарией и Италией, предложила, чтобы органы правосудия и следственные органы двух государств помогали друг другу установить истину в связи с покушением на папу Иоанна Павла II. Несмотря на то, что Болгария и Италия не связаны соглашением о правовой помощи, главный прокурор Народной Республики Болгарии Костадин Лютов пригласил приехать к нам судью-следователя Иларио Мартеллу. Министр юстиции НРБ предложил итальянскому министру юстиции (на условиях полной взаимности), чтобы соответствующие компетентные органы Болгарии и Италии обменялись информацией

по выяснению как обстоятельств покушения на папу, так и вопросов, связанных с незаконной торговлей наркотиками, валютой, оружием и другими запрещенными товарами. Сам по себе этот акт красноречиво говорит о том, что нам нечего опасаться и нечего скрывать, а, наоборот, мы проявляем полную готовность и желание содействовать выявлению истины как в деле о покушении на папу, так и в вопросах международной контрабанды, по которым мы также стали объектом тенденциозной лжи и клеветы.

Этот факт подтверждает и наша готовность внести свою лепту, как мы делали это не раз, в борьбу против международного терроризма и вообще против международной преступности.

В Софию прибыл судья-следователь из итальянского города Тренто Карло Палермо и несколько дней лично допрашивал Турецкого гражданина Бекира Челенка. Прибыл и судья-следователь Иларио Мартелла в сопровождении заместителя генерального прокурора Антонио Альбано и начальника итальянской секции Интерпола Эдмондо Патутто. На протяжении недели Мартелла лично беседовал с Тодором Айвазовым и Жельо Василевым, с Росицей Антоновой и супругами Крыстевыми, с турецким гражданином Бекиром Челенком и другими лицами. Итальянские судьи-следователи по окончании визитов официально, в коллегиальном духе заявили, что полностью удовлетворены атмосферой и условиями, созданными им для работы болгарскими следственными органами.

Я не случайно подчеркиваю, что Палермо и Мартелла разговаривали лично с интересующими их лицами. Ибо международные нормы и практика предусматривают, чтобы подобные допросы велись через посредника. Когда два турецких следователя допрашивали Агджу в Риме, то, несмотря на то что между Турцией и Италией существует правовое соглашение и эти страны — союзники по НАТО, им не было разрешено вести допрос лично, а только при посредничестве Мартеллы.

Болгарские следователи Йордан Орманков, Стефан Петров и Йонко Рашков тоже посетили Рим в связи со следствием: они допросили Агджу, беседовали с Антоновым, произвели осмотр и проверку.

Бесспорно, это взаимодействие между болгарскими и итальянскими следственными органами, начавшееся по инициативе НРБ, весьма полезно для установления истины, лишь бы эта возможность использовалась независимыми юридическими органами и лицами.

«ЛФ». Измышления Агджи относительно проекта убийства в Риме Леха Валенсы с участием Антонова были разоблачены. Но поставлена ли на этом точка?

Б. Трайков. Этот эпизод имеет исключительно важное значение, поскольку он обнажает пружины заговора против чашей страны. Я позволю себе расчленить его и задать несколько вопросов.

Для чего было придумывать «проект» убийства Валенсы? С двойкой целью. С одной стороны, так как следствие явно проваливалось, решено было подыскать и ввести в действие дополнительный вариант, который отвлек бы внимание от основного, усложнил интригу и спас заговор. С другой стороны, хотели оживить выдохшуюся антиболгарскую кампанию, дать ей пищу в виде новой сенсации, новых потрясающих раскрытий. Целую неделю, не жалея бумаги, живописали о четырех болгарях, поселившихся в римском отеле «Виктория» как раз перед тем, как там поселился Лех Валенса. После того как пропагандистский эффект «доказательства» был достигнут, в печати проскользнуло беглое сообщение, что эти болгары были гостями одной из итальянских строительных фирм, которая и устроила их в данную гостиницу.

Этот резерв очень быстро иссяк прежде всего потому, что вообще не существовал проект убийства Леха Валенсы ни с участием, ни с ведома Антонова. Все провалилось еще и потому, что Агджа очень небрежно отнесся к этому «уроку» и пересказал его судье Мартелле весьма неуклюже. Описанная им бомба, которая должна была поднять на воздух Валенсу, была настолько фантазмагорична, что, несмотря на все усилия, экспертам не удалось реконструировать ничего подобного.

Интересно, почему за эту ложь Мартелла официально обвинил Агджу в клевете на Антонова? Может, он почувствовал, что среди общественного мнения начинают зарождаться настроения удивления, возмущения и сомнения относительно следствия, которое он ведет? Видимо, нужно было что-то предпринять для сохранения своей репутации? И тогда он сделал такой ход: когда Агджа говорит истину, я ему верю, но когда лжет, я его привлекаю к ответственности. Но тем самым Мартелла только усложнил конфликт между следствием, которое он ведет, и юриспруденцией.

Не могло не произвести впечатления, что, несмотря на то что Агджа давал множество заведомо ложных показаний по делу о покушении на папу, Мартелла не объявляет его клеветником. Он поступает так только в случае с «проектом убийства Валенсы» — как маловажным, не имеющем прямого отношения к делу.

Сам Мартелла в одной части дела квалифицирует Агджу как клеветника. А ведь это непосредственно касается всего дела о покушении на папу, и в «частности обвинения против Антонова. Нельзя делить показания Агджи на лживые и правдивые. Как

и по какому признаку их отличить, особенно если «правдивые» показания не подтверждаются никакими доказательствами? Не находится ли это в полном противоречии и с логикой, и с процессуальными нормами, и с моралью, и, я бы даже сказал, с совестью? Неужели Мартелла думает, что он может передать дело уважаемому и достопочтенному суду с судьями и судебными заседателями, в котором единственными обвинениями будут слова террориста-убийцы с юридической печатью клеветника? Это будет возмутительно!

Но коль скоро зашла речь об Агдже, то что же стало со следствием и когда Агджа будет осужден за эту клевету? Что стало с расследованием, кто и почему организовал пресс-конференцию Агджи во дворе римской полиции? Что стало с выяснением обстоятельств, связанных с «визитами» членов каморры к Агдже? Вообще все следы оставляют без внимания. Преследуют одну единственную цель: подтвердить несуществующий «болгарский след».

«ЛФ». Как расценивать заговор против нашей страны, против социализма — осуществлен ли он по-итальянски или по-натовски, по-американски?

Б. Трайков. Видимые действия — покушение, провокация с арестом Антонова, затянувшееся следствие, откуда постоянно «утекает» информация, — все это происходит в Италии. В Италии же «написаны» и некоторые дополнительные акты этого спектакля — «болгарский след» и ведущееся в Тренто следствие о международной контрабанде оружия и наркотиков, которая якобы проходит через Болгарию при содействии болгарских властей.

Но эта антиболгарская и антисоциалистическая провокация и кампания не могут быть только итальянским заговором.

Я думаю, что это так, исходя из своих наблюдений за механизмом провокации, всей кампании. Я уже говорил об этом: итальянцам «открыли глаза» из Соединенных Штатов и приказали идти по «болгарскому следу». Американские средства массовой информации подняли занавес будущего суперспектакля и только в декабре 1982 г. опубликовали более тысячи антиболгарских материалов — столько, сколько в США не публиковалось о Болгарии за все последнее десятилетие.

Мой вывод о надитальянском характере заговора подтверждается многими фактами. Но есть и другое важное обстоятельство.

Цели кампании, о которых я уже говорил, — от поддержки рейгановской доктрины о социалистическом источнике терроризма в капиталистических странах до создания подходящей политической обстановки для размещения американских ракет в Европе — это цели не только политики итальянского прави-

тельства. В реализации этих целей заинтересован империализм, они отвечают духу глобальной стратегии Североатлантического союза, руководимого Соединенными Штатами. Цели этой кампании ясно Показывают, кто стоит за ее организацией и реализацией; они отчетливо указывают на то, что этот заговор — дело рук НАТО, и прежде всего США.

Кто бы в Италии решился взять на себя огромную ответственность за судьбу международных отношений в Европе и мире, не проконсультировавшись со своими союзниками и не заручившись их одобрением и поддержкой? Невозможно, чтобы такое решение было принято в одностороннем порядке. Невозможно, чтобы одна из стран НАТО устроила провокацию мирового масштаба, наносящую удар по определяющим современный мир отношениям между социалистическим Востоком и капиталистическим Западом, без непосредственного участия НАТО, и особенно его руководящей политической силы — Соединенных Штатов. Это абсолютно исключено! * - ,

«ЛФ». Почему же тогда ЦРУ отгораживается от дела и даже выражает мнение, что «болгарский след» в покушении на папу не существует?

Б. Трайков. Говорят, что Центральное разведывательное управление США не хочет иметь ничего общего с расследованием «болгарского следа», которое ведется в Риме, относится к этому делу отрицательно и даже с раздражением. Так ли это в действительности? Есть ли основания для подобного утверждения? О такой позиции ЦРУ официально никогда не заявляло.

Пишут же для разговоров о «нежелании ЦРУ вмешиваться в римское дело», дают материалы западной печати, написанные в привычном и ни к чему не обязывающем авторов стиле вроде сообщений: «Источник, близкий ЦРУ, сообщает...» или «стало известно, что в докладе ЦРУ...». Таким образом, все, что известно на эту тему, — это отдельные слова, не имеющие достоверного и надежного источника. В них нет ни точности, ни ясности. Нельзя, опираясь на них, ни утверждать, ни верить, что ЦРУ не имеет ничего общего с «болгарским следом», который, и в этом убеждены многие, родился, именно в лаборатории ЦРУ.

Другое дело, почему появились такие сообщения и с какой целью была пушена в ход эта идея.

Соединенные Штаты, представляемые в таких историях ЦРУ, хотя бы поделить результаты кампании, которые уже давно известны: успех и провал. ЦРУ получило свое — успех. Клевета на Болгарию облетела весь мир и ввела в заблуждение многих. И несмотря на то, что эта клевета уже скомпрометировала себя и будет разоблачена до конца, кое у кого все же останутся сомне-

ния — такова уж человеческая природа. Дезинформаторы позаботятся об этом.

Провал с его последствиями представляется другим. Когда об этом провале объявят официально, кое-кто постарается напомнить, что ЦРУ с самого начала не верило всей этой истории, и сошлется на старое сообщение об одном «докладе ЦРУ, в котором...». Каштаны из огня будут таскать другие.

Говоря о ЦРУ, я вспомнил о Клэр Стерлинг. В своей книге она выражает недовольство правительствами западных стран и их разведывательными организациями, в том числе и ЦРУ, не порицавшими гласно болгарское и советское участие в покушении на папу. Она утверждает, что они, наоборот, умышленно хранили молчание, демонстрируя тем самым свое желание как можно скорее замять это дело в интересах диалога Восток — Запад, столь необходимого для сохранения всеобщего мира.

В «недовольстве» Стерлинг заложена очень коварная идея. Смысл ее состоит в следующем: когда Антонов будет освобожден, а это рано или поздно произойдет, у людей должно сложиться впечатление, что он вышел на свободу не потому, что он и его соотечественники не имеют ничего общего с покушением на папу, а потому, что так повелевают высшие политические интересы современности — сохранение мира. Иными словами, невзирая на то, что невиновность Антонова подтверждена официально, что полностью исключаются какие-либо «болгарские следы» в покушении, невзирая на то, что эта наглая клевета потерпела полный провал, у людей должно остаться убеждение, что все так и было и что болгарский терроризм — это не пустые слова. Теоретически задумано неплохо, но кто поверит на практике в этот жест миролюбия! Да разве те, кто размещает свои ракеты во всем мире, на суше и на море, кто начинил Европу своими «Першин-гами-2» и крылатыми ракетами, превратив ее в пороховой погреб, кто ради этих ракет затеял римскую провокацию, пожертвуют идеологическим столпом своего «крестового похода»? Миролюбивый образ Соединенных Штатов, который рисует Стерлинг, попросту смешон.

Стерлинг выражает в своей книге опасение, что ее незаслуженно могут обвинить в сотрудничестве с ЦРУ. Я не буду повторять то, что многие уже сказали до меня. Позволю себе лишь заметить: не кажется ли странным то, что ее идея, о которой я только что говорил, подсказывает ЦРУ наиболее подходящий для него вариант завершения римской аферы?

«ЛФ». Каково ваше мнение о судьбе-следователе Иларио Мартелле и вообще о римском следственном отделе и прокуратуре, которые ведут следствие по делу Антонова?

Б. Трайков. Думаю, что не имеет смысла высказывать свое мнение о профессиональном и моральном облике судьи-следователя Иларио Мартеллы, о котором я сужу по его действиям. Заявления об абсолютной самостоятельности в действиях и решениях Мартеллы и заместителя генерального прокурора Альбано звучат для меня неубедительно. Наивно было бы думать, что эта огромная ответственность за дело, которое влияет на отношения не только между двумя государствами, но и между двумя социальными системами, является прерогативой двух судебных чиновников. Это невероятно. Ответственность несут и должны нести вышестоящие политические круги.

Когда Иларио Мартелла был в Софии, в одной из своих бесед он выразил недовольство по поводу того, что его называют «агентом ЦРУ». Но Мартелла снова использовал неверную информацию. Болгарская сторона до сих пор не квалифицировала его как агента ЦРУ. Таких выводов мы не делаем, хотя знаем, что перед тем, как дать санкцию на арест Антонова, он ездил в Лэнгли.

Было время, когда можно было поверить, что представители римской магистратуры, которые ведут дело Антонова, не связаны с заговором. Можно было предположить, что эти юристы просто заблуждаются и неосознанно следуют линии, начертанной заговором. Но постепенно стало совершенно очевидно, что дело это инсценировано. Раз оно не прекращается, а, наоборот, прилагаются огромные усилия затянуть его, возникает сомнение: не исполняют ли ведущие дело следователь и прокурор сознательно юридическую роль в заговоре? Чем иначе объяснить это постоянное несоблюдение сроков, это очевидное затягивание следствия? Не подгоняются ли его сроки к нужному кампанию времени с учетом предстоящих событий в других странах?!

А что касается Мартеллы, то общественность внимательно следит за его действиями и дает им соответствующую оценку. Приближается время, когда она сделает свое заключение.

«ЛФ». Теперь немного расширим тему. Идеологические диверсанты усиливают кампанию против Болгарии, обвиняя нас в контрабанде оружия и наркотиков. В связи с этим можно задать следующий вопрос: откуда тянется нить этого другого «болгарского следа»?

Б. Трайков. О болгарской контрабанде оружия и наркотиков появилось много публикаций. Сняты «документальные» телевизионные фильмы. Докладчики распинаятся на эту тему на каких-то «симпозиумах». Вообще всячески пытаются создать видимость существования еще одного «болгарского следа», на этот раз в контрабанде, параллельного тому, который ведет к покушению на папу.

Разумеется, ничего серьезного и конкретного нет. Не приводится ни одного факта, случая или имени, которые имеют отно-

шение к болгарам и Болгарии. В телевизионном фильме показывают, к примеру, грузовую машину Болгарского международного автомобильного транспорта, далее в кадре груды оружия, однако ничто не говорит о том, что его выгрузили именно с этой машины. Вообще, статьи и фильмы для легковых. Их авторы знают, что есть и такие.

Хочу напомнить, что Болгария была одной из первых стран мира, которая откликнулась на призыв ООН к сотрудничеству в борьбе с социальным злом и трагедией — наркоманией и немедленно приняла энергичные меры, чтобы не допустить перевозки наркотиков через нашу страну. По нашей инициативе в 1978 и 1980 гг. в Варне состоялись I и II Международные таможенные конференции по вопросам сотрудничества в борьбе с контрабандой наркотиков. Эти два форума получили единодушную оценку как исключительно полезные в деле повышения эффективности таможенного контроля и пресечения контрабанды наркотиков.

Вклад болгарских таможенных органов в борьбу с международной контрабандой наркотиков подтверждают следующие данные: за последние 10 лет служащие болгарских таможен раскрыли 692 случая контрабанды, в результате чего обнаружено в целом 17 201 килограмм наркотиков, в том числе 212 килограммов жидкого гашиша, 16 килограммов опиума, 220 килограммов морфина и 137 килограммов героина.

Помощь Болгарии в борьбе с контрабандой наркотиков не раз получала официальное признание. Приведу лишь некоторые высказывания.

Бывший до недавнего времени директором Отдела ООН по наркотикам профессор Джордж Линг: «Усилия Болгарии в деле контроля за нелегальной перевозкой наркотиков служат ярким свидетельством того, что она помогает человечеству в борьбе за лучшую жизнь. Своей деятельностью она способствует улучшению положения молодежи во всех странах мира, и мы в ООН особенно благодарны ей за это».

Заместитель генерального секретаря Совета таможенного сотрудничества до 1 января 1982 г. г-н Джеймс Клоусэн: «Вклад Болгарии в борьбу с контрабандой наркотиков огромен. Сам факт, что маленькая страна, у которой нет проблем с наркотиками, взяла на себя инициативу бороться с их транзитной перевозкой, — в наше время заслуживает похвалы и благодарности».

«ЛФ». Что вы думаете о поведении итальянского правительства в отношении интересующего нас дела?

Б. Трайков. Я не буду говорить о таких представителях предыдущего кабинета, как министр обороны Лелио Лагорио, который выступил в парламенте с поразительно необъективными и крайне неполитичными заявлениями. Нынешнее итальянское правительство официально стоит в стороне и не афиширует

свое отношение к делу Антонова. Оно ждет конечных результатов, придерживаясь принципа — виновность или невиновность доказывает суд.

Правда, итальянское правительство предприняло некоторые меры в целях нормализации болгаро-итальянских отношений как в дипломатической сфере, так и в области традиционного культурного и экономического сотрудничества между двумя странами. Недавно в результате бесед, имевших место во время Стокгольмской конференции, дипломатические отношения между Болгарией и Италией были нормализованы. В Риме снова есть болгарский посол Райко Николов, а в Софии — итальянский посол Джованни Батистини.

Я уважаю общественную систему Италии, но не могу понять и одобрить официальный нейтралитет, позицию пассивного наблюдателя, демонстрируемые итальянским правительством в таком тревожном деле, как политический климат в Европе и мире. Я убежден в том, что, если бы итальянское правительство проявило более активный интерес к делу Антонова, это способствовало бы его быстрому и справедливому решению, устранило бы возможность воздействия на него каких-либо сил извне. Активная позиция итальянского правительства поможет скорейшему выяснению истины и полной нормализации традиционных дружественных болгаро-итальянских отношений, а также существенному улучшению отношений между европейскими государствами.

«ЛФ». Как рассматривать перевод Антонова под домашний арест, а затем снова возвращение в тюрьму?

Б. Трайков. Когда Антонова перевели из тюрьмы «Реббия» под домашний арест, я выразил в выступлении по Болгарскому радио удивление и возмущение тем, что его не освободили вообще. Раз попытка обвинить его потерпела провал, раз следствие, несмотря на упорные старания, не обнаружило никаких подтверждений «признаниям» Агджи, результат может быть только один: немедленное и окончательное освобождение Антонова и его полная реабилитация. Этого требует закон, человеческая мораль и право. Необходимо положить конец чудовишной провокации. Такой была реакция многих журналистов и восточных и западных стран. Другие коллеги, по понятной причине, восприняли и расценили домашний арест Антонова как некий переходный этап перед его окончательным освобождением. Немедленным или предстоящим, но все видели Антонова свободным!

Но вместо свободы — опять тюрьма. Постановление о переводе Антонова под домашний арест, рекомендованный служебной медицинской экспертизой ввиду тяжелого состояния его здоровья, было отменено без новой медицинской экспертизы.

Это грубое нарушение не только норм морали и гуманизма, но и процессуального кодекса.

Почему это случилось? Исходя из того, что решение о переводе Антонова под домашний арест на следующий же день было опротестовано римской прокуратурой, исходя из противоречий, возникших между прокуратурой и кассационным судом, и некоторых других обстоятельств, можно предполагать о существовании разногласий между лицами и институтами, занимающимися ч~~л~~делом Антонова». Я не хочу сказать, что сформировались две противостоящие группировки — «ястребов» и «голубей». Совсем нет. Речь идет о различиях в стиле и подходе, в поисках способов решения задачи, о желании некоторых судей сохранить в любой ситуации свой авторитет в обществе. Я говорю лишь о таких различиях. А в целом все, бесспорно, исполняют волю «большого ястреба».

Некоторые объяснили временный перевод Антонова из тюрьмы «Реббия» необходимостью предотвратить деликатную ситуацию, нежеланием, чтобы он находился там во время посещения папы Иоанна Павла II и его встречи с Агджой. Можно допустить и это, несмотря на то что папа встретился с виновными и осужденными, а Антонов не является ни виновным, ни осужденным.

Я уверен в том, что возвращение Антонова в тюрьму совершено с целью нанесения сокрушительного удара как по его физическому состоянию так, и, в первую очередь, по его психической устойчивости.

Если они собираются организовать процесс, значит, Антонову будет нанесен не один, а целый ряд психологических ударов. Ему дают понять, что он в их руках, что они в любое время могут перевести его из тюрьмы и снова вернуть в нее. Итальянские газеты начали писать о том, что за покушение на главу государства итальянский закон предусматривает пожизненное заключение. Это делается в расчете на то, что об этом узнает Антонов. Последуют, конечно, и другие психологические удары.

В случае, если процесс состоится, организаторы заговора рассчитывают не на что иное, как на духовное уничтожение невиновного человека.

«ЛФ». Прокомментируйте, пожалуйста, встречу Иоанна Павла II с убийцей Мехмедом Али Агджой.

Б. Трайков. Мне бы хотелось прежде всего отметить, что между Болгарией и Ватиканом давно уже существуют хорошие деловые отношения. Помимо регулярных полезных контактов (последний из них — визит в Болгарию монсеньора Луиджи Поджи) Ватикан по традиции каждый год принимает 24 мая болгарскую культурную делегацию, которая в этот день возлагает цветы на могилу Кирилла-Философа в базилике «Сан-Кле-

менте», выражая благодарность нашего народа великому делу создателей славянской письменности братьев Кирилла и Мефодия. Нельзя не отметить, что в 1983 г. Иоанн Павел II принял нашу делегацию, засвидетельствовал свое уважение болгарскому народу и направил приветствие Председателю Государственного совета НРБ. С другой стороны, показательно и то, что товарищ Тодор Живков первым из генеральных секретарей коммунистических партий социалистических стран посетил Ватикан и имел встречу с тогдашним папой.

Отмечая взаимное уважение между Болгарией и Ватиканом, я хотел бы сказать, что, несмотря на сложную обстановку, сложившуюся в связи с антиболгарской провокацией в Риме, которая непосредственно касается и Святого престола, Болгария не изменила своего отношения к Ватикану.

Комментировать встречу Иоанна Павла II с Агджой — дело деликатное. Некоторые попытались сделать это, но, когда турецкая газета «Хюрриет» опубликовала дешифрованную специалистами - сурдологами беседу между папой и террористом, Ватикан (по сообщению газеты «Стампа») выразил недовольство, отмечая недопустимость «вторжения в интимный мир папы».

Я далек от такой дерзости, но думаю, что не нарушу приличия в отношении святого отца, если откровенно выскажу то, что меня волнует.

На меня произвело впечатление выражение: «Вторжение в интимный мир папы»! Возможно ли, чтобы поступок из области «интимного мира» такой личности, как глава римско-католической церкви, не повлиял бы на светский, гражданский мир. Давно установлено, что любой шаг таких высокопоставленных личностей, как папа, каким бы личным он ни был, всегда обсуждается в обществе.

Папа Иоанн Павел II встретился, конечно, из великодушия со стрелявшим в него убийцей и в третий раз, но теперь уже наедине, отпустил ему грехи. Это выражение высокого человеколюбия, подобающего вере. Но этот жест не мог остаться незамеченным и истолковываться лишь в том смысле, что жертва прощает преступника. Так и получилось. Этот жест вызвал большой резонанс в мире. Одни одобрили действия папы, другие недоумевали, почему он простил Агдже все его преступления, третьи утверждали, что папа выражает моральную поддержку теперешним действиям Агджи.

Вероятно, руководствуясь тем же великодушием, которое привело его в камеру Агджи. Иоанн Павел II произнес после встречи с ним многозначительные слова: «Я разговаривал с бра-том. Я простил его и полностью доверяю ему».

И эти слова, сказанные, наверное, с самыми благочестивыми намерениями, не остались за стенами тюрьмы, в «интимном ми-

ре» папы, а облетели весь мир и вызвали множество толков. Стали поговаривать: раз папа полностью доверяет Агдже, значит, Агджа говорит правду.

Вот почему, размышляя по поводу встречи папы с Агджой, я думал, что предпринимаемые высочайшими особами действия часто приводят к обратным результатам, даже если мы хотим верить, что это было сделано непреднамеренно.

«ЛФ». Сообщения, которые поступают из Италии, вызывают вопрос: состоится ли судебный процесс против Антонова?

Б. Трайков. Нет абсолютно никаких причин, нет никаких оснований организовывать процесс против Сергея Антонова. Почти два с половиной года шли допросы и очные ставки, проводились сопоставления и осмотры мест, анализ фотографий и свидетельских показаний, и за все это время не обнаружено ни одного факта, который хоть в малейшей степени подкреплял бы утверждения убийцы Агджи о том, что он был знаком с Антоновым и пользовался его услугами. Наоборот, в ходе следствия установлено много противоречий между «исповедями» Агджи и действительностью, обнаружено много фактов и документов, которые опровергают подсказанные ему ложные показания. А ведь обвинение против болгар строится только на них.

Следствие против Антонова не имеет под собой юридической основы, это не следственная ошибка и тем более не нормальная следственная проверка улик. Арест Антонова, обвинения, предъявляемые ему и другим болгарам, — грубая провокация, имеющая целью обеспечить массивную политико-идеологическую антиболгарскую и антисоциалистическую кампанию.

Теперь, когда стало очевидным, что Антонов и болгары вообще не имели никакой связи с попыткой убийства папы Иоанна Павла II, должна наконец восторжествовать справедливость. Антонова не за что судить, он должен быть немедленно освобожден — безусловно и полностью в силу своей абсолютной невиновности.

Процесс в Риме должен обязательно состояться, но не против Антонова, как этого хочется кое-кому, а против низкопробного, действующего по чужой указке клеветника Агджи. Процесс против него и против тех, в чьих интересах он лгал, кто его учил и снабжал «доказательствами»! Процесс должен состояться над организаторами и исполнителями этой провокации!

Я не исключаю вероятности, что в Риме организуют судебный процесс против Антонова. Но, повторяю, не потому, что Антонова есть за что судить, а потому, что, как я уже говорил, эта кампания рассчитана на долгосрочное действие. Такой процесс, который не может быть ничем иным, кроме как фар-

сом, позволит повторить еще раз во всеуслышание все клеветнические выпады в адрес нашей страны и других социалистических стран, снова привлечь внимание общественности и таким образом использовать до конца римскую провокацию, мультиплицировать ее политический и идеологический эффект.

Другое дело, что в ходе судебного процесса против Антонова мировая общественность увидит всю несостоятельность и абсурдность обвинения, абсурдность одной из самых скандальных политических провокаций современности».

Почти два года длилось предварительное следствие по делу мнимого «соучастия» Антонова, Айвазова и Василева в покушении на папу Иоанна Павла II. 26 октября 1984 г. судья-следователь римского суда доктор Мартелла объявил о своем решении предать суду трех болгарских и четырех турецких (Агджу, Челеби, Челика, Челенка) граждан, обвиняемых в «соучастии в покушении». Это решение положило начало судебному процессу.

По требованию заместителя генерального прокурора Антонио Альбано судья-следователь Иларио Мартелла, расследующий дело о покушении на папу Иоанна Павла II, подписал распоряжение о том, что болгарский гражданин Сергей Антонов должен предстать перед судом присяжных, поскольку он якобы «сыграл роль организатора покушения на площади Св. Петра в Риме в 1981 г.».

Впервые из заключительного документа И. Мартеллы стало официально известно, что в папу Иоанна Павла II стреляли двое: Агджа и прикрывавший его Орал Челик. «Баллистическая экспертиза и следственный эксперимент показали, что Челик, помогая Агдже, выстрелил в папу римского и ранил его в левую руку, — сообщило агентство АНСА. — Агджа будет участвовать в процессе в римском суде присяжных в качестве обвиняемого. Его вина заключается в том, что он нелегально провез в Италию пистолет, из которого стрелял в папу римского».

Беседуя с журналистами, судья-следователь Мартелла признал что суд будет «процессом, основанным на косвенных уликах». «Несомненно, что существовал международный заговор с целью убийства папы», — заявил И. Мартелла.

Империалистическая пресса с энтузиазмом подхватила и стала раздувать «новости из Рима». Одна из трех крупнейших американских телевизионных сетей — Си-Би-Эс 25 октября 1984 г. показала провокационный репортаж своего римского корреспондента Ч. Рота. Но даже в нем содержится любопытное признание: «Прокурор Альбано, который знаком со всеми свидетелями, содержащимися в деле, заявил Си-Би-Эс, что

процесс будет трудным. У нас, сказал он, нет фотографических доказательств. Более того, даже если результатом процесса и будет вердикт «виновен», процесс вряд ли даст ответ на наиболее загадочный вопрос: действовали болгарские агенты сами по себе или по указанию Москвы».

Необоснованное решение о предании суду Сергея Антонова и двух других болгарских граждан находится в явном противоречии с фактами и категорическим требованием ст. 374 итальянского уголовно-процессуального кодекса, согласно которому, чтобы предать обвиняемого суду, должны быть налицо «достаточные доказательства против него».

Как отмечается в заявлении БТА от 26 октября 1984 г., «по заявлению судьи-следователя Мартеллы болгарских граждан передают суду без доказательства их вины, только на основе улики, которые якобы дают законное основание для проведения судебного процесса. Основным источником этих улик до сих пор остается Мехмед Али Агджа».

Заместитель генерального прокурора А. Альбано в своем обвинительном докладе повторил «доводы» тесно связанной с ЦРУ американской журналистки Стерлинг и бывшего резидента ЦРУ в Турции Пола Хенци. В обвинительном докладе открыто признается, что Агджа «рассказал множество невероятных историй» и что он «пытался торговаться с итальянским правосудием». В обвинении особое ударение делается на описании Агджой «специфических особенностей» Антонова, который «носит очки, любит цветы, много курит» и т. д. При допросе Антонов якобы подтвердил «эти детали». Но такие «особенности» присущи многим людям. Кроме того, в западной печати указывалось, что их легко можно подсказать, особенно человеку, который «торгуется с правосудием» и готов на любую сделку, чтобы выйти из тюрьмы. Известно, что итальянский закон («меры защиты конституционного порядка» № 304 от 29 мая 1982 г.) предусматривает в ст. 3 замену пожизненного заключения 10-12 годами тюремного заключения в случае «раскаяния террористов, которые называют своих соучастников и содействуют их разоблачению». Принятие этого закона удивительно совпало по времени с тем периодом в следствии, когда Агджа начал «торговаться с правосудием» и сочинять один за другим свои вымыслы, от многих из которых потом сам должен был отказаться.

Решение судьи-следователя от 26 октября 1984 г. предать суду ложно обвиняемых болгарских граждан означает, в сущности, согласие с объявленным прокурором обвинительным тезисом. Но как бы ни велось следствие, оно неминуемо упирается в неопровержимый факт: лицом, совершившим покушение, является Агджа. И Альбано, не смущаясь тем, что попадает в смешное по-

ложение, утверждает, что у турка-де не было никаких личных причин стрелять, поскольку «он не знал папу» и тем более не был «чрезмерно набожным». Из этого голословного утверждения Альбано делает поразительный вывод: «Следовательно, он действовал только ради денег, обещанных ему болгарами».

Такое необоснованное заявление, принимающее на веру противоречивые показания Агджи, лишний раз подтверждает тот факт, что собранные следствием сведения не позволяют точно и исчерпывающе выяснить мотивы поступка Агджи. Прокурор оставляет без внимания улики, свидетельствующие о том, что кто-то подсказывал Агдже его показания, пока тот находился в тюрьме.

В интервью представителям печати Альбано заявил, что показания Агджи «уже подтвердили и другие задержанные турки». Что это значит? До сих пор было допрошено около десяти турок, имеющих контакт с Агджой. Большинство из них освобождены по неясным причинам и ныне значатся как «отбывшие в неизвестном направлении». Однако они сами признали, что оказывали Агдже помощь как своему единомышленнику по террористическим организациям и передали ему оружие, из которого он стрелял в главу римско-католической церкви. В протоколах допросов вообще не упоминается о связях с болгарскими гражданами. Насколько известно, так же обстоит дело и с задержанным в Риме Мусой Челеби и Омером Мерсаном. Означает ли заявление Альбано, что и этих двоих заставили «сотрудничать»? И в какой степени? Вот так стоит вопрос, писал политический обозреватель агентства София Пресс 7 ноября 1984 г. Нино Нинов.

Международная прогрессивная общественность осудила решение судьи-следователя Иларио Мартеллы предать суду болгарских граждан по ложному обвинению в «соучастии» в покушении на папу Иоанна Павла II.

По поводу провокационного решения итальянских следственных органов председатель Комиссии по международным вопросам сейма ПНР, видный публицист Ришард Война заявил корреспонденту БТА: «Я считаю, что попытка обвинить болгарских граждан в соучастии в покушении на папу является одним из элементов стратегии глобального антикоммунизма. Эта операция в известном смысле направлена и против Польши. Зная, что папа римский — поляк по национальности, авторы провокации пытаются вызвать в Польше недоверие к братской Болгарии, противопоставить друг другу две социалистические страны. Однако антиболгарская кампания не вызвала отклика даже в тех кругах, которые обычно очень чувствительны к проявлениям этой стратегии глобального антикоммунизма».

Ассоциация «Франция — Болгария» опубликовала декларацию, в которой выражались самый решительный протест про-

тив беспочвенных обвинений и задержания без юридических на то оснований болгарского гражданина Сергея Антонова, а также серьезное беспокойство по поводу раздутой кампании дезинформации в связи с так называемым «болгарским следом» в покушении на папу Иоанна Павла II. «Мы требуем, — указывается в декларации, — немедленного освобождения Сергея Антонова, только в этом случае могут быть созданы действительно нормальные условия для подготовки защиты против обвинений, построенных единственно на заявлениях и «признаниях» неонациста Али Агджи».

Враждебная антиболгарская и антисоциалистическая кампания, раздуваемая влиятельными кругами США и их союзниками по НАТО, не может скрыть серьезных проблем юридического, политического и гуманного характера.

Проходивший в октябре 1984 г. в Афинах VII конгресс Международной ассоциации юристов-демократов, в котором принимали участие более 600 видных юристов из 90 стран и из многих международных организаций, выразил особую озабоченность по поводу ведения следствия по обвинению Сергея Антонова и использования его в политических целях агрессивными кругами, заинтересованными в обострении международной напряженности. От имени Союза юристов Болгарии с докладом выступил член-корреспондент Болгарской академии наук, профессор междуна-нордного права Софийского университета, член Комиссии международного права ООН Александр Янков. Он выразил беспокойство болгарских юристов относительно того, каким образом вот уже два года в Риме ведется следствие по так называемому «делу Антонова».

В докладе болгарских юристов дан объективный анализ имеющихся фактов нарушения целого ряда демократических правовых принципов.

У болгарской стороны есть все основания считать, что за провокацией против болгарских граждан стоят реакционные круги, старающиеся представить социалистическое государство в качестве инициатора террористической деятельности, говорилось в докладе.

Вслед за профессором Янковым выступил целый ряд делегатов. Все они выразили свое категорическое несогласие с тем, как развивается «дело Антонова». В своем выступлении видный ирландский юрист и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии Мира и Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Шон Макбрайд, в частности, подчеркнул: «Дело Антонова» требует выяснения, поскольку определенные круги используют его для своих пропагандистских целей как элемент «холодной войны». Это именно тот случай, когда неясность ведет к ухудше-

нию отношений между государствами и осложнению международного климата».

С интересом было встречено также выступление Луиджи Кавальери, который сказал: «Как итальянский юрист, я должен признать, что доклад болгарской делегации имеет большое значение, поскольку он основан на фактах, подтверждающих нарушение всех юридических норм, что является настоящим своеволием».

Л. Кавальери указал на многочисленные противоречия и неточности, которыми изобилует обвинение. Он подчеркнул и тот факт что в соответствии с итальянской конституцией, если против обвиняемого существует только одно показание, он не может быть обвинен на основании только этого показания, а также то, что в ходе следствия были нарушены некоторые параграфы уголовно-процессуального кодекса Италии. «... Лично я рассматриваю этот случай как политическую провокацию, служащую целям «холодной войны», — заявил он.

«Я хочу сказать, что «дело Антонова», — заявила американская юристка Дорис Уокер, — представляет собой проблему, чрезвычайно важную для моей страны и для юристов, выступающих за правильный ход следствия. Публикации, появившиеся в ряде американских газет, являются классическим примером дезинформации со стороны ЦРУ. Все это позволяет нам раскрывать и разоблачать методы ЦРУ в деятельности против социалистических стран, и главным образом против Советского Союза. Речь идет об уникальном случае, который позволяет нам доказать какой вред причиняет дезинформация». Представительница США предложила подготовить «Белую книгу», которая познакомила бы мировую общественность с истиной о покушении на папу римского.

В свою очередь, французский юрист Кристиан Рунет, автор книги в защиту Сергея Антонова, заявил: «Без вины арестован болгарский гражданин. Так давайте же будем бороться вместе с нашими болгарскими коллегами, чтобы совместно выиграть битву за освобождение Антонова. Ее нужно выиграть!»

Конгресс Международной ассоциации юристов-демократов (МАЮД) единодушно принял резолюцию по следствию итальянских судебных органов по «делу Антонова» и других его соотечественников, обвиненных в соучастии в покушении на папу Иоанна Павла II.

В резолюции указывается, что конгресс поручает исполнительным органам МАЮД организовать международную комиссию для изучения и сбора информации по этому делу. Принятие этого решения, как отмечается в резолюции, вызвано чрезмерной продолжительностью предварительного заключения. Вер-

ховный орган МАЮД выразил в этом документе озабоченность по поводу того, что информация о предварительном следствии, представленная итальянскими судебными властями, может грозить нарушением принципа презумпции невиновности подозреваемого. Конгресс МАЮД, говорится в резолюции, обеспокоен тем, что «дело Антонова» используется для дальнейшего продолжения «холодной войны», во вред усилиям, направленным на укрепление доверия между народами.

В конце октября 1984 г. в Софии состоялась II Международная встреча писателей под девизом «Мир — надежда планеты». Участники встречи высказали свое мнение по поводу решения судьи-следователя Иларио Мартеллы предать суду Сергея Антонова и двух других болгарских граждан, обвиняемых в соучастии в покушении на папу Иоанна Павла II.

Джеймс Олдридж (Великобритания): «Для меня это одна из очередных провокаций, которые широко организуются сейчас во всем мире, с тем чтобы скомпрометировать социалистические страны. Подобные провокации нужно разоблачать, и в этом отношении мы должны быть очень бдительными. Что касается конкретного случая, я уверен, что в конце концов этот заговор будет разоблачен как преднамеренная провокация».

Володя Тейтельбойм (Чили): Сергей Антонов не может быть убийцей и его нельзя обвинить в некоем покушении на папу, если на земле действительно есть справедливость. Очень важно, чтобы в кампанию по спасению Антонова включилась международная общественность, причем как можно скорее. Правду об Антонове нужно сказать сейчас. Необходимо спасти Антонова, чтобы спасти правду».

Эрвин Фишер (ФРГ): «Мировая общественность должна быть тревогу, следить за правильным проведением судебного процесса. На защиту болгарского гражданина необходимо мобилизовать мировые организации юристов, ООН и другие международные организации, так как всему миру ясно: Агджа — международный преступник и убийца».

Виктор Эскаланте (Перу): «Думаю, что долг всех людей, которые не верят в эту клевету, испытывают дружеские чувства к Болгарии и которые — самое важное — верят в истину и справедливость, рассказать правду об этом деле, раскрыть сущность этого режиссируемого ЦРУ заговора против Антонова и Болгарии».

Действительно, существует достаточно оснований предполагать, что итальянские судебные органы, подстрекаемые реакционными западными кругами, не скрывающими своей враждебности к странам социализма, поддались нажиму и нарушили основные принципы и нормы демократического судопроиз-

водства и международного права. Симптоматично такое совпадение по времени. Римский судья-следователь И. Мартелла официально объявил о предстоящем судебном процессе над С. Антоновым несколько часов спустя после того, как государственный секретарь США Шульц обвинил Болгарию в причастности к терроризму и контрабандной торговле наркотиками. Попутно враждебным нападкам Шульца подверглись Куба, Никарагуа и Советский Союз. Насчет правдоподобия своих аргументов госсекретарь США, между прочим, не заблуждался: «У нас, возможно, никогда не будет таких доказательств, которые могут быть признаны американским судом убедительными, но мы не можем позволить себе уподобиться нерешительному Гамлету».

Нет сомнения в том, что в случае с Антоновым речь идет о судебном процессе, который используется лишь как прикрытие агрессивного и враждебного курса США и НАТО в отношении социалистических государств. К сожалению, итальянские судебные власти в своем «усердии» не остановились даже перед нарушением своего собственного законодательства, и - в частности уголовного и уголовно-процессуального кодекса, а также Международного пакта о гражданских и политических правах человека и Европейской конвенции о правах человека. Прежде всего используются показания осужденного террориста Агджи, данные им за обещанное смягчение его наказания. Согласно ст. 348 уголовно-процессуального кодекса обвинение против подсудимого не может основываться на показаниях другого подсудимого. Грубо нарушен принцип следственной тайны, и за это в ст. 326 итальянского кодекса предусматривается наказание. Нарушена также ст. 7. Международного пакта о правах человека, в которой особо подчеркивается, что любое задержанное лицо должно быть незамедлительно предано суду. Европейская конвенция о правах человека еще более категорична и взыскательна в этом отношении.

27 октября 1984 г. чрезвычайный и полномочный посол Итальянской Республики в Болгарии Джованни Батистини был вызван в Министерство иностранных дел НРБ, где заместитель министра иностранных дел Любен Гоцев выразил протест по поводу решения итальянского следствия предать суду болгарских граждан С. Антонова, Т. Айвазова и Ж. Василева, обвиняемых в соучастии в покушении на главу римско-католической церкви.

Послу было заявлено, что предание болгарских граждан суду еще раз категорично подтверждает, что речь идет не о судебной ошибке, а о предварительно разработанной провокации против НРБ и реального социализма, направленной на дальнейшее ухудшение отношений между Востоком и Западом и

международного положения. Игнорируя бесспорные доказательства защиты С. Антонова и разоблачения болгарской стороны, опровергающие обвинения убийцы Агджи, на которых прежде всего строится заключение следствия, и грубо нарушая международные дипломатические соглашения итальянская сторона сознательно или несознательно становится соучастником и проводником этой провокации. Созданная в последнее время обстановка тенденциозного отношения представителей официальных итальянских кругов, клеветнические обвинения заместителя генерального прокурора Альбано, грубое нарушение международного дипломатического права и принятие во внимание итальянским следствием ряда фактов и доказательств невиновности болгарских граждан, а также писем Сергея Антонова в высшие инстанции Италии вызывает серьезное беспокойство в отношении объективности следствия и будущего судебного процесса. Все это подвергает болгаро-итальянские отношения серьезным испытаниям, омрачает их настоящее и будущее.

Послу было заявлено, что болгарская сторона будет продолжать использовать подходящие средства для защиты невиновности болгарских граждан и разоблачать заговор против социалистической Болгарии.

Директор Института государства и права АН СССР академик В. Кудрявцев заявил корреспонденту БТА, что решение Мартеллы — абсолютно незаконное и необоснованное. Для обвинения в конкретном преступлении нужны факты, а в данном случае таковых нет. Ясно, отмечает он, что обвинение против трех болгарских граждан — хорошо подготовленная политическая провокация, главная и единственная цель которой — усилить международную напряженность, очернить социалистические страны и раздуть антикоммунистическую истерию.

Решение судьи-следователя Мартеллы — часть активной и широкой антисоветской и антисоциалистической кампании, проводимой Вашингтоном, заявил корреспонденту БТА преподаватель ! политических наук в Манхэттенском колледже в Нью-Йорке Дэвид Эйзенхауэр. Цель этой кампании — оправдать политику сверхвооружений и конфронтации с СССР и другими социалистическими странами, проводимую правительством Рейгана.

Газета «Известия» отмечала, что судебный фарс, во что, несомненно, превратится этот «процесс» согласно планам его организаторов, позволит продолжить разную антикоммунистическую и антисоциалистическую кампанию.

«Дело Антонова» создано и скоординировано ЦРУ» — заголовок комментария греческой газеты «Этнос». В газете помеще-

на и фотография С. Антонова с надписью: «Сергей Антонов — трагедия невиновного человека».

Это нелогичное и абсурдное обвинение, заявил известный японский комментатор Такаши Коно по поводу решения Мартеллы. Его цель, подчеркивал он, скомпрометировать Болгарию в глазах мировой общественности. Но на основании лишь голословных обвинений и смехотворных утверждений одного фанатика, каким является наемный убийца и террорист Агджа, никто бы не возбудил дело, а тем более не надеялся бы на успех. Хочу подчеркнуть, продолжал комментатор, что решение Мартеллы совпадает с заявлениями президента Рейгана о борьбе с международным терроризмом. Именно это «совпадение» говорит о том, что обвинения против Болгарии — грубая провокация, задуманная ЦРУ и выполняемая итальянскими властями в тесной координации с США и всеми силами, враждебными социализму. В попытках Мартеллы обосновать свое решение видна его беспомощность — общие фразы, опять-таки ссылки на турецкого наемного убийцу. Такаши Коно отмечает то обстоятельство, что Болгария оказывает добровольное содействие следствию, т. к. всеми силами стремится разоблачить клевету.

Дитер Рукхаберле, общественный деятель, председатель объединения деятелей искусства в Западном Берлине, заявил корреспонденту БТА: «Абсурдна сама идея, что убийство папы могло послужить интересам болгарского народа или его правительства». Он подчеркнул, что этим покушением Агджа и стоящие за ним силы нанесли удар по международной разрядке, и выразил надежду, что на процессе восторжествует правда.

Преподаватель университета в Валенсии (Испания) Анхел Нуньес заявил, что решение Мартеллы — плод каждодневной антикоммунистической кампании, которая проводится в западных странах в стиле «холодной войны». Всегда, когда в западных странах появляются признаки очевидных кризисных ситуаций — коррупция, финансовые скандалы, взятки, мафия и т. д., людям преподносят «болгарские следы», «угрозу с Востока» и т. д. и т. п. Очевидно, что после шумных скандалов в Италии нужно было отвлечь внимание общественности абсурдным обвинением против Болгарии. Более того, в этот момент итальянское правосудие хочет показать себя единственно «здоровой силой» страдающего многими болезнями общества.

«Болгарский гражданин Сергей Антонов абсолютно невиновен, но, несмотря на полное отсутствие каких-либо улик против него, этот человек уже почти два года находится под арестом только потому, что турок Агджа, совершивший покушение на папу римского, обвинил Антонова в некой сопричастности к

этому преступлению, — заявил 24 октября 1984 г. в беседе с корреспондентом ТАСС. Адвокат Антонова, известный итальянский юрист, профессор Джузеппе Консоло. Адвокат посетил своего подзащитного и нашел, что Антонов «сильно страдает и физически, и морально в ожидании, когда же наконец закончится его «дело».

По мнению Дж. Консоло, самым правильным решением в данных условиях было бы прекращение «дела Антонова» в силу отсутствия каких-либо доказательств его виновности. К настоящему моменту общественность всех стран, в том числе Италии, ознакомившись с путанными, противоречивыми «показаниями» Агджи, смогла убедиться в полной непричастности болгарского гражданина к покушению на площади Св. Петра в Риме, констатировал адвокат. Именно общественность должна, по нашему глубокому убеждению, повести еще более активную борьбу за освобождение Антонова, за снятие с него всяких обвинений.

«Арест, задержание и все так называемое «дело Антонова» незаконны от начала и до конца», — заявил в начале ноября 1984 г. корреспондентам газеты «Работническо дело» и болгарского телевидения В. Б. Ломейко, ответственный сотрудник Министерства иностранных дел СССР.

Это вновь убедительно подтверждают факты, приведенные в открытых письмах генерального директора БТА Бояна Трайкова судье-следователю И. Мартелле (декабрь 1984 г.).

Письма как бы подвели итог двухгодичному следствию по так называемому «делу Антонова». Б. Трайков разоблачает провокационную кампанию, затеянную западными спецслужбами, против Болгарии и других стран реального социализма; он убедительно доказывает непричастность трех болгарских граждан С. Антонова, Т. Айвазова и Ж. Василева к подготовке и покушению на главу римско-католической церкви, показывает явную тенденциозность итальянских судебных органов.

Б. Трайков решил выступить с этими письмами в связи с отказом Мартеллы участвовать в дискуссии с ним в передаче итальянского телевидения «Теледжорнале-уно». В письмах анализируется обвинительное заключение, освещаются связанные с его содержанием вопросы, замечания.

В письме от 3 декабря 1984 г. Б. Трайков заявил Мартелле:

«Вы обвинили моих соотечественников Антонова, Айвазова и Василева в соучастии в покушении на жизнь папы Иоанна Павла II совершенно несправедливо, без единого доказательства их вины. Для передачи дела в суд Вы согласно ст. 374 итальянского уголовно-процессуального кодекса должны иметь «достаточно доказательств». Вы не только не приводите «достаточно доказа-

тельств», а вообще не приводите никаких доказательств вины Антонова, Айвазова и Василева. Я отмечаю только эти три фамилии. Таким образом, Вы — блюститель закона — грубо нарушили ст. 374 итальянского уголовно-процессуального кодекса.

Вы рассчитываете на показания Агджи и опираетесь на них, что является единственным, повторяю, единственным Вашим аргументом и что с формальной юридической точки зрения могло бы быть доказательством, если бы не классическое условие: свидетель — источник информации должен заслуживать полного доверия. Ваш источник информации — Агджа не заслуживает абсолютно никакого доверия. Это хорошо известно.

Агдже нельзя верить по трем главным причинам:

1. Потому что он преступник-рецидивист, дважды осужденный (на пожизненное заключение и на смерть), совершивший множество других преступлений — использование фальшивых документов, мошенничество, грабеж и т. д.

2. Потому что объяснения Агджи, как непосредственного исполнителя рассматриваемого преступления, не могут иметь юридического значения в отношении других людей. Эти показания, естественно, приводят к заключению, что цель их автора — заслужить благодарность, иными словами воспользоваться возможностью получить от президента республики помилование — частичное или полное, предусмотренное конституцией Итальянской Республики.

3. Агджа — заведомый, многократно уличавшийся лжец. Он и сам признается в этом. Не знаю, сколько раз он лгал во время следствия, начиная с его ареста 13 мая 1981 г., Вам и Вашим коллегам, но только в обвинительном заключении Вы вынуждены отметить более ста его вымыслов, притом по существенным обстоятельствам преступления.

Такая личность обвинителем не может быть. Такие показания не могут служить доказательствами.

Разумеется, Вы, так же как и до Вас прокурор Антонио Альбано, сознаете, сколь уязвимы были бы Ваши доводы, не создай вы впечатления, будто Ваше решение основывается не на одном только безусловном доверии к показаниям Агджи, а аргументируется и косвенными доказательствами, которые дают Вам основание доверять Агдже. Такой путь и такой принцип поиска объективной истины существуют и приняты в юридической теории и практике. Но, вступив на этот процессуальный путь, как явствует из Вашего обвинительного заключения, не прилагаете стараний выявить объективную истину, хотя такая возможность представлялась Вам не раз, а стремитесь, постоянно лавируя, оправдать лишь свой тезис о том, что Агдже можно верить. Вы немало потрудились для этого, прибегая иногда даже к хитрос-

ти, но Вам никак не удастся найти основание для подтверждения Вашего вывода, что Агдже можно верить.

После безуспешных попыток следствия установить какой-либо факт, который имел бы силу доказательства, чтобы добиться любой ценой обвинения троих болгар в соучастии в покушении на папу, Вы, д-р Мартелла, усмотрели единственный шанс стать обвинителем с так называемыми косвенными доказательствами. Ибо оперирование ими позволяет органу правосудия делать выводы и оценки, руководствуясь своим внутренним убеждением, предполагает и допускает выражение субъективного мнения.

Но законодатель в цивилизованных странах, в том числе и в Италии, установил пределы проявления субъективных убеждений правоприменительного органа и требует, чтобы косвенные доказательства составляли единое гармоничное целое без малейшего изъяна — в противном случае дело, как и вывод (который по закону должен быть единственно возможным), считаются недействительными.

Напоминаю об этих крайне популярных положениях уголовного права, разумеется, не для того, чтобы поучать Вас, а чтобы указать на то, **что Вы, оперируя косвенными доказательствами, не считаетесь с требованиями закона, предъявляемыми к их использованию, прежде всего к их анализу и вытекающим из них выводами. Ваш вывод, что Антонов, Айвазов и Василев — сообщники Агджи в покушении на жизнь папы Иоанна Павла II, не только не является единственно возможным, наоборот, — он самый невозможный!**

В Вашем обвинительном заключении нет не только доказательства, но даже какой бы то ни было косвенной улики, говорящей о том, что Сергей Антонов, Тодор Айвазов и Жельо Василев участвовали в организации и совершении покушения на папу Иоанна Павла II.

Телефонные беседы и встречи в разных квартирах и заведениях, посещения площади Св. Петра, как утверждает Агджа, с Сергеем Антоновым, Тодором Айвазовым и Жельо Василевым — слова, не получившие никакого, ни прямого, ни косвенного, подтверждения. Даже не считаясь с алиби Антонова, Айвазова и Василева (на этот вопрос я особо обращаю Ваше внимание), нет оснований делать вывод, что Сергей Антонов, Тодор Айвазов и Жельо Василев участвовали в подготовке и совершении покушения на папу 13 мая 1981 г.

Не соответствуют действительности и утверждения Агджи о его «знакомстве» с Антоновым, Айвазовым и Василевым.

Показания Агджи и с моральной, и с юридической точки зрения не внушают никакого доверия, не имеют никакого доказательственного значения, в особенности если учесть, что

ни один факт, ни одно обстоятельство не подтверждают их достоверность; на протяжении двух с лишним лет следствия, несмотря на исключительные усилия, многочисленные допросы, сопоставления, проверки и экспертизы, не было обнаружено никакого, ни прямого, ни косвенного, доказательства, вообще ничего, что предполагало бы соучастие упомянутых троих болгар в покушении на папу; более того, всплыло множество фактов и обстоятельств, недвусмысленно, категорически доказывающих полную невиновность Антонова, Айвазова и Василева».

Во втором письме Б. Трайкова от 4 декабря 1984 г. приводятся убедительные свидетельства того, что доказательства вины Сергея Антонова, Тодора Айвазова и Жельо Василева в обвинительном заключении отсутствуют.

«Известен рассказ Агджи о том, как в Софии Челенк связал его с Айвазовым и как было оговорено покушение; какие встречи состоялось у него с Антоновым, Айвазовым и Василевым в Риме и сколько раз; как вместе с ними и с Оралом Целиком проектировалось и репетировалось покушение на папу римского на площади Св. Петра. Но, кроме рассказа Агджи, который сам по себе не имеет юридической силы, Вы не располагаете ни одним подтверждением, будь то прямым или косвенным, которое доказывало бы возможность встречи Агджи с Айвазовым, якобы состоявшейся в Софии. Так же как и встреч Антонова, Айвазова и Василева с Агджой в разных квартирах и заведениях в Риме и состоявшихся между ними телефонных разговоров. Нет доказательств и того, что Антонов, Айвазов и Василев вместе с Агджой и, если хотите, с Челиком бывали на площади Св. Петра. **Нет ничего, что доказывало бы некую организаторскую или исполнительскую роль Антонова, Айвазова и Василева в этом покушении.**

Вы скажете: у Антонова, Айвазова и Василева нет твердого алиби на дни 10, 11, 12 и 13 мая 1981 г., точнее, на те часы этих дней, когда, по словам Агджи, они встречались и действовали сообща.

Д-р Мартелла, даже если бы у Антонова, Айвазова и Василева не было никакого алиби на упомянутое время, это еще ничего не означает. Ни от кого нельзя требовать, чтобы он был в состоянии вспомнить час за часом, минута за минутой, что он делал в определенный, самый обычный для него, день полтора года тому назад... И тем более найти свидетелей, которые восстановили бы события этого дня полностью. Этого никто ни от кого не может требовать. И процессуальные кодексы не предъявляют таких требований. Поэтому я скажу Вам: **Антонов, Айвазов и Василев не обязаны доказывать, что они не бывали с Агджой на площади Св. Петра. Наоборот, Агд-**

жа и Вы — обвинители обязаны доказать, что Антонов, Айвазов и Василев встречались с Агджой и Целиком и бывали с ними на площади Св. Петра.

А в рассматриваемом нами случае и Антонов, и Айвазов, и Василев имеют алиби на указанные дни и часы, когда, по утверждению Агджи, он вместе с ними и Целиком подготовил и совершил покушение на папу. Другое дело, что общими силами Агджа и Вы стремитесь ликвидировать их алиби: Агджа неоднократно менял свои показания о местах и времени встреч, а Вы, жонглируя свидетельскими показаниями, делаете упор на несущественные расхождения в показаниях свидетелей, что вполне естественно, ведь прошло так много времени с того момента; Вы выражаете неоправданное недоверие к болгарам и итальянцам, свидетельствующим в пользу обвиняемых, и, наконец, у меня создается впечатление, что Вы пользуетесь «услужливыми» свидетелями...

Позволю себе обратить Ваше внимание на самое существенное — на алиби Сергея Антонова на вторую половину дня 13 мая 1981 г. — а именно на время покушения на папу.

По утверждению Агджи, Тодор Айвазов (под именем Сотира Колева) и Сергей Антонов (под именем Байрамича) встречаются с ним и Целиком в 15 часов на площади Республики, проезжают через район бульвара Триесте, откуда Сергей Антонов берет два чемоданчика — в каждом лежит пистолет вальтер и бомба для создания паники — и к 16 часам они уже находятся близ площади Св. Петра и припарковывают машину на улице Кончилационе, у канадского посольства. Здесь Тодор Айвазов желает им успеха и уходит, а Сергей Антонов, Агджа и Целик входят в кафе, беседуют (далее узнаем, на каком языке), пьют кофе и расстаются. Агджа и Целик направляются к площади, где они выстрелят в папу, а Антонов остается ожидать их у машины, чтобы после покушения упрятать в безопасное место, то есть в болгарский грузовой автомобиль ТИР, в котором они покинут Италию. Не буду рассматривать здесь, а лишь напомню Вам о существовании и другого, первоначального варианта показаний Агджи, согласно которому Антонов в момент покушения также находился на самой площади Св. Петра не говоря уж о том, что они хотели «сфотографироваться там на память».

Многие настойчиво и неоднократно допрашиваемые свидетели, болгары и итальянцы, с уверенностью утверждают, что к 17 часам 13 мая 1981 г. Сергей Антонов находился в бюро авиакомпании «Балкан» в Риме и выполнял свои обычные обязанности служащего этого бюро. Поводом к такому уверенному утверждению является телефонный звонок в бюро в это время — к 17 часам — матери Сильвы Петровой (телефонную трубку сни-

мает Антонов и затем передает ее Петровой), которая сообщила, что она видела по телевидению папу и что с ним случилось несчастье. Тогда, чтобы узнать, что случилось с папой (все присутствовавшие в бюро хорошо помнят это), Сергей Антонов, выходит на минутку из бюро, берет из своей машины транзисторный радиоприемник, и все начинают слушать сообщения радио о покушении.

Становится совершенно ясным, что в момент покушения на папу — 17 часов 17 минут — Сергей Антонов был на работе в бюро «Балкан» в Риме и поэтому не мог одновременно находиться в машине на улице Кончилационе у канадского посольства и ожидать там Агджу и Челика, чтобы увезти их после покушения.

Из обвинительного заключения явствует, сколь затруднили Вас эти свидетельские показания. Ваши действия и рассуждения говорят о невероятных усилиях скомпрометировать эти свидетельские показания, бросить на них тень сомнения.

Но, осознав, что эти свидетельские показания существуют и представляют серьезное алиби Сергея Антонова, Вы решили хотя бы частично опровергнуть их, подвергая сомнению показания пожилой женщины, матери Сильвы Петровой. Вы получаете от ДИГОС справку, согласно которой итальянское телевидение ни по одному из трех каналов не показывало «картин» покушения на папу на площади Св. Петра. На основании этой справки быстро делаете категорическое заключение, что Сергей Антонов, даже если и находился в бюро «Балкан» в момент, когда туда позвонила Андонина Попкрыстева (мать Сильвы Петровой), то это было после 19 часов, то есть Сергей Антонов мог быть недалеко от площади и ожидать Агджу и Челика, чтобы увезти их после покушения, но так как в данном случае Агджа был схвачен, то Антонов увез только Челика, укрыл его в болгарском грузовике ТИР и возвратился в бюро «Балкан», когда уже позвонила Андонина Попкрыстева.

В связи с этим возникают по меньшей мере четыре вопроса, на которые я хочу обратить внимание.

Первый вопрос. Я не возражаю, что Вы доверяете справке ДИГОС, но почему Вы не подумали, что следует подразумевать под фразой, что «до 19 часов итальянское телевидение не транслировало «картин» покушения на площади Св. Петра»? Вероятно, ДИГОС подразумевает только видеозапись покушения.

В отличие от Вас, я не могу допустить столь слабой профессиональной подготовленности коллег итальянского телевидения. Не могу допустить, что в первые 30 минут после покушения, то есть еще до 18 часов, они не показали видеозапись по-

кушения, коль скоро оно было заснято. Но даже если согласиться с возможностью такой задержки видеорепортажа, то не может быть, чтобы во время передачи сообщения о покушении на экране не показали фото папы... Проверьте и узнаете: итальянское телевидение, сообщая в информационных-молниях о покушении на папу 13 мая 1981 г. спустя 15-20 минут после того, как оно совершено, показывало фотографии папы Иоанна Павла II.

Кроме того, в этих сообщениях неоднократно употреблялось итальянское слово «аттентато». Почему же тогда Андонина Попкрыстева, не зная итальянского языка, но видя на телевизионном экране снимки папы и слыша не раз слово «аттентато», одинаковое по значению с используемым в болгарском языке словом «аттентат», не могла понять, что случилось «несчастье» с папой и позвонить дочери, чтобы поделиться новостью, которая ее, видимо, встревожила?

Второй вопрос. Как согласовать эти два обстоятельства: Андонина Попкрыстева звонит (по вашему утверждению) после 17 часов и первая сообщает новость, а около 17 часов 30 минут в бюро «Балкан» звонит по телефону из кафе Пьеро Паризи с этой же новостью, и ему отвечают, что она уже им известна?!

Третий вопрос. Если принять Ваш довод, вопреки его очевидной неправдоподобности, что Андонина Попкрыстева позвонила в бюро «Балкан» только после 19 часов и лишь тогда персонал бюро и «Балкантуриста» (заметьте, что сотрудники работают до 19 часов) узнал о покушении на папу и Сергей Антонов присутствовал при этом, то в таком случае как он мог выполнить свою миссию на площади Св. Петра?

Если Сергей Антонов в 19 часов (опять-таки по Вашему мнению) уже был в бюро «Балкан», а ТИР, припаркованный у болгарского посольства, отправился в путь в 19.30, то Антонов не мог отвезти Челика к ТИР и вернуться в бюро «Балкан» в 19 часов. Все занимающиеся разбором этого дела, думаю, и Вы, придерживаются мнения, что нельзя было бы снять таможенные пломбы на ТИРе и затем фальсифицировать их, а Челику сесть в грузовик, стоящий перед болгарским посольством, на глазах у стольких людей — ведь на этой улице полно магазинов и, как правило, поток машин. Если Челика подобрал ТИР, то это могло произойти за пределами Рима, то есть не ранее 20.30 — 21.00, так как выезд тяжелого грузовика не только из города но и из его оживленных предместий потребуют не менее часа: Однако Антонов в 19 часов уже был в бюро «Балкан».

Несостоятельной окажется и другая версия: Антонов, к 17.30 взял Челика и отвез его на подходящее расстояние по шоссе, ведущему в Югославию, к месту, где он мог бы сесть в ТИР. Но это

подходящее расстояние, учитывая размеры Рима и его оживленных окрестностей, никак не могло бы быть менее 80 километров, от площади Св. Петра. Следовательно, за полтора часа, да еще в час пик, Сергей Антонов не успел бы возвратиться в бюро «Балкан».

Четвертый вопрос. По мнению заместителя генерального прокурора Антонио Альбано, сообщник Агджи Орал Челик после покушения был спрятан в болгарском грузовике ТИР и вывезен через Югославию в Болгарию. Тот факт, что Вы не возражаете против этой логически невыдержанной и практически неосуществимой версии, хотя конкретно и не ссылаетесь на нее, означает Ваше согласие с ней.

Тогда как бы Вы объяснили себе такую ситуацию: Челик прибыл в Болгарию, Агджа арестован и в любой момент может заговорить, а «болгарские секретные службы» отпускают Орала Челика (разыскиваемого Интерполом за многие другие преступления) разгуливать по Западной Европе. Не слишком ли это глупо?!

А Орал Челик находится где-то в Западной Европе. В этом можете не сомневаться. Многие видели его, а корреспонденту газеты «Миллиет» в ФРГ даже удалось следить за ним в течение какого-то времени в Мюнхене.

Я не хотел бы обойти и смехотворную ложь Агджи, поскольку Вы, очевидно, соглашаетесь и с ней, если не опровергаете ее.

По словам Агджи, если по той или иной причине после покушения ему и Челику не удалось бы добраться до определенного места на улице Кончилационе, откуда их должен был увезти на машине Сергей Антонов, то по инструкции им следовало попросить убежище в болгарском, кубинском или сирийском посольстве в Риме.

Это означает, что Вы, д-р Мартелла, соглашаетесь с невероятным и абсурдным положением — если существовал заговор об убийстве папы римского, то этот заговор был известен всему персоналу болгарского посольства (наивность, какую Вы уже проявили, согласившись с тем, что Агджа по коммутатору посольства спрашивал «Сотира Колева», то есть Айвазова, и «Сотира Петрова», то есть Жельо Василева), о нем должны были знать и в кубинском и в сирийском посольстве...»

На основе приведенных фактов в заключение письма делается вывод, что болгарские граждане имеют «установленное алиби, исключаящее любую, даже малейшую возможность участия в этом чудовищном преступлении»

В письме от 5 декабря 1984 г. опровергаются утверждения следствия о том, что оно оасполагает «данными о знакомстве»

Агджа с Сергеем Антоновым, Тодором Айвазовым и Желью Василевым, хотя все трое категорически отрицают это и утверждают, что никогда не встречали его, не знали и не слышали его имени до дня покушения — 13 мая 1981 г

Ваши доводы, приведенные в обвинительном заключении, следующие: как Агджа, не будучи знакомым с Антоновым, Айвазовым и Василевым, мог знать их в лицо, чтобы опознать их среди 56 показанных ему фотографий; откуда ему знать, что у Василева на лице родинка, а у Айвазова дефект передних зубов; только при близком общении Агджа мог узнать, что Антонов коллекционирует сувенирные бутылочки со спиртными напитками, иногда курит сигары, любит цветы и поп-музыку, ласково называет свою жену Роси. А также то, что Антонов озабочен состоянием собственного зрения. Вот почему, заключаете Вы, можно верить Агдже, что он знал этих трех болгар, и имел данные, свидетельствующие об их участии в покушении на папу...

Но давайте разберемся в этих Ваших «открытиях», а, точнее, в том, откуда Агдже известны эти особенности Антонова, Айвазова и Василева, которые, заметьте, они непринужденно сообщали на допросах, не делая никаких попыток скрыть их или отрицать.

Д-р Мартелла, что касается особых примет Айвазова и Василева, то Агдже они известны не из встреч и знакомства с ними, а по фотографиям, которые он рассматривал и изучал. Родинка Василева очень ясно видна на снимке, а характерную особенность строения зубов Айвазова, тоже можно заметить на снимках, особенно на тех, где он улыбается. Я утверждаю это, ибо только в том случае, если Агджа знал Айвазова и Василева по фотографиям, он мог допустить столь грубую ошибку, утверждая, что Айвазов ростом ниже Василева...

А откуда Агдже известны некоторые увлечения и занятия Антонова, если они незнакомы?..

Откуда Агджа знал квартиру Сергея Антонова в Риме, которую он описал, пусть даже с ошибками, и улицу Пола, где, как он признался впоследствии, он никогда не бывал и которую никогда не видел?

Откуда Агджа знал, как выглядит супруга Антонова — Росица Антонова, с которой, как опять-таки он признался впоследствии, он никогда не встречался и никогда не был знаком?

Как мог Агджа описать гостиницу «Виктория», центр пресс-конференций и Дом паломника, которые он подробно и правильно описал, их местоположение и улицы, где они находятся, то есть те места, где якобы предусматривалось убийство Леха Валенсы и где якобы делались Агджой попытки, в сопровождении Антонова подложить бомбу к зданию гостиницы «Виктория», ес-

ли, как признался он впоследствии, никогда не бывал там и не видел ни этих зданий, ни улиц?

Как Агджа мог узнать на фотографиях, показанных ему во время следствия, болгарского дипломата Ивана Дончева, если, как опять-таки он потом признался, никогда не встречал и не видел его, никогда не был с ним знаком?

Вопрос: «Откуда Агджа знал?..» я мог бы задавать Вам еще много раз. Но полагаю, этих примеров достаточно, чтобы сказать Вам: из тех самых источников информации, которые сообщили ему, какая квартира у Антонова, как выглядит его жена, что представляет собой гостиница «Виктория» и каков из себя Иван Дончев; отсюда же Агджа узнал и о сувенирных бутылочках, о любви к цветам, о сигарах и других подробностях личной жизни Антонова!

Для меня и для многих других наблюдателей совершенно очевидно: для того чтобы Агджа мог создать этот обвинительный фарс, его заранее информировали, ознакомили со снимками, фактами и обстоятельствами и, кроме того, подвергали тщательной обработке, Только слепой или тот, кто прикидывается слепым, может не видеть и не понимать этого.

Но вернемся к вопросу: откуда Агджа знал, как описать, пусть даже с ошибками, квартиру Сергея Антонова в Риме и улицу Пола, где находится эта квартира, если, как он сам признался впоследствии, никогда там не бывал и не видел ни этой квартиры, ни этой улицы?

Вы тоже не могли избежать этого вопроса и тоже задали его Агдже. Агджа ответил Вам: все о квартире Антонова я узнал из газет.

Не буду говорить сейчас об обязательной по приговору и следственным нормам «изоляции» Агджи. Это будет одной из следующих моих тем.

Я утверждаю: этот ответ Агджи не соответствует и не может соответствовать истине. Агджа говорит о квартире Антонова и описывает ее на допросах, состоявшихся в 1982 г., когда еще ни одна газета, ни итальянская, ни турецкая, абсолютно никто не опубликовал ни одного слова о том, что представляет собой квартира Антонова в Риме. Справочно-документальная служба БТА тщательнейшим образом проверила это, и я категорически утверждаю этот факт.

Некоторые сведения о квартире Антонова появляются в печати после упомянутых высказываний Агджи, а точнее, после 11 января 1983 г., когда был произведен следственный осмотр квартиры Антонова на улице Пола, 29.

Я спрашиваю снова: откуда в таком случае Агдже была известна эта квартира и как он мог описать ее, не побывав там ни разу?

Вернемся к вопросу; как Агджа мог весьма обстоятельно и верно описать гостиницу «Виктория», центр пресс-конференций и Дом паломника, а также улицу, где они находятся, то есть те места, где якобы проектировалось убийство Леха Валенсы, хотя по более позднему признанию Агджи, он никогда не бывал там и не видел этих зданий и улиц?

И этого вопроса Вам не удалось избежать, и Вы также задали его Агдже. Агджа ответил Вам: все это, я узнал, когда однажды, еще до того, как меня допрашивали поэтому вопросу, судья-следователь Фердинандо Импозимато в моем присутствии прочитал судье-следователю Розарио Приоре показания профсоюзного деятеля Скриччоло, в которых содержались эти описания.

Жалкая и неудачная попытка Агджи утаить подлинные источники информации, поставляющие ему домыслы для клеветы!

Проверкой установлено, что в показаниях Луиджи Скриччоло — Вы сами отмечаете этот факт — не содержится описаний упомянутых зданий и улиц. Следовательно, Агджа не мог почерпнуть из них свои сведения. Кроме того, до допроса Агджи по этому вопросу не существует других показаний на эту тему, ни каких-либо справок или протоколов осмотров, в которых имелось бы описание объектов римского маршрута Леха Валенсы. Допрос Агджи состоялся 29 декабря 1982 г., а ДИГОС дает подробную справку г-ну Импозимато 3 января 1983 г. Этот факт не исключает возможности, что г-н Импозимато читал какой-либо другой материал с подобным содержанием г-ну Приоре.

Я спрашиваю снова: откуда Агджа знал и как мог описать здания и улицы, где находился Лех Валенса, не побывав там и не увидев их?

Подобных случаев, когда Агджа сам попадаетея в ловушку и , не может дать никакого более или менее правдоподобного объяснения того, откуда ему известен тот или иной факт, то или иное обстоятельство, немало. Таков, например, случай опознания им Ивана Дончева на фотографии в альбоме или наличие у него телефонных номеров бюро «Балкан» и «Балкантуриста» в Риме, которые, как признался Агджа впоследствии, он заранее не знал, а узнал случайно, и т. д. Эти случаи — неопровержимые доказательства того, что Агджу информировали и до и во время следствия и подвергли соответствующей обработке...

Агджа признался, что не бывал в доме у Антонова, после того, как была разоблачена ложь о совещании в его квартире 10 мая 1981 г.

Агджа изменил — до 16 часов — время присутствия Антонова на площади Св. Петра, которого он якобы видел там, после того как на 17 и следующий час было установлено алиби Антонова.

Агджа утверждал, что встречался с Бекиром Челенком в Софии между 10 и 15 августа 1980 г., но, после того как Вы получили фотокопию паспорта Челенка, где отмечено, что он покинул Болгарию 10 августа 1980 г., Агджа стал утверждать, что виделся с Челенком в Софии в первых числах августа...».

Все изложенное в письме Б. Трайкова говорит об одном: «Агджа подготовлен и постоянно направляется в своих клеветнических показаниях против Сергея Антонова, Тодора Айвазова и Жельо Василева».

В письме от 6 декабря 1984 г. вновь указывается на тот факт, что под давлением неопровержимых фактов Агджа был вынужден признаться в лживости многих своих показаний. «Агджа лгал, когда говорил о существовании некоего «болгарского проекта» убийства с его участием английской королевы Елизаветы II, президента Туниса Бургибы, премьер-министра Мальты Д. Минтоффа, Леха Валенсы, аятоллы Р. Хомейни и даже американских дипломатов в Тегеране, о своих мнимых «контактах» с болгарскими спецслужбами, о таких деталях, как получение пистолета в Софии; пребывание в гостинице «Витоша» в Софии; фотография убегающего молодого человека с пистолетом в руке в толпе на площади Св. Петра, которым якобы был Тодор Айвазов; присутствие Сергея Антонова на площади Св. Петра в момент покушения; «совещание участников заговора» в воскресенье 10 мая на квартире у Сергея Антонова в присутствии Росицы и Ани Антоновых; «встречи и знакомство» с Росицей Антоновой; посещения квартиры и представительства БГА «Балкан» в Риме; переговоры с Антоновым по телефону бюро «Балкана» и «Балкантуриста» в Риме; встречи и знакомство с болгарским дипломатом Иваном Дончевым в Риме; поездка в Цюрих для сопровождения груза оружия в Софию, предназначенного для «ливанских террористов»; получение секретных военных данных, касающихся Швейцарии и Австрии, от Мехмеда Шенера и передача их Жельо Василеву; связи Тодора Айвазова по его домашнему телефону, тогда как телефона у Айвазова не было; посещение скачек вместе с Жельо Василевым; занятия спортом (поднятие тяжестей) Тодора Айвазова; показания Луиджи Скриччоло, зачитанные якобы судьей-следователем Фердинандо Импозимато судьбе-следователю Росарио Приоре.

И так далее и так далее. Нет необходимости убеждать и Вас в том, что Агджа лжет, ибо в создавшейся нетерпимой ситуации лжи и Вы, чтобы отмежеваться и сохранить позицию объективности, были вынуждены в своем заключении констатировать:

«Агджа прибежал к самой беззастенчивой лжи». Но, сказав «А», Вы не говорите «Б», д-р Мартелла...

Для меня ложь Агджи — это показательный и очень серьезный аргумент полной недостоверности его обвинения, а следовательно, явное свидетельство, точнее, доказательство невиновности Сергея Антонова, Годора Айвазова и Жельо Василева. Но сейчас речь не об измышлениях Агджи, а о том, что они представляют для Вас, как судьи-следователя, Ибо ваше отношение к ним играет роль лакмусовой бумажки, показывающей, по сути, позицию судьи-следователя в отношении всего дела о покушении на папу Иоанна Павла II.

Агджа оправдывает свою ложь неоднократно повторяемыми и целиком обличающими его фразами. Вот одна из них: я лгал ради большей достоверности моих показаний, чтобы мне поверили. Вот другая: я лгал, так как не располагал и не располагаю свидетельскими показаниями в поддержку истины.

Невероятно, но Вы принимаете и одобряете эти «извинения» Агджи!

Агджа оправдывает свою ложь и другими, обличающими его фразами. Одна из них: «Мое непохвальное поведение». Другая: «Для такого человека, как я, приблизиться к истине, мягко говоря, трудно».

Изумительно, но Вы принимаете и одобряете и эти «извинения» Агджи!

Агджа, уличенный во лжи, оправдывается: «Очевидно, я ошибся. Впрочем, порой бывает и так, что человек не уверен даже в своем росте».

Это уже слишком, но Вы снова принимаете и одобряете и эти «извинения» Агджи!

Более того, используя многочисленные обтекаемые словосочетания в своем обвинительном заключении, Вы всеми силами стараетесь придать этой лжи невинный характер, представить ее как случайность, не имеющую значения для оценки общей достоверности его показаний...

По ходу изложения приведу выдержки из Вашего обвинительного заключения...

По-Вашему,

— ложь Агджи — следствие «положения логической необходимости»;

— можно «не обращать внимания на противоречия, в которые Агджа мог впасть»;

— указание Агджи на родинку Василева «уравновешивает» его серьезную ошибку, в ответе на вопрос кто выше ростом — говорите это, несмотря на то, что родинка ясно видна на фото-

графии Василева, что же касается роста, то, когда снимки индивидуальные, сориентироваться трудно;

— было бы «гораздо менее достоверным, удивительно, если бы Агджа не ошибся», когда называл этаж в доме, где жил Тодор Айвазов (имеется в виду квартира Айвазова, где, как утверждает Агджа, он бывал «неоднократно» всякий раз поднимаясь на лифте, хотя, чтобы- нажать на соответствующую кнопку, обязательно надо знать этаж);

— «отказ Агджи от показаний на допросе 28 июня 1983 г. не только по этому вопросу, но и по другим, касающимся его связей с Байрамычем (Сергеем Антоновым. — Б. Т.), и приведенные по этому поводу объяснения следует считать удовлетворительными»;

— «часто наблюдаемая «слабость» Агджи... состоит в том, что у него истина, которую он все же говорит, чередуется с приплетаемыми недействительными фактическими обстоятельствами и лицами, которые — в соответствии с его намерением и специфическим способом рассуждения — должны придать большую достоверность его показаниям». И Вы заключаете эту констатацию словами: «Само собой разумеется, сколь минимальна польза от этого для выяснения дела»...

Десятки страниц своего обвинительного заключения Вы посвятили тому, чтобы либо «понять» или умалить либо игнорировать или оправдать ложь Агджи. Не могу удержаться, чтобы не привести еще хотя бы один отрывок из Вашего обвинительного заключения:

«Считая, что он говорит правду, — пишете Вы, — в ходе многочисленных допросов, которым он подвергался, Агджа попадал в особенно трудное, если не в безнадежное психологическое положение. Он пытался придать правдоподобность своим показаниям, которые сами по себе (ведь он не мог подкрепить их какими-либо документами или свидетельскими показаниями) не имели даже слабой доказательной силы и, естественно, давали повод для колебаний и сомнений, ибо исходили от «заинтересованного» лица т. е. от человека, которому чужды такие понятия, как чистота и справедливость, Агджа понимал все несовершенство своих показаний, поэтому в соответствии с некой своей «логикой» и своим «умственным настроением», стараясь подкрепить собственную ложь, он ложно вплетал порой в процессуальную действительность обстоятельства, касающиеся фактов и лиц, которые, по его мнению, должны были подтвердить сказанное им. Конечно, он и сам «чувствовал», что в них едва ли можно поверить ввиду отсутствия данных для сопоставления доказательств. Показания Агджи, будучи просеянными сквозь сито следствия, неизбежно оказывались тем, чем они и были на самом деле, ложью. При-

чем не просто ложью, а ложью, ^ставящей под сомнение даже то достоверное и истинное, что им было сказано и что, возможно, могло бы быть установлено независимо от показаний самого Агджи, более того против всех его самых пессимистических ожиданий».

Ну чем не речь в защиту Агджи? Я Вам прямо скажу, когда я читал Ваше обвинительное заключение, у меня сложилось впечатление, будто Вы выступаете в качестве адвоката Агджи, доктор Мартелла!»

Письмо от 7 декабря 1984 г. является иллюстрацией тенденциозного отношения судьи-следователя к С. Антонову и его показаниям.

«На очной ставке Агджа сказал, что у Антонова была машина «фиат-124». Антонов, пишете Вы в решении, «отрицал, что он когда-либо имел такую машину». На другом допросе Антонов уточняет: «Я имел в виду, что у меня автомобиль «Лада». Все дело в этом, Мне просто не пришло в голову то обстоятельство, что этой марке автомобиля соответствует машина «фиат-124»... Для Вас слово «отрицал» уже удобный повод упрекнуть его в «попытке утаить истину». Справедливо ли это? Антонов сказал правду — у него не было автомобиля «фиат-124».

Сергею Антонову был задан вопрос, какие языки он знает кроме болгарского. Он ответил, что знает итальянский, французский, немного русский, немного английский, но, как пишете Вы, «тут же, словно спохватившись, корригировал последнее утверждение, отрицая знание этого языка» (то есть английского). И сразу же следуют Ваши веские слова: «Автор настоящего заключения (Иларио Мартелла. — Б. Т.) отмечает, что подобный «отказ от показаний» не может не выглядеть чрезвычайно подозрительным». Справедливо ли это? Для Агджи, который отказался от половины своих показаний, это в порядке вещей. Для Антонова, который не отказывается от своего показания, а лишь, притом сразу же, корригирует его, это считается чрезвычайно подозрительным.

Особенно разительна третья (а их всего три) «ошибка» Сергея Антонова. Он сказал, имея в виду обычное времяпрепровождение его семьей, что в день покушения его жена Росица была в Риме, так как ему помнилось, что вечером они вместе смотрели телевизор. В действительности же, 8 мая, т. е. за пять дней до покушения, Росица Антонова выехала на автомашине в Болгарию. Так, из-за разрыва во времени — полтора года между допросом и покушением — и из-за того, что его супруга действительно за несколько дней до покушения была в Риме, Сергей Антонов, вспоминая, ошибся. И Вы, не только простив, но оправдав бесчисленные ошибки и «отказы от показаний» Агджи, об этой поистине невольной и совершенно не имеющей значения ошибке

Антонова говорите поразительные слова: «Процессуальное поведение Антонова пострадало от тяжелых аномалий, не имеющих никакого объяснения в плоскости логического и хронологического воспроизведения событий и в то же время вызывающих серьезное замешательство и затруднения в формулировке правомерной и достоверной линии защиты».

По-видимому, д-р Мартелла, Вы слишком увлеклись в своем желании уличить Антонова и, вероятно, позабыли, что Ваше обвинительное заключение будут читать и другие люди, а потому не подумали как следует, прежде чем написать следующие строки. Цитирую со страницы 1083-й:

«Окончательное подтверждение неэффективности данных, служащих Антонову для защиты, неправильно определенных как алиби, вытекает именно из процессуального поведения Сергея Антонова. И даже защите, не выходя за строгие рамки своей деликатной функции, придется признать — (пусть даже не гласно) наличие в его поведении обвинительного заряда: во время очной ставки с Агджой 27 ноября 1982 г. на вопрос, может ли он указать, где он был в день покушения на папу, Антонов не смог ответить сразу, ему понадобилась узнать, на какой день приходится 13 мая (известно, что по понедельникам и пятницам он ездил на аэродром Фьюмичино) и только потом, узнав, что это была среда, он ответил, что был в Риме.

Лишь используя метод исключения, ему удастся констатировать свое присутствие в бюро БГА «Балкан» в пресловутый день выстрелов на площади Св. Петра. Больше он не сообщил никаких интересных подробностей.

Затем он потребовал вторичного допроса, на котором представил свое так называемое алиби рассказом обстоятельным и точным в отношении времени, эпизодов, встреч, лиц, вплоть до описания волнения, испытанного всеми, когда по телефону была сообщена новость о покушении!»

«Следовательно, — продолжаете и заключаете Вы, д-р Мартелла, — собранные по делу данные таковы, что делают абсолютно недостаточным представленное Антоновым алиби, более того, оно не в состоянии умалить правомерность заявлений Агджи».

Трудно сохранить хороший тон, квалифицируя логику этих Ваших рассуждений. Поэтому я воздержусь. Но не могу не возвратиться к тому случаю, когда Агджа ошибся называя этаж квартиры Айвазова. Это вызвало у Вас восклицание: «Было бы удивительно, если бы он не ошибся!» Тогда как в том, что Антонов ни в чем не ошибается, а просто не может сразу вспомнить, что он делал в определенный день полтора года назад, Вы усматриваете «обвинительный заряд»... Разве Вы не сознаете

конфузность положения, в которое ставят Вас, д-р Мартелла, все Ваши толкования и определения показаний поведения Сергея Антонова, к которым я добавлю еще лишь одно, со страницы 1069-й: «По-видимому, Антонову трудно приписать благонадежность из-за его ярко выраженного поведения абсолютного отрицания!» (курсив Ваш. — Б. Т.). Сознаете ли Вы, что говорите? Ведь Вы искажаете нормальную человеческую мысль!

Скажу Вам прямо: Ваша ясно выраженная предубежденность и тенденциозное отношение к Сергею Антонову, Ваше, судьи-следователя, поведение в отношении его личности и заявлений — поистине поведение с обвинительным зарядом, если разрешите мне воспользоваться Вашим выражением».

В письме от 8 декабря 1984 г. рассматривается отношение судьи-следователя к показаниям свидетелей и некоторым другим источникам информации. В нем обращается внимание на раздел «Критика свидетельских показаний» (звучит весьма откровенно с Вашей стороны, Вы даже не воспользовались обычным, ни к чему необязывающим словом «оценка»).

Относительно показаний Благоевой, пояснив, что на первом допросе она не смогла точно вспомнить пережитое ею в день 13 мая 1981 г., Вы пишете: «Месяцем позже женщина уточнила свое поведение, и уточнила его в подробностях, полностью совпадающих с элементами доказательства, задуманными и сформулированными в тюрьме «Реббия». Этот факт не нуждается в комментариях».

Я, однако, полагаю, что этот факт нуждается в комментариях и по меньшей мере в двух вопросах к Вам:

— Поскольку Сергей Антонов находился в тюрьме «Реббия», притом в условиях изоляции, каким образом Благоева может узнать, какое алиби и какую защиту он представил, чтобы умышленно добиться «полного совпадения» с его показаниями?

— Если Вы допускаете, что вопреки изоляции Антонова существовала возможность некими тайными путями войти в контакт с ним и договориться, не думаете ли Вы, что у Агджи были значительно большие возможности получения таких контактов и он был более заинтересован в этом?

Но об «изоляции» Агджи поговорим отдельно. Сейчас вернемся к вопросу о свидетелях.

Сравнивая показания Благоевой и Петровой, бывших вместе с Антоновым в бюро «Балкан» в момент покушения на папу, Вы пишете: «Идеальное созвучие, синхронность, естественно поддерживающие совокупность элементов доказательства, идущего из «Реббии».

Я снова спрашиваю Вас, как это «идушего из «Ревбибии»? почему в Ваших словах звучит раздражение? Не проявление ли это определенного отношения к болгарским свидетелям Антонова, даже неприязни, как явствует из Вашей фразы на странице 1089-и: «вечные свидетели «невиновности», сказанной в адрес Попкрыстевой, Василевой и Благоевой? Объективный судья-следователь «е может позволить себе такую реплику, тем более отрицание достоверности показаний свидетелей в виду их «идеологических и политических симпатий» к Сергею Антонову.

Ваше отношение к свидетелям, разумеется, не определяется национальным признаком, т. е. тем, болгары они, итальянцы или люди другой национальности. Вам куда важнее соответствие или несоответствие их показаний с Вашей обвинительной позицией.

Это явствует из:

— пренебрежения показаниями итальянского гражданина Пьетро Паризи в пользу алиби Сергея Антонова:

— игнорирования и даже объявления несостоятельным в качестве свидетеля сержанта итальянской финансовой гвардии Маурисио Луккетты;

— неприятия алиби Тодора Айвазова на 12 мая 1981 г. из-за «противоречий» в показаниях свидетелей — итальянских служащих, хотя Вы даже не попытались до конца разобраться в них. Вы не считаетесь с тем, что, даже если в этих показаниях и нет полной достоверности, потому что их давали незаинтересованные люди, зародившиеся сомнения идут в пользу обвиняемого (как гласит древний юридический принцип) и не дают права судье перечеркнуть все изложенное в показаниях, особенно те данные, которые свидетельствуют в пользу обвиняемого Тодора Айвазова.

То, как Вы оперируете свидетелями и свидетельскими показаниями, я проиллюстрирую еще одной Вашей комбинацией.

В стремлении любой ценой доказать, что Сергей Антонов говорит по-английски (а Вам это крайне необходимо, чтобы ответить на вопрос, на каком языке разговаривали Агджа и Антонов), Вы отыскиваете двух бывших болгарских граждан (прошу прощения, позволю себе сказать — питающих «идеологические и политические симпатии» к Вам), которые заявляют Вам, что нельзя работать в БГА «Балкан», тем более в качестве представителя в Риме, не зная английского языка. И это произвольное мнение, противное всякой логике, Вы немедленно возводите в ранг твердого доказательства того, что Сергей Антонов знает английский, — не имея ни от кого и ни откуда конкретного подтверждения — и возлагаете на этих

двух «свидетелей» прерогативы руководства БГА «Балкан» определять, какая должность и какое место работы требуют знания английского языка.

Но что важнее: во всем обвинительном заключении отсутствуют показания г-на Мата, представителя турецких авиалиний в Риме, который (по информации из итальянских газет) заявил, что, по его мнению, Сергей Антонов не знает английского, а следовательно не говорит на этом языке.

Вы применяете личный критерий благонадежности не только к свидетелям, но и к источнику информации. Например, когда итальянская полиция (ДИГОС) выдает Вам справку о том, что Итальянское телевидение 13 мая 1981 г. до 19 часов не передавало никаких «картин» покушения на папу, не уточняя, показывались ли до этого фотографии папы и что подразумевается под словом «картины» — снимки или видеорепортаж, Вы полностью принимаете на веру и как вполне достаточную эту неточную и непрофессиональную справку. А когда югославская милиция выдает Вам справку о пребывании Росицы Антоновой 8-9 мая 1981 г. в Югославии по пути в Болгарию, то Вы выражаете сомнение в информации югославской милиции, о чем свидетельствует тот факт, что Вы затребовали через Министерство иностранных дел документ, представляющий более солидное подтверждение.

Фразы и примеры, которые я привожу здесь (только в отношении свидетелей и справок), далеко не все содержащееся в Вашем обвинительном заключении, что иллюстрирует мнимый характер Вашей объективности.

Все Ваше, судьи-следователя, поведение и отношение к обвиняемым и свидетелям, к фактам и обстоятельствам, (а это ясно видно из Вашего обвинительного заключения), весь смысл выводов и оценок, сделанных в ходе следствия, дают полное основание не то чтобы сомневаться в Вашей объективности (это было бы чуресчур наивно), а совершенно определенно видеть в Вашем лице судью-следователя, позволившего себе проявить пристрастность, субъективизм и грубую тенденциозность.

В самом деле, нелегко, даже невозможно судье-следователю сохранить свою добрую репутацию и не омрачить столь яркие краски, которыми расписан его портрет в испанской газете «АВС», если ему непременно надо прийти к обвинительному заключению по фальшивой версии о покушении на папу Иоанна Павла II. И все же Вы могли избежать некоторых излишне компрометирующих моментов, в особенности некоторых чрезмерных и недозволённых дерзостей.

Ведь, Вы, д-р Мартелла, в стремлении непременно воспользоваться свидетельством Арно де Борчгрейва (американ-

ца, личности, известной своим антикоммунизмом, и уличить в участии в покушении на папу «одну восточную страну», позволили себе увлечься, что недопустимо для судьи-следователя, для государственного служащего. Вы использовали в официальном документе ничего не значащую заметку французского журнала «Пуэн» и тем самым обвинили президента, главу французской Республики г-на Миттерана (который якобы лично разрешил Александру де Мараншу, бывшему руководителю французской разведки, сославшись на «военную тайну», не отвечать на Ваши вопросы) в том, что он содействовал сокрытию истины, касающейся покушения на папу Иоанна Павла II.

Действительно, не что иное, как чрезмерная пристрастность оказалась тем плохим советчиком, который побудил Вас перейти границы нормального корректного поведения.

Да, д-р Мартелла, у Вас, надо отдать должное, много свидетелей. Десятки, а может, и больше сотни — я не считал. Но не могу не отметить исключительную важность по крайней мере четырех из них — итальянских граждан, проживающих в том же доме, где находится квартира Тодора Айвазова. Благодаря этим свидетелям Вам удалось ответить на весьма важный вопрос — по правую или левую сторону лифта находится в этом здании лестница. Не ограничившись показаниями свидетелей, вы провели следственный осмотр, также констатировавший местоположение лестницы. Таких «чрезвычайно полезных», имеющих «решающее значение» свидетелей и свидетельств у Вас много. Зачем они Вам, д-р Мартелла? Не затем ли, чтобы Вы сами и, естественно, некоторые журналисты в своих информациях, и особенно в комментариях, могли утверждать нечто подобное: «Досье Мартеллы очень солидно. Он строит и доказывает свое обвинение, основываясь на показаниях более ста свидетелей!»

В письме от 9 декабря 1984 г. перед судьей-следователем были поставлены конкретные вопросы.

«В обвинительном заключении утверждается, что «11 мая 1981 г. на площадь Св. Петра отправляются Агджа, Челик и Айвазов, чтобы осмотреть эту часть города и уточнить место, где после покушения должен ожидать их в машине Байрамич (Сергей Антонов). На следующий день, 12 мая, снова на площади Св. Петра Агджа, Челик, Айвазов и Василев «репетируют» бегство и уточняют детали».

— Почему при уточнении места стоянки машины, которая должна увезти убийц, при выборе наиболее удачного маршрута Антонов, которому отведена роль водителя, не присутствует?

«В обвинительном заключении также говорится, что в день совершения покушения 13 мая, на улицу Кончилационе, при-

легающую к площади Св. Петра, отправляются Агджа, Челик, Антонов и Айвазов; последний желает им успеха и сразу же уходит.

— Зачем понадобились два чемоданчика с двумя пистолетами вальтер и двумя бомбами для создания паники? У Агджи был его браунинг, Челик мог взять один чемоданчик с вальтером и бомбой, чтобы действовать, а для кого предназначался второй чемоданчик? Ведь Антонов, как об этом сказано в обвинительном заключении, не репетировал, не был во время покушения на площади, и вообще его роль сводилась единственно к тому, что он должен ждать убийцу, сидя в машине, припаркованной у канадского посольства.

Вечером 29 августа Агджа выезжает из Болгарии в Турцию и всего через несколько часов, рано утром 30 августа, возвращается в Болгарию и следует транзитом в Югославию. Цель поездки в Турцию — получить от Орала Челика фальшивый паспорт, которым обеспечила его турецкая мафия.

— Зачем понадобилось убийцу, которого нашли и с которым договорились о покушении на папу, подвергать такому огромному риску быть схваченным турецкой полицией, ведь она усиленно разыскивает его и хорошо знает? Разве «болгарские спецслужбы» не могли обеспечить передачу фальшивого паспорта из Турции в Болгарию?

30 августа 1980 г. Агджа покидает Болгарию и до момента его появления на площади Св. Петра — 13 мая 1981 г. — т. е. за восемь с половиной месяцев объезжает Югославию, Австрию, Федеративную Республику Германию, Швейцарию, Францию, Испанию, Тунис и Италию, причем в некоторых из этих стран успевают побывать несколько раз.

— Почему «болгарские спецслужбы», заполучив «нужного» им убийцу папы, столь легкомысленно отпустили его в поездку по тем странам, где этого опасного преступника усиленно разыскивает Интерпол?

Агджа получил от Орала Челика браунинг в Вене (в свою очередь Орал Челик получил его при посредничестве Бекира Челенка от австрийского нелегального торговца оружием Отто Тинтнера), перевез его через границу и хранил в Швейцарии у Омера Багджды, который в свою очередь также перевозит его через границу и доставляет Агдже в Милан.

— Зачем понадобились все эти перипетии, каждая из которых подвергает опасности владельца оружия? Разве не могли «болгарские спецслужбы» снабдить своего убийцу пистолетом в Риме, тем более что, как указано в Вашем докладе, они располагали в Риме чуть ли не целым складом оружия?

Судя по тому, что написано в обвинительном заключении, трое «болгарских разведчиков» — Сергей Антонов, Тодор Айвазов и

Жельо Василев в напряженной обстановке подготовки покушения на папу, в которой они участвуют под вымышленными именами, еще успевают дать Агдже исчерпывающие сведения о своем семейном положении, своих женах и детях.

— **Зачем? Какой разведчик допустил бы такое недомыслие — сообщать нанятому им убийце данные о своей семье?**

И эта одинаковость поведения, одинаковость данных, сообщенных тремя болгарами Агдже, разве не наводят Вас на мысль о том, что эти сведения получены из одного и того же места — из соответствующих досье в Италии?

Имеется целый ряд нелогичных положений или обстоятельств, принятых Вами и отраженных в Вашем обвинительном заключении, дисгармонирующих, как выражается, в «логической плоскости». Вот некоторые из них:

Полагаете ли Вы, что визиты — всегда ночные — Агджи домой к Тодору Айвазову не удивили и не смutilи бы его семью, тем более что в течение месяца, предшествующего покушению, у Айвазова гостили его родители? Неужели вся семья была посвящена в секретную служебную задачу Айвазова?

— Как и чем Вы объясняете себе такую неосторожность со стороны «опытных разведчиков и террористов», которые, все пятеро, на протяжении четырех дней несколько раз встречаются и обсуждают покушение на папу в одном и том же месте, в одном и том же кафе на площади Республики? В особенности если учесть, что «разведчики» знали о том, что «французским службам» уже известно о подготовке покушения на папу.

— Поскольку Агджа был нанят через посредника — Бекира Челенка и покушение организовывалось под прикрытием его же, то благоразумно ли было со стороны «болгарских спецслужб» афишировать свои действия, допустить, чтобы «болгарские разведчики» разгуливали с Агджой по Риму и приглашали его к себе в гости, в квартиры, за которыми установлена слежка?

— Допускаете ли Вы, что организаторы покушения могли сообщить нанятому ими убийце, что «французские службы» знают о предстоящем покушении, что они наверняка поднимут тревогу и будут приняты строжайшие меры к охране папы?

— Разумно ли предварительно принятое решение стрелять в папу, при его вторичном обходе на площади Св. Петра, тогда как нормально было бы допустить, что по непредвиденным обстоятельствам условия для стрельбы в этот момент могут оказаться неблагоприятными и так как вторичный обход — последний, то возможность будет упущена и покушение сорвется?

— Не слишком ли большая ошибка для «опытных разведчиков-террористов» предусмотреть только одну машину для обеспечения бегства террористов, притом с неумелым водителем,

который, по утверждениям всех, кто его знает, с трудом продвигается по улицам Рима?

— Могли ли «болгарские разведчики» не знать широко известного благодаря печати «секрета», что телефоны посольств социалистических стран прослушиваются, и тем не менее договариваться по этим телефонам, под шпионскими кличками, о встречах, связях и т. п. в связи с покушением на папу. Не выглядит ли все это, как сказал один шведский коллега, «школярской конспирацией»?

— Приходилось ли Вам когда-нибудь слышать, чтобы кто-либо уплатил сполна заранее, до того, как дело будет сделано, в особенности если речь идет о сумме 3 млн. западногерманских марок?

Вообще, многими ошибками и чрезмерной наивностью наделяет Агджа действия «опытных болгарских спецслужб», а Вы их безоговорочно принимаете. Я упоминаю только некоторые из них и задаю лишь часть из множества вопросов, которые мог бы задать. Много подобных вопросов, разумеется, будет задано и в зале суда на предстоящем процессе.

Позволю себе еще два вопроса:

— Поскольку отлично известно о тесных связях и взаимоотношениях партии национального действия и ее отрядов «серых волков» с Центральным разведывательным управлением США (а, по словам Агджи и Ваших, болгарские спецслужбы поддерживают весьма активные отношения с турецкой мафией, то есть им лучше, чем кому-либо, должен бы быть известен этот факт), поскольку даже известно, что «серых волков» финансирует и контролирует ЦРУ, как Вы могли принять и отстаивать утверждение, что болгарские органы предприняли организацию покушения на папу с помощью этой организации, при содействии и участии многих ее членов, не сообразив, что проект покушения немедленно станет известен ЦРУ? Возможно ли, чтобы с июля 1980 по май 1981 г., на протяжении девяти месяцев, «болгарские органы» и «серые волки» планировали и организовывали покушение на папу Иоанна Павла II, а ЦРУ не было бы уведомлено об этом своими подопечными и ничего бы не знало? А если Вы допускаете возможность того, что болгарские органы предприняли покушение совместно с «серыми волками» и ЦРУ, то скажите об этом прямо! Тогда придется открыть совсем другую страницу этой истории.

— После того как газета «Дейли америкэн», выпускаемая ЦРУ в Риме, упоминает о «болгарском следе» в покушении на папу;

— после того как американский журнал «Ридерс дайджест» публикует статью, в которой уже открыто указывается на «болгарский след» в покушении на папу;

— после того как итальянские газеты «Република», «Коррьере делла сера» и «Джорнале нуово» сообщают, что Агджа «расколосся» и указал на «болгарский след»;

— после того как Омер Мерсан (связанный, по-Вашему мнению, с болгарскими службами) был подвергнут допросу в связи с покушением на папу;

— после того как (в октябре 1982 г.) в передаче западногерманского телевидения, посвященной покушению на папу, были названы имена Бекира Челенка и Аталая Сарала;

— после того как был арестован Муса Сердар Челеби (как Вы утверждаете один из посредников между болгарскими службами и Агджой) во Франкфурте, также в связи с покушением на папу;

— после того как в представительстве БГА «Балкан» в Риме был произведен осмотр, взяты документы на проверку и проведена беседа, своего рода допрос Сергея Антонова;

— после всего этого если Сергей Антонов и в самом деле неким образом, прямо или косвенно, был причастен к покушению на папу Иоанна Павла II, то почему его не отозвали из Италии, почему он спокойно продолжал работать в Риме?

Не буду употреблять точного определения, но, по-видимому, Вы придерживаетесь мнения, что квалификация болгарских органов безопасности оставляет желать лучшего. Каков бы ни был Ваш критерий, он остается Вашим, но логика развивается в пределах общепринятых норм и Вы не можете не считаться с ними. При наличии всех этих сигналов Антонову — если он был сообщником Агджи — оставаться в Риме совершенно невозможно!

Разумеется, Вы можете ответить, что не претендуете на абсолютную полноту и целостность (это внушается общественности) Вашего обвинительного заключения. Можете сослаться даже на собственные слова в заключении, что «для достижения бесспорного и высшего коэффициента судебной уверенности собранные доказательственные элементы требуют дальнейшей и углубленной оценки».

Вероятно, Вы скажете, что предвидели протесты, подобные моим, которые Вы называете «личными пристрастными интересами», и поэтому не случайно отметили в заключении, что не следует «приписывать настоящему следственному решению окончательного судебного значения». Я понимаю, Вы хотите подстраховаться. Но нет такой страховки — «судейские решения»,

Не кто иной, как лично Вы, берете измышления Агджи, смешиваете их с противоречиями и возможностями, сказанными и недосказанными, из всего этого стряпаете псевдообвинительное заключение и заявляете: «Уместно подчеркнуть,

что, по нашему мнению, собраны доказательственные элементы, дающие возможность состоятельного и положительного убеждения в связи с признанием вины обвиняемых». Так, в соответствии с Вашим мнением и вразрез с итальянским уголовно-процессуальным кодексом, требующим наличия не сомнительных доказательственных элементов, а «достаточных доказательств». Вы обвиняете и передаете суду невиновных людей, среди которых и Сергей Антонов, человек, лишенный свободы уже более двух лет и психически тяжело травмированный.

Поэтому не будьте столь высокого мнения о своей беспристрастности и непричастности. За ведение этого дела, которое, по Вашим словам «исторически уникально», за это грубое попрание прав человека, элементарнейшего чувства справедливости, юридической этики и извечных принципов правосудия и Вы, д-р Мартелла, станете одним из тех, кого история призовет к ответственности».

В письме от 10 декабря 1984 г. приводится ряд важных фактов, на которые судебный следователь не счел нужным обратить внимание.

«При чтении Вашего обвинительного заключения удивляет то ожесточение, с которым Вы выискиваете «болгарский след», стараясь не замечать тех «отклонений», которые могли бы привести к другому следу.

В подтверждение сказанного хочу привести несколько примеров.

Первый пример. В ходе следствия Вы устанавливаете сами, а затем и Агджа признается, что он солгал о своем знакомстве с болгарским дипломатом Иваном Дончевым, о посещении вместе с болгарскими разведчиками объектов римского маршрута Леха Валенсы. И останавливаетесь на этом, постановив прекратить дело за отсутствием достаточных доказательств.

Почему Вы не пошли дальше по этому следу, чтобы установить, откуда Агдже были известны указанные и описанные им лица и объекты, если он никогда не видел этих людей и, не посещал эти объекты?

Почему Вы не выяснили (и не отметили в обвинительном заключении), действительно ли Ваш коллега Фердинандо Имползимато допустил грубую и порочащую следствие процессуальную ошибку — показывая Агдже альбом фотоснимков в целях опознания, указал на один из них, говоря: «Это Иван Дончев. Ты его знаешь?» Почему Вы не выяснили и не отметили в объяснительном заключении, действительно ли Ваши коллеги Фердинандо Имползимато и Росарио Приоре допустили не менее грубую и порочащую следствие процессуальную ошибку — в присутствии Агджи читали документы и вели беседу, обсуждая

те самые вопросы, которые несколько минут спустя были заданы Агдже? Как явствует из обвинительного заключения, Вы этого не сделали. Вы позволили себе публично скомпрометировать своих коллег Им-позимато и Приоре, уличив их в недопустимом процессуальном проступке, но предпочли не разбираться далее в этом исключительно серьезном, фундаментальном вопросе об источниках информации Агджи.

Второй пример. В ходе следствия Агджа, никогда не изучавший итальянский язык и, как доказано, до первого процесса против него в Риме совершенно не говоривший на нем, после периода «полной изоляции» в тюрьме начинает отвечать на Ваши вопросы по-итальянски. И, судя по цитатам из его заявлений, он говорит, употребляя сложные словосочетания, на очень неплохом итальянском языке. Как Агджа в условиях «полной изоляции» мог выучиться хорошо говорить по-итальянски?

Кроме того, получили широкую известность признания раскаявшегося члена мафии Джузеппе Чилари, Франческо Пащенко (чьи контакты и махинации с каморрой, ЦРУ и итальянскими спецслужбами ни для кого не секрет), а также другие сведения, согласно которым в условиях «полной изоляции» Агджа весьма активно общался с Раффаэлем Кутоло, шефом неаполитанской каморры, с «идеологом» «красных бригад» Джованни Сенцани (который давал Агдже «уроки итальянского языка»), с членом итальянской мафии священником Сантини и др.

Почему Вы не заинтересовались этими, принимая во внимание изоляцию, недозволенными контактами Агджи в тюрьме, не расследовали их? Почему Вы не пошли по этому следу, ставшему широко известным, а оставили этот шумевший вопрос без всякого ответа в Вашем обвинительном заключении? Надо ли считать, что для Вас это след, перед которым стоит дорожный знак: «Движение в этом направлении запрещено»?

Третий пример. Во время дебатов в итальянском парламенте бывший министр обороны Лелио Лагорио сообщил, что представители итальянских секретных служб посещали «изолированного» в тюрьме Агджу. В итальянских газетах появилась и более точная информация, а именно о посещении Агджи 29 декабря 1981 г. представителями СИСДЕ и СИСМИ, соответственно д-ром Бонагурой и г-ном Петручелли.

Так как речь идет о вопросе, обсуждавшемся в итальянском парламенте, Вы не могли обойти его молчанием в своем обвинительном заключении. Тем более что в документе, направленном через Министерство внутренних дел в римскую квестуру, получение которого зарегистрировано, говорится: «Со стороны

СИСДЕ были проведены разговоры (заметьте множественное число. — Б. Т.) с Агджой с разрешения в обычном порядке судьи».

Взяв этот след, Вы не пытаетесь разобраться в данной ситуации, а просто уходите от этого.

Но так как все-таки должно быть какое-то объяснение и оправдание встречи (если она была единственной) д-ра Бонагуры и г-на Петручелли с Агджой, Вы постановляете, что итог этого разговора следует считать лишенным всякого процессуального значения, то есть не имеющим ничего общего с покушением и его организаторами. А упомянутый документ характеризуете как «серьезную неудачу, которую потерпел неизвестный автор (неудачу, возможно, вызванную неумелым согласованием полученных сведений), так как ошибочно предъявлял данные, противоречащие действительности».

Выход из этого действительно весьма конфузного положения (результат «неумелого согласования» между службами) крайне неубедителен. У меня снова есть основания спросить Вас: почему вы не пошли и по этому следу? Может, и перед ним стоит знак одностороннего движения?

Кстати, об «изоляции». Как Вы объясняете тот факт, что «изолированный» Агджа направил письма в американское посольство в Риме? Объявленная Агджой голодовка была истолкована как сигнал покровителям о необходимости поскорее освободить его, ибо в противном случае он начнет говорить и выдаст их. А эти письма каким сигналом прикажете считать?

Четвертый пример. В ходе следствия Вы бесспорно убеждаетесь из свидетельских показаний и документов турецких судебных органов, что Агджа — член организации «серые волки» и всецело принадлежит ей. Вместе с тем из расследований и опубликованных писем стало известно о весьма тесных взаимоотношениях «серых волков» с западными разведывательными центрами, и в первую очередь с ЦРУ США.

Почему же Вы не попытались разобраться в треугольнике: Агджа — «серые волки» — Рузи Назер, агент ЦРУ, осуществлявший «контроль» над «серыми волками» ранее в Турции, а сейчас в Федеративной Республике Германии?

Пятый пример. В ходе следствия Вы узнаете, что Агджа намеревался побывать в Соединенных Штатах, но ему было отказано во въездной визе.

Почему Вы не поинтересовались и не навели справки у соответствующих органов Соединенных Штатов, по какой причине Агдже было отказано во въездной визе, учитывая, что она была запрошена? Что эти власти могли иметь против простого турецкого гражданина Фарука Озгуна? Не означает ли этот от-

каз, что им было известно: под именем Фарука Озгуна в действительности скрывается опасный преступник Мехмед Али Агджа, и поэтому они отказались принять его? Или этот отказ выдать визу на въезд в США означает, что соответствующим службам было известно, что кое-что должно случиться и они не хотели, чтобы после того, как это кое-что действительно случится, в паспорте Фарука Озгуна — Агджи фигурировала поездка в США?

Много вопросов вызывает отказ в американской визе Фаруку Озгуну — Агдже. Но меня интересует один из них — почему Вы не пошли по этому следу, д-р Мартелла?

И в этой связи еще один —

Шестой пример. Было доказано, что в итальянской разведке СИСМИ действовало преступное сообщество, возглавляемое Франческо Пащенко, который был связан и с ЦРУ, и с мафией Кутоло. А на одном процессе босс Кутоло намекнул на «болгарский след», что, очевидно, следует толковать как предупреждение в чей-то адрес, что, дескать, если ему не помогут, он раскроет тайны «болгарского следа».

И в шестой раз я спрашиваю Вас: почему Вы не пошли и по этому следу, д-р Мартелла?

Потому что, очевидно, для Вас существовала только одна цель и Вы могли идти только по «болгарскому следу». Вы надели на себя шоры и старались сделать все, чтобы идти только по «болгарскому следу», и шли, не интересуясь, ведет ли этот «след» в сторону истины».

Обращаясь к И. Мартелле в письме от 11 декабря 1984 г., Б. Трайков указывал:

«Ваш коллега, прокурор Антонио Альбано, написавший свое мнение по делу о покушении на папу Иоанна Павла II и настоявший на обвинении в соучастии в этом покушении Сергея Антонова, Тодора Айвазова, Жельо Василева и других, был весьма откровенным и даже продемонстрировал в юридическом документе свои чувства ярого антикоммуниста.

Вы не поступаете столь неблагоприятно. Вы стараетесь соблюдать юридические нормы судебного документа и остерегаетесь давать повод для упреков в политических пристрастиях. Вы приняли также меры предосторожности, заявив представителю газеты «Темпо», что обвиняемые — «отдельные лица, а не государственные организации», а на пресс-конференции подтвердили: «Я обвиняю отдельных лиц, а не государства».

Несмотря на это, Ваше решение предать суду Сергея Антонова, Тодора Айвазова и Жельо Василева не подтверждает ни мнения журнала «Ньюсуик» о Вашей «политической нейтральности» ни Ваших собственных слов в газете «Темпо»: «Хорошо, ког-

да судья имеет свое собственное отношение к политике, но еще лучше, когда он оставляет его при себе».

Вы не держите при себе свои политические идеи, а весьма активно рекламируете их в Вашем обвинительном заключении, прямо компрометируя в глазах мирового общественного мнения социалистическую Болгарию. Вы пользуетесь клеветой Агджи, в большинстве случаев без процессуальной на то необходимости цитируете или пересказываете ее и в своем обвинительном заключении, целенаправленно навязываете мысль, что некоторые институты и правительство социалистической Болгарии являются организаторами международного терроризма.

Вот что содержится в Вашем документе, д-р Мартелла:

Бекир Челенк заявил Агдже, что «если тот осуществит свое намерение (убить папу. — Б. Т.), то болгарское правительство выплатит террористической организации «серые волки» вознаграждение в виде оружия на сумму 3 млн. западногерманских марок и, кроме того, предоставит убежище некоторым преследуемым туркам в болгарском городе Варне, пока обстановка в Турции не нормализуется».

Муса Сердар Челеби «договорился с Агджой, Челиком и Бекиром Челенком (отдавая себе отчет в том, что последний действует на стороне подстрекателей, принадлежащих к спецслужбам болгарского государства) о покушении на папу».

Бекир Челенк представил Агдже «болгарина Сотира Колева (то есть Тодора Айвазова), которого он назвал хорошим специалистом по терроризму в «Европе». Так как на встречах с ним (с Тодором Айвазовым) обсуждалась «уместность планирования террористических акций в Европе с использованием «серых волков» в интересах социалистических стран, таких, как Болгария», то он вызвал в Софию Орала Челика (позволив ему по телефону в Стамбул) и во время встреч, состоявшихся между ним (Агджой), Оралом Челиком, Сотиром Колевым (Тодором Айвазовым) и сирийцем Хаммудом Каримом (как говорится в этом документе, весьма важной личностью в рамках болгарских спецслужб), была намечена, хотя и в самых общих чертах, программа террористических акций в Европе, причем особое значение придавалось покушению на папу.

Агджа твердо заучил урок, но и Вы неплохо подаете его клевету, д-р Мартелла. А что было бы, если бы не Ваша аполитичность?!

И, уверяю Вас, лучше и не найти слов, так точно поддерживающих известную доктрину, что терроризм на Западе вдохновляется, организуется и поддерживается Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

Хорошо сориентировавшись при всей своей «аполитичности» в абсолютной несовместимости идеологии болгарского со-

циалистического государства и фашистского характера организации «серые волки», к которой всецело принадлежит Агджа, Вы прилагаете немалые усилия, чтобы внушить, что он совсем не политический преступник, а самый заурядный наемный убийца и служит тому, кто ему платит, что Агджа — «авантюрист и наемник, готовый за деньги совершить что угодно». Но Вы никого не убедите, ибо слова слабее фактов, которые говорят: плата за убийство Абди Ипекчи выдана сполна «серым волкам» для финансирования деятельности этой организации.

Не могу не отметить, что на протяжении всех двух лет следствия Вы допускали, вопреки обязанности хранить тайну следствия, постоянную и систематическую утечку информации о всех домыслах Агджи (в обвинительном заключении не содержится ничего не известного до сих пор, за исключением соучастия Орала Челика, что не имеет убедительного подтверждения) и тем самым обеспечивали возможность раздувать невиданную по своему злопахательству яростную политическую кампанию против Народной Республики Болгарии, Советского Союза, социальной системы социализма в целом.

Пора подвести итог и выразить свое мнение о Вашем обвинительном заключении по делу о покушении на жизнь папы Иоанна Павла II.

Принимая во внимание:

- подбор интересующих Вас данных, сведений и заявлений;
- отношение к свидетельским показаниям в зависимости от того, «за» они или «против» обвиняемых;
- неприятие и отрицание, порой завуалированное, порой несдержанное, каждого элемента следствия, не гармонирующее с клаузулой обвинения;
- принятие совершенно неестественных и алогичных, явно вымышленных ситуаций за реально возможные;
- очевидное нежелание выйти за пределы «болгарского следа», несмотря на предоставлявшиеся возможности отыскать в другом месте истину в деле о покушении;
- категорическое, слепое отрицание существования другой истины, кроме истины Агджи, ставшей и Вашей;
- рассмотрение личных привычек и черт характера обвиняемых, что играет на руку клеветнику на них обвинителю (без предварительной констатации того, что обвинитель знает о них непосредственно), использование этого в качестве косвенных доказательств, с целью придания им статуса доказательств;
- прорывающее в каждой касающейся их строке политически и эмоционально отрицательное отношение к Сергею Антонову, Тодору Айвазову и Желью Василеву, к их государству и идеологии.

Заявляю Вам определенно и со всей ответственностью: Ваше решение в обвинительном заключении по следствию о покушении на папу Иоанна Павла II

Не безупречно и не достаточно продумано, между составляющими его элементами нет созвучия, в нем нет фактологической и логической целостности.

Заключение, как концентрированное выражение всего следствия, составлено с ярко выраженной преднамеренностью и тенденциозностью, с непреодолимыми для Вас противоречиями.

И, что важнее всего, не имеет необходимой доказательственной силы, требуемой итальянским законом, не представляет, в противовес Вашему утверждению, «состоятельного и положительного убеждения в связи с признанием вины обвиняемых», чтобы дать Вам основание позволить себе «во имя итальянского народа» предать суду невинных болгарских граждан Сергея Антонова, Тодора Айвазова и Жельо Василева.

Ваше следственное заключение и вытекающее из него обвинительное решение — юридическая мистификация, д-р Иларио Мартелла!

Я глубоко убежден, что как все следствие, так и обвинительное заключение не пыталось установить истину в деле о покушении на папу Иоанна Павла II, а, наоборот, старалось прикрыть судейской мантией заговор против моей страны, облачить его в одежду юридической справедливости и убедить именем Фемиды всех католиков, всю мировую общественность в том, что от преступления на площади Св. Петра тянется «болгарский след».

Нет, д-р Мартелла, люди, в особенности люди второй половины XX века, трезво мыслящие, с богатым историческим опытом, с верным политическим чутьем, они отлично видят клевету, в какую бы тогу она ни рядилась, они правильно ориентируются и понимают, что здесь истина, а что ложь. Комья грязи Вы бросаете напрасно. Ярким и чистым светом Светилось и будет светиться имя социалистической Народной Республики Болгарии.

О покушении на папу Иоанна Павла II Вы говорите: «Подлинный акт войны против ценностей цивилизации (которая ныне, более чем когда-либо, борется, чтобы уцелеть и сохраниться), поруганных и униженных провокацией, не имеющей прецедента в истории».

Д-р Мартелла, я принимаю Ваши слова, но в следующей, весьма существенной редакции: идеологическое покушение на социалистическую Болгарию — подлинный акт войны против ценностей цивилизации (которая ныне, более чем когда-либо, борется, чтобы уцелеть и сохраниться), поруганных и униженных политической провокацией, против дружбы между болгар-

ским и итальянским народами, против взаимопонимания, сотрудничества и мира между всеми народами, провокацией, уже имеющей прецедент в истории — поджог рейхстага и Лейпцигский процесс».

* * *

Вся история с незаконным арестом и обвинением служит ярким примером того, как по вымышленным показаниям, при полном отсутствии доказательств преследуются отдельные граждане (при этом совсем не случайно граждане социалистической страны) и распространяется клевета на государственный строй Болгарии и других социалистических стран. Многочисленные заявления не только журналистов, но и многих общественных деятелей в самой Италии, в том числе и специалистов в области юриспруденции, свидетельствуют о том, что арест и задержание С. Антонова незаконны.

Этот возмутительный акт еще раз показывает, до чего можно докатиться, если проводить политику антикоммунизма, возводящую ложь в ранг государственной политики. Фактически, обвинения против болгарского гражданина Сергея Антонова основывались только на лживых показаниях Агджи, непосредственно покушавшегося на жизнь папы римского.

Продолжающаяся шумиха вокруг состряпанного «дела Антонова» свидетельствовала лишь о злобном желании реакции и впредь раздувать клеветническую кампанию.

Но как бы ни стремились организаторы этой политической провокации очернить, оболгать страны социализма, правда восторжествует.

НЕПРАВЫЙ И ДОЛГИЙ СУД

Второй судебный процесс по делу о покушении на главу римско-католической церкви Иоанна Павла II, продолжавшийся с мая 1985 по март 1986 г., не завершился, как известно, вынесением приговора, подтверждающего невиновность оклеветанных болгарских граждан. Факт прискорбный, но не удивительный, если учесть, что так называемое «дело Антонова» эволюционировало в итальянском суде в полном противоречии с основными принципами судопроизводства и даже самого итальянского уголовно-процессуального законодательства.

В ходе следствия по «делу» Антонова и других болгарских граждан был прежде всего нарушен принцип независимости судебных органов, подчиняющихся только закону. Этот принцип не допускает не только прямое вмешательство в работу судебных органов, но и создание условий, затрудняющих формирование у судей беспристрастного мнения. Однако в следствии по «делу Антонова» и других болгарских граждан было допущено и то, и другое. Не кто-нибудь, а именно министр юстиции, министр внутренних дел и министр обороны Италии выразили в ходе следствия уверенность в том, что болгарские граждане участвовали в покушении на жизнь папы. В этом же духе высказались и другие видные государственные и политические деятели Италии. В ходе следствия многие западные средства массовой информации безответственно подхватили и широко распространили клеветнические показания турецкого террориста. Развернулась небывалая по своим масштабам и ожесточенности кампания, целью которой было убедить общественное мнение в виновности болгарских граждан. В этих условиях возможности следственного судьи действовать и принимать независимые решения, исходя только из обстоятельств дела и норм закона, значительно сузились. Однако и сам следственный судья способствовал созданию такого положения. Нарушив свой служебный долг, он не сохранил тайну следствия и облегчил утечку непроверенной информации, которая использовалась для проведения широкой кампании против Болгарии и других социалистических стран.

Грубо был нарушен принцип, согласно которому следственный судья обязан обеспечить обвиняемым широкую и реальную возможность защитить себя от выдвинутого против них обвинения. Прежде всего надо отметить, что абсурдность обвинения, продолжительное содержание под арестом, тенденциозность при ведении следствия и беспрецедентная кампания в мировом масштабе отрицательно отразились на физическом и душевном состоянии Антонова. Находясь в состоянии тяжелой психической депрессии, Антонов не смог своевременно и в полной мере осуществить свое право на личную защиту. Что же касается защитников, они были не в состоянии развернуть защиту в полном объеме из-за некоторых процедурных ограничений на этом этапе процесса.

Важной гарантией обеспечения обвиняемому права на защиту является презумпция невиновности. Нельзя говорить об обеспеченном праве на защиту без точного соблюдения требований, вытекающих из этой презумпции. Это следующие требования: а) обязанность государственного органа считать обвиняемого невиновным до тех пор, пока он не будет признан виновным судом на основании вступившего в силу приговора; б) не-

допустимость признания виновным обвиняемого, виновность которого не доказана бесспорными фактами; в) недопустимость перекладывания на обвиняемого бремени доказывания на какой бы то ни было стадии процесса и в какой бы то ни было форме. Среди многочисленных нарушений этих требований, допущенных римскими следственными органами, напомним следующие:

— Во-первых, следственный судья и прокурор содействовали формированию у значительной части итальянской общественности и общественности других западных стран убежденности в виновности обвиняемого еще задолго до того, как суд имел возможность выразить свое отношение по этому вопросу.

— Во-вторых, основным доводом следственного судьи в подтверждение обвинения являлось, по его мнению, то, что «болгары не имеют железного алиби». Болгарские граждане предоставили достаточно доказательств, подтверждающих их алиби.

А согласно презумпции невиновности следственный судья не должен делать выводов во вред обвиняемому только потому, что он не доказал свое алиби. Вообще на основании того, что обвиняемый не подтвердил бесспорными фактами свои утверждения, нельзя делать выводы о его виновности. Это положение имеет место в любом современном уголовном процессе.

— В-третьих, следственный судья предал суду троих обвиняемых болгар, не основываясь на фактах, неоспоримо доказывающих их виновность.

— В-четвертых, следственный судья отверг предположение защиты о том, что Агджу побудили лжесвидетельствовать, аргументировав это тем, что защита не представила существенных доказательств. Таким образом вразрез с презумпцией невиновности следователь перекладывает на защиту бремя доказывания своих утверждений.

— В-пятых, следственный судья занял позицию, согласно которой, даже если алиби дает основания для обширных расследований, это не меняет точку зрения обвинения при отрицательной позиции обвиняемого, т. е. когда он заявляет, что не признает себя виновным. А согласно презумпции Невиновности не только заявление обвиняемого о том, что он не признает себя виновным, но и его отказ дать какие бы то ни было объяснения не служат основанием для выводов, идущих ему во вред.

Один из основных принципов, от которого не может отказаться ни одно законодательство, это требование применять закон сообразно фактическим констатациям, отвечающим истине. Из этого принципа непосредственно вытекает обязанность государственных органов обеспечить объективность, всесторонний характер Г и полноту доказательств по делу. В процессе по «делу Антонова» * и других болгарских граждан ни одно из

этих требований не соблюдалось, безукоризненно и в необходимой последовательности. Допущено много просчетов, и они очевидны. Отсутствие объективности проявилось особенно ярко в подходе следственного судьи к утверждениям Агджи и свидетельским показаниям, опровергающим эти утверждения. Как подчеркивалось в докладе комиссии Международной ассоциации юристов-демократов, на которую конгресс ассоциации возложил задачу изучить «дело Антонова», «к странному поведению Агджи проявляется удивительная терпимость» несравнимая с тем, как относятся к показаниям свидетелей защиты. Следственный судья не выяснил многих существенных фактов, связанных с обвинением и защитой. Не было выяснено, например, кто предоставлял Агдже информацию о том, чего он никогда не видел; не выяснено также, когда, где и кто выплатил суммы, о которых говорится в связи с преступлением, и вообще были ли такие суммы; существует ли легковая машина, о которой говорится, что она была нанята Антоновым; что за отпечатки пальцев обнаружены на путеводителе Ватикана, найденном в квартире Антонова; существует ли оружие, которое болгары, якобы, доставили на площадь Св. Петра; каков характер встреч террориста в тюрьме с представителями итальянских спецслужб; чем объясняются многочисленные изменения в показаниях террориста и т. д.

В уголовном процессе истина устанавливается только на основании доказательств. Доказательствами могут служить только конкретные факты, связанные с обстоятельствами по делу, которые проливают на них свет и установлены в ходе процесса в процессуальном порядке. Что же мы констатируем по «делу Антонова» и других болгарских граждан? Как подчеркивалось в докладе Международной комиссии МАЮД, очень часто в качестве доказательств принимаются «факты без какой бы то ни было проверки». Отсутствие доказательств возмещается предположениями и догадками. Особый интерес представляет следующая констатация Международной комиссии: «Прокурор вообще не анализирует доказательства и без колебания излагает свои собственные религиозные и моральные предрассудки и взгляды на политическое положение таким образом, который не подобает государственному прокурору». Единственный источник доказательств против болгарских граждан — утверждения террориста Агджи. Но эти утверждения не могут претендовать на достоверность, ибо Агджа многократно лгал во время следствия, а его утверждения не доказаны и противоречивы. Сам Агджа был вынужден отказаться от ряда своих самых существенных показаний, заявив следственному судье, что он их придумал. Обосновывать обвинительное заключение на подобных доказательствах, значит подменять их вымыслами.

В процессе против болгарских граждан были нарушены также самые существенные требования, предъявляемые к мотивировке решения следственного судьи. Мотивы должны быть логичными и убедительными. Следственный судья по делу Антонова использует мотивировку, которая вызывает недоумение, так как в ней отсутствует элементарная логика. Свидетелями защиты пренебрегают не потому, что их показания опровергнуты другими данными по делу, а потому, что «они относятся к окружению Антонова, связаны с ним по работе, происхождению, образу жизни и идеологическим воззрениям». Иными словами, следственный судья Мартелла хочет сказать, что не верит свидетелям Антонова, потому что они, болгары, не разделяют его (Мартеллы) образа жизни и его буржуазного мировоззрения. В то же самое время, опять-таки, исходя из позиций своего мировоззрения, следственный судья верит показаниям Агджи, несмотря на то, что он говорит о нем как о человеке, который использовал во время следствия «самую наглую технику лжи». Смешно звучит и мотивировка следственного судьи, утверждающего, что нас не должна смущать ложь Агджи, так как он лгал, чтобы усилить достоверность своих показаний (т. е. чтобы ему поверили), лгал потому, что он не располагал доказательствами своих утверждений. В них нет не только логики, но и здравого смысла. Они говорят о неуважении к суду и государству, которым служит следственный судья Иларио Мартелла.

Нарушение вышеупомянутых принципов не могло не привести к нарушению и остальных принципов. Оставалось надеяться, что суд поправит предоставленными ему законом средствами допущенные грубые нарушения процедуры и найдет силы провести процесс и принять решение в соответствии с истиной, несмотря на склонность отдельных политических деятелей вмешиваться в его работу и несмотря на дезинформационную деятельность некоторых средств массовой информации. Не стоило также придерживаться той точки зрения, что от присяжных заседателей «можно ожидать всего» и что «в отдельности они могут быть честными людьми, а все вместе — превращаются в чудовище». Было очень важно, чтобы в составе присяжных заседателей не оказалось людей с религиозными и политическими предрассудками, для которых дело Антонова, Айвазова и Василева предрешено. Оставалось надеяться, что суд отнесется с уважением к закону и защитит не только права обвиняемых, но и честь итальянского правосудия.

В течение первых четырех месяцев судебного процесса Сергей Антонов регулярно появлялся в зале «Форо Италико». После короткой очной ставки с Агджой, проведенной по тре-

бованию обвинению, Антонову на заседании 11 июля 1985 г. впервые было предоставлено слово перед составом римского уголовного суда: «Прежде всего, уважаемый господин председатель, господа судебные заседатели, господин прокурор, я хочу сказать, что перед Вами стоит невиновный, оклеветанный человек. В этом зале вылилось много клеветы на мою родину, на меня, на нас, болгар. Я убежден в одном, и истина одна — я невиновен. Не имею ничего общего с этими невероятнейшими историями, в которых меня обвиняют. Я никогда не видел, никогда не встречался с этим лицом, которое обвиняет меня».

В первые же дни римского судебного процесса было установлено, что Агджа за четыре дня до покушения получил пистолет браунинг девятого калибра бельгийского производства, из которого стрелял в папу римского, в привокзальном баре в Милане из рук другого «серого волка» Омера Багджи. Последний, однако, всегда отрицал, что знал для каких целей будет использовано переданное им оружие. В конце мая 1985 г. итальянские судьи получили от голландской полиции подтверждение, что у турецкого террориста Аслана Самета, арестованного 14 мая 1985 г. в Голландии, в день пребывания там с официальным визитом Иоанна Павла II, был изъят браунинг того же девятого калибра и того же бельгийского производства, что и у Агджи. Эксперты легко установили по номерам на оружии, что оба пистолета входят в число четырех, купленных в Вене у торговца оружием Отто Тинтнера. Покупателем был, как заявил в суде Агджа, один из уже известных нам матерых «серых волков» Орал Челик, личный друг и покровитель Агджи. Читатель помнит, что Агджа на протяжении предшествующих лет твердил, что оружие ему передали в Риме болгары; а вечером 13 мая 1981 г. после ареста он незамедлил сообщить, что купил пистолет якобы у какого-то сирийского гражданина в Софии...

В судебном заседании в зале римского стадиона «Форо Италико» обвиняемый Абдула Чатлы опроверг показания Агджи о том, что тот вместе с Оралом Челиком приобрел четыре браунинга у торговца оружием Отто Тинтнера в Вене. Чатлы заявил: а) что пистолетов было два, а не четыре; б) что их покупкой занимался он сам, отдав приказание другому турку, проживающему в Вене; в) что на покупку пистолетов Агджа прислал им из Цюриха 8 тысяч швейцарских франков, добавив, что это можно проверить по текущему счету, который он имел в то время (весна 1980 г.) в одном из венских банков. Выслушав показания Чатлы, Агджа ограничился тем, что заявил: «Я подтверждаю все свои показания... Нельзя, чтобы меня постоянно опровергали».

Из стенограммы судебного заседания в Риме 15 июля 1985 г.

Основная часть заседания была посвящена подробной, хотя в общем безрезультатной попытке выяснить вопросы покупки оружия убийце («значит, оно не было доставлено из Болгарии, как Вы утверждали», — напоминает председатель суда), встречи соучастников — турок в Милане, их прибытия в Рим и т. д.

Агджа не мог ответить, почему он связался с итальянским гражданином Серджио Папарелли, официантом в Швейцарии, и потребовал, чтобы тот снабдил его оружием, нашел ему место, где бы он находился определенное время без паспорта. Не мог он ответить на вопрос о том, зачем хотел ехать в апреле 1981 г., перед покушением, в Западную Германию и с кем ему надо было там встретиться. (Агджа пытался получить визу в консульском отделении посольства ФРГ в Италии. — Ред.).

Прокурор логично отметил, что когда Агджа встретился в Милане и в Риме с Папарелли и хотел, чтобы тот нашел ему оружие, он, очевидно, хотя бы до тех пор не встречался с болгарами и сам себе искал оружие. Председатель суда и прокурор с подобающей иронией выразили удивление также и тем, что болгарин Айвазов, именно потому, что он знал итальянский язык должен был зарезервировать комнату в гостинице «Имка» и в пансионе «Иса» для Агджи, тогда как последний бывал в стольких странах, и не зная соответствующих языков, всегда справлялся сам.

Прокурор подчеркивает метод Агджи сочинять обвинения: «В начале следствия Вы утверждали, что сами заказывали комнаты в гостиницах. Однако, когда Вам стало известно что кто-то говорил по-итальянски, Вы меняете показания и говорите, что Сотир Колев (Айвазов) звонил».

Совсем сникает турецкий убийца, когда его попросили объяснить, почему он, террорист, которого все ищут, идет в гостиницу, а его турецкие соучастники, которых никто не знает, идут в частный дом.

Агджа: — Все к одному и тому же вопросу будем возвращаться... Я имею право, чтобы Вы мне верили.

С какой целью он оставил свой паспорт в гостинице? С какой целью там же оставил письмо — воззвание с объяснениями, почему он стрелял в папу?

— Логичный вывод — это то, что Вас должны были поймать, отмечает председатель.

Агджа нервно заявляет: — Я могу сказать лишь одно — я не в состоянии дать объяснение на все вопросы...

— Я не могу выдумать ничего нового.

Эти слова вырвались у припертого к стенке, окончательно потерявшего самообладание турецкого террориста Агджи в конце трехчасового допроса, которому его подверг Северино

Сантиапики, председатель суда, слушающего дело о покушении на папу римского. Это был тринадцатый допрос Агджи за четыре недели судебного процесса. Четыре недели, за которые выявилось многое, чего следователь Мартелла не сумел (или не захотел?) установить за два с лишним года работы.

Показания Агджи на суде полностью опровергли то, что он говорил в ходе следствия. Например, выяснилось, что на площади Св. Петра с ним было по меньшей мере еще два турецких террориста. Раньше Агджа утверждал, что с ним были болгары. Если вначале Агджа заявлял, что оружие его турецким сообщникам передал Сергей Антонов, то теперь признал, что они сами привезли с собой пистолеты и бомбы. Привезли на синем «форде», на котором должны были бежать после покушения. А ведь сперва Агджа утверждал, что бегство планировалось на «болгарском грузовике». Таких примеров саморазоблачений Агджи можно привести множество. Под давлением фактов он постоянно менял показания, путался, противоречил себе.

— В каждом протоколе следствия вы заявляли о желании сотрудничать с правосудием. Так начните же говорить наконец правду! — воскликнул потерявший терпение председатель суда. Ответ Агджи можно назвать «моментом истины» в море лжи: «Я думал, что от меня хотят обвинений против болгар. Я отвечал так, чтобы понравиться судьям».

Сначала Агджа умолчал о своих турецких сообщниках: ведь «турецкий след» показал бы иллюзорность «болгарского», да и сами турки, представ перед судом, не подтвердили бы его версию, если она была придумана уже без их участия. На суде Агдже пришлось признать, что турки все-таки были и их задача заключалась в создании паники, чтобы облегчить бегство. Почему же они не взорвали ни одной бомбы? Не потому ли, что Агджа с самого начала был обречен на арест (если не на немедленную ликвидацию?).

То, что в тюрьме кто-то снабдил Агджу информацией, необходимой для фабрикации обвинений против болгар, было ясно еще до сенсационных разоблачений Джованни Пандико, одного из главарей неаполитанской каморры, рассказавшего, как он помог работникам итальянской секретной службы СИ-СМИ уговорить Агджу оклеветать болгар. Разумеется, Агджа не ожидал, что переданные ему фальшивые доказательства лопнут на суде как мыльный пузырь. Ведь в ходе следствия все шло как по маслу. Ожидали ли этого краха авторы сценария «процесса века»? Возможно, они надеялись лучше управлять Агджой.

На последней неделе июня 1985 г. Агджа заявил о своем решении больше не отвечать на вопросы судей, но несколько дней

спустя вновь занял место на стуле напротив председателя суда: «Я передумал и отныне буду говорить правду», — заявил он. Почему Али Агджа прекратил короткую игру в молчанку? Видимо, инициаторам «болгарской версии» вновь понадобились его громкие измышления. Не в последнюю очередь эта необходимость была связана с сенсационным интервью прокурора Антонио Марини еженедельнику «Эспрессо». В нем он фактически поставил под вопрос заключение римского судебного следователя Иларио Мартеллы, в котором Сергей Антонов и двое других болгарских граждан обвиняются в «причастности» к покушению на папу римского. «Без сомнения, в обвинении Али Агджи против болгар имеются огромные черные дыры», — заявил он. Марини, выступающий на процессе в качестве государственного обвинителя, на вопрос корреспондента «Эспрессо», верит ли он все еще в «болгарскую версию», ответил: «На сегодняшний день из материалов процесса следует, что существует лишь единственная реальная и конкретная версия, а именно — турецкая». Прокурор добавил, что новые показания Али Агджи на процессе «в значительной мере, если не радикально, меняют утверждения, постоянно присутствующие в обвинительном заключении о роли Сергея Антонова в день покушения».

Кроме нескольких голословных и путанных утверждений о «причастности» трех болгарских граждан к покушению на папу римского, Али Агджа ничего не смог «показать», отвечая на конкретные вопросы председателя суда. В то же время из его ответов все более четко вырисовывался «турецкий след», а именно причастность «серых волков» к покушению на Иоанна Павла II. Если первоначально Али Агджа утверждал, что вместе с ним на площади Святого Петра в момент покушения находился его «друг» Орал Челик, а затем указал еще на одного «серого волка», то теперь он назвал и четвертого террориста, участвовавшего в покушении, некоего Кадема. По словам Али Агджи, трое его сообщников прибыли в Рим на машине из ФРГ рано утром 10 мая и сразу же после покушения собирались бежать на ней в Австрию.

Явно по чьей-то указке Али Агджа взял назад свое предыдущее показание на процессе о том, что в тюрьме города Асколи-Пичено он встречался с фактическим руководителем «специального отдела» СИСМИ Франческо Пацценцей, тесно связанным с государственным департаментом США. Явно нелепым выглядит объяснение турецкого террориста мотивов того, почему несколько дней назад он сделал признание о своих встречах и переговорах в тюрьме с Ф. Пацценцей. Оказывается, ему угрожали... «болгары». Это заявление вызвало возмущение в зале. «Агджа дискредитирует итальянскую юстицию... Вызывайте

психиатра и кончайте этот фарс», — раздались реплики. И впрямь, как можно поверить в «болгарские угрозы», если известно, что турецкий террорист находится в римской тюрьме «Ребббия» под усиленной охраной итальянской полиции и даже прогулки совершает во дворике под металлической сеткой? Если кто ему и угрожал, то те, кому он решил оказать услугу, согласившись оболгать трех болгарских граждан в обмен на «освобождение» и «французский паспорт», о чем он сам поведал суду несколько дней назад.

В судебном зале. «Форо Италико» снова вдруг появилась на белый свет легенда о предполагавшемся покушении на Леха Валенсу. Если год назад, во время следствия, Агджа утверждал что этот план был предложен во время его пребывания в Софии, то теперь Агджа утверждал, что данная идея родилась внезапно в Риме, а первое ее обсуждение состоялось на квартире Айвазова. Там и было решено совершить покушение на главу польского профобъединения «Солидарность», прибывающего с визитом в Италию. На суде Агджа заявил, что никакого осмотра мест, которые должен был посетить Л. Валенса, не производилось — за исключением зала, где должна была состояться пресс-конференция. Суд ничего не предпринял, чтобы выяснить, как, если не было предварительных осмотров, Агджа, который не знает хорошо Рим, был в состоянии описать столь подробно во время предварительного следствия весь маршрут Леха Валенсы в Риме и места, где он бывал. Агджа доказывал суду, что болгары вынуждены были отказаться от этого плана, так как итальянские службы безопасности получили на этот счет определенную информацию и охрана Валенсы была усилена.

Из стенограммы судебного заседания в Риме 12 июня 1985 г. Агджа представил суду показания, от которых он уже отказался в свое время, — о «подготовке болгарам покушения в Риме на Леха Валенсу». Известно, что даже прокурор Альбано и судья-следователь Мартелла категорически констатировали, что в этих обвинениях нет ни капли правды. Кроме того, Мартелла намеревался обвинить в связи с этим Агджу в клевете, но не выполнил эти добрые намерения. Сейчас преступник, очевидно, вдохновленный проявленной снисходительностью к нему во время следствия, вновь повторил перед римским судом свои вымыслы.

Агджа повторил и сказанное им на следствии измышление, от которого потом отказался, о «возложенной на него Жельо Василевым задаче» совершить покушение в Тунисе на тогдашнего премьер-министра Мальты Доминика Минтоффа и президента Туниса Хабиба Бургибу. Сейчас Агджа вновь повторил все эти рассказы, но поменял имя и национальность своего мнимого соучастника в Тунисе. Во время след-

ствия он был болгаринном Джоном, а сейчас стал «выдававшим себя за сирийца, но в сущности не являющимся сирийцем Ахмедом».

Вчера преступник утверждал, что он совершил покушение на папу по «идейным соображениям против западной демократии», чтобы вызвать выход Турции из НАТО, и что не имеет ничего общего с «серыми волками». Сегодня, очевидно позабыв предыдущие свои показания, он заявил: «Я был самым известным среди «серых волков» и поэтому все мне помогали». Но будучи прижатым к стене, ему пришлось признаться и в чем-то более конкретном — что руководитель «серых волков» в Западной Европе Челеби и его соратники обеспечили ему в разных западных странах квартиры, связи, перебрасывали его через границы, обеспечивали ему помощников из числа самых известных турецких неофашистов, нашедших приют в западно-европейских государствах, чтобы он «мог осуществить покушение на папу. Все это факты, на которые не было обращено внимание в 25-томном следствии судьи-следователя Мартеллы, так как для него представлял интерес только «болгарский след». О тенденциозности следствия говорят и некоторые факты из протоколов допросов Агджи от 1982 г., которые были неизвестны общественности и были зачитаны сегодня председателем суда Сантиапики. Оказывается, Агджа признался в том, что он и его соучастник Шенер использовались турецкими тайными службами. Более того, Агджа сказал, что его побег из тюрьмы после убийства Ипекчи произошел при содействии или, по крайней мере, с ведома турецких секретных служб. Сейчас перед судом он попытался отказать от этих своих показаний, утверждая, что будто бы сказал это «просто так». Но интересно, почему следствие не пошло и по этому следу?

Из стенограммы судебного заседания в Риме 4 июля 1985 г. Агджа признался, что он не был знаком с супругой Антонова, что он не был у него на квартире. Каким образом ему удалось описать квартиру Антонова, где он не был? На этот вопрос Агджа отвечает, коротко: — Из газет.

Он столь лаконичен, потому что знает, что газеты начали описывать квартиру Сергея Антонова после того как тот был арестован, а свои показания, в том числе описание квартиры Антонова, он дал до этого. Значит, кто-то другой шепнул ему эти подробности... И еще — когда Агджа говорит об улицах, квартирах и т. д., касающихся болгарских граждан, обвиненных им, у него прекрасная память. Но сейчас, на суде он не может описать квартиру в Вене, где он провел со своими турецкими друзьями и соучастниками целых 20 дней. За двадцать дней он так и не обратил внимание на то, был ли в доме лифт, сколь-

ко было кроватей, где находился телефон, были ли ковер и шкафы и т. д.

Намерение судьи Сантиапики ускорить рассмотрение второго дела в связи с покушением на папу Иоанна Павла II не осталось только намерением. Вопреки традициям итальянской юстиции суд заседал как до, так и после обеда. К концу 1985 г. заседания эти проходили при почти пустом зале, где главный свидетель обвинения Али Агджа, который большую часть времени отсутствовал, сидел усталый и разочарованный. Проходят чередой свидетели, призванные в суд по той лишь причине, что в день покушения они находились на площади Св. Петра — карабинеры, извозчики, священник. Их опознали по фотографиям толпы, сделанным в тот день на площади. Они узнавали себя, но не могли уточнить, сделаны ли эти снимки до или после покушения. Ни один из них не подтвердил, что после того, как раздалась выстрелы, видел бегущего человека с пистолетом в руке. Как известно, вначале Агджа утверждал, что этот человек Тодор Айвазов, а затем — Орал Челик.

Вновь были допрошены и служащие представительств «Балкана» и «Балкантуриста» в Риме, которые, несмотря на очевидный натиск со стороны суда, подтвердили истину: что во время покушения Сергей Антонов находился в представительстве болгарской авиакомпании «Балкан» на улице Горация в Риме. Свидетель Светлана Благоева подтвердила алиби Антонова, показав, что во время покушения на папу римского Сергей Антонов находился на работе в помещении авиакомпании, а не на улице Кончилационе возле площади Святого Петра, как утверждал Али Агджа. Показания С. Благоевой подтвердил другой вызванный в суд свидетель — Пьетро Паризи, заехавший в тот вечер в представительство болгарской авиакомпании за своей женой.

Свидетельствовать в пользу С. Антонова на заседании римского уголовного суда перед председателем С. Сантиапики, оказалось нелегким делом, в особенности, для болгарских граждан. Допрос свидетельницы Сильвы Петровой Попкрыстевой, много лет прослужившей в римском представительстве авиакомпании «Балкан», длился 18 октября 1985 г. более четырех часов. Несмотря на ее уверенные ответы, судья неоднократно выносил ей ничем не заслуженные предупреждения говорить истину, причем в тоне, резкость которого преследовала цель запугать добровольную и очевидно искреннюю свидетельницу, вывести ее из равновесия. Были выслушаны судом и показания бывшей служащей представительства «Балкан» Габриелы Лиццио. Она также была объективна в описании трудовой жизни Антонова непосредственно перед его

арестом (она работала в представительстве с июля по ноябрь 1982 г.) и этим навлекла на себя «строгое предупреждение» председателя суда.

Никто не оспаривает право судьи быть строгим и взыскательным. Но присутствующие в бронированном зале «Форо Италико» в течение долгих месяцев были очевидцами наглого поведения убийцы Мехмеда Али Агджи, его словоблудия, отказов являться даже на очные ставки, а ведь это обязательно по закону. Все это вызвало замечания и предупреждения, которые не испугали бы даже провинившегося школьника и еще больше усиливали контраст между отношением суда к свободным и неосуждавшимся ранее гражданам, свидетельствующим в пользу Антонова.

Алиби Антонова подтверждено, сообщили, хотя и в нескольких словах на последних страницах, некоторые итальянские газеты. Другие же вообще забыли, что в Риме проходит «процесс века». Фактически показания последних свидетелей на процессе, затянном в отсутствии веских улик в надежде найти хоть что-нибудь похожее на доказательство вины болгар, позволили суду установить уже хорошо известные детали.

Свидетели подтвердили, что Антонов не владеет английским языком, а всего лишь пользовался необходимыми для оформления документов обозначениями. Подтвердил это и представитель турецких авиалиний в Риме Мохамед Сабит, несмотря на продолжительный допрос, в ходе которого судья часто заставлял вновь зачитывать его показания, данные судебному следователю Мартелле. Было выявлено грубое процессуальное нарушение со стороны судебного следователя Мартеллы, который провел допрос Сабита не на его родном языке, турецком (итальянского тот тогда не знал), а на английском через переводчика. При использовании Сабитом неродного языка могли возникнуть колебания, могли быть сделаны неправильные выводы, как и получилось в данном случае. В протоколе суда зафиксировано это нарушение и признаны достоверными данные теперь показания. Антонов рассказал в ходе судебного допроса, что родился в Софии и там же, в 1966 г. окончил гимназию, где изучал русский и французский языки. После прохождения военной службы он поступил на заочное отделение Софийского университета по специальности «болгарская филология», но вскоре прервал свое обучение. В 1972 г. Антонов поступил на работу в аэропорт Софии в сектор приема пассажиров на внутренних пассажирских линиях. В 1975 г. он был направлен в Касабланку (Марокко), в представительство болгарской авиакомпании «Балкан». В 1977 г. стал заместителем представителя этой компании в итальянской столице. Сантиапики заинтересо-

вался, как Антонова направили в Рим, если он не знал итальянского или английского. Антонов объяснил, что если бы он знал английский или немецкий язык, его бы направили в другую страну, но так как он говорит по-французски, то он приехал в Италию, в страну, где в качестве иностранного языка используется в основном французский.

Из стенограммы судебного заседания в Риме 3 октября 1985 г. Как известно, Агджа утверждает, что именно на английском (который, по его словам, он знает слабо) он говорил с Антоновым, и судья-следователь Мартелла пытается доказать, что Антонов, вероятно, знает английский, но скрывает это.

В поддержку этой гипотезы Мартелла ссылается на свидетеля, чьи показания были зачитаны председателем суда, — это не-возвращенка Магдалена Костадинова Траянова, бывшая стюардесса. Вся суть ее показаний сводилась к рассуждениям, что служащие «Балкана» должны-де знать английский, так как служба в международном воздухоплавании предполагает обязательное знание английского языка. Однако она умышленно обходит то обстоятельство, что Антонов работал с пассажирами и по оформлению багажа на аэродроме, где нужно знать всего несколько английских слов, которые служащие заранее заучивают. Он не был пилотом, работал всегда на земле и знание английского языка было для него желательным, но отнюдь не обязательным.

Антонов заявил: я учил французский, В болгарской гражданской авиации есть служащие, поступающие на работу со знанием французского языка, другие — с английским, третьи — с немецким. Именно благодаря тому, что я знаю французский, меня направили в Рим, так как французский ближе всего к итальянскому. В процессе работы я пользовался несколькими словами, несколькими техническими терминами, касающимися системы бронирования мест и документации, заполняемой на аэродроме на английском языке. Так как я не знал английского, я занес несколько терминов в записную книжку еще по прибытии в Рим.

Затем Антонову были показаны затребованные из аэропорта «Фьюмичино» формуляры, заполняемые при отправке самолетов в международный рейс. В некоторых из них есть графы на английском языке. Антонов пояснил, что эти документы составлялись не им, а службой полетов на аэродроме и подписывались командиром экипажа. Два из них на английском, остальные — на итальянском.

Председатель указал на английский формуляр и спросил, как Антонов мог понимать их, не говоря на этом языке.

Антонов пояснил, что это стандартные графы, куда вписываются только число пассажиров, вес груза и другие термины, которые ему известны.

Председатель потребовал у Антонова сказать несколько слов по-итальянски, чтобы понять, как он говорит на этом языке. Антонов ответил по-итальянски: «По-итальянски я говорю немного, но хорошо понимаю то, что говорят мне. Я не изучал углубленно итальянский. Но для моей работы в аэропорту этого было достаточно».

Из стенограммы судебного заседания в Риме 14 октября 1985 г. Допросы присутствующих в зале обвиняемых окончились, и сегодняшнее пятьдесят первое заседание суда было посвящено допросу итальянских граждан-свидетелей.

Первым был вызван для дачи показаний Маурицио Паганели — собственник пансиона «Иса», где убийца Мехмед Али Агджа находился непосредственно перед совершением покушения на площади Святого Петра. Председатель суда Северино Сантиапики потребовал, чтобы этот свидетель дал пояснения в связи с телефонным разговором, в результате которого был забронирован номер на имя Фарука Озгуна, (именно на это имя у Агджи был фальшивый паспорт). Паганели ответил, что позвонившее лицо говорило на итальянском с «более или менее сильным арабским акцентом». Далее он добавил, что акцент был «ориентальным или скорее ближневосточным».

Приглашенный председателем разъяснить, кто позвонил по телефону, Агджа увертывался и давал противоречивые ответы. Сначала он неуверенно попытался вернуться к клевете, что по телефону позвонил Годор Айвазов, затем он заявил, что он лично позвонил «с помощью небольшого итальянского словаря в руках». Взаимоисключающие ответы вызвали ряд вопросов, и попавший в затруднительное положение террорист начал кричать: «Не буду отвечать, не буду отвечать».

Адвокат Джузеппе Консоло — защитник Сергея Антонова — обратился к суду с требованием оспорить то, что подсудимый дал три различных версии «телефонного разговора Годора Айвазова». Раз он заявил, что Айвазов разговаривал по-итальянски «удовлетворительно», затем — «очень хорошо» и в конце — «отлично». Агджа и в этом вопросе не дал объяснений Загадкой осталось также то, как Агджа, в то время не знавший итальянского, мог оценить знание других людей.

По показаниям свидетеля Паганели, Агджа использовал совсем примитивный английский язык, который исчерпывался лишь несколькими основными словами, нередко заменяемыми жестами, для того, чтобы попросить ключ от номера. Это было еще одним ударом по тезису обвинения о том, что Агджа и Антонов обсуждали на английском языке, которым болгарин вовсе не владеет, план покушения на папу.

Для многих заседаний второго судебного процесса по делу о покушении на папу римского были характерны необузданная клевета и наглая ложь «главного свидетеля обвинения» Али Агджи. Его показания изобиловали также и саморазоблачениями, так как преступник безнадежно путался в собственных противоречивых вымыслах и не всегда мог давать этому правдоподобные объяснения. Так, одно время Агджа твердил, что в момент покушения Антонов находился на площади Святого Петра. Затем, отказавшись от этих показаний и в ходе всего следствия утверждал, что Антонов ждал его с машиной перед канадским посольством на улице Кончилационе. Показательны диалог председателя суда и неонацистского убийцы; на все вопросы, которые судья пытался прояснить, он получал в ответ лишь недомолвки и несуразности.

Из стенограммы судебного заседания в Риме 18 июня 1985 г. В начале заседания вновь были показаны диапозитивы, чтобы выяснить место, которое занимали во время покушения Агджа и его предполагаемый соучастник Орал Челик. Председатель обратил внимание на противоречия в показаниях Агджи, в том числе и на тот факт, что на площади Святого Петра находился и Сергей Антонов.

Сантиапики: — В первый день, когда Вам показали снимки, Вы сказали, что в этом человеке, который находится на переднем плане, Вы узнаете Антонова. Мы снова покажем эту фотографию, так как Вы утверждаете, что существует большое сходство с Антоновым.

Агджа: — Нет, я сначала сказал, что утверждаю на 90 процентов, но после сказал, что существует лишь большое сходство и поэтому я ошибся.

С.: — Почему Вы сказали, что ошиблись?

А.: — Потому что это не Антонов. (Итальянская пресса, которую внимательно изучал Агджа, к тому времени уже сообщила результаты повторной судебной экспертизы, подтвердившей, что на снимке был изображен человек лишь похожий на Антонова. — Ред.).

С.: — Откуда Вы знаете, что это не Антонов?

А.: — Как я сказал, существует большое сходство. Потом я понял, что это не Антонов.

С.: — На основании чего Вы изменили показания? Когда мы Вас допрашивали на следствии, Вы сказали, что этот человек, бегущий, не Орал Челик. Затем Вы заявили, что это ваш приятель Орал Челик. Вы всегда утверждали, что Челик находился на большом расстоянии от Вас. Но вчера мы увидели, что он был недалеко от Вас (после демонстрации фильмов, заснятых в день покушения. — Ред.). Но, может быть, и Антонов был недалеко?

Есть ли правда в том, что Вы утверждаете, будто Вы все трое пошли на площадь Святого Петра?

А.: — Мы пошли все трое, но Антонов потом остался ждать у канадского посольства.

Путаница получилась и при объяснениях Агджи о мнимом плане бегства с площади Святого Петра на выдуманной синей машине «альфа ромео», которую вел Сергей Антонов. Председатель сразу отреагировал на нелогичность объяснений Агджи, что после покушения вместе с Челиком их должны были привезти к болгарскому посольству, где их ждал грузовик-трейлер для международных перевозок (ТИР), запломбированный итальянскими таможенными властями, и они должны были сесть в него для того, чтобы их перебросили в Болгарию вместе с «гонораром» в два миллиона западногерманских марок.

С.: — Значит, Вы должны сесть сзади в запломбированный грузовик, причем днем, перед посольством. Послушайте, Агджа, Вы уже дорожите своей жизнью. Садясь в такой грузовик, Вы оказываетесь полностью в руках болгар. Ведь они могут ликвидировать Вас. Вы не похожи на человека, который оставит без внимания этот факт.

А. (Какое-то время молчит, затем невнятно говорит): — Да, это кажется немного странным, но мы не были одни. У нас за спиной была организация «серые волки».

С.: — Кто Вам гарантировал, что Вы останетесь в живых? Ведь Вы же утверждаете, что принадлежите к «серым волкам». Ведь Вы говорите, что деньги были переданы Вам заранее. Где Вы их хранили? Какие у Вас были гарантии? Вы оставили все свои вещи в гостинице. Каким образом Вы бы вернулись туда?

А.: — Я ничего не оставлял в гостинице, что бы говорило о моей личности... Почти ничего... А, быть может, по рассеянности, я что-нибудь и оставил.

С. — Вы забыли многие вещи, в том числе записки, письма, листовки.

А. — Я их забыл. Быть может, оставил по рассеянности.

С. — Намеревались ли Вы возвратиться в гостиницу?

А. — Этого я в самом деле не знаю. Может быть, я бы возвратился в гостиницу.

С. — Почему Вы заранее не отнесли вещи в машину?

А. — Забыл. Так же как забыл свои записки в гостинице.

С. — Послушайте, Агджа, значит, два человека, стрелявшие в папу, что вызовет блокаду Рима, среди белого дня садятся в машину. Затем они пересаживаются перед посольством в грузовик ТИР. Вы даете себе отчет в том, что Вы говорите?

Агджа смотрит в пространство перед собой.

Измышления преступника заставляют прокурора Антонио Марини попросить слова.

Марини: — Послушайте, Агджа. Как прокурор я тщательно ознакомился со всеми протоколами следствия. На каждом допросе, проведенном судьей-следователем, Вы говорили, что хотите сотрудничать с правосудием. Эти Ваши утверждения предшествуют всем Вашим заявлениям. К сожалению, вопреки этим заявлениям, Вы сами опровергаете эту готовность Вашими же показаниями. Во время допроса здесь, в суде, Вы также избрали линию поведения, которая вряд ли дает возможность верить Вам.

С.: — Намереваетесь ли Вы говорить правду?

А.: — Это чрезвычайно сложная вещь. Многое из того, что я сказал, правда, но кое-что выдуманно. Я всегда утверждал это. Это обусловлено внешними причинами.

С.: — Вы говорите, что многое правда, многое выдуманно. Я Вас спрашиваю: в показаниях, данных нам, что правда, а что выдуманно?

Агджа (молчит, смотрит в пространство перед собой. Говорит несвязно): — Я сказал, что некоторые периоды... В известные периоды... В данный момент я не могу сказать ничего, потому что будут выслушаны и некоторые другие обвиняемые, будут и дополнительные вещи...

С.: — Я снова Вас спрашиваю — что является правдой из того, что Вы нам сказали. Чего Вы ждете от других показаний, возможности жонглировать ими?

Так и не был получен ответ на эти вопросы. Вместо этого преступник снова изменил свои показания относительно денег, врученных ему на миланском вокзале его соучастником «серым волком» Багдзы. Агджа категорически отрицал этот факт. Он отказался и от своих показаний, данных во время очной ставки в ходе следствия, оправдываясь тем, что тогда он признал факты относительно помощи «серых волков», чтобы «прикрыть болгар». Но председатель суда напомнил ему, что очная ставка состоялась 3 ноября 1983 г., а протокол следствия от 2 ноября полон обвинений против болгар. Агджа снова запутался и наконец признался:

— «Серые волки» мне помогли. Багдзы привез мне 1500 швейцарских франков. Они боялись, что, если меня схватят, это плохо отразится на положении Тюркеша на процессе в Анкаре.

Из стенограммы судебного заседания в Риме 25 июня 1985 г. Осознав всю непоследовательность собственных объяснений об участии «серых волков» в подготовке покушения на папу, Агджа отказался от поддерживаемой им до сих пор версии о днях накануне покушения. Он заявил, что его соучастники Орал Челик и

Омер Ай ожидали его в Милане; у них был автомобиль «форд таунус» с «немецким номером из Мюнхена». Автомобиль был взят Аталаем Саралом по предъявлению фальшивого паспорта Омера Ай напрокат у фирмы «Герц» или «Еврокар».

Агджа рассказал, что он встретился с Оралом Челиком и Омером Ай в аэропорту Милана, куда он прибыл. Оттуда они поехали на вокзал, где встретились с прибывшими на автомобиле из Швейцарии «серыми волками» Багджи и Вахдетиним Оздемиром. Они оставили оба автомобиля на стоянке вокзала и пошли впятером ужинать. В одном из автомобилей оставили три пистолета — два вальтера и один марки «берета», а также две дымовые шашки, а в другом автомобиле — браунинг Агджи. Все это было привезено «серыми волками».

На очной ставке, которая была устроена между Агджой и Багджи, этот «серый волк» из Швейцарии опроверг утверждения Агджи. Багджи заявил, что он не встречался с Челиком и Аем.

Агджа отказался от своих показаний на предварительном следствии о том, как он прибыл из Милана в Рим. На этот раз он заявил, что из Милана в Рим они ехали втроем — Агджа, Орал Челик и Омер Ай — на синем «форде таунусе». Они прибыли в Рим рано утром. Там сначала они остановились в отеле «Имка» в номере с тремя кроватями. Номер был забронирован на имя Фарука Озгуна (имя из фальшивого паспорта Агджи). На следующий день Агджа перебрался в пансион «Иса».

Агджа все явственнее отходил от своих показаний на следствии. Так, например, он рассказал, что в день покушения они поехали втроем — Челик, Ай и он на площадь Святого Петра на том же синем «форде таунусе». Шофером был Челик. В ходе следствия Агджа неоднократно утверждал, что на площадь Святого Петра он приехал в автомобиле Антонова «альфа ромео — 2000», что с ними был Айвазов.

Вчера на суде он вновь повторил это и дал красочное описание того, как в автомобиль село пятеро — трое турок, а также Антонов и Айвазов, который раздал им в автомобиле пистолеты и бомбы.

Сейчас же Агджа заявил, что трое турок поехали одни, оставили свой автомобиль перед египетским посольством и направились к площади. С Антоновым они встретились до этого на площади Республики. Но он должен был их ожидать перед канадским посольством как резервный вариант.

Оказалось, что они намеревались скрыться не на болгарском трейлере, как утверждал до сих пор Агджа, а на синем «форде таунусе» и должны были ехать в Вену. Агджа заявил, что в Вене для них было подготовлено две квартиры, где они должны были

скрыться после покушения, — на улице Йеринг Штрассе, 36 и еще одна, обеспеченная каким-то «серым волком» по имени Шергун.

Сантиапики: — Когда видели в последний раз Антонова перед покушением?

Агджа: — На площади Республики.

Председатель суда напомнил о воспроизведении случая на площади Святого Петра во время следствия, сделанного по распоряжению судьи Мартеллы при участии Агджи, где преступник показал кафе, где они пили кофе с Антоновым перед покушением, точно указал стоянку, на которой был оставлен знаменитый автомобиль марки «альфа ромео». Он вновь пожелал узнать, почему обвиняемый так лгал.

А. (оживился): — Нет, но..., подождите, я тогда подумал, что надо свалить всю вину на болгар.

Постепенно преступник теряет самообладание. И след простыл его наглого поведения перед телевизионными камерами. Он молчит, что-то шепчет, опустив голову. Последний вопрос вновь ставит его в тяжелое положение.

С.: — Мы здесь уже говорили о деньгах. Мы знаем из протоколов следствия, хотя Вы и изменяли размер суммы, но всегда ясно говорили, что деньги находились у Челика. Я лично спросил Вас, где находились деньги? Вы ответили, в доме, с Челиком. Тогда не было этой версии о том, что Челик прибыл на «форде таунусе» с оружием. А деньги? Где они были?

А. (долго молчит и затем бормочет): — Об этом не стоит говорить. Денег не было.

Затем он повышает голос и заявляет, что больше он не будет давать показаний: «Не могу дать других ответов, все ответы кончились. С сегодняшнего дня я ничего больше не скажу».

* * *

В конце декабря 1985 г. в одной из крупных софийских гостиниц — отеле «Москва» первый состав римского уголовного суда, рассматривающий второе дело о покушении на главу католической церкви папу Иоанна Павла II, выполнил международное судебное поручение. Были допрошены болгарские граждане Ж. Василев и Т. Айвазов. Несмотря на то, что между Болгарией и Италией не существует договора о правовой помощи, компетентные болгарские власти продемонстрировали добрую волю и готовность содействовать всеми силами торжеству истины.

Допросы проходили 20 и 21 декабря. Руководил ими председатель Софийского окружного суда Т. Данаилов. С итальянской стороны присутствовали председатель судебного состава С. Сантиапики, его заместитель судья Ф. Атолико, прокурор А.

Марини, а также адвокаты Дж. Консоло, А. Ларусса и М. Росси. В зале находились многочисленные болгарские и зарубежные журналисты, которые с большим интересом следили за работой выездной сессии римского суда.

Вопросы Ж. Василеву и Т. Айвазову задавал или сам судья Т. Данаилов, или итальянские судьи, прокурор и адвокаты через него. Т. Данаилов сказал, что согласно ст. 4, п. 2 Уголовного кодекса НРБ болгарские граждане не могут быть переданы другому государству под суд, ввиду чего Ж. Василева и Т. Айвазова можно допрашивать только как свидетелей, но ни в коем случае как обвиняемых. Стоит отметить, что суд присяжных в Риме необоснованно отказался рассматривать ходатайство защиты о признании за подсудимыми Айвазовым и Василевым дипломатического иммунитета как за лицами, являвшимися сотрудниками болгарского посольства в Италии в момент совершения вменяемого им в вину (хотя и совершенно недоказанного) преступления. Это сделано, несмотря на то, что предание суду Айвазова и Василева явно противоречит п. 2 ст. 39 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., где сказано, что иммунитет продолжает сохраняться за лицами, пользующимися привилегиями и иммунитетом, и после того, как они оставили страну пребывания, в отношении действий, совершенных такими лицами при выполнении своих функций сотрудников представительства. Следует иметь в виду, что лица, пользующиеся дипломатическим иммунитетом, не могут рассматриваться как юридически значимые, правоспособные участники уголовного судопроизводства, хотя бы в действительности они и принимали в нем участие. Отсюда вытекает, что все действия, совершаемые судом в отношении Айвазова и Василева, неосновательно привлеченных в качестве подсудимых по делу 1981 г., не имеют и не могут иметь юридической силы и являются недействительными.

Осенью 1984г. судья-следователь И. Мартелла уже приезжал в Софию для допросов бывшего секретаря болгарского военного атташе в Риме Жельо Василева и заведующего финансовой службой болгарского посольства Тодора Айвазова. Долгое время западная пресса писала, что они были поспешно отозваны из Италии в Болгарию и уже одно это свидетельствует об их участии в заговоре с целью убийства папы римского. Но появившиеся затем факты в печати подтвердили полную бездоказательность обвинений и против этих двух людей. Не было найдено ни прямых, ни косвенных улик против Василева и Айвазова и следователем И. Мартеллой, прилетавшим в Софию. Не выдерживает никакой критики сам тезис об их «поспешном» возвращении в Болгарию.

Преступление на римской площади Святого Петра совершилось 13 мая 1981 г. С. Антонов был арестован 25 ноября 1982 г.

Ордер на арест Василева датируется также концом ноября, а Италию он покинул на три месяца раньше, 27 августа 1982 г. по истечении срока командировки.

Как излагает агентство София Пресс, в материале о допросе, проведенном Мартеллой, Василев почти двадцать дней знакомил со своей работой в Риме человека, прибывшего ему на смену. О том, что сам он возвращается на родину, итальянское министерство иностранных дел было официально уведомлено чуть ли не за три месяца. Но никаких к нему претензий в течение этого времени власти не предъявили.

Нет логики и в беспочвенном сюжете с Айвазовым. Он улетел в Софию 5 ноября 1982 г. — для финансового отчета и согласования бюджета на следующий год. Закончив дела, взял билет на самолет в Рим. В то утро 29 ноября, когда болгарское посольство в Италии получило официальное уведомление, что выдан ордер на арест Айвазова, итальянские власти знали, что Айвазова нет в Риме и что он собирается туда вернуться. О начале судебного преследования Айвазова посольство НРБ тут же передало в Софию. Узнав об этом уже в аэропорту, Айвазов, естественно, не желает оказываться за решеткой и остается дома.

Нет оправдания следствию, представившему несостоятельный и тенденциозный обвинительный материал против С. Антонова и двух его соотечественников. Фарсом стал в глазах мировой общественности процесс в «Форо Италико». И вот в поисках «болгарского следа» римский суд вступил на болгарскую землю. Но разве можно найти то, чего нет в природе?

Подполковник Ж. Василев предстал перед судьями в военной форме, отвечал на вопросы ясно, спокойно и аргументированно. Он заявил, что не знаком с турецким гражданином Мехмедом Али Агджой, никогда его не видел лично и не встречался с ним ни в период с ноября 1980 г. по май 1981 г., ни в какое другое время.

Как известно, Агджа обвинил бывшего секретаря болгарского военного атташе в Риме в том, что он под вымышленным именем Сотира Петрова участвовал в организации покушения на папу. Вместе с другими «болгарскими соучастниками» Агджа бывал дома у Айвазова и Антонова, они рассматривали планы и фотографии, ходили на площадь Св. Петра и обдумывали, как организовать бегство после покушения.

— Утверждение Агджи о том, что он, звоня мне в болгарское посольство, просил его связать к Сотиром Петровым, лишено всякой логики, — отметил Ж. Василев. — Ведь в таком случае телефонистки и дежурные по посольству должны были узнать, что секретарь военного атташе болгарского посольства в Риме зани-

мается вместе с Агджой в итальянской столице организацией покушения на папу под вымышленным именем Сотира Петрова.

Вновь было приведено утверждение Агджи о том, что Ж. Василев знает английский язык и что именно на этом языке они разговаривали. Подполковник подробно объяснил, что ни в одном из двух высших учебных заведений, которые он окончил, западного языка он не изучал, и представил соответствующий документ. Затем он подробно рассказал о своей деятельности в период 11-13 мая 1981 г. Все это время он выполнял свои непосредственные служебные обязанности и не имел никакой возможности заниматься всем тем, что приписывал ему Агджа.

На вопрос прокурора Марини, как же мог Агджа узнать его на одной из фотографий, которых было предъявлено более 50, если они ранее лично не встречались, свидетель ответил, что это опознание по фотографиям проводилось вопреки общепринятым правилам выполнения подобных следственных действий. Снимки были помещены в альбом и пронумерованы.

Агджа утверждал, что Василев значительно выше Айвазова, но, когда они встали рядом, суд убедился в обратном.

Т. Айвазов также категорически отрицал, что был знаком с Агджой и что оказывал ему помощь в организации покушения на папу. Он рассказал суду о том, что делал 10-13 мая, представив соответствующие документы. В этот период Айвазову приходилось не только заниматься своей работой в посольстве, но и уделять время родителям, которые как раз в то время гостили у него в Риме. Выполнение судебного поручения римского суда в Софии закончилось допросом Т. Айвазова.

Судебное расследование по второму делу о покушении на папу Иоанна Павла II закончилось поздно вечером 14 января осмотром дома одного из несправедливо обвиненных болгар Тодора Айвазова. Благодаря этому осмотру была разоблачена еще одна — кто знает, какая по счету! — ложь Али Агджи. Он заявил судье-следователю Мартелле, что был дома у Тодора Айвазова для уточнения плана покушения на папу. Но уже тогда в ходе осмотра ошибся, указав на улице Галяни вместо дома № 36 дом № 31.

Следователь посчитал эту ошибку допустимой, так как «подъезды обоих домов похожи». Вечером 14 января суд и журналисты смогли убедиться в том, насколько различны два подъезда, а следовательно, спутать их просто невозможно.

... В это вечернее время обычно тихая римская улица Галяни была перекрыт с двух сторон бронированными фургонами. Карабинеры проверяли документы. 20 часов 30 минут: Включились телевизионные камеры. Собрались десятки фоторепорте-

ров, журналистов. По требованию защиты состав римского уголовного суда приехал сюда, чтобы еще раз убедиться в даче Али Агджой ложных показаний. Здесь, на улице Галяни, проживал Тодор Айвазов, у которого якобы неоднократно бывал турецкий террорист Али Агджа. Сам Агджа давал различные показания: он-де раза два приезжал сюда на такси, а однажды прикатил на машине. Раз он тут бывал, то должен знать дом, который посещал. Но, видимо, те, кто прокладывал «болгарский след» и готовил версию Али Агдже, просчитались.

Председатель суда С. Сантиапики в присутствии прокурора А. Марини и присяжных осматривают здания. Вот дом, где жил Т. Айвазов: в холле парадного подъезда висят три картины маринистов. Лифт, двери, выход на задний двор, терраса... Подобному же осмотру был подвергнут и дом напротив, под № 31. Различия между ними действительно разительные. На фасаде дома № 31 сразу бросаются в глаза два отлитых под старину фонаря. Таких не было на доме Айвазова. Лестница, ведущая на второй этаж, хорошо освещена и устлана красным ковром. Дорогая обшивка стен. На этот шикарный дом и указал лжец Агджа. Но здесь никогда не проживал болгарский гражданин Тодор Айвазов...

Ни одна из фаз второго судебного процесса в Риме, продолжавшегося с мая 1985 г. по март 1986 г., ничуть не оправдала надежды тех, кто думал, что удастся придать какую-то достоверность запутанным версиям превратившегося уже в посмешище Али Агджи. Даже вне зависимости от конечного исхода это судебное разбирательство легло тяжелым, очень тяжелым бременем на плечи 37-летнего болгарина Сергея Антонова. Допросы осени 1985 г. дали возможность и суду, и присяжным, и журналистам убедиться, что у С. Антонова уже больше не было сил отвечать на вопросы. Он был болезненно робок, не мог сконцентрироваться, с трудом искал ответ на самый простой вопрос — и не потому что желал что-то скрыть. Долгие месяцы полицейской обработки, следствия и суда, нравственная тяжесть несправедливого обвинения подорвали здоровье С. Антонова.

Из стенограммы судебного заседания в Риме 10 октября 1985 г. В начале сегодняшнего, 50-го заседания римского уголовного суда было оглашено следующее письмо болгарского гражданина Сергея Антонова, направленное председателю суда, присяжным заседателям и прокурору, «Прошло уже три года с того момента как я несправедливо был задержан за чудовищное преступление, с которым не имею ничего общего. Я оклеветан человеком, которого никогда не видел. В результате этого состояние моего здоровья ухудшилось и вопреки моему желанию содействовать правосудию, что я делал все время, к сожалению, не в состоянии отвечать далее так, как бы хотел, на вопросы су-

да, а также не могу пока являться на суд. Подтверждаю сказанное мною в ходе следствия со сделанными уточнениями, О своем решении я уведомил своих адвокатов и попросил их подробно разъяснить причины этого. Сергей Антонов».

Защитник Антонова профессор Джузеппе Консоло обосновал это решение и разъяснил его причины. Он отметил, что уже в начале процесса было необходимо мнение врачей-специалистов, чтобы оценить подлинное состояние здоровья С. Антонова.

Сергей Антонов с самого начала процесса все же пытался продолжать сотрудничать с правосудием так, как всегда сотрудничал во время трехлетнего следствия, продолжал адвокат. Сергей Антонов всегда точно отвечал на вопросы следствия, хотя может быть, для него было бы полезнее молчать, как делает его обвинитель Агджа. В показаниях Сергея Антонова нигде не говорится: «Не хочу отвечать» или «Использую свое священное право не отвечать». В то время как все документы следствия пестрят весьма показательными выражениями Агджи «Использую свое право на защиту» или же «Отказываюсь отвечать» и т. д. Итак, Антонов не появился в зале, и его адвокаты сразу же признали не только законность, но и целесообразность его решения, указал защитник. Будем надеяться, что скоро он сможет вернуться, продолжал Консоло. Но почему защитники приняли, я бы сказал, с известным удовлетворением это решение, продиктованное психическим состоянием Антонова? Зачем заставлять приходиться подсудимого, который всегда сотрудничал с судом, когда в этом зале Агджа заявляет: «Не буду отвечать на вопросы защиты». Единственный свидетель и обвиняемый, единственный источник обвинения не отвечает на вопросы защиты. А почему тогда наш подзащитный должен сидеть здесь, чтобы отвечать если его состояние здоровья не позволяет ему этого? Это действительно было бы неприемлемо. Уже три года против Антонова выдвигаются исключительно тяжелые обвинения. Не будем же использовать недобросовестно эту его неявку в суд, постараемся не выдвигать против него еще одно неосновательное обвинение, сказал в заключение защитник.

Прокурор Марини не возразил против использования законного права со стороны Сергея Антонова, но настоял на том, чтобы он являлся на очные ставки с Агджой.

После совещания суд вынес решение привозить Антонова в суд лишь тогда, когда это необходимо, на время возможных очных ставок.

В одном из последних за октябрь 1985 г. номеров популярного итальянского еженедельника «Эспрессо» было помещено интервью Сергея Антонова — единственное, которое он дал до сих пор итальянским журналистам.

Автор Марио Шалояя пишет, что психика Сергея явно подорвана. «После долгого (и изнурительного) разговора все заставляет нас верить в то, что психическая ранимость Антонова является неподдельной и что вообще в данном случае перед нами — скромный служащий, замешанный в историю, столь громкую и скандальную, что она раздавила его», — отмечает Марио Шалояя.

«Вопрос: — Г-н Антонов, Вы приняли решение больше не отвечать на вопросы судей. Не думаете ли Вы, что такое поведение может иметь обратный эффект и вызвать подозрения?

Ответ:— Почему? Нет, не думаю. Допрос ни к чему не приведет, так как Сантиапики очень хорошо знает, что я — невиновен. Невозможно, чтобы он этого не понял, как это поняли все.

В.: — Кто — все?

О.: — Все честные люди. Общественное мнение в целом. Все поняли, что это — заговор против моей страны. Правда: одна; я никогда не встречался с Агджой, он — клеветник. Хочу, чтобы меня освободили. Хочу вернуться в свою семью.

В.: — Вернетесь ли Вы в судебный зал и согласитесь ли на очные ставки, если этого потребуют судьи?

О.: — Сейчас не могу решить. Сейчас я в таком состоянии, что не выдержал бы. Все зависит от того, как буду себя чувствовать. Я — невиновный человек, который провел два года и одиннадцать месяцев в тюрьме по вине клеветника. Судьи поняли это. Хочу наконец-то вернуться домой.

В.: — Вы писали судьям, что Ваше здоровье ухудшилось. В чем состоит это ухудшение?

О.: — На этот вопрос следует ответить врачу, который находится здесь. Я знаю только, что должен вернуться домой к жене, дочери и друзьям. Три года тюрьмы для одного невиновного вполне достаточны.

В.: — Некоторые газеты сообщили, что во время допроса, когда Сантиапики спросил Вас, как зовут вашу жену, Вы ответили «не помню». Не кажется ли Вам, что это уж слишком?

О.: — Это неправда. Дело обстояло иначе. Это — еще одна клевета. Получилось недоразумение в связи с именем моей жены. Так как я назвал уменьшительное Роси, а ее полное имя Росиша.

В.: — По словам Агджи, во время некоторых встреч с ним Вы были с бородой. Вы носили когда-нибудь бороду?

О.: — Никогда. Абсолютно никогда, все мои знакомые могут подтвердить это. Но я никогда не встречался с Агджой, никогда не видел его, вы должны верить мне. бесполезно задавать мне вопросы о том, что выдумал Агджа.

В.: — Но Агджа рассказал и некоторые точные подробности

о Вас, которые Вы подтвердили перед следственным судьей. Например, что собираете маленькие бутылочки со спиртными напитками, что пьете вино и виноградную ракию, что часто покупаете цветы и пр. Как Агджа мог знать это, если Вы не знакомы если он не видел Вас?

О.: — Не знаю, как Агджа мог узнать все это. Возможно, кто-то ему сказал, но я — не тот, кто должен строить гипотезы и раскрывать то, что кроется за клеветой, которая затрагивает меня и мою страну. Во всяком случае, то, что сказал Агджа, часто не точно, да и не очень показательно. Пить вино — привычка очень распространенная. Цветы люблю, это, кстати, свойственно многим, но неправда, что я их часто покупаю. Что же касается коллекции бутылочек, вот она на шкафу. Их было семь, но недавно три я подарил сестре. Во время покушения на папу у меня их было всего четыре. Не думаю, что можно говорить о коллекции.

В.: — Но почему тогда на допросе у Мартеллы Вы сказали, что коллекционируете бутылочки?

О.: — Это не совсем так. На вопрос судьи Мартеллы, собираю ли бутылочки, я ответил, что дома у меня есть несколько. Точнее четыре.

В.: — Во время допроса председатель суда Сантиапики проявил большое упорство, пытаясь выяснить, знаете ли Вы английский язык, на котором Агджа, по его словам, разговаривал с Вами. Но как возможно, чтобы заместитель представителя авиакомпании не говорил по-английски?

О.: — По этому вопросу я все объяснил суду. Я знаю французский, и для «Балкана» один иностранный язык вполне достаточен. В моей канцелярии были конфискованы листки, на которых мною выписан ряд технических терминов на английском, которые мне служили в работе, — слова, часто употребляемые служащими в аэропортах. Раз я был вынужден записывать эти термины, значит, не знаю этот язык.

В.: — Во время процесса, однако, были показаны некоторые формуляры, которые вы заполнили на английском.

О.: — Не совсем так. Формуляры, относящиеся к полетам, были заполнены не мной, а службой полетов, которая подчиняется объединению «Римские аэропорты». Что же касается других формуляров, имеющих отношение к списку пассажиров и грузов, как и других подобных вещей, они в самом деле были напечатаны на английском, но я лишь заполнял графы с цифрами».

В заключение Марио Шалоя пишет: «Разговор на этом закончился. Но не легко человеку попроситься с Антоновым, который, не переставая, повторяет все более слабеющим голосом: «Меня должны освободить. Не может быть, чтобы люди не по-

няли, что Агджа — клеветник. Моя дочь поступила в гимназию. Я должен вернуться домой к семье», и при этом прижимает руки к груди».

Обвинительная речь прокурора А. Марини на втором процессе по делу о покушении на главу римско-католической церкви продолжалась целую неделю. В первом отрывке речи прозвучал вопрос: был ли Агджа террористом-одиночкой? У обвинения нет сомнений, что налицо разветвленный международный заговор, В день второй прокурор развил второй свой тезис, а именно, что исполнителем заговора была целая стая «серых волков», куда входил и Агджа. До сих пор все вроде бы полностью соответствует истине. Но тут Марини вновь получает слово, и... оказывается, что «турецкий след» ведет, по его логике, в Болгарию! Сценарий следствия и обвинительного заключения, подготовленного в свое время Иларио Мартеллой, слегка реконструирован. Заговор-де задумали вместе турецкая мафия и «болгарские спецслужбы», и мафия поручила его исполнение своей подопечной организации «серые волки». Неоспоримость «турецкого следа» в устах прокурора обращается в аргумент в пользу пресловутого «следа болгарского». В первых же своих тирадах прокурор поставил на одну доску Мехмеда Али Агджу и Сергея Антонова, упрекая первого в паясничанье, а второго в молчании. Они, видите ли, в равной степени затруднили поиск истины на суде. Впрочем, тут же добавляет Марини, Агджа хоть и паясничает, но «если ему не перечить», то он... «вполне в ладу с логикой», и, неспроста четвертую часть своей речи Марини начал гневной филиппикой в адрес тех, кто пытается преподнести римский процесс как «политическую провокацию».

В ходе процесса в «Форо Италико» всем стало ясно, что поиски тех, кто прокладывал «болгарский след», провалились, но зато четко проявился турецкий след. Обвинитель сам попал в самый сложный лабиринт, из которого трудно найти выход. И это понятно: создать логичное обвинительное заключение при полном отсутствии доказательств участия болгарских граждан в заговоре и покушении на папу римского невозможно.

Даже западная печать не раз подчеркивала вопиющие прорехи в логических конструкциях обвинительной речи, а «болгарский след» именовала уже «так называемым в прошлом «болгарским следом», и это весьма симптоматично. С каждым заседанием суда становилось все яснее, что болгарские граждане к грязной истории с покушением на папу Иоанна Павла II не имели ни малейшего отношения. В самых различных журналистских кругах приходили к выводу, что прокурор не отказался от «акробатических упражнений с теоретическими формула-

ми», пытаясь выдавать желаемое за действительное и исходить в своих умозаключениях из странного «правила»: что мне годно — использую, что нет — отброшу. Вместе с объективностью и истиной.

Именно на этом основании обвинитель упорно выставлял террориста-клеветника Агджу в качестве «достоверного источника», а «серых волков», уличающих во лжи своего в прошлом сообщника, называл преступниками, а это значит, что их показания недостойны внимания и не могут приниматься в расчет. А что Али Агджа, по логике Марини, не преступник? Разве не он убил турецкого журналиста и стрелял на площади Святого Петра в папу римского?

Но особенно приходилось юлить прокурору на тех поворотах дела, где явно проявлялся на процессе след западных специальных служб, логи «П-2», турецкой мафии. Но словесная эквилибристика и классовая озлобленность, видимо, не лучшие советчики при составлении обвинительного заключения на таком процессе, как дело о покушении на главу римско-католической церкви.

Предложением освободить от ответственности трех граждан Болгарии «за недостатком улик» завершил свою обвинительную речь прокурор Антонио Марини.

Для членов турецкой террористической организации «серые волки» обвиняемых в причастности к этому заговору, прокурор потребовал различные сроки тюрьмы, в том числе пожизненное заключение для Орала Челика, скрывающегося от правосудия, и бывшего председателя «Федерации турецких идеалистов» в ФРГ Мусы Сердара Челеби, находящегося на скамье подсудимых в Риме.

Выступление Марини было посвящено в основном «турецкому следу» в заговоре против папы римского. В этом направлении он нашел много подтверждений и доказательств виновности подсудимых турок и организации «серые волки» в целом. В последние дни, явно затягивая процесс, прокурор предпринял неблагоприятную попытку возродить интерес суда и публики к пресловутой «болгарской версии». В этом плане его речь свелась фактически к опровержению тех или иных аспектов алиби болгарских граждан в данном деле.

Марини построил свою аргументацию на мелких противоречиях и некоторых неясностях в показаниях свидетелей и обвиняемых. При этом прокурор не привел ни одного даже мнимого бы связывал болгар с покушением. Одновременно он просто отбрасывал «неудобные» для него факты. Так, например, фактически было обойдено молчанием заявление находящегося под арестом в ФРГ «серых волков» о том, что западно-

германские спецслужбы пытались подкупить их для дачи показаний в подтверждение «болгарской версии».

В перерывах Марини в окружении многочисленных западных журналистов охотно делился своими «соображениями» о виновности болгар, осуждал те или иные повороты дела, комментировал публикации печати на этот счет. В целом создавалась обстановка, при которой правые журналисты без труда получали «товар» для своих клеветнических материалов в итальянской и зарубежной прессе по поводу процесса.

Явно ощущая нехватку серьезной фактуры в поддержку «болгарской версии», прокурор Марини попытался свалить вину за это... на суд, обвинив судей в том, что они «не до конца выполнили свои обязанности». Он настаивал на проведении «дополнительного» разбирательства, допроса третьестепенных свидетелей, по-прежнему пытаюсь затянуть процесс. Суд отклонил эти притязания.

Ряд свидетельских показаний, в частности агентов службы СИСМИ, допрашивавших Агджу в тюрьме города Асколи-Пичено, были объявлены закрытыми в интересах «соблюдения государственной тайны».

В заключение своей обвинительной речи Марини заявил, что, будучи официальным юридическим лицом, он в силу существующего законодательства вынужден ограничиться признанием, что «не существует достаточных улик» для предъявления гражданам Болгарии каких-либо обвинений по данному делу. В то же время он призвал присяжных заседателей «самым внимательным образом рассмотреть обстоятельства», «прислушаться к голосу собственной совести» и «сделать наиболее правильные выводы», чтобы, как он выразился, «не пострадала справедливость».

«Выдвинутые Марини требования не удивляют — это его работа, — заявил адвокат С. Антонова Дж. Консоло 1 марта 1986 г. в беседе с корреспондентами ТАСС Е. Бабенко и А. Голяевым. — Мы предвидели, что он потребует именно этого. Нас, однако, никак не может устроить оправдание Антонова, Василева и Айвазова «за недостатком улик». Ничто не может компенсировать три долгих года, проведенных Антоновым под стражей. Единственное, что можно сделать для облегчения его страданий, — это добиться его полного и абсолютного оправдания».

И до и во время римского суда существовали предпосылки для безусловного и безоговорочного, полного оправдания С: Антонова, Ж. Василева и Т. Айвазова; некоторые ведущие органы буржуазной прессы признавали, что есть реальная возможность выявить и осудить действительных организаторов покушения на папу и последовавшего вслед за этой «провокацией века» «судебного процесса века».

«Кто стоит за покушением на папу римского?», — пространная статья под таким заголовком, появившаяся в американской газете «Вилидж войс» (24.12.1985), приводится ниже полностью, чтобы читатель смог убедиться, что у членов римского суда и присяжных заседателей находились в руках важные сведения, которые тем не менее замалчивались в ходе судебного процесса:

«Когда итальянский судья Иларио Мартелла приехал на прошлой неделе в Нью-Йорк, чтобы продолжить свое четырехлетнее расследование заговора с целью убийства папы Иоанна Павла II, он намеревался допросить Франческо Пацвенцу, бывшего сотрудника итальянской разведки, который сейчас сидит в манхэттенской тюрьме по обвинению в том, что Пацвенца натаскивал осужденного Мехмеда Али Агджу, чтобы тот возложил вину за покушение на папу на болгарскую секретную службу. Однако Мартелла, возможно, узнал больше, чем ожидал.

В самом деле, разоблачения Пацвенцы могут изменить ход всего расследования Мартеллы, перенеся акцент с Болгарии на правых террористов, имеющих обширные связи на Западе. Как минимум, сведения, переданные Мартелле на прошлой неделе, — это серьезный, возможно смертельный, удар по достоверности теории «болгарского следа», выдвинутой Клэр Стерлинг и другими с целью объяснить покушение на жизнь папы.

И Агджа, и другой свидетель на суде о «болгарском следе» Джованни Пандико заявили, что Пацвенца посещал Агджу в тюрьме и уговорил его дать показания о том, что болгарские агенты стояли за его провалившейся попыткой убить папу на площади Св. Петра в мае 1981 г. В одном из своих противоречивых показаний, которые стали характерной чертой его выступлений в суде, Агджа позже снял это обвинение против Пацвенцы. Но Мартелла все равно стремился допросить 39-летнего бизнесмена, ставшего шпионом, которого держат в Нью-Йорке в ожидании выдачи на основании итальянского ордера на арест по обвинению в присвоении 200 тыс. долларов, полученных от разорившегося «Банкр Амброзиано». Пацвенца также подлежит аресту в Италии по обвинению в вымогательстве и разглашении государственных тайн, и на прошлой неделе его имя было названо в обвинительном акте в качестве «организатора» взрыва бомбы на вокзале в Болонье в 1980 г., в результате которого погибло 85 человек.

В обвинительном акте о взрыве в Болонье также назван Стефано делле. Кьяйе, активно разыскиваемый правый итальянский террорист. Когда Мартелла допрашивал Пацвенцу,

последний отрицал какое то ни было участие в деле Агджи. Потом он сделал собственное сенсационное заявление: в сентябре 1982 г., ровно через 16 месяцев после покушения на жизнь папы Иоанна Павла II Стефано делле Кьяйе прибыл в США в компании с турецким террористом, тесно связанным с Агджой. Хотя эти сведения уже были известны должностным лицам США, они не были переданы итальянским властям.

Пащенко давал показания на закрытом заседании в зале пятого этажа во флигеле здания суда на Фоли-сквер. Во время вечерних слушаний также присутствовали адвокат Пащенко Эдвард Моррисон (бывший заместитель мэра Нью-Йорка в администрации Линдсея) и Дэвид Дентон, помощник федерального прокурора Южного округа Нью-Йорка, который занимается делом о выдаче Пащенко.

Через два дня после этого заседания корреспондент «Виллидж Войс» беседовал с Мартеллой в течение получаса. Хотя Мартелла отказался официально осуждать это дело, на основании этой встречи и интервью с Пащенко в тюрьме удалось воссоздать, что произошло во время заседания. Хотя Пащенко отрицал, что он натаскивал Агджу, он заявил, что другие сотрудники итальянской секретной службы подтолкнули Агджу на то, чтобы припутать к этому делу Болгарию. «Я тогда рассказал Мартелле, что узнал во время конфиденциальной встречи с представителями правительства США до моего ареста, — сказал Пащенко, — 26 сентября 1984 г. я встретился с двумя сотрудниками таможенного управления США Томасом Гэллингэном и Артуром Доунлэном. Мы беседовали шесть часов в юридической конторе Моррисона на Пятой авеню. Сначала они спросили меня о банкротстве «Банко Амброзиано». Потом сотрудники таможи прочитали список имен, которые, по их мнению, я мог знать. Они хотели получить сведения об этих людях».

По словам Пащенко, среди упоминавшихся был Стефано делле Кьяйе. «Сотрудник таможи Гэллингэн сказал, что делле Кьяйе прилетел в Майами на самолете из Южной Америки, — сказал корреспонденту «Войс» Пащенко. — Затем он сказал мне, что делле Кьяйе летел вместе с очень важным человеком. Гэллингэн охарактеризовал этого человека как турка, непосредственно связанного с Агджой. Именно это я и сказал судье Мартелле». Рассказ Пащенко о встрече с таможенными чиновниками в 1984 г. был подтвержден Моррисоном, который присутствовал на этой встрече.

Пащенко говорит, что он не может вспомнить имя компаньона делле Кьяйе. Однако наша газета узнала из американских разведывательных кругов, что этим турком был Абдула

Чатлы, один из руководителей террористической организации «серые волки». Чатлы был одним из ближайших партнеров Агджи в месяцы, которые предшествовали покушению на папу. Давая показания в сентябре в Риме на процессе четырех турок и трех болгар, обвиненных в участии в заговоре вместе с Агджой, Чатлы (который не является обвиняемым) заявил, что это он, а не Багджи передал Агдже пистолет, который был использован для покушения на папу Иоанна Павла II.

По сведениям американской разведки, делле Кьяйе и Чатлы прилетели в Майами на одном самолете утром 9 сентября 1982 г. В разведывательных кругах не сообщили, как долго делле Кьяйе и Чатлы оставались в США и с какой целью, однако заявили, что они, по-видимому, путешествовали вместе. Таможенные чиновники знали о Чатлы и делле Кьяйе, по крайней мере, с апреля 1984 г., но ведь эти данные не были переданы итальянским властям, которые занимаются покушением на папу, до встречи Мартеллы с Пацэнцей на прошлой неделе. «Мы никогда не слышали о делле Кьяйе и турке», — заявил представитель канцелярии Мартеллы в Риме незадолго до того, как судья вылетел в Нью-Йорк.

На прошлой неделе по предложению Пацэнцы Мартелла также опросил таможенных чиновников Гэллигэна и Дунлэна. Однако пока таможенные чиновники отказались говорить о том, что обсуждалось. Представители таможни, госдепартамента и министерства юстиции также отказались комментировать тот факт, что США не информировали итальянские власти о делле Кьяйе или Чатлы. Это молчание официальных кругов тем более любопытно, если познакомиться с грязными биографиями этих двух человек. И делле Кьяйе, и Чатлы — безжалостные убийцы, которые, начав с участия в насилии уличных банд, доросли до руководства неофашистскими организациями, которые откровенно выражают свою ненависть к папе.

Стефано делле Кьяйе по прозвищу «коротышка» — худой, жилистый человек ростом чуть выше пяти футов. Но эта внешность обманчива: ведь он несет ответственность за некоторые из наиболее жестоких актов терроризма в истории послевоенной Италии.

В 1958 г, в возрасте 22 лет делле Кьяйе вступил в право-экстремистскую организацию «Новый порядок», которая заимствовала у нацистских СС свой лозунг: «Наша честь — это наша верность». Идеологическое вдохновение делле Кьяйе черпал у гуру «нового порядка», — итальянского нацистского философа Юлиуса Эволи, который во время второй мировой войны

сотрудничал с эсэсовцами. Писанина Эволы пропитана презрением к католической церкви: он характеризует ее как грязную цитадель еврейской коррупции, которая должна быть уничтожена языческим фашизмом или подвергнута расовому «очищению».

Но одна полемика не удовлетворяла делле Кьяйе. Через год после вступления в «новый порядок» делле Кьяйе создал военный филиал организации под названием «национальный авангард». Как сообщает Стюарт Кристи в своей книге «Стефано делле Кьяйе: портрет черного террориста», делле Кьяйе и его банды начали проникать в левые круги и разгонять студенческие митинги по приказу итальянской секретной службы «Мы настроены решительно, — говорилось в одной из листовок «национального авангарда». — Перед выступлением наши люди готовятся морально, чтобы ломать кости даже тем, кто падает на колени и плачет».

Когда в конце 60-х гг. Итальянская коммунистическая партия неоднократно завоевывала растущее число голосов на выборах, в дело вступили бандиты делле Кьяйе. В декабре 1960 г. произошел взрыв бомбы на пьядца Фонтана в Милане, в результате которого было убито 16 и ранено почти сто человек. Сначала сотрудники службы безопасности попытались возложить вину на группу итальянских анархистов, стремясь дискредитировать левые силы. Но позже итальянские судьи обнаружили, что бомбу подложил Марио Мер-лино, главный помощник делле Кьяйе.

Массовое убийство на пьядца Фонтана было первым залпом в серии взрывов бомб, которая потрясла Италию в следующем десятилетии. Эта тактика, известная в Италии под названием «стратегии напряженности», была направлена на то, чтобы вызвать ужас среди населения в качестве прелюдии к установлению диктатуры, которая восстановит «законность и порядок».

После участия в неудавшемся военном перевороте против правительства Итальянской христианско-демократической партии в декабре 1970 г. делле Кьяйе бежал в Мадрид. Вскоре тайная полиция Франко наняла его, чтобы он создал группу террористов, которая вела тайную войну против баскских сепаратистов в начале 70-х гг. Его глобальная деятельность в этот период координировалась через лиссабонскую организацию под названием «Ажинтерпресс», которая наняла делле Кьяйе своим «корреспондентом». Документы, ставшие известными во время восстания военных в 1974 г., показывают,

что «Ажинтерпресс» обеспечивала «крышу» для шпионской деятельности, проводимой португальской секретной службой в Африке. По данным Федерика Лорана, опубликованным в его книге «Черный оркестр», деле Кьяйе консультировал Жо-наса Савимби, руководителя УНИТА, действующей в Анголе при поддержке ЮАР организации мятежников, имеющей тесные связи с португальской разведкой.

Делле Кьяйе также обнаружил спрос на свои таланты в Латинской Америке. В 1975 г. с ним связался Майкл Таунли, американец, который работал на ДИНА, чилийскую тайную полицию. Как сообщил «Вилидж войс» соавтор книги «Убийство на Эмбассироу» Джон Динджес, «Таунли, который спланировал и осуществил убийство Орландо Летельера, бывшего посла Чили в США, в Вашингтоне в 1976 г., прибег к помощи делле Кьяйе при наборе людей, попытавшихся убить Бернардо Лейтона. Лейтон, высланный лидер чилийских христианских демократов и один из главных руководителей оппозиции режиму Пиночета, в 1975 г. был ранен выстрелом в голову в Риме, выжил, но прекратил политическую деятельность. В следующем году делле Кьяйе посетил Чили и остановился в доме Таунли, участвуя в других операциях ДИНА».

Вскоре после этого делле Кьяйе перенес базу своих операций в Буэнос-Айрес. Он часто ездил в другие страны Латинской Америки, предлагая свои услуги таким, как майор Роберто д'Обюсон, — одна из главных фигур в сальвадорских «эскадронах смерти». По словам авторов книги «Нацистское наследие», написанной группой английских журналистов из «Тайме» и «Обсервер», делле Кьяйе произвел такое впечатление на д'Обюсона, когда их познакомили в 1979 г., что д'Обюсон попросил итальянского беглеца подготовить документ о том, как сальвадорской армии следует вести борьбу против повстанцев. В марте следующего года популярный руководитель католической церкви Сальвадора архиепископ Оскар Ромеро был убит во время службы. По словам бывшего посла США Роберта Уайта, именно д'Обюсон отдал приказ убить Ромеро.

Делле Кьяйе играл важную роль в июльском перевороте 1980 г., в результате которого Боливия была поставлена под контроль фашистской военной диктатуры. Одним из главных действующих лиц «кокаинового переворота», как он был назван, был полковник Луис Арсе Гомес, известный также по прозвищу «Иди Амин Анд». После переворота Гомес собрал группу советников по вопросам безопасности, которую возглавили делле Кьяйе и нацистский военный преступник Кла-

ус Барбье. Эта группа, заслуженно названная «женихами смерти», обучала боливийских солдат методам пыток и помогала защищать процветающую торговлю кокаином — главный источник дохода боливийской хунты. Иоахим Фибелькорн, бывший «жених смерти», сидящий сейчас в западногерманской тюрьме, сказал полиции ФРГ, что делле Кьяйе был посредником между боливийскими «кокаиновыми полковниками» и главарями сицилийских торговцев героином.

Находясь в Боливии, делле Кьяйе продолжал руководить группой преданных подчиненных в Италии. 2 августа 1980 г. взрыв бомбы разрушил вокзал в Болонье, в результате чего были убиты и ранены сотни человек. И опять вина вначале была возложена на итальянские левые силы, в то время как все, кому на прошлой неделе предъявлены обвинения, включая делле Кьяйе, Пацценцу и Личо Джелли, бывшего главу неофашистской масонской ложи «П-2», связаны с ультраправыми силами.

Через месяц после взрыва в Болонье делле Кьяйе вернулся в Буэнос-Айрес, где он пользовался защитой аргентинской военной хунты, на четвертый конгресс «латиноамериканской антикоммунистической лиги». Одной из движущих сил лиги было тайное общество «Текос», находящееся в Мексике, чей орган «Реплика» дважды называл «Ажинтерпресс» (журналистская «крыша» делле Кьяйе) своим европейским корреспондентом. В 1984 г. обозреватель Джек Андерсон разоблачил роль «Текос» и указанной лиги в деятельности «эскадронов смерти» по всей Латинской Америке. По словам Андерсона, догмы «Текос» считают врагами евреев, иезуитов и коммунистов — с примесью средневековой нордической мифологии... Пропагандистские материалы «Текос» и «латиноамериканской антикоммунистической лиги», публикуемые в журнале «Реплика», распространяли фантастические вымыслы о евреях, ведьмах, наркоманах и гомосексуалистах, захвативших Ватикан. Во время визита папы Иоанна Павла II в Мексику эти пропагандисты «повысили» его в ранге, объявив его анархистом.

Через две недели после покушения на папу, 27 мая 1981 г., руководитель итальянской полиции по борьбе с терроризмом (ДИГОС) распространил памятную записку, в которой перечислялись имена 17 турок, связанных с Али Агджой. В этом списке фигурировало имя Абдулы Чатлы.

Чатлы был одним из главарей «серых волков», правой террористической организации, которая терзала Турцию в 70-е годы. В двадцать с небольшим лет он возглавил молодежную

организацию «серых волков» в Анкаре и к 1978 г. занимал второй по значению пост во всей организации. Головокружительной мере взлет Чатлы в большой мере объясняется его ролью проводника политики вышестоящей организации «серых волков» — партии национального действия (ПНД), возглавляемой полковником Алпарсланом Тюркешем. Когда турецкая полиция прямо связала его с убийством семи профсоюзных активистов в 1978 г., Чатлы ушел в подполье.

Главный помощник Чатлы в организации «серые волки» Орал Челик был близким другом Мехмеда Али Агджа. Али Агджа, мелкий фашистский бандит из Малатии, приобрел печальную известность в 1979 г., когда согласился взять на себя вину за убийство Абди Ипекчи, главного редактора либеральной стамбульской газеты «Миллиет». Товарищи Агджи обещали, что они вытащат его из тюрьмы, и свое слово сдержали. «Чатлы контролировал побег из тюрьмы, а Челик позаботился об обеспечении побега», — заявил «Вилиджу войс» корреспондент «Миллиет» Орсан Имен. Имен полагает, что действительным убийцей Ипекчи был Челик.

Вскоре после своего бегства из тюрьмы в ноябре 1979 г. Агджа послал письмо в «Миллиет», в котором угрожал убить папу Иоанна Павла II, когда тот посетит Стамбул. Между тем Агджа ускользнул в Анкару. «Чатлы и «серые волки» 20 дней прятали Агджу в надежном месте, — сказал Имен, — Чатлы также достал фальшивый паспорт, с которым Агджа ездил по Европе».

Этот паспорт на имя Фарука Озгуна доставил Агдже летом 1980 г. Омер Мерсан. Мерсан недавно подтвердил итальянским судьям, что он передал деньги Агдже по поручению Абузера Угурлу, главаря турецкой организованной преступности. Приспешники Чатлы были телохранителями и курьерами Угурлу, получая от него оружие и деньги, которые затем передавались ПНД, руководящей «серыми волками».

В своей книге «Контрабанда оружия и терроризм» Угур Мумджу, корреспондент турецкой газеты «Джумхуриет», рассматривает эту деятельность турецких гангстеров. По словам Мумджу, «крестные отцы» турецкой мафии организовали разветвленную систему контрабанды, которая направляла современное оружие на Ближний Восток в обмен на героин.

Клэр Стерлинг, главный пропагандист так называемого «болгарского следа» в покушении на папу, настойчиво уменьшает связи Агджи с «серыми волками». В своей книге «Время убийц» она не упоминает о том, что близкий партнер Агджи Абдула Чатлы был одним из главарей «серых волков». Поверхностная характеристика Чатлы чрезмерно акцентриру-

ет его связи с турецкой мафией, чтобы подкрепить теорию Стерлинг. Она также «забывает» указать на то, что турецкие «крестные отцы», торговавшие наркотиками и оружием, были связаны с контрабандными операциями в Милане, Цюрихе, Лондоне и Нью-Йорке. Вся эта система обмена оружия на наркотики стала объектом широкого расследования судьи Карло Палермо, которое вызвало сенсационные статьи в итальянских газетах в 1982—1984 гг.

Утверждения Стерлинг о том, что за Али Агджой стоит «красная угроза», — это в основном продолжение темы ее предыдущей книги «Сеть террора». В главе, посвященной Италии, Стерлинг игнорирует разгул террора, развязанного правыми экстремистами, и ни разу не упоминает имени Стефано делле Кьяйе.

После недолгого пребывания в Болгарии в середине 1980 г. Агджа жил вместе с Чатлы и группой «серых волков» в Вене. Как сообщила «Нью-Йорк таймс», пистолет, из которого Агджа стрелял в папу, был куплен у венского торговца оружием Оралом Челиком. Чатлы, близкий друг Челика, признал, что он передал пистолет Агдже.

Итальянские судьи теперь считают, что у Агджи были сообщники на площади Св. Петра, когда он ранил Иоанна Павла II 13 мая 1981 г. Агджа заявил суду, что Челик был там, он скрылся в толпе сразу же после нападения. Действия Чатлы, начиная с этого момента, покрыты тайной. В феврале 1982 г. он был ненадолго арестован швейцарской полицией, однако власти освободили его за 48 часов до того, как из Турции пришел ордер на арест, в котором говорилось, что он осужден заочно за убийство семи турецких профсоюзных деятелей.

Судья Йорг Шилд, который руководит рассмотрением дела, связанного с наркотиками, в Базеле, заявил журналу «Тайм», что Чатлы и Челик в этот период занимались контрабандой героина. Махинации Чатлы, по-видимому, увели его в далекие края. 9 сентября 1982 г. он прилетел в Майами из Южной Америки на одном самолете со Стефано делле Кьяйе.

Это была не первая встреча между «серыми волками» и итальянскими фашистами. До покушения на папу руководящая «серыми волками» ПНД поддерживала контакты с итальянскими «вооруженными революционными ячейками» и «третьей позицией», преемниками «нового порядка» делле Кьяйе. Объединял итальянских и турецких правых и «антибольшевистский блок стран», базирующаяся в Мюнхене организация. В 1978 г. журнал этого блока поддержал кампанию за освобождение «политических заключенных» «нового порядка»,

которые сидели в тюрьме за серию кровавых взрывов бомб в Италии. Рузи Назер, друг главы ПНД полковника Тюркеша, продолжает играть ведущую роль в указанном блоке. В сентябре этого года Назер представляет блок на съезде «всемирной антикоммунистической лиги» в Далласе.

У бандитов Чатлы и у делле Кьяйе общие идеологические взгляды. В литературе «серых волков» рекламировались переводы на турецкий язык нацистской литературы. Подобно делле Кьяйе, турецкие фанатики — открытые враги католической церкви. Обе эти группировки демонстрировали готовность доказать свои слова на деле.

Известные связи между системой делле Кьяйе и «серыми волками» ставят очевидный вопрос: сотрудничали турки с делле Кьяйе, когда они пытались убить папу? В одном важном аспекте заговор с целью убить Иоанна Павла II схож со взрывом бомбы на пьядца Фонтана в Милане, который был организован делле Кьяйе, а также со взрывом бомбы на вокзале в Болонье. Все три акции организовали правые террористы, которые замыслили свалить вину за свои деяния на левые силы.

В июле 1982 г., вскоре после того, как гражданское правительство сменило «кокаиновых полковников» в Боливии, делле Кьяйе едва избежал ареста группой итальянских и американских агентов. По словам автора «Нацистского наследия», делле Кьяйе позже утверждал, что его заранее предупредили агенты американской разведки. Не означает ли это, что его охраняет какая-то группировка в правительстве США?

Аналогичное предположение высказал один из высших руководителей СИСДЕ (внутренняя разведка Италии) Винченцо Паризи, когда он давал в 1984 г. показания в комиссии итальянского парламента, который следит за секретными службами. По данным итальянского еженедельника «Эспрессо», Паризи, докладывая о взрыве бомбы в Болонье в 1980 г., заявил этой комиссии, что делле Кьяйе беспрепятственно ездил по всей Латинской Америке. На вопрос о том, не находится ли фашистский главарь под защитой сверхдержавы, Паризи заявил, что американская разведка лишь нехотя оказывала содействие своим итальянским коллегам, которые пытались поймать делле Кьяйе.

«Делле Кьяйе приезжает и уезжает из США, когда захочет, — заявил газете «Вилидж войс» Пащенко. — Это сказали таможенные чиновники». В самом деле, создается впечатление, что самый опасный итальянский террорист, возможно, использовал Майами как базу для своих операций. «Когда я на-

щупывал почву, чтобы взять интервью у делле Кьяйе в 1984 г., — сказал корреспонденту «Вилидж войс» французский тележурналист Пьер Абрамовичи, — наш посредник предложил в качестве места встречи остров около Майами».

В то время как делле Кьяйе свободно вращается на орбите терроризма, для его турецкого коллеги наступили тяжелые времена. Арестованный во Франции в октябре 1984 г. по обвинению в торговле наркотиками Абдула Чатлы сейчас изолирован в парижской тюремной камере. Когда в сентябре его вызвали в качестве свидетеля на суд Агджи в Рим, Чатлы отрицал какое бы то ни было участие в заговоре против папы. Он изобразил «серых волков» как организацию мелких воришек, которые не занимаются политикой. Чатлы заявил суду, что он жил в одном доме с Агджой и передал ему пистолет в Вене, но утверждал, что Агджа действовал в одиночку.

Попытка Чатлы обелить «серых волков» провалилась, когда другой свидетель Ялчын Озбей опознал Орала Челика (который все еще находится на свободе) в бегущем человеке на фотографии толпы на площади Св. Петра, сделанной сразу же после ранения папы. Озбей, бывший «серый волк», был заметно потрясен, когда Чатлы трижды угрожал ему на открытом заседании суда. Последовала ожесточенная перепалка на турецком, и к ней присоединился Агджа. Эти трое обменивались оскорблениями, обвинениями и подозрениями о том, что иностранные разведывательные органы используют их, чтобы возложить вину за нападение на папу на Болгарию и Советский Союз.

Самый драматичный момент наступил, когда Чатлы заявил, что Озбей играл роль посредника для западногерманской секретной службы БНД; Чатлы сказал, что ему и Челику БНД через Озбея пообещала крупную сумму денег, если они подпишут заявление, подтверждающее утверждения Агджи о коммунистическом заговоре. Когда судья попросил подтвердить или опровергнуть этот рассказ, Озбей отказался что-либо сказать.

Тесная связь Агджи с Чатлы в месяцы, предшествовавшие покушению, — это одно из самых важных открытий, которые до сих пор были сделаны на 60 заседаниях суда. По мере того как рассыпается версия о «болгарском следе» на открытых заседаниях суда, следствие начинает пересматривать роль Чатлы и его фашистской клики в покушении на папу. То, что судья Мартелла узнал о Чатлы и делле Кьяйе во время поездки в Нью-Йорк, может стать поворотным пунктом в этом расследовании», Статья в известной американской буржуазной газете лишний раз подтвердила, что римский суд не использовал в

интересах правды и справедливости информацию, которой располагало следствие.

Более трех лет мытарили невинного ни в чем узника только затем, чтобы его главный обвинитель с откровенной злобой сквозь зубы процедил, что не может ничего по сути инкриминировать жертве вопиющего произвола!

По какому же праву так долго измывались над арестантом? Почему вместо его судебного оправдания неохотно ссылаются теперь лишь на «недоказанность состава преступления»? Почему не желают хотя бы извиниться перед оклеветанным болгаринном и его соотечественниками? Куда же подевалась совесть цивилизованных западных витий о правах человека? Вот оно — их хваленое правосудие.

Второй процесс в римском суде присяжных по делу о покушении на главу римско-католической церкви Иоанна Павла II стал наглядным проявлением крупнейшей антиболгарской, антисоциалистической провокации последних лет на Западе. Суд длился с 27 мая 1985 г. по 29 марта 1986 г.

Было проведено 98 заседаний, судебная документация насчитывает более 14 тысяч страниц. На 245 магнитофонных кассетах записаны показания 85 свидетелей, выступивших на процессе. Кроме того, суд провел выездные сессии в Турции, ФРГ, Голландии, Франции, Швейцарии и Болгарии.

Несмотря на такой большой объем проделанной работы, суд так и не дал ответа на главный вопрос: кто стоит за спиной турецкого террориста Али Агджи, стрелявшего 13 мая 1981 г. в папу римского, кто автор провокационной «болгарской версии». Более того, суд счел возможным прибегнуть при оправдании трех болгарских граждан, которых Агджа обвинял в «причастности» к выстрелам на площади Св. Петра в Ватикане, к такой сомнительной формулировке, как «снятие обвинений за недостатком доказательств». Можно согласиться с судебным хроникером влиятельной римской газеты «Республика», когда он пишет: «Этот приговор частично оправдывает проведенное Иларио Мартеллой судебное следствие и смягчает юридическую ошибку, заключающуюся в том, что обвиняемые Антонов, Челеби и Багджды провели под арестом около четырех лет каждый, в то время как не было найдено ни одного доказательства их виновности». Итальянская юстиция, другими словами, попыталась «спасти свое лицо» в глазах мировой общественности.

Последнее заседание римского суда, на котором был оглашен приговор, было, пожалуй, столь же многолюдным, как и первое. В зале насчитывалось более 300 итальянских и зарубежных журналистов.

Однако между первым и последним, заседаниями римского процесса есть принципиальная разница — если 27 мая 1985 г. западная пресса повсюду трубила о «болгарском деле», то спустя десять месяцев уже никто не сомневался в том, что это провокационное «дело» лопнуло и что Сергей Антонов будет оправдан. Сам прокурор Антонио Марини в своем обвинительном заключении потребовал снятия с него обвинений «за недостатком доказательств». Защита в лице известных итальянских юристов Джузеппе Консоло и Альфредо Ларуссы настаивала на полном оправдании болгарских граждан, чтобы ни у кого не оставалось даже тени сомнений в их невиновности.

Суд присяжных, которому потребовалась неделя закрытых совещаний для вынесения приговора, оправдал «за недостатком доказательств» не только болгарских граждан Сергея Антонова, Тодора Айвазова и Жельо Василева. Он поставил на одну доску с ними (и сделал это намеренно) и турок Мусу Челеби, главаря западногерманского «филиала» организации «серые волки», и Орала Челика, который, по данным следствия и заявлениям Агджи, также находился в момент покушения на площади Св. Петра и, возможно, даже стрелял в папу римского. Относительно Бекира Челенка, которого Агджа также обвинял в причастности к заговору и который был выдан Болгарией Турции и там скончался в тюрьме, суд не вынес никакого решения в связи с его смертью.

Суд приговорил к трем годам и двум месяцам заключения турка Омера Багджи, который на процессе признал, что передал накануне покушения Агдже пистолет, из которого были совершены выстрелы. Багджи — единственный человек на процессе, который признал, что помогал Агдже. С учетом того, что Багджи уже отсидел в предварительном заключении срок, больший чем вынесенный ему приговором суда, он был также освобожден из-под стражи. Самого Агджу, уже приговоренного судом первой инстанции к пожизненному заключению, суд дополнительно осудил на год тюрьмы за ввоз оружия на территорию Италии. Этот срок был заменен двумя месяцами строгой тюремной изоляции и денежным штрафом.

Анализируя приговор римского суда присяжных, прежде всего следует подчеркнуть: в нем отсутствует какое-либо упоминание о наличии заговора против папы римского. Газета «Мессаджеро» напомнила в этой связи, что еще после суда первой инстанции председатель Северино Сантиапики, который вел и второй процесс по этому делу, «ясно указал на существование заговора». Сейчас же суд счел возможным уклониться от ответа на этот вопрос и фактически «уравнял» позиции всех обвиняемых — как оклеветанных болгар, так и всех

турок. И это, несмотря на то обстоятельство, что против последних на процессе были выдвинуты серьезные обвинения.

Более того, как указывала газета «Република», в результате суда стало ясно, что в деле о покушении на папу римского наглядно проявился «турецкий след», а само следствие велось небрежно, поверхностно и односторонне. «Если этот процесс и войдет в историю, то только благодаря тому, что такой человек, как Агджа, мог давать сотни версий по отдельным эпизодам, но, несмотря на это, следователи все время верили ему».

В самом начале процесса не могли не обратить на себя внимания противоречия между выводами следствия, занимавшими более 2.500 машинописных страниц, и обвинениями, с которыми выступил В зале суда представитель стороны обвинения прокурор А. Марини.

Первоначально органы итальянской юстиции разрабатывали вариант, согласно которому покушение было «подстроено» болгарам, якобы стремившимися убрать Иоанна Павла II в связи с ситуацией в Польше и — более конкретно — действиями «Солидарности». Затем судебный следователь И. Мартелла сам отказался от этого варианта. Прокурор Марини решил придерживаться версии о «происках международного терроризма», в замыслы которого входило якобы «дестабилизировать итальянские демократические институты». Но и эта версия не выдержала испытания. Тогда прокурор перестроился — а затем только и следовал этому — на «турецкий след», переместив на него всю тяжесть расследования с «международного терроризма, поощряемого с Востока». В качестве побудительного мотива преступления Марини назвал стремление крайне правой террористической организации мусульманского толка «серые волки» уничтожить главу римско-католической церкви, которого эта группировка провозгласила своим главным политическим и религиозным врагом.

Подмена различного рода версий, уход от правдивого расследования, замалчивание того, что еще вчера выглядело «сенсацией века», были очень характерна для всего римского процесса.

Стоит вспомнить, какой шум возник в итальянской буржуазной прессе 11 и 12 июня 1985 г., когда Али Агджа «признался», что «заговором» руководило посольство СССР в Софии, и назвал «конкретные лица», а затем заявил, что это посольство «распорядилось также совершить нападение на радиостанцию «Свободная Европа» в Мюнхене». Шум смолк так же быстро, как и возник: слишком грубой была ложь турецкого террориста, проглотить и переварить ее не смогли даже самые оголтелые в смысле антисоветизма местные издания.

Всякое упоминание о СССР затем вообще исчезло из су-

дебных документов, тогда как «болгарская версия» с каждым судебным заседанием все больше тускнела.

На последнем заседании суда 29 марта 1986 г., беседуя с зарубежными журналистами, постоянно освещавшими процесс прокурор А. Марини, после оглашения приговора присяжных, сказал: «Несомненно, на исход данного процесса повлияло поведение самого Али Агджи, постоянно вызывавшее у всех замешательство. Все остается под вопросом, мы вернулись на исходные позиции. Суд не захотел принять никакого решения...»

В данном случае с Марини, который прежде был самым ярким сторонником «болгарской версии», можно согласиться. За десять месяцев судебного процесса турецкий террорист выдал 128 версий плана операции на площади Св. Петра, 26 раз он менял показания о «причастности» к преступлению болгар; 18 различных версий действий его турецких сообщников зафиксировано в судебных материалах со слов убийцы.

Агдже было отведено особое место в развернутой на Западе антиболгарской и антисоциалистической кампании. Представители «желтой» прессы буквально устраивали потасовки у тюремной камеры турецкого террориста, чтобы услышать его «сенсационные» заявления типа «я — Иисус Христос, я ангел во плоти, предсказываю скорый конец света» и так далее. В целом, если опираться лишь на материалы буржуазной печати» то может создаться определенное «таинственное» представление об Агдже» о том, что он очень много знает, но не хочет до поры до времени говорить. Росту «популярности». Агджи немало способствовал и тот факт, что папа римский в декабре 1983 г. посетил его в тюремной камере, заявив потом: «Я разговаривал с ним как с братом, которого я простил» Агджа же потом неоднократно пытался «разыграть» в ходе процесса «ватиканскую карту», требовал официального заявления Ватикана по римскому процессу всячески подчеркивал, что церковь в лице папы его простила. Однако по мере развития событий на суде становилось все яснее, что Агджа — психически неуравновешенный человек с ярко выраженной манией величия, что все его заявления откровенная ложь.

Свое последнее появление на процессе Агджа использовал для того чтобы обратиться к судьям и к публике на итальянском и английском языках с новым утверждением о том, что он является «воплощением Иисуса Христа на Земле».

За линией поведения, которую взял на вооружение этот преступник, на процессе постоянно следили примерно тридцать западных журналистов, преимущественно из Соединенных Штатов. Они присутствовали на всех слушаниях, записывали показания Агджи на магнитную и видеопленку. Однако и

они в кулуарах суда разводили руками: поступки и заявления турка невозможно предвидеть или предугадать, даже если постоянно наблюдать за ним.

По всему было видно, что в определенном состоянии шока находился и назначенный итальянскими инстанциями официальный защитник Агджи, довольно известный в Италии (своими крайне правыми тенденциями) адвокат Пьетро д'Овидио.

Небезынтересно воспроизвести здесь характеристику, которую дал своему клиенту д'Овидио еще до вынесения приговора римского суда: «Если судить по поведению Агджи, по его словам и жестам, то складывается впечатление, что находишься рядом с человеком с признаками паранойи. Выстрелы на площади Св. Петра вписываются в эту шизофреническую картину. Больше всего другого Агджа стремился к тому, чтобы стать героем мусульманского мира, выбирая для достижения этого пути, которые может придумать только человек с большой психикой. Однако именно Агджа помешал мне потребовать для него психологического обследования, которое в свое время несомненно облегчило бы его судьбу».

Защитник д'Овидио упорно стремился создать впечатление об Агдже как о «человеке, пришедшем ниоткуда». В отличие от всех других террористов и наемных убийц, которых адвокату приходилось в прошлом защищать, Агджа, по его словам, является одиночкой.

По рассказу д'Овидио, Агджа никогда ничего не принимал от кого бы то ни было, даже пачки сигарет, из-за боязни, что его могут отравить. На него огромное впечатление произвело сообщение о том, что международный аферист, «банкир мафии» Микеле Синдона был отравлен цианистым калием в тюрьме.

Девяносто девять процентов вопросов, которыми задался римский суд присяжных, остались без ответа. Но одно ясно: Али Агджа был заранее готов на любую клевету, на любую провокацию, какой бы характер она ни носила и кто бы ее ни предложил, стоило бы только пообещать ему прощение и досрочное освобождение из тюрьмы. Вспомним, что 25 сентября 1985 г. свидетель Абдула Чатлы напомнил суду, как на очной ставке с другим турецким преступником Махмудом Инаном, покушавшийся на жизнь Иоанна Павла II заявил: «Меня выпустят на свободу не позже, чем через пять лет».

Откуда у Агджи могла бы быть такая уверенность в подобном исходе, если бы не данные ему твердые обещания, что в обмен на «сотрудничество» с секретными службами Запада в разработке «болгарской версии» террорист сможет оказаться за пределами тюрьмы еще при жизни?

При вынесении приговора суд, судя по всему, оперировал теми фактами, которые ему были нужны для вынесения заранее определенного приговора. Иначе трудно объяснить, почему, например, были фактически обойдены молчанием показания таких свидетелей, как Джованни Пандико — одного из главарей неаполитанской мафии, каморры, — заявившего, что представители итальянских спецслужб в его присутствии «обработывали» Агджу в тюрьме.

Никак не отражены и показания турок из организации «серые волки» о том, что западные спецслужбы предлагали им крупные денежные суммы за то, чтобы они на римском процессе поддержали «болгарскую версию». При закрытых дверях были заслушаны — но не было сделано никаких выводов — представители СИ-СМИ, допрашивавшие Агджу в тюрьме. «Тогда было установлено, писала газета «Республика», — что представители секретных служб пообещали Агдже в тюрьме Асколи-Пичено помилование со стороны президента республики, но только в том случае, если он решит заговорить. Эти переговоры, судя по всему, и явились той пружиной, которая подтолкнула Агджу выдвинуть свои обвинения».

Вся неприглядная возня вокруг пресловутого «дела Антонова», именно так все эти годы западная пресса упорно называла дело о покушении на папу римского, — попытки задержать болгарского гражданина и после того, как суд признал его невиновным, свидетельствуют, что силы, затеявшие крупнейшую за последние годы провокацию, не намерены сдаваться. Хотя все позволяет быть уверенным в том что отныне «болгарской версии» в политическом и юридическом плане больше не существует. Даже правая итальянская печать была вынуждена признать это.

После возвращения на родину Сергея Антонова, независимо от того, кто подал бы на апелляцию: прокурор Марини или защитник Консоло, — любое новое судебное разбирательство никак не достигнет того накала, не привлечет к себе того внимания, какие были характерны для второго римского процесса, особенно для его начала.

По приговору судебные издержки должны оплатить два турка: Али Агджа и Омер Багджы. Свои моральные издержки итальянская юстиция будет нести очень долго.

Делясь с журналистами своими впечатлениями, председательствовавший на суде Северино Сантиапики назвал этот процесс самым трудным из всех, которые ему за многолетнюю практику приходилось вести.

Мировые информационные агентства незамедлительно передали 29 марта 1986 г. из Рима, что «болгарская версия» покушения на папу Иоанна Павла II окончательно рухнула — суд присяжных города Рима оправдал болгарских граждан С.

Антонова, Ж. Василева и Т. Айвазова. «За недостаточностью доказательств» — так звучит казуистическая судебная формулировка. Как заявил защитник С. Антонова, профессор Дж. Консоло, «суд не нашел в себе смелости вынести единственно правильное решение, иными словами, полностью и окончательно оправдать болгар, снять с них даже тень подозрений».

На встрече с журналистами, состоявшейся после оглашения приговора, Сергей Антонов заявил, что он счастлив вновь оказаться на свободе. «Я рад, что правда восторжествовала, что сняты обвинения с меня и с моих соотечественников. Больше всего я мечтаю о том, чтобы вновь оказаться на любимой родине, в кругу семьи и друзей, которые уже давно ждут меня. Все заявления Агджи — чудовищная клевета. В ходе этого длительного процесса я убедился, что турецкий террорист — невероятный лжец».

Злоключения Антонова, однако, не кончились сразу же после завершения процесса. В тот же день выяснилось, что итальянские судебные власти не выдают ему разрешения покинуть Италию. Хотя было ясно, что Антонову не нужно никакого разрешения на выезд из страны, поскольку он является иностранным гражданином и имеет полное право беспрепятственно выехать за ее пределы. Чинимые же ему препятствия искусственные.

Первоначально камнем преткновения являлся тот факт, что полиция еще несколько лет назад, после ареста Антонова в ноябре 1982 г., внесла его в свои «черные списки». Это означало, что в любой момент его могут снова арестовать. Никто не позаботился о том, чтобы вычеркнуть его из этого списка после вынесения оправдательного приговора. После того как вопрос был урегулирован, представители прокуратуры заявили, что Антонов должен оставаться в Италии в течение месяца — срока, отведенного законом для подачи апелляции.

Потребовалось несколько дней для урегулирования всех вопросов, связанных с выездом Антонова из Италии. По подсчетам журналистов, восемь судебных инстанций решали, кто должен дать разрешение на выезд Антонова из страны. Консоло потребовал срочного вмешательства министра юстиции для выяснения, казалось бы, простого вопроса. В конечном итоге 1 апреля Антонов получил такое разрешение от уголовного отдела римского апелляционного суда и в тот же день вылетел в Белград, а оттуда — в Софию.

Специальный корреспондент болгарской газеты «Литературен фронт» (19.6.1986) Лидия Николова так описывала волнительные для С. Антонова события в Риме, когда выяснилось, что Антонов на свободе — но... уехать из «свободного мира» Антонову нельзя:

«Прекрасный весенний день в Риме. Суббота перед католической пасхой.

Накануне в болгарском посольстве почти никто не сомкнул глаз. Сегодня, 29 марта, «тот прекрасный день», о котором долго мечтал Сергей Антонов. Рано утром сообщили, что приговор будет оглашен не в 10, а в 9.15. В последний раз отправляемся в «Форо Италико». Проезжаем мост Мильвио, где, по преданию, папа встречал Кирилла и Мефодия, прибывших в Рим со своей великой миссией, обелиск, на котором высечены слова «Муссолини дуче», который никто до сих пор не удосужился убрать. Возле Тибра мы разъезжаемся с пустым фургоном карабинеров. По всей вероятности, он отправлен за Антоновым, чтобы в последний раз доставить его в суд.

Возле зала-бункера уже собралась толпа примелькавшихся журналистов и лиц в штатском, которые целые десять месяцев отирались в судебном зале. Но в этой толпе заметны и новые корреспонденты и обозреватели, представляющие средства массовой информации всех стран мира.

Подошел поприветствовать нас специально прибывший по этому случаю Майкл Доббс. Задолго до начала процесса он выразил на страницах газеты «Вашингтон пост» сомнение в причастности болгар к покушению. У входов толпятся фотографы со своей громоздкой аппаратурой. Отдельной группой стоят смуглые, усадые «турецкие идеалисты», прибывшие из Западной Европы. Они волнуются за «серых волков», за своих братьев по стае.

В 11.10 нас наконец-то впускают в зал. Почти пустой до вчерашнего дня, сегодня он как и в первые дни процесса забит до отказа. Агджа остался верен себе до последнего момента: и перед самым зачитанием приговора устроил очередное шоу, принимая мученические позы с выкриками: «Я не бог, я сын божий и Иисус Христос!» Мы с трудом пробираемся к своим местам, где есть наушники, чтобы слышать болгарский перевод. «Ла корте!», «Суд идет!» — объявляется в последний раз. В черных тогах, украшенных золотыми шнурами, входят судьи Сантиапики и Атолико. За ними следуют шесть присяжных заседателей, перепоясанных лентами с цветами итальянского флага. Привычно встаем, как только судьи появляются в зале. Сантиапики скороговоркой читает: «Именем итальянского народа Омер Багджды приговаривается к трем годам и двум месяцам тюремного заключения за незаконный ввоз в страну оружия. Мехмед Али Агджа приговаривается к одному году лишения свободы с отбытием двух первых месяцев в условиях полной изоляции»...

Внезапно листок с приговорами переходит в руки Атолико. Джузеппе Консоло скажет потом, что ему в этот момент хотелось закричать. Атолико читает: «Сергей Антонов, Айвазов, Василев, Челеби, Челик освобождаются за недостаточностью

доказательств». Конец. Не успели мы опомниться, как судьи удалились как бы для того, чтобы не видеть наших протестов. Гул возмущения взорвал воздух в зале «Форо Италико». Мы ожидали оправдательный приговор ввиду полной невинности. Но мы знали, что этот процесс затеян не для того, чтобы объявить миру о том, что болгары невинны. И мы знали, что инсценировавшие римский судебный процесс силы не капилировали и не отказались от своих намерений.

...Нужно увезти Сергея! В 14.30 вылетает болгарский самолет. Сергей Антонов должен улететь на нем в Софию, где его ждет общественность, родные. Его должен сопровождать посол Райко Николов. Джузеппе Консоло прислал человека, чтобы предупредить нас о том, что Антонов будет освобожден из дома на ул. Пола. Сам он пока что не может выбраться из зала, где его осаждают журналисты. Вскоре они возвращаются вместе с Ларуссой. С ними и с послом идем в расположенное неподалеку здание римского апелляционного суда. Там наши адвокаты подают апелляцию, чтобы обжаловать решение суда.

Съехавшиеся со всего мира журналисты ждут перед зданием посольства встречи с Антоновым. Вчетвером отправляемся на ул. Пола. У подъезда по-прежнему патрулируют полицейские. Как будто ничего не изменилось, как будто суд не вынес решения об освобождении из-под стражи. И двери квартиры по-прежнему открывает дежурный посольства. Сергей бросается обнимать нас. Специально прибывшая группа Болгарского телевидения включает телекамеры. Вещи собраны. Мы хотим как можно скорее отвезти Сергея в аэропорт. В этот момент Джузеппе Консоло поднимает телефонную трубку.

Я уже несколько дней слышала, будто обсуждается административная сторона процедуры освобождения Антонова. Консоло утверждал, что переговорил со всеми компетентными инстанциями. Его заверили, что Сергей после вынесения приговора автоматически освобождается из-под домашнего ареста. Но вчера он вскользь обмолвился о каких-то неясностях. Сегодня утром оказалось, что этих неясностей не так уж мало. До сих пор нет разрешения ДИГОС (итальянская служба по борьбе с терроризмом) освободить Антонова.

Консоло говорил сначала с каким-то начальником этой службы. Приводил доводы и аргументы с чисто сицилианским темпераментом. Ссылаясь на то, что в квартире Антонова в этот момент находится посол Болгарии, который ждет его немедленного освобождения, что болгарский самолет вылетает через два часа. На другом конце провода ему сначала отказали, потом попросили позвонить через двадцать минут. Ждем. Ларусса, обычно сдержанный и спокойный, волнуется, но мол-

чит. Потом закрывает лицо руками и произносит: «Три года! Сколько пришлось пережить за это время..» Явно у него тоже сдают нервы.

Из посольства сообщают, что у подъезда собрались журналисты. Они возмущаются, что их не пускают во двор, на болгарскую территорию. Самые нетерпеливые уже ушли. Мы попросили сказать им, что встреча состоится. Звонят из бюро «Балкан» в аэропорту Фьюмичино. Интересуются, вылетит ли Антонов этим самолетом, просят поторопиться. Спрашивают, задержать ли вылет и насколько. Мы отвечаем: по крайней мере на два часа.

Положенные двадцать минут истекли, и Консоло звонит снова. Начальник ДИГОС сообщает ему, что не может решать вопрос об освобождении Антонова и что по этому вопросу нам нужно обратиться в прокуратуру. Там говорят, чтобы Консоло позвонил через десять минут. Сергей сидит на диванчике рядом со мной, скрестив руки на груди. Его бьет нервная дрожь. Он все время повторяет: «Хочу домой, к своим...». «Потерпи, — говорим мы, — сейчас все уладится. Главное, ты свободен!»

Через несколько минут Консоло звонит в прокуратуру. Ему отвечают, что прокурор тоже не имеет права снять арест. Этот вопрос должна решить другая секция суда в составе трех человек. Когда и где они соберутся? Ведь сегодня предпасхальная суббота. Большинство римлян уже покинуло город. Те же, кто остались, будут работать самое позднее до 13 часов. А сейчас уже 12.30 В маленький квартирке с окнами из бронированного стекла воцаряется тягостное молчание. Консоло в отчаянии ломает руки: «Я отказываюсь понимать этих людей». Ларусса, все больше мрачней, молчит. Николов, посол, постепенно меняется в лице и тихо произносит: «Все это не случайно». Между тем из аэропорта сообщают, что вылет самолета задержан на два часа, что посадки на борт ждут 60 пассажиров. Из посольства сообщают, что другие журналисты тоже разошлись. Но это уже не имеет значения, ибо мы начинаем понимать; что нас втянули в какую-то новую игру. Вспоминаю, что сказал Марини в одном из своих интервью: «Заговор существовал, и это подтвердит третье следствие». Третье следствие! Может, поэтому они хотят задержать Сергея в Риме? Не пришлют ли ему новую повестку и не начнется ли все сначала?

Потом Джузеппе Консоло звонит нескольким лицам, просит, |, требует. В 13.45 сообщают: «Антонову разрешено выехать в болгарское посольство». Но для этого нужен документ о I временном пребывании в стране, а для его получения он

должен лично приехать в полицейское управление, причем в сопровождении сотрудников ДИГОС.

И все же наступил момент, когда Антонов смог покинуть эти стены. И он буквально побежал, не оборачиваясь назад. Мы уже были на улице, когда увидели полицейскую машину. Сидящие в ней полицейские будут охранять Антонова и консула Генева во время поездки в полицейское управление, а затем в посольство. Нет нужды объяснять, что сегодня Антонов не сможет покинуть Италию. И полиция, и прокуратура отказывают ему в этом. В начале маленькой улочки, ведущей к посольству, нас встречают журналисты. Они засыпают нас вопросами: «Где Антонов? Почему он не с вами?»

Во дворе посольства собрались болгары. Чувствуется, что они устали ждать. Нас засыпают вопросами: «Где Сергей?». Из Софии спрашивают, почему задерживается вылет. Интересуются, полетит ли Антонов. Проходит еще целый час. Мы упорно отгоняем от себя мысль, что с ним может что-нибудь случиться. Может статься, что начальник полицейского управления уехал накануне праздников в другой конец страны или утеряны ключи от сейфа с печатями...

За оградой посольства наступает оживление. Раздается полицейская сирена. В улочку въезжает служебная машина. Из нее выходит Сергей Антонов, и начинается радостная суматоха, заснятая камерами многих агентств мира.

Журналисты устремляются в зал приемов. Среди них много тех, кто распространял слова Агджи: «Болгария виновна!», а застенчивость Антонова квалифицировал как «наглое молчание». Возбравшись на принесенные по этому случаю лесенки, они тянут вперед длинные, как удочки, микрофоны, издающие короткие «охотничьи» звуки. Юпитеры освещают Антонова, трех итальянских адвокатов и посла нашей страны Райко Николова. В своем официальном заявлении он сказал, что для установления истины не было необходимости устраивать этот нелепый процесс. Приговор римского суда фактически подтверждает несостоятельность обвинений, выдвигавшихся против трёх болгарских граждан. Но к сожалению, суд не ооъявил об их полной невиновности. Представители первой программы итальянского телевидения хотят снять Антонова и записать его слова. Джузеппе Консоло свободно «переводит» их на итальянский: «Наконец-то я на свободе. Истина восторжествовала. Хочу как можно скорее вернуться на родину, к родным».

Из Фьюмичино сообщают, что самолет авиакомпании «Балкан» больше не может ждать и через час вылетает. Перед отъездом наши операторы и журналисты спешат снять Анто-

нова. Шестнадцать часов, Антонов машет на прощание сестре Тане.

Теперь уже никто не спешит. Несмотря на усталость, остаемся посидеть с Сергеем. И вместе с усталостью нас терзает вопрос: «Кто и когда подпишет разрешение на выезд Антонова из Италии». Нельзя сидеть сложа руки до утра. Завтра пасха... Посол требует немедленно принять его в итальянском министерстве иностранных дел. Его примут сегодня в 19 вечера. Появилась слабая надежда!

Когда в 17 часов все расходятся, мы возем Антонова и его врача Илиева на квартиру на ул. Пола, где они будут ночевать. Служащий посольства, который возил болгар в аэропорт, привез неприятные вести. Таможенники снова были грубы с нашими пассажирами: описали каждую страницу паспортов, перерыли багаж. Особенно придирались к однофамильцу Антонова. Пришлось задержать самолет еще на час. А главное — один из наших журналистов заметил в будке пограничников среди фотографий лиц, которым запрещается покидать пределы страны, фотографию Сергея Антонова. Значит «шлагбаум» еще не поднят. Почему же никто из должностных лиц, с которыми Консоло вел долгие переговоры по телефону, ничего не сказали об этом? В качестве единственной причины называли пасхальные праздники. Где же истина, что они собираются делать и кто они?

Посол возвращается из итальянского министерства иностранных дел с утешительными вестями. Соответствующая секция суда должна собраться на заседание завтра, в разгар пасхальных праздников, чтобы... рассмотреть вопрос об Антонове. Я сама слышала, как в перерыве между двумя заседаниями Северино Сатиапики сказал, что по закону сразу же после вынесения оправдательного приговора обвиняемые освобождаются. Сергей свободен, но не освобожден. Завтра секция суда будет решать этот вопрос, не имеющий прецедента в итальянском судопроизводстве. Но слова Сантиапики относятся только к итальянским гражданам. В стране еще не было случая вынесения иностранцу половинчатого приговора: «оправдан за недостаточностью доказательств». Антонова могут задержать по крайней мере еще на 30 дней. Такой срок предусматривается законом для обжалования прокуратурой решения суда. Но в данном случае суд вынес приговор; которого потребовал прокурор Марини, и следовательно, он не будет его обжаловать. Хотя стоящие за ним могут пойти на это... Найдется уйма предложений. Сегодня в полицейском управлении пошутили: «Разрешение на пребывание в стране действительно на месяц. По истечении срока продлим».

Папа уже начал свою торжественную пасхальную мессу в соборе Святого Петра. Ведущие в Ватикан улицы ярко освещены и залиты толпами нарядных людей. Шум голосов сливается, с вечерним звоном церковных колоколов».

Вся Болгария последние дни марта 1986 г. с нарастающим нетерпением ждала конца процесса в Риме. И как только под сводами «Форо Италико» был объявлен приговор, спустя считанные минуты, из сообщений радио и телевидения о нем уже знал каждый болгарин. В тот же день было распространено официальное заявление Болгарского телеграфного агентства: «Болгарская общественность с удовлетворением встретила известие о том, что дело о покушении на папу Иоанна Павла II завершилось оправданием С. Антонова, Т. Айвазова и Ж. Василева. Удовлетворяет тот факт, что после трех с половиной лет лишения основного человеческого права — права на свободу — невиновный болгарин наконец оправдан и освобожден из-под стражи.

Ни предварительное следствие, ни судебное разбирательство не представили каких-либо доказательств болгарского участия в покушении, совершенном на главу римско-католической церкви 13 мая 1981 г. Таких; доказательств нет и не может быть. Обвинения против Болгарии были и остаются злостной клеветой. Оправданием болгарских граждан это подтвердил и римский суд.

Тот факт, что суд не поддержал версию о «болгарском следе», служит еще одним неопровержимым подтверждением: этот «след» существовал только в писании профессиональных антикоммунистов, дезинформаторов, политических провокаторов и специалистов в области подрывных операций и психологической войны. «Дело Антонова» — это сфабрикованная с начала и до конца политическая провокация.

Болгарская и международная общественность, которая с интересом следила за всем ходом процесса, на законном основании ожидала, что трое болгар будут оправданы по причине их полной невиновности. Но судебный состав прибегнул к формулировке «оправдание за недостаточностью доказательств». Суд не мог преодолеть политических предубеждений и нажима заинтересованных сил и вынести в отношении трех болгарских граждан единственно справедливое решение — безусловно невиновны! Формула «оправдание за недостаточностью доказательств», которая не логична, в данном конкретном случае — лишь попытка при отсутствии доказательств какой бы то ни было вины оклеветанных болгар спасти престиж итальянского правосудия и оправдать его действия.

На протяжении всего процесса западная печать раздувала клеветническую антиболгарскую и антисоциалистическую кам-

пании, любыми способами и всеми средствами пыталась воспрепятствовать установлению истины, ввести в заблуждение итальянскую и мировую общественность.

В этих условиях, для того чтобы победила истина о невиновности трех болгарских граждан, большое значение имело активное отношение не только болгарской общественности, но и миллионов прогрессивных людей во всем мире, пользующихся большим авторитетом международных организаций, политических деятелей и интеллигенции. Их объективная и реалистическая позиция во многом способствовала тому, чтобы была понята истина и разоблачена эта политическая провокация.

В десятках стран были созданы комитеты в защиту Сергея Антонова. В мировой печати появились тысячи публикаций, разоблачающих антиболгарскую клевету. Десятки тысяч писем протеста были направлены в различные итальянские учреждения.

Оправдательный приговор — логическое завершение «дела Антонова», Провалилась попытка любой ценой запятнать социалистическую страну, дискредитировать Народную Республику Болгарию в глазах мирового общественного мнения, подорвать доверие между народами, осложнить отношения между Востоком и Западом. Потерпела поражение еще одна идеологическая диверсия империализма. Сейчас важно, чтобы все осознали извлеченные из нее уроки».

...1 апреля 1986 г., 23 часа 27 минут. Аэропорт Софии. По трапу только что приземлившегося самолета «Як-40» болгарской авиакомпании «Балкан» медленно, с трудом спускается изможденный человек. И вот он уже в дружеских объятиях. Радостная встреча после долгих трех с лишним лет разлуки с близкими, с родной Болгарией. Это — Сергей Антонов, ставший известным всему миру узник итальянской Фемиды, попавший в неволю в результате чудовищной политической провокации, жертва клеветнического оговора со стороны беспардонного лжеца, террориста и матерого уголовника.

«Я глубоко взволнован тем, что наконец-то на родной земле, с моей семьей, что в конце концов правда о моей невиновности восторжествовала, что провалилась клевета на меня и мою Родину!» — тихим голосом, почти шепотом, говорит Сергей со слезами на глазах. Но дух его, его воля к жизни — не сломлены. Вера в окончательное торжество справедливости всегда поддерживала С. Антонова в тяжкие годы его заточения в римской тюрьме.

Всего пять дней спустя после вынесения римским судом приговора по второму делу о покушении на папу, софийское из-

дательство Отечественного фронта выпустило в свет «Белую книгу о клевете, названной «болгарским следом» на площади Святого Петра».

Книга, вышедшая с подзаголовком «Покушение на разрядку», представляет собой летопись всех важнейших событий происшедших с момента покушения на папу Иоанна Павла II до освобождения Сергея Антонова. Это объемистое издание на болгарском, английском и русском языках подготовила группа журналистов Болгарского телеграфного агентства. Автор предисловия — лауреат Нобелевской премии мира (1974 г.) и Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1977 г.), видный ирландский общественной деятель Шон Макбрайд. «Белая книга», в которой собраны документы, статьи болгарских и зарубежных журналистов, фотографии, связанные с этими событиями, отмечает в предисловии Шон Макбрайд, сохранит этот урок истории для нынешнего и будущих поколений.

День спустя после окончания римского процесса газета «Известия» (30.3.1986) под заголовком «Послесловие к приговору» опубликовала беседу с директором Института государства и права АН СССР, академиком В. Н. Кудрявцевым:

— **«Владимир Николаевич, как вы оцениваете решение, принятое римским правосудием?»**

— Известие о снятии обвинения с болгарских граждан я воспринимаю с удовлетворением. Вся международная демократическая общественность, внимательно следившая за всеми перипетиями римского процесса, с нетерпением ждала его финала. Это естественное завершение бесславной провокационной затеи с обвинением в адрес граждан Болгарии, которая была задумана, и в этом мы имели возможность убедиться, много лет назад. Однако подчеркну, что решение об освобождении должно было быть вынесено задолго до сегодняшнего дня.

— **«Оглядываясь назад, что можно сказать о том, как проходили слушания в «Форо Италико»?»**

«— Многие обстоятельства процесса в Риме неоднократно вызывали и недоумение, и разочарование. Начиная с абсолютно необоснованного обвинения в адрес болгарских граждан, ареста С. Антонова и содержания его под стражей на протяжении трех с лишним лет. Формально в Италии действует «презумпция невиновности». Она записана в конституции страны, в ее уголовно-процессуальном кодексе. Но на практике мы не стали свидетелями следования этому принципу, иначе бы Сергей Антонов должен был быть освобожден уже давно.

— **«Как следует квалифицировать попытки должностных лиц пустить разбирательство по так называемому «болгарскому следу»?»**

— Я склонен полагать, что для представителей итальянского правосудия ни в какой момент процесса не было сомнений в полной невиновности, в полной непричастности Антонова, Айвазова и Василева к покушению на папу римского. Все дело в «социальном заказе». С каждым судебным заседанием все более очевидным становилась беспочвенность «болгарской версии». Не случайно итальянская газета «Стампа» писала: «Абсолютно ясно, что суд не может верить словам Агджи, не может рассчитывать на него, как на главное действующее лицо, и не может доверять показаниям человека, которому нечего терять... Чушь, которую он несет о Ватикане, о чудесах Фатимы, о России как центре терроризма и Болгарии как организаторе убийств, — все эти измышления непристойно выслушивать в зале суда».

Тем не менее прокурор Марини продолжал мотивировать детальное разбирательство ссылками на то, что ради выяснения одного только факта — лжет Агджа или говорит правду — необходимо выслушать максимальное число свидетелей. Свидетели были выслушаны, их было более 50. Ни один из них не подтвердил клеветнические утверждения турецкого террориста, связанного с правонационалистической организацией «серые волки». Более того, не было представлено ни документов, ни вещественных доказательств причастности болгарских граждан к событиям 13 мая 1981 г. на площади Святого Петра. В то же время были установлены факты, разрушающие самое ядро антиболгарского заговора.

— **Что, видимо, не входило в планы его организаторов...**

— Безусловно. Нужно учитывать, что в условиях надуманности всех обвинений, гласности процесса, большого внимания к нему средств массовой информации и международной общест-венности, в том числе Международной ассоциации юристов-демократов (МАЮД), не так просто утаить истину.

— **Насколько добросовестно велось с юридической точки зрения следствие и слушание в суде?**

— Нетрудно было заметить, что обвинителей менее всего интересовали беспристрастные факты. Вместо этого сосредоточивались на домыслах и голословных утверждениях. Прокурор Марини в своей речи, например, ссылался на лиц, которые вообще в суд не вызывались, цитировал «документы», которых никто в глаза не видел. Таким образом, были грубо нарушены принципы непосредственности» объективности и состязательности сторон, признанные сейчас всюду в европейских странах. Прокурор Марини — не частное, а должностное лицо, представляющее в широком смысле итальянское государство. Это придает особое значение его поступкам и словам в качестве прокурора, в качестве обвинителя на процессе. Фактически Марини делал все, чтобы обойти стороной все пути, ведущие к Истине.

— Суду были известные многочисленные сигналы о контактах Агджи, с американскими и итальянскими спецслужбами, с мафией, политическими силами в западноевропейских столицах и в самом Ватикане. Не была ли шумиха вокруг «болгарского следа» использовала еще и как отвлекающий маневр, чтобы эта тема закулисных связей Агджи не стала предметом внимания?

— Основания для такого вывода есть. Еще следственный судья Мартелла своими действиями будто хотел подкрепить злонамеренный вымысел американских сочинителей К. Стерлинг и П. Хенци, которые первыми изобрели антиболгарскую версию. Затем события развивались словно по указанному этими авторами сценарию. Агджа, как по нотам, следовал рекомендациям, полученным им от лиц, которые были тесно связаны с итальянской секретной службой СИСМИ. А те в свою очередь, как, например, Ф. Пацвенца, скрывающийся в США, имели непосредственный выход на американские государственные органы. Разоблачительным было и письмо Агджи из тюрьмы военному атташе США в Риме, в котором он раскрывал совместные планы по подготовке к судебному процессу и подчеркивал, что поступает сознательно в целях нанести ущерб социалистическим странам.

Была еще одна ниточка, которой повязаны ЦРУ и Ватикан, о чем свидетельствовали Ф. Пацвенца и сам Агджа. В одном из своих показаний Агджа прямо говорил: «Ватикану известно», «я не могу сказать, если мне не разрешит Ватикан» и так далее. Как гражданин другого государства, я не могу судить, что происходит в Ватикане, но как юрист полагаю, что следствие и прокурор обязаны были разобраться в этих намеках. Они этого не сделали, что является нарушением принципа объективности расследования, записанного в уголовно-процессуальном законодательстве Италии.

— На ваш взгляд, что должно было стать в первую очередь предметом разбирательства на римском процессе?

— Известно, что мы имеем дело по существу с двумя преступлениями. Одно из них — покушение на папу Иоанна Павла II. Подлинные виновники его, помимо Агджи, еще не установлены. Второе — это провокационный арест С Антонова. Это тоже должно быть квалифицировано как преступление. Это лжесвидетельство это ложный донос, это неправильное ведение следствия, должностные злоупотребления лиц, связанных со спецслужбами. Это само по себе требует расследования.

— В комментариях западных информационных агентств указывается на то, что формулировка об оправдании за недостаточностью доказательств или улик неравноценна полному оправданию...

— Во всех демократических государствах, это я говорю как юрист, любые основания для оправдания человека являются равноценными в силу презумпции невиновности. Что до итальянского правосудия, то оно опирается на юридическую формулу, появившуюся во времена Муссолини. Это архаичная формула для нашего времени. Она противоречит, с моей точки зрения, Конституции Италии и международным пактам, где говорится о презумпции невиновности. Эта формула, в том ее толковании, что принято в итальянской юридической практике, использована сейчас для того, чтобы бросить тень подозрения на болгарских граждан. Между тем с самого начала не было никаких улик и никаких оснований для выдвижения обвинений. Это все равно, что любого человека с улицы ухватить, обвинить его в преступлении, к которому он никакого отношения не имел, а потом его за отсутствием доказательств вины отпустить. Фактически речь должна была идти об отсутствии состава преступления, о непричастности болгарских граждан к покушению.

— В чем заключаются политические уроки судебного процесса в Риме, а вернее, операции психологической войны против стран социалистического содружества?

— Нужно говорить о двух уроках, негативном и позитивном. Во-первых, процесс показал стремление империалистических кругов, не брезгуя никакими средствами, отравлять сознание граждан западных стран ядом вражды и недоверия к социализму в целом. Эта политическая акция была призвана воссоздать атмосферу «холодной войны», сделать невозможным поворот в Европе к политике разрядки. Она противоречила хельсинкским договоренностям, дестабилизировала политический климат на континенте. Но процесс показал, во-вторых, — и это положительный момент, — что диверсии такого рода не проходят даром. Международная общественность принимала активные меры по разоблачению тайного сговора вокруг процесса, способствовала выявлению Истины, знакомила население других стран с подробностями слушаний в «Форо Италико», разъясняла существо происшедших событий. Я думаю, это сыграло немалую роль в окончательном решении суда. Однако необходимо знать, а еще важнее, помнить правду об этом процессе. Чтобы ничто подобное никогда не повторилось.

Живя на одной планете, нужно соблюдать элементарные нормы честности и порядочности, единые принципы человеческих взаимоотношений. Необходим переход к новому политическому мышлению, в том числе в так называемой гуманитарной сфере, к которой относится и область правосудия, юстиции. Слово «юстиция» и переводится как справедливость. Справедливость и должна всегда торжествовать в отношениях между людьми и государствами».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Истину в ходе римского судебного процесса, несмотря на все нарушения и ухищрения, скрыть не удалось. Это было бесперспективное дело, учитывая, что обвинения против троих болгар были явно надуманны, сам процесс проходил гласно, к нему постоянно проявляли внимание демократическая печать и прогрессивная международная общественность, в том числе такая влиятельная организация, как Международная ассоциация юристов-демократов. Большой вклад внесли в разоблачение антиболгарской версии преступления и демократические журналисты и публицисты.

В комментариях ряда западных органов печати проскользнула была правильная мысль о том, что формулировка оправдания за недостаточностью доказательств или за нехваткой улик неравноценна полному и безусловному оправданию, каким должен был быть единственно правильный вывод из установленных по «делу» фактов. Что можно сказать по этому поводу?

Скажем прямо: суд не смог преодолеть своих политических предубеждений и нажима заинтересованных сил. Казуистическая судебная формула — «оправданы за недостаточностью доказательств» — нелогична. В данном конкретном случае она использована для того, чтобы бросить хотя бы тень подозрения на С. Антонова, Ж. Василева, Т. Айвазова. Эта попытка предпринята при полном отсутствии доказательств какой бы то ни было вины оклеветанных болгарских граждан, чтобы спасти подпорченный престиж итальянского правосудия, оправдать его действия в отношении столь длительного незаконного содержания С. Антонова под стражей. Согласно мнению признанных юридических авторитетов и демократической правовой практики, любые основания для оправдания человека являются равноценными в силу принципа презумпции невиновности.

Тем не менее и этот приговор является признанием, что ни Болгария, ни три ее оклеветанных гражданина не имеют ничего общего с покушением на папу Иоанна Павла II. Суд фактически показал, что пресловутый «болгарский след» — чистый вымысел, а публикации в западной прессе, раздувавшие клеветническую антиболгарскую и антисоциалистическую истерию, преследовали цель воспрепятствовать выявлению правды, ввес-

ти в заблуждение итальянскую и мировую общественность, помешать восстановлению попоранной в «деле Антонова» справедливости.

Подводя итог идеологической диверсии, следует отметить еще один ее важный урок: несмотря на оголтелую антикоммунистическую шумиху, несмотря на все закулисные интриги и нажим западных спецслужб, реакция не посмела вынести своему политическому узнику хотя бы и формальный обвинительный приговор. Движение солидарности с Сергеем Антоновым оказалось сильнее. Международная общественность приняла активные меры по разоблачению тайного сговора вокруг процесса, способствовала выявлению истины, раскрыла существо происходивших событий, что сыграло немалую роль в окончательном решении суда.

Для торжества правды большое значение имела активная солидарность миллионов людей во всем мире с Сергеем Антоновым, его социалистической Родиной. В десятках стран были созданы комитеты в защиту С. Антонова. В мировой печати появились тысячи публикаций, разоблачающих антиболгарскую, антисоциалистическую клевету. Десятки тысяч писем протеста были направлены в различные итальянские учреждения. Деятельность многих пользующихся большим авторитетом международных организаций, политических деятелей, парламентариев, видных юристов и журналистов, общественных деятелей и представителей интеллигенции, занятая ими объективная и реалистическая позиция в «деле Антонова» способствовали тому, чтобы политическая провокация была разоблачена. Свой вклад в благородную борьбу за истину и справедливость внесли советские люди, выразителем интересов и чувств солидарности которых стал наш, советский национальный комитет в защиту С. Антонова.

Истина победила. Но необходимо помнить и знать правду об этом процессе, чтобы ничего подобного не могло впредь повториться!

Однако «дело Антонова» не сдано в архив его организаторами. По поступающим из Италии сообщениям, там замышляется новый процесс, на этот раз заочный, над Сергеем Антоновым — в апелляционном суде. Те, кто планировал «провокацию века», собираются взять на нем реванш за свое поражение в суде присяжных. В этой связи особо важное значение приобретает всякое объективное свидетельство того, как готовилась «провокация века» и кто стоит за ней. К числу таких свидетельств, бесспорно, относится вышедшая в 1986 г. в нью-йоркском издательстве «Шеридан сквер пабликейшнз» книга профессора университета штата Пенсильвания Эдварда Хермана и американского публициста Фрэнка Бродхеда

«Рождение и крах мифа о болгарской связи». Авторы книги писали ее не в горячке полемического задора. У них была возможность отвлечься от сиюминутности, посмотреть на события взглядом историков. Немаловажным представляется и то обстоятельство, что в их распоряжении оказалась огромная документация, относящаяся к различным аспектам «дела Антонова».

«Эта книга — увлекательный рассказ о заговоре за кулисами заговора: о состряпанной итальянскими спецслужбами версии «болгарского следа» в покушении на папу. Авторы показывают, как горстка связанных с ЦРУ журналистов ввела в заблуждение печать, заставив ее поверить в подтасованные факты... Эта книга — страшное обвинение против нашей так называемой свободной печати, которая, злоупотребляя своей свободой, умышленно замалчивает истину, преподносит читателю полуправду и тем самым поддерживает климат холодной войны, Книга заслуживает того, чтобы ее прочли и запомнили». Данные строки взяты из вступительной статьи к книге двух упомянутых американских исследователей. Предисловие написал известный ирландский юрист, дипломат и военный Шон Макбрайд, лауреат Нобелевской премии мира за 1974 год и Ленинской премии «За укрепление мира между народами» за 1977 год, бывший начальник штаба ирландской армии, министр иностранных дел и представитель Ирландской республики в ООН, комиссар ООН в Намибии и автор доклада ЮНЕСКО о новом мировом информационном порядке. В настоящее время Шон Макбрайд является председателем комитета советников при нью-йоркском Институте исследования средств массовой информации. При содействии этого института Эдвард С. Херман и Фрэнк Бродхед подготовили и всего лишь через месяц после окончания процесса в Риме опубликовали свое исключительно глубокое и интересное исследование крупнейшей после второй мировой войны международной провокации.

К каким же выводам приходят авторы книги: «Там, где создатели «болгарской связи» видят один заговор, мы видим два, — отмечают они. — Первым был заговор с целью убийства папы римского. Вторым был заговор с целью возложить попытку убийства на социалистические страны. Второй заговор облегчался для его инициаторов тем, что у них под контролем находился заключенный в тюрьму Али Агджа. Авторы указывают, что в фокусе их исследования был именно тот, второй заговор, который замыслился в поддержку «политических интересов инициаторов новой холодной войны».

Несмотря на длительную подготовку и многомесячные судебные дебаты, процесс в Риме не ответил на ключевой во-

прос: кто и почему замыслил убить главу римско-католической церкви? До сих пор совершенно очевидно лишь то, что в папу римского стрелял турецкий террорист Али Агджа, входивший в профашистскую турецкую организацию «Серые волки»: В книге не только тщательно прослеживается связь Али Агджи с «серыми волками», но и связи этой антикоммунистической организации с США и американским Центральным разведывательным управлением. Эта связь дает авторам право поставить вопрос о том, не имеет ли ЦРУ отношения к событиям 13 мая 1981 г. на площади Святого Петра. Такая постановка вопроса тем более оправданна, что ЦРУ поддерживало широкие и давние связи также с турецкими спецслужбами.

Второй заговор — рождение «болгарского следа». О нем известно значительно больше, чем о первом. В книге Эдварда Хермана и Фрэнка Бродхеда он рассматривается прежде всего с точки зрения его пропагандистского обммпечения американскими средствами массовой информации

Авторы книги «Рождение и крах мифа о болгарской связи» тщательно анализируют, к каким изощренным методам прибегала западная пропаганда в своем стремлении доказать недоказуемое. Отъявленный убийца, член ультраправой организации «серые волки» Али Агджа стараниями таких специалистов по дезинформации, как Стерлинг, Хенци и Ледин, превратился в «болгаро-советского агента».

Пропагандистскую кампанию, развязанную с подачи заокеанских спецслужб средствами массовой информации, охотно подхватили те политические круги Запада, которые лишь искали повода отравить атмосферу международных отношений, сложившуюся после общеевропейского совещания в Хельсинки, торпедировать разрядку. Исход процесса по «делу Антонова» выбил почву из-под ног провокаторов. «Болгарский след — это миф», — приходят к заключению авторы книги. Но, как известно/ мифы не сразу умирают. Судя по всему, западные спецслужбы еще долго намерены использовать свою лживую выдумку в антисоциалистических целях.

Итальянский телевизионный политический детектив «Покушение на папу» вышел в эфир через неделю после оправдания римским судом С. Антонова и его возвращения в Болгарию. Две серии этого пасквиля впервые были переданы по телевидению Италии 5 и 6 апреля 1986 г., по первой национальной программе в наиболее удобное для телезрителей вечернее время — после 20 часов. На фильм было затрачено 3,5 млн. долларов. Еще на стадии производства — редкий случай — он был закуплен телекомпаниями большинства стран капиталистического мира. Выпаливать с телеэкрана антиболгарскую и антисо-

ветскую брань в течении почти четырех часов получили возможность убийца Агджа, заснятый во время своих выступлений и выкриков в зале суда, взятый на роль Агджи в этом фильме молодой актер из ФРГ Кристоф Бухгольц и сама Клэр Стерлинг. Книга Стерлинг о «болгарском следе» послужила основой телефильма; сценарий был предложен РАИ в мае 1985 г., т. е. еще до суда над С. Антоновым. Спустя месяц его одобрили, а съемки начали в сентябре. Этот игровой фильм с неплохими актерами, павильонными и натурными съемками, стал очередной провокацией против Болгарии, извращением фактов, которые обнаружились в ходе процесса! Это была коварная попытка вмешаться в конечный вердикт итальянского суда. Хитрая, грубая уловка, которая основывалась на искусственном выдвигании на передний план, обстоятельств, плохо проясненных на процессе. В фильме произвольно интерпретируется роль действующих лиц, даже даты и обстоятельства, которые были бесспорно установлены в ходе судебного разбирательства. Сценарий возвращает зрителя к исходной точке, т. е. акцентирует его внимание на тех голословных утверждениях, с помощью которых в течение четырех лет раздували в итальянских и прочих империалистических средствах массовой информации дикую кампанию против Востока. Словно не было всех этих без малого ста судебных заседаний, словно не было того самого лгуна Али Агджи, который на глазах шестисот журналистов всего мира год ломал комедию в суде. Словно проведенное судьей И. Мартеллой следствие не провалились с треском в ходе судебного разбирательства.

... 12 ноября 1986 г. в Риме было опубликовано многотомное «обоснование приговора» по второму делу о покушении на главу римско-католической церкви Иоанна Павла II; его вывод состоит в том, что заговор с целью убийства папы римского все-таки существовал. И что именно для этого было организовано бегство Агджи из тюрьмы в Турции. В «обосновании приговора» ясно установлен факт оказания помощи Агдже со стороны определенных турецких кругов в форме предоставления убежища, фальшивых документов, денег и оружия. Этим объясняется, почему прокурор обжаловал приговоры, вынесенные Омеру Багд-жы и Мусе Сердару Челеби, а не приговоры болгарских обвиняемых Сергея Антонова, Тодора Айвазова и Жельо Васильева. Очевидно также и то, что упоминание о «болгарском следе» может снова прозвучать лишь в связи с обжалованием защитников Сергея Антонова, которые требуют от вышестоящих инстанций вынесения категоричного оправдательного приговора оклеветанному болгарскому гражданину.

Между тем продолжается третья следствие по делу о покушении на папу. Но на этот раз расследование пошло по «турецко-

му следу», так как на процессе стали известны многие факты, доказывающие участие «серых волков» в преступлении. Следствие должно вывести на чистую воду не только тех, кто подготовил Агджу к покушению на площади Святого Петра, но и тех, кто надумил его оболгать граждан социалистической страны, Болгария обжаловала приговор римского суда, вынесенный весной 1986 г., с тем, чтобы еще раз изложить убедительные аргументы в пользу полной невиновности болгарских граждан, а также обратить внимание прогрессивной мировой общественности на подлинную суть провокационного судебного процесса в Риме.

Весной 1987 г. имя правого турецкого террориста Мехмеда Али Агджи вновь замелькало в сообщениях международных информационных агентств. Впервые после ареста на площади Святого Петра 13 мая 1981 г. его посетили родные в тюрьме в Асколи-Пичено: мать Мюззейен Агджа, брат Аднан и дядя Челан Азиф.

Мюззейен и Аднан Агджа побывали и на частной аудиенции у папы Иоанна Павла II. Ватикан, прибегнув к услугам своего официального представителя по связям с прессой Х. Н. Валса, выразил готовность к встрече еще до того, как родные террориста обратились к главе римско-католической церкви принять их.

Затем трех турецких граждан допросили прокурор Антонио Марини, который вместе с судебными следователями Иларио Мартеллой и Росарио Приоре ведут следствие по делу о покушении на папу.

Приезд в Италию членов семьи Агджи отнюдь не был неожиданным. 26 мая 1986 г. неаполитанская газета «Матино» сообщила, что состояние больного туберкулезом Мехмеда Али Агджи ухудшилось и его перевели из римской тюрьмы «Ребббия» в Асколи-Пичено, а оттуда перебросили на вертолете в тюремную больницу в Пизе. 14 октября того же года турецкая газета «Хюрриет» писала, что легочное заболевание Агджи осложнилось, он с трудом принимает пищу и почти не встает с постели. Тогда же «Хюрриет» привела слова итальянской судьи Эрики Пеци, которая посетила семью террориста в Малатии и настояла на том, чтобы родные поехали на свидание в тюрьму. При этом она выразила удивление, узнав, что турецкие власти отказывались выдать им паспорта.

После свиданий матери с Али Агджой на вопрос представителя агентства Ассошиэйтед Пресс, каково самочувствие ее сына, вдова ответила: «Физически он в полном порядке. Что же касается психики, он выглядит здоровым и сильным». Эти слова совершенно расходятся с приведенными выше сообщениями о состоянии здоровья Али Агджи. Согласно итальян-

скому информационному агентству АНСА, лица, участвующие в новом следствии, считают, что поездка членов семьи Агджи в Рим, возможно, является началом кампании, цель которой — добиться помилования у президента Италии Ф. Косиги.

«Папа отпустил грехи моему сыну. Скоро он выйдет на свободу...» — сказала итальянским журналистам мать Али Агджи. Во время своего краткого пребывания в Италии, во время встречи с Иоанном Павлом II она передала ему прошение о помиловании сына. «Я уже простил его», — ответил папа, дав тем самым ей понять, что вопрос об освобождении Агджи находится в сфере полномочий итальянского правосудия. По словам римского журналиста, сопровождавшего мать турецкого террориста во время ее пребывания в Италии, после визита к папе она подала официальное прошение о помиловании Агджи итальянским властям. «Я уверена, что мой сын скоро выйдет на свободу», — сказала Мюззейн Агджа перед отъездом в Турцию в интервью итальянскому еженедельнику «Оджи» (6.3.1987). — Последний раз я его видела в Стамбуле на скамье подсудимых в связи с процессом по убийству журналиста, он был почти дитя. Сейчас он уже мужчина. Я боялась, что шесть лет, проведенных в тюрьме, озлобят его. Но он спокоен и доверчив. Проводит свои дни в молитвах и чтении. Думает больше о будущем, чем о неприятном прошлом. Из Турции я привезла ему семь книг и белье. Но с радостью узнала, что он не нуждается ни в чем. Он получает десятки писем каждый день и множество подарков. Одно из основных его занятий в камере — отвечать на эти письма. Он показывал мне некоторые — действительно среди них есть волнующие».

Итальянская пресса подняла довольно большой шум по поводу высказываний матери Агджи. В журналистских кругах даже говорили о том, что турецкий убийца будет освобожден чуть ли не через несколько месяцев. По этому поводу миланская газета «Коррьере делла сера» в одном из апрельских за 1987 г. номеров писала, что римская прокуратура пока официально не подтвердила факт поступления прошения об освобождении Агджи. Но даже если таковое поступит, для принятия окончательного решения необходимы несколько месяцев. Подчеркивали, что итальянское правительство опровергло слух о достижении договоренности между папой и президентом Итальянской Республики об освобождении турецкого террориста.

Несмотря на противоречивые заявления, ясно, что по этому вопросу что-то предпринимается. По мнению итальянских комментаторов, дело не обошлось без нажима итальянских спецслужб, и, разумеется, ЦРУ. Частые гости из СИСМИ и ЦРУ

много лет занимались обработкой Агджи. Кроме того, начальник финансового отдела итальянской военной разведки полковник Мауро признался, что подписывал чеки на суммы, израсходованные на благоустройство камеры Агджи, уроки итальянского языка, покупку телевизора, одежды и других вещей. Так что СИСМИ и ЦРУ явно желают сполна расплатиться с турецким террористом. А, возможно, их планы идут гораздо дальше.

В этом нет ничего удивительного. Известно, что в СИСМИ и ЦРУ существуют отделы, задача которых — составлять досье на особо опасных преступников и не выпускать их из поля зрения. Вряд ли нужно объяснять, для чего это делается...

Между тем появились сообщения, что прокурор Антонио Марини потребовал ареста еще десяти подозреваемых турок, чьи имена хранятся в тайне. В связи с этим стоит вспомнить высказывание прокурора 29 октября 1986 г. в посольстве Турции в Риме на приеме по случаю национального праздника страны, выдержки из которого приводятся в турецкой газете «Гюнеш»: «В ходе третьего следствия по делу о покушении мы изучаем связь с «идеалистами» (под таким названием в Западной Европе действуют террористы из турецкой неонацистской организации «серые волки». — Ред.)».

Возникает логичный вопрос: как же будет продолжаться третье следствие, если готовится помилование Мехмеда Али Агджи, физического исполнителя покушения на папу? С помощью такого же обещания его заставили дать фальшивые показания в ходе второго следствия. После краха «болгарского следа» остался четкий турецкий след, но до раскрытия истины пока далеко. Освобождение Али Агджи окончательно бы лишило итальянское правосудие возможности выполнить свой долг, преследуя и наказывая подлинных виновников заговора.

Третий судебный процесс по делу о покушении на папу римского 13 мая 1981 г. будет, возможно, не последним — слишком мало надежды, что итальянское буржуазное правосудие отважится до конца исполнить свой долг и обличить тех, кто направил руку убийцы на площади Св. Петра и затем дирижировал грандиозной антиболгарской, антисоциалистической провокацией. Но острота межимпериалистических противоречий среди западных стран-союзников, ожесточенная грызня в капиталистическом мире партий и кланов, финансовых дельцов и политических деятелей, а также неустанная борьба общественности, прогрессивной и демократической прессы делают подчас оправданными даже самые оптимистические прогнозы.

Ну кто прежде мог всерьез предполагать, что на скамью подсудимых в Италии будет призван президент ватиканского банка Институт религиозных дел (ИОР) архиепископ Поль Маринкус. 28 марта 1987 г. итальянские судебные органы на-

правили в государство Ватикан по дипломатическим каналам официальный запрос о выдаче Марцинкуса. Болгарский журналист Альфред Криспин, много сделавший для разоблачений происков империалистической пропаганды вокруг «дела Антонова», выступил тогда же с интересной аналитической статьей «Афера и аферисты. Кто заинтересован в смерти Иоанна Павла I и Иоанна Павла II?» в газете «Софийские новости» (4.3.1987):

«Миланская прокуратура выдала ордер на арест архиепископа Марцинкуса — президента ватиканского банка. Вместе с двумя светскими служащими ИОР он был обвинен по делу о банкротстве в 1982 г. крупнейшего частного банка Италии «Банко Амброзиано». Банкротству предшествовала таинственная смерть шефа «Амброзиано» Роберто Кальви.

Имя архиепископа неизменно всплывает при упоминании о каждом более или менее значительном скандале в Ватикане и в Италии. Его одиозная фигура просвечивала через вуаль дезинформации, пропагандистской истерии и необузданных антикоммунистических страстей, которые предшествовали, а затем сопровождали кампанию о предполагаемой «болгарской связи» в покушении на папу Иоанна Павла II 13 мая 1981 г.

Марцинкус поддерживал тесные связи с Франческо Пацценцей, — членом масонской ложи П-2, влиятельным лицом итальянских секретных служб, который был одним из авторов легенды о «болгарской связи» в покушении. «Аферист Альваро Джардили, правая рука Пацценцы, заявил (и это занесено в протокол следователями), что присутствовал при многочисленных телефонных разговорах между Пацценцей и монсеньором Марцинкусом, во время которых прелат настаивал, чтобы Пацценца вплотную следил за эволюцией показаний Агджи», — писал осведомленный итальянский буржуазный еженедельник «Эспрессо» 9 декабря 1984 г.

Теперь этот церковнослужитель привлечен к судебной ответственности по делу о банкротстве «Банко Амброзиано», при котором бесследно исчез I миллиард 300 миллионов долларов. В обвинении, однако, не указано, что «Амброзиано» потерпел провал после того, как папа приказал ватиканскому банку прекратить темные махинации с Роберто Кальви. Вдова Кальви продолжает повторять, что ее супруг погиб потому, что намеревался рассказать об участии Марцинкуса и Института религиозных дел в незаконных международных операциях «Банко Амброзиано».

В обвинении также не указывается, что предыдущий папа, Иоанн Павел I, не скрывал своей решимости отстранить Марцинкуса от службы в ватиканском банке именно из-за его уча-

ствия в нечестных сделках с банкиром мафии Микеле Синдоной, а затем с «Банко Амброзиано». Иоанн Павел I скончался скоропостижно при странных обстоятельствах всего лишь 33 дня спустя после того, как его избрали папой в 1978 г. А банкир Микеле Синдона умер в прошлом году, выпив чашечку кофе, в одной из итальянских тюрем, когда еще расследовались его финансовые аферы.

Марцинкус стал секретарем Института религиозных дел в 1962 г., а двумя годами позже он был выбран и президентом ватиканского банка с неограниченными возможностями, позволявшими ему распоряжаться несметными богатствами святой католической церкви по своему усмотрению. И он взялся за дело с размахом, далеко превосходящим ловкость библейских ростовщиков, которых Христос прогнал кнутом из храма божьего. Но если Христу по крайней мере однажды удалось изгнать ростовщиков, этого не смогли сделать двое его последних наместников на земле. Один из них был отравлен и найден мертвым в постели в папском дворце, второй оказался на волосок от смерти, которую несли пули турецкого фашиста Мехмеда Али Агджи.

Если бы погиб и Иоанн Павел, II, никто бы, вероятно, не обнаружил пропажи 1300 млн. долларов и «Банко Амброзиано» не потерпел бы крах, Роберто Кальви был бы жив и продолжал свои сомнительные делишки с архиепископом Марцинкусом, а последнего не привлекли бы к судебной ответственности. Не достаточно ли всех этих оснований, чтобы пожелать смерти человеку, который стал причиной всех этих сотрясений, будь он даже самим папой римским?

Но следователи по делу о покушении на папу, которые самоотверженно бросились по «болгарскому следу», даже и допустить не хотели этой возможности и продолжали двигаться по фальшивому следу, который привел их в тупик. Как бы и на этот раз, привлекая к суду Марцинкуса, они не уклонились бы от возможности раскрыть загадку покушения, ссылаясь на расследование лишь одной банальной финансовой аферы...»

Мракобесие и реакция не сдадут легко своих позиций. В Риме, тамошней прокуратурой уже санкционировано начало судебного преследования... парижского адвоката Кристиана Рулета, автора двух нашумевших разоблачительных книг, направленных против создателей так называемого «болгарского следа». В 1987 г. продолжалось комментирование упомянутых многотомных «мотивов обоснования приговора» второго римского суда; буржуазная пресса несмотря на провал судеб-

ного фарса в «Форо Италико», отнюдь не прочь воскресить вымыслы о «коммунистическом заговоре». Ведь это западные средства массовой информации в течение 1982-86 гг. агрессивно и безапелляционно навязывали населению всего мира миф о «болгарском следе». Освобождение С. Антонова должно было стать началом другой длительной и интенсивной информационной кампании с целью развеять в общественном сознании антиболгарский миф. Но беспринципность профессиональных дезинформаторов известна. Мировая западная пресса не любит сообщать о собственных поражениях — лишь некоторые буржуазные издания одной строкой упомянули об оправдании на римском «процессе века» трех болгар. В массовых толстенных газетах или журналах, на телевидении или на книжном рынке капиталистических стран практически не было обстоятельных размышлений о том, как буржуазные журналисты осуществили многолетнюю грубую акцию по дезориентации общественного мнения, заметно подпортив на какое-то время и без того сложные взаимоотношения между Востоком и Западом. Ведь не появилось, к сожалению, самокритичных редакционных комментариев о разлагающем влиянии легковерного повторения сведений, полученных от дезинформаторов и обработанного свидетеля. Ход публичного судебного процесса и отказ от обвинения должны бы, казалось, дискредитировать Стерлинг, Хенци и Ледина, но им вновь продолжают предоставлять трибуну, чтобы они могли по-своему, в целях «новой холодной войны», интерпретировать результаты судебных заседаний в «Форо Италико». Что же дальше?

Прогнозом на интересующую нас тему завершают свой труд американские исследователи Э. Херман и Ф. Бродхед: «Опираясь на собственные рассуждения, за отсутствием критических выступлений дезинформаторы и средства массовой информации выйдут сухими из воды: мало того, они спасут и «болгарскую связь». Вероятно, некоторое время она будет «гореть в полнакала», но ведь целенаправленные и яростные повторения сделали свое дело — легенда уже проникла в общественное сознание и возродится снова, как только померкнут воспоминания о провале процесса. С международной точки зрения Запад и западные средства массовой информации совершили чудовищный подлог, в результате чего Болгария и Советский Союз стали объектом активной и действенной многолетней пропагандистской кампании, основанной на фальсифицированных данных. Возможно ли, что сейчас, после того, как обвинение снято, а Запад понес тяжелое пропагандистское поражение, СССР и НРБ смогут хотя бы частич-

но восстановить свои потери? Думаем, что да, хотя господство власть имущих и средств массовой информации в Соединенных Штатах и других западных странах столь велико, что ложь может быть возведена в легенду, которая владеет массовым сознанием даже после того, как она разоблачена».

София-Тбилиси-Москва
1981-1987 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	3
РАЗОБЛАЧЕНИЕ КЛЕВЕТНИКОВ	8
Хор платных пропагандистов... — 9	
... и дирижеры из ЦРУ — 54	
Терроризм в действии — 101	
КТО ХОТЕЛ СМЕРТИ ПАПЫ?	119
Ястребы из Вашингтона — 120	
Банкиры господ бога — 173	
Неофашистская империя Джелли — 209	
СКАЗКИ АГДЖИ	259
Выкормыш «серых волков» — 260	
Сценарий для гибнущего убийцы — 297	
Обработанный свидетель — 319	
АРЕСТОВАН АНТОНОВ!	372
Правда против лжи — 373	
Беспочвенность обвинений — 419	
Неправый и долгий суд — 496	
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	554

ИБ № 417

Редактор *В. Хведелидзе*

Художественный редактор *Т. Карбелашвили*

Технический редактор *З. Махарашвили*

Корректор *О. Корноухова*

Выпускающий *Л. Давитури*

Сдано в производство 23.02.87. Подписано в печать 11.05.87. Размер бумаги 60X90!/16-
Бум. типогр. № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная.

Печат. л. 35,5, кр- отт. 35,75. Уч.-изд. л. 37,47.

УЭ 01327

Тираж 100 000

Заказ 499

Цена 2 руб. 70 коп.

Издательство «Ганатлеба», Тбилиси, ул. Орджоникидзе, 50
გამომცემლობა „განათლება“, თბილისი, ორჯონიკიძის ქ. 50

ტექსტი აწყობილია ფოტოწყობის მანქანებზე
Текст набран на фотонаборных машинах

საქართველოს სსრ გამომცემლობათა, პოლიგრაფიისა და წიგნის ვაჭრობის საქმეთა
სახელმწიფო კომიტეტის თბილისის ი. ჭავჭავაძის სახ. წიგნის ფაბრიკა, მეგობრობის
გამზ., № 7.

Тбилисская книжная фабрика им. И. Чавчавадзе, Государственного комитета
Грузинской ССР по делам издательств, полиграфически и книжной торговли,
пр. Дружбы № 7.